The seal of the Federal Reserve System is prominently displayed in the upper half of the image. It features a central shield with a balance scale and a laurel wreath, surrounded by the words "BOARD OF GOVERNORS" and "THE FEDERAL RESERVE SYSTEM" in a circular arrangement, with stars separating the phrases.

ЭДВАРД
ГРИФФИН

The background of the lower half of the image shows the Federal Reserve Building in New York City. The building is a large, classical-style structure with many windows and columns, set against a blue sky with some clouds. A wide path leads towards the building.

ПОРОЖДЕНИЕ
ОСТРОВА
ДЖЕКИЛЛ

ЭДВАРД
ГРИФФИН

ПОРОЖДЕНИЕ
ОСТРОВА
ДЖЕКИЛЛ

ДРУГОЙ ВЗГЛЯД
НА ФЕДЕРАЛЬНУЮ
РЕЗЕРВНУЮ СИСТЕМУ

ПЕНЗА
2019

Гриффин Э. Порождение острова Джекилл. Другой взгляд на Федеральную резервную систему — Пенза: Издательство «PER ASPERA», 2019. — 608 с.

Откуда появляются деньги? Куда уходят? Кто их делает? Секреты денежных магов раскрыты. Здесь мы подробно рассмотрим все их волшебные зеркала и дымовые завесы, ролики, колёсики и винтики, с помощью которых создаётся большая иллюзия под названием «деньги».

Скучная тема? Как бы не так! Она захватит вас за 5 минут: читается как детективная история. Да это и есть настоящий детектив, хотя тут все – правда. Эта книга – о самой наглой афере в истории. Здесь есть всё: причины войн, циклы бума – спада, инфляция, депрессия, успех. Ваш взгляд на мир определённо изменится. Может быть, это самая важная книга о мировых проблемах из тех, что вы когда-либо читали.

«Великолепный анализ. Будьте готовы к захватывающему путешествию во времени и в размышлениях».

Рон Пол, член Конгресса,
Банковский комитет, кандидат в президенты

«Жутко. История мировой банковской системы. Этим все сказано».

Вилли Нельсон, музыкант-сочинитель

«Это детективная история о финансовом “убийце” среднего класса».

Роберт Кийосаки, автор книги «Богатый папа, бедный папа»

«Захватывающее странствие в закрытом мире международного банковского картеля».

Марк Торнтон, ассистент-профессор экономики,
Обернский университет, Институт Людвига фон Мизеса

«Как карьерный банкир и президент компании по банковскому консалтингу, я думала, что хорошо представляю Федеральную резервную систему. Но эта книга изменила мой взгляд на всю нашу монетарную систему».

Мерилин Макгрубер Барнуол,
Гранд-Джанкшен, Колорадо

«Я только что кончил читать эту книгу в четвертый раз!!! Каждый раз еще добавлялась метка патины к достоверности».

Дэвид Дж. Нитше, экс-банкир (25 лет работы),
Бриджтон, Нью-Джерси

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Благодарность от автора	9
Введение.....	11
I. Что создали на острове Джекилл?	15
<p>Что такое Федеральная резервная система? Ответ может вас удивить. В этой системе нет ничего федерального, как нет и резервов. Более того, Федеральные резервные банки вовсе и не банки. Ключ к этой загадке и следует найти, но не в начале истории, а в середине. Поскольку эта книга – не учебник, мы не обязаны придерживаться хронологической структуры. Предмет изложения – не учебный курс, который надо освоить, а загадка, которую надо разгадать. Так что позвольте нам начать с места, где происходило действие.</p>	
1. Поездка на остров Джекилл	16
2. Название игры – «Спасение банков»	37
3. Защитники народа.....	51
4. Жилищный «сладкий» заем	78
5. «Так слепить, чтоб сердцу стал он мил» желанию.....	97
6. Строя новый мировой порядок	120
II. Краткий курс истории денег	147
<p>Материал восьми глав этого и следующего раздела сгруппирован по темам, а не хронологически. Некоторые из них появятся прежде событий, которые будут представлены позже. Более того, поле рассмотрения таково, что читатель может удивиться, – какая тут связь с Федеральной резервной системой? – если она вообще есть. Пожалуйста, потерпите. Важность материала в конце концов прояснится. Это входит в намерение автора – обрисовать концепции и принципы до рассмотрения событий. Без такого обоснования история Федерального резерва покажется скучной. А с ним эта история превращается в волнующую драму, которая глубоко затрагивает нашу сегодняшнюю жизнь. Поэтому позвольте нам начать это приключение с некоторых исследований относительно самой природы денег.</p>	
7. Металл варваров.....	148
8. Нечто обманчивое, выдаваемое за ценность.....	167
9. Тайное умение.....	184
10. Механизм Мандрагоры	198

III. Новая алхимия	229
Старые алхимики напрасно старались превратить свинец в золото. Современные алхимики добились успеха в этих поисках. Свинцовые пули войны стали бесконечным источником для тех чародеев, которые контролировали механизм мандрагоры. Выясняется поразительный факт: что без возможности создавать необеспеченные бумажные деньги большинство современных войн просто бы не случилось. Пока механизм продолжает функционировать, будущие войны неизбежны. Эта история – о том, как это происходило.	
11. Формула Ротшильда	230
12. Утопить «Лузитанию»!	249
13. Маскарад в Москве	278
14. Лучший враг, которого можно купить	300
IV. Сказка о трех банках.....	323
Как говорится, кто игнорирует историю, тот обречен повторять ее ошибки. Может вызвать удивление известие, что Федеральная резервная система – это четвертый центральный банк Америки. Мы это проверяли, и каждый раз результат был тот же. Почему это интересно? Тогда позвольте нам направить нашу машину времени на колонию Массачусетс, в год 1690-й. Чтобы ее включить, обратитесь к главе 15.	
15. Карта пропавших сокровищ.....	324
16. Порождение острова Джекилл приходит в Америку	340
17. Логово гадюк	356
18. Хлеба, рыбы и Гражданская война.....	376
19. Зелёные бумажки и другие преступления.....	392
V. Урожай.....	415
Монетаристы и ученые-политологи продолжают излагать теоретические заслуги Федеральной резервной системы. Стало современным актом веры, что экономическая жизнь просто не может продолжаться без нее. Порождение пришло в свое последнее логово в 1913 году и с тех пор похрюкивает и мечется по стране. Если мы хотим узнать, создано ли оно для услуг или это – хищный зверь, нам надо всего лишь посмотреть, что получилось. И, исследовав все эти годы, мы поняли, что то, что делалось, продолжает делаться. Итак, используем библейскую истину – дерево узнается по плодам его. Давайте теперь рассмотрим эти плоды.	
20. Лондонские авантюры	416
21. Конкуренция – это грех	439

22. Порождение острова Джекилл проглатывает Конгресс	459
23. Роскошный обед из уток	477

VI. Путешествие в будущее 509

В предыдущих разделах этой книги мы совершили путешествие во времени. Мы начали нашу поездку, двигаясь в прошлое. Пересекая столетия, мы видели войны, предательства, спекулятивные сделки и политическое жульничество. Это подвело нас к нашему времени. Теперь мы готовы направить нашу машину времени в будущее. Это будет ужасная поездка, многое из того, что нам предстоит, будет очень неприятно. Но это еще не случилось. Это всего лишь проекция нынешних сил. Если нам не понравится то, что мы увидим, мы еще сможем изменить эти силы. Будущее будет таким, каким мы захотим его сделать.

24. Механизмы Судного дня.....	510
25. Пессимистический сценарий.....	540
26. Реалистичный сценарий.....	567

Приложение..... 591

А. Структура и функция Федеральной резервной системы.....	591
---	-----

Б. Естественные законы поведения человека в экономике	594
---	-----

В. Денежная масса M1 – субтрактивная или кумулятивная?	597
--	-----

Библиография	599
---------------------------	------------

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Н*ужна ли миру, в самом деле, ещё одна книга о Федеральной резервной системе?

Я несколько лет бился над этим вопросом. Моя собственная библиотека – немой свидетель того факта, что не было недостатка в писателях, готовых отправиться в тёмный лес на битву с этим зловещим драконом. Но по большей части их книги не попали в мейнстрим, и гигантская хрюшка в своём логове вовсе не утратила присутствия духа. Казалось, было мало причин, чтобы мне удалось то, в чем другие потерпели фиаско.

Тем не менее, идея упорно меня преследовала. У меня не было сомнения, что Федеральная резервная система – это одно из самых опасных порождений, когда-либо ступавших по нашей земле. Более того, так как моё исследование привело меня к знакомству со все более и более достоверными данными, я понял, что расследую один из величайших детективов («кто-это-сделал?») истории. И, что ужаснее всего, я открыл, кто это сделал.

Кто-нибудь должен довести эту историю до народа. Проблема, однако, в том, что народ не хочет про это *слышать*. Ведь это плохая новость, и мы, конечно, вполне это осознаем.

Другим препятствием является то, что эта история – истинная, но невероятная, то есть *фантастическая*. Реальность настолько отклоняется от общепринятого мифа, что для большинства людей это просто за рамками вероятности. Любой, передающий это сообщение, будет сразу же заподозрен в паранойе. Кому же хочется прослыть сумасшедшим?

И наконец, сам материал. Он может представить хорошенькую проблему. По меньшей мере так это видится на первый взгляд. Трактаты на эту тему часто читаются как учебная литература для подготовки банкиров и финансистов. Легко угодить в вязкую сеть терминологии и абстракций. Только монетарных профессионалов может заинтересовать новый язык, и даже их это часто приводит к разногласиям. Например, в недавнем письме, распространенном группой специалистов-монетариев, которые многие годы вели постоянный обмен идеями относительно монетарной реформы, издатель написал: «Обескураживает то, что мы не можем прийти к согласию среди нас самих по этой жизненно важной проблеме. Мы, кажется, сильно расходимся в определениях и, собственно, в понимании – непредвзятом, объективном, честном, точном понимании того, как на самом деле функционирует наша современная кредитно-денежная система».

Так почему я теперь вношу свой вклад в зубы дракона? Да потому, что, я уверен, произошли определённые благоприятные изменения в общественном настроении. Так как чем ближе надвигающийся экономический шторм, тем

все больше и больше людей интересуется сводкой погоды, даже если это плохие новости. Более того, правдивость этой истории теперь настолько очевидна, что, думаю, мои читатели уже не будут сомневаться в её восприятии, все вопросы о нормальности психики не возникнут. Если деревенский дурачок говорит, что колокол упал с колокольни и идёт, звоня, за ним, ну что ж...

И наконец, я обнаружил, что эта тема не так уж сложна, как это представлялось с первого взгляда, и я решил идти нормальной извилистой дорожкой, уклоняясь от ловушек. Следовательно, это будет история одного преступления, но не курс по криминологии.

Я полагал, что объем книги будет вдвое меньше того, что получилось, и что она будет написана за год. С самого начала, однако, она показала свою жизненную силу, и я стал всего лишь слугой её воли. Она отказалась оставаться в предписанных границах и, подобно духу, выпущенному из бутылки, выросла до огромных размеров. Когда работа была сделана и стало возможным оценить весь манускрипт, я удивился, осознав, что написал *четыре* книги вместо одной.

Во-первых, был экспресс-курс о деньгах, основах банковского дела и денежного обращения. Без этого было бы невозможно понять мошенничество, которое ныне считается приемлемой практикой в банковской системе.

Во-вторых, здесь есть книга о том, как центральные банки мира – и Федеральная резервная система одна из них – становятся катализаторами войн. Это они – реальные поджигатели, потому что мы тут сталкиваемся не только с деньгами, но и с кровью, человеческим страданием и самой свободой.

В-третьих, это история банковской деятельности в Америке. Это существенно, потому что позволяет узнать, что ранее в Америке после Федеральной резервной системы *концепция трижды* отрабатывалась. Нам надо знать, какие это были институты, и особенно надо знать, почему от них в итоге отказались.

Наконец, тут есть анализ самой Федеральной резервной системы и её мрачного архива с 1913 года. Это, вероятно, самая малозначащая часть всей книги, но это причина того, что мы тут оказались. Самая малозначительная не потому, что тема не важна, а потому, что эта книга писалась до того, как за тему взялись писатели, намного более квалифицированные и более опытные, чем я. Однако, как упоминалось ранее, эти тома вообще остались непрочитанными, за исключением специалистов-историков, и порождение, сотворённое на острове Джекилл, продолжало закусывать своими беспомощными жертвами.

На всем протяжении этого исследования красной нитью проходят причины, по которым следует упразднить Федеральную резервную систему. Изложенные в чистом виде, без приукрашивания или интерпретации, они звучат абсурдом для обычного наблюдателя. Поэтому цель данной книги – показать, что эти утверждения легче лёгкого обосновываются.

Федеральная резервная система должна быть упразднена по следующим причинам:

- Она неспособна выполнять заявленные цели (глава 1).
- Она – картель, действующий против интересов общества (глава 3).
- Она – высший инструмент ростовщичества (глава 10).
- Она порождает наши самые несправедливые налоги (глава 10).
- Она подстрекает войны (глава 14).
- Она дестабилизирует экономику (глава 23).
- Она – инструмент тоталитаризма (главы 5 и 26).

Это – история о неограниченных деньгах и тайной глобальной власти. Хорошо, что эта история такая же захватывающая, как какой-нибудь роман, что, я уверен, добавит и удовольствия, и эмоций в процессе чтения. Плохо то, что каждая приведённая здесь деталь – правда.

Дж. Эдвард Гриффин

БЛАГОДАРНОСТЬ ОТ АВТОРА

*П*исатель, ворующий работу других, называется плагиатором. Тот, кто заимствует работу *многих авторов*, называется исследователем. Это так, обиняками, я хочу сказать, что я бесконечно обязан многим людям, которые до меня приложили столько усилий, разрабатывая эту тему. Невозможно выразить им признательность иначе, чем упоминая в сносках и в библиографии. Без результатов их совместных усилий мне бы жизни не хватило собрать весь тот материал, который вы теперь собираетесь прочесть.

В дополнение к историческим фактам, однако, есть ещё многочисленные концепции, которые, насколько мне известно, не найти в прежней литературе. Базовые среди них – группа соответствующих «естественных законов», которые, как мне кажется, слишком важны, чтобы похоронить их под опытными данными. Вы легко узнаете их и другие редакционные высказывания как исключительный продукт моих собственных представлений, за которые никто, кроме меня, не может нести ответственность.

Я бы хотел выразить особую благодарность Майрилу Крир и Джиму Тофту, которые первыми пригласили меня прочесть лекцию по этой теме, тем самым вынудив меня углубиться в заявленную тему; и Хербу Джойнеру за ободряющие слова после доклада – «взять мужество в дорогу». Эта книга – конечный результат семилетнего путешествия, которое началось с этих первых шагов.

Уэйн К. Рикерт заслуживает специальной медали за финансовую поддержку, которая позволила начать этот проект, и за его невероятное терпение, пока он медленно продвигался к завершению. Моя благодарность Биллу Джасперу за обеспечение нас копиями многочисленных и с трудом находимых документов. Благодарю также Линду Перлстайн и Мелинду Уимен за обеспечение функционирования моих бизнес-предприятий, пока я занимался этим проектом. И моя персональная благодарность моей жене Патрисии за то, что мирилась с периодами моего долгого отсутствия при работе над рукописью, за её скрупулёзную правку и за самую пронизательную критику на протяжении всей работы.

Наконец, я хотел бы выразить признательность тем читателям первых трёх выпусков, которые помогли в совершенствовании этой книги. Благодаря их усилиям большинство неизбежных ошибок было исправлено ко второму изданию. И все же неразумно было бы думать, что больше уже ошибок нет. Я старался быть очень внимательным даже к малейшей детали, но человек не может собрать такой обильный урожай без потерь некоторого его количества. Поэтому будут с благодарностью приниматься поправки и дополнения от новых читателей. Я – оптимист и надеюсь, что мы учтём их в *будущих* изданиях этой книги.

ВВЕДЕНИЕ

Следующий разговор был опубликован в британском юмористическом журнале «Панч» 3 апреля 1957 года. Мы его здесь перепечатаваем как подходящее вступление и как ментальную разминку для подготовки ума к материалу, содержащемуся в этой книге.

В. Для чего существуют банки?

О. Чтобы делать деньги.

В. Для клиентов?

О. Для банков.

В. Почему банковская реклама об этом не сообщает?

О. Это нехороший тон. Но это подразумевается в отношении резервов, сумма которых 249 000 000 долларов или около того. Это и есть деньги, которые они сделали.

В. В обход клиентов?

О. Думаю, что так.

В. Они также упоминают активы в 500 000 000 долларов или около того. Их они тоже сделали?

О. Не совсем так. Это – деньги, которые они используют, чтобы делать деньги.

В. Понятно. И они хранят их где-то в сейфе?

О. Совсем нет. Они ссужают их клиентам.

В. Тогда у них их нет?

О. Нет.

В. Тогда почему это активы?

О. Они полагают, что так было бы, если бы они получили их назад.

В. Но они же должны иметь какие-то деньги где-нибудь в сейфе?

О. Да, обычно \$500 000 000 или около того. Это называется пассив, или обязательства банка.

- В.** Но если это их деньги, почему они отвечают за них?
О. Потому что это не их деньги.
- В.** Тогда почему они у них есть?
О. Их ссудили им клиенты.
- В.** Вы хотите сказать, что клиенты ссудили банкам деньги?
О. Именно. Они положили деньги на свой счёт, тем самым предоставили банкам заем.
- В.** И что банки делают с ними?
О. Дают займы другим клиентам.
- В.** Но вы сказали, что деньги, которые они ссужают другим людям, – это их активы?
О. Да.
- В.** Тогда активы и пассивы – это одно и то же?
О. Реально вы не можете это сказать.
- В.** Но вы же именно это сказали. Если я кладу 100 долларов на свой счёт, банк берет на себя обязательство вернуть мне их, значит, это есть пассив. Но они берут их и ссужают кому-то другому, и он обязан вернуть их, значит, это актив. Это те же 100 долларов, не так ли?
О. Да. Но...
- В.** Тогда все уравновешено. И значит, банки в действительности никаких денег не имеют?
О. Теоретически...
- В.** Пусть теоретически. А если у них нет никаких денег, откуда берётся их резерв в 249 000 000 долларов или около того?
О. Я вам сказал. Это деньги, которые они сделали.
- В.** Как?
О. Когда они отдали ваши 100 долларов кому-то займа, они ему начислили ссудный процент.

- В.** Сколько?
- О.** Это зависит от банковской ставки. Скажем, пять с половиной процента. Это их доход.
- В.** Почему это не мой доход? Разве это не мои деньги?
- О.** Это – теория банковского дела, что...
- В.** Когда я ссужаю им свои 100 долларов, почему я не начисляю им процент?
- О.** Начисляете.
- В.** Вы не сказали. И сколько?
- О.** Это зависит от банковской ставки. Скажем, половина процента.
- В.** Ну просто хапуга, да?
- О.** Но это только если вы не собираетесь снимать деньги с вашего счета.
- В.** Ну конечно, я собираюсь забрать свои деньги. Если бы не хотел забирать, я бы просто закопал их в саду, не так ли?
- О.** Они не хотели бы, чтобы вы забирали свои деньги.
- В.** Почему это? Если я держу свои деньги в их пассиве, как вы сказали, не должны ли они радоваться, что я уменьшил их обязательства, забрав деньги?
- О.** Нет. Потому что, если вы заберёте свои деньги, они не смогут дать займы кому-то другому.
- В.** Но, если я захотел забрать свои деньги, они позволят мне это?
- О.** Конечно.
- В.** Но предположим, что они уже ссудили их другому клиенту?
- О.** Тогда они дадут вам деньги кого-то ещё.
- В.** Но, положим, он тоже захочет забрать свои деньги, а они уже отдали их мне?
- О.** Вы нарочно представляетесь тупым.

- В.** А мне кажется, я проницательный. Что, если бы все одновременно захотели забрать свои деньги?
- О.** Это теория банковского дела – что этого никогда не будет.
- В.** Следовательно, банковская деятельность не включает выполнение их обязательств?
- О.** Я бы так не сказал.
- В.** Естественно. Ну ладно, если нет ещё чего-то, что вы могли бы, как вам кажется, мне сказать...
- О.** Именно так. Теперь вы можете пойти и открыть банковский счёт.
- В.** Можно ещё один последний вопрос?
- О.** Конечно.
- В.** Может, мне лучше пойти и открыть банк?

РАЗДЕЛ I

ЧТО СОЗДАЛИ НА ОСТРОВЕ ДЖЕКИЛЛ?

Что такое Федеральная резервная система? Ответ может вас удивить. В этой системе нет ничего федерального, как нет и резервов. Более того, Федеральные резервные банки вовсе и не банки. Ключ к этой загадке и следует найти, но не в начале истории, а в середине. Поскольку эта книга – не учебник, мы не обязаны придерживаться хронологической структуры. Предмет изложения – не учебный курс, который надо освоить, а загадка, которую надо разгадать. Так что позвольте нам начать с места, где происходило действие.

ГЛАВА I

ПОЕЗДКА НА ОСТРОВ ДЖЕКИЛЛ

Тайная поездка на остров Джекилл, штат Джорджия, где была задумана Федеральная резервная система; создание банковского картеля для защиты его членов от конкуренции; стратегический план убеждения Конгресса и общества, что этот картель – орган правительства Соединённых Штатов.

*Н*а железнодорожной станции Нью-Джерси в ту ночь было очень холодно. Снежинки кружились вокруг уличных фонарей. Ноябрьский ветер громыхал железными листами навеса над рельсами и заунывно выл в стропилах.

Время приближалось к 10 часам вечера, и станция была почти пуста, всего несколько пассажиров спешили сесть на Южный поезд, последний в тот день. Железнодорожный состав был типичным для 1910 года, в основном тут были пассажирские вагоны с мягкими креслами, превращавшиеся в спальные с верхним и нижним спальным местом. Для тех, кто был ограничен в средствах, были пассажирские вагоны с местами для сидения, которые ставились в начале поезда и принимали на себя шум и дым от паровоза, проникавшие через невидимые щели. Вагон-ресторан ставился между вагонными секциями как искусный барьер между двумя классами путешественников. По сегодняшним стандартам, вся обстановка была весьма унылой: кресла и матрасы – жёсткие, поверхности – металлические или исцарапанные деревянные, цвет – темно-зелёный или серый.

На дальнем конце платформы оживилась группа пассажиров, стремившихся поскорее сесть в поезд и укрыться от леденящего ветра. У выхода, редко используемого в такой поздний час, разворачивалось впечатляющее зрелище. Вагон дальнего следования, подталкиваемый в концевые буферы, заставил тех нескольких людей, которые увидели его, остановиться и глядеть на него во все глаза. Его блестящая чёрная окраска оттеняла полированные медные перила, ручки, рамы и филигранные узоры. Шторы были опущены, но через открытые двери можно было увидеть обшивку из красного дерева, бархатные портьеры, кресла с плюшевой обивкой и хорошо заполненный бар.

Проводники в белых лакейских куртках занимались обычной работой. Доносился тонкий аромат дорогих сигар. Другие вагоны поезда имели номера на каждом конце, чтобы отличать их от собратьев. Но для этого красавца номера не были нужны. В центре с каждой стороны была маленькая табличка с единственным словом – ОЛДРИЧ.

Имя Нельсона Олдрича, сенатора от Род-Айленда, было хорошо известно даже в Нью-Джерси. В 1910 году он был одним из самых могущественных людей в Вашингтоне, округ Колумбия, и его частный железнодорожный вагон нередко видели на вокзалах Нью-Йорка и Нью-Джерси во время частых поездок на Уолл-стрит. Олдрич был намного больше, чем просто сенатор. Его считали политическим глашатаем большого бизнеса. Он был инвестиционным партнёром Дж. П. Моргана и хозяином обширных владений в банковской и производственной сферах и в сфере коммунальных услуг. Его зятем был Джон Д. Рокфеллер-младший. Через 60 лет его внук, Нельсон Олдрич Рокфеллер, станет вице-президентом Соединённых Штатов.

Когда Олдрич прибыл на станцию, стало ясно, что он и есть хозяин частного вагона. Одетый в длинное пальто с меховым воротником, в шёлковом цилиндре и с тросточкой с серебряным наконечником, он энергично шагал по платформе вместе со своим секретарём Шелтоном, а группа носильщиков тащила за ними разнообразные чемоданы и коробки.

После того как сенатор поднялся в свой вагон, появилась ещё группа пассажиров с подобной же коллекцией чемоданов. Последним за несколько минут до финального «все-е-е по места-а-ам!» пришёл человек с ружейным футляром.

Если Олдрич легко узнавался большинством пассажиров, видевших его, когда он шёл по станции, то другие лица не были им знакомы. Эти незнакомцы получили инструкции прибыть отдельно, избегать репортёров и, если встретятся внутри вокзала, делать вид, что не знают друг друга. Ещё им сказали, что, сев в поезд, они должны использовать только имена, чтобы не раскрыть личность друг друга. В результате таких предосторожностей даже проводники частного вагона и слуги не знали фамилии этих гостей.

Раздался двойной свисток паровоза, и – слабое ощущение движения, начиналось эмоциональное возбуждение от путешествия. Но поезд ещё не оставил платформу, когда вдруг вздрогнул и остановился. Затем, к всеобщему удивлению, изменил направление и стал снова двигаться к станции. Они что-то забыли? Что-то с паровозом?

Внезапный толчок и лязг сцепок дали ответ. Они прицепили ещё один вагон в конце поезда. Может, почтовый вагон? Через мгновение движение вперёд возобновилось, и все мысли вернулись к предстоящей поездке и минимальному комфорту вагонов.

Пассажиры, погружаясь в сон под ритмичный стук колёс, не могли и представить, что в вагоне в конце их поезда ехали шестеро мужчин, олицетворяв-

шие примерно четверть совокупного богатства всего мира. Местом сбора в ту ночь был вагон Олдрича. Это были:

1. Нельсон У. Олдрич, республиканская «плеть» в Сенате, Председатель Национальной монетарной комиссии, бизнес-партнёр Дж. П. Моргана, тесть Джона Д. Рокфеллера-младшего.

2. Абрахам Питт Эндрю, второй секретарь Казначейства США.

3. Фрэнк А. Вандерлип, президент Национального городского банка Нью-Йорка, самого могущественного из банков того времени, представлявшего интересы Уильяма Рокфеллера и Международного инвестиционного банкирского дома «Кун, Леб и К°».

4. Генри П. Дэйвисон, старший партнёр «Дж. П. Морган Компани».

5. Бенджамин Стронг, глава «Банкерз Траст Компани» Дж. П. Моргана¹.

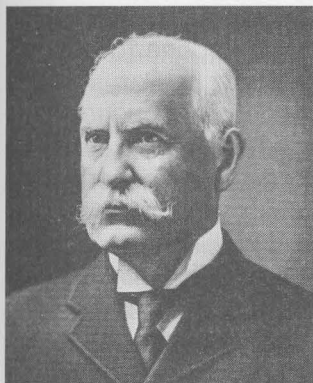
6. Пауль М. Варбург, партнёр «Кун, Леб и К°», представитель банковской династии Ротшильдов в Англии и Франции, брат Макса Варбурга, главы банкирского консорциума «Варбург» в Германии и Нидерландах².

КОНЦЕНТРАЦИЯ БОГАТСТВА

Централизованный контроль над финансовыми ресурсами к 1910 году уже далеко зашёл. В Соединённых Штатах было два центра этого контроля:

¹ В частной переписке автора с Эндрю Л. Греем, внучатым племянником Абрахама П. Эндрю, г-н Грей сообщил, что Стронг там не присутствовал. С другой стороны, Фрэнк Вандерлип, который там был, в своих мемуарах пишет, что Стронг был. Как мог Вандерлип ошибаться? Грей отвечает: «Ему уже было много за семьдесят, когда он писал свою книгу и эссе по этому вопросу... Возможно, желаемое было принято за действительное». Если Вандерлип действительно заблуждался, это, в конце концов, не так и важно, потому что, как Грей допускает: «Стронг был бы среди тех немногих, кто был посвящён в тайну». В отсутствие другого подтверждения обратного мы вынуждены принять мнение Вандерлипа.

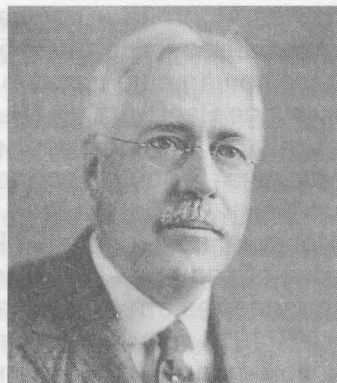
² В первых 27 выпусках этой книги сообщалось, что Чарльз Д. Нортон, президент Нью-Йоркского Первого национального банка Дж. П. Моргана, тоже там присутствовал. Однако благодаря безупречному исследованию Майкла Стинуика в Гудзонвилле, Мичиган, теперь совершенно ясно, что это было невозможно. Стинуик обнаружил исторические документы и частные бумаги семьи Нортон, показывающие, что г-н Нортон (1) не был связан с банком Моргана в ноябре 1910 г., (2) был личным секретарём президента Тафта в то время и (3) когда происходила встреча на острове Джекилл, он сопровождал президента в поездке по расследованию обстоятельств в Панаме. Более того, нигде в мемуарах других участников встречи не упоминается о присутствии там г-на Нортон. Причина, по которой он попал в первоначальный список, в том, что он включается в него в многочисленных уважаемых справочных материалах по этой теме, в том числе: Дж. Лоренс Локлин «Федеральный резервный акт. Его происхождение и проблемы» (N.Y., Macmillan, 1933) и книга Тайлера Э. Багуэлла, историка музея острова Джекилл, озаглавленная «Образы Америки; Клуб острова Джекилл» (Charlston, SC, Arcadia, 1998). Тем не менее, основываясь на открытых им исторических документах, Стинуик сделал заключение, что Нортон не только не был на встрече, но и не было очевидной причины ему там быть. Где вкралась ошибка в эту историю – неясно, но эта история слишком важна, чтобы скомпрометировать её мифом.

Нельсон У. Олдрич

Абрахам Питт Эндрю

Фрэнк А. Вандерлип

Генри П. Дэйвисон

Бенджамин Стронг

Пауль М. Варбург

Чарльз Д. Нортон

группа Моргана и группа Рокфеллера. В их орбите – целая сеть коммерческих банков, акцептных банков и инвестиционных фирм. В Европе тот же процесс пошёл ещё дальше, контроль сконцентрировался в группе Ротшильда и в группе Варбурга. В «Нью-Йорк Таймс» от 3 мая 1931 года была напечатана статья по случаю смерти Джорджа Бейкера, одного из ближайших партнёров Моргана. В ней говорилось: «Одна шестая всех богатств мира представлена членами Клуба острова Джекилл». Ссылались только на членов из группы Моргана. Речь не шла о Рокфеллерах или европейских финансистах. Если их всех объединить, то примерная оценка в четверть мирового богатства, представляемая этими группами, как кажется, не будет завышенной.

В 1913 году, когда Акт о Федеральной резервной системе становится законом, подкомитет Комитета по банкам и валюте Палаты представителей под руководством Арсена Пуджо из Луизианы завершил собственное расследование по факту концентрации финансовой власти в США. Пуджо считался представителем интересов нефтяных компаний, части той самой группы, по которой проводилось расследование, и сделал все возможное, чтобы саботировать слушания. Несмотря на его усилия, однако, итоговый отчёт комитета был совершенно разгромным:

Ваш комитет удовлетворён представленными доказательствами..., что имеют место учреждённые и хорошо организованные корпоративность и общность интересов между несколькими финансовыми лидерами..., что привело к большой и быстро растущей концентрации контроля денежно-кредитной деятельности в руках этих нескольких персон...

При нашей системе выпуска и распространения ценных бумаг инвесторы не покупают их непосредственно у корпорации. Ценные бумаги от выпускающего учреждения к инвестору приходят через посредников. И только крупные банки или банкиры с доступом к главным пружинам ресурсов, составленных из денег населения и сконцентрированных в банках, трастовых и страховых компаниях, контролирующие механизм создания рынков и распространения ценных бумаг, имеют полномочия страховать или гарантировать продажу широкомасштабного выпуска ценных бумаг. Люди, контролирующие фонды наших железных дорог и промышленных предприятий, могут направлять эти фонды туда, где они будут накапливаться, создавая, таким образом, гигантские резервуары денежных средств населения, имеют возможность мобилизовать эти резервуары для рискованных операций, в которых они заинтересованы, и предотвратить их использование для целей, которые они не одобряют...

Когда мы также увидели в связи с этим, что в эти денежно-кредитные резервуары стекает большая часть резервов банков страны,

что они являются также агентами и корреспондентами внегородских банков в ссуживании их избыточных средств на единственном рынке бюджетных средств страны и что маленькая группа людей, их партнёров и компаньонов, теперь ещё усилила своё влияние на ресурсы этих институтов путём приобретения больших пакетов акций, путём представительства в их органах управления и через значимую финансовую поддержку, мы начали понимать, в какой степени эта практика и эффективное доминирование и контроль над нашими самыми большими финансовыми, железнодорожными и промышленными корпорациями развились, главным образом, в течение последних пяти лет, и что это чревато опасными последствиями для благосостояния страны¹.

ПУНКТ ПРИБЫТИЯ – ОСТРОВ ДЖЕКИЛЛ

Когда на следующий день поезд приблизился к станции назначения – городу Роли, штат Северная Каролина, он замедлил ход и затем остановился в маневровом парке, сразу за вокзалом. Железнодорожники быстро выполнили переключение стрелок, и паровоз отвёл последний вагон на запасной путь, где так же быстро его отцепили, и паровоз ушёл. Когда пассажиры через несколько минут вышли на платформу, их поезд был точно таким, каким был, когда они садились в него. Они не могли знать, что вагон их ночных спутников в это же время присоединялся к другому поезду, который примерно через час должен был отправиться дальше на юг.

Элитная группа финансистов предприняла поездку в 800 миль, которая привела их в Атланту, затем в Саванну и, наконец, в маленький городок Брансуик, штат Джорджия. Могло бы показаться, что Брансуик – странноватая цель путешествия. Расположенный на Атлантическом побережье, городок первоначально был рыбацким посёлком с маленьким, но оживлённым портом для хлопка и древесины. Население составляло всего несколько тысяч человек. Но к тому времени острова Си-Айленд, защищавшие побережье от Южной Каролины до Флориды, уже стали популярными как зимние курорты для очень богатых. Один такой остров, как раз у берега Брансуика, недавно был приобретён Дж. П. Морганом и его бизнес-партнёрами, и именно сюда они приезжали осенью и зимой поохотиться на уток или оленей, чтобы не дрожать от холода на Севере. Это был остров Джекилл.

Когда вагон Олдрича отцепили в тупике маленькой станции Брансуика, для него это действительно стало сенсацией. Известие быстро достигло офиса городского еженедельника. Пока группа ожидала переезда на пристань,

¹ Herman E. Krooss, ed. *Documentary History of Currency and Banking in the United States* (New York: Chelsea House, 1983), Vol. III, «Final Report from the Pujo Committee, February 28, 1913», pp. 222-224.

несколько человек из газеты приблизились к ним и стали задавать вопросы. Кто гости г-на Олдрича? Почему они здесь? Что-то особенное случилось? Г-н Дэйвисон, который являлся одним из собственников острова Джекилл и был хорошо известен местным газетчикам, сказал им, что это просто личные друзья, и они приехали развлечься утиной охотой. Убедившись, что в событии нет стоящих новостей, репортёры вернулись к себе в офис.

Даже с прибытием в отдалённый дом на острове секретность не закончилась. На девять дней правило «только первых имён» осталось в силе. Постоянные уборщики и слуги получили выходные, и специально для этого случая была нанята новая, тщательно отобранная команда. Это сделали для того, чтобы никто из слуг не мог узнать в лицо этих гостей. Трудно представить какое-нибудь событие в истории, включая подготовку к войне, которое бы пряталось от народа с такой таинственностью и секретностью.

Целью этой поездки была вовсе не охота на уток. Проще говоря, собравшимся надо было прийти к соглашению по структуре и функциям банковского картеля. Цель, как для всех картелей, состояла в том, чтобы максимизировать прибыль, минимизируя соперничество между членами, создать препятствия для проникновения на их поле новых конкурентов и использовать полицейскую мощь правительства для претворения в жизнь этого картельного соглашения. Говоря конкретнее, надлежало создать проект Федеральной резервной системы.

ИСТОРИЯ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ

Много лет после этого события общественные деятели, обозреватели и историки отрицали, что встреча на острове Джекилл когда-либо имела место. Даже теперь общепринято, что встреча была относительно малозначащей, и только параноики могли бы увидеть здесь что-то особенное. Рон Чернов пишет: «Встреча на острове Джекилл стала бы тогда источником тысячи теорий заговора»¹. Мало-помалу, однако, история была воссоздана по кусочкам, с потрясающими деталями, и все они пришли, прямо или косвенно, от тех, кто там в самом деле был. Более того, если то, что они говорят о собственных целях и поступках, не составляет классический заговор, тогда этот рассказ маловероятен.

Первая утечка относительно этой встречи произошла в печатном издании 1916 года. Она появилась в «Leslie's Weekly», в статье, написанной молодым финансовым репортером по имени Б. Ч. Форбс, который позже основал «Forbes Magazine». Статья изначально задумывалась как похвальное слово Паулю Варбургу, но вряд ли Варбург рассказал эту историю во время беседы

¹ Ron Chernow, *The House of Morgan: An American Banking Dynasty and the Rise of Modern Finance* (New York: Atlantic Monthly Press, 1990), p. 129.

с репортёром. Как бы то ни было, открывающий параграф содержал впечатляющее и очень точное описание и характера, и цели встречи:

Представьте себе поездку крупнейших банкиров страны, украдкой, под покровом ночи улизнувших из Нью-Йорка в частном железнодорожном вагоне. Втайне покрыв сотни миль к югу, пересев на таинственный катер, они прокрались на остров, освобождённый от всех людей, кроме нескольких слуг, жили там целую неделю под покровом такой секретности, что имя ни одного из них ни разу не было упомянуто, чтобы слуги не могли узнать, кто они, и раскрыть миру эту самую странную и самую тайную поездку в истории американских финансов.

Я не фантазирую. Я впервые рассказываю миру реальную историю о том, как знаменитый доклад Олдрича о деньгах, основе нашей новой системы денежного обращения, был написан¹.

В 1930 году Пауль Варбург написал огромную книгу – 1750 страниц, озаглавленную «Федеральная резервная система: её происхождение и развитие». В этой книге он пишет: «Результаты этого совещания были полностью конфиденциальны. Даже сам факт такой встречи не позволялось делать публичным». Затем, в сноске, он добавил: «Хотя прошло уже 18 лет, я и сейчас считаю, что не могу дать полное описание этой интереснейшей встречи, относительно которой сенатор Олдрич связал всех участников обещанием хранить тайну»².

Интересный взгляд на присутствие Варбурга на этой встрече высказал 34 года спустя его сын Джеймс в своей книге. Джеймс был назначен Рузвельтом руководителем Бюджетного управления и, во время Второй мировой войны, главой Комитета военной информации. В своей книге он описал, как его отец, который не мог отличить одного конца ружья от другого, одолжил у приятеля дробовик и отправился с ним на поезд, изображая из себя охотника на уток³.

Эта часть истории была подтверждена в официальной биографии сенатора Олдрича, написанной Натаниэлем Р. Стивенсоном:

Осенью 1910 года шестеро мужчин отправились на утиную охоту. Так они открыто объявили, что было их целью. Г-н Варбург, который был в их числе, даёт забавное описание своих чувств, когда он вошёл в частный вагон в Джерси-Сити, прихватив с собой все атрибуты для утиной охоты. Анекдот состоял в том, что он, на самом деле, никогда

¹ «Men Who Are Making America», by B.C. Forbes, *Leslie's Weekly*, October 19, 1916, p. 423.

² Paul Warburg, *The Federal Reserve System: Its Origin and Growth* (New York-Macmillan, 1930), Vol. I, p. 58. It is apparent that Warburg wrote this line two years before the book was published.

³ James Warburg, *The Long Road Home* (New York: Doubleday, 1964), p. 29.

**в жизни не стрелял уток и не имел никакого намерения охотиться...
Утиная охота была предлогом¹.**

Стивенсон рассказывает ещё, что после их прибытия в Брансуик к ним в вагон вошёл начальник станции и поразил их тем, что явно знал каждого из них. И, что было хуже всего, он сказал, что снаружи ожидают репортёры. Дэйвисон взял на себя улаживание ситуации.

«Пойдём, старина, – сказал он, – я вам все объясню». Никто не сообщил, что он сказал тогда репортёрам, стоя на шпалах, но через несколько минут Дэйвисон вернулся в вагон с улыбкой на лице. «Все в порядке, – сказал он успокоительно. – Они нас не выдадут».

Стивенсон продолжает: «Репортёры разошлись, и тайна странной поездки не была раскрыта. Никто не спросил, как он это устроил, а он не стал рассказывать»².

9 февраля 1935 года в «Saturday Evening Post» появилась статья, написанная Фрэнком Вандерлипом. Там он писал:

Несмотря на мою точку зрения относительно значимости для общества большей публичности деятельности корпораций, был один случай в конце 1910 года, когда я был так скрытен, в самом деле, так тайлся, как какой-нибудь конспиратор... Не думаю, что будет преувеличением сказать о нашей тайной поездке на остров Джекилл как об обстоятельстве разработки реальной концепции того, что в итоге стало Федеральной резервной системой...

Нам сказали, что мы должны забыть свои фамилии. Нам также сказали, что мы не должны ужинать вместе в вечер нашего отъезда. Нам сказали, что мы должны приходить по одному и по возможности незаметно на железнодорожный вокзал на берегу Гудзона, штат Нью-Джерси, где частный вагон сенатора Олдрича, прикрепленный к последнему вагону Южного поезда, будет готов нас принять...

Войдя в вагон, мы начали соблюдать табу на наши фамилии. Мы обращались друг к другу «Бен», «Пауль», «Нельсон», «Эйб» – это Абрахам П. Эндрю. Дэйвисон и я ещё больше углубили маскировку – мы отбросили и наши настоящие имена. Уверенные, что мы всегда правы, мы взяли себе имена: он – Уилбура, а я – Орвилла – двух пионеров авиации – братьев Райт...

Слуги и поездная бригада могли узнать одного или двух из нас, но не знали всех, и если бы все наши фамилии были опубликованы вместе, это сделало бы наше таинственное путешествие многозначитель-

¹ Nathaniel Wright Stephenson, *Nelson W. Aldrich in American Politics* (New York: Scribners, 1930; rpt. New York: Kennikat Press, 1971, p. 373.

² Stephenson, p. 376.

ным событием для Вашингтона, для Уолл-стрит и даже для Лондона. Мы знали, что раскрытие просто не должно было случиться, иначе все затраченное нами время и усилия были бы напрасны. Если бы было предано гласности, что наша особая группа собралась вместе и написала банковский законопроект, такой законопроект не имел бы никакого шанса пройти через Конгресс¹.

СТРУКТУРА БЫЛА ЧИСТО КАРТЕЛЬНОЙ

Состав встречи на острове Джекилл был классическим примером картельной структуры. Картель – это группа независимых бизнесменов, которые объединяются для координации производства, ценообразования или маркетинга членов группы. Цель картеля состоит в том, чтобы уменьшить конкуренцию и тем самым увеличить прибыль. Это осуществляется посредством групповой монополии в соответствующей индустрии, которая вынуждает население платить более высокие цены за их товары или услуги, чем это было бы в условиях конкуренции при свободном предпринимательстве.

Здесь были представители ведущих банковских консорциумов мира: Моргана, Рокфеллера, Ротшильда, Варбурга и Куна-Леба. Они часто были конкурентами, и можно не сомневаться, что существовало значительное недоверие между ними и ловкое маневрирование, чтобы получить более выгодное положение в каком-нибудь соглашении. Но над всем превалировало и их всех объединяло одно желание – одолеть их общего врага. Врагом была конкуренция.

В 1910 году число банков в Соединённых Штатах росло с феноменальной скоростью. Действительно, оно выросло вдвое по сравнению с примерно 12 тысячами за предыдущие 10 лет. Более того, большинство из них возникло на юге и западе, отчего нью-йоркские банки страдали от неуклонного снижения рыночной доли. Почти все банки в 1880-х годах были национальными, а значит, они функционировали по чарту Федерального правительства. Вообще, они располагались в больших городах и могли по закону выпускать свои собственные деньги в форме банкнот. Уже в 1896 году, однако, число ненациональных банков возросло до 61%, и они уже владели 54% общих банковских депозитов страны. К 1913 году, когда был принят закон о Федеральной резервной системе, эти числа уже стали такими: 71% ненациональных банков владел 57% депозитов². В глазах охотников на уток из Нью-Йорка это была тенденция, которую просто необходимо было переломить.

¹ «From Farm Boy to Financier», by Frank A. Vanderlip, *The Saturday Evening Post*, Feb. 9, 1933, pp. 25, 70. The identical story was told two years later in Vanderlip's book bearing the same title as the article (New York: D. Appleton-Century Company, 1935), pp. 210-219.

² См.: Gabriel Kolko, *The Triumph of Conservatism* (New York: The Free Press of Glencoe, a division of the Macmillan Co., 1963), p. 140.

Конкуренция шла также от новой тенденции в промышленности – финансировать рост скорее из прибыли, чем из заёмного капитала. Это стало следствием процентных ставок свободного рынка, которые определили реалистичный баланс между банковской задолженностью и экономией. Процентные ставки были достаточно низкими, чтобы привлечь серьёзных заёмщиков, которые не сомневались в успехе своего делового предприятия и способности вернуть средства, но они были достаточно высоки, чтобы отбить охоту займов у рискованных предприятий и у тех, у кого были альтернативные источники финансирования, например собственный капитал.

Этот баланс между долгом и экономией был результатом ограниченного объёма денежной массы. Банки могли бы выдавать ссуды, превышающие фактические депозиты, как мы увидим, но существовал *предел* такого процесса. И этот предел определялся, в конечном счёте, их золотым запасом. Следовательно, между 1900 и 1910 годами 70% финансирования американского корпоративного роста производилось из собственных средств, что делало рост промышленности независимым от банков¹. Даже Федеральное правительство становилось бережливее. Оно обладало растущим запасом золота, систематически выкупало банкноты, которые выпускались во время Гражданской войны, и быстро сокращало государственный долг.

Здесь была другая тенденция, которую следовало прекратить. Что хотели банкиры (и что многие бизнесмены хотели тоже) – это вмешаться в свободный рынок, нарушить баланс процентных ставок в сторону понижения, сделать задолженность более благоприятной, чем бережливость. Выполнение этого просто означало отсоединение денежной массы от золота, чтобы сделать денежные ресурсы обильнее или, как они это называют, более *эластичными*.

УГРОЗА БАНКОВСКОГО КРАХА

Однако наибольшая опасность для банков исходит не от соперников или образования частного капитала, а от народа в широком смысле – в той форме, которую банкиры называют *натиском вкладчиков на банк*. Потому что, когда банки принимают депозит клиента, они обязуются, со своей стороны, вернуть «остаток» с его счета. Это эквивалентно обещанию выплатить депозит в любое время, когда вкладчик пожелает. Таким же образом, когда другой клиент *занимает* деньги у банка, ему *также* выдают остаток на счёте, который обычно забирается для выполнения цели займа. Это создаёт бомбу замедленного действия, поскольку на тот момент банк уже выдал больше обязательств «выплат по требованию», чем имелось денег в его хранилище.

¹ William Greider, *Secrets of the Temple* (New York: Simon and Schuster, 1987), p. 274, 275. Также Kolko, p. 145.

Даже если депонирующий клиент полагает, что он может забрать свои деньги в любой момент, когда захочет, в действительности его деньги выдали *заимствующему* клиенту, и их в банке больше нет.

Проблема усугубляется ещё и тем фактом, что банкам дозволяется ссужать денег даже больше, чем они получили на депозит. Механизм выполнения этого, казалось бы, невозможного трюка будет описан позже, но это – факт современной банковской деятельности, что обязательства платежей часто превышают накопительные депозиты с коэффициентом десять к одному.

И поскольку только примерно 3% этих депозитных счетов реально держатся в хранилище в виде наличных, а остальное выдаётся в ссуды и инвестиции, обязательства банка превышают его возможность *выполнить* эти обязательства в соотношении примерно триста к одному¹. Поскольку только малый процент вкладчиков требуют свои деньги одновременно, никто об этом не догадывается. Но если доверие публики подорвано и если более чем несколько процентов вкладчиков попытаются забрать свои деньги, схема, наконец, раскроется. Банк не может выполнить все свои обязательства и вынужден закрыть двери. Далее обычно следует банкротство.

ОТТОК ДЕНЕГ

Тот же результат может случиться – и часто случался до Федеральной резервной системы – даже и без «набега» вкладчиков на банк. Вместо того чтобы снять свои средства с кассового окна обслуживания клиентов, они просто выписывают чеки на покупку товаров и услуг. Люди, получая эти чеки, несут их в банк для депонирования. В случае если это тот же банк, что выписал чек, тогда все замечательно, потому что нет необходимости снимать реальные деньги. Но если держатель чека несёт его в *другой* банк, такой чек быстро пересылается в выпустивший его банк, и потребуется урегулирование *между банками*.

Это, однако, не улица с односторонним движением. Пока Даунтаун-банк запрашивает платёж от Аптаун-банка, Аптаун-банк тоже выполняет клиринг чеков и запрашивает платёж от Даунтаун-банка. Если поток денег в обоих направлениях равнозначный, все будет выполнено простой бухгалтерской проводкой. Однако, если поток не равен, тогда один из банков должен будет на самом деле отправить деньги другому банку, чтобы компенсировать разницу. Если количество требуемых денег превышает на несколько процентных пунктов общую сумму вкладов, результат будет тот же, что и при «*набеге вкладчиков*». Такой запрос денег от других банков скорее, чем от вкладчиков, называется *оттоком денег*.

¹ Иначе говоря, их резервы недофинансированы примерно на 33,333% (10 к 1 разделить на ,03 = 333, 333 к 1. Разделить на ,01 = 33,333%).

В 1910 году наиболее распространённой причиной банкротства банков из-за оттока денег было то, что за ним следовала кредитная политика, более рискованная, чем у конкурентов. Больше денег у банка запрашивали, потому что больше денег он отдавал *в займы*. Это довольно опасно – давать *в займы* 90% накоплений своих клиентов (сохраняя в резерве только 1 доллар из каждых 10), но это признавали приемлемым *большую* часть времени. Некоторые банки, однако, испытывали искушение прогуливаться даже ещё ближе к краю пропасти. Они увеличивали это отношение до девяноста *двух*, девяноста *пяти*, девяноста *девяти* процентов. В конце концов, способ, которым банк делает деньги, – это взимание процентов, а единственная возможность делать это – давать *ссуды*.

Чем больше ссуд, тем лучше. И следовательно, среди наиболее рискованных банков существует практика «перекредита», как они это называют. Что называлось и иначе – *снижение* нормы резерва.

БАНКИРСКАЯ УТОПИЯ

Если бы банки были вынуждены выдавать займы в том же отношении к своим резервам, как это делают другие банки, тогда, независимо от того, насколько мало это отношение, количество чеков, подлежащих клирингу между ними, было бы сбалансировано в долгосрочной перспективе. Никогда бы не случилось большого оттока денег. Вся банковская индустрия могла бы рухнуть при такой системе, но не *индивидуальные* банки, по крайней мере не те, что входят в картель. Все могли бы ходить на одном расстоянии от края, независимо от того, насколько это близко. При таком единообразии не индивидуальный банк можно было бы винить за невыполнение своих обязательств. Вместо этого вина возлагалась бы на «экономику», или «правительственную политику», или «процентные ставки», или «дефицит торгового баланса», или «обменный курс доллара», или даже на саму «капиталистическую систему».

Но в 1910 году такая банкирская утопия ещё не была создана. Если Даунтаун-банк начал давать ссуды при большем, по сравнению с конкурентами, проценте относительно своих резервов, то количество чеков, которое к нему вернулось бы для оплаты, также было бы больше. Таким образом, банк, который придерживается более рискованной кредитной политики, должен использовать деньги своих *резервов*, чтобы выполнить платежи более консервативным банкам, и, если эти фонды исчерпаны, как правило, наступает банкротство.

Историк Джон Клейн говорит нам, что «Финансовые паники 1873 г., 1884 г., 1893 г. и 1907 г. по большей части были порождены... резервными пирамидами и созданием чрезмерного депозита резервными городскими банками. Эти паники были вызваны денежным оттоком в периоды относительного процве-

тания, когда банки преувеличили кредитование». Другими словами, «паники» и следующие за ними банковские банкротства вызывались не негативными факторами в экономике, а *денежным оттоком* в банках, перекредитация в которых доходила до такой степени, что они практически уже не имели резервов. Банки терпели крах не потому, что система была слаба. Система терпела крах, потому что банки были слабы.

Это была ещё одна общая проблема, которая заставила этих шестерых мужчин проехать тысячу миль до маленького острова у побережья Джорджии. Каждый был потенциально жёсткий конкурент, но на первом месте в их сознании были так называемые паники и очень реальные банкротства 1748 банков в последние два десятилетия. Каким-то образом они должны были соединить усилия. Метод должен был позволить им продолжать давать обещаний «платить по требованию» больше, чем они могли выполнить. Для этого им надо было найти способ заставить все банки ходить на *одном и том же* расстоянии от края, а когда случится неизбежный крах, отвести народный гнев от них самих. Но такие действия оказывались проблемой больше национальной экономики, чем частной банковской практики, только тогда дверь могла бы открыться для использования скорее налоговых поступлений, чем их собственных фондов, чтобы покрыть потери.

Таким образом, вот те главные проблемы, которые стояли перед этой маленькой, но могущественной группой, собравшейся на острове Джекилл:

1. Как остановить растущее влияние маленьких конкурирующих банков и как гарантировать, что контроль над национальными финансовыми ресурсами останется в руках здесь присутствующих.
2. Как сделать денежную массу более эластичной, чтобы переломить тенденцию формирования частного капитала и вернуть рынок промышленных займов.
3. Как объединить ограниченные резервы банков страны в один большой резерв, чтобы все банки были заинтересованы поддерживать одно и то же соотношение кредитов и депозитов. Это защитило бы, по крайней мере некоторых из них, от денежного оттока и панического изъятия банковских вкладов.
4. Если это в итоге приведёт к коллапсу всей банковской системы, тогда как переложить потери с собственников банков на налогоплательщиков.

КАРТЕЛЬ ОБРЕТАЕТ ИМЯ

Известно, что решением всех этих проблем является картельный механизм, который придуман и уже пущен в ход в Европе. Как все другие картели, этот тоже должен быть создан на законном основании и поддерживаться дей-

ствующей властью под жульническим предлогом защиты потребителя. Следовательно, самая важная задача, стоящая перед ними, может быть определена как цель номер пять:

5. Как убедить Конгресс, что эта схема есть мера защиты населения.

Задача была весьма деликатной. Американскому народу не нравилась концепция картеля. Идея объединения бизнес-предприятий с целью фиксации цен и предотвращения конкуренции чужда системе свободного предпринимательства. Это никогда бы не вдохновило избирателей. Но если не использовать слово «картель», если бы эта затея была описана словами эмоционально нейтральными, возможно даже соблазняющими, тогда половина битвы была бы уже выиграна.

Поэтому первая мысль была – последовать практике, принятой в Европе. Отныне картель действовал бы как *центральный банк*. И даже это был бы всего лишь видовой термин. Для связей с общественностью и для законодательства они должны были придумать название, вообще исключаящее слово *банк*, которое вызывало бы в воображении само Федеральное правительство. Более того, чтобы создать впечатление, что это вовсе не концентрация власти, они учредили бы региональные филиалы картеля и сделали это главным привлекательным пунктом. Стефенсон пишет: «Олдрич открыл эту дискуссию на острове Джекилл как горячий приверженец идеи центрального банка. Он намеревался трансплантировать систему одного из самых больших европейских банков, то есть Банка Англии, целиком в Америку»¹. Но политическая целесообразность требовала, чтобы такие планы скрывались от народа. Как это объяснил Джон Кеннет Галбрейт: «Это была его [Олдрича] идея – перехитрить оппозицию учреждением не одного, а многих банков. И следовало бы избегать самого слова “банк”»².

За исключением Олдрича, все остальные, присутствовавшие там, были банкирами, но только один был экспертом по европейской модели центрального банка. Поэтому Пауль Варбург стал определяющим и направляющим мозгом всех дискуссий. Даже беглого просмотра литературы по созданию Федеральной резервной системы достаточно, чтобы установить, что он был действительно главным разработчиком картеля. Галбрейт пишет: «...Варбурга называли, и вполне справедливо, отцом этой системы»³. Профессор Эдвин Селигмен, член международного банковского дома «Дж. и У. Селигмен» и глава Отделения экономики Колумбийского университета, пишет, что «...по своим основополагающим принципам Федеральная резервная система – это порождение Варбурга более, чем любого другого в стране»⁴.

¹ См.: Vera C. Smith, *The Rationale of Central Banking* (London: P.S. King & Son, 1936), p. 36.

² Stephenson Galbraith, *Money. Whence It Came, Where It Went* (Boston: Houghton Mifflin, 1975), p. 122.

³ Galbraith, p. 123.

⁴ The Academy of Political Science, *Proceedings*, 1914, Vol. 4, No. 4, p. 387.

РЕАЛЬНЫЙ ПАПА УОРБУКС

Пауль Мориц Варбург был ведущим членом инвестиционной банковской фирмы «М. М. Варбург и К^о» в Гамбурге (Германия) и Амстердаме (Нидерланды). Он приехал в Соединённые Штаты всего за девять лет до встречи на острове Джекилл. Однако вскоре после прибытия он и его брат Феликс с финансовым обеспечением, полученным главным образом от группы Ротшильда, смогли приобрести долевое участие в нью-йоркской инвестиционной банковской фирме «Кун, Леб и К^о», продолжая оставаться партнёрами в фирме Варбургов в Гамбурге¹. За 20 лет Пауль стал одним из богатейших людей Америки с бесспорным доминированием в системе железных дорог страны.

За давностью описываемых событий трудно оценить значение этого человека. Но некоторое понимание можно получить из того факта, что придуманный персонаж, папа Уорбукс, из комикса «Маленькая сиротка Энни», был комментарием того времени на предполагаемую доброжелательность Пауля Варбурга и его почти волшебную способность творить добро, пользуясь своим безграничным богатством.

Третий брат, Макс Варбург, был финансовым советником кайзера и директором *Рейхсбанка* в Германии. Это был, конечно, *Центральный банк*, и он стал одной из моделей, использованных в создании Федеральной резервной системы. Впрочем, несколько лет спустя *Рейхсбанк* создаст масштабную гиперинфляцию в Германии, которая уничтожила средний класс и всю экономику также.

Пауль Варбург вскоре стал хорошо известен на Уолл-стрит как убедительный защитник центрального банка в Америке. За три года до встречи на острове Джекилл он опубликовал несколько брошюр. Одна называлась «Изъяны и потребности нашей банковской системы», другая – «План модифицированного центрального банка». Они привлекли внимание как финансовой, так и академической общественности и установили интеллектуальную среду для всех будущих дискуссий относительно банковского законодательства. В этих работах Варбург сетовал, что американская монетарная система страдает из-за её зависимости от облигаций с золотым обеспечением и государственных облигаций при ограниченном поступлении и тех и других. Что Америке необходимо, убеждал он, так это *эластичное* денежное предложение, которое может быть расширено и сокращено в зависимости от меняющихся потребностей торговли. Решение, писал он, состояло в том, чтобы следовать примеру Германии, банки которой могут создавать деньги только на основе «коммерческой бумаги», являющейся банковским языком для банковских денег (IOUs) корпораций.

¹ Anthony Sutton, *Wall Street and FDR* (New Rochelle, New York: Arlington House, 1975), p. 92.

Варбург был настойчив в своих усилиях. Он был главным спикером перед большим количеством влиятельных слушателей и написал огромное количество статей на эту тему. В марте того года, например, «Нью-Йорк Таймс» опубликовала серию из 11 статей, написанных Варбургом, в которых он излагал и разъяснял, что он называет Резервным банком Соединённых Штатов¹.

СООБЩЕНИЯ БЫЛО ДОСТАТОЧНО ДЛЯ ТЕХ, КТО ПОНЯЛ

Большая часть из того, что Варбург написал в статьях или прочёл на лекциях на эту тему, была отводом глаз для публики. Чтобы скрыть тот факт, что центральный банк – это всего лишь картель, который легализовали, его сторонники устраивают завесу густого дыма из технических терминов, фокусируя внимание всегда на том, какую бы он принёс пользу коммерции, народу и стране, как бы с ним понизились процентные ставки, обеспечивая финансирование нужных индустриальных проектов и предотвращая паники в экономике. Не было ни малейшего проблеска того, что под этой завесой скрывался главный замысел – разработать схему, которая служила бы частным интересам за счёт народа.

В этом заключалась холодная реальность, и более проницательные банкиры хорошо это осознавали. Выступая в следующем году перед членами Ассоциации американских банкиров, Олдрич разъяснил это каждому, кто действительно прислушивался к значению его слов. Он сказал: «Предлагаемая организация не является банком, это – кооперативный союз всех банков страны для конкретных целей»². Точно – союз банков.

Два года спустя, выступая перед той же группой банкиров, Э. Бертон Хепберн из Chase National Bank был даже более откровенным. Он сказал: «Эта мера признает и принимает принципы центрального банка. Действительно, если это заработает, как надеются спонсоры закона, это сделает все включённые банки совладельцами центральной доминирующей власти»³. Такое хорошее определение картеля, что вряд ли найдётся лучше.

В 1914 году, через год после того, как Акт о Федеральном резерве стал законом, сенатор Олдрич мог себе позволить быть менее сдержанным в своих высказываниях. В статье, опубликованной в июле того же года в журнале под названием «Индепендент», он похвастал: «До того как прошёл этот Акт, нью-

¹ См.: J. Lawrence Laughlin, *The Federal Reserve Act: Its Origin and Problems* (New York: Macmillan, 1933), p. 9.

² The full text of the speech is reprinted by Herman E. Krooss and Paul A. Samuelson, Vol. 3, p. 1202.

³ Цитируется по: Kolko, *Triumph*, p. 235.

йоркские банкиры могли влиять только на резервы Нью-Йорка. Теперь мы можем оказывать влияние на банковские резервы по всей стране».

МИФ. ПРИНЯТЫЙ ЗА ИСТОРИЮ

Принятая версия этой истории состоит в том, что Федеральная резервная система была создана для стабилизации нашей экономики. Один из самых широко используемых учебников говорит на эту тему: «Это берет начало от паники 1907 г. с его пугающей эпидемией банковских банкротств: страна была сыта по горло анархией нестабильных частных банков»¹. Даже самый наивный студент должен почувствовать серьёзное противоречие между этим милым сердцу мнением и реальной деятельностью Системы. При её функционировании имели место: крах 1921 и 1929 годов; Великая депрессия с 1929 по 1939 год; рецессии в 1953, 1957, 1969, 1975 и 1981 годов; биржевой крах в «чёрный вторник» 1987 года и 1000-процентная инфляция, которая на 90% подорвала покупательную способность доллара².

Рассмотрим подробнее последний пункт. В 1990 году необходим был доход в 10 000 долларов, чтобы купить то, что в 1914 году требовало всего лишь 1000 долларов³. Это немислимое обесценивание было тихо, без лишнего шума переведено на Федеральное правительство в форме неявного налогообложения, и Федеральная резервная система стала механизмом, с помощью которого это было проделано.

Действия чреваты последствиями. Последствия конфискации капиталов через механизм Федерального резерва теперь сказываются на нас. В текущем десятилетии корпоративный долг стремительно вырос; личная ответственность по долгам увеличилась больше, чем когда-либо; количество банкротств, и бизнеса, и персональных, все время очень велико; банковские, сберегательные и ссудные ассоциации в таких количествах терпят крах, как никогда прежде; проценты по государственному долгу поглощают больше половины нашего налога на доходы физических лиц; тяжёлую промышленность вытеснили заокеанские конкуренты; впервые в нашей истории мы оказались перед лицом внешнеторгового дефицита; 75% делового центра Лос-Анджелеса и других метрополий принадлежат иностранцам; нация находится в экономической рецессии.

¹ Paul A. Samuelson, *Economics*, 8th ed. (New York: McGraw-Hill, 1970), p. 272.

² См. :«Money, Banking, and Biblical Ethics», by Ronald H. Nash, *Durrell Journal of Money and Banking*, February, 1990.

³ Если кто-то полагает, что подоходный налог был введён только в 1913 г. и что такое низкое значение было полностью освобождено от налогов, то доход того времени в 1000 долларов на самом деле был эквивалентен сегодняшнему заработку в 15 400 долларов до выплаты 35% налога. Если сумму, теперь забираемую федеральным или местным правительством, добавить к общей сумме, это число будет примерно 20 000 долларов.

ПЕРВЫЙ ДОВОД. ЧТОБЫ УПРАЗДНИТЬ СИСТЕМУ

Вот оценка Федеральной резервной системы через 80 лет после её создания, как предполагалось, для стабилизации нашей экономики! Совершенно бесспорно, что Система не выполнила своих государственных задач. Более того, через столько лет, после постоянных персональных изменений, после функционирования при обеих политических партиях, после многочисленных экспериментов в монетарной философии, после почти сотни ревизий своего устава и после разработки бессчётных новых формул и методик появились достаточные возможности обнаружить явные методические изъяны. Поэтому есть все основания заключить, что Система потерпела неудачу не потому, что нуждается в принятии новых правил или в более способных директорах, а потому, что *она не в состоянии выполнить свои государственные задачи.*

Если какой-то институт неспособен выполнять свои задачи, нет причин его сохранять, если нельзя изменить. Это приводит к вопросу: *почему Система не может выполнять государственные задачи?* Горький ответ: *потому что они никогда не были её истинными целями.* Если учесть обстоятельства, при которых Система создавалась, проанализировать личности её создателей и исследовать её реальную деятельность в течение многих лет, станет очевидным, что Система – это просто картель с видимостью правительственного органа. Нет никакого сомнения, что те, кто управляет ею, заинтересованы в том, чтобы поддерживать полную занятость, высокую производительность, низкую инфляцию и вообще устойчивую экономику. Они не заинтересованы убивать утку, несущую такие замечательные золотые яйца. Но если появляется конфликт между интересами населения и частными нуждами картеля, – что и возникает почти ежедневно, – жертвуют интересами народа. Это – суть зверя. Глупо надеяться, что картель поведёт себя иначе.

Такая точка зрения не поощряется институтами и издательствами истеблишмента. Это стало их явной миссией – уверить американский народ, что система, *на самом деле*, вполне пригодна. Просто она была в руках неумелых болванов. Например, Уильям Грейдер, бывший заместитель главного редактора «Вашингтон Пост». Его книгу «Секреты Темпля» опубликовало в 1987 году издательство Simon and Schuster. Это была критика Федеральной резервной системы по причине её провалов, но, по Грейдеру, это было вызвано не какими-то дефектами в самой Системе, а просто было результатом экономических факторов, «ну сли-и-ишком сложными», и хорошие люди, которые старались наладить работу Системы, просто не могли разобраться во всем этом. Но не расстраивайтесь, люди, они *работают* над этим! Это точно тот род изворотливой критики, который принят в наших ведущих СМИ. Однако

собственное исследование Грейдера указывает на совершенно иную интерпретацию. Рассказывая о происхождении системы, он пишет:

Как новые компании без Уолл-стрит расцвели, так расцвели и новые региональные банки, использующие свои собственные фонды. Сосредоточенная в Нью-Йорке доля банковских депозитов была все же колоссальной, около половины всего национального капитала, но эта доля неуклонно снижается. Уолл-стрит все ещё «самый большой парень из нашего квартала», но все меньше и меньше способен задирать других.

Эта тенденция стала критическим обстоятельством истории, недопонятая реальность, которая полностью меняет политическое значение законодательной реформы, учредившей Федеральную резервную систему. В то время в Конгрессе общепринятым было мнение, разделяемое и искренне поддерживаемое прогрессивными реформаторами, что государственная структура в конечном итоге обуздает «финансовый траст», нейтрализует его власть и установит широкий демократический контроль над финансами и кредитами... Результаты оказались практически противоположными. Денежные реформы, проведённые в 1913 г., действительно помогли сохранить статус-кво, стабилизировать прежний порядок. Банкиры, активно оперирующие на финансовом рынке, получили не только доминирование над новым центральным банком, но могли воспользоваться новой возможностью защиты от нестабильности и собственного спада. Когда Федеральная резервная система начала работать, постоянное распространение финансовой власти прекратилось, Уолл-стрит отстоял свою доминирующую позицию и даже усилил её¹.

Энтони Саттон, бывший научный сотрудник в Гуверовском институте войны, революции и мира, а также бывший профессор экономики в Калифорнийском государственном университете, Лос-Анджелес, делает более глубокий анализ. Он пишет:

Революционный план Варбурга заставить американское общество идти работать на Уолл-стрит был удивительно прост. Даже сегодня... академические теоретики покрывают классные доски бессмысленными формулами, а широкая публика в полном недоумении борется с инфляцией и надвигающимся кредитным коллапсом, в то время как совершенно простое объяснение проблемы не обсуждается и почти совершенно не понято. Федеральная резервная система – это легальная частная монополия на денежное обращение, действующая в интересах

¹ Greider, p. 275.

нескольких лиц под видом защиты и содействия общественной выгоде»¹.

Реальное значение путешествия на остров Джекилл и того порождения, которое было там высижено, ненароком резюмировал Гарольд Келлок, восхищённый биограф Пауля Варбурга:

Пауль М. Варбург, вероятно, самый кроткий человек из всех, когда-либо руководивших революцией. Это была бескровная революция: он и не думал призывать народ к оружию. Он шёл вперёд, вооружённый только идеей. И он победил. Это – удивительная вещь. Этот скромный, тонко чувствующий человек преподнёс свою идею стране с населением 100 миллионов человек².

РЕЗЮМЕ

Основной план создания Федеральной резервной системы был разработан на тайной встрече в ноябре 1910 года в частном поместье Дж. П. Моргана на острове Джекилл у побережья Джорджии. Все собравшиеся представляли самые большие финансовые институты Уолл-стрит и, косвенно, Европы. Причина таинственности проста. Если бы стало известно, что соперничающие группировки банковского сообщества собрались вместе, общество могла бы насторожить возможность того, что банкиры замышляют соглашение об ограничении торговли, – чем, разумеется, они и занимались. Возникло картельное соглашение, ставившее пять задач: остановить растущую конкуренцию со стороны новых банков страны; получить полномочия на денежную эмиссию из ничего в целях кредитования; установить контроль над резервами всех банков так, чтобы более склонные к рискованным действиям не подверглись бы массированному оттоку капитала и «набегу» клиентов; добиться, чтобы налогоплательщики компенсировали неминуемые потери картеля; и убедить Конгресс, что цель соглашения – защита народа. Было решено, что банкиры наладят партнёрство с политиками и что структурно картель станет центральным банком. Отчёт показывает, что ФРС не удалось достичь намеченных целей. По той причине, что они никогда не были их истинными целями. Что касается банковского картеля и пяти задач, указанных выше, – это был несомненный успех.

¹ Sutton, *Wall Street and F.D.R.*, p. 94.

² Harold Kellok, «Warburg, the Revolutionist», *The Century Magazine*, May 1915, p. 79.

ГЛАВА 2

НАЗВАНИЕ ИГРЫ – «СПАСЕНИЕ БАНКОВ»

Чтобы объяснить правила игры, согласно которым налогоплательщиков обязывают оплачивать процедуру спасения банков, стоящих перед банкротством, приведём аналогию со спортивным мероприятием.

В предыдущей главе мы показали, что компания, собравшаяся на острове Джекилл и придумавшая там Федеральную резервную систему, по сути дела, создала государственный картель с доминированием крупных банков. Было показано также, что главной целью этого картеля являлось привлечение федерального правительства в качестве действующего лица для перевода неизбежных потерь от собственников этих банков на налогоплательщиков. Это, конечно, одно из самых полемических утверждений в этой книге. Однако минимальная возможность для любой другой интерпретации существует, если кто-то оспорит серьёзнейшие свидетельства истории, накопившиеся со времени создания Системы. Давайте сделаем ещё один скачок во времени: побывав в начале этой истории в 1910 году, вернёмся теперь в наше время.

Чтобы понять, как операционные убытки банков переводятся на налогоплательщиков, необходимо немного узнать, как задумывалась такая схема. Следует понять некоторые процедуры и правила, иначе весь процесс покажется хаосом. Представим, что мы всю нашу жизнь прожили изолированно на каком-то острове в южной части Тихого океана, не имея понятия об остальном мире. Представим теперь, что мы впервые в жизни отправились на материк и увидели тут игру профессиональных футболистов. Мы бы с изумлением смотрели на мужчин, одетых как пришельцы с другой планеты, кидающихся друг на друга, перебрасывающих странной формы объект то назад, то вперёд, сражаясь за него, как будто это предмет великой ценности, однако временами выбивая его за пределы поля, как совсем никчёмную вещь, гоняющихся друг за другом, сбивая на землю, и затем снова группируясь для нового броска. Все это – для десятков тысяч зрителей, орущих в унисон без всякой видимой причины. Без понимания, что это просто игра, и без знания правил этой игры происходящее представилось бы полным хаосом и общим сумасшествием.

Функционирование нашей монетарной системы при посредничестве Федеральной резервной системы имеет много общего с профессиональным футболом. Во-первых, есть тут некоторые процедуры, которые повторяются снова и снова с небольшими лишь вариациями, связанными с особыми обстоятельствами. Во-вторых, существуют определённые правила, которым игроки неукоснительно следуют. В-третьих, есть ясная цель игры, которая превалирует в умах игроков. И в-четвертых, если зрители не знают цели игры и не знают правил, они никогда не поймут, что происходит. Что касается монетарной сферы, то так оно и есть для громадного большинства американцев сегодня.

Поэтому давайте попытаемся разобраться и простым языком изложить, что представляет собой эта цель и как игроки стараются её достичь. Чтобы пролить свет на этот процесс, мы сначала дадим его краткое описание. Прояснив концепцию, мы затем подкрепим её реальными примерами, взятыми из недавнего прошлого.

Суть этой игры – *спасение от банкротства*, а цель, как сказали выше, – перенесение неминуемых убытков с собственников больших банков на налогоплательщиков. Выполняется это следующим образом.

ПРАВИЛА ИГРЫ

Игра начинается, когда Федеральная резервная система позволяет коммерческим банкам делать чековые деньги из ничего. (Детали того, как проделывается этот трюк, мы покажем в Главе 10 под названием «Механизм Мандрагоры».) Банки получают прибыль с этих дешёвых денег, не расходуя их, а ссужая и взимая проценты.

Когда такой заем регистрируется в банковских книгах, он показывается как актив, потому что даёт процентный доход и, как полагают, когда-то будет выплачен. В то же время такая же запись делается на стороне пассива гроссбуха. Это потому, что вновь созданные чековые деньги находятся в обороте, и большинство из них окажется в других банках, которые вернут погашенные чеки в выпустивший их банк для оплаты. Некоторые лица могут также вернуть какие-то из этих чековых денег назад в банк и потребовать наличные. Выпускающий банк поэтому имеет пассив потенциальных денежных выплат, равный величине кредитного актива.

Если заёмщик не может вернуть долг и нет активов, которые могли бы использоваться для компенсации, банк вынужден будет списать этот заем как убыток. Однако, поскольку большинство денег первоначально создавалось из ничего и ничего банку не стоило, кроме бухгалтерских расходов, реальный убыток активов невелик. Это преимущественно бухгалтерская проводка.

Запись об убытке может быть нежелательной для банка ещё и потому, что это вынуждает удалить заем из гроссбуха как актив без уменьшения пассива.

Разница должна поступить из собственного капитала владельца банка. Другими словами, кредитный актив удаляется, но денежное обязательство остаётся. Первоначальные чековые деньги, тем не менее, циркулируют, даже при том, что заёмщик не может платить, а выпускающий банк сохраняет обязательство выкупать эти чеки. Единственный путь делать так и сводить баланс – это заимствовать из капитала, инвестированного банковскими акционерами, или вычесть потерю из текущих прибылей банка. И в том и в другом случае собственники банка теряют сумму, равную стоимости непогашенного кредита. Таким образом, для них потеря становится реальной. Если банк вынужден списать большое количество невозвратных займов, тогда их объем может превысить всю сумму капитала собственников. Когда это случается, значит, игра окончена, банк – банкрот.

Такого обстоятельства было бы достаточно, чтобы мотивировать большинство банкиров быть очень консервативными в своей кредитной политике, и действительно большинство действует очень осторожно, когда имеет дело с частными лицами и малым бизнесом. Но Федеральная резервная система, Федеральная корпорация страхования депозитов и Федеральная корпорация по депозитам и займам теперь гарантируют, что крупные займы большим корпорациям и другим государственным учреждениям не свалятся целиком на собственников банков, если эти займы окажутся невозвратными. Приводится аргумент, что если этим корпорациям или банкам дать упасть, то государство пострадает из-за широкомасштабных неплатежей и экономической дестабилизации. Подробнее об этом – ниже.

ИГРА «БЕССРОЧНЫЙ ДОЛГ»

Такая политика банков в результате привела к тому, что банкиры, защищённые от последствий собственного безрассудства, не считали нужным быть осмотрительными. Чем больше займов, тем лучше, потому что это даёт самую большую прибыль при минимальных усилиях. Единственный заем в страну третьего мира, приносящий сотни миллионов долларов чистой прибыли в годовых процентах, обрабатывается так же легко, если не легче, чем заем в 50 000 долларов местному торговцу на торговую площадку. Если процент выплачивается, загребают барыши. Если кредит не выплачивается, федеральное правительство, «защищая народ», использует разные механизмы, которые вскоре будут описаны, и обеспечит банкирам получение их процентов.

Индивидуальные и малые предприниматели считают, что нелегко взять кредит за разумные проценты, потому что банки могут получить больше денег на займах корпоративным гигантам и иностранным правительствам. Кроме того, большой кредит безопаснее для банка, потому что правительство возместит потери, даже в случае, если кредит отказались выплачивать. Для

малых займов таких гарантий нет. Народ не поверит, что спасение маленького человека нужно для спасения Системы. Долларовые суммы слишком малы. Только с упомогачительными цифрами предприятие имеет веские основания.

Важно напомнить, что банки вовсе не желают, чтобы их ссуды выплачивались, кроме суммы, подтверждающей надёжность заёмщика. Они делают прибыль из процента по кредиту, а не из кредитных выплат. Если кредит выплачен, банку нужно искать другого заёмщика, и это может стать дорогостоящей обузой. Намного лучше иметь заёмщика, платящего только процент и *никогда* не выплачивающего сам кредит. Такой процесс называется пролонгированием срока выплаты долга. Одной из причин, почему банки предпочитают давать кредиты правительствам, является то, что они и не надеются, что эти кредиты будут когда-либо выплачены. Когда в 1982 году Уолтер Ристон был председателем правления банка «Ситикорп», он превозносил достоинства таких действий:

Если бы у нас был акт о правдивости правительства, аналогичный закону о правдивости рекламы, каждый билет, выпускаемый Казначейством, обязательно содержал бы такую фразу: «Данный билет будет выкуплен на выручку от идентичного билета, который будет продан населению, когда наступит срок».

Если эта деятельность осуществляется в Соединённых Штатах, что происходит еженедельно, она характеризуется как аукцион казначейских векселей. Но когда, по сути, тот же процесс производится за границей, в сфере иностранного языка, наши СМИ обычно говорят об «оттягивании страной выплаты своих долгов». Создаётся впечатление, что неминуемо какое-то бедствие. Это не так.

Чтобы увидеть, почему, надо просто понять существенные факты правительственного заимствования. И первый факт – что есть немного зарегистрированных случаев в истории правительства, любого правительства, реальной выплаты долга. Конечно, в эпоху стомиллиардных долларовых дефицитов никто, ссужающий деньги нашему правительству покупкой казначейского векселя, не надеется, что он будет оплачен в срок каким-то иным образом, а не продажей правительством нового векселя на ту же сумму¹.

ИГРА «ОТТЯГИВАНИЕ ВЫПЛАТЫ ДОЛГА»

Поскольку при такой системе банкам выгоднее выдавать большие ненадёжные займы, они именно такие займы и будут выдавать. Более того, как и

¹ «Banking Against Disaster», by Walter B. Wriston, *The New York Times*, September 14, 1982.

следует ожидать, самые ненадёжные займы, в конце концов, приводят к неплатежам. Когда в итоге заёмщик объявляет о невозможности платить, банк отвечает оттягиванием выплаты долга. Это часто выставляется как уступка со стороны банка, но в действительности это знаковое продвижение к цели – непрерывному получению процентов.

Наконец, заёмщик подходит к моменту, когда он не может больше платить даже проценты. Теперь игра становится более сложной. Банк не хочет потерять проценты, потому что это – его поток дохода. Но он не может также позволить заёмщику уйти в дефолт, поскольку это потребовало бы полного списания со счета, которое, в свою очередь, могло бы разорить активы собственника и вывести банк из бизнеса. Поэтому следующим шагом банка станет создание из ничего дополнительных денег и предоставление *их* заёмщику в таком количестве, чтобы он мог *продолжать выплачивать проценты*, которые теперь он должен выплачивать и по первоначальному займу, и плюс по новому, дополнительному, займу. Все выглядит так, будто почти что разорение вдруг превращается блестящей игрой в большую удачу. Это не только сохраняет в гроссбухе старый заем как актив, это фактически увеличивает представляемый объем этого актива и ведёт к увеличенной выплате процентов, то есть к большей прибыли банка.

ИГРА «ПОДНЯТЬ СТАВКУ»

Рано или поздно заёмщик начинает тревожиться. Он не заинтересован выплачивать проценты, когда ничего не остаётся себе. До него доходит, что он попросту работает на банк, и однажды прекращает выплачивать проценты. Сторона противника, обдумывая ситуацию, планирует следующий шаг, затем бросается в схватку за мяч, обе стороны накидываются друг на друга с угрозами. Заёмщик просто не может и потому не будет платить. Взмайте, если сможете. Кредитор угрожает занести заёмщика в чёрный список, что означает, что тот никогда больше не сможет получить заем. В конце концов, разрабатывается «компромисс». Как и прежде, банк соглашается сделать *ещё* денег из ничего и предоставить *их* заёмщику для выполнения платежей по обоим предыдущим займам, но на этот раз он повышает ставку, чтобы заёмщик имел *дополнительные* деньги и на другие расходы, *помимо* процентов. Высший балл! Заёмщик вдруг получает свежий доступ к деньгам для *собственных* нужд, плюс еще достаточно для выплаты этих тягостных процентов. Банк, с другой стороны, теперь имеет ещё *большие* активы, *больше* поступающих процентов и *большую* прибыль. Какая блестящая игра!

ИГРА «РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ»

Предыдущие игры могут повторяться несколько раз, пока, наконец, реальность не осенит заёмщика, и он не поймёт, что он все глубже и глубже погружается в долговую яму без надежды выбраться из неё. Такое понимание обычно приходит, когда выплаты по процентам становятся так велики, что равняются почти полностью доходам корпорации или налоговой базе страны. В это время оттягивание выплат с помощью больших займов уже отвергается, и дефолт кажется неизбежным.

Но подождите. Что это? Игроки снова готовы к схватке! Великое противостояние. Зовут судей. Два пронзительных свистка возвещают о победе *обеих* сторон. Голос из системы общего оповещения провозглашает: «Этот заем *реструктурирован*».

Реструктуризация – это обычно комбинация понижения ставки процента и продления срока выплаты. Эффект, главным образом, косметический. Это сокращает помесечный платёж, но продлевает его в будущее, то есть несколько облегчает заёмщику текущую нагрузку, но и делает возврат капитала ещё менее вероятным. Это отсрочивает расчётный день, а пока вы смотрите так: «Заем остаётся в активе, и платежи по процентам продолжают поступать».

ИГРА «ЗАЩИТА НАРОДА»

В конце концов, расчётный день наступает. Заёмщик понимает, что он может *совсем не* возвращать капитал, и наотрез отказывается платить проценты по нему. Наступает время финального манёвра. Согласно «Banking Safety Digest», который специализируется на рейтинге надёжности американских банков и S&Ls, большинство банков, имеющих дело с «проблемными займами», ведут абсолютно прибыльный бизнес:

Отметим, что, не принимая в расчёт займы третьего мира, большинство крупных банков страны ведут бизнес абсолютно рентабельно. В противовес со все углубляющимся кризисом S&L доходность банков была той силой, с помощью которой они освободились (хотя и не быстро) от своего внешнего долга... При уровнях доходности последнего года банковская индустрия теоретически могла бы «выкупить» целиком свои собственные латиноамериканские займы в течение двух лет¹.

¹ «Overseas Lending... Trigger for A Severe Depression?». *The Banking Safety Digest* (U.S. Business Publishing/Veribanc, Wakefield, Massachusetts), August, 1989, p. 3.

Банки *могут* списать в убытки свои невозвратные займы мультинациональным корпорациям и иностранным правительствам, но это не соответствует правилам. Это привело бы к существенным убыткам для акционеров, которые в период корректировки получили бы маленькие дивиденды или вообще никаких, и любому топ-менеджеру, избравшему такой курс, вскоре пришлось бы искать новую работу. Что это не входит в план игры, становится ясно из того факта, что, списывая малую долю латиноамериканского долга, банки продолжают выдавать гигантские займы правительствам других стран мира, в частности Африке, Китаю, России и восточноевропейским странам. По причинам, которые анализируются в Главе 4, есть небольшая надежда, что выполнение этих займов будет отличаться от выполнения латиноамериканских займов. Но самая главная причина, чтобы не списывать эти займы в убытки, кроется в существовании еще одной стандартной игры, которая может вдохнуть жизнь в невыплаченные займы и реанимировать благодатный поток дохода, проистекающий от них.

Расскажем теперь, как это работает. Капитаны обеих команд подходят к судьям и Главному Арбитру матча и требуют продолжить игру. Довод – что это в интересах публики, что зрители в такое прекрасное время огорчатся, если матч закончится. Они предлагают также, пока зрители на стадионе получают удовольствие, приказать персоналу парковки тихо снять колпаки с колёс всех машин. Их можно продать, чтобы получить средства на дополнительные выплаты всем игрокам, а также судьям и, разумеется, самому Главному Арбитру. Это просто справедливо, поскольку они теперь будут работать сверхурочно в пользу зрителей. Когда сделка, наконец, заключена, трижды звучит свисток, и рёв радостного удовлетворения проносится по стадиону.

В менее узнаваемой форме та же игра может выглядеть так: президент кредитующего банка и руководитель финансовой службы корпорации или правительства, объявивших о дефолте, встречаются и вместе отправляются в Конгресс. Они объясняют, что заёмщик исчерпал свои возможности обслуживать заем, и без содействия федерального правительства наступят ужасные последствия для американского народа. Это означает не только безработицу и лишения у себя в стране, но и вызовет масштабное обрушение мировых рынков. И, поскольку мы теперь так зависим от этих рынков, упадёт наш экспорт, иностранные капиталы иссякнут, и мы сильно пострадаем. Что нужно, скажут они, так это то, чтобы Конгресс предоставил заёмщику деньги прямо или косвенно, которые дадут ему возможность снова платить проценты по займу и принять новые программы финансирования, которые были бы так прибыльны, что он вскоре мог бы всем вернуть долги.

В рамках этого плана заёмщик обязуется в качестве судьи с третьей стороны принять программу жёсткой экономии и гарантировать, что несколько из новых денег не будет растрачено непроизводительно. Банк также согласен списать малую часть займа как жест готовности разделить бремя. Этот шаг,

конечно, предусматривался с самого начала – отступить на шаг назад, чтобы сделать гигантский шаг вперёд. В конце концов, утраченная из-за списания сумма была сделана из ничего, во-первых, а во-вторых, без этого финального манёвра *все целиком* было бы списано. Более того, это скромное списание – просто ничто по сравнению с суммой, которую они выручат при восстановлении потока доходов.

ИГРА «ГАРАНТИРОВАННАЯ ВЫПЛАТА»

Одна из стандартных вариаций финального манёвра – это когда правительство предоставляет не прямо денежные средства, а *кредит* на финансовые средства. Это значит – *гарантировать* будущие платежи, даже если заёмщик снова объявит дефолт. Как только Конгресс на это соглашается, правительство становится сопоручителем займа, и неизбежные потери в итоге уходят из гроссбуха банка и ложатся на плечи американского налогоплательщика.

Деньги теперь начинают двигаться в банки через сложную систему федеральных агентств, международных агентств, агентств иностранной помощи и прямых субсидий. Все эти механизмы взимают платежи у американского народа и направляют их несостоятельным заёмщикам, которые пересылают их банкам для обслуживания своих займов. Очень малая доля этих денег реально приходит из налогов. Почти все они произведены Федеральной резервной системой. Когда эти заново созданные деньги возвращаются в банки, они тут же снова поступают в экономику, где смешиваются с уже имеющимися там деньгами, приводя к «разводнению» их стоимости. В результате начинается подъем цен, а на самом деле происходит снижение стоимости доллара.

Простые американцы и представления не имеют, что они оплачивают вексель. Они знают, что *кто-то* стащил их колпаки с колёс, но думают, что это жадный бизнесмен поднимает цены, или эгоист-работник требует повышения зарплаты, или презренный фермер запрашивает слишком дорого за свой урожай, или богач-иностранец взвинчивает на аукционе наши цены. Они не понимают, что эти группы *тоже* жертвы монетарной системы, которая постоянно подрывается деятельностью Федеральной резервной системы.

Незнание народом, как дело выглядит на самом деле, было наглядно продемонстрировано во время недавнего ТВ-шоу Фила Донахью. Темой разговора был ссудо-сберегательный кризис и миллиарды долларов, в которые он обошёлся налогоплательщикам. Человек из аудитории поднялся и раздражённо спросил: «Почему правительство не может заплатить эти долги вместо налогоплательщиков?». И аудитория в несколько сотен людей действительно с энтузиазмом его поддержала!

ПРОЦВЕТАНИЕ ПРИ ПЛАТЕЖНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Поскольку крупные корпоративные займы часто гарантируются федеральным правительством, кто-то может подумать, что банки, предоставляющие эти займы, не имеют никаких проблем. Однако многие из них ухитряются при этом стать неплатёжеспособными. Как мы увидим позже в другой главе, банкротство в действительности присуще самой системе, называемой частичным банковским резервированием.

Тем не менее, банк может просто замечательно работать и в состоянии неплатёжеспособности, пока его клиенты не знают об этом. Деньги делаются и преобразуются из одной формы в другую всего лишь проводкой в гроссбухе, и творческая бухгалтерия всегда может создать итоговую строку для баланса. Проблема возникает, когда вкладчики решают, независимо от причин, снять со счета свои деньги. И вот те на! Их, оказывается, недостаточно для всех. И, когда это выясняется, кот, наконец, выходит из мешка. Банк должен закрыть двери, и вкладчики, ещё ожидающие снаружи... да, именно так: ещё ожидающие.

Надлежащее решение этой проблемы состоит в том, чтобы требовать от банков, как от любого другого бизнеса, выполнения своих обязательств. Если они говорят своим клиентам, что депозиты «выплачиваются по первому требованию», тогда они должны держать достаточно наличности, чтобы выполнить это обещание, независимо от того, когда клиент захочет их забрать или как много захочет забрать. Другими словами, они должны бы держать в хранилище наличность в объёме 100% счетов их вкладчиков. Когда мы сдаём нашу шляпу гардеробщице и получаем номерок, мы же не думаем, что она даст её кому-то поносить, пока мы съедаем наш обед, и надеемся, что она нам вернёт её или точно такую же, когда мы соберёмся уходить. Мы полагаем, что все шляпы остаются там все время, и не возникнет проблемы получить их обратно точно тогда, когда мы этого захотим.

С другой стороны, если банк говорит нам, что он собирает наш вклад отдать в займы другим, и мы можем получить небольшой процент от этого, тогда он также должен сказать нам прямо, что мы *не можем* забрать наши деньги по первому требованию. Почему нет? Потому что их выдали в ссуду, и их больше нет в хранилище банка. Клиентам, получающим процент от своего счета, должны были бы сказать, что у них *срочный* вклад, а не *до востребования*, поскольку банку нужно определённое количество времени, чтобы возместить деньги, которые были выданы в кредит.

Все это совсем не трудно понять, однако банковских клиентов об этом редко информируют. Им говорят, что они могут получить свои деньги в любое время, когда захотят, *и кроме того*, им выплатят ещё и процент. Даже

если *они* не получают процент, *банк* его получает – вот как много услуг предлагается клиенту за малую цену или вовсе даром! По случаю, задержка в 30 или 60 дней будет оговариваться как возможность, но это совсем не адекватно для депозитов, преобразованных в 10-, 20- или 30-летние займы. Банки просто играют на шансы, что все будет работать *большую часть времени*.

Мы рассмотрим этот вывод более детально позже, а сейчас достаточно знать, что полное разоблачение – это не то, как ведётся банковская игра. Федеральная резервная система легализовала и регламентировала мошенничество в виде выпуска большого количества номерков на шляпы, чем есть шляп, и изобрела сложные методы маскировки этой практики, представляя её как совершенно правильный и обычный способ ведения банковских операций. Студентам-финансистам говорят, что у системы просто нет другого способа функционировать. Как только это допущение принято, все внимание может быть сфокусировано не на изначальном мошенничестве, а на путях и средствах смириться с ним, и делать это настолько безболезненно, насколько возможно.

Основываясь на допущении, что только незначительный процент вкладчиков захочет снять свои деньги одновременно, Федеральная резервная система позволяет государственным коммерческим банкам работать с немислимо тонким слоем наличности для выполнения их обещания платить «по требованию». Когда деньги в банке иссякают и он не в состоянии выполнить обещание, тогда подключается Система как последний кредитор в критической ситуации. На банкирском языке это означает, что она готова делать деньги из ничего и тут же ссужать их любому банку, столкнувшемуся с проблемами. (Детальнее о том, как это делается, будет описано в Главе 8.) Но существуют практические границы того, в какой мере этот процесс может работать. Даже ФРС не сможет поддержать банк, который очутился в такой глубокой яме, что нет реального шанса оттуда его вытащить. Когда бухгалтерские активы банка, в конце концов, становятся меньше его обязательств, тогда правила игры требуют перевода потерь на самих вкладчиков. То есть они платят *дважды*: один раз как налогоплательщики и второй раз как вкладчики. Механизм, посредством которого это выполняется, называется Федеральная корпорация страхования депозитов (FDIC).

ИГРА FDIC

FDIC (Федеральная корпорация страхования депозитов) гарантирует, что каждый застрахованный депозит будет выплачен, независимо от финансового состояния банка. Деньги для этого придут из специального фонда, который получен из долевых взносов участвующих банков. Банки, разумеется, не пла-

тят этот взнос. Как все другие расходы, их основная часть, в конце концов, переходит на клиентов в виде увеличенной стоимости услуг и пониженной ставки процента на депозиты.

FDIC обычно описывается как страховой фонд, но это худший вариант мошеннической рекламы. Одно из первых условий страхования – оно должно избегать того, что страховщики называют «риском недобросовестности». Это ситуация, когда держатель полиса имеет мало стимулов избегать или предупредить то, от чего он будет застрахован. Если присутствует риск недобросовестности, для человека нормально быть беспечным, и возрастает вероятность, что случится как раз то, от чего он застрахован. Примером могла бы послужить правительственная программа, принуждающая каждого платить равную сумму в фонд, защищающий от расходов на штрафы за неправильную парковку. Не осмеливаются даже упоминать это абсурдное предложение, чтобы какой-нибудь предприимчивый политикан не поставил его на голосование. Поэтому позвольте нам обратить на это ваше внимание. Если такой тупой план был бы принят, случилось бы две вещи: (1) почти каждый вскоре постарается получить штрафные парковочные талоны и (2) поскольку их теперь так много, то счета по оплате этих талонов намного превысят предусмотренные затраты без так называемой защиты.

FDIC работает точно таким образом. Вкладчикам заявляют, что их счета застрахованы, то есть защищены на случай, если их банк станет неплатёжеспособным. Чтобы оплачивать эту защиту, для каждого банка устанавливается специальный процент от суммы его вкладов. Этот процент один и тот же для всех банков, независимо от их предшествующих учётных данных или от того, насколько рискованно их кредитование. Банки, выдающие рискованные займы, получают более высокую ставку процента, чем работающие консервативно. Они также с большей вероятностью будут брать деньги из фонда, однако же они не платят ни на цент больше. Консервативные банки оказываются в невыгодном положении и постепенно начинают тоже кредитовать более рискованно, чтобы не отставать от конкурентов и взять свою «добрую долю» фонда. Риск недобросовестности, следовательно, прямо встроен в систему. Как в случае защиты от парковочных талонов, FDIC увеличивает вероятность, что то, от чего застраховано, на самом деле случится. Это не решение проблемы, это *часть* проблемы.

РЕАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ БЫЛО БЫ БЛАГОМ

Настоящая программа страхования вклада, будь она полностью добровольной и связанной с реальными рисками, была бы благом. Банки с солидными кредитами в их grossбухах могли бы получить защиту для своих вкладчиков по разумной ставке, поскольку шансы страховой компании, которая

должна их выплачивать, были бы малы. Банки с ненадёжными кредитами, однако, должны были бы платить ставку намного больше или, возможно, не могли бы получить страховое покрытие по любой цене. Вкладчики, следовательно, узнали бы мгновенно, без дальнейших разбирательств, что банк без страхования – это не то место, куда они хотели бы вложить деньги. Чтобы привлечь вклады, банки должны иметь страховку. Чтобы иметь страховку по ставке, которую они могли бы себе позволить, банки должны продемонстрировать страховой компании, что их финансовые дела – в хорошем состоянии. Следовательно, банки, которые не соответствуют минимальным стандартам разумной деловой практики, в скором времени не будут иметь клиентов и будут вытеснены из бизнеса. Программа добровольного частного страхования действовала бы как мощный регулятор всей банковской индустрии намного более эффективно и добросовестно, чем могла бы это делать любая политическая структура. К сожалению, сегодня не таков банковский мир.

«Защита» FDIC не является страховкой в любом смысле слова. Это всего лишь часть политической структуры, созданная для того, чтобы выручать самых влиятельных членов банковского картеля, когда они сталкиваются с финансовыми трудностями. Как мы уже видели, первая линия защиты в этой схеме состоит в том, чтобы реанимировать большие просроченные займы с помощью предоставленных Конгрессом налоговых долларов. Если это не приносит успеха и банк больше не может скрывать свою несостоятельность путём творческого ведения госсбуха, то очень вероятно, что скоро встревоженные вкладчики выстроятся в очередь, чтобы забрать свои вклады, которых у банка нет. Вторая линия защиты поэтому – вмешательство FDIC, которая выполнит эти платежи за них.

Банкиры, конечно, не хотят, чтобы это случилось. Это последняя инстанция. Если банк выручили таким образом, то менеджмент будет уволен, а то, что осталось от бизнеса, перейдёт в другой банк. Кроме того, стоимость акций резко упадёт, но это коснётся только малой части держателей акций. Имеющие контрольный пакет акций и руководство банка задолго до этого видят нависшую катастрофу и могут продать свой пакет акций, пока цены ещё высоки. Люди, создающие проблемы, редко страдают от экономических последствий своих действий.

FDIC НИКОГДА НЕ БУДЕТ СУБСИДИРОВАТЬСЯ АДЕКВАТНО

FDIC никогда не будет иметь достаточно денег, чтобы выполнить свои потенциальные обязательства для всей банковской системы. Если бы такая сумма существовала, её бы держали сами банки, и страховой фонд совсем

бы не был нужен. Вместо этого деятельность FDIC основывается на том же предположении, что и банки: что только малому проценту вкладчиков понадобится деньги в одно и то же время. Поэтому сумма, которую держат в резерве, никогда не больше нескольких процентных пунктов от общей суммы обязательств. Обычно FDIC держит около 1,20 доллара на каждые 100 долларов покрываемых вкладов. Сегодня, однако, это число упало до 70 центов и ещё падает. Это означает, что финансовые риски почти в 99 раз больше, чем сетка безопасности, которая должна их улавливать. Падение всего лишь одного или двух больших банков в системе может полностью опустошить весь фонд.

И ситуация даже ещё хуже. Хотя гроссбух может показывать, что в фонде много миллионов или миллиардов, но это всего лишь изобретательная деятельность бухгалтерии. По закону деньги банковских взносов должны инвестироваться в казначейские бонды, это означает, что они ссужаются правительству и немедленно расходуются Конгрессом. Поэтому в финальной стадии данного процесса у самой FDIC деньги на исходе, и она обращается сначала в Казначейство, затем в Конгресс за помощью. Это, конечно, акт крайнего отчаяния, но в СМИ это обычно представляется свидетельством великой силы системы. «U.S. News & World Report» услужливо описывает это таким образом: «И если бы агентствам понадобилось ещё больше денег, то Конгресс обеспечил бы полное доверие и кредит федерального правительства»¹. Черт, вот это да! Вот здорово! Это вселяет радужное чувство понимания, что капитал хорошо защищён.

Теперь посмотрим, что действительно означает «полное доверие и кредит федерального правительства». Конгресс, и так кругом в долгу, не имеет денег тоже. Он не решается открыто поднять налоги, чтобы покрыть дефицит, поэтому прибегает к дополнительному займу, предлагая на продажу ещё больше казначейских облигаций. Публика разбирает часть этих долговых расписок (I.O.U.s), а Федеральная резервная система выкупает остальные. Если монетарный кризис близок, а сумма займа велика, ФРС заберёт весь выпуск.

Но ФРС тоже не имеет денег. Следовательно, она реагирует созданием из ничего суммы фирменных новых денег, равной сумме долговых расписок, и FDIC с помощью волшебников центрального банка, наконец, профинансирована. Эти новые деньги хлынули в банки, где они используются для выплаты вкладов. Это наводнило экономику, размывая ценность всех денег и вызывая подъем цен. Старый зарплатный чек уже не может купить столько же, как раньше, поэтому мы учимся жить на немного меньшую зарплату. Однако, видите? Двери банка снова открыты, и все вкладчики счастливы, пока они не вернутся к своим машинам и не обнаружат, что на колёсах нет колпаков!

Вот это и означает «полное признание и доверие федерального правительства».

¹ «How Safe Are Deposits in Ailing Banks, S&L's?». *U.S. News & World Report*, March 25, 1985, p. 73.

РЕЗЮМЕ

Хотя процессы в национальной монетарной системе могут показаться таинственными и хаотичными, они управляются по хорошо разработанным правилам, которым банкиры и политики твёрдо следуют. Основное, что нужно знать, чтобы понимать эти процессы, – это то, что все деньги в банковской системе создаются из ничего в процессе предоставления займов. Просроченный кредит поэтому стоит банку лишь незначительной части реальных активов, но в грессбухе показывается как уменьшение активов без соответствующего уменьшения обязательств. Если невозвратные кредиты превышают размер активов, банк становится технически неплатёжеспособным и должен закрыть двери.

Поэтому первое правило выживания – избегать широкомасштабного списания со счета невозвратных кредитов и по возможности получать непрерывно хотя бы проценты по ним. Чтобы это выполнить, угрожаемые займы увеличиваются, а выплаты пролонгируются. Это обеспечит заёмщика деньгами и позволит ему продолжать выплачивать проценты и плюс ещё тратить на собственные нужды. Базовая проблема не решается, но откладывается на некоторое время и делается хуже.

Окончательное решение в интересах банковского картеля состоит в гарантии федерального правительства выплатить заем, если в будущем заёмщик окажется неплатёжеспособным. Это достигается увещанием Конгресса, что дефолта допустить нельзя, так как это причинит большой вред экономике и тяготы народу. С этого момента бремя займа удаляется с банковского грессбуха и переводится на налогоплательщика. Если такая операция не удаётся и банку угрожает банкротство, то последняя надежда – обратиться во FDIC для выплат вкладчикам. FDIC – это не страховка, поскольку наличие «риска недобросовестности» привело бы к защите от того, что случится с наибольшей вероятностью. Часть средств FDIC происходит из долевого взноса банков. В конечном счёте, однако, они платятся самими вкладчиками. Когда эти средства иссякают, баланс обеспечивается Федеральной резервной системой в форме свежих, вновь сделанных денег. Они текут в экономику, вызывая видимый подъем цен, но в действительности – снижение стоимости доллара. Конечная стоимость спасения банка, следовательно, переносится на население в виде скрытого налога, называемого инфляцией.

Но довольно о правилах игры. В следующей главе мы рассмотрим с картой показателей саму реальную игру.

ГЛАВА 3

ЗАЩИТНИКИ НАРОДА

Реальные игры по спасению банков: «Пенн Сентрал», «Нью-Йорк Сити», «Крайслер», «Банк Содружества» Детройта, «Первый банк Пенсильвании», «Континенталь Иллинойс»; и начиная с 2008 года практически всех больших банков, AIG, автомобильных компаний и даже банков других стран.

В предыдущей главе мы провели аналогию со спортивным мероприятием, чтобы показать, какие манёвры используют финансовые и политические деятели для спасения от банкротства тех коммерческих банков, которые вошли в картель Федеральной резервной системы. Опасность такого подхода в том, что может составиться впечатление несерьёзности темы. Поэтому оставим аналогии и вернёмся в реальность. Теперь, узнав правила игры, можем оценить, во что она обходится, и тогда станет ясно, что это вовсе не мелочь. Хорошо начать с расследования спасательной операции, предпринятой для консорциума банков, выдавших сомнительные кредиты Центральной железной дороге Пенсильвании.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА ПЕНСИЛЬВАНИИ

Центральная железная дорога Пенсильвании («Пенн Сентрал») обладала обширной сетью железных дорог, её штат составлял 96 000 служащих, а еженедельная сумма заработной платы – 20 миллионов долларов. В 1970 году компания стала самым большим банкротом в стране. Она задолжала почти каждому банку, пожелавшему предоставить ей ссуду, в их числе оказались: «Чейз Манхеттен», «Морган Геренти», Ганноверская производственная корпорация, Первый Национальный Сити-банк, Химический банк и Континентальный банк Иллинойса. Сотрудники этих банков вошли в совет директоров «Пенн Сентрала», что было условием для получения ссуд, и обрели контроль над менеджментом железных дорог. У банков также были большие блоки акций «Пенн Сентрала» в их трастовых отделах. Банкиры, заседавшие в совете директоров, обладали информацией задолго до того, как она доходила до

населения и могла повлиять на рыночную стоимость акций «Пенн Сентрала». Крис Уэллс так описывает то, что случилось, в книге «Последние дни клуба»:

21 мая, за месяц до того, как железная дорога пошла ко дну, Дэвид Беван, главный финансовый директор «Пенн Сентрала», конфиденциально проинформировал представителей банков-кредиторов компании, что её финансовые обстоятельства так плохи, что он вынужден отсрочить попытку увеличить отчаянно необходимые оборотные средства на 100 миллионов долларов путём выпуска облигаций. Вместо этого, сказал Беван, железная дорога добивается какой-то правительственной кредитной гарантии. Другими словами, если железная дорога не сможет организовать федеральные меры спасения, она вынуждена будет прекратить работу. На следующий день трастовый отдел «Чейз Манхеттена» продал 134 300 акций своего пакета «Пенн Сентрала». До 28 мая, когда народ узнал об отсрочке выпуска облигаций, «Чейз» продал ещё 128 000 акций. Дэвид Рокфеллер, председатель совета банка, упорно отрицал, что «Чейз» действовал на основе внутренней информации¹.

Фактически все управленческие решения, приведшие к крушению «Пенн Сентрала», принимались с согласия его совета директоров, то есть банков, предоставивших займы. Банки оказались в беде не из-за плохого управления «Пенн Сентралом», они *сами и были* плохим управлением «Пенн Сентрала». Исследование, проведённое в 1972 году конгрессменом Райтом Патманом, председателем Комитета по банковскому делу и валюте Палаты представителей, показало следующее: банки предоставляли большие займы на провальные проекты расширения, а затем ссужали дополнительные миллионы, чтобы железная дорога могла платить дивиденды акционерам. Это создавало ложную видимость процветания и вздувало цены их акций, которые достаточно долго и в большом количестве сбрасывались на ничего не подозревавшую публику.

Таким образом, банкиры-менеджеры устроили себе три способа процветания. Они: (1) получали дивиденды по не имеющим никакой ценности акциям; (2) получали проценты по займам, которыми финансировались эти дивиденды, и (3) смогли сбыть 1,8 миллиона акций, — *после* получения дивидендов, разумеется, — по нереально высоким ценам². Высшие руководители компании реализовали таким путём свои пакеты акций, получив каждый более 1 миллиона долларов³.

¹ Chris Welles, *The Last Days of the Club* (New York: E.P. Dutton, 1975), pp. 398-399.

² «Penn Central», 1977. *Congressional Quarterly Almanac* (Washington, D.C.: Congressional Quarterly, 1971), p. 838.

³ «Perm Central: Bankruptcy Filed After Loan Bill Fails», 1970. *Congressional Quarterly Almanac* (Washington, D.C.: Congressional Quarterly, 1970), p. 811.

ПЛЕВАТЬ НА НАРОД!

В сопроводительном письме к этому служебному докладу конгрессмен Патман делает такое заключение:

Все как будто – члены закрытого клуба, в котором «Пенн Сентрал» и его руководители могли получить, почти без вопросов, кредиты практически на все, что они пожелают, как в интересах компании, так и своих собственных, где банкиры, заседающие в Совете, мало интересовались, что происходит, просто позволяя правлению разрушать компанию, инвестировать в сомнительные мероприятия, а иногда заниматься и незаконной деятельностью. Эти банки взамен получили большую часть прибыльного банковского бизнеса компании. Пока шла игра, все эти сделки оказывались в интересах каждого члена клуба, а железная дорога и население были им безразличны¹.

Кризис наличности компании достиг пика перед уик-эндом, и, чтобы избежать объявления о банкротстве в понедельник утром, Артур Бернс, глава ФРС, позвонил домой главам банков ФРС по всей стране и просил сообщить немедленно, что система собирается помочь. В воскресенье Уильям Трайбер, первый вице-президент Нью-Йоркского филиала ФРС, связался с исполнительными директорами десяти самых больших банков в Нью-Йорке и сказал им, что «учётное окно» ФРС завтра утром будет широко открыто. Если перевести на понятный язык, это означает, что ФРС готова напечатать новые деньги и передать их коммерческим банкам, чтобы они, в свою очередь, могли их умножить и повторно ссудить «Пенн Сентралу».² Процентные ставки для этих средств были достаточно низкими, чтобы компенсировать риск. Говоря о том, что произошло в понедельник, Бернс похвастал: «Я проводил заседание совета практически весь день, чтобы изменить «правило Кью», чтобы деньги могли течь на депозитные сертификаты в банках». Вспоминая это событие, Крис Уэллс описывает его одобрительно, как «всеми признаваемый звёздный час Федеральной резервной системы»³.

Звёздный час или нет, но банки были заинтересованы, поскольку были уверены, что поручителем по займам и гарантом оплаты станет налогоплательщик, почему действие неизбежно переместилось в Конгресс. Руководство «Пенн Сентрала», банкиры и представители профсоюза пришли всей толпой, чтобы объяснить, что железная дорога составляет насущную потребность населения, работающих людей, самой экономической системы. Военно-морское министерство говорило о защите «оборонных ресурсов» страны.

¹ Цитата из Уэллса, стр. 404–405.

² Подробнее об эффекте мультипликации см. Главу 8 «Механизм Мандрагоры».

³ Welles, pp. 407–408.

Конгресс, конечно, не мог бесчувственно проигнорировать такие насущные потребности. Он распорядился о ретроактивном повышении зарплаты на 13½ процента всем членам профсоюза, добавив бремя этих расходов к утке наличности железной дороги и загнав её ещё глубже в яму. Конгресс принял «Закон об экстренных услугах железной дороге» 1970 года, санкционировавший 125 миллионов долларов с федеральной гарантией по кредиту¹.

Ничто не решило основную проблему, но это и не предполагалось. Почти все знали, что в конечном счёте железная дорога будет «национализирована» – эвфемизм, которым для приличия обозначают ту чёрную дыру, в которой налоговые доллары исчезают навсегда. Что и произошло в 1971 году с созданием AMTRAC и в 1973 году – CONRAIL. AMTRAC взял на себя пассажирские перевозки «Пенн Сентрала», а CONRAIL – операции с грузоперевозками. CONRAIL – частная корпорация. Когда она создавалась, 85% акций принадлежали правительству. Остальные принадлежали её работникам. К счастью, правительственный пакет был продан в 1987 году путём публичного предложения.

AMTRAC продолжает находиться под политическим контролем и работает в убыток. В 1998 году Конгресс предоставил компании 21 миллиард долларов. К 2002 году она потребляла более 200 миллионов долларов налоговых поступлений в год. В 2005 году потребовалось увеличение субсидий до 1,8 миллиарда долларов в год. Между 1990 и 2009 годами потери составили ещё 23 миллиарда долларов. Между тем CONRAIL со времени возврата в частный сектор работает с прибылью и платит налоги, вместо того чтобы их тратить.

«ЛОКХИД»

В 1970 году «Локхид Корпорейшен», самый большой исполнитель оборонных заказов страны, оказался под угрозой банкротства. «Банк Америки» и несколько более мелких банков ссудили этому Голиафу 400 миллионов долларов и не хотели лишиться благодатных поступлений от этого кредита, поэтому они объединили усилия с руководством «Локхида», акционерами и профсоюзами и отправились в Вашингтон. Сочувствующим политикам сказали, что, если дать «Локхиду» рухнуть, 31 000 людей лишится работы, сотни субподрядчиков разорятся, тысячи поставщиков будут доведены до банкротства и национальная безопасность будет серьёзно подорвана. Что нужно компании – занять ещё денег, и много денег. Но по причине текущих финансовых затруднений никто не готов кредитовать.

План по спасению был быстро разработан Джоном Б. Коннелли, секретарём Казначейства, гарантировавшим платёж по дополнительным кредитам

¹ «Congress Clears Railroad Aid Bill, Acts on Strike», 1970. *Congressional Almanac* (Washington, D.C.: 1970), pp. 810-816.

в 250 миллионов долларов – сумма, которая повергла «Локхид» в долговую яму еще глубже на 60%, чем было до этого. Но это уже не имело значения. Как только налогоплательщик стал сопоручителем счета, банки перестали сомневаться по поводу предоставления средств.

Правительство теперь имело мощную мотивацию следить за тем, чтобы «Локхид» заключил как можно больше оборонных контрактов и чтобы они были как можно более прибыльными. Это был косвенный метод рассчитаться с банками налоговыми долларами, но делалось это так, чтобы не вызвать народного возмущения. Другие исполнители оборонных контрактов, работавшие более эффективно, должны были оставить бизнес, но это нельзя было доказать. К тому же небольшое увеличение в общей сумме оборонных расходов едва ли было бы замечено.

«НЬЮ-ЙОРК СИТИ»

В 1975 году Нью-Йорк достиг предела своих кредитных возможностей и не мог производить обычные выплаты. Причина не была тайной. Он стал мини-социальным штатом, и успех городской политики достигался щедрыми обещаниями льгот и субсидий для «бедных». Если в среднем большом городе число работающих составляло 31 человек на 1000 жителей, то в Нью-Йорке – 49, а их зарплаты превышали зарплаты в частном секторе. Техник-рентгенолог в частном госпитале зарабатывал 187 долларов в неделю, тогда как городской носильщик – 203 доллара. Банковские кассиры зарабатывали 154 доллара в неделю, а кассир на размене в городской подземке получал 212 долларов. Муниципальные дополнительные льготы вдвое превышали те же в частной индустрии. Верхом привилегий были бесплатное образование в колледжах, субсидируемое жилье, бесплатная медицинская помощь и бесконечное разнообразие программ социальной помощи.

Городские налоги совершенно не могли покрыть расходы на всю эту утопию. Было только три варианта: увеличить городские налоги, сократить расходы или залезть в долги. Выбор не вызывал никаких серьезных колебаний. К 1975 году Нью-Йорк выпустил столько облигаций, что они насытили рынок и не могли больше найти покупателей. Двумя миллиардами долларов этого долга владела маленькая группа банков, в которой доминировали «Чейз Манхеттен» и «Ситикорп».

Когда выплата процентов по этим займам, в конце концов, прекратилась, настало время начать игру во спасение. Банкиры и отцы города проехали вдоль побережья до Вашингтона и представили свой план Конгрессу. Самый большой город мира не может стать банкротом, сказали они. Системы жизнеобеспечения могут перестать функционировать, и миллионы жителей останутся без вывоза мусора, без транспорта, даже без полицейской защиты. Не-

хватка продовольствия, эпидемии и преступность быстро распространятся по городу. Это станет позором Америки. Дэвид Рокфеллер от «Чейз Манхеттен» убедил своего друга Гельмута Шмидта, канцлера Западной Германии, заявить в СМИ, что катастрофическая ситуация в Нью-Йорке могла бы вызвать международный финансовый кризис.

Конгресс не хотел анархии в Нью-Йорке и позора Америки, как и вызвать всемирную финансовую панику. Поэтому в декабре 1975 года он принимает постановление, обязывающее Казначейство предоставить городу прямые кредиты на 2,3 миллиарда долларов, сумму, которая более чем вдвое превышает размер текущего долга города банкам. Выплата процентов по старому долгу немедленно возобновилась, что и было целью игры. «Нью-Йорк Сити» остался благополучной утопией, и маловероятно, что он *когда-либо* расплатится с долгами.

«КРАЙСЛЕР»

В 1978 году корпорация «Крайслер» была на пороге банкротства. Она продлевала срок своего долга много раз, и эта фаза игры почти заканчивалась. Корпорация не была заинтересована в заимствовании только для выплаты процентов по существующим займам. Чтобы сделать игру стоящей её продолжения, она бы хотела иметь *миллиард* долларов нового капитала.

Менеджеры, банкиры и профсоюзные лидеры ради общего дела прибыли в Вашингтон. Если одной из самых больших корпораций в Америке дать обанкротиться, придётся думать о нуждах тысяч работников и их семей; считать убытки экономики из-за ударной волны безработицы, прокатившейся по всей стране; трепетать при мысли о проигранной конкуренции на автомобильном рынке, когда останется всего два главных бренда, из которых придётся выбирать, а не три.

Стал бы кто-либо винить Конгресс за его нежелание повергнуть невинные семьи в бедность, опрокинуть национальную экономику и лишить кого-то его конституционного права свободы выбора? Поэтому было принято постановление, предписывающее Казначейству гарантировать «Крайслеру» новые займы до 1,5 миллиарда долларов. Банки согласились списать 600 миллионов долларов старых займов и обменять дополнительно 700 миллионов долларов на привилегированные акции. Обе эти акции подавались как подтверждение того, о чем твердили банки – об ужасных убытках, но они готовы уступить ради спасения страны. Было замечено, однако, что стоимость акций, которые были обменены на ранее безнадежный долг, резко возросла, когда о заключении сделки объявили народу. К тому же не только, разумеется, возобновилась выплата процентов по старым займам, но банки теперь заместили списанную долю новыми займами, и это было

гораздо выше по качеству, поскольку они были полностью гарантированы налогоплательщиками.

«БАНК СОДРУЖЕСТВА» ДЕТРОЙТА

Следующее спасение, потребовавшее 1,5 миллиарда долларов, имело место в 1972 году с «Банком Содружества» Детройта. Этот банк обеспечил свой феноменальный рост благодаря кредитам от другого банка – «Чейз Манхеттен» в Нью-Йорке. Когда банк «Содружество» оказался на грани банкротства, в основном из-за спекуляций с ценными бумагами и злоупотреблений служебным положением части собственного менеджмента, «Чейз» реквизировал 39% общего пакета акций и получил реальный контроль над банком, пытаясь найти возможность вернуть свои деньги. Директор FDIC (Федеральной корпорации страхования депозитов) Спрейг описывает неизбежные последствия таким образом:

Руководство «Чейза»... решило, что «Содружество» представляет проблему общественной значимости, которая должна решаться правительственными органами. Таким далёким от изысканности намёком «Чейз» выразил свой запрос правительству об операции спасения... Их предложение, по сути, означало выручку акционеров, подавляющее большинство акций которых было «Чейза»¹.

Банкиры заявляли, что «Содружеству» нельзя дать обанкротиться, поскольку он предоставлял «существенные» банковские услуги обществу. Это обосновывалось двумя пунктами: (1) он обслуживает кварталы меньшинств и (2) в городе нет достаточного количества других банков, которые взяли бы на себя его операции без создания нездоровой концентрации банковского потенциала в руках немногих.

FDIC не хотела, чтобы её обвинили в пренебрежении нуждами меньшинств или нарушении свободы предпринимательства. Поэтому 17 января 1972 года «Банк Содружества» был спасён с помощью кредита в 60 миллионов долларов плюс многочисленные правительственные гарантии. «Чейз» понёс некоторые потери, но они были незначительными по сравнению с тем, что он потерял бы без вмешательства FDIC.

Раз продолжение деятельности банка было необходимо, как полагали, для предотвращения концентрации финансовой власти, FDIC организовала его продажу Первой Арабской корпорации, люксембургской фирме, основанной саудовскими принцами. Банк все пытался выпутаться, но в 1983 году то, что от него осталось, было перепродано бывшей Детройтской компании «Бэнк

¹ Sprague, p. 8.

энд Траст», теперь называемой «Комерика». Таким образом, пугавшая тогда концентрация местных полномочий была, в конце концов, реализована, но не прежде, чем «Чейз» смог выйти из дела с покрытием большей части своих убытков.

ПЕРВЫЙ ПЕНСИЛЬВАНСКИЙ БАНК

В 1980 году Первый Пенсильванский банк в Филадельфии был близок к банкротству. Имея активы более 9 миллиардов долларов, он был в шесть раз больше «Банка Содружества». Это был также старейший банк страны, его основание относится ко времени Банка Северной Америки, созданного в 1781 году Континентальным конгрессом.

Банк демонстрировал быстрый рост и солидную прибыль благодаря энергичному руководству его главного исполнительного директора Джона Бантинга, ранее – экономиста Федеральной резервной системы, воплощавшего собой тогдашнюю эру динамичных банкиров. Он намного увеличил доходы, сократив маржу надёжности, предоставляя рискованные ссуды и спекулируя на рынке облигаций. Пока экономика развивалась, эти авантюры были прибыльны. Однако, если рынок облигаций «прокисает», банк погружается в отрицательный поток наличности («кэш флоу»). В 1979 году «Первый Пенн» был вынужден распродать некоторые из своих прибыльных филиалов, чтобы получить оборотные средства, и имел невозвратных кредитов на 328 миллионов долларов. Это было на 16 миллионов долларов больше, чем сумма вложений от акционеров. Наступило время позаимствовать средства у налогоплательщиков, чтобы покрыть убытки.

Банкиры отправились в Вашингтон представить свою ситуацию. Дело, оказывается, было не только в спасении «Первого Пенна», «существенного» для бесперебойного банковского обслуживания в Филадельфии, но в опасности было и сохранение *мировой* экономической стабильности. Банк настолько велик, сказали они, что, если дать ему рухнуть, получат эффект домино, придут к международному финансовому кризису. Спрейг отмечает:

С самого начала оказывалось сильное давление, чтобы не дать банку обанкротиться. Мы слышали это не только от самого банка, от других крупных банков, от контрольно-финансового управления, но часто слышали и от ФРС. Я помню, во время одного заседания Фред Шульц, заместитель главы ФРС, убеждал, всё повышая голос, что альтернативы нет – мы обязаны спасти банк. Он сказал: «Перестаньте убивать время, говоря о чем-то еще!»¹.

¹ Sprague, pp. 88-89.

Директора FDIC не собирались скрещивать шпаги с Федеральной резервной системой, и они уж наверняка не хотели, чтобы их обвинили в обрушении всей мировой экономической системы, допустив падение первой костяшки домино. Таким образом, в надлежащий срок спасательный комплект был составлен. Он включил ссуду в 325 миллионов долларов от FDIC, беспроцентную в первый год и с субсидированной процентной ставкой в последующие годы, – около половины рыночной ставки.

«КОНТИНЕНТАЛЬ ИЛЛИНОЙС»

В начале 1980-х годов Чикагский «Континенталь Иллинойс» был седьмым по величине банком страны. Имея активы в 42 миллиарда долларов и 12 000 служащих, он показал впечатляющий рост своего кредитного портфеля. Его чистый доход по кредитам удвоился всего лишь за 5 лет и в 1981 году взлетел до годовой величины 254 миллиона долларов. Он стал любимчиком рыночных аналитиков, и в «Dun's Review» его назвали одной из пяти наилучшим образом управляемых компаний в стране. Эти лидеры общественного мнения не осознавали, что такие впечатляющие результаты были достигнуты не благодаря умелому ведению банковских операций или инвестированию, а благодаря финансированию слабых бизнес-предприятий и иностранных правительств, которые больше нигде уже не могли получить кредиты.

Пышное убранство стало опадать в уик-энд 4 июля 1982 года с крахом «Пенн Скуэр Бэнк» в Оклахоме. Это был пресловутый банк торгового центра, который разместил один миллиард долларов в нефтяные и газовые кредиты и перепродал их банку «Континенталь» прямо перед коллапсом энергетического рынка. Другие кредиты в это же время также начали «прокисать». Накатил кризис мексиканских и аргентинских долгов, и банкротства крупных компаний почти ежедневно заполняли новостные каналы. «Континенталь» большие суммы своих лёгких денег разместил в них всех. Когда эти события привели к падению кредитного рейтинга банка, обеспокоенные вкладчики начали забирать свои средства, а новое финансирование сократилось до тоненькой струйки. Банку не хватало наличности для ежедневных выплат. Стараясь привлечь новые деньги, он начал предлагать нереально высокие ставки процента за свои депозитные сертификаты. Кредитных клерков отправили прочёсывать рынки Европы и Японии и проводить пиар-кампанию, нацеленную на убеждение рыночных менеджеров, что банк спокоен и устойчив. Дэвид Тейлор, глава банка в то время, сказал: «У нас была команда поддержки "Континенталь Иллинойс", и мы рассеялись по всему миру»¹.

К концу 1983 года бремя недействующих кредитов достигло нетерпимых пропорций и продолжало расти при тревожном уровне ставки. В 1984 году

¹ Цитата из Чернова. С. 657.

их объем составил 2,7 миллиарда долларов. В тот же год банк продал свой прибыльный бизнес с кредитными картами, чтобы возместить потерю дохода и выплатить акционерам причитающиеся им квартальные дивиденды. Внутренняя структура была близка к коллапсу, но со стороны банк продолжал выглядеть так, будто дела шли как обычно.

Первая трещина на фасаде появилась в 11 часов 39 минут во вторник, 8 мая. «Рейтерс», британское агентство новостей, выдало сообщение по своей проводной связи, что банки в Нидерландах, Западной Германии, Швейцарии и Японии увеличили свои процентные ставки по кредитам «Континенталь» и что некоторые из них начали снимать средства со счетов. В том же сообщении говорилось, что, согласно официальному заявлению банка, слухи о предстоящем банкротстве «совершенно абсурдны».

ПЕРВЫЙ МИРОВОЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ «НАБЕГ НА БАНК»

На следующее утро, с восходом солнца, иностранные инвесторы начали снимать свои депозиты. Миллиард долларов в азиатских деньгах ушли в первый же день. На следующий день – чуть больше чем через 24 часа после уверения «Континенталь» о полной абсурдности слухов о банкротстве – Клиринговая корпорация «Борд оф Трейд», его долголетний клиент, сняла 50 миллионов долларов. Сообщение о бегстве клиентов распространилось по финансовой проводной связи, и началась паника. Это стало первой мировой глобальной электронной банковской паникой.

В пятницу банк вынужден был занять 3,6 миллиарда долларов у Федеральной резервной системы, чтобы покрыть утекающие депозиты. Консорциум 16 банков, возглавляемый «Морган Гаранти», великодушно предложил тридцатидневную кредитную линию, но все это было намного меньше того, что требовалось. Через семь дней отток возрос почти до 6 миллиардов долларов.

Вначале почти все происходило на институциональном уровне: это были другие банки и профессионально управляемые фонды, которые тщательно отслеживали малейшую деталь на финансовых рынках. Широкая публика не имела представления о разворачивавшейся катастрофе. Чернов пишет: «Набег на “Континенталь” напоминал какую-то модернистскую фантазию: не было толп истеричных депозитариев, всего лишь холодные краткие строчки, как ночной кошмар, на компьютерных экранах»¹. Спрейг пишет: «Внутри банка все было спокойно, кассовые линии работали как обычно, и банковские

¹ Chernow, p. 658.

служащие не выказывали никаких видимых признаков беспокойства, исключение – “телеграфная комната”. Здесь работники знали, что происходит: одно за другим приходили по телеграфу распоряжения о снятии денег, обескровливая “Континенталь” до смерти. Кто-то плакал»¹.

С самого начала рассматривался только один серьёзный вопрос: как обогатить выживание денег у налогоплательщиков, чтобы спасти банк. Правила игры требуют, чтобы афера представлялась как героическое усилие по защите народа. В случае с «Континенталь» с его огромными размерами этот трюк было относительно нетрудно проделать. Так много было вовлечено депозитариев, так много миллиардов было под угрозой, так много других банков вовлечено, что можно было заявлять об опасности для экономики всей страны или даже во всем мире. И кто бы мог сказать, что это не так. Спрейг рассматривает это дело в знакомых выражениях:

Встреча была назначена на раннее утро вторника 15 мая в ФРС... Мы обсудили альтернативы. Их было несколько, но реальных ни одной. [Секретарь Казначейства] Риган и [глава ФРС] Волкер выразили обычные опасения относительно национального банковского коллапса, то есть цепной реакции в случае банкротства «Континенталь». Волкер обеспокоился относительно международного кризиса. Мы все обратили внимание, что никогда прежде не закрывался банк, даже отдалённо приближающийся по размеру к «Континенталь». Никто не может знать, что произойдёт в стране и в мире. Не время узнавать это всего лишь ради интеллектуального любопытства².

Это был золотой момент, для которого и создавались ФРС и FDIC. Без вмешательства правительства «Континенталь» рухнул бы, его акционеры были бы разорены, депозитарии понесли бы большие убытки, а финансовый мир узнал бы, что банкам следует не только *говорить* о разумном руководстве, но и *осуществлять* его. Банковская практика в будущем должна бы существенно измениться, и долговременная экономическая польза для страны (и мира) стала бы огромной. Но *если* вмешивается правительство, то нарушается дисциплина свободного рынка, и цену банкротства и мошенничества оплачивает налогоплательщик. Депозитарии продолжают жить в сказочном мире ложной безопасности, а банки могут действовать рискованно или мошеннически, уверенные, что их политические партнёры придут им на помощь, когда они столкнутся с трудностями.

¹ Sprague, p. 153.

² Sprague, p. 154-155, 183.

ПОСЛЕДНИЙ КОМПЛЕКТ СПАСЕНИЯ

На встрече 15 мая секретарь Казначейства Риган красноречиво говорил о ценности свободного рынка, о необходимости банкам иметь свой собственный план спасения хотя бы, по меньшей мере, для части денег. Чтобы разработать такой план, на следующее утро был организован саммит глав семи самых крупных банков: «Морган Гаранти», «Чейз Манхеттен», «Ситибэнк», «Бэнк оф Америка», «Кемикел Бэнк», «Бэнкерз Траст» и «Мэньюфекчерерс Хановер».

Встреча была, в лучшем случае, формальной. Банкиры хорошо знали, что Администрация Рейгана не станет рисковать, получая политические проблемы из-за банкротства большого банка. Президент и Конгресс плохо бы выглядели во время перевыборов. Но, тем не менее, символический жест предусматривался для сохранения консервативного имиджа Администрации. Таким образом, по настоянию ФРС и Казначейства, консорциум согласился выделить сумму 500 миллионов долларов – в среднем всего лишь 71 миллион на каждого, что было далеко от реальной потребности. Чернов описывает этот план как «притворство» и говорит: «Они делали вид, что организуют спасение»¹. Спрейг сообщает детали:

Банкиры сказали, что они хотят подключиться каким-то образом, но не хотят терять деньги. Они настаивали на гарантиях. Они хотели, чтобы все выглядело, будто они вложили деньги, но в то же время хотели быть абсолютно уверены, что ничем не рискуют... К 7 часам 30 минутам утра мы достигли маленького прогресса. Нас заверили, что через несколько часов ситуация полностью выйдет из-под контроля. «Континенталь» вскоре начнёт свой новый рабочий день, а рынок акций откроется в 10 часов. Айзек [ещё один директор FDIC] и я переговорили в коридоре. Мы согласились продвинуться вперед без банков. Мы рассказали Коноверу [третий директор FDIC] о нашем плане, и он согласился...

[Позже] мы взяли слово с Берни Мак-Кеона, нашего регионального директора в Нью-Йорке, что банкиры согласятся рискнуть. На самом деле риск исключался, поскольку мы объявили о 100%-ном страховании»².

Последний комплект спасения был просто громадным. По существу, правительство взяло на себя управление «Континенталь Иллинойс» и все его

¹ Chernow, p. 659.

² Sprague, pp. 159-160.

убытки. FDIC взял невозвратные ссуды на 4,5 миллиарда долларов и заплатил за них «Континенталь» 3,5 миллиарда долларов, разность была восполнена предоставлением 1 миллиарда нового капитала в форме покупки акций. Банк, таким образом, имел теперь правительство в качестве акционера, контролирующего 80% его акций, а его плохие кредиты были сброшены на налогоплательщиков. Фактически «Континенталь», хотя он и сохранял видимость частного учреждения, был национализирован.

В 1984 году Федеральная резервная система и Казначейство предоставили «Континенталь» ошеломительную сумму – 8 миллиардов долларов. В начале 1986 года эта сумма возросла до 9,24 миллиарда и продолжала расти. Глава ФРС Пол Волкер, объясняя в Банковском комитете Сената подобное ограбление налогоплательщиков, сказал: «Такая операция является основополагающей функцией Федеральной резервной системы. Она для этого и создавалась»¹. Этими словами он подтвердил самое дискуссионное утверждение этой книги.

ПЛЕВАТЬ НА МАЛЫЕ БАНКИ

Ранее говорилось, что большие банки получают дармовое покрытие FDIC за счёт малых банков. Нет для этого лучшего примера, чем спасение «Континенталь Иллинойс». В 1983 году банк внёс 6,5 миллионов долларов в фонд, чтобы обеспечить депозиты в 3 миллиарда долларов. Реальное обязательство, однако, включая его институциональные и заграничные депозиты, в 10 раз превышало это число, и FDIC гарантировало оплату в *полном объёме*. Как признал Спрейг: «Малые банки платят пропорционально гораздо больше за свою страховку и имеют гораздо меньше шансов на спасение в стиле “Континенталь”»².

Как правдиво. На той же неделе, когда FDIC и ФРС предоставили миллиарды «Континенталь Иллинойс», закрылся крошечный «Бледсо Каунти Бэнк» в Пиквилле, Теннесси, и «Плентерс Траст» и Сберегательный банк в Опелузасе, Луизиана. В первой половине этого года 43 малых банка закрылись, не получив спасения от FDIC. Чаще всего происходило их поглощение большим банком. Воздействие такой несправедливости огромно. Это – послание и банкирам, и депозитариям, что маленькие банки, если они встретятся с проблемами, оставят погибать, тогда как большие банки будут спасать, невзирая на то, как плохо или насколько мошеннически они управлялись. Как заявил репортёрам один нью-йоркский инвестиционный аналитик, «Континенталь Иллинойс», даже если у него возникли проблемы, «объективно, это самый на-

¹ Цитата из Гридера, с. 628.

² Sprague, p. 250.

дѐжный, в смысле спасения, банк в стране, чтобы там держать ваши деньги»¹. Ничто не могло бы лучше отстранить маленькие независимые банки от бизнеса или вынудить их продаться гигантам. С 1984 года, когда сотни маленьких банков были вытеснены из бизнеса, средняя величина оставшихся банков увеличилась более чем вдвое. Напомним, что именно такое преимущество больших банков относительно их меньших конкурентов и было целью плана, составленного на острове Джекилл.

КРАХ НЕКАЧЕСТВЕННЫХ КРЕДИТОВ

В 2008 году машина разрушения работала на полную мощность. Декады низких процентных ставок привлекали домовладельцев, спекулянтов, кредитные учреждения на рынок недвижимости, где могли бы делаться состояния, из-за, как казалось, постоянного роста цен. Большие банки, зная, что их спасёт ФРС, если возникнут проблемы, отбросили всякую осторожность и стали выдавать кредиты чуть ли не любому, кто ни подпишет документы, независимо от их возможности платить. Многие из них искусно создавали мошеннические документы, завышая стоимость базового имущества и доходы заёмщиков, а затем предоставляли займы, которые превышали стоимость этого имущества.

Игра простая: выдавать как можно больше низкокачественных займов, паковать их в большие блоки однотипных займов, давать этим пакетам впечатляющие названия, например «Первый Диверсифицированный Фонд», и затем продавать их доверчивым инвесторам. Среди самых больших «проводников» такой аферы – «Фэнни Мэй» и «Фрэdden Мэк», кредитные «переупаковщики», спонсируемые правительством.

Схема работала некоторое время, потому что искусственно заниженные ФРС процентные ставки создали бум недвижимости с ростом цен на дома. Те, кого вовлекли в займы и кто не мог их выплачивать, имели возможность выгодно продать свою собственность и остаться с прибылью, выигрывая, не имея средств. Обращения взыскания на недвижимость были редки, а инвестиционные пакеты казались реальными. Однако, как и любой бум, созданный манипуляциями рыночных сил, бум недвижимости тоже подошёл к концу. Этот конец ещё усугубился безудержной инфляцией, высокими налогами, деструктивным регулированием и утечкой работы в другие страны, все это сошлось и породило экономическую рецессию.

Так как ставки отчуждения начали возрастать, «Фэнни Мэй», «Фрэdden Мэк», большие банки и кредитные брокеры оказались в затруднении. Они не только стали держателями проблемных кредитов, но ещё и ответчиками по сотням исков от институциональных покупателей их мошеннических инвести-

¹ «New Continental Illinois Facing Uncertain Future», by Keith E. Leighty, Associated Press, Thousand Oaks, Calif., *News Chronicle*, May 13, 1985, p. 18.

ционных пакетов. И снова для ФРС настало время спасать их, что и было сделано с помощью более триллиона долларов вновь созданных денег. Амброуз Эванс-Причард сообщает в «London Telegraph»:

Кризисное спасение даёт Казначейству США исключительные возможности для внесения капитала в гигантские корпорации ипотечного кредитования «Фэнни Мэй» и «Фредди Мэк», которые вместе владеют, или гарантируют, половиной ипотечных кредитов страны – на 12 триллионов долларов. Потолок национального долга США был поднят до 800 миллиардов долларов, предоставляя Казначейству почти безграничные средства, чтобы оказать содействие этим двум займодержателям. Параллельно Федеральная жилищная администрация (ФНА) должна гарантировать до 300 миллиардов долларов новых ипотек для испытывающих трудности домовладельцев, попавших в ловушку взлетевшей стоимости кредитов, часто из-за «приманочных» контрактов.

Цель схемы состояла в том, чтобы избежать лавины новых дефолтов, поскольку рынок жилья продолжал ухудшаться. Более 740 000 человек столкнулись с отчуждением недвижимости во втором квартале... Стоимость акций «Фэнни» и «Фредди», двух самых крупных финансовых учреждений мира, упала почти на 85%.¹

КОЛЛАПС КАРТОЧНОГО ДОМИКА

Все, что описывалось до этого пункта, явилось всего лишь вялым началом того, что вскоре превратилось в безумную лихорадку новых финансовых катастроф и мега-спасений. Это был коллапс карточного домика. В сентябре 2008 года федеральное правительство взяло на себя управление корпорациями «Фэнни Мэй» и «Фредди Мэк» и закачало в них 100 миллиардов долларов. В том же месяце правительство дало ссуду 85 миллиардов долларов AIG Insurance Co., чтобы удержать их в бизнесе. Деньги для этих двух вливаний создали в ФРС. Погашения ссуд никто всерьёз и не ожидал. Затраты перенесли на потребителей в форме будущей инфляции. Впрочем, «Фэнни Мэй» и «Фредди Мэк» заблаговременно предоставили 4,8 миллиона долларов конгрессменам на благотворительные кампании². А вскоре руководители AIG встретились, чтобы отметить девять дней своего счастливого спасения и чтобы разработать новые стратегии на

¹ «Fannie Mae and Freddie Mac: Congress backs rescue package», by Ambrose Evans-Prichard, *Telegraph.co.uk* (Net), Jul 7 28, 2008.

² «Fannie Mae and Freddie Mac Invest in Lawmakers», by Lindsay Renick Mayer, *Open Secrets* (Net), September 11, 2008.

будущее. Праздновали они в отеле Сент-Реджис, Монак Бич, Калифорния, 500 долларов за ночь¹.

Среди самых приоритетных была и такая задача – заплатить себе самим бонусы, не называя их так, поскольку налогоплательщики расстроились бы, видя, что их тяжело заработанные деньги тратятся на поощрение руководителей, доведших свой бизнес до последней черты. AIG решила описать эти бонусы как «удержанные выплаты». Позже, когда люди спросили о законном пределе удержанных выплат, руководители оставили словесные игры и просто увеличили свои зарплаты и привилегии².

СПАСЕНИЕ БАНКА ЗА 700 МИЛЛИАРДОВ (ИЛИ 5 ТРИЛЛИОНОВ?)

В октябре 2008 года Конгресс принял закон о предоставлении 700 миллиардов долларов для спасения самых больших банков страны, так как все они были на грани банкротства. Конгрессмены, голосовавшие за этот закон, получили на 54% больше пожертвований от банков, чем те, кто голосовал против³. Белый дом призвал новостные службы прекратить использование слова «спасение» (bailout – «спасение-выручка») и вместо него говорить «помощь» (rescue – «спасение-помощь»). Они уступили⁴.

Хотя мир был ошеломлён огромной суммой спасения в 700 миллиардов долларов, реальность оказалась ещё хуже. «Креди Сайтс», независимая исследовательская фирма в Нью-Йорке и Лондоне, обратила внимание на общие обязательства, включая операции, проведённые ФРС и FDIC, которые широко не разглашались, и пришли к выводу, что реальная сумма составила 5 триллионов долларов⁵. Это значит, что каждый американец дополнительно утратил 16 500 долларов сбережений и покупательской способности.

Вскоре после этого «Америкен Экспресс» получил 3,39 миллиарда долларов. Руководителей сталелитейной промышленности лоббировали на подобную сделку. GMAC, финансовому отделению «Дженерал Моторс», позволили изменить его структуру в коммерческий банк с тем, чтобы его тоже можно было использовать для спасения. Прямо перед Днём благодарения правительство выручило «Ситигруп», предоставив примерно 45 миллиардов дол-

¹ «Executives at bailed-out AIG stayed at \$500 a night California resort», by Andrew Clark, *Guardian* (Internet), Oct. 7, 2008.

² «AIG Says More Managers Get Retention Payouts Topping \$4 Million», by Hugh Son, *Bloomberg* (Net), Dec 9, 2008.

³ «House Members Who Voted Yes on Bailout», *Think Progress* (Net), Sep. 30, 2008.

⁴ The White House Says «Rescue» not «Bailout», and Fox Does as It's Told, *News Hounds* (Net), Sept. 30, 2008.

⁵ «Washington's \$5 Trillion Tab», by Elizabeth Moyer, *Forbes* (Net), Nov. 12, 2008.

ларов. «Голдман Сакс» заявил об убытках в 2,1 миллиарда долларов и начал переговоры о спасительной ссуде. В ноябре «Бэнк оф Америка» получил 15 миллиардов долларов и затем инвестировал 7 миллиардов в Китайский Строительный банк¹. Через несколько дней Казначейство объявило, что бюджетный дефицит составит 1 триллион долларов, самый большой в американской истории до сих пор.

МИЛЛИАРДЫ ДЛЯ АВТОМОБИЛЕСТРОИТЕЛЕЙ

Это было трудное время в Вашингтоне. Руководители автомобильной индустрии совершали еженедельные поездки в столицу на частных самолётах. Они хотели миллиарды долларов, и они хотели их *сейчас*. У них возникли проблемы с выплатой процентов по этим досадным банковским займам, а время истекало. «Дженерал Моторс» и «Крайслер» хотели наличные. «Форд» предпочитал кредиты и хотел бы брать их в банках, а не у правительства, но банки считали компанию «плохим риском» и отказывались давать новые кредиты. Решение было простое: «Форд» просит правительство быть со-подписантом и гарантом платежей. Какой банк не стал бы кредитовать на таких условиях? Налогоплательщики будут «на крючке» в любом случае. Все вместе автокомпании получили 17,4 миллиарда долларов. Через два месяца «Форд», у которого уже были заводы в Мехико, Германии и Испании, начал выпускать автомобили в Китае². «Дженерал Моторс» вскоре последовал его примеру и объявил, что он также будет строить больше машин в других странах³.

НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКИ ОПЛАЧИВАЮТ ОТПРАВКУ СВОЕЙ РАБОТЫ ЗА ОКЕАН

Среди получателей спасительных мер в порядке вещей увидеть, что деньги там используются для ликвидации рабочих мест самих американских налогоплательщиков, которые ещё и оплачивают все расходы. Банки США, получая более 150 миллиардов долларов от американских рабочих, в то же время запрашивали специальные визы для ввоза 21 800 работников из других стран, чтобы заменить американцев на верхних эшелонах рабочих мест, включая корпоративных юристов, инвестиционных аналитиков, программистов.

¹ «Bank of America's stake in China Construction Bank may play well», *New York Times*, Oct. 18, 2008.

² «Ford starts making Fiesta in China», *Raw Story* (Net), Jan. 15, 2009.

³ «Under Restructuring, GM To Build More Cars Overseas», by Peter Whoniskey, *Washington Post* (Net), May 8, 2009.

стов и специалистов по кадровым ресурсам¹. Такое пренебрежение американской рабочей силой частично объясняется корпоративным стремлением к максимальной выгоде, независимо ни от чего, и частично – решением руководителей корпораций рассматривать самих себя интернационалистами, не имеющими особой заинтересованности в Америке, которую рассматривали только как дойную корову, как источник денежных средств, дающий непрерывный приток наличных денег, по возможности регулярно и в полной мере. Как будет показано в следующих главах, некоторые из этих деятелей, действуя через организации типа CFR (Совет по международным отношениям), сознательно проводят курс на снижение экономической значимости Америки, чтобы можно было более комфортно влиться в глобальное правительство. Сбирать деньги с американских рабочих, чтобы построить экономики в других странах, – они хорошо преуспели в достижении этой цели.

В конце 2008 года, во время президентства Буша, спасение только индустрии финансовых услуг обошлось в сумму более чем 7 триллионов долларов, что в десять раз превысило первоначальную оценку и более чем вдвое превысило расходы Второй мировой войны². Несмотря на то что такие суммы во много раз превосходили что-либо подобное в истории, это рассматривалось лишь как временное решение; окончательное решение оставлялось на приходящую на смену Бушу Администрацию Обамы³. Хотя многие избиратели думали, что при Обаме наступят перемены, надпись на стене уже была: 90% взносов в фонд инаугурации Обамы пришли от фирм с Уолл-стрит, которые получили миллиарды на спасение и рассчитывали на продолжение в том же духе или более того⁴. Они не должны были разочароваться.

«МЕРРИЛЛ ЛИНЧ»: ДАР «БАНКУ АМЕРИКИ»

В кризис 2008 года «Меррилл Линч», гигантский брокерский дом, оказался без средств и на грани банкротства. «Банк Америки» согласился купить «больную» фирму за 50 миллиардов долларов – странное решение, если учесть, что этот банк сам испытывал трудности и недавно получил 25 миллиардов долларов на спасение. Когда диверсифицированные убытки «Меррилл Линч» за четвёртый квартал стали, в конце концов, известны, «Банк Америки» решил выйти из сделки. Но ему это не позволили. Согласно клятвенному свидетельству Кена Льюиса, главного исполнительного директора «Банка Америки», секретарь Казначейства Хэнк Полсон пригрозил уволить совет ди-

¹ «AP Investigation: Banks sought foreign workers», by F. Bass and R. Beamish, *Yahoo* (Net), Feb 1, 2009.

² «Financial Crisis Tab Already in Millions and Counting», CNBC, Nov. 28, 2008.

³ «U.S. Throws Lifeline to Detroit», by J. McKinnon and J. Stoll, *Wall Street Journal* (Net), Dec. 20, 2008.

⁴ «Wall Street Is Big Donor to Inauguration», by C. Cooper, *Wall Street Journal* (Net), Jan. 9, 2009.

ректоров и менеджмент банка, если они не приобретут «Меррилл», как договорились. Эта угроза прозвучала по просьбе Бена Бернанке, главы ФРС⁵. Когда Льюис спросил, покроет ли правительство неизбежные убытки банка, Полсон сказал «да», но не пожелал подтвердить это письменно, потому что письменное заявление, сказал он, «стало бы разглашаемым событием, а мы не хотим разглашаемого события»⁶.

30 декабря совет директоров банка покорно одобрил слияние. Две недели спустя Казначейство выделило «Банку Америки» дополнительно 20 миллиардов долларов плюс гарантии на сумму 118 миллиардов долларов на новые убытки от активов «Меррилл Линч». Все это было возложено на спины американского народа.

СИМВОЛ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ

Генри Полсон (Совет по международным отношениям) – олицетворение интеграции банковского картеля с правительством. В прошлом, как главный исполнительный директор «Голдман Сакса», он был орудием, которое руководство фирмы использовало в уничтожении трёх своих старых соперников. Он организовал продажу «Берн Стернс» банку «Дж.П. Морган Чейз», довёл до коллапса «Лиман Бразерс» и организовал вынужденное поглощение «Мэррилл Линч» «Банком Америки», в это же время обеспечивая щедрую сумму спасения своей альма-матер – «Голдман Саксу». В результате остались только «Голдман» и «Морган» как главные инвестиционные банки. Документы, обнаруженные гражданской группой надзора, «Джудишел Уотч», показали, что Полсон убеждал банкиров принять деньги на спасение, даже если их банки находились в удовлетворительном состоянии и в деньгах не нуждались. Объяснялось это желанием не ставить «клеймо» на более слабые банки, противопоставляя их благополучным банкам⁷.

В марте 2009 года «Фэнни Мэй» попросила дополнительно 15 миллиардов долларов. Правительство согласилось, а затем одобрило удержание бонусов в 1 миллион долларов или больше для каждого высшего руководителя «Фэнни Мэй»⁸. «Мэррилл Линч» в последние дни своего существования перед слиянием с «Банком Америки» (с помощью правительственных средств) выплатила бонусов на 3,6 миллиарда долларов с ведома и согласия «Банка

⁵ Letter from Andrew Cuomo, Attorney General, State of New York, addressed to Christopher J. Dodd, Chairman, U.S. Senate Committee on Banking, Housing, and Urban Affairs, apr 23, 2009, (cached at www.realityzone.com0/footnotes.html).

⁶ «Threats and Secret Promises: Bank of America's Merger with Merrill Lynch», by Mack Sperling, *Business Litigation Report* (Net), April 24, 2009.

⁷ Henry Paulson, *Wikipedia* (Net).

⁸ «Fannie Plans Retention Bonuses As Outlined by the Government». By Zachary Goldfarb, *Washington Post* (Net), March 19, 2009.

Америки»¹. «Банк Америки», со своей стороны, заявил, что предусматривалось увеличение зарплаты его собственным инвестиционным менеджерам до 70%, чтобы избежать негативного освещения в СМИ темы бонусов².

БОНУСЫ – ОТВЛЕКАЮЩИЙ МАНЕВР

Этим невероятным фактам использования служебного положения в корыстных целях и хищения государственной казны пресса уделила так много внимания, что вызвала в стране возмущение «прожорливыми» корпоративными чиновниками. Десятки политиков произносили страстные речи о необходимости новых законов и правил, чтобы укротить «бонусного монстра». Это была прекрасная приманка, чтобы отвлечь внимание публики от куда большей утечки. Бонусы в миллионы долларов руководителей, приведших свои компании к банкротству, безусловно, достойны внимания, но это ничто по сравнению с тем фактом, что именно эти компании выручались правительством в первую очередь, что эта процедура – неконституционна и что астрономические суммы привлечённых средств буквально разоряли страну. Дебаты организовывались СМИ так, что действительно важные факты даже не обсуждались. Все, что дали людям пообсуждать, это – сколько спасительных средств должно быть выделено, кто первым должен их получать и как ограничить бонусы. Вопрос о том, чтобы «дать коррумпированным банкам обанкротиться и оздоровить экономику, избавившись от мошенничества», – не допускался в мейнстриме дебатов.

ЖУЛЬНИЧЕСТВО С ВЫПЛАТОЙ ДОЛГА

В декабре 2009 года «Банк Америки» заявил, что он выплатил Казначейству свой «кредит» в 45 миллиардов долларов. Официальные лица правительства похвастали, что их акция оправдалась и что налогоплательщики даже получили прибыль. СМИ сочли, что это замечательно, приняв заявление за чистую монету. Источником денег назвали резервы наличности и продажу выпуска новых акций; но было в этой картине что-то очень неправильное.

Резервы наличности вряд ли были источником, поскольку банк заявил о чистом оттоке наличности и все же продолжал их тратить. Его кредиты «прокисали», а дефолты увеличились более чем втрое между первым и третьим

¹ «Top Four Merrill Lynch Bonus Recipients Got \$ 121 Million», by Karen Freifeld, *Bloomberg (Net)*, Feb 11, 2009.

² «Bank of America May Increase Salaries for Investment Bankers», by J. Simmons and J. Fineman, *Bloomberg (Net)*, March 28, 2009.

кварталами. Безнадёжные кредиты составили почти 15%¹. Единственная возможность для банка значительно увеличить свои наличные резервы – это получить конфиденциальные вливания от Казначейства, что г-н Полсон назвал бы «нераскрываемым событием». Другими словами, правительство, видимо, предоставило деньги, чтобы потом вернуть их себе, в таком случае это был просто бухгалтерский фокус, рекламный трюк, чтобы одураченный народ думал, что спасение банка, в конце концов, явилось актом великой государственной мудрости.

Продажа банковских акций тоже имела проблемы. Широким массам в то время предлагались акции «Банка Америки» вовсе без оплаты. Тогда кто же был покупателем? Могло ли быть покупателем само Казначейство – прямо или косвенно? Или это были несколько доверенных институциональных покупателей, которые получили от Казначейства «неразглашаемые» гарантии покрыть убытки? Мы знаем, что в марте 2010 года Казначейство выставило на аукцион варранты, полученные им от разных банков как ценные бумаги под их кредиты. Могло ли быть то, что продавалось, так называемыми акциями? Варранты – это не акции. Варранты – это контракты, дающие покупателю право в будущем купить акции по установленной цене. Варранты – это деривативы, и те, кто их покупает, занимается спекуляцией, а не инвестированием. Может ли кто-нибудь, купивший их, иметь личную гарантию, что его «спасут» правительство и ФРС, если его авантюра «прокиснет»? Принимая во внимание недавний доклад Казначейства и ФРС по подобным делам, задаёшься резонными вопросами, но ни один из них не был задан в главных СМИ.

ФРС Нью-Йорка доложил, что активы, приобретённые при спасении AIG, показали «бумажную прибыль». Это означает, что, если бы они продавались на открытом рынке, они дали бы прибыль больше их покупной цены². В таком случае можно только строить предположения, почему они не продали их.

Вероятный ответ состоит в том, что «экономисты» ФРС подобны тому человеку, который купил старый драндулет за 900 долларов, затем заявил о «бумажной прибыли» по той причине, что может его продать за 1000 долларов, когда в действительности было бы большой удачей продать его за 100 долларов. До того как эти активы будут действительно проданы, любые заявления о бумажных прибылях должны рассматриваться с большой осторожностью.

Новость, что «Банк Америки» выплатил свой заем, оказала успокоительное воздействие на народное раздражение. Вскоре другие получатели объявили, что и они тоже выплатили свои кредиты, даже если также продолжали работать в убыток. «Ситибанк» и «Дженерал Моторс» заявили, что они выплатили кредиты выпуском новых акций. В апреле 2010 года «Дженерал Моторс» объявил, что он действительно выплатил кредит. Но подождите!

¹ «Bank of America TARP Repayment Premature, Analyst Says», *Huffington Post* (Net), Dec. 4, 2009.

² «Federal Reserve NY reports paper profit», *BBC News* (Net), July 30, 2010.

В результате исследования мы выяснили, что он выплатил свой первый кредит спасения деньгами от второго спасения. Ни одно не произошло от продажи автомобилей или хотя бы продажи акций. Все это просто мошенничество для одурачивания народа¹.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Что правительство финансирует, то оно контролирует, и что оно контролирует, оно тем владеет. Это положение стало кристально ясно, когда 1 апреля 2009 года секретарь Казначейства Тимоти Гайтнер (CFR) заявил, что он готов отстранить от должности руководителя любого банка, получившего деньги спасения, если он не будет управлять банком надлежащим образом². Гайтнер не собирался никого увольнять. Его целью было заверить народ, что правительство добросовестно и ответственно распоряжается такими большими деньгами, но значимость этого заявления состоит в том, что секретарь Казначейства теперь имеет полномочия отстранить от должности руководителя банка, не спрашивая мнения совета директоров банка. Это представляет главную привилегию собственника. Новая реальность показывает, что финансовая индустрия и большая часть страховой индустрии и автомобилестроения теперь национализированы, и это ещё мягкое название, чтобы не сказать, что они – собственность правительства.

В мае 2009 года правительство влило 7,5 миллиардов долларов в GMAC (финансовая структура «Дженерал Моторс»), ещё 3,8 миллиарда в декабре и ещё 3,8 миллиарда в январе 2010 года, всего 16,3 миллиарда. Это дало правительству контролирующую долю собственности в 56%³. В начале 2010 года правительство предоставило самой корпорации «Дженерал Моторс» в общей сумме 57,6 миллиарда и получило контрольный пакет акций. Теперь оно управляет компанией так, как хочет.

К февралю 2009 года AIG (снова разорившийся) был на 80% собственностью правительства⁴. В том же месяце Алан Гринспен, бывший руководитель ФРС, открыто потребовал национализации всех «прогорающих» банков (то есть большинства из них)⁵.

¹ «Grassley Slams GM, Administration Over Loans Repaid with Bailout Money», *Fox News (Net)*, Apr 22, 2010.

² «Ousting bailed-out U.S. bank CEOs: Geithner», *Reuters (Net)*, Apr. 1, 2009.

³ «US bails out General Motors-related company GMAC with further \$3.8bn», by David Teather, *Guardian (Net)*, Jan. 1, 2010.

⁴ «AIG Seeks More US Funds As Firm Faces Record Loss», by David Farber, *CNBC (Net)*, Feb. 23, 2009.

⁵ «Greenspan backs bank nationalization», by K. Guha and E. Luce, *Financial Times (Net)*, Feb. 18, 2009.

Новая модель бизнеса для Америки ясно обозначена. Её доминантная черта – консолидация правительства, недвижимости и коммерции в одну структуру, жёстко контролируемую высшим руководством. Это та же модель, которая существовала в советской России, нацистской Германии, фашистской Италии и коммунистическом Китае.

СИСТЕМА СТАЛА ГЛОБАЛЬНОЙ

Один из самых знаменательных эпизодов в этой драме был разыгран в федеральном зале заседаний 3 марта 2009 года, когда глава ФРС Бернанке выступал перед Бюджетным комитетом Сената. Когда сенатор Берни Сандерс спросил, может ли он открыть названия финансовых учреждений, получивших деньги спасения, Бернанке на минуту задумался, а потом сказал решительно: «Нет!». Извинением этого поразительного отказа было то, что разглашение этих названий могло бы стать причиной потери народом доверия к этим банкам, люди станут снимать деньги с депозитов, что приведёт к новым проблемам. Возможно, имелся и не такой достойный мотив для таинственности. Ходили слухи, что миллиарды долларов были отправлены за океан в банки других стран, а такая информация не нашла бы понимания у американских граждан.

Правы ли слухи? Последующие события показали, что так оно и было. Через два месяца Международный валютный фонд объявил, что на спасение банков Греции он выделил порядка 145 миллиардов долларов, 20% которых – от США. Фактически американские граждане предоставили греческим банкам 8 миллиардов¹.

На следующей неделе ФРС заявила, что продолжит финансировать спасение европейских банков без санкции Конгресса. Акции в обход Конгресса не были новостью, так как процедура утверждения в Конгрессе не представляла трудностей. Новым было признание Федеральной резервной системы, что она работает как денежный станок на весь мир, не только для Соединённых Штатов. Новая программа интегрирована с центральными банками Канады, Англии, Европейского союза, Швейцарии и Японии. Деньги для будущих спасений банков в других странах теперь могут создаваться ФРС за счёт американских граждан (без их ведома или согласия) и направляться в центральные банки тех стран, которые сами будут определять, как их распределить по местным коммерческим банкам².

Это была большая новость, но главные СМИ восприняли её как всего лишь скучный пресс-релиз и не сказали ничего о некоторой пауперизации амери-

¹ «Guess Who's Paying for the Greece Bailout? That's Right – YOU», by Henry Blodget, *Business Insider (Net)*, May 3, 2010.

² «Federal Reserve Opens Credit Line to Europe», *Fox News (Net)*, May 10, 2010.

канских налогоплательщиков. Главной причиной, по которой Бернанке сказал «нет» сенатору Сандерсу, было то, что положительный ответ вынес бы все это на белый свет.

САГА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

12 июня 2010 года президент Обама попросил Конгресс выделить 50 миллиардов долларов на спасение американских городов и штатов¹. В это время почти каждый штат и тысячи местных органов власти испытывали недостаток средств и начали переговоры с Конгрессом и Белым домом о возмещении недостачи, особенно в социальном обеспечении. Они аргументировали это тем, что, если чеки социального обеспечения перестанут по почте приходить, начнутся массовые беспорядки на улицах. Никто этого не хочет, поэтому федеральное финансирование гарантировано. Вместе с федеральными деньгами придёт контроль, и штаты могут потерять последний шанс вести свои дела независимо и полновластно.

В августе 2010 года «Фрэдди Мэк» вернулся к окну выплат, прося ещё 1,8 миллиарда, что в итоге составит более 64 миллиардов. Национальный долг США достиг рекордной высоты в 13 триллионов, почти 120 тысяч долларов на одного налогоплательщика, а это ещё не включает внебюджетные обязательства, которые, как минимум, вдвое превышают эту сумму. И она все растёт. В то время, когда вы читаете эти слова, будет ещё больше актов спасения и легализованного грабежа американского народа.

Расходы на финансирование штатов и местных правительств прибавляются к расходам на федеральное правительство, расходам на банковские, страховые и транспортные компании, расходам на поддержку европейских банков, бесконечных войн и военных баз по всему миру... Вместе они способны просто размазать то, что ещё осталось от среднего класса Америки. Никто не знает, сколько ещё так может продолжаться, но очевидно, что дело близится к развязке. Главы 25 и 26 посвящены описанию того, к чему это все ведёт и как может закончиться.

ВТОРАЯ ПРИЧИНА ЛИКВИДИРОВАТЬ ФРС

Трезвая оценка этих данных приводит ко второй причине необходимости ликвидировать ФРС: эта система вовсе не является защитницей народа, это – *картель, действующий против общественных интересов*.

¹ «Obama pleads for \$50 billion in state, local aid», by Lori Montgomery, *Washington Post* (Net), June 13, 2010.

РЕЗЮМЕ

Игры под названием «спасение» – это не причудливый плод воображения, это – реальность. Мы здесь представляем несколько таких больших игр, имевших место в прошлом, и их конечный счёт.

В 1970 году железная дорога «Пенн Сентрал» становится банкротом. Банки, которые ссужали им деньги, сменили совет директоров компании и загнали их ещё глубже в яму, предоставляя все больше кредитов, чтобы покрыть убытки. Директора скрывали реальность от акционеров и брали дополнительные кредиты, чтобы компания могла выплачивать дивиденды и поддерживать фальшивый фасад. Директора и их банки сбывали свои акции по нереально высоким ценам. Когда правда вышла наружу, акционеры оказались держателями пустых портфелей. Спасение включало правительственные субсидии другим банкам, чтобы выдавать дополнительные займы. Когда в Конгрессе заявили, что коллапс «Пенн Сентрал» нанесёт сокрушительный удар по интересам общества, им ответили выделением 125 миллионов долларов с гарантией кредита, чтобы банки не оказались в опасности. Железная дорога все равно обанкротилась, но банки были спасены. «Пенн Сентрал» была национализирована, вошла в AMTRAK и продолжает работать в убыток.

В 1970 году, когда фирма «Локхид» оказалась на грани банкротства, Конгресс услышал практически ту же историю. Тысячи безработных, субподрядчики покинут бизнес, а народ страшно пострадает. Поэтому Конгресс гарантировал 250 миллионов долларов новых займов, что погрузило «Локхид» в долги ещё на 60% глубже, чем раньше. Теперь, раз правительство гарантировало займы, появилась уверенность, что «Локхид» станет рентабельной, заключая выгодные оборонные контракты на неконкурентных торгах. Банкам выплатили долги.

В 1975 году «Нью-Йорк Сити» достиг предела своей кредитной верёвочки. Он влез в долги, финансируя свою непомерную бюрократию и видимость мини-благополучия. Когда в Конгрессе услышали, что народ окажется в опасности, если городские службы будут сокращены, и что Америка опозорит себя в глазах всего мира, он санкционировал дополнительные займы на 2,3 миллиарда долларов, что более чем вдвое увеличило размер текущего долга. Банки продолжили получать свои проценты.

В 1978 году «Крайслер» оказался на краю банкротства. Конгрессу сказали, что народ пострадает, если компания закроется, и что это будет ударом по американскому образу жизни, если свобода выбора автомобиля сократится с трёх до двух моделей. Поэтому Конгресс гарантировал новые займы на 1,5 миллиарда долларов. Банки частично уменьшили свои займы, а другую часть обменяли на привилегированные акции. Ранее безнадёжный банковский долг

был превращён в финансируемый налогоплательщиками, приносящий проценты актив.

В 1972 году «Банк Содружества» Детройта, с активами 1,5 миллиарда долларов, стал банкротом. Он получил большую ссуду от банка «Чейз Манхеттен» для инвестирования предприятий с высоким риском и потенциально высокой прибылью. И, раз он испытывает трудности, проблемы появляются и у «Чейза». Банкиры отправились в Вашингтон и сказали в корпорации FDIC, что народ надо защитить от больших финансовых проблем, которые последуют за крахом «Содружества». Поэтому FDIC выдал кредит на 60 миллионов плюс федеральную гарантию выплаты. Незначительную часть «Чейз» использовал для списания со счета, а большую часть своих потенциальных потерь конвертировал в оплачиваемые налогоплательщиками активы.

В 1979 году Первый Пенсильванский банк в Филадельфии стал банкротом. С активами 9 миллиардов долларов он был в шесть раз больше «Банка Содружества». Он также был агрессивным игроком в 70-е годы. Теперь банкиры вместе с ФРС сказали в корпорации FDIC, что народ следует защитить от бедствий, которые последуют, если рухнет банк таких размеров, что поставлена на карту национальная экономика, а может, и мировая. Так что FDIC выделила кредит в 325 миллионов долларов, без процентов в первый год и с половиной рыночной ставки в последующие годы. ФРС предложила деньги другим банкам с субсидированной ставкой для последующего кредитования «Первого Пенна». С таким заманчивым предложением они выделили 175 миллионов немедленных кредитов и плюс 1 миллиард кредитной линии.

В 1982 году Чикагский «Континенталь Иллинойс» стал банкротом. С активами в 42 миллиарда долларов, это был седьмой среди самых больших банков страны. В предыдущем году его прибыли резко возросли в результате кредитования очень рискованных бизнес-предприятий и иностранных правительств. Хотя банк был любимчиком рыночных аналитиков, это обнаружилось сразу, как только денежный поток стал отрицательным. Глава ФРС Волкер заявил FDIC, что совершенно невозможно дать мировой экономике рухнуть из-за банкротства банка такой величины. Поэтому FDIC взял на себя безнадежные кредиты на 4,5 миллиарда долларов и 80% собственности банка в форме акций. По сути, банк был национализирован, но никто об этом не говорил.

Но все акты спасения, описанные до сих пор, не идут ни в какое сравнение с триллионами долларов, закачанных в банки, страховые компании, автомобильные производства и банки других стран начиная с 2008 года. Это началось с обвала, который назвали крахом некачественных (субстандартных) кредитов, вызванного преднамеренной политикой самых больших банков страны прельстить семьи с низкими доходами приемлемыми ипотечными кредитами, превышающими то, что они могли бы себе позволить. Предполагалось, что стоимость домов в дальнейшем возрастет, так что люди могли бы выплачивать старые кредиты, беря большие новые кредиты, поскольку

стоимость недвижимости возросла. Эти обречённые на неудачу ипотечные кредиты упаковывались в комплекты, получали привлекательные названия и продавались наивным вкладчикам и инвестиционным фондам. Когда настал день расчёта, миллионы владельцев ипотечных сертификатов потеряли свою мифическую долю в капитале (и свои дома), а миллионы вкладчиков – свои деньги.

Банки, создавшие этот пузырь, оказались на грани краха, но, строго следуя правилам большой игры, они сказали Конгрессу, что они слишком большие, чтобы обанкротиться, поскольку, если это произойдёт, обанкротится и сама Америка. Конгресс послушно утвердил практически каждый запрос на предоставление денежных средств налогоплательщиков, независимо от требуемой суммы. Этот легализованный грабёж координировался двумя секретарями Казначейства – Генри Полсоном и Тимоти Гайтнером, которые исходили из банкирского братства и использовали свою позицию благотворительного общественного траста, чтобы защитить и обогатить картель.

Все деньги были предоставлены ФРС в качестве «кредитора последней инстанции». Это была одна из тех целей, для чего все и разрабатывалось. Мы не должны забывать, что выражение «кредитор последней инстанции» означает, что деньги создаются из ничего, в результате конфискации общественного достояния через инфляцию.

ГЛАВА 4

ЖИЛИЩНЫЙ «СЛАДКИЙ» ЗАЕМ

История растущего вмешательства государства в жилищное строительство; удушение сил свободного рынка в операциях с жилой недвижимостью; последовавший кризис в ссудно-сберегательной индустрии; спасение этой индустрии деньгами налогоплательщиков.

Как мы видели в предыдущих главах, вред, причиняемый банковским картелем, стал возможен из-за того, что деньги могут делаться из ничего. Это подрывает и нашу покупательную способность – за счёт неявного налога, называемого инфляцией. Вся эта механика действует скрытно и изощрённо.

Давайте теперь от тайного мира центральных банков обратимся к головокружительному миру ссудно-сберегательных институтов. По сравнению с первым проблемы ссудно-сберегательных учреждений легко понять. Совершенно очевидно, что громадные суммы денег исчезают в чёрной дыре государственного некомпетентного управления, а все убытки в итоге оплачиваются нами. Конечный результат один и тот же в обоих случаях.

СОЦИАЛИЗМ ПУСКАЕТ КОРНИ В АМЕРИКЕ

Все началось с концепции. Концепция широко укоренилась в Америке, главным образом, вследствие Великой депрессии 1930-х годов. Американских политиков впечатлило то, что радикальные марксисты смогли получить народную поддержку, обвиняя в бедах страны капиталистическую систему и обещая социалистическую утопию. Они и восторгались, и опасались этих радикалов; восхищались их знанием психологии масс; боялись, как бы они не стали так популярны, что получили бы большинство на выборах. Незадолго до этого многие политические фигуры стали имитировать уличных демагогов, и избиратели с энтузиазмом отправляли их в служебные кабинеты.

Без всех крайних и силовых аспектов коммунизма более мягкие теории социализма стали популярны среди образованной элиты. Естественно, именно они и стали лидерами американской социалистической системы. Кто-то ведь

должен был позаботиться о народных массах и сказать им, что надо делать для их же блага, и многие с вузовскими дипломами и с большими состояниями увлеклись идеей сыграть эту роль. И таким образом, концепцию широко признали на всех уровнях американской жизни – и «угнетённые массы», и образованная элита. И было бы желательно, чтобы государство тоже взяло на себя заботу о своих гражданах и защиту в их экономических делах.

И поэтому, когда более 1900 ссудно-кредитных институтов прекратили существование во время Великой депрессии, Герберт Гувер и самый послушный Конгресс создали Федеральный совет банков жилищного кредита (FHLBB) для защиты будущих вкладчиков. Совет начал выпускать уставные документы для институтов, которые должны были подчиняться его правилам, а публике внушали, что государственные регуляторы будут более мудрыми, осмотрительными и честными, чем частные менеджеры. Федеральная лицензия стала своего рода государственной печатью одобрения. Народ наконец-то защищался.

Гуверу в Белом доме наследовал Ф.Д. Рузвельт, который стал олицетворением людей новой формации. Раньше в своей политической карьере Рузвельт был образцом свободного предпринимательства и индивидуализма. Он выступал против большого правительства и за свободный рынок, но в середине жизни сменил паруса, чтобы захватить переменчивый политический ветер. Он вошёл в историю как пионер социализма в Америке.

Именно Рузвельт сделал первый шаг к установлению государственного патернализма в ссудно-кредитной индустрии, как и в банковской индустрии, учреждением Федеральной корпорации страхования депозитов (FDIC) и Федеральной корпорации страхования ссудно-кредитных ассоциаций (FSLIC). С этого времени и народ, и менеджеры сберегательных учреждений могли не беспокоиться по поводу убытков. Все будет возмещено правительством.

ДОМ В КАЖДОМ ЛОТЕ

Примерно в то же самое время кредиты на частные дома стали субсидироваться через Федеральную жилищную администрацию (FHA), что позволило ссудно-кредитным институтам давать кредиты под более низкий процент, чем это было бы без субсидий. И это облегчило бы осуществление американской мечты иметь свой собственный дом. Пока марксисты обещали курицу в каждой кастрюле, сторонники «Нового курса» выигрывали выборы, предлагая дом в каждом лоте.

Вначале смогли купить дом многие из тех, кто в ином случае не смог бы этого сделать или вынужден был бы дольше ждать, чтобы собрать первоначальный взнос. С другой стороны, облегчаемый FHA кредит привёл к увеличению стоимости домов для среднего класса, и это быстро свело на нет всякую

реальную выгоду от субсидий. Избиратели, однако, не были настолько проницательны, чтобы увидеть этот аннулирующий эффект, и продолжали голосовать за политиков, обещавших развивать эту систему.

Следующий шаг предпринял Совет управляющих ФРС, потребовавший от банков сделать процентные ставки ниже предлагаемых ссудно-кредитными институтами. В результате средства двинулись от банков в ссудно-кредитные институты, и ссуды на покупку дома стали щедро предоставляться. Это была обдуманная национальная политика благоприятствования индустрии жилищного строительства за счёт других отраслей промышленности, конкурировавших за те же инвестиционные доллары, что не было хорошо для экономики в целом, но это была хорошая политика.

ОТКАЗ ОТ СВОБОДНОГО РЫНКА

Благодаря этим мерам ипотечные кредиты фактически ушли со свободного рынка и оказались на политической арене, где и оставались с тех пор. Вредные последствия для народа от государственного вмешательства могли долгое время не наступать, но когда это случилось, то стало катастрофой.

Факт государственного подрыва свободного рынка нельзя переоценить, поскольку в этом суть нашего настоящего и наших будущих кризисов. Мы имеем сберегательные институты, контролируемые правительством на каждом шагу. Федеральные агентства обеспечивают защиту от убытков и устанавливают жёсткие нормы для уровня капитализации, числа филиалов, обслуживаемых территорий, управленческой политики, оказываемых услуг и величины процентных ставок. Ассоциация американских банкиров оценила дополнительные затраты на соблюдение этих норм и правил ссудно-кредитными институтами в сумму около 11 миллиардов долларов в год, что составляет чудовищные 60% от всей их прибыли.

А самое потрясающее в том, что здоровый компонент индустрии должен направлять около миллиарда долларов каждый год дополнительных выплат в так называемый страховой фонд для возмещения неудач нездорового компонента – вроде штрафа за успех. Когда некоторые из здоровых институтов попытались преобразоваться в банки, чтобы избежать подобного штрафа, регуляторы сказали «нет». Денежный поток от них был необходим для поддержки фонда спасения.

СТРАХОВАНИЕ РЯДОВОГО ЧЕЛОВЕКА?

Средний частный сберегательный депозит составляет примерно 6000 долларов. Однако при администрации Картера уровень страховки FDIC был под-

нят от 40 000 до 100 000 долларов на каждый счёт. В таком случае надо было всего лишь открыть несколько счетов, чтобы расходы фактически стали беспредельными. Ясно, что это не имеет никакого отношения к защите рядового американца. Целью было подготовить для брокерских фирм возможность реинвестировать огромные блоки капитала при высоких процентных ставках и практически без риска. Это ведь гарантировалось федеральным правительством.

В 1979 году руководство ФРС повысило процентные ставки, и ссудно-кредитные институты вынуждены были не отставать, чтобы привлечь вкладчиков. В декабре 1980 года они выплачивали 15,8% на свои сертификаты денежного рынка. Однако средняя ставка на новые ипотеки была только 12,9%. Многие из более ранних кредитов ограничивались ещё 7 – 8%, а некоторые из них, усугубив проблемы, перестали выплачиваться, то есть фактически выплачивалось 0%. Сберегательные учреждения работали с большими убытками и должны были как-то их возмещать.

Самые слабые ссудно-кредитные институты платили самые высокие процентные ставки, чтобы привлечь вкладчиков, и именно они и получили большие блоки брокерских фондов. Брокеры могли не беспокоиться по поводу слабости такой операции, поскольку эти фонды были полностью застрахованы. Их заботила только процентная ставка.

С другой стороны, менеджеры ссудно-кредитных институтов рассудили, что они должны заставить эти фонды сотворить чудеса за тот короткий период, пока они в их власти. Это был их единственный шанс выбраться из кризиса, и они были готовы на большие риски. Их тоже государственная программа страхования избавила от любых возможных потерь, поэтому так много их ринулось в этот высокоприбыльный, чрезвычайно рискованный бизнес, связанный с недвижимостью.

Сделки начали разваливаться, и 1979-й стал первым годом со времени Великой депрессии 1930-х, когда суммарная чистая стоимость застрахованных федеральным правительством ссудно-кредитных институтов стала отрицательной. И это несмотря на почти повсеместный рост в экономике. Народ забеспокоился.

«ПОЛНОЕ ДОВЕРИЕ И КРЕДИТ»

Защитники в Вашингтоне ответили в 1982 году совместной с Конгрессом резолюцией, провозгласившей, что «полное доверие и кредит» правительства Соединённых Штатов остаётся за FSLIC (Федеральной корпорацией страхования ссудно-сберегательных ассоциаций). Эта фраза облада-

живала, но многих все же беспокоило чувство, не придётся ли им самим каким-то образом это оплачивать. И они оказались правы. «Consumer Reports» объяснил:

Проблемные банки и невероятно проблемные страховые агентства поддерживает правительственное заверение «полного доверия и кредита», фактически это – обещание, разумеется, подтверждённое Конгрессом, что все граждане через налоги или инфляцию внесут свою лепту, чтобы вкладчикам все было выплачено полностью¹.

Трудное положение ссудно-кредитных институтов драматически проявилось в Огайо в 1985 году, когда «Жилищный сберегательный банк» Цинциннати потерпел крах в результате потери потенциальных 150 миллионов долларов во Флоридской фирме, ведущей операции с ценными бумагами. Это запустило «набег вкладчиков» не только на 33 филиала «Жилищного банка», но также и на многие другие ссудно-кредитные институты.

Новости повлияли на международные рынки, куда заморские дельцы вбросили бумажные доллары за другие валюты, а некоторые кинулись покупать золото.

Через несколько дней вкладчики, требуя свои деньги, стали причиной утечки 60 миллионов из 130 миллионов долларов «страхового» фонда штата, который, что характерно для всех правительственных схем защиты, был совершенно недостаточным. Если бы «набег» продолжался, фонд, по всей вероятности, на следующий день перестал бы существовать. Настало время принимать политические меры.

Губернатор Огайо Ричард Селеста объявил 15 марта днём «банковского праздника», одним из нескольких со времени Великой депрессии, и закрыл 71 застрахованное штатом сберегательное учреждение. Он заверил население, что нет причин для беспокойства. Он сказал, что это всего лишь «время для успокоения страстей... пока мы не сможем убедительно продемонстрировать надёжность нашей системы». Затем он полетел в Вашингтон и встретился там с Полом Волкером, главой Совета управляющих ФРС, и с Эдвином Греем, главой FHLBB (Федерального совета банков жилищного кредита), чтобы попросить федеральной помощи. Они пообещали, что он её получит.

Через несколько дней депозитарии получили возможность снять до 750 долларов со своих счетов. 21 марта президент Рейган успокоил мировые денежные рынки заверениями, что кризис кончился. Более того, он сказал, что проблема была «в пределах Огайо»².

Не в первый раз случился этот крах страховых фондов, спонсируемых штатом. Один имел место в Небраске, когда обанкротилась «Commonwealth

¹ «How Safe Are Your Deposits?», *Consumer Reports*, August, 1988, p. 503.

² «Ohio Bank Crisis That Ruffled World», *U.S. News & World Report*, April 1, 1985, p. 11.

Savings Company» Линкольна. У компании было 60 миллионов долларов на депозитах, а страховой фонд имел меньше 2 миллионов на покрытие, и не только «Commonwealth», а всей системы. Депозитарины были счастливы получить 65 центов на доллар, и хоть это надеялись получить в ближайшие 10 лет¹.

ПРИГЛАШЕНИЕ К МОШЕННИЧЕСТВУ

В первые дни администрации Рейгана государственное регулирование изменилось таким образом, что ссудно-кредитные институты больше не ограничивались в выдаче жилищных ипотечных кредитов, что изначально было единственным основанием для их создания. Фактически с них не требовали даже получать первоначальный платёж по кредитам. Они могли теперь финансировать 100% сделки или ещё больше. Офисные здания и торговые центры вырастали повсюду, независимо от потребности. Проектировщики, строители, менеджеры и оценщики делали миллионы. Это поле деятельности вскоре оказалось перенасыщенным и пронизанным мошенничеством. Миллиарды долларов исчезли в замороженных проектах. Было совершенно ясно, что из обанкротившихся ссудно-кредитных институтов по меньшей мере в 22 принимали участие мафия и ЦРУ.

Мошенничество не обязательно противозаконно. По сути дела, большинство мошеннических сделок в ссудно-кредитной эпохее было не только законно, но государство им даже потворствовало. Закон Гарна – Сен-Жермена позволил сберегательным учреждениям ссужать деньги на сумму, равную скорее *оценочной* стоимости недвижимости, чем *рыночной*.

Немного времени прошло, как оценщики стали получать щедрые гонорары за оценку, которая являлась, мягко говоря, нереалистичной. Но это не было мошенничеством, именно это и было *целью* регуляторов. Сумма, на которую оценочная стоимость превышала рыночную, обозначалась как «оценённая собственность» и считалась тем же капиталом. С тех пор как от ссудно-кредитных институтов требовалось иметь капитал в 1 доллар на каждые 33 доллара на депозитах, оценочная стоимость, превышавшая рыночную на 1 миллион долларов, могла использоваться для создания пирамиды из 33 миллионов долларов на вкладах от брокерских домов Уолл-стрит. И прогнозируемая прибыль от этих средств позволила бы, как предполагалось, ссудно-кредитным институтам компенсировать свои потери без того, чтобы государство вынуждено было выплачивать деньги, которых у него не было. В действительности правительство говорило: «Мы не можем выполнить обязательства по нашей схеме защиты, так что добывайте деньги сами, подвергая риску инвесторов.

¹ «How Safe Are Deposits in Ailing Banks, S&Ls?», *U.S. News & World Report*, March 25, 1985, p. 74.

Мы не только будем финансировать вас, если у вас возникнут проблемы, мы вам покажем, как именно это сделать».

ПОСЛЕДСТВИЯ НАЧИНАЮТСЯ

В 1984 году, несмотря на бухгалтерские уловки, созданные для того, чтобы полуживые ссудно-кредитные институты выглядели здоровыми, появились первые негативные последствия. В том году FSLIC закрыла один институт и организовала слияние 26 других несостоятельных. Чтобы убедить здоровые фирмы поглотить несостоятельные, правительство обеспечило погашение задолженностей наличными. В 1984 году эти субсидированные слияния стоили FDIC около 1 миллиарда долларов в год. Однако это было всего лишь скромным началом.

Между 1980 и 1986 годами всего обанкротилось 664 застрахованных ссудно-кредитных института. Правительственные регуляторы обещали защитить народ в случае убытков, но убытки уже намного превышали то, чем они располагали. Они не могли позволить себе ликвидировать все несостоятельные сберегательные учреждения, они просто не имели достаточно денег, чтобы покрыть выплаты. В марте 1986 года FSLIC имела всего 3 цента на каждый доллар депозитов. К концу года это число упало до 0,2 пенни на каждый «застрахованный» доллар. Они явно стремились сохранить эти сберегательные учреждения в бизнесе, а это значит, что они должны были изобрести ещё больше бухгалтерских уловок, чтобы скрыть реальность.

Отсрочка неизбежного конца сделала положение вещей ещё хуже. Сохранение ссудно-кредитных институтов в бизнесе стоило FSLIC 6 миллионов долларов в день¹. В 1988 году, два года спустя, сберегательная индустрия в целом теряла 9,8 миллионов в день, а убыточные сберегательные учреждения, – те полутрупы, которые держались за счёт FSLIC, – терпели убытки 35,6 миллионов в день. Но, однако, игра продолжалась.

В 1989 году FSLIC уже не имела даже 0,2 пенни на каждый застрахованный доллар. Резервы корпорации улетучились полностью. Подобно сберегательным учреждениям, которые эта корпорация якобы защищала, она сама оказалась несостоятельной и искала, где бы взять кредиты. Она попыталась выставить на продажу облигационные выпуски, но это дало намного меньше требуемого. Конгресс обсудил проблему, но отказал в новом финансировании. Коллапс «Линкольн Сэвингс» довёл кризис до предела. Период отсутствия денег...

¹ «Filling FSLIC», by Shirley Hobbs Scheibla, *Barron's*, Feb. 9, 1987, p. 16.

ФРС БЕРЕТ НА СЕБЯ РОЛЬ КОНГРЕССА

В феврале было заключено соглашение между Аленом Гринспеном, главой Совета управляющих ФРС, и М. Дэнни Уоллом, главой Федерального совета банков жилищного кредита, о выделении 70 миллионов долларов на спасение «Линкольн Сэвингс» непосредственно от ФРС. Это был ошибочный прецедент. Раньше ФРС использовалась для создания денег только для правительства или банков. Если это была воля народа – спасти сберегательный институт, тогда Конгресс должен подтвердить финансирование. Если у Конгресса нет денег или он не может занять у народа, тогда ФРС может их создать (из ничего, конечно) и предоставить правительству. Но в таком случае ФРС берет на себя роль Конгресса и целиком сама по себе принимает политические решения. Но в законе о создании ФРС нет исходных оснований для таких действий. Однако Конгресс промолчал, видимо, не осознавая коллективной ответственности за свой паралич.

Наконец, в августе этого года в Конгресс пришёл гость из ФРС и взялся за дело. Был принят Закон о реформе финансовых институтов, поддержке и исполнении (FIRREA) и выделены минимальные 66 миллиардов долларов на следующие 10 лет, 300 миллиардов в течение 30 лет. Из этой суммы 225 миллиардов должны были поступить от налоговых сборов или инфляции и 75 миллиардов – от здоровых ссудно-кредитных институтов. Это была самая большая сумма спасения, чем когда-либо раньше, больше, чем суммарно было затрачено на «Локхид», «Крайслер», «Пенн Сентрал» и «Нью-Йорк Сити».

По ходу дела корпорация FSLIC была упразднена из-за её безнадёжной несостоятельности и заменена Страховым фондом сберегательных ассоциаций (SAIF). Таким образом, был создан Фонд банковского страхования (BIF) для защиты коммерческих банков, и оба теперь управлялись FDIC.

Как это часто бывает, если прежний государственный контроль не даёт желаемого результата, Конгресс реагирует *увеличением* контрольных ведомств. Четыре совершенно новых уровня бюрократии были добавлены к уже существовавшей неразберихе: Надзорный совет Трастовой корпорации для урегулирования (RTOB) – должен определять стратегию для RTC; Финансовая корпорация для урегулирования (RFC) – привлекать финансы для функционирования RTC; Офис надзора за сберегательными учреждениями (OTS) – надзирать за сберегательными учреждениями ещё больше, чем это было раньше; и Надзорный совет для Банков жилищного кредитования (HLB), цель которого остаётся неясной, но, вероятно, он должен гарантировать, что ссудно-сберегательные ассоциации продолжают исполнять политическую директиву субсидирования жилищного строительства. Когда президент Буш подписал закон, он сказал:

Этот закон защитит и стабилизирует американскую финансовую систему и позволит ввести в действие долгосрочные реформы, чтобы проблемы не возникли снова. Кроме того, это скажет десяткам миллионов вкладчиков ссудно-сберегательных учреждений: «Вы не будете жертвами чужих ошибок. Мы увидим, гарантирую, что ваши застрахованные депозиты в безопасности»¹.

ОЦЕНКИ НЕСКОЛЬКО ОШИБОЧНЫ

В середине следующего года стало ясно, что выделение 66 миллиардов долларов совершенно недостаточно. Пресс-секретари Казначейства сообщали о 130 миллиардах, что вдвое больше первоначального расчёта. Много ли это – 130 миллиардов?

В 1990 году это было на 30% больше, чем зарплаты всех школьных учителей Америки. Это было больше, чем суммарная прибыль всех промышленных компаний «Форчун-500». Этого хватило бы на оплату учёбы 1,6 миллиона студентов в самых лучших четырёхгодичных колледжах, включая жилье и питание. А ведь это число не учитывает ни стоимость ликвидации огромных материальных запасов сберегательных учреждений, уже конфискованных, ни процент, который должен был выплачиваться по займам. Всего лишь несколько дней спустя после объявленного увеличения Казначейство снова пересмотрело это число, увеличив его со 130 до 150 миллиардов долларов. Как сказал прессе секретарь Казначейства Николас Брэди: «Никто не должен полагать, что оценки не будут меняться. Будут».

Действительно, оценки продолжали меняться с каждой проходящей неделей. Правительство продало или произвело слияние 223 несостоятельных сберегательных учреждений в течение 1988 года и выдало совершенно неадекватные оценки стоимости. Финансисты вроде Рональда Перельмана и Техасская инвестиционная компания, называемая «Temple-Inland, Inc.», прибрали многие из них по фантастически низкому курсу, особенно если учесть, что им выдавались субсидии наличными, да ещё подсластили сделку налоговыми льготами. В то же время Дэнни Уолл, тогда глава Федерального совета банков жилищного кредита, заявил, что эти сделки «взяли на себя заботу» о самых тяжёлых проблемах сберегательных учреждений. Он сказал, что стоимость спасения составила 39 миллионов долларов. «Wall Street Journal» возразил:

Опять неправда. Новое исследование, обработка аудиторских проверок, подготовленная Федеральной корпорацией страхования депозитов, показывают, что общая стоимость так называемого «Класса 1988» должна быть от 90 до 95 миллионов долларов, включая налоговые льго-

¹ «Review of the News», *The New American*, Sept. 11, 1989, p. 15.

ты, предоставленные покупателям, и огромный процент по государственному долгу, чтобы помочь в финансировании этого участия...

Но самая дорогостоящая операция спасения сберегательных учреждений, проведенная в 1988 году, кажется, совсем не обогатила этих воротил. Напротив, ни одна из сделок не прекратила или даже не ограничила государственное вмешательство в плохое управление новыми собственниками, скрытые убытки по недвижимости в прошлом или превратности рынков недвижимости в будущем... И некоторые из сделок, как представляется, были фиктивными, когда обанкротившиеся сберегательные учреждения продавались обанкротившимся сберегательным учреждениям, которые банкротились все вместе снова...

Хотя сберегательные учреждения оказались в намного худшем состоянии, чем оценивали в совете Банка, г-н Уолл защищает свою стратегию их спасения с неограниченной поддержкой. «У нас нет денег на ликвидацию», — говорит он¹.

Когда в предшествующем году Конгресс принял Закон FIRREA (Закон о реформе финансовых институтов, поддержке и исполнении, 1989 год), чтобы «сохранить и стабилизировать американскую финансовую систему», для его выполнения была утверждена поэтапная сумма 300 миллиардов долларов из налоговых выплат и инфляции на следующие 30 лет. Теперь глава ФРС Ален Гринспен говорит, что истинная долгосрочная стоимость составит 500 миллиардов, что даже больше, чем совокупный дефолт по кредитам всех стран «третьего мира». Сумма, *тем не менее*, оказалась недостаточной. «Непредвзятое частное исследование, выполненное "Veribank, Inc.", показало, что, если включить все скрытые издержки, то закон, представленный американскому народу, будет стоить около 532 миллиардов долларов²». Проблемы, которые, как обещал президент Буш, «никогда не возникнут снова», снова и возникают.

БУХГАЛТЕРСКИЕ ТРЮКИ

К этому времени на рынке недвижимости начали заключать сделки, и многие ипотечные кредиты превышали реальную стоимость, за которую собственность могла быть продана. Более того, рыночные процентные ставки подскочили намного выше ставок, зафиксированных в большинстве кредитов осудно-сберегательных ассоциаций, и это снизило стоимость этих ипотек. Ре-

¹ «Audit Report by FDIC Shows Wall's Estimates for Thrift Bailouts in 1988 Were Wildly Low», by Charles McCoy and Todd Mason, *The Wall Street Journal*, Sept. 14, 1990, p. A-12.

² «S&L Industry Rebuilds As Bailout Reaches Final Phase», *Veribank News Release*, Veribank, Inc. (Wakefield, Massachusetts), January 12, 1994, p. 2.

альная стоимость ипотеки 50 000 долларов при выплате 7% составляет всего лишь половину ипотеки 50 000 долларов, приносящей 14% -й доход. Вот народные защитники и разработали схему, по которой ссудно-сберегательные ассоциации могли оценивать свои активы не по их реальной рыночной стоимости, а по первоначальному объёму кредита. Это помогло, но требовалось все же намного больше.

Следующим шагом было создание из ничего бухгалтерских активов. Это было реализовано, когда ссудно-сберегательные ассоциации получили право придавать денежную стоимость активам «гудвилл»! Всего лишь росчерком пера рефери создали таких активов на 2,5 миллиарда долларов, и игроки продолжили игру.

Затем корпорация FSLIC начала выпуск «сертификатов чистой стоимости», которые были в основном обещаниями спасти проблемные ссудно-сберегательные ассоциации, если в том появится нужда. Государство уже обещало это делать, но, напечатав своё обещание на листках бумаги и назвав их «сертификатами чистой стоимости», оно позволило ссудно-сберегательным ассоциациям считать их активами в своих бухгалтерских книгах. Такие обещания и *есть* активы, но, поскольку сберегательные учреждения должны бы возвращать любые деньги, которые они получили для спасения, эти платёжные обязательства также должны записываться в бухгалтерских книгах как пассивы. *Нетто*-позиция не изменилась бы. Чтобы они могли считать сертификаты активами без добавления компенсирующих пассивов, есть только один способ – представить обещания спасения просто даром, без обязательства когда-либо выплатить. Это может оказаться конечным результатом, но это не тот способ, который планируется. В любом случае, сберегательным учреждениям сказали, что они могут считать эти листки бумаги капиталом, как вроде бы собственники вложили свои наличные. И игра продолжилась.

Наступает момент истины, когда ссудно-сберегательные ассоциации должны ликвидировать некоторые из своих резервов, например продажу ипотек или заложенных без права выкупа домов, в пользу других ссудно-сберегательных ассоциаций, коммерческих банков или частных лиц. Это случай, когда вздутая бухгалтерская стоимость конвертируется в достоверную рыночную стоимость, а разность вводится в гроссбук как убыток. Но не в фантастической стране социализма, где правительство – великий защитник. Дэннис Тернер разъясняет:

FSLIC позволяет ссудно-сберегательной ассоциации, продавшей ипотеку, зачесть убыток за 40-летний период. Большинство компаний, продающих актив с убытком, должны зачитывать убыток сразу же: только ссудно-сберегательные ассоциации могут участвовать в этом патентованном мошенничестве. Легко представить, как две несостоятельные ссудно-сберегательные ассоциации продают друг другу свои самые

низкодоходные ипотеки и обе сразу повышают свою чистую стоимость! Такая бесчестная бухгалтерия в банковской системе одобрена высшими регуляторами¹.

«U.S. News & World Report» продолжает комментировать:

Сегодня масса ссудно-сберегательных ассоциаций, остающихся на плаву благодаря, главным образом, бухгалтерским уловкам, продолжает делать проводку больших убытков... Только часть совокупной чистой стоимости этой индустрии включает материальные активы, такие как ипотечные векселя. Нематериальные активы, включая бухгалтерские проводки типа «гудвилл», составляют почти всю оценённую чистую стоимость индустрии в 37,6 миллиарда долларов².

УЛОВКИ УЧЕТА НЕ ЯВЛЯЮТСЯ МОШЕННИЧЕСТВОМ

Мы должны иметь в виду, что хорошо управляемое учреждение никогда не будет использовать такого рода риски или прибегать к мошенническим уловкам, если оно хочет остаться в бизнесе надолго. Но если менеджер, исполняя директивы Вашингтона и стараясь возмещать убытки, не воспользуется удобным случаем, он потеряет работу. В конце концов, Конгресс сказал определённое «о'кей», когда законы там принимались. Там не зря были умышленно оставленные «лазейки». Д-р Эдвард Кейн объясняет:

Собственно, обман не является незаконным мошенничеством, если он санкционирован системой учёта, такой как система GAAP (Общепринятые принципы и правила бухгалтерского учёта), которая позволяет учреждениям отказаться от регистрации активов по их реальной стоимости и вместо этого учитывать активы по их инфляционной стоимости. Система регулирующих принципов учёта (RAP) добавила в 1982 году ещё и новые опции, чтобы зависеть капитал... Впечатляющая спекуляция, которую мы увидели в этих фирмах, совсем не обязательно означает плохое управление. В большинстве случаев это – разумное управление. Бывали разумные авантюры, но осуществляли их не вкладчики или держатели сбережений, а налогоплательщики³.

¹ Dennis Turner, *When Your Bank Fails* (Princeton, New Jersey: Amwell publishing, Inc., 1983), p. 141.

² «It's Touch And Go for Troubled S&Ls», by Patricia M. Scherschel, U.S. News & World Report, March 4, 1985, p. 92.

³ «FIRREA: Financial Malpractice», by Edward J. Kane, *Durell Journal of Money and Banking*, May, 1990, p. 5.

Пресса сильно преувеличила роль незаконного мошенничества в этом деле, многократно подвергая суровой критике действия Дональда Диксона из Вернонской ссудно-сберегательной ассоциации и Чарльза Китинга из Сберегательного учреждения Линкольна. По правде говоря, такие фиаско стоят налогоплательщикам свыше 3 миллиардов долларов, но все вместе незаконные мошенничества составляют всего лишь около половины процента от общей суммы убытков в настоящее время¹. Фокусирование на таком мизерном компоненте позволяет только отвлечь от того факта, что реальная проблема – в самом государственном управлении.

«МУСОРНЫЕ» ОБЛИГАЦИИ – ЭТО НЕ МУСОР

Ещё один способ отвлечения – представить дело так, будто сберегательные учреждения столкнулись с проблемами из-за того, что много инвестировали в «мусорные» облигации.

Минуточку! Что такое «мусорные» облигации, наконец? Это, может, станет сюрпризом, но облигации, принадлежащие ссудно-сберегательным ассоциациям, – что угодно, но не мусор. Фактически по соотношению риск – доходность большинство из них были первоклассными инвестициями в облигации от компаний «Форчун-500». Так называемые «мусорные» облигации – это те, что выпускаются малыми компаниями, не настолько большими, чтобы числиться среди национальных гигантов. Крупные реинвесторы, например менеджеры взаимных инвестиционных фондов и пенсионных фондов, предпочитают иметь дело с хорошо известными именами, такими как «Дженерал Моторс» и IBM. Им нужно каждый день инвестировать огромные блоки денег, а малые компании не имеют их достаточного количества, чтобы удовлетворить свои нужды.

Поэтому облигации от мелких компаний не продаются большими брокерскими домами или Отделом облигаций Нью-Йоркской фондовой биржи. Они продаются на маленьких биржах или напрямую между брокерами путём, что называется, «внебиржевых сделок». Не имея преимуществ продажи на больших рынках, они вынуждены платить более высокую процентную ставку, чтобы привлечь инвесторов, и поэтому они обычно называются «облигациями с высоким доходом».

Облигации, предлагаемые этими компаниями, высмеиваются некоторыми брокерами как облигации не «инвестиционного уровня», однако многие из них оказываются весьма доходными. Они действительно стали важной частью американской экономики, поскольку являются сутью новой индустрии. Самые успешные компании будущего будут организовываться в их рядах. В течение последнего десятилетия, когда сокращались компании из списка «Фор-

¹ «Banking on Government», by Jane H. Ingraham, *The New American*, August 24, 1992, p. 24.

чун-500» и были ликвидированы 3,6 миллиона рабочих мест, этот сегмент новой индустрии рос и создал 18 миллионов новых рабочих мест.

Не всегда новые компании – это хорошие инвестиции, что, впрочем, справедливо и для старых компаний, но сектор малых компаний, как правило, обеспечивает больше рабочих мест, имеет больше маржу прибыли и выплачивает больше дивидендов, чем так называемые компании «инвестиционного уровня». С 1981 по 1991 год реализованный доход по десятилетним казначейским векселям составил 10,4%, промышленный индекс «Доу Джонс» был 12,9%, а средний реализованный доход по «мусорным» облигациям был 14,1%. Благодаря своей более высокой доходности они привлекли свыше 180 миллиардов долларов от предприимчивых инвесторов, среди них оказались и ссудно-сберегательные ассоциации. Это был, по сути, новый рынок, которым «дирижировал» внезапно объявившийся Майкл Милкен из брокерского дома «Дрексель Бернем Ламберт» из Калифорнии.

РОСТ КАПИТАЛА БЕЗ БАНКОВСКИХ КРЕДИТОВ ИЛИ ИНФЛЯЦИИ

Одной из главных идей собравшихся на острове Джекилл в 1910 году был тренд – получить коммерческий рост капитала не от банковских кредитов. Сейчас, 70 лет спустя, тот же тренд снова разрабатывался, хотя и в несколько иных формах. Капитал, особенно для малых компаний, исходил теперь от облигаций, которым «Дрексель» проложил путь к массовому рынку. Фактически «Дрексель» мог, используя эти облигации, даже организовать корпоративные захваты, что прежде осуществляли лишь мега-инвестиционные фирмы. К 1986 году «Дрексель» стал самым прибыльным инвестиционным банком в стране.

Здесь было 180 миллиардов долларов, которые больше не должны были проходить через Уолл-стрит. Здесь было 180 миллиардов, которые поступили от народных сбережений, вместо создания их банками из ничего. Другими словами, здесь был рост, основанный на реальных инвестициях, а не на инфляции. Некоторые люди, однако, не были этим довольны.

Гленн Яго, директор Бюро экономических исследований и адъюнкт-профессор Управления Университета штата Нью-Йорк в Стоуни-Брук, разъясняет эту проблему:

Недовольства не было, пока высокодоходные ценные бумаги не стали использоваться для реструктуризации путём расчленения и захватов, что вызвало враждебное отношение к рынку «мусорных» облигаций... Высокодоходный рынок вырос за счёт банковского долга, а

высокодоходные компании выросли за счёт гегемонии многих учреждений фирм. Как отметил Питер Пасселл в «The New York Times», первым чувством на Уолл-стрит был шок, «когда острые локти и хорошее владение компьютерными таблицами стали вдруг значить больше, чем нюх на сухой херес или членство в тайном обществе «Череп и кости»¹.

На первой линии атаки на этот новый рынок высокодоходные облигации обозвали «мусорными». Слово само по себе – мощное оружие. Финансовая среда отметила его, и многих инвесторов это отпугнуло.

Следующим шагом было уговорить политиков провести закон, требующий, чтобы ссудно-сберегательные ассоциации избавились от своего «мусора» якобы для защиты народа. Что это просто трюк, было очевидно из того факта, что только 5% имели какие-либо из этих облигаций, и они составляли всего 1,2% всех активов ссудно-сберегательных ассоциаций. Однако эти облигации были результативными и являлись источником очень нужных поступлений. Тем не менее в 1989 году был принят Закон о реформе финансовых институтов, поддержке и исполнении (FIRREA), о котором говорилось выше. Закон заставил ссудно-сберегательные ассоциации ликвидировать сразу же свои запасы «мусорных» облигаций. Это обрушило их стоимость, и сберегательные учреждения стали ещё слабее, так как понесли убытки при продаже. Джейн Ингрэм комментирует:

Внезапно, за одну ночь, прибыльные ссудно-сберегательные ассоциации превратились в жалкое государственное имущество в руках RTC (Трастовой корпорации для урегулирования). Вдобавок к этой катастрофе сама RTC, ставшая самым большим собственником «мусорных» облигаций в стране... снова наводнила рынок 1,6 миллиарда долларов своих запасов по крайне низким ценам рынка в 1990 году...

Таким образом, именно государство само разрушило рынок «мусорных» облигаций, а не Майкл Милкен, хотя заключённый в тюрьму Милкен и другие бывшие сотрудники «Дрексель Бернем Ламберт» дали согласие на выплату 1,3 миллиарда долларов по сотням судебных исков, поданных против них правительственными регуляторами, потерпевшими инвесторами и многими другими, требовавшими «правосудия»².

Впрочем, эти облигации с того времени возродились, и, если бы ссудно-сберегательным ассоциациям позволили сохранить их, они сегодня были бы в лучших финансовых условиях. И то же было бы с RTC.

¹ Glenn Yago, *funk Bonds: How High Yield Securities Restructured Corporate America* (New York: Oxford University Press, 1991), p. 5.

² «Banking on Government», pp. 24-25.

Когда разделались с калифорнийскими «выскачками», стало очень просто купить ненавистные облигации по бросовым ценам и предоставить контроль над новым рынком снова Уолл-стрит. Нью-йоркская фирма «Salomon Brothers», например, которая в 1980-х была одной из самых суровых критиков «Дрексель», теперь стала ведущим трейдером на рынке, созданном «Дрексель».

НАСТОЯЩАЯ ПРОБЛЕМА – ЭТО ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Итак, действительная проблема ссудно-сберегательной индустрии состоит в государственном регулировании, которое отстранило её от свободного рынка и вынудило вести нездоровую коммерческую практику. 10 марта 1992 года «Wall Street Journal» констатировала:

Если вы собрались разрушить бизнес масштаба страховой индустрии США, вам понадобится куда больше энергии, чем Майкл Милкен когда-либо имел. Вам понадобится могущество государственной политической власти, такое могущество, которым располагают только регуляторы и Конгресс. Какое бы «влияние» Милкен или «мусорные» облигации ни оказали на ссудно-сберегательные ассоциации, это было ничто по сравнению с вмешательством Конгресса¹.

Ко времени, когда эта книга пошла в печать, число ссудно-сберегательных ассоциаций, функционировавших в 1980-е годы, сократилось более чем вдвое. Поскольку банкротства, слияния и превращения в банки продолжают-ся, их численность будет и дальше уменьшаться. Те, что остаются, делятся на две группы: ассоциации, руководство которыми перешло к RTC, и ассоциации, с которыми этого не произошло. Большинство из тех, что остались под частным контролем (и число их меняется, поскольку процесс регулирования продолжается), медленно возвращаются к здоровому состоянию благодаря улучшенной рентабельности, лучшему качеству активов и капитализации. Компании, управляемые RTC, с другой стороны, продолжают истекать кровью из-за отказа Конгресса предоставить средства для их ликвидации и погашения долгов. Убытки от этой группы добавляют ежегодно 6 миллиардов долларов к конечной стоимости спасения. Президент Клинтон запрашивал в Конгрессе дополнительные 45 миллиардов, давая понять, что это было бы последнее спасение, правда, без обязательств.

Игра продолжается.

¹ Цитируется в: «Banking on Government», p. 26.

КОНГРЕСС ПАРАЛИЗОВАН УМЫШЛЕННО

Конгресс, видимо, не заинтересован и бездействует. Можно было бы ожидать, что десятки политиков начнут призывать к широкомасштабному расследованию продолжающегося бедствия, но этого нет и в помине. Объяснение становится очевидным, когда осознаешь, что ссудно-сберегательные ассоциации, банки и другие регулируемые государством учреждения – это крупные вкладчики в избирательные кампании тех, кто и создал регулирующие законы. Основательное публичное расследование, несомненно, выявило бы некие тёплые отношения, которые законодатели предпочитают скрывать.

Кроме того, любое честное расследование вскоре выявило бы шокирующую правду, что сам Конгресс и есть основная причина проблемы. Следуя социалистическим путём и обещая защищать или дать льготы своему электорату, он приостановил и нарушил естественные законы, движущие экономику свободного рынка. Действуя таким образом, он создал Франкенштейна, которым не может управлять. Чем больше он пытался обуздать экономику, тем более деструктивной она становилась. Как заметил экономист Ганс Зенхольц:

Истинная причина такого бедствия кроется в действующей финансовой структуре, которая была сформирована законодателями и направлялась регуляторами; они вместе создали картель, который, подобно всем другим монополистическим измышлениям, несёт беду своим жертвам¹.

КАРТЕЛЬ ВНУТРИ КАРТЕЛЯ

Зенхольц точно выбрал правильное слово – *картель*. Ссудно-сберегательная индустрия действительно есть картель *внутри* картеля. Она не могла бы функционировать без того, чтобы Конгресс не снабжал её неограниченным количеством денег. А Конгресс не мог бы этого делать без того, чтобы банковский картель под названием Федеральная резервная система не позиционировал бы себя как «кредитор последней инстанции», создающий деньги из ничего для Конгресса. Это удобное содружество политических и финансовых деятелей позволяет Конгрессу голосовать за любые схемы, какие ни захочет, не заботясь об их стоимости. Если бы политики попытались увеличить количество денег через налоги, их бы выгнали. Но возможность «заимствования по запросу» у Федеральной резервной системы позволяет им собирать деньги

¹ «The Great Banking Scandal», by Hans F. Sennholz, *The Freeman*, Nov., 1990, p. 405.

с помощью скрытого механизма инфляции, и ни один избиратель не пожалуется.

Сберегательные учреждения – незаконнорождённое дитя сговора на острове Джекилл. Именно поэтому история ссудно-сберегательных ассоциаций включена в эту книгу.

Если Америка хочет оставаться свободной нацией, её граждане должны стать намного более политически образованными, чем они есть сейчас. Мы должны научиться не бежать за всякой политической морковкой, которой размахивают перед нами. Как желательно, чтобы каждый мог позволить себе иметь дом, так же желательно, чтобы мы поняли, что правительственные программы, претендующие на выполнение этого стремления, на самом деле наносят серьёзный ущерб нашей системе и приводят к результату, прямо противоположному тому, что обещали. После 60 лет субсидирования и регулирования жилищного строительства многие ли молодые люди могут себе позволить иметь дом? Экспериментирование с законами спроса и предложения, плюс скрытый налог, называемый инфляцией, для оплаты этих экспериментов – все это привело цены на уровень, недоступный многим, а для других – к потере первоначальных платежей. Если бы не такие расходы, люди могли бы иметь намного больше денег, их покупательная способность была бы больше, чем она есть сегодня, и дома были бы им вполне доступны.

РЕЗЮМЕ

Истоки наших сегодняшних проблем в ссудно-сберегательной индустрии можно обнаружить во времена Великой депрессии 1930-х годов. Американцев впечатлили теории социализма, и они восприняли идею, что именно государству надлежит обеспечивать благосостояние своих граждан и защищать их от экономических невзгод.

При администрациях Гувера и Рузвельта были учреждены новые правительственные агентства, призванные защищать вклады граждан в ссудно-сберегательных учреждениях и субсидировать жилищные ипотеки для среднего класса. Эти меры исказили законы спроса и предложения, и с того времени индустрия жилищного строительства ушла со свободного рынка и перешла на политическое поле.

Как только была установлена схема государственного вмешательства, приступили к принятию бесконечной серии федеральных правил и постановлений, ставших источником непредвиденных доходов для менеджеров, оценщиков, брокеров, проектировщиков и строителей. Это также ослабило индустрию, так как способствовало развитию нездорового бизнеса и рискованных инвестиций.

Когда эти рискованные предприятия рухнули и стоимость недвижимости стала падать, многие ссудно-сберегательные ассоциации оказались неплатёжеспособными. Федеральный страховой фонд вскоре был исчерпан, и правительство оказалось перед лицом собственных обещаний спасти компании, но не имело денег на это.

Регуляторы посоветовали использовать бухгалтерские уловки, с помощью которых неплатёжеспособные сберегательные учреждения могли бы казаться платёжеспособными и, таким образом, оставаться в бизнесе. Это отсрочило неизбежное и только намного ухудшило ситуацию. Несостоятельные ссудно-сберегательные ассоциации продолжали терять миллиарды долларов каждый месяц, значительно увеличивая конечную стоимость спасения, которую, в конце концов, должны были выплачивать рядовые американцы, помимо налогов и инфляции. Конечная стоимость составила более одного триллиона долларов.

Конгресс казался неспособным действовать и странно пассивным. Это можно понять. Многие депутаты и сенаторы являются бенефициарами щедрых благотворительных пожертвований от ссудно-сберегательных ассоциаций. Но, возможно, главная причина в том, что, собственно, сам Конгресс и есть основной виновник этого преступления. Во всяком случае политики предпочитают об этом не говорить.

Если взглянуть шире, то ссудно-сберегательные ассоциации – это картель в картели. Фиаско никогда бы не случилось, если бы не готовность картеля, называемого Федеральной резервной системой, создавать огромные суммы денег для спасения под поручительство Конгресса.

ГЛАВА 5

«ТАК СЛЕПИТЬ, ЧТОБ СЕРДЦУ СТАЛ ОН МИЛ»

Конференция 1944 года в Бреттон-Вудсе (штат Нью-Гемпшир), где самые знаменитые социалисты мира учредили Международный валютный фонд и Всемирный банк, для того чтобы исключить золото из мировых финансовых операций; при создании МВФ/Всемирного банка имелся, как выяснилось, и тайный замысел – построение мирового социализма; роль Федеральной резервной системы в осуществлении этого.

Как видим, игра под названием «Спасение» все продолжается, и снова и снова спасаются от банкротства большие корпорации, местные банки и ссудно-кредитные учреждения под тем предлогом, что эти меры необходимы для защиты народа. Результат, правда, был прямо противоположный. Народ просто использовали в своих целях, выкачивая миллиарды долларов в виде налогов и инфляции. Деньги шли на возмещение убытков, которые должны бы были выплачивать несостоятельные банки и корпорации – в наказание за плохое управление и мошенничество.

Однако, пока все это происходило на нашем родном стадионе, та же игра развернулась и на международной арене. Были, правда, два главных отличия. Одно отличие в том, что денег на кону в международной игре намного больше. Через сложное сплетение банковских займов, субсидий и грантов Федеральная резервная система стала фактически «кредитором последней инстанции» для всей планеты. Другое отличие – что игроки уже не объявляли себя защитниками народа, на своей униформе они начертали: *спасители мира*.

БРЕТТОН-ВУДС: АТАКА НА ЗОЛОТО

Игра началась с международной конференции финансистов, политиков и теоретиков в июле 1944 года в отеле Маунт-Вашингтон в Бреттон-Вудсе, штат Нью-Гемпшир. Официально это собрание называлось Валютно-финансовой конференцией Организации Объединённых Наций, но сегодня она называется просто – «Бреттон-Вудская конференция». На конференции были созда-

ны два международных органа: Международный валютный фонд (МВФ) и его «сестра» – Международный банк реконструкции и развития, который обычно называется Всемирным банком.

Объявленные цели этих организаций достойны восхищения. Всемирный банк должен был предоставлять займы странам, разрушенным войной и слабо развитым, чтобы они могли создать сильные экономики. Международный валютный фонд (МВФ) должен был способствовать кредитно-денежной кооперации между странами, поддерживая фиксированный обменный курс между их валютами. Но метод достижения этих целей был не столь прекрасен. Он состоял в прекращении использования золота как базиса международного валютного обмена и замене его политически управляемым бумажным стандартом. Другими словами, правительствам дозволялось уйти от золотой дисциплины, и отныне они могли безнаказанно создавать деньги из ничего, не отвечая за падение стоимости своих валют на мировых рынках.

До этой конференции валюты обменивались в зависимости от их золотого содержания, и этот порядок назывался «золотовалютный стандарт». Это не то же самое, что «золотой стандарт», когда валюта обеспечена золотом. Золотовалютный стандарт просто определяет меновое соотношение разных валют, большинство из которых *не* обеспечивается золотом, – в зависимости от того, сколько золота они могли бы купить на открытом рынке. Стоимость валют, следовательно, определялась спросом и предложением. Политики и банкиры ненавидели эту систему, потому что она выходила за пределы их возможности манипулировать. В прошлом это работало как замечательный эффективный механизм, который жёстко регламентировался. Как заметил Джон Кеннет Гэлбрейт:

Бреттон-вудскими решениями старались восстановить преимущества золотого стандарта – валют, которые обменивались по стабильным и предсказуемым курсам на золото, и поэтому, также по стабильным и предсказуемым курсам, одна валюта менялась на другую. И при этом хотели минимизировать вред, причиняемый золотым стандартом странам, которые покупают слишком много, а продают слишком мало и, таким образом, теряют золото¹.

Методом достижения этой цели оказался именно тот метод, который изобрели на острове Джекилл, – он позволил американским банкам создавать деньги из ничего, без всякой расплаты за обесценивание их валют другими банками. Состоялось учреждение *мирового* центрального банка, получившего возможность создавать общие фиатные деньги для всех стран и затем требовать от них организовать вместе инфляцию на один и тот же уровень. Это

¹ John Kenneth Galbraith, *Money: Whence It Came, Where It Went* (Boston: Houghton Mifflin, 1975), pp. 258, 259.

должно было стать чем-то вроде международного страхового фонда, который тотчас бы доставил эти фиатные деньги в любую страну, которой они временно понадобились, чтобы отразить «набег» на их валюту. Система не родилась сразу со всеми своими свойствами, полностью развитыми, как и Федеральная резервная система не была досконально разработана в момент создания. Тем не менее это был чёткий план со всеми необходимыми структурами, и его запустили в исполнение.

Теоретики, разработавшие этот план, хорошо известны: Джон Мейнард Кейнс¹, социалист-фабианец из Англии, и Гарри Декстер Уайт, заместитель секретаря Казначейства США.

ФАБИАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Первоначально фабианцы были элитной группой интеллектуалов, сформировавших полутайное общество с целью привести мир к социализму. Если коммунисты хотели установить социализм быстро – через насилие и революцию, то фабианцы предпочитали двигаться потихоньку – путём пропаганды и законодательных актов. Не следовало акцентировать внимание на идее мирового социализма. Вместо этого надо было просто говорить о пользе для народа таких благ, как социальное обеспечение, медицинское обслуживание, более высокие зарплаты и лучшие условия работы. Таким образом, они предполагали достичь своих целей без кровопролития и даже без серьёзного противостояния. Они отвергали коммунистов не потому, что не принимали их цели, а потому, что не соглашались с их методами. Чтобы подчеркнуть важность постепенности, символом своего движения они выбрали черепаху. В первое время самыми видными лидерами фабианского движения были Сидней и Беатрис Вебб и Джордж Бернард Шоу. Витражное окно в доме Беатрис Вебб в Суррее, Англия, стало особенно показательным. Наверху читается последняя строчка из Омара Хайяма:

**Dear love, couldst thou and I with fate conspire
To grasp this sorry scheme of things entire,
Would we not shatter it to bits, and then
Remould it nearer to the heart's desire!²**

В русском переводе:

¹ Кейнса часто представляют всего лишь либералом. О его связях в течение всей жизни с фабианцами и их деятельности см.: Rose Martin, *Fabian Freeway; High Road to Socialism in the U.S.A.* (Boston: Western Islands, 1966).

² Эдвард Фитцджеральд – «Рубайят Омара Хайяма», поэма. Перевод О. Румера. – *Прим. переводчика.*

Это точное изображение витражного окна в доме Беатрис Вебб в графстве Суррей, Англия, – бывшей штаб-квартире Фабианского общества. Здесь представлены Сидней Вебб и Джордж Бернард Шоу, ударяющие молотами по земному шару, чтобы разбить, а потом «слепить, чтоб сердцу стал он мил». Символично изображение волка в овечьей шкуре в фабианском гербе над глобусом. Окно теперь находится на выставке

в Лондонской школе экономики. Цветное фото в Интернете:

www.freedom-force.org/redir_fabianwindow.cfm¹

¹ На момент издания книги ссылка оказалась неработающей. Вероятно, сведения, о которых говорит автор, могут содержаться на его сайте www.freedomforceinternational.org. Неактивные ссылки также имеются на с. 221 и 590. (Прим. изд.).

Любовь моя! Когда бы Он вручил
 Нам этот мир, который так уныл, —
 Его в куски разбили б мы и вновь
 Слепили так, чтоб сердцу стал он мил.

(Перевод О. Румера)

Под строчкой «Слепили так, чтоб сердцу стал он мил» на витраже изображены Шоу и Вебб, бьющие по Земле молотками. Внизу народ на коленях прославляет стопы книг, пропагандирующих социализм. Показывает нос послушным массам Герберт Дж. Уэллс, который, покинув фабианцев, обозвал их «новыми макиавеллианцами». Однако самый знаменательный компонент – фабианский герб между Шоу и Веббом: тут волк в овечьей шкуре!¹

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ «КРОТЫ»

Гарри Декстер Уайт был главным американским техническим экспертом и движущей силой на конференции. В итоге он стал и первым исполнительным директором от США при МВФ. Интересно заметить в связи с этой историей, что Уайт, работая заместителем секретаря Казначейства, одновременно являлся членом Совета по международным отношениям (CFR) и членом коммунистической агентурной сети в Вашингтоне. И что ещё интереснее – Белый дом проинформировали об этом факте, когда президент Трумэн назначал его на этот пост. ФБР передало в Белый дом подробные доказательства деятельности Уайта по, как минимум, двум разным эпизодам².

Функции технического секретаря на Бреттон-Вудской конференции выполнял Вирджиниус Фрэнк Коу, член той же шпионской сети, к которой принадлежал и Уайт. Коу позже станет первым секретарём МВФ.

Таким образом, на Бреттон-Вудской конференции в полной тайне от народа была разыграна неоднозначная драма, в которой интеллектуальным путеводным лучом выступили социалисты-фабианцы и коммунисты. Они расходились в методах, но работали в полной гармонии, когда дело касалось общей цели – международного социализма.

Несомненно, были и другие причины, по которым коммунисты с энтузиазмом отнеслись к созданию МВФ и Всемирного банка, несмотря на тот факт,

¹ См.: Zygmund Dobbs, *The Great Deceit: Social Pseudo-Sciences* (West Sayville, New York: Veritas Foundation, 1964), opposite p. 1. Also Rose L. Martin, *Fabian Freeway: High Road to Socialism in the U.S.A.* (Boston: Western Islands, 1966), pp. 30, 31.

² См.: David Rees, *Harry Dexter White: A Study in Paradox* (New York: Coward, McCann & Geoghegan, 1973); Whittaker Chambers, *Witness* (New York: Random House, 1952); Allen Weinstein, *Perjury: The Hiss-Chambers Case* (New York: Vintage Books, 1978); James Burnham, *The Web of Subversion: Underground Networks in the U.S. Government* (New York: The John Day Co., 1954); Elizabeth Bentley, *Out of Bondage* (New York: Devin-Adair, 1951).

что Советский Союз в то время предпочёл не становиться их членом. Целью этих организаций было создание мировой валюты, мирового центрального банка и механизма контроля экономик всех стран. Чтобы все это получилось, Соединённые Штаты должны были по необходимости отказаться от своего доминирующего положения. Фактически оно бы сводилось всего лишь к одной из частей общего целого. Это просто замечательно совпадало с советскими планами. Более того, Всемирный банк рассматривался как машина для перевода капитала из Соединённых Штатов и других индустриальных стран в слаборазвитые страны, именно те, над которыми марксисты всегда имели наибольший контроль. Они мечтали о том дне, когда мы бы стали оплачивать их векселя. И это все случилось.

СТРУКТУРА И ФИНАНСИРОВАНИЕ МВФ

Международный валютный фонд представляется структурной частью Организации Объединённых Наций, так же как Федеральная резервная система представляется структурой правительства США. Но МВФ – совершенно независимая организация. Фонд финансируется за счёт квот, установленных для каждой страны-члена, число которых почти 200. Однако самую большую долю капитала вносят более развитые индустриальные страны, такие как Великобритания, Япония, Франция и Германия. Доля Соединённых Штатов – самая большая, примерно 20% от общей суммы. В действительности эти 20% представляют примерно в два раза бóльшую сумму, поскольку большинство других стран вносят валюту, не имеющую никакой ценности, которую никто не хочет иметь. Мир предпочитает доллары.

Одна из рутинных операций МВФ – обмен не имеющей ценности валюты на доллары, чтобы более слабые страны могли оплатить свои международные счета. Это якобы решало временные проблемы «оттока наличности». Что-то вроде международной FDIC (Федеральной корпорации страхования депозитов), которая может срочно выдать деньги стране, близкой к банкротству, чтобы она могла избежать девальвации своей валюты. Эти транзакции редко возвращаются.

Хотя уход от золотовалютного стандарта был перспективной целью МВФ, единственным способом убедить страны участвовать на начальной стадии было использование золота в качестве обеспечения предоставляемых собственных средств, по крайней мере в качестве временного средства. Кейнс писал:

Я понимал, что ведущие центральные банки никогда добровольно не откажутся от существовавших тогда форм золотого стандарта;

но я и не хотел какого-то большого катаклизма, если избавляться от него принудительно. Единственный приемлемый путь, следовательно, – это постепенная эволюция форм управляемой мировой валюты с принятием существующего золотого стандарта в качестве отправной точки¹.

В то время американским гражданам запрещалось владеть золотом, но весь другой мир мог менять свои бумажные доллары на золото по фиксированной цене 35 долларов за унцию. Это сделало доллар *фактически* международной валютой, поскольку, в отличие от любой другой в то время, он имел гарантированную стоимость. То есть с самого начала МВФ ввёл доллар в обращение в качестве своей международной денежной единицы.

БУМАЖНОЕ ЗОЛОТО

Но фабианская черепаха неуклонно ползла к своему предназначению. В 1970 году МВФ создал новую денежную единицу, названную SDR (Special Drawing Rights – Специальные права заимствования), СДР. СМИ оптимистично назвали её «бумажным золотом», но это было чисто бухгалтерское чудо, не имеющее никакого отношения ни к золоту, ни к чему-нибудь ещё с реальной стоимостью. На основе СДР выполняются «кредиты», предоставляемые странами-членами. Такие «кредиты» – совсем не деньги. Это всего лишь обещание, что правительства *достанут* деньги, облагая налогом собственных граждан, если возникнет потребность. МВФ рассматривает их как «активы», которые затем становятся «резервами». Из них выдаются займы другим странам.

Как мы увидим в Главе 10, это почти идентично тому бухгалтерскому фокусу, который использует Федеральная резервная система для создания денег из ничего.

Дэннис Тернер говорит прямо:

СДР превратились в займы странам третьего мира путём создания чековых счетов правительства-заёмщика в коммерческих или центральных банках стран – членов МВФ. Эти банковские счета созданы из чистого воздуха. МВФ создаёт доллары, франки, фунты или другие твёрдые валюты и даёт их диктаторам третьего мира, вызывая в результате инфляцию в стране, откуда валюта происходит... Инфляция вызывается в промышленно развитых странах, в то время как обще-

¹ John Maynard Keynes, *The Collected Writings of*, Vol. V (1930 rpt. New York: Macmillan, 1971), p. XX.

ственное богатство всего народа переводится в страну-заёмщик. И заёмщик не расплачивается¹.

Когда создавался МВФ, социалист-фабианец Джон Мейнард Кейнс видел в мечтах, что это будет мировой центральный банк, выпускающий резервную валюту под названием «банкор», чтобы освободить все правительства от дисциплины золота. С созданием СДР МВФ начал, наконец, воплощать эту мечту.

ОТ ЗОЛОТА, НАКОНЕЦ, ОТКАЗАЛИСЬ

Но было ещё одно препятствие. Пока доллар был главной денежной единицей, используемой МВФ, и пока он мог обмениваться на золото по цене 35 долларов за унцию, объем создаваемых международных денег должен был ограничиваться. Чтобы МВФ функционировал как истинный международный центральный банк с неограниченной *эмиссией*, доллар должен был отделиться от своего золотого обеспечения в качестве первого шага к его полной замене банкором, СДР или чем-то ещё, свободным от ограничений.

15 августа 1971 года президент Никсон подписал постановление, объявлявшее, что Соединённые Штаты больше не будут обменивать бумажные доллары на золото. Так закончилась первая фаза метаморфозы МВФ. Он ещё не был истинным центральным банком, потому что не мог создавать свою собственную мировую валюту. Он зависел от центральных банков своих стран-членов, предоставлявших ему наличные и так называемые «кредиты»; но поскольку эти банки сами могли создавать столько денег, сколько хотели, предел с того времени уже не существовал.

Первоначально цель состояла в поддержке фиксированного обменного курса между валютами, но под контролем МВФ произошло более двух сотен девальваций. В частной индустрии такой обвал мог бы стать причиной потери бизнеса, но не в мире политики. Здесь чем больше крах, тем больше давление с требованием *развития* программы.

Поэтому, когда доллар оторвался от золота и больше не был готовым стандартом для измерения стоимости валют, МВФ просто поменял цель и продолжил развитие своих операций. Новой целью стало «преодоление торгового дефицита».

¹ Dennis Turner, *When Your Bank Fails* (Princeton, New Jersey: Amwell Publishing, 1983), p. 32.

ТОРГОВЫЙ ДЕФИЦИТ

Торговый дефицит – излюбленная тема у политиков, экономистов и ведущих ток-шоу. Все согласны, что это плохо, но существует множество противоречивых суждений относительно причин его возникновения. Попробуем разобраться.

Торговый дефицит – это такое состояние во внешней торговле государства, когда страна импортирует товары на большую стоимость, чем экспортирует. Другими словами, страна в международной торговле больше тратит, чем зарабатывает. Это та же ситуация, когда человек больше тратит, чем зарабатывает. И в том и в другом случае процесс не может продолжаться без конца, если: (1) не увеличивается заработок; (2) не берутся деньги из сбережений; (3) не продаются активы; (4) не подделываются деньги; (5) не берутся ссуды. Если ни один из этих пунктов не выполняется, человек или страна не имеет другого выбора, кроме как уменьшить расходы.

Увеличение заработков – лучший вариант. Собственно, это *единственное* решение в долгосрочном плане. Всё прочее в лучшем случае временно. Человек может увеличить доход, работая усерднее, или эффективнее, или дольше. Страна поступает так же. Но это не может произойти, если частной индустрии не дадут преуспевать в системе свободного предпринимательства. Проблема в этом случае состоит в том, что лишь немногие политики признают наличие динамичной энергии в системе свободного предпринимательства.

Их мир построен на политических программах, в которых для достижения политически популярных целей считается возможным манипулировать законами свободного рынка. Они, может, и хотели бы увеличивать национальный доход путём увеличения производительности, но их политические программы ставят целью не допустить, чтобы это случилось¹.

Второй вариант – взять дополнительные деньги из сбережений. Однако сейчас практически нет правительств в мире, которые имели бы какие-либо сбережения. Их долги и пассивы намного превышают активы. В таком же по-

¹ Это мнение автора: настало время скинуть с наших спин политиков в одеянии дяди Сэма. Что, правда, легче сказать, чем сделать, потому что американцам все ещё нравятся протекционистские субсидии: тарифы, защищающие бизнесмена, минимальные зарплаты и принудительный тред-юнионизм для защиты рабочего, этнические квоты при приёме на работу для защиты неудачников, программы страхования от колыбели до гроба, пособия по безработице, пособия по инвалидности, меры безопасности и защиты при чрезвычайных ситуациях в окружающей среде независимо от их стоимости. Свободные предприниматели также выдают все эти пособия, чтобы выиграть в конкуренции за покупателей и работников. Но пока эти меры *обязательны* и выбираются с целью политической популярности, независимо от экономических последствий, американская индустрия никогда не сможет выдворить. Да и *ни одно* из обманчивых преимуществ не останется прежним.

ложении и большинство их производственных отраслей, и их граждан. Сбережения и тех и других уже поглотило правительство.

Третий вариант – продажа активов – также невозможен для большинства стран. Под активами мы понимаем материальные ценности, а не товары, предназначенные для продажи. Хотя они – тоже активы в широком смысле, но по методологии бухгалтерского учёта они классифицируются как товарно-материальные запасы. Единственный *государственный* актив, продаваемый без проблем, – это золото, однако сегодня мало стран, имеющих такие запасы золота, из которых можно черпать. Даже в тех случаях, когда оно в каком-то количестве имеется – оно уже принадлежит другому правительству или какому-то банку.

Что касается *частных* активов, то страны могут какое-то время продавать их иностранным покупателям, чтобы свести свой негативный торговый баланс. Именно это и происходило в Соединённых Штатах многие годы, когда офисные здания, товарно-материальные запасы, предприятия и целые компании продавались иностранным инвесторам. Но ситуация не изменится, если страна *все так же* больше тратит, чем зарабатывает, поэтому данный процесс не может продолжаться бесконечно. Иностранное владение и контроль производства и торговли создают ещё и социологические, и политические проблемы. Слаборазвитые страны, однако, могут обо всем этом не беспокоиться, поскольку у них мало частных активов для продажи.

ВАРИАНТ ФАЛЬШИВЫХ ДЕНЕГ

Вариант фальшивых денег доступен только той стране, которой посчастливилось оказаться в уникальном положении, когда её денежная единица принята в качестве средства расчёта в международной торговле, что и было в случае с США. В этом случае возможно создание денег из ничего, а другим странам не остаётся ничего другого, кроме как с этим смириться. Таким образом, в течение многих лет Соединённые Штаты могли тратить денег больше, чем зарабатывали в торговле, пока Федеральная резервная система могла создавать деньги по требованию.

Когда в 1971 году доллар был полностью отделен от золота, он перестал быть официальной мировой валютой МВФ, и наконец-то ему пришлось конкурировать с другими валютами – прежде всего, маркой и иеной, исходя из сопоставления стоимости. С того времени доллар стал все больше и больше обесцениваться. Тем не менее он оставался предпочитаемым средством обмена. Кроме того, США были одним из самых безопасных мест в мире для инвестирования средств. Но для этого приходилось, прежде всего, конвертировать свою родную валюту в доллары. Эти факты придавали доллару США большую ценность на международных рынках, чем он бы заслуживал в иных

обстоятельствах. Таким образом, несмотря на то что ФРС в течение этого времени создала огромный объем денег, спрос на них со стороны иностранцев оставался, казалось, безграничным. Поэтому Америка продолжала финансировать свой торговый дефицит фиатными деньгами – фальшивками, если хотите, – ловкий трюк, который ни одна другая страна в мире не имела шансов выполнить.

Нам говорили, что торговый дефицит нашей страны – ужасная вещь и что было бы лучше «ослабить доллар», чтобы избавиться от дефицита. Ослабление доллара – это эвфемизм для обозначения роста инфляции. По правде говоря, Америка совсем не страдает от торгового дефицита. По сути, мы – благотворители, а наши торговые партнёры – жертвы. Мы достаём машины и телевизоры, они добывают хорошенькие деньги. Мы добыли железо. Они добыли бумагу.

Однако существует и теневая сторона обмена. Пока доллар продолжает цениться как обменная валюта, Америка может тратить больше, чем зарабатывать. Но когда наступит день, – что, конечно, должно случиться, – и доллар резко упадёт, и иностранцы не захотят больше его получать, тогда дармовые «поездки зайцем» закончатся. Когда это случится, *сотни миллиардов* долларов, которые ещё остаются в иностранных государствах, быстро вернутся на наши берега, так как народ по всему миру попытается конвертировать их в более реальные ценности (недвижимость, предприятия и реальные разработки) и постарается сделать это как можно быстрее, прежде чем доллар ещё больше обесценится. Так как этот поток долларов поднимет цены, мы, в конце концов, увидим такую инфляцию, которая должна была быть в прошедшие годы, но которая была отсрочена, поскольку иностранцы были так любезны, что забирали доллары из нашей экономики в обмен на свою продукцию.

Эти «птенчики» *вернутся* домой. Но это случится не из-за торгового дефицита. Это произойдёт потому, что мы имели возможность *финансировать* торговый дефицит фиатными деньгами, созданными Федеральной резервной системой. Если бы не это, торговый дефицит не мог бы случиться.

Вернёмся к главной теме, то есть к тем пяти способам, которыми можно было бы покрыть торговый дефицит. Путём исключения приходим к выводу, что вариант *заимствований* – это то, что сегодня делается в мире чаще всего и на что МВФ ориентировал себя в 1970 году. Его новая миссия состояла в предоставлении займов, чтобы страны могли продолжать тратить больше, чем зарабатывали, но делали бы это во имя «преодоления дефицита торгового баланса».

ЗАЙМЫ МВФ: ОБРЕЧЕННЫЕ, НО ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ

Эти займы не предназначены для частных предприятий, где они имели бы шанс преобразиться в прибыль. Они идут в отрасли, принадлежащие государству и управляемые государством, отравленные коррупцией и страдающие бюрократическими запорами. Обречённые на экономический крах прямо со стартовой позиции, государственные предприятия потребляют займы, не имея никакой возможности расплатиться. Даже проценты скоро становятся для них слишком велики. А это значит, что МВФ снова придётся прибегнуть к «резервам», «активам», «кредитам» и, в конечном счёте, к налогоплательщикам, чтобы их спасти.

Поскольку МВФ эволюционирует в мировой центральный банк, который в итоге выпустит ничем не обеспеченную мировую валюту, его сестринская организация – Всемирный банк – стал его кредитующим органом. Действуя в качестве *спасителя мира*, он очень хочет помочь слаборазвитым странам, накормить голодных и дать лучшую жизнь всему человечеству. Преследуя эти гуманитарные цели, он предоставляет займы правительствам на благоприятных условиях, обычно при ставке ниже рыночной, на сроки до 50 лет и часто с обязательными платежами только через 10 лет.

Средства для этих займов поступают от государств-членов в виде небольшого количества наличных и плюс обещаний предоставить примерно в 10 раз больше, если Банк столкнётся с проблемами. Обещания, обозначаемые как «капитал до востребования», представляют собой страховую программу типа FDIC, но без претензии на поддержку резервного фонда. (В этом смысле такие обещания честнее, чем реальная FDIC, которая имеет претензию, но, на самом деле, она ни на чем не основана.)

Имея малое количество первоначального капитала плюс намного большее количество «кредитов» и «обещаний» от правительств промышленно развитых стран, Всемирный банк обладает возможностью войти на рынок коммерческих займов и ссужать большие суммы по чрезвычайно низкой процентной ставке. В конце концов, займы обеспечиваются самыми могущественными государствами мира, которые обязались принудить своих налогоплательщиков произвести платежи, если у Банка возникнут проблемы. Затем Банк забирает эти средства и снова даёт их в займы слаборазвитым странам по ставкам теперь уже несколько выше, получая прибыль на арбитражной сделке.

Неявный аспект этой операции состоит в том, что эти самые деньги могли бы в ином случае использоваться для инвестиций в частный сектор или на потребительские ссуды. Такие операции Банка выкачивают капитал, очень

нужный для развития частной индустрии, препятствуют созданию новых рабочих мест, приводят к повышению процентных ставок и вообще тормозят экономику.

ТАЙНАЯ ЦЕЛЬ – МИРОВОЙ СОЦИАЛИЗМ

Хотя большинство программных заявлений Всемирного банка связано с экономическими вопросами, тщательный мониторинг его деятельности показывает заинтересованность Банка также социальными и политическими вопросами. Это не должно удивлять, если учесть, что Банк задумывался его учредителями как инструмент для социального и политического изменения. Изменение, которое предполагалось произвести, было направлено на построение мирового социализма, и это и есть именно то, что Банк выполняет сегодня.

Этот тайный замысел очень чётко обнаруживает себя в характере тех операций, которые Банк называет «отраслевыми займами» и «займами на структурные преобразования». В первой категории – только часть денег должна идти на оплату специальных проектов, а остальные направляются на поддержку политических изменений в экономическом секторе. Во второй группе все деньги предназначены на политические изменения, и *нисколько* не идёт на проекты. В последние годы почти половина займов слаборазвитым странам была из этой категории. Что за политические изменения являются целью этих займов? Все они призваны решить одну важную задачу – *построение мирового социализма*.

Под словом «социализм» теперь понимают не то, что планировали фабианцы. Наоборот, займы выдаются на проекты государственных гидроэлектростанций, государственных нефтеперерабатывающих предприятий, государственных деревообрабатывающих предприятий, государственных горнорудных компаний и государственных металлургических заводов. Все переходит из рук одних политиков и чиновников в руки других политиков и чиновников. Если деньги приходят от правительства, идут правительству и управляются правительством, результатом будет расширение правительства.

Вот пример. Одним из политических изменений, часто требуемых Всемирным банком в качестве условия выдачи займа, является то, что страна-получатель должна удерживать зарплаты на низком уровне. Предполагается, что правительство имеет власть – и правомерно *должно* её иметь – устанавливать зарплаты! Другими словами, одно из условий займа состоит в том, что государство должно быть всемогущим.

Пол Робертс заведует кафедрой политической экономии Уильяма Э. Симона в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне. Он пишет в «Business Week»:

Весь «процесс развития» определяется уверенностью в том, что расчёт на частное предпринимательство и вложения в акционерный капитал несовместимы с экономическим и социальным прогрессом. Взамен испытанных дорог успеха планирование развития заменили займы и иностранная помощь, чтобы правительства развивающихся стран (LDCs) могли контролировать экономическую активность, руководствуясь планами, созданными экспертами.

Вследствие этого экономическая жизнь стран LDCs оказалась политизированной с самого начала. Надеясь правительства этих стран всесторонним контролем их экономик, США создают условия, прямо противоположные тем, которые нужны для роста экономики¹.

Кен Эwert разъясняет далее, что условия, выдвигаемые Фондом, редко ориентированы на свободный рынок. Он пишет:

Фонд сосредоточен на «макрополитике» – налоговой и монетарной политике, или на обменных курсах, и страны мало внимания уделяют таким фундаментальным вопросам, как право частной собственности и свобода предпринимательства. Выраженная косвенным образом... существует уверенность, что с надлежащим «макроменеджментом» любая экономическая система жизнеспособна...

Что ещё важнее: это позволило правительствам мира экспроприировать достояние своих граждан более эффективно (через неявный инфляционный налог), увеличивая при этом свою собственную власть. Почти нет сомнения, что МВФ – это фактор влияния в интересах всемирного социализма².

Важной особенностью «займов на структурные преобразования» является необязательность использования этих денег в каких-либо специальных проектах развития. Они могут расходоваться на все, что получатель пожелает, в том числе и на выплату процентов за просроченные банковские кредиты. Таким образом, Всемирный банк становится ещё одним проводником от карманов налогоплательщиков к активам коммерческих банков, выдавшим рискованные займы странам третьего мира.

ЖЕСТКИЕ МЕРЫ И КОЗЛЫ ОТПУЩЕНИЯ

Не все меры, принимаемые МВФ и Всемирным банком, – социалистические. Некоторые из них даже как будто направлены на поддержку частного

¹ «How "Experts" Caused the Third World Debt Crisis», by Paul Craig Roberts, *Business Week*, November 2, 1987.

² «The International Monetary Fund», by Ken S. Ewert, *The Freeman*, April, 1989, pp. 157-158.

сектора, например на уменьшение правительственных субсидий и соцобеспечения. Они могут включать и увеличение налогов, чтобы уменьшить бюджетный дефицит. Эти политические изменения, часто описываемые в прессе как «жёсткие меры», считаются реалистичными деловыми решениями для спасения падающих экономик слаборазвитых стран. Но, как сказал Волк (в овечьей шкуре) маленькой Красной Шапочке: «Это, дорогая, чтоб лучше заморочить тебя». Эти жёсткие меры, по большей части, всего лишь риторика. Страны заимствования обычно совершенно безнаказанно игнорируют эти условия, а Всемирный банк поставляет деньги, несмотря ни на что. Это все часть игры.

Между тем условие «структурных преобразований» стало «козлом отпущения» для местных политиков, которые могут теперь в нищете своей страны обвинять толстых злых «капиталистов» из Америки и МВФ. Народ, которому внушили, что это обязанность государства – обеспечить ему социальные и медицинские услуги, еду и жилье, работу и пенсии, не будет рад узнать, что его «права» находятся под угрозой. Поэтому люди выходят на улицы с протестами, бесчинствуют в торговых районах города, где могут растащить товары из магазинов, и собираются толпами под знамёна политиков, обещающих восстановить или даже увеличить их льготы и пособия. Как писали в журнале «Insight»:

Национальные забастовки, массовые беспорядки, политические перевороты и социальная напряжённость в Аргентине, Боливии, Бразилии, Эквадоре, Египте, Гаити, Либерии, Перу, Судане и других странах в разное время были вызваны жёсткими программами МВФ...

Некоторые пришли к фонду с уже назревшей местной напряжённостью и ухватились за фонд как удобного «козла отпущения»¹.

Истинная правда. Беспристрастный анализ показывает, что МВФ, далёкий от того, чтобы быть фактором жёстких мер в этих странах, стал мотором социалистического расточительства и источником обогащения коррумпированных правящих лидеров.

ФИНАНСИРОВАНИЕ КОРРУПЦИИ И ДЕСПОТИЗМА

Нигде пример не будет более вопиющим, чем в Африке. Джулиус Ньерере, танзанийский диктатор, печально известный своей программой «виллажизации», в ходе которой армия сгоняла крестьян с их земель, сжигала их лачуги и загружала их как скот в грузовики для переселения в государственные де-

¹ «IMF Hands Out Prescription for Sour Economic Medicine», *Insight*, February 9, 1987, p. 14.

ревни. Цель – уничтожить оппозицию путём поселения всех на огороженной территории, где они будут под наблюдением и контролем. Тем временем экономика расшатывается, фермы зарастают травой, и голод становится повсеместным. При этом Танзания получила от Всемирного банка помощь в расчёте на душу населения больше, чем какая-либо другая страна.

В Уганде правительственные силы безопасности участвовали в массовых задержаниях, пытках и убийствах заключённых. То же имело место и при террористическом правительстве в Зимбабве. Однако оба режима продолжают получать миллионы долларов финансирования от Всемирного банка.

Зимбабве (бывшая Родезия) – классический случай. После обретения независимости левачкое правительство национализировало (конфисковало) многие фермы, раньше принадлежавшие белым поселенцам. Самые желанные из этих участков заняли высшие чиновники правящей партии, остальные отдавались государственным коллективным хозяйствам. Они были так ужасающе разрушены, что рабочие на таких фермах сами жили подаем. Не обескураженные таким развалом, политики-социалисты в 1991 году объявили, что собираются национализировать ещё и половину оставшихся ферм. И они запретили судам расследовать, какая компенсация должна была бы выплачиваться их собственникам.

МВФ в Зимбабве в то время представляли Мишель Камдессю, управляющий Центральным банком Франции и бывший министр финансов в социалистическом правительстве Франсуа Миттерана. Когда Камдессю сообщили о плане Зимбабве конфисковать дополнительную территорию и переселить людей для работы на этих землях, он согласился предоставить заем в 42 миллиона рэндов, прекрасно зная, что большая часть этой суммы будет использована на проект переселения.

Возможно, наихудшие нарушения прав человека произошли в Эфиопии при марксистском режиме Менгисту Хайле Мариам. Голод 1984-1985 годов, угрожавший жизни миллионам людей, был результатом правительственной национализации и разрушения агрокультуры. Программы массовых переселений согнали сотни тысяч людей с их собственных земель на севере страны, чтобы отправить их на юг в концентрационные лагеря-деревни, оборудованные сторожевыми вышками. Доклад французской группы добровольцев по оказанию медицинской помощи, «Врачи без границ», показывает, что программа вынужденного переселения, возможно, убила столько же людей, сколько и сам голод¹.

Доктор Рони Брауман, директор организации, описывает впечатления группы:

Вооружённые боевики ворвались в наш лагерь, захватили оборудование и пригрозили нашим добровольцам. Некоторые из сотрудников были избиты, а наши грузовики, лекарства и продовольствие конфискованы. Мы оставили

¹ «Ethiopia Bars Relief Team», by Blaine Harden, *Washington Post*, December 3, 1985, p. A-21.

Эфиопию, заклеянные как враги революции. Режим сказал правду. Зверства, совершенные по генеральному плану Менгисту, сделали нас врагами революции¹.

ФИНАНСИРОВАНИЕ ГОЛОДА И ГЕНОЦИДА

В 1980-х годах мир был потрясён фотографиями голодающих детей Эфиопии, но Запад даже не догадывался, что это был *запланированный* голод. Он был смоделирован по сталинской программе голода на Украине в 1930-х годах и голода крестьян, который организовал Мао в 1940-х годах. Целью было – измором полностью подчинить население правительству, чтобы правительство решало, кто будет есть, а кто не будет. При этом буквально до времени свержения Менгисту Всемирный банк продолжал посылать ему сотни миллионов долларов, причём большая их часть шла именно в Министерство сельского хозяйства – организацию, ответственную за программу переселения².

В конце 1970-х годов подобная история развернулась в коммунистическом Вьетнаме. Существовали программы переселения, принудительная коллективизация, концентрационные лагеря, зверские расправы и десятки тысяч диссидентов, бегущих к морю, чтобы утонуть в переполненной дырявой лодке. В продолжение всего этого времени режим щедро финансировался Всемирным банком.

Лаос держал в тюрьмах тысячи политических противников; Сирия убила 20 000 членов оппозиции; Индонезия выселила несколько миллионов жителей с их родного острова Явы; сандинисты в Никарагуа убили своих оппозиционеров и террором принуждали народ к подчинению; Польша, когда была марионеткой Советского Союза, жёстко преследовала своё профсоюзное движение; Китай убил своих оппозиционных студентов и заключил в тюрьму религиозных деятелей; и бывшие Советы безжалостно убивали мирных жителей в Афганистане, ведя ещё и беспрестанную шпионскую войну против всего свободного мира. Тем не менее эти режимы получали буквально миллиарды долларов от Всемирного банка.

Как, по совести говоря, могут менеджеры Банка продолжать финансировать такие режимы, направленные на геноцид? Частично ответ состоит в том, что им и не дозволено иметь совесть. Дэвид Данн, глава эфиопского отделения Банка, объяснил: «Политические различия не есть то, что наш устав позволяет нам принимать в расчет»³. Главная часть ответа, однако, состоит в том, что все социалистические режимы имеют потенциальную возможность

1 «Famine Aid: Were we Duped?» by Dr. Rony Brauman, *Raider's Digest*, October 1986, p. 71.

2 James Bovard, *The World Bank vs. The World's Poor*, Cato Policy Analysis (Washington, D.C.: Cato Institute, 1987), pp. 4-6.

3 «Harnessing World Bank to the West», *Insight*, February 9, 1987, p. 8.

для геноцида, а Банк настроен на социализм. Жестокости этих стран – в порядке вещей для серьезных социалистов, которые считают её всего лишь досадной неизбежностью при построении их утопий. Как сказал Ленин: «Вы же не можете сделать омлет, не разбив несколько яиц». Джордж Бернард Шоу, один из лидеров на начальном этапе Фабианского социалистического движения, выразил это таким образом:

При социализме вам не позволено быть бедным. Вы обязательно должны быть накормлены, одеты, обеспечены жильём, обучены и заняты работой, нравится вам это или нет. Если обнаружится, что у вас нет характера и усердия, достаточных, чтобы стоять всех этих забот, вас, возможно, казнят в мягкой манере; но пока вам позволено жить, вы должны жить хорошо¹.

ОСНОВАНИЕ ДЛЯ УПРАЗДНЕНИЯ ФРС

Все они «братья под кожей» – и высший эшелон Всемирного банка, и социалистические диктаторы, с которыми он постоянно сотрудничает. При соответствующих обстоятельствах они бы легко могли поменяться ролями. То, что мы увидели, – всего лишь ознакомительный показ того, что ожидало бы весь мир, если бы воображаемый *новый мировой порядок* стал реальностью.

МВФ/Всемирный банк – это протезе Федеральной резервной системы. Они не могли бы существовать без потока американских долларов и благосклонности американских правящих кругов. ФРС стала соучастницей в поддержке тоталитарных режимов во всем мире. Как утверждалось в начале нашего исследования, это – одна из причин, почему ФРС должна быть упразднена: *она – инструмент тоталитаризма.*

СТАТЬ БОГАТЫМ, БОРЯСЬ С БЕДНОСТЬЮ

В то время как лидеры и теоретики МВФ и Всемирного банка мечтали о мировом социализме, менеджеры среднего уровня и политические руководители держали в голове более близкие цели. Бюрократия наслаждалась шикарной жизнью, руководя процессом, а политики на принимающем конце достигали богатства и власти. Идеология – не их забота. Социализм, капитализм, фашизм – для них нет разницы, пока не иссяк денежный поток.

Грэм Хэнкок был проникательным наблюдателем «индустрии» международной помощи и присутствовал на их шикарных конференциях. Он знает

¹ George Bernard Shaw, *The Intelligent Woman's Guide to Socialism and Capitalism* 1928; rpt. New Brunswick, New Jersey: Transaction Books, 1984), p. 470.

лично многих ведущих игроков. В своей книге «Повелители нищеты» он говорит о займах МВФ на «структурные преобразования»:

Коррупцированные министры финансов и диктаторы-президенты в Азии, Африке и Латинской Америке спешат «приспособиться», путаясь в собственных роскошно обутих ногах, чтобы не отстать в этой недостойной возне. Для таких людей достичь богатства, вероятно, никогда не было легче, чем сегодня; без сложных проектов управления и без необходимости вести «грязные» счета, корыстные, жестокие, скверные – хороши любые способы обретения денег. Для них «структурное преобразование» – как сказка, ставшая былью. Никаких жертв от них лично не требуется. Все, что им надо делать, – удивительно, но факт, – это закрепить бедность, и в этом они обрели большой опыт¹.

В Индии Всемирный банк профинансировал строительство дамбы, которая согнала со своей земли два миллиона жителей, затопила 360 квадратных миль и высушила 81 000 акров леса. В Бразилии Всемирный банк израсходовал миллиард долларов на «освоение» части Амазонского бассейна и профинансировал строительство серии гидроэлектростанций. В результате были уничтожены леса на территории, равной половине Великобритании, и принесены бесчисленные страдания людям из-за переселения. В Кении Бурская ирригационная система вызвала такие опустошения, что пятая часть коренного населения покинула эту территорию. Было выплачено 50 000 долларов на семью. В Индонезии упомянутая ранее программа переселения истребила тропические леса, и в то же самое время Всемирный банк финансировал проекты восстановления лесов. Стоимость переселения одной семьи – 7000 долларов, что в 10 раз превышает индонезийский душевой доход.

Животноводческие проекты в Ботсване привели к разрушению пастбищ и смерти тысяч мигрирующих животных. Коренные жители лишились возможности добывать еду охотой и, чтобы выжить, оказались в зависимости от государства. Нигерия и Аргентина погружались в долги, а миллиарды от Всемирного банка шли на строительство пышных новых столиц для размещения правительственных органов и правящей элиты. В Заире, Мексике и на Филиппинах политические лидеры стали миллионерами, получая займы Всемирного банка вместо своих стран. В Центральноафриканской Республике займы МВФ и Всемирного банка пошли на проведение церемонии коронации императора.

Перечень коррупции и расточительства бесконечен. Но реальным открытием стал провал социалистических авантюр, тех великолепных проектов, которые должны были принести процветание слаборазвитым странам. Приведем некоторые примеры.

¹ Graham Hancock, *Lords of Poverty: The Power, Prestige, and Corruption of the International Aid Business* (New York: Atlantic Monthly Press, 1989), pp. 59, 60.

КОНВЕРТИРОВАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В БАНКРОТСТВО

До получения займов от Всемирного банка Танзания не была процветающей страной, но она кормила свой народ, и наблюдался даже экономический рост. После получения займов на сумму более 3 миллиардов долларов в стране национализировали фермы и предприятия и превратили каждое производство в государственное учреждение. Построили завод по сборке грузовиков, шинный завод, электронные предприятия, скоростные дороги, порты, железные дороги и плотины. Производство промышленной и сельскохозяйственной продукции упало почти на треть. Продовольствие было главной статьёй экспорта в 1966 году. При социализме продовольствие пришлось импортировать – с оплатой в виде иностранной помощи и дополнительных займов Всемирного банка. Страна безнадёжно оказалась в долгах без всякой возможности расплатиться.

Аргентина некогда имела один из самых высоких стандартов жизни в Латинской Америке. Но затем она в большом количестве стала получать займы от Всемирного банка, а также от коммерческих банков Соединённых Штатов. Когда деньги попали к политикам, они стали использоваться для построения единственной системы, которую политики знали, как строить, – социализма. К 1982 году валовой национальный продукт резко упал, промышленное производство сократилось до значений меньше половины производственных мощностей, тысячи частных компаний были доведены до банкротства, безработица стремительно росла, с ней росло и соцобеспечение. К 1989 году инфляция достигала в среднем 5000%, а летом того же года превысила 1 000 000%! Банки предлагали процентные ставки в 600% в месяц в надежде уберечь вклады от вывода из страны. Народ бесчинствовал на улицах из-за отсутствия продуктов питания, а правительство обвиняло алчных собственников магазинов в подъёме цен. Страна безнадёжно оказалась в долгах без всякой возможности расплатиться.

Бразилия находилась под властью военных, и государство контролировало экономику. Государственные компании потребляли 65% всех промышленных инвестиций, то есть частный сектор ограничивался 35% и все более сокращался. Правительство использовало займы от банков США для создания нефтяной компании «Петролео Бразилейро S.A.», которая стала самой большой корпорацией в Латинской Америке. Несмотря на огромные нефтяные депозиты и рекордно высокие нефтяные цены, компания работала в убыток и даже не была способна произвести достаточно бензина для собственных граждан. К 1990 году инфляция достигла 5000%. С 1960 года цены выросли

в 164 000 раз по сравнению с начальным уровнем. Изобрели новое преступление, называемое «страхование от инфляции», и людей арестовывали за назначение цены свободного рынка на свои собственные товары и за использование долларов или золота в качестве денег. Ведомые коммунистическими организаторами толпы шли по улицам, выкрикивая: «Мы голодные. Вы вынуждаете красть!». Страна безнадежно оказалась в долгах без всякой возможности расплатиться.

Опыт в Мексике был точной копией бразильского опыта, разве что денег было больше. Когда были открыты нефтяные месторождения, четвертые в мире по запасам нефти, мексиканские политики устремились к шансу разбогатеть. Заняв миллиарды в банках США, они создали «Петролеос Мексиканос» (PEMEX) и вскоре стали пятыми в мире по добыче нефти. Они также построили химические заводы и железные дороги и запустили много других промышленных объектов. Они действовали скорее как агентство социального обеспечения, чем коммерческое предприятие: слишком много людей в платёжной ведомости, слишком много менеджеров, чрезмерные зарплаты, слишком много выходных и праздников и нереальные льготы. Новые рискованные предприятия не удались, и деньги были потеряны. Частные предприятия разорялись тысячами, росла безработица. Правительство увеличило минимальную зарплату, что привело к ещё большему масштабу банкротств и большей безработице. Это заставило увеличить социальную помощь и льготы по безработице. Чтобы их оплатить, правительство снова и снова брало кредиты и стало создавать свои собственные фиатные деньги. Инфляция разрушила все то, что ещё оставалось от экономики.

Далее ввели контроль цен, наряду с жилищными и продовольственными субсидиями и удвоением минимальной зарплаты. К 1982 году мексиканцы обменивали свои песо на доллары и отправляли сбережения из страны, так как песо стало практически бесполезно в торговле¹. В 1981 году средняя зарплата мексиканских рабочих составляла 31% от средней зарплаты американцев. В 1989 году она упала до 10%. Мексика, некогда одна из самых больших стран-экспортёров продовольствия в мире, теперь вынуждена была импортировать продовольственное зерно на миллионы долларов. Это потребовало ещё больше средств и больше займов. Все это происходило во время высоких цен на нефть, и добыча быстро росла. Через несколько лет, когда цены на нефть упали, банкротства и дефициты стали более драматичными.

В 1995 году кредиты Мексиканского банка снова оказались под угрозой невыплат, и снова Конгресс бросил налогоплательщиков США в прорыв, чтобы с большим риском покрыть более 30 миллиардов долларов. Если бы даже этот заем был в итоге выплачен, деньги для этого взяли бы у мексиканского наро-

¹ Американские банки, которые предоставляли займы, — они же и подстрекали вывозить капитал за рубеж и в результате получили на депозиты те самые деньги, которые ссудили. Это был славный двусторонний бизнес.

да через ещё один раунд огромной инфляции, что опустило бы их стандарт жизни ещё ниже. Страна тогда безнадежно увязла бы в социализме. Коммунистическая партия, обещая «реформы» и ещё больше социализма, привлекает много сторонников и может стать потенциальной политической силой.

Таким образом, сага продолжается. После вливания миллиардов долларов в слаборазвитые страны по всему миру никакого их развития не получилось. Большинство стран оказались в худшем положении, чем были до того, как *спасители мира* пришли к ним.

РЕЗЮМЕ

Международный валютный фонд и Всемирный банк были созданы на конференции мировых финансистов и политиков, проходившей в 1944 году в Бреттон-Вудсе, Нью-Гемпшир. Заявленные цели: облегчить международную торговлю и стабилизировать обменные курсы национальных валют. В *необъявленных* целях было совершенно иное. Они заключались в отмене золотовалютного стандарта как базы оценки валюты и установлении мирового социализма.

Метод, которым золото исключалось из мировой торговли, состоял в его замене мировой валютой, которую МВФ, действуя как мировой центральный банк, создавал бы из ничего. Метод, которым устанавливался мировой социализм, состоял в том, чтобы, используя Всемирный банк, отправлять деньги, замаскированные под кредиты, правительствам слаборазвитых стран, причём делать это таким образом, чтобы гарантировать кончину свободного предпринимательства в этих странах. Деньги должны были поступать из рук одних политиков и чиновников в руки других политиков и чиновников. Если деньги приходят от правительства, идут правительству и регулируются правительством, результатом будет правительственная экспансия.

Теоретики, доминировавшие на Бреттон-Вудской конференции, хорошо знали Джона Мейнарда Кейнса, социалиста-фабианца из Англии, и Гарри Декстера Уайта, заместителя секретаря Казначейства США. Уайт стал первым исполнительным директором МВФ от США.

Фабианцы – это элитная группа интеллектуалов, которые согласны с коммунистами в том, что касается цели социализма, но расходятся по тактическим вопросам. В то время как коммунисты ратуют за революцию с применением оружия и насилия, фабианцы выступают за постепенность и трансформацию общества путём совершенствования законодательства.

В последние годы стало известно, что Гарри Декстер Уайт был членом коммунистической шпионской сети. Таким образом, втайне от всех была разыграна неоднозначная драма, в которой два интеллектуала-создателя Бреттон-Вудских соглашений оказались социалистом-фабианцем и коммунистом,

работавшими вместе, чтобы осуществить их общую цель – мировой социализм.

Капитал для МВФ и Всемирного банка шёл из промышленно развитых стран, при этом США вкладывали больше всех. Такие валюты, как доллар, иена, марка и франк, увеличили во много раз объем капитала в форме «кредитов». «Кредиты» – это всего лишь обещания правительств-членов предоставить деньги своих налогоплательщиков, если Банк столкнётся с трудностями в предоставлении займов.

МВФ постепенно эволюционировал в мировой центральный банк, а Всемирный банк стал его кредитующим органом. Он стал двигателем перевода капитала в слаборазвитые страны. Это понизило экономический уровень стран-доноров, но не повысило уровень стран-получателей. Деньги просто вылетели в трубу политической коррупции и расточительства.

ГЛАВА 6

СТРОЯ НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Игры «во спасение» переосмыслили, и теперь они больше, чем просто способ убедить налогоплательщиков заплатить за плохие кредиты; финальная игра принимает вид соединения всех стран в мировое государство; развёртывание такой стратегии применительно к Панаме, Мексике, Бразилии, Аргентине, Китаю, Восточной Европе и России.

Вернёмся теперь к играм «во спасение». Все, что говорилось в предыдущей главе, – всего лишь базовая информация для того, чтобы понимать, как такие игры разыгрываются на международной арене. Отметим ещё, что здесь действуют такие правила:

1. Коммерческие банки в промышленно развитых странах, обеспечиваемые своими центральными банками, создают деньги из ничего и ссужают их правительствам слаборазвитых стран. Они знают, что это рискованные займы, поэтому для компенсации устанавливают достаточно высокую процентную ставку. Это больше, чем они могли бы получить в долгосрочной перспективе.
2. Если слаборазвитые страны не могут выплачивать проценты по своим займам, тогда вступают в игру Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк – одновременно и как игроки, и как рефери. Используя дополнительные деньги, созданные из ничего центральными банками своих стран-членов, они предоставляют правительствам-неплательщикам займы «развития», которые дают им возможность выплачивать проценты по первым займам и ещё оставлять достаточно для собственных политических целей.
3. Страна-получатель быстро истощает запасы предоставленных денег, и игра возвращается в пункт 2. На этот раз, однако, новые займы гарантируются Всемирным банком и центральными банками индустриальных стран. Теперь риск дефолта отдалается, коммерческие банки соглашаются уменьшить процент до пункта, предполагаемого с самого начала. Правительство-должник возобновляет платежи.

4. Финальная игра – хотя в этой игровой версии, кажется, финальной игры нет, потому что планом предполагается, что игры будут продолжаться *бесконечно*. Чтобы стал возможным финал, должны произойти некоторые события, которые действительно будут финальными. В их числе – превращение МВФ, согласно планам Кейнса, в мировой центральный банк, выпускающий международные фиатные деньги. Как только такой «Эмиссионный банк» заработает, МВФ сможет накапливать неограниченные ресурсы от граждан всего мира через скрытый налог, называемый инфляцией. Тогда денежный поток может поддерживаться бесконечно – с согласия отдельных стран или без него, потому что деньги уже не будут их собственностью.

Раз эти игры ведут к черпанию благосостояния из индустриально развитых стран, их экономики обречены на падение все больше и больше – процесс, который начался с Бреттон-Вудских соглашений. Результатом будет значительное снижение стандартов жизни в этих странах и их конец как независимых государств. Реальность, скрытая за так называемыми займами развития, состоит в том, что Америка и другие развитые страны подрываются этим процессом. *И это не чрезвычайное происшествие, это – суть плана.* Здоровая и сильная нация, вероятно, не уступит свой суверенитет. Американцы не согласились бы передать свою монетарную систему, военные силы или судебную систему какому-нибудь мировому органу, составленному из правительств, деспотично относящихся к собственному народу, тем более когда большинство таких режимов уже проявили враждебность к Америке. Но если американцев доведут до того, что они начнут страдать от коллапса собственной экономики и нарушений общественного порядка, все может измениться. Если им придётся стоять в очередях за благотворительной помощью и видеть анархию на своих улицах, они более будут готовы уступить суверенитет в обмен на «помощь» от Всемирного банка и от «миротворческих» сил ООН. Это станет ещё реальнее, если структурный развал коммунизма будет улажен заблаговременно и когда обнаружится, что большинство мировых политических систем свелось к общему знаменателю – «социальной демократии».

ФИНАЛЬНАЯ ИГРА

С другой стороны, *не* поднимаются и слаборазвитые страны. *Случилось* то, что их политические лидеры пристрастились к денежному потоку МВФ, и они уже неспособны отказаться от этой привычки. Эти страны завоёваны, но не армиями, а деньгами. Вскоре они уже не будут реально независимыми. Они станут всего лишь компонентами в системе мирового социализма, кото-

рый спланировали Гарри Декстер Уайт и Джон Мейнард Кейнс. Их лидеров готовят к положению суверенов в новом феодализме с высокими технологиями, которые будут платить дань своим господам в Нью-Йорке. И они жаждут этого в обмен на привилегии и власть в рамках *нового мирового порядка*. Именно это и есть финальная игра.

Суть социализма состоит в распределении материальных благ. Цель – единообразие, а это значит – отобрать у богатых и дать бедным. По крайней мере, так в теории. К сожалению, бедные ничего не выигрывают от такого манёвра. Они либо (и скорее всего) не получают эти деньги – слишком много их выкачивается чиновниками, управляющими такими программами, либо, если они что-то из этих денег и получают, то не будут знать, что с ними делать. Они просто будут их тратить, пока они есть, и, наконец, их не будет *ни у кого*, за исключением, конечно, тех, кто управляет правительственными программами. Однако политики знают, что обещание перераспределить богатства популярно среди двух групп населения: тех избирателей, которые наивно верят, что это поможет бедным, и социалистов-руководителей, которые видят в этом гарантию своего рабочего места. С поддержкой этих двух голосующих групп выборы в офис обеспечены.

Одним из первых американских сторонников социализма в глобальном масштабе, в том числе и выкачивания средств из «богатых» Соединённых Штатов, был Джон Ф. Кеннеди. Он, несомненно, усвоил эту концепцию, когда посещал Фабианскую школу экономики в Лондоне в 1935-1936 годах, незадолго до того, как его отец был назначен послом в Англии¹. Когда Дж.Ф. Кеннеди стал президентом, его политические взгляды продолжали носить печать того обучения. В сентябре 1963 года он обратился к министрам финансов и руководителям центральных банков из 102 стран на ежегодной встрече МВФ/Всемирного банка. Он толковал концепцию мирового социализма в восторженных словах:

20 лет назад, когда творцы этих учреждений встретились, чтобы разработать международную банковскую систему, экономическая жизнь мира была ориентирована на Соединённые Штаты в огромной, и даже угрожающей, степени... 60% золотых резервов мира находилось здесь, в Соединённых Штатах... Необходимо было перераспределение мировых финансовых ресурсов... Также необходимо было организовать поток капитала в обедневшие страны мира. Все осуществилось. Но произошло это не случайно, а при сознательном, обдуманном и ответственном планировании².

¹ Martin, p. 25.

² «Text of Kennedy Speech to World Monetary Parley», *New York Times*, October 1, 1963, p. 16.

CFR РАЗРАБАТЫВАЕТ СТРАТЕГИЮ

Мозговой штаб для внедрения в Америке фабианского проекта имеет название Совет по международным отношениям (CFR). Мы рассмотрим ближе эту организацию в следующих главах, а сейчас важно знать, что почти все американские руководители вышли из этой маленькой группы. В том числе наши президенты и их советники, члены кабинета, послы, члены правления Федеральной резервной системы, директора самых больших банков и инвестиционных компаний, президенты университетов и главы центральных газет, новостных служб и ТВ-сетей¹. Не будет преувеличением сказать, что эта группа – тайное правительство Соединённых Штатов.

Члены CFR никогда не стеснялись призывать к ослаблению Америки как к необходимому шагу для построения мирового правительства – во имя всеобщего блага. Одним из основателей CFR был Джон Фостер Даллес, которого позже президент Дуайт Эйзенхауэр, член CFR, назначил Государственным секретарём. В 1939 году Даллес говорил:

Некоторое размывание или выравнивание системы суверенитетов, преобладающей сегодня в мире, должно произойти... что сразу же ухудшит положение тех стран, которые теперь обладают превосходящим могуществом... Учреждение общей валюты... лишит наше правительство монопольного управления национальной валютой... Соединённые Штаты должны быть готовы понести жертвы, которых потребует утверждение мирового общественно-политического порядка с выравниванием экономических возможностей разных стран².

Збигнев Бжезинский, член CFR, был советником по национальной безопасности президента Джимми Картера, члена CFR. В 1970 году Бжезинский писал:

...Некоторая международная кооперация уже достигнута, но дальнейший прогресс потребует от Америки больших жертв. Должны быть предприняты более интенсивные усилия по созданию новой мировой монетарной структуры при возможном риске для относительно благоприятной позиции Америки в настоящее время³.

¹ Глубокий анализ CFR, включая полный список членов – см.: James Perloff, *Shadows of Power* (Appleton, Wisconsin: Western Islands, 1988).

² «Dulles Outlines World Peace Plan», *New York Times*, October 28, 1939.

³ Zbigniew Brzezinski, *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era* (Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1970), p. 300.

Весной 1983 года на экономическом саммите в Вильямсбурге, штат Вирджиния, президент Рональд Рейган провозгласил:

Национальные экономики нуждаются в механизмах монетарной координации, и именно поэтому интегрированная мировая экономика нуждается в общем монетарном стандарте... Но не национальная валюта будет выполнять эту роль, а только мировая валюта.

Стратегию CFR по сближению мировых монетарных систем изложил профессор из Гарварда Ричард Н. Купер, член CFR, который был помощником Государственного секретаря по экономическим вопросам в администрации Картера:

Я предлагаю радикальную альтернативную схему для следующего века: создание общей валюты для всех индустриальных демократий, с общей монетарной политикой и совместным Эмиссионным банком, определяющим эту монетарную политику... Как могут независимые государства это выполнить? Им нужно передать монетарную политику в наднациональный орган...

Вряд ли американский народ когда-нибудь согласится, – всего лишь один пример, – чтобы страны с деспотичными авторитарными режимами голосовали по вопросу монетарной политики, которая влияла бы на монетарные условия в Соединённых Штатах... Такому смелому шагу, в любом случае, должна предшествовать некоторая конвергенция политических ценностей...¹

Такие фразы, как *механизмы монетарной координации*, *современный мировой экономический порядок*, *конвергенция политических ценностей* или *новый мировой порядок* – совсем не специфичны. Для среднего человека они звучат приятно и безобидно. Однако для членов клуба это кодовые фразы, имеющие особый смысл: они означают конец национального суверенитета и создание мирового правительства. Ричард Гарднер, член CFR и ещё один помощник президента Картера, объясняет смысл этих фраз и также обращается к фабианской стратегии уловок и постепенности:

Короче говоря, «дом мирового порядка» должен строиться снизу вверх... Умело обходя национальный суверенитет, постепенно размы-

¹ «A Monetary System for the Future», by Richard N. Cooper, *Foreign Affairs*, Fall, pp. 166, 177, 184.

вая его, можно сделать намного больше, чем старомодным лобовым приступом¹.

В связи с программируемым упадком американской экономики член CFR Сэмюэл Хантингтон отмечает, что, если более высокое образование считать желательным для всего населения, «тогда необходима программа по снижению надежд на трудоустройство для тех, кто получает образование в объёме колледжа»². Член CFR Пол Волкер, бывший глава Федеральной резервной системы, говорит: «Стандарт жизни среднего американца должен понизиться... Не думаю, что вы сможете этого избежать»³.

В 1993 году Волкер стал главой Трёхсторонней комиссии США. Трёхсторонняя комиссия (TLC) была создана Дэвидом Рокфеллером для координации создания *нового мирового порядка* в соответствии со стратегией Гарднера: «Умело обходя национальный суверенитет, постепенно размывать его». Целью было вовлечь США, Мексику, Канаду, Японию и Западную Европу в политико-экономический союз. Под такими лозунгами, как свободная торговля и защита окружающей среды, каждая страна должна «шаг за шагом» уступать свой суверенитет, пока в результате этого процесса не появится полностью созревшее региональное правительство. Новое правительство будет управлять в каждой стране производством, зарплатами и налогами. Когда это произойдёт, будет относительно просто слить этих регионалов в глобальное правительство. Такова реальность, стоящая за так называемыми торговыми переговорами в рамках Европейского Союза (EU), Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA), Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (APEC) и Генерального соглашения о тарифах и торговле (GATT). Все они имеют весьма отдалённое отношение к торговле. В ежегодном отчёте Трёхсторонней комиссии за 1993 год Волкер объясняет:

Взаимозависимость ведёт наши страны к конвергенции в областях, некогда считавшихся полностью в отечественной компетенции. Некоторые из этих областей включают регуляторную политику правительства, например экологические стандарты, справедливая оценка работников и налогообложение⁴.

В 1992 году Трёхсторонняя комиссия издала доклад, который выполнил в соавторстве Тойо Гьётен, председатель правления Банка Токио и бывший министр финансов Японии по международным делам. Гьётен был стипендиатом

¹ «The Hard Road to World Order», by Richard Gardner, *Foreign Affairs*, April, 1974, p. 558.

² Michael Crozier, Samuel P. Huntington, and Joji Watanuki, *The Crisis of Democracy* (New York: New York University Press, 1975), pp. 183-184.

³ «Volcker Asserts U.S. Must Trim Living Standard», *New York Times*, October 18, 1979, p. 1.

⁴ *Washington 1993: The Annual Meeting of the Trilateral Commission*, Dialogue 46 (New York: Trilateral Commission, 1993), p. 77.

том Фулбрайта и проходил обучение в Принстоне и Гарвардской бизнес-школе. Он также руководил японским отделением Международного валютного фонда. Короче говоря, он представляет японские монетарные интересы в рамках *нового мирового порядка*. В этом докладе Гьётен сообщает, что по-настоящему важна в «торговых» соглашениях вовсе не торговля, а создание глобального правительства:

Региональные торговые соглашения должны рассматриваться не как самоцель, а как дополнение к глобальной либерализации... Региональные соглашения создают модели или строительные блоки для увеличения или усиления глобализма... Западная Европа (Европейский союз) представляет регионализм в его истинной форме... Шаги в сторону расширения [увеличения числа соглашений] – драматичны и предполагают необратимость... Общая валюта... центральный банк... суды и парламент расширяют полномочия... После Маастрихтского саммита [голландский город, где проходил саммит] *«Economist»* в редакционной статье вынесла вердикт: «Назовите это как хотите: при любом названии это – федеральное правительство»... В общем, региональный интеграционный процесс в Европе может рассматриваться как аналогичный процессу государственного строительства¹.

Применяя эту же перспективу к соглашению NAFTA, бывший Государственный секретарь Генри Киссинджер (CFR) сказал, что «оно является не обычным торговым соглашением, а архитектурой новой международной системы... жизненно важным первым шагом для нового типа сообщества наций». Газетная статья, содержащая это заявление, была соответствующим образом озаглавлена: «С NAFTA США, наконец, создают Новый Мировой Порядок»². Дэвид Рокфеллер (CFR) высказался ещё ярче. Он сказал, что будет «преступно» не принять соглашение, поскольку: «Всё готово – после 500 лет – для построения истинного “нового мира” в Западном полушарии»³.

В начале 1994 года медленное движение к *новому мировому порядку* стало стремительным. 15 апреля правительство Марокко на всю полосу «Нью-Йорк Таймс», поместило сообщение, провозглашавшее создание Всемирной торговой организации, что было оформлено подписанием Генерального соглашения о тарифах и торговле (GATT) в марокканской столице Марракеше. Пока американцам все ещё говорили, что GATT – лишь

¹ Toyoo Gyohten and Charles E. Morrison, *Regionalism in A Converging World* UMevv York: Trilateral Commission, 1992), pp. 4, 7-9, 11.

² «With NAFTA, U.S. Finally Creates a New World Order», by Henry Kissinger, *Angeles Times*, July 18, 1993, pp. M-2, 6.

³ «A Hemisphere in the Balance», by David Rockefeller, *Wall Street Journal*, October 1, 1993, p. A-10.

«торговое» соглашение, интернационалисты праздновали намного более широкую концепцию. Газетное сообщение трактовало её в однозначных формулировках:

1944 год, Бреттон-Вудс: МВФ и Всемирный банк.

1945 год, Сан-Франциско: Организация Объединённых Наций.

1994 год, Марракеш: Всемирная торговая организация.

История знает, куда идёт... Всемирная торговая организация – третий столп *нового мирового порядка*, наряду с Организацией Объединённых Наций и Международным валютным фондом¹.

РЕДКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАГЛЯНУТЬ В ЗАКУЛИСЬЕ

Это все, что касается *финальной игры*. Давайте теперь вернёмся к играм под названием «спасение», так как сегодня они проводятся фактически на международной арене. Начнём с того, что мельком взглянем на закулисные механизмы президентского кабинета. Джеймс Уатт был министром внутренних дел в администрации Рейгана. В своих мемуарах он описал случай на заседании Кабинета весной 1982 года. Первыми пунктами повестки дня были доклады секретаря Казначейства Дональда Ригана и руководителя Бюджетного управления Дэвида Стокмана по проблемам слаборазвитых стран, связанным с их банковскими кредитами. Уатт пишет:

Секретарь Риган говорил о неспособности бедных стран выплачивать даже проценты по займам, которые им предоставили такие индивидуальные банки, как Банк Америки, Чейз Манхеттен и Ситибанк. Президенту сообщили, какие действия Соединённые Штаты «должны» предпринять, чтобы спасти ситуацию.

После докладов Ригана и Стокмана несколько минут продолжалась дискуссия, затем я спросил: «Верит ли кто-то, что эти слаборазвитые страны будут когда-либо способны выплатить основную сумму по этим займам?». Поскольку никто не ответил, я спросил: «Если займы никогда не будут выплачены, почему мы должны снова спасать такие страны и принимать меры, чтобы выплачивались их проценты?».

Ответили сразу несколько голосов: «Если мы не обеспечим выплату их процентов, прекратятся платежи по займам, а это может поставить

¹ New York Times, April 15, 1994, p. A9.

под удар наши американские банки». Потеряли бы клиенты свои деньги? «Нет, – был ответ, – но акционеры могут потерять дивиденды».

В изумлении я откинулся на спинку моего большого кожаного кресла, всего в двух креслах от президента Соединённых Штатов. Я понял, что ничто в мире не могло бы удержать этих высоких правительственных чиновников от старания защитить и выручить несколько очень больших и очень встревоженных американских банков¹.

ПАНАМА

Первый крупный счёт в игре получили при администрации Картера, когда Панама просрочила платежи по займам. Консорциум банков, включающий Чейз Манхеттен, Первый национальный банк Чикаго и Ситибанк, стали давить на Вашингтон с предложением отдать Канал правительству Панама, чтобы оно могло использовать поступающий доход на выплаты процентов по займам. Хотя существовало мощное противодействие такой акции среди американского народа, Сенат уступил инсайдерскому давлению и провёл договор о почти даровой передаче. Панамское правительство обрело 120 миллионов долларов ежегодного дохода, и платежи процентов по банковским кредитам возобновились. Как заметил конгрессмен Филипп Крейн:

Ко времени переворота генерала Торрихоса в 1968 году общий внешний государственный долг Панама составлял контролируемую и по мировым стандартам скромную сумму в 167 миллионов долларов. При Торрихосе сумма долга подскочила почти на тысячу процентов, составив 1,5 миллиарда долларов. Коэффициент обслуживания долга составлял теперь примерно 39% всего панамского бюджета... Что на самом деле мы тут видим? Это не просто помощь претенциозному диктатору в форме новых субсидий и доходов от Канала, предоставленных режиму Торрихоса договорами, но спасение большого количества банков, которым не следовало бы инвестировать в Панаму и, в любом случае, не следовало избегать ответственности за сделанное².

Спасение Панама было уникальной игрой. Ни в какой другой стране мы, конечно, не отдавали даром собственность, приносящую доход, так что в дальнейшем спасение оплачивалось просто деньгами. Чтобы подготовить

¹ James G. Watt, *The Courage of A Conservative* (New York: Simon and Schuster, 1985), pp. 124-25.

² Philip M. Crane, *Surrender in Panama* (Ottawa, Illinois: Caroline House Books, 1978), pp. 64, 68.

почву для этого, в 1980 году Конгресс принял «Закон о монетарном контроле», который позволил Федеральной резервной системе «монетизировать» иностранные долги. Эта банкирская терминология означает, что ФРС теперь получала право создавать деньги из ничего в целях кредитования иностранных правительств. Такие займы ФРС классифицирует как «активы» и затем использует их как залоговое имущество, чтобы делать ещё больше денег здесь, в Соединённых Штатах. Это было действительно революционное расширение возможностей ФРС вызывать инфляцию. До сих пор дозволялось делать деньги только для *американского* правительства. Теперь можно было делать их для *любого* правительства. С этого времени началось функционирование ФРС в качестве центрального банка для всего мира.

МЕКСИКА

В 1982 году почти каждое правительство Третьего мира задерживало платежи. Мексика лидировала, объявив в тот год, что никакие деньги по своему долгу в 85 миллиардов долларов больше выплачивать не может. Глава ФРС Генри Уоллич поспешил в Швейцарию договориться о займе МВФ на 4,5 миллиарда долларов через Банк международных расчётов (BIS). Центральные банки Европы и Японии предоставили 1,85 миллиарда долларов (около 40%), остальное поступило от ФРС. Коммерческие банки отсрочили платежи по основной сумме долга на два года, и с вливанием новых займов платежи процентов возобновились. Это не решило проблему. Через несколько лет Мексика снова оказалась в должниках, и в 1985 году банки согласились отсрочить 29 миллиардов долларов платежей и пролонгировали ещё 20 миллиардов, то есть они выпустили новые займы, чтобы оплатить старые.

В тот же год секретарь Казначейства Джеймс Бейкер объявил о правительственном плане решения мирового долгового кризиса. Это была формальная декларация, которая поощряла банки продолжать кредитовать страны Третьего мира, при условии, что они пообещают провести экономические реформы, способствующие развитию свободного рынка. Это была, скорее, концепция, чем план, поскольку не было надежды, что обещание будет выполняться каким-либо социалистическим правительством, получившим кредиты. За этим заявлением скрывался тайный смысл – что федеральное правительство может рассчитывать, на содействие со стороны Федеральной резервной системы, если кредиты станут неисполняемыми. Бейкер высказался за перечисление 29 миллиардов долларов в течение трёх лет преимущественно в страны Латинской Америки, из которых Мексика была первым получателем.

ВАЛЮТНЫЙ СВОП

Вскоре после того, как мексиканское правительство ссудило 55 миллионов долларов Фиделю Кастро, оно объявило банкам: «Мы заплатим только то, что сможем, и не больше». Тогда Пол Волкер, глава Федеральной резервной системы, отправился на встречу с министром финансов Мексики Хесусом Сильвой Эрсогом и предложил подключить американских налогоплательщиков. Краткосрочный заем в 600 миллионов долларов был предоставлен Мексике, чтобы она провела свои выборы 4 июля. Это назвали «валютным свопом», потому что Мексика обменивала равное количество песо, которое обещала вернуть в долларах США. Песо, конечно, были бесполезны на международных рынках, поэтому Мексика и хотела получить доллары.

Важность этого займа была не в его размере и даже не в вопросе его выплаты. Важен способ, которым это было сделано. Во-первых, это было сделано Федеральной резервной системой *напрямую*, то есть она действовала как центральный банк для Мексики, а не для США; и, во-вторых, это было сделано почти в полной секретности. Уильям Грейдер сообщает детали:

Валютные свопы имеют ещё одно преимущество: их можно делать тайно. Волкер тайно информировал и администрацию, и председателей ключевых комиссий Конгресса, и никто не возразил. Дело в том, что с публичными отчётами о валютных свопах требовалось выступать только каждый квартал, так что срочный заем от ФРС не должен был открыться три или четыре месяца... За это время, надеялся Волкер, Мексика получила бы более существенное новое финансирование от МВФ... Иностранная помощь осуществлялась с наибольшей возможной секретностью, чтобы не возбуждать паники и чтобы избежать политической полемики у себя дома... Спасение Мексики, видимо, было слишком важным, чтобы быть оспоренным¹.

ДОЛГОВОЙ СВОП

Валютный своп не решил проблемы. Поэтому в марте 1988 года игроки и рефери договорились ввести в игру новый манёвр – бухгалтерский трюк под названием «долговой своп». Долговой своп аналогичен валютному свопу в том смысле, что Соединённые Штаты обменивают что-то, имеющее реальную стоимость, на нечто, не имеющее стоимости. Но вместо валюты они обменивают государственные облигации. Такая транзакция осложняется временной

¹ Greider, pp. 485-486.

стоимостью этих облигаций. Валюты оцениваются по их *непосредственной* стоимости – что они могут купить сегодня, а облигации оцениваются по их *будущей* стоимости, что они купят в будущем. За исключением рассчитываемого в этом случае коэффициента разницы, процедура в основном та же самая. Посмотрим, как это работает.

Мексика, используя доллары США, купила облигации американского Казначейства на 492 миллиона долларов, по которым не выплачивается процент, но по которым выплатят 3,67 миллиарда, когда наступит, через 20 лет, срок платежа. (Формально они называются облигациями с нулевым купоном.) Затем Мексика выпустила свои собственные облигации с привязкой к ним ценных бумаг США в качестве обеспечения. Это означает, что будущая стоимость мексиканских облигаций, ранее рассматриваемых как не имеющих ценности, теперь гарантировалась правительством США. Банки охотно обменивали свои старые облигации на эти новые мексиканские в соотношении примерно 1,4 к 1. Другими словами, они акцептовали 100 миллионов долларов в облигациях в обмен на аннулирование 140 миллионов старых долгов. Это уменьшило поступление процентов, но они были довольны, потому что произвели swap ничего не стоящих облигаций на полностью гарантированные. Такой манёвр приветствовали в прессе как настоящее монетарное волшебство. Это сэкономило мексиканскому правительству более 200 миллионов долларов ежегодных выплат процентов; это восстановило поток наличности банкам; и – чудо из чудес – это ничего не стоило американским налогоплательщикам¹. Аргументировалось это тем, что облигации Казначейства продавались при обычном рыночном курсе. Мексиканское правительство заплатило за них столько, сколько никто другой. Эта часть была истинной, но комментаторы упустили отметить, где Мексика получила американские доллары, на которые купила облигации. Они пришли через МВФ в форме «резервов обмена иностранной валюты».

Другими словами, это были субсидии от индустриально развитых стран, в первую очередь от США. Таким образом, Казначейство США предоставило львиную долю средств для покупки своих же собственных облигаций. А Мексика ещё на 500 миллионов *глубже* погрузилась в долг и согласовала выплату ещё 3,7 миллиарда долларов в будущих платежах ради возможности продолжать платить проценты банкам. Это называли спасением, и это, *разумеется*, легло на плечи американских налогоплательщиков.

МВФ СТАНОВИТСЯ КОНЕЧНЫМ ГАРАНТОМ

На следующий год Государственный секретарь Джеймс Бейкер (CFR) и секретарь Казначейства Николас Брейди (CFR) полетели в Мехико, чтобы разра-

¹ «U.S. Bond Issue Will Aid Mexico in Paying Debts», by Tom Redburn, Los Angeles Times, December 30, 1987.

ботать новое долговое соглашение, которое начало бы поэтапно подключать МВФ в качестве конечного гаранта. МВФ предоставил Мексике новый заем в 3,5 миллиарда долларов (позже увеличенный до 7,5 миллиардов), Всемирный банк выдал ещё 1,5 миллиарда, а банки уменьшили свои предыдущие кредитные суммы на треть. Частные банки были готовы выдать новые займы и пересмотреть сроки старых. Почему нет? Выплата процентов теперь гарантирована налогоплательщиками США и Японии.

Это также не решило проблему надолго, потому что мексиканская экономика страдала от огромной инфляции из-за внутреннего долга, который добавлялся к *внешнему* долгу банкам. Выражения «внутренний долг» и «внутренний заем» – это кодовые слова, отражающие тот факт, что правительство вызвало денежную инфляцию, продавая облигации. Процент, который оно вынуждено платить, чтобы побудить народ покупать эти облигации, может быть запредельным, и фактически такой процент по мексиканскому внутреннему займу выкачивал из экономики в три раза больше средств, чем обслуживание иностранного долга¹.

Вопреки этой реальности, президент «Citicorp» Джон С. Рид (CFR), чей банк – один из самых больших кредиторов Мексики, сказал, что они готовы кредитовать теперь даже ещё больше. Почему? Не связано ли это с тем, что Федеральная резервная система и МВФ гарантировали платежи? Вовсе нет. «А поскольку мы уверены, что мексиканская экономика преуспевает», – сказал он².

В конце 1994 года и игры ещё продолжались, и игра была та же. 21 декабря мексиканское правительство объявило, что больше не может платить установленный обменный курс между песо и долларом и что курс песо теперь вынужден быть плавающим на свободном рынке, чтобы установилась его истинная стоимость. На следующий день он упал на 39%, и Мексиканский фондовый рынок рухнул. И снова Мексика не могла платить проценты по своим займам. 11 января президент Клинтон (CFR) убедил Конгресс подтвердить гарантии США по новым займам до 40 миллиардов долларов. Секретарь Казначейства Роберт Рубин (CFR) сообщил: «Это общее мнение, в том числе и Председателя Алана Гринспена (CFR), что вероятность выплаты Мексикой долгов чрезвычайно высока». Но пока в Конгрессе проходили дебаты по этому вопросу, кредитные часы тикали. Платёж 17 миллиардов долларов в мексиканских облигациях должен был произойти в течение 60 дней и 4 миллиардов из них – к 1 февраля. *Кто собирался платить банкам?*

Этот вопрос не мог ждать. 31 января, действуя независимо от Конгресса, президент Клинтон известил о спасительном пакете Мексике почти в 50 миллиардов долларов гарантированного кредита: 20 миллиардов от Фонда

¹ «With Foreign IOUs Massaged, Interest Turns to Internal Debt», *Insight*, October 2, 1989, p. 34.

² Там же, с. 35.

валютной стабилизации (ESF) США, 17,8 миллиарда от МВФ, 10 миллиардов от Банка международных расчётов (БМР) и 3 миллиарда от коммерческих банков.

БРАЗИЛИЯ

Бразилия вступила в большую игру в 1982 году, когда объявила, что тоже не может платить по своим долгам. Реагируя на это, Казначейство США предоставило прямой кредит в 1,23 миллиарда долларов, чтобы обеспечить чеки, идущие в банки, пока ведутся переговоры с МВФ о долговременном решении. Через 20 дней предоставили ещё 1,5 миллиарда; Банк международных расчётов выдал 1,2 миллиарда. В следующем месяце МВФ предоставил 5,5 миллиарда; западные банки – 10 миллиардов торговых кредитов; сроки старых кредитов были пересмотрены; 4,4 миллиарда новых займов предоставил синдикат Банка Моргана. «Временные» займы от Казначейства США были выданы без установленной даты выплаты. Рон Чернов комментирует:

Этот проект установил роковой прецедент «вылечивания» долгового кризиса путём покрытия его ещё большим долгом. В этой шараде банкиры одной рукой дают Бразилии новые займы, а затем другой их забирают. Это поддерживает фиктивную стоимость займов в банковских балансовых ведомостях. Рассматривая спасение как большое новое синдицирование, банкиры умножали доходы, получая высокие процентные ставки и платежи за корректировку сроков¹.

К 1983 году страны Третьего мира задолжали 300 миллиардов долларов банкам и 400 миллиардов правительствам промышленно развитых стран. 25 стран просрочили свои платежи. Бразилия во второй раз прекратила платежи и попросила пересмотра сроков, как это сделали Румыния, Куба и Замбия. МВФ подключился к решению проблемы и предоставил ещё миллиарды долларов странам-должникам. Департамент сельского хозяйства через свою Корпорацию товарного кредита (ССС) выплатил 431 миллион долларов американским банкам для покрытия платежей по кредитам от Бразилии, Марокко, Перу и Румынии. После заключения этих соглашений, 20 апреля 1983 года, «Wall Street Journal» тенденциозно провозгласила: «Международный долговой кризис... практически закончился».

Не совсем так. В 1987 году Бразилия снова подошла к дефолту по своим чудовищным долгам в 121 миллиард долларов, теперь за полтора года. Несмотря на поток денег, который прошёл через руки её правителей, они так разорились, что не могли даже покупать бензин для собственных полицейских

¹ Chernow, p. 644.

машин. В 1989 году, когда организовали новый раунд спасения, президент Буш-старший (CFR) объявил, что единственным реальным решением долговых проблем стран Третьего мира было бы прощение долгов. Тринадцать лет спустя президент Буш-младший продолжил традицию и запросил для Бразилии ещё один заем МВФ в 30 миллиардов долларов, обеспеченный налогоплательщиками США.

Рискуя переусердствовать с бесконечными повторами, приведём здесь ещё несколько примеров, прежде чем двинемся дальше.

АРГЕНТИНА

В 1982 году Аргентина не смогла выплатить 2,3 миллиарда долларов, что должна была сделать в июле и августе. Банки пролонгировали свои кредиты, пока МВФ готовил новое вливание в объёме 2,15 миллиарда. Это восстановило выплату процентов и обеспечило аргентинским политикам, кроме того, ещё и немного на текущие расходы. Семь месяцев спустя Аргентина заявила, что не может больше ничего платить до осени 1983 года. Банки сразу же начали переговоры о продлениях, гарантиях и новых займах МВФ.

Затем Аргентина подписала соглашение с 350 банками-кредиторами на продление сроков выплаты почти четверти из их долга в 13,4 миллиарда долларов, и банки согласились выдать дополнительно 4,2 миллиарда, чтобы обеспечить выплату процентов и оплату политических инициатив. МВФ выдал 1,7 миллиарда. Правительство США выдало дополнительно напрямую 500 миллионов. Аргентина затем заплатила банкам 850 миллионов просроченных процентов.

В 1988 году Аргентина снова прекратила выплаты по займам и безнадёжно отстала по срокам, так что банкиры и политики пошли на сговор, чтобы начать следующую игру спасения. В результате появился ещё один пакет новых займов, продлений и гарантий. Как резюмирует Ларри А. Шостад из Университета Чикаго:

В США нет банка, который не продал бы весь свой латиноамериканский портфель за 40 центов на доллар, если бы не возможность при ловком политическом лоббировании найти такого простофилю, который готов заплатить 50, или 60, или даже 90 центов за доллар. И этот простофиля – налогоплательщик США¹.

МВФ выручил Аргентину ещё раз в 2001 году, предоставив 40 миллиардов долларов, и ещё 8 миллиардов в 2002 году.

¹ «Another Plan to Mop Up the Mess», *Insight*, April 10, 1989, p. 31.

Эта история может повторяться без конца и стать банальной. Просто нецелесообразно описывать, как все та же сомнительная история происходила в каждой стране. Достаточно сказать, что аналогичные игры разыгрывались с участием команд из Боливии, Перу, Венесуэлы, Коста-Рики, Марокко, Филиппин, Доминиканской Республики и почти всех других слаборазвитых стран мира.

НЕОБХОДИМОСТЬ КОНВЕРГЕНЦИИ

Здесь мы попытаемся разобрать следующий этап игры, которая идёт прямо сейчас, на наших глазах. Речь — о включении Китая и стран, бывших в составе советского блока, в глобальный замысел мирового правительства. Как и в других странах мира, основным механизмом, используемым для достижения этой цели, по крайней мере в области экономики, является МВФ/Всемирный банк¹. Суть в том, чтобы:

- вывести деньги из развитых стран в более бедные и экономически привести их к нужному общему знаменателю;

- получить эффективный метод контроля над политическими лидерами стран-получателей, которые становятся зависимыми от денежного потока. Однако на этот раз появилось кое-что новое: крах коммунизма дал развитым странам возможность направить ресурсы на поддержку бывших врагов. Так появились условия для создания глобальной политической «конвергенции». По словам теоретика Совета по международным отношениям Ричарда Купера, это необходимое условие для того, чтобы американцы согласились доверить какому-либо правительству, кроме их собственного, решать свою судьбу.

КИТАЙ

Коммунистический Китай присоединился к МВФ/Всемирному банку в 1980 году и сразу стал получать кредиты на миллиарды долларов, хотя было хорошо известно о том, что он направляет значительную часть своих ресурсов на военные нужды. К 1987 году Китай стал вторым по величине заёмщиком МВФ после Индии, и с тех пор количество денежных вливаний уверенно росло.

Банк утверждал, что кредиты будут стимулировать экономические реформы в пользу частного сектора, но деньги туда так и не пошли. Все средства отправились на нужды государственных органов, ведущих войну против свободного рынка. В 1989 году, когда частные предприятия малого бизнеса и фермерские хозяйства начали развиваться и показывать лучшие результаты,

¹ Другие механизмы, связанные с культурой, образованием, политическим суверенитетом и властью, воплощены в учреждениях Организации Объединённых Наций.

чем их государственные аналоги, лидеры Коммунистического Китая задавили их жёстким контролем и увеличением налогов.

Вице-премьер Яо Илинъ заявил, что было слишком много ненужного строительства, частных займов, а также расходов на «предметы роскоши», такие как автомобили и банкеты. По его словам, чтобы прекратить подобные излишества, необходимо было усилить государственный контроль за заработной платой, ценами и предпринимательской деятельностью.

Таким образом, возникает вопрос: зачем Китаю на самом деле нужны были деньги? Для развития промышленности и разработки природных ресурсов? Для борьбы с бедностью и повышения уровня жизни граждан? Отвечает Джеймс Бовард:

Подобная политика банка в отношении Китая особенно озадачивает, потому что сам Китай активно инвестирует в иностранные государства. Всемирный банк даёт ему деньги под нулевой процент, а затем Китай покупает недвижимость в Гонконге, США, Австралии и других странах. Экономист из «Citibank» подсчитал, что «прямые инвестиции Китая в недвижимость, производство и услуги (только в Гонконге) превысили 6 миллиардов долларов». В 1984 году чистый отток капитала из Китая составил 1 миллиард долларов. Более того, у Китая есть своя собственная программа внешней поддержки, которая за последние десятилетия предоставила более 6 миллиардов долларов, главным образом, левым правительствам¹.

ВЕЛИКИЙ ОБМАН

По мнению автора, столь громко заявленный крах коммунизма в советском блоке – это смесь правды и вымысла. Ни для кого не секрет, что на самом деле простой народ этих стран давно отверг коммунизм. Люди были вынуждены в течение многих лет делать вид, что поддерживают его, лишь потому, что не имели иного выбора. Пока Советский Союз контролировал вооружение и средства связи, им приходилось мириться со своей судьбой.

В верхах дела обстояли совсем иначе. На самом деле лидеры коммунистических стран были куда менее враждебны к своим западным коллегам, чем это полагалось согласно их риторике. Они довольно дружелюбно относились к ведущим финансистам мира и тесно сотрудничали с ними ради собственной выгоды. Как мы узнаем из следующего раздела, большевистская революция была оплачена влиятельными финансистами из Лондона и Нью-Йорка.

Ленин и Троцкий имели самое прямое отношение к их финансовым интересам как до, так и после революции. Эти тайные связи поддерживаются до

¹ Bovard, pp. 18-19.

сих пор, и время от времени правда всплывает наружу, как, например, когда стало известно, что Дэвид Рокфеллер проводил конфиденциальные, не связанные с дипломатией или государственными делами, встречи с Михаилом Горбачёвым.

Не так уж трудно представить вариант развития событий, при котором лидеры коммунистического блока осознали, что не могут больше удерживать власть. Наступил момент, когда грубой силы оказалось недостаточно, особенно учитывая то, что лояльность защитников режима тоже была под вопросом. Когда гангрена экономического упадка стала подниматься по глиняным ногам социалистического колосса, они поняли, что придётся либо принять финансовую помощь извне, либо потерять власть.

В этом случае могли быть выработаны тайные соглашения, выгодные для всех участников переговоров. План мог быть прост, как дриблинг в студенческом футбольном матче, когда одно действие является прикрытием для другого. Хотя американцы готовы принять такой обман в спорте, они не верят, что мировые финансисты и политики способны на такое. Концепция отвергается как «теория заговора».

Тем не менее в сценарии, который мы считаем вероятным, участники переговоров согласились с тем, что советскому блоку нужна финансовая поддержка, и решили, что западные страны способны её обеспечить. Наилучшим способом перевести деньги из промышленно развитых стран в советский блок посчитали использование таких международных агентств, как МВФ/Всемирный банк. Стороны решили, что подобное развитие событий невозможно, пока враждебность между мировыми системами не сменится политической конвергенцией, а вероятный конфликт посчитали слишком дорогостоящим и опасным для всех участников. Таким образом, наконец-то было решено, что советский блок должен отказаться от глобальной агрессии, а западные страны должны и дальше идти навстречу социализму, что в долгосрочной перспективе является необходимым шагом для их слияния в единое мировое правительство. Но при этом необходимо сделать так, чтобы нынешние коммунистические лидеры сохранили контроль над своими странами.

КОММУНИСТЫ СТАНОВЯТСЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ

С этой целью коммунисты меняют свою официальную позицию на «социал-демократическую». Они выступают против жёстких перегибов своих предшественников и предлагают большую свободу средствам массовой информации. Несколько легко заменимых товарищей демонстративно «приносятся в жертву» как доказательство отказа от старого порядка. Страны, бывшие под

пятой Советского Союза, получают свободу, а затем возвращаются на «добровольной» основе. Если лидер какого-то из освобождённых государств предпочитает истинную независимость, а не сотрудничество с Россией, то его заменяют другим.

Никаких других изменений не требуется. Социализм остаётся предпочтительной экономической системой, и, хотя на словах действуют законы свободного рынка, экономика и все средства производства остаются под контролем государства. Старые коммунисты, все без исключения ставшие теперь социал-демократами, остаются у руля новой системы.

Запад воодушевляется, и деньги начинают течь рекой. В качестве дополнительного бонуса бывшие большевики теперь чествуются как великие государственные деятели, которые положили конец холодной войне, принесли свободу своему народу и помогли создать новый мировой порядок.

Когда пал коммунизм? Мы точно не знаем. Известно лишь, что однажды мы открыли газеты и узнали, что дело сделано. Все вдруг стали социал-демократами. Коммунисты просто исчезли. Российские лидеры заговорили, как давние враги старого режима. Повсюду творилась перестройка. Коммунизм был уничтожен, но он не пал от руки врага, а сам приговорил себя к смерти. Можно сказать, покончил с собой!

Разве не странно, что коммунизм сдался так просто? Разве не странно, что система, которая родилась из классовой борьбы и революции и которая держалась на грубой силе и жестокости почти сто лет, просто исчезла сама по себе? Коммунизм не был свергнут людьми с вилами и факелами, решившими сбросить ярмо тирании. Не было ни революции, ни контрреволюции, ни длительного периода раздробленности, ни кровавых стычек между противоборствующими сторонами. Бам! И всё уже кончилось. Правда, в тех районах, где враждующие группировки боролись за власть, кровь все-таки пролилась, но это произошло уже после падения коммунизма. Такого ещё не было в истории. Это совершенно не было похоже на то, как ранее действовали правительства, и противоречило самой природе власти, которую не принято отдавать без борьбы ни на жизнь, а на смерть. Это действительно очень любопытное событие, которое должно заставить людей задуматься.

Мы предполагаем, что так называемое падение коммунизма – это великий обман, не отличающийся от многих других, рассмотренных в этой работе. Мы считаем, что он был поэтапно разыгран ради цели, описанной ранее: перехода к мировому правительству. На наш взгляд, это единственный сценарий, который имеет смысл с точки зрения современных геополитических реалий, и единственный, который согласуется с уроками истории.

Мы понимаем, что такая точка зрения противоречит распространённому и общепринятому мнению. Для многих слышать, что кто-то произносит такое вслух, уже шок. Подобные заявления, конечно, не имеют смысла без серьёзных доказательств, коих предостаточно, но их предоставление не входит в

рамки данного исследования. Итак, теперь, когда мы сделали это заявление, обозначим его как простую точку зрения автора, на которую читатель волен не обращать внимания.

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Америка оправдывала поддержку марионеточных просоветских правительств Восточной Европы той же теорией, что и в случае с Китаем: с её помощью планировалось укрепить экономику этих стран и заставить их народы отвернуться от коммунизма, выбрав другой путь. Сторонники этой теории теперь называют крах коммунизма доказательством того, что она была верна. Правда, однако, в том, что эти деньги не укрепили экономику и не дали людям никакого нового пути. На самом деле простому народу вообще ничем не помогли. Все средства пошли правительствам этих стран, которые распоряжались ими по своему усмотрению. С помощью этих денег правящие партии получили больше власти и укрепили свои позиции.

Всем известно, что одной из причин слабости экономики Польши было то, что значительная часть произведённой там продукции по льготным ценам поставлялась в Советский Союз, где использовалась в первую очередь для военных нужд. Танки польского производства воевали во Вьетнаме; 20% советского торгового флота было построено в Польше; 70% компьютеров и локомотивов и 80% оборудования связи поставлялись Советам; американское зерно, купленное Польшей на деньги, занятые у американских банков, отправлялось на Кубу. Польша была лишь посредником, проводником между Россией и её сателлитами. На самом деле банки финансировали именно Россию.

В 1982 году Польша впервые объявила дефолт по банковским кредитам, выданным через «Корпорацию товарного кредита» по гарантии правительства США. Согласно условиям гарантии, налогоплательщики должны были платить по всем кредитам, объявленным «дефолтными». Именно на это рассчитывали банки, когда выдавали их, но для того, чтобы определить эти кредиты как «дефолтные», им пришлось бы исключить их из своих активов. Это было недопустимо: нельзя было показывать, насколько на самом деле плох их бухгалтерский баланс. По этой причине Казначейство согласилось изменить правила и произвести платежи, не требуя, чтобы кредиты были признаны дефолтными. В конечном итоге проект оказался заблокирован разгневанным Конгрессом, но лишь тогда, когда администрация Рейгана уже успела напрямую выплатить 400 миллионов долларов банкам Польши.

В ноябре 1988 года Всемирный банк предоставил Польше первый кредит на сумму 17,9 миллиона долларов. Три года спустя, решив самым наглядным образом продемонстрировать, что президент имел в виду, говоря о «прощении долгов», администрация Буша скостила 70% от 3,8 миллиардов, предназначенных к выплате в пользу США. Налогоплательщики вновь получили счёт.

То же самое происходило во всех странах, ранее входивших в советский блок. Например, в 1980 году, незадолго до вступления Венгрии в МВФ/Всемирный банк, её годовой ВВП на душу населения составлял 4180 долларов. Проблема заключалась в том, что политика Всемирного банка предполагала предоставление займов только тем развивающимся странам, чей ВВП на душу населения составлял менее 2650 долларов. Но не беда. В 1981 году венгерское правительство просто пересмотрело свою статистику и понизило ВВП с 4180 до 2100¹ долларов. Падение на 50% за один год, безусловно, являлось одной из самых чудовищных депрессий в мировой истории. Все знали, что это ложь, но никто и бровью не повёл. Это всё было частью большой игры.

К 1989 году администрация Буша применила в отношении венгерского правительства «режим наибольшего благоприятствования в торговле» и учредила для него специальный фонд развития в размере 25 миллионов долларов.

РОССИЯ

Американские банки всегда были готовы предоставлять кредиты Советскому Союзу, за исключением коротких периодов охлаждения отношений во время кубинского ракетного кризиса, войны во Вьетнаме, советского вторжения в Афганистан и других незначительных деловых разногласий. В 1985 году, когда общественность потеряла интерес к Афганистану, банки «свободного мира» вновь открыли свои кредитные кассы Советам. Пакет стоимостью 400 миллионов долларов был составлен консорциумом «First National Of Chicago», компаниями «J.P. Morgan», «Bankers Trust» и «Irving Trust», а также лондонской дочерней компанией «Royal Bank of Canada». Кредит с необычайно низкой процентной ставкой был предложен «для покупки американского и канадского зерна».

Недовольства общественности легко избежать, если официальная цель займа тоталитарному правительству предполагает закупку товаров в стране-кредиторе, особенно если товар – это зерно, якобы предназначенное для производства хлеба или кормления скота. Кто станет выступать против того, чтобы деньги возвращались в страну в качестве прибыли для наших собственных фермеров и продавцов? И кто станет придирается к проекту, предназначенному для того, чтобы накормить голодных?

Обман здесь весьма изящный. То, что деньги будут использованы, по крайней мере частично, для покупки зерна или других товаров местного производства, – это правда. Но страны-заёмщики ведут себя как домовладельцы, которые берут завышенный ипотечный кредит, «чтобы гостиная стала побольше». Может, они и правда её расширят, но просить будут в два раза больше,

¹ «World Bank Courts Eastern Europe», by Jerry Lewis, Wall Street Journal, August 30, 1984.

чем нужно, чтобы хватило и на новую машину. Поскольку правительство разрешает налоговые вычеты по ипотечным кредитам, они получают вычеты и по процентам, выплачиваемым за автомобиль. Точно так же страны-заёмщики обычно занимают больше, чем требуется на официальную цель займа, но все деньги получают по выгодным ставкам.

Однако это не самая серьёзная проблема в этой сделке. В случае с Россией зерно действительно занимало важное место в списке необходимого. После череды ошибок социалистического сельского хозяйства страна не могла прокормить своё население, а голодные бунты опасны для любого правительства. Россия нуждалась в зерне, чтобы снизить внутреннее напряжение, гораздо сильнее, чем домовладельцы в расширении гостиной. Другими словами, России нужно было это зерно, с кредитом или без него. Без кредита этой стране пришлось бы сократить расходы в другой области, и скорее всего речь шла бы о военных нуждах. Давая России деньги «на покупку зерна», мы фактически позволяли ей тратить большие суммы на вооружение.

Но даже это не основная проблема, когда речь идёт о предоставлении кредитов России. Суть в том, что большая часть этих кредитов никогда не будет погашена¹. Мы однажды уже наблюдали спектакль под названием «дефолт», и ясно как день, что когда-нибудь Россия просто не сможет исполнить свои обязательства, а значит, налогоплательщиков развитых стран снова пропустят через жернова МВФ, чтобы выдать из них необходимые средства.

БИЗНЕС-АВАНТЮРЫ В РОССИИ, ЗАСТРАХОВАННЫЕ В США

В 1990 году Экспортно-импортный банк США объявил, что начнёт предоставлять прямые кредиты России. Тем временем Корпорация частных зарубежных инвестиций (США) предоставляла бесплатную «страховку» частным компаниям, которые были готовы инвестировать в бывший Советский Союз. Иными словами, промышленные корпорации получили то же самое, что и банки: гарантию того, что, если их инвестиции сгорят, правительство сделает так, что налогоплательщики компенсируют им убытки. Лимит этой страховки составлял 100 миллионов долларов, а это солидная сумма. Стремясь обеспечить ещё больший приток частного капитала в Россию, администрация Буша санкционировала неограниченную страховку для «разумных инвестиций американских корпораций». Если бы это были действительно разумные инвестиции, им не понадобились бы субсидии для отправки помощи за рубеж или государственные гарантии. На самом деле имел место тройной расчёт:

¹ «The Russian Sinkhole», by Leslie H. Gelb, New York Times, March 30, 1992, p. L-A17.

1. Международные кредитные агентства предоставляют социал-демократам кредиты для покупки американских товаров и услуг. Никто на самом деле не ждёт возврата этих денег. Это просто хитрый способ перераспределения богатства между теми, у кого оно есть, и теми, у кого нет, без ведома «доноров».
2. При участии в этой схеме американским компаниям не приходится тратить деньги. Поскольку они гарантированно защищены от любых рисков, банки с удовольствием дают им кредиты на любую сумму. Эффективное управление, конкурентные преимущества – всё это не нужно, так как контракты заключаются по политическим причинам. Прибыль в таком предприятии щедрая, а рисков никаких.
3. Когда социал-демократы в конечном итоге не выполняют своих обязательств перед американскими компаниями или когда совместное предприятие терпит убытки из-за неумелого социалистического руководства, федеральное правительство предоставляет средства для покрытия корпоративных прибылей и погашения банковских займов.

Вот вам и весь план: социал-демократы получают «печеньки», корпорации – прибыль, а банки – проценты с денег, созданных из ничего. Налогоплательщикам же достаётся известно что! К 1992 году паутину лжи было уже не скрыть. В статье в «New York Times» обозреватель Лесли Х. Гелб обнародовал цифры:

Бывший Советский Союз сейчас выплачивает только 30% от того, что должен за проценты по своим долгам перед Западом, составляющим 70 миллиардов долларов (и почти не выплачивает основную сумму). В общей сложности Запад выделил на его поддержку около 50 миллиардов долларов за последние 20 месяцев, и эти деньги уже исчезли с радаров.

Что интересно в этой статье, так это то, что Лесли Гелб является членом Совета по международным отношениям с 1973 года. С чего это пресс-секретарь Совета вдруг решил раскрыть зловещие планы своего руководства по созданию Нового мирового порядка? Разгадка в том, что он ставил перед собой прямо противоположную задачу. На самом деле Гелб лишь просил о новых займах и более явной поддержке, объясняя это тем, что потребность в них очень велика! Он выступал за то, чтобы в первую очередь финансирование шло на поддержку объектов ядерной энергетики в России, её сельского хозяйства и промышленности. В конце своей статьи он пишет: «Ставки высоки, как никогда. Реальная, существенная и своевременная помощь России будет куда более обоснованным решением, чем создание больших иллюзий».

Конгресс прислушался и подчинился. Несмотря на то что все предыдущие миллиарды «исчезли с радаров», вливание средств продолжилось. В 1993 году Всемирный банк дал России ещё один кредит на полмиллиарда. Перед

тем как покинуть свой пост, президент Буш предоставил ей кредит на сумму 2 миллиарда долларов через Экспортно-импортный банк, и Конгресс санкционировал грабёж избирателей ещё на 2,5 миллиарда, выделенных специально в помощь России. В июле на саммите Большой семёрки в Токио речь шла о новых 24 миллиардах, половина из которых должна поступить от МВФ. На момент выхода этой книги в печать нет никаких оснований думать, что ситуация изменится¹.

ТЕОРИЯ ЗАГОВОРА

Даже краткое размышление насчёт событий, описанных в этом разделе, приводит нас к непростой моральной дилемме. Мы должны выбрать один из двух путей. Либо мы признаём, что американцы утратили контроль над своим правительством, либо считаем предоставленную информацию простым искажением истории. В первом случае мы становимся сторонниками теории заговора. Во втором утверждаем, что всё это – всего лишь совпадение. Выбор непростой.

Принять эту информацию сложно, потому что нас *приучили* смеяться над теориями заговора, опасаясь стать всеобщим посмешищем, лишь немногие рискнут открыто поддержать их. С другой стороны, видеть обычное совпадение – просто глупо. Почти вся история человечества – это непрерывная череда заговоров, следующих один за другим. Заговоры – это норма, а не исключение.

Обескровленные постоянной выкачкой ресурсов в пользу бедных, развитые страны находятся на грани смерти. Что это – часть чьего-то плана или случайность? А ведь это не происки врагов. Так с ними поступают их *собственные лидеры*. Процесс хорошо скоординирован через международные связи и

¹ К сожалению, автор не называет причин беспредельной щедрости к вчерашним коммунистам. А жаль! Российские читатели наверняка зададутся вопросом, куда же девались займы, предоставленные США России? По времени многомиллиардные транши совпадали с роковыми для России процессами: утратой вкладов в банках, потерей рабочих мест, массовой безработицей, безудержной инфляцией, обнищанием населения, разгулом преступности. Очевидно, что долларовые потоки не были направлены на стабилизацию экономического положения в России, не говоря уже о развитии. Тот факт, что незначительная часть этих средств была потрачена на покупку продовольствия, ничего не меняет. Так куда же были направлены эти деньги? Думается, мы вправе предположить, будучи осведомлёнными о деятельности ФРС в других странах задолго до событий в России конца 20 века, что ничего нового придумано не было. Щедрая оплата «агентов влияния» за проведение реформ, выгодных США, захват активов в побеждённой стране через участие в приватизации, или покупка тех же ценных бумаг ФРС, то есть возврат денег туда, откуда они пришли... Этот список можно продолжать и продолжать. Исследователям падения СССР и «лихих 90-х» в России предстоит много работы!

Международный валютный фонд Вашингтон, США

идеально сочетается с действиями других правителей, которые делают то же самое в своих странах. Более того, эти лидеры регулярно встречаются, чтобы лучше координировать свою *деятельность*. Могут ли столь сложные схемы возникать *случайно*? Или потребуется какой-то план?

Представитель МВФ ответил бы: «Да, план есть, и он состоит в том, чтобы помогать менее развитым странам». Однако, даже потратив сорок лет и сотни миллиардов долларов, они так и не достигли цели. Разве могут разумные люди считать, что, придерживаясь одного и того же плана, они когда-нибудь придут к другим результатам? Тогда почему они следуют плану, который не работает? Ответ прост: они следуют не ему. План у них другой, с их точки зрения весьма удачный. В противном случае мы

должны признать, что лидеры развитых стран просто глупы, но мы в это не верим.

Невозможно не думать о том, что эти мужчины и женщины руководствуются чем-то большим, нежели интересами собственных стран. В глубине души они могут искренне верить, что в конечном итоге мир станет лучше, в том числе и для их соотечественников, но на сегодняшний момент те, кто назначил их на должность, не разделяют их цели и методы. В таких обстоятельствах лидерам стран приходится скрывать свои планы от широкой общественности. Если бы их сограждане узнали, чем они занимаются, их немедленно сняли бы с должностей, а кого-то и расстреляли, как предателя. Сложите все это вместе, и получится **конспирология**.

Кроме этого варианта, существует лишь одно объяснение – это всё простое совпадение: нет плана, нет сотрудничества, нет цели, только слепая сила истории, движущаяся по пути наименьшего сопротивления. Некоторым будет легче и удобнее принять этот вариант, но доказательства упрямо заявляют об обратном. Какие доказательства? Не только те, что есть в предыдущих главах, но и всё, что написано в этой книге. Доказательств того, что речь идёт о совпадении, напротив, нет ни одного.

РЕЗЮМЕ

Международная версия спектакля под названием «Дефолт» похожа на внутреннюю тем, что налогоплательщикам приходится покрывать просроченные кредиты, чтобы выплаты по процентам продолжали поступать в банки. Отличия в том, что:

- оправданием служит не защита американской общественности, а борьба с бедностью в мире;
- основной денежный поток проходит из Федеральной резервной системы через МВФ/Всемирный банк. В остальном правила в общем-то те же.

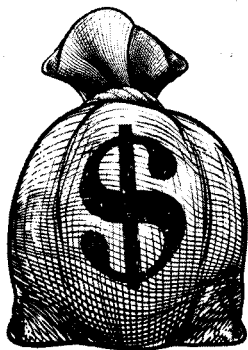
Однако в этом спектакле есть нечто большее, чем просто прибыль и мошенничество. Речь идёт о сознательном и преднамеренном превращении МВФ/Всемирного банка в центральный мировой банк, обладающий возможностью выпускать мировую бумажную валюту. И это важная часть ещё более масштабного плана по созданию настоящего мирового правительства в рамках Организации Объединённых Наций.

Страны с развитой экономикой не спешат передавать свой суверенитет мировому правительству. Тем не менее через невозвратные кредиты МВФ/Всемирного банка происходит масштабный вывод капитала из развитых стран в менее прогрессивные. Поскольку этот процесс продолжается в течение долгого времени, в какой-то момент их собственная экономика окажется истощённой до такой степени, что уже им самим нужна будет помощь. Более

не способные к самостоятельным действиям, они смиряются с потерей суверенитета в обмен на международную помощь.

Развивающиеся же страны приходят к Новому мировому порядку иным путём. Во многих из них правят мелкие тираны, которые заботятся лишь о том, как бы вытянуть из своего народа побольше налогов, не спровоцировав при этом бунт. Кредиты от МВФ/Всемирного банка нужны в первую очередь для того, чтобы вместе со своей правящей партией удержаться у власти, а это именно то, что нужно МВФ/Всемирному банку. Слова о помощи бедным – лишь прикрытие, истинная цель – передача капитала, замаскированного под кредиты, с целью получения контроля над лидерами развивающихся стран. Эти деспоты быстро привыкают к неограниченному количеству лёгких денег и уже не могут от них отказаться. Им нравится (уже сейчас) быть маленькими позолоченными винтиками в гигантском механизме мирового правительства. Идеология для них ничего не значит: капиталистическая, коммунистическая, социалистическая, фашистская – не важно, главное, чтобы продолжали поступать деньги. МВФ/Всемирный банк буквально покупают эти страны на наши деньги.

Включение Коммунистического Китая и бывшего советского блока в список стран-получателей МВФ/Всемирного банка указывает на то, что сейчас наступает финальный раунд игры. Теперь, когда Латинская Америка и Африка «куплены» Новым мировым порядком, это последний рубеж. За относительно короткий промежуток времени Китай, Россия и страны Восточной Европы стали крупнейшими заёмщиками и/или уже имеют задолженность по своим платежам. Вот где в ближайшие месяцы произойдут важнейшие события.

РАЗДЕЛ II

КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ ДЕНЕГ

Материал, представленный в восьми главах этого и следующего разделов, систематизирован по темам, а не хронологически. Некоторые из них опережают события, которые будут освещаться только позже. Более того, тут рассматриваются вопросы, которые могут удивить читателя: какая тут связь, если она вообще есть, с Федеральной резервной системой? Пожалуйста, потерпите. Важность материала, в конце концов, прояснится. Как полагает автор, до рассмотрения самих событий надо сначала представить концепции и принципы. Без этого контекста история Федерального резерва скучна. В контексте эта история предстанет волнующей драмой, которая серьезно влияет на нашу жизнь и сегодня. Так что давайте начнём это захватывающее расследование с информации о самой природе денег.

ГЛАВА 7

МЕТАЛЛ ВАРВАРОВ

История и эволюция денег; появление золота в качестве универсальных денег; попытки правителей обмануть своих подданных обрезанием краёв или обесцениванием золотых монет; правда о том, что любого количества золота достаточно для монетарной системы и что «больше денег» не требует больше золота.

Большая таинственность окружает природу денег. Деньги обычно рассматриваются как нечто, выходящее за пределы понимания простых смертных. Вопросы происхождения денег или механизм их создания редко становятся темой общественного обсуждения. Мы принимаем их как факт жизни, находящийся вне нашей сферы контроля. Поэтому в странах, где действует принцип народовластия и где электорат обладает высоким уровнем понимания, народ сам заблокировал один из самых важных факторов, влияющих не только на управление страной, но и на их собственные жизни.

Такая ситуация не случайна, и не всегда было так. Было время, в относительно недавнем прошлом, когда простой избиратель – даже без общего образования – хорошо разбирался в денежных делах и был весьма озабочен их политической реализацией. Фактически, как мы увидим в одной из следующих глав, большинство выборов выигрывались или проигрывались в зависимости от того, как кандидаты относились к эмиссии центрального банка. В интересах денежных мандаринов, однако, было убедить людей, что в наши дни понять эти эмиссии слишком сложно для непосвящённых. Используя профессиональный жаргон и скрывая простую суть в запутанных дебрях процедур, они добились того, что понимание природы денег ушло из понимания людей.

ЧТО ТАКОЕ ДЕНЬГИ?

Первое, что сделали в этой процедуре, – затуманили само определение денег. Например, 20 июля 1975 года статья в «Нью-Йорк Таймс», озаглавленная «Денежная масса: растущая неразбериха», начинается с вопроса: «Что есть деньги сегодня?». «Уолл-стрит Джорнел» от 29 августа 1975 года комментирует: «Мужчины и женщины, вовлечённые в эти заумные упражнения [отслеживания денежной массы]... не знают точно, из чего денежная масса

складывается». И в своём выпуске от 24 сентября 1971 года та же газета сообщает: «Про-МВФ семинар знаменитых экономистов не пришёл к соглашению о том, что такое деньги или как банки их делают».

Даже правительство не может дать определение денег. Несколько лет назад г-н А.Ф. Дэвис отправил по почте в Казначейство 10-долларовую банкноту Федерального резерва. В своём сопроводительном письме он, обращая внимание на надпись на банкноте, которая гласила, что она обменивается на «законные деньги», попросил прислать ему такие деньги. В ответ Казначейство отправило всего лишь две 5-долларовые банкноты из разных серий, несущие такое же обязательство платежа. Г-н Дэвис ответил:

Уважаемый господин,

Настоящим подтверждаем получение двух 5-долларовых банкнот США, которые мы, как поняли из вашего письма, должны считать законными деньгами. Должны ли мы из этого заключить, что банкноты Федерального резерва не являются законными деньгами?

Я вкладываю одну из двух 5-долларовых банкнот, которые вы мне прислали. Я отмечаю то, что стоит на лицевой стороне, – «Соединённые Штаты Америки выплатят предъявителю по запросу пять долларов». Этим я запрашиваю пять долларов.

Неделю спустя г-н Дэвис получил следующий ответ от М.Э. Слинди, и.о. казначея:

Уважаемый г-н Дэвис,

Подтверждаю получение вашего письма от 23 декабря, пересылающего одну 5-долларовую банкноту Соединённых Штатов с запросом выплаты пяти долларов. Уведомляем вас, что термин «законные деньги» не определён в федеральном законодательстве... Термин «законная валюта» больше не имеет означенного особого значения. Пятидолларовая банкнота Соединённых Штатов, полученная с вашим письмом от 23 декабря, при сем возвращается¹.

Обе надписи – «...выплатят предъявителю по запросу пять долларов» и «обменивается на “законные деньги”» – были стёрты с наших денег в 1964 году.

Действительно ли деньги так таинственны, что их нельзя определить? Монеты ли, валюту ли носим мы в наших карманах? Это – число на чековом счёте или электронные импульсы в компьютере? Включает ли он остаток на сбе-

¹ Цит. по: C.V. Myers, *Money and Energy: Weathering the Storm* (Darien, Connecticut: Soundview Books, 1980), pp. 161, 163. Также: Lawrence S. Ritter, ed., *Money and Economic Activity* (Boston: Houghton Mifflin, 1967), p. 33.

регательном счёте или возможный кредит по платёжной карточке? Включает ли он стоимость акций и облигаций, домов, земли или личного имущества? Или деньги – не более чем покупательная способность?

Главной функцией Федеральной резервной системы является регулирование денежной массы. При этом, однако, никто не может определить, что такое деньги. Как в таком случае можем мы составить мнение о работе Системы? Ответ, само собой, – никак не можем, а это и есть именно то, чего этот картель хочет.

Причина, по которой ФРС представляется сложным субъектом, в том, что большинство рассуждений начинается где-то с *середины*. Ко времени, когда мы это уяснили, определения были закодированы, а базовые концепции приняты. В таких условиях хаос в мыслях неизбежен. Однако, если мы начнём сначала и будем разбирать каждую концепцию последовательно от общего к частному, если мы в рабочем порядке примем определения, то обнаружим, к нашему удивлению, что проблемы, на самом деле, совсем не сложные. Более того, весь процесс будет не только не тягостным, но – верьте или нет – просто необыкновенно интересным.

Эту и три следующие главы мы посвятим изложению того, что мы назвали кратким курсом истории денег. Это *не* будет сложно. Вы, на самом деле, уже знаете многое из того, что будет рассказано. Единственное, что мы попытаемся сделать, – это связать все вместе, чтобы изложение было последовательным и связанным с нашей темой. Когда вы закончите читать эти несколько следующих страниц, вы *будете* разбираться в денежном вопросе. Уверю вас.

Итак, начнём с основ. Что есть деньги?

РАБОЧЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Словарь – плохой помощник. Если экономисты не могут прийти к соглашению по вопросу, что есть деньги, то это частично потому, что существует такое количество доступных определений, что выбрать из них бесспорный вариант оказывается весьма затруднительно. Для целей нашего анализа, однако, необходимо установить какое-то *одно* определение, чтобы мы могли, по крайней мере, знать, что означает то слово, которое используется в тексте. Для этого мы введём наше собственное определение, сформированное из разрозненных сведений из разных и многочисленных источников. Все изложение нацелено не на представление нашего видения, чем деньги *должны быть*, и не на поддержку точки зрения какой-то отдельной школы экономики, а на то, чтобы свести концепцию к её фундаментальной сути и отразить реальность сегодняшнего мира. Нет необходимости соглашаться или не соглашаться с этим определением. Оно вводится только для целей понимания слова так,

как оно используется на этих страницах. Таким образом, вот наше рабочее определение.

Деньги – это то, что принято в качестве средства обмена и что можно классифицировать по следующим типам:

1. Товарные деньги.
2. Деньги по расписке.
3. Фиатные деньги.
4. Разменные деньги (мелочь).

Понимание разницы между этими типами денег и есть практически все, что нам нужно знать, чтобы полностью уяснить суть Федеральной резервной системы и прийти к заключению относительно её ценности для нашей экономики и нашей страны. Давайте рассмотрим каждый тип денег детально.

БАРТЕР (ДО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ)

До появления каких бы то ни было денег существовал бартер, и важно сначала понять связь между тем и другим. Бартер – это товарообмен, когда производится непосредственный обмен одного товара на другой при их сходной ценности. Г-н Джонс меняет свой отреставрированный «Форд Модель-Т» на рояль «Стейнвей»¹. Такой обмен не является монетарным по своей природе, поскольку оба предмета скорее оцениваются по их собственной стоимости, чем принимаются в качестве *средства* обмена, которое потом может использоваться для другого обмена. Отметим все же, что оба предмета имеют внутреннюю стоимость, иначе они бы не принимались другой стороной. Труд также может быть объектом бартерного обмена, если он обладает внутренней стоимостью с точки зрения лица, для которого работа выполнялась. Концепция *внутренней стоимости* – это ключ к пониманию разных форм денег, которые произошли из бартерных сделок.

ТОВАРНЫЕ ДЕНЬГИ

В естественной эволюции каждого общества всегда появлялись один или два предмета, которые чаще других использовались в бартерном обмене. Это объяснялось тем, что они имели некоторые свойства, которые делали их нужными или привлекательными почти для всех. Со временем их стали использовать в обмене не ради них самих, а потому, что они заключали в себе

¹ Строго говоря, каждая сторона считает стоимость того, что получает, больше стоимости того, что отдаёт. Иначе они никогда бы не участвовали в обмене. В голове торговца поэтому предметы имеют *разную* стоимость. Это мнение разделяется в *равной* мере обеими сторонами. Чем короче объяснение, тем понятнее.

стоимость, достаточную для обмена на что-то иное. В этом случае они переставали быть товаром для обмена и становились поистине деньгами. Они были, в соответствии с нашим рабочим определением, *средством* обмена. И поскольку это средство было товаром с внутренней стоимостью, его можно обозначить как *товарные деньги*.

У первобытных народов предметом, чаще всего используемым в качестве товарных денег, были или продукты питания, или скот. Остаточным свидетельством этого служит наше слово *pecuniary* («денежный»), которое означает что-то, связанное с деньгами. Оно произошло от слова «*имущество*» (*pecunia*), которое на латинском языке означает «корова».

Но по мере того, как общество прогрессировало и отходило от уровня скудного существования, уже не только пища была предметом общего спроса. Когда пищи стало достаточно, начали цениться украшения, известны некоторые общества, которые использовали окрашенные морские ракушки и необычные камни для этой цели. Но в этом случае никогда не предполагалось использование рогатого скота, или овец, или ржи, или пшеницы, потому что эти главные продукты питания обладали большей внутренней стоимостью, даже если они и не использовались в качестве денег.

МЕТАЛЛЫ В КАЧЕСТВЕ ДЕНЕГ

Со временем, когда люди научились обогащать рудное сырье и производить инструменты или оружие, сами металлы стали ценностью. Это было на заре бронзового века, когда ремесленники и торговцы вдоль торговых путей и в главных морских портах вели обмен железом, медью, оловом и бронзой.

Цена металлических слитков первоначально определялась по весу. Затем, когда пришли к тому, чтобы при отливке ставить штамп унифицированных весов, слитки начали оцениваться простым считыванием числа. Хотя они были слишком велики, чтобы носить их в кошельке, но все же достаточно малы, чтобы их легко было переносить, и в таком виде они стали фактически примитивными, но функциональными монетами.

Первая причина, по которой металлы стали широко использоваться в качестве товарных денег, — это то, что они отвечали всем требованиям комфортной торговли. Кроме того, что они обладали внутренней стоимостью, востребованной не *только* в качестве денег, они ещё не были бренны, чего не скажешь про коров; переплавкой и повторной формовкой их можно было разделить на более мелкие части и использовать для покупки незначительных предметов, что невозможно с алмазами, например; и поскольку они не существовали в изобилии, то в малом количестве они несли большую стоимость, а значит, они были более транспортабельны, чем, например, бревна.

Но самое существенное монетарное свойство металлов состоит в возможности их точного измерения. Важно понимать, что деньги по своему фундаментальному статусу и функции есть одновременно и хранилище стоимости, и мера стоимости. Это тот стандарт, по которому можно сверять все другие вещи в экономике. Существенно поэтому, чтобы сама монетарная единица была бы и измеряемой, и неизменяемой. Возможность точной проверки металлов и на чистоту, и на вес делает их идеально подходящими для этой функции. Эксперты могут спорить относительно качества драгоценного камня, но чистота металлического слитка либо 99%, либо её нет, и он весит либо 100 унций, либо нет. Чье-то мнение тут мало что значит. Поэтому не без основания на всех континентах и на протяжении всей истории люди использовали металлы как идеальные хранилище и меру стоимости.

ДОМИНИРОВАНИЕ ЗОЛОТА

Конечно, есть металл, который был выделен из других столетиями проб и ошибок. Даже сегодня в мире, в котором деньги больше не могут и определить, любой обыватель инстинктивно понимает, что золото будет лучше всего до тех пор, пока не появится что-то ещё лучше. Мы предоставим социологам дискутировать на тему, *почему* золото было выбрано в качестве универсальных денег. Для наших целей важно только знать, что это *было*. Но мы не можем не отметить, что это был прекрасный выбор.

Что касается количества, то, по-видимому, его было достаточно, чтобы поддерживать его стоимость достаточно высоко для эффективной чеканки монет. Его не так много, как серебра, которое, впрочем, идёт вторым с небольшим отрывом в монетарной конкуренции, но больше, чем платины. Любой из них мог бы прекрасно служить указанной цели, но золото стало, по-видимому, превосходным компромиссом. Кроме того, этот товар в большом спросе не только как деньги. Золото необходимо как в промышленности, так и в украшениях, что обеспечивает его внутреннюю стоимость при всех условиях. И разумеется, нет проблем с точным установлением его чистоты и веса.

ДЕЗОРИЕНТИРУЮЩАЯ ТЕОРИЯ КОЛИЧЕСТВА

Часто утверждается, что золото нецелесообразно использовать в качестве денег, поскольку его слишком мало производится, чтобы удовлетворить потребности современной торговли. На первый взгляд это может показаться логичным — в конце концов, нам, *конечно*, надо много денег, и не только для

того, чтобы вращались колеса экономики. Но, если подумать, такое суждение становится самым несерьёзным из всех возможных.

Прежде всего, по имеющимся оценкам, примерно 45% всего золота, добытого во всем мире со времени открытия Америки, в наши дни находится в государственных или банковских хранилищах¹. Кроме того, несомненно, ещё 30% золота присутствует в ювелирных изделиях, украшениях и в частном владении. Любой товар, который существует в объёме 75% от общего мирового производства со времени открытия Колумбом Америки, едва ли можно назвать дефицитным.

Реальность, однако, такова, что общий объем даже и не важен. Вспомним, что первая функция денег – *мерить* стоимость предметов, согласно чему они обмениваются. В этом смысле деньги служат мерилom стоимости. В самом деле, нет разницы, измеряем ли мы длину нашего коврика в дюймах, футах, ярдах или метрах. Мы даже можем прекрасно делать это и в *милях*, если будем использовать десятичные знаки, а результат представим в *миллимилях*. Мы даже можем использовать разные измерители, но не важно, каким образом мы производим измерение, размер того, что мы меряем, не меняется. Наш коврик не станет больше только потому, что мы увеличили число единиц измерения, поставив дополнительные маркеры на наших линейках.

Если предложение золота относительно предложения доступных товаров так мало, что одноунцевая монета имеет слишком большую ценность для незначительных платежей, народ просто станет использовать монеты в половину унции или в десятую часть унции. Количество золота в мире не сказывается на его способности служить деньгами, оно влияет только на то *количество*, которое необходимо для оценки данного платежа.

Давайте проиллюстрируем этот пункт, представив, что мы играем в «Монополию». Каждый игрок получает стартовое количество игровых денег, чтобы вести деловые операции. Очень скоро мы начинаем испытывать нехватку наличных. Если бы мы имели больше *денег*, то могли бы играть прямо-таки по-крупному. Давайте предположим далее, что кто-то обнаруживает в чулане ещё один игровой ящик «Монополии» и предлагает валюту из него добавить в текущую игру. По общему согласию, билетки распределяются поровну среди игроков. Что произойдёт?

Объем денег теперь удвоился. Мы все имеем денег вдвое больше, чем вначале. Но станем ли мы богаче? Нет соответствующего увеличения объёма собственности, так что каждый должен был повышать цены наличных предметов, пока они не стали вдвое дороже. Другими словами, закон спроса и предложения сразу же установил точно такое же равновесие, какое существовало при меньшем объёме денег.

¹ См.: Elgin Groseclose, *Money and Man: A survey of Monetary Experience*, 4th ed. Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1976, p. 259.

Если количество денег увеличивается без соответствующего увеличения количества товаров, происходит уменьшение покупательной способности каждой денежной единицы. Другими словами, ничего, на самом деле, не меняется, кроме того, что установленная (прокотируемая) цена на все возрастает. Но это всего лишь *установленная* цена, которая выражается в денежных единицах. *Реальная* цена, на самом деле, в соотношении со всеми другими ценами остаётся той же самой. Просто снизилась относительная стоимость денежной массы. Это, конечно, классический механизм инфляции. Цены не растут. Стоимость денег падает.

Если бы Санта-Клаус собрался посетить перед Рождеством всех на Земле и оставить в наших чулках ровно столько денег, сколько у нас уже было, нет сомнения, что многие бы обрадовались внезапному увеличению богатства. Но после Нового года, однако, все бы увидели, что цены на все удвоились, и в итоге выигрыш в мировом стандарте жизни оказался бы нулевым¹.

Причина, по которой так много людей обольщаются суждением, что экономика нуждается в большем объёме денег, состоит в том, что они сосредоточены на необходимости увеличивать свои *собственные* средства. Если бы они на мгновение задумались о последствиях увеличения *всего* объёма денег, абсурдность такой идеи сразу стала бы очевидной.

Мюррей Ротбард, профессор экономики в Университете Невады, Лас-Вегас, пишет:

Мы пришли к поразительной истине, что *неважно, каков объем денежной массы*. Данный объем будет работать с тем же успехом, что и любой другой. Свободный рынок просто адаптируется, изменяя покупательную способность, или эффективность, своей золотой единицы. Нет никакой необходимости в каком-либо планируемом увеличении денежной массы, в увеличении её для противодействия каким-либо обстоятельствам или ради следования какому-то искусственному критерию. Увеличение объёма денег не даёт больше капитала, оно не продуктивно, не даёт «экономического роста»².

ЦЕНОВАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ПРИ ЗОЛОТОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ

Федеральный резерв утверждает, что одна из его главных целей – стабилизация цен. Это ему совсем не удалось. Ирония, однако, в том, что поддерж-

¹ Однако те, кто в новогодний день поспешит первым делом на рынок, временно окажутся в выигрыше из-за старых цен. При инфляции копившиеся наказываются.

² Murray Rothbard, *What Has Government Done to Our Money?* (Larkspur, Colorado: Pine Tree Press, 1964), p. 13.

ка стабильных цен – самая лёгкая вещь в мире. Все, что надо сделать, – это прекратить эксперименты с денежной массой и предоставить возможность свободному рынку выполнять эту работу. Цены становятся *автоматически* стабильными в системе товарных денег, и это особенно справедливо при золотом стандарте.

Экономисты любят иллюстрировать внутренний механизм рынка созданием гипотетических микро- и макроэкономик, в которых все сводится только к нескольким факторам и нескольким группам населения. В этом же духе давайте создадим и мы гипотетическую экономику, состоящую только из двух классов людей: золотодобывающих горняков и портных. Предположим, закон спроса и предложения установил, что одна унция золота равнозначна прекрасному, сшитому на заказ мужскому костюму. Это значит, что работа, орудия, материалы и мастерство, требуемые для добычи и рафинирования одной унции золота, адекватно обмениваются на труд, инструменты и мастерство, необходимые для выработки ткани и шитья костюма. До поры до времени количество унций золота, производимое ежегодно, приблизительно равняется количеству прекрасных костюмов, ежегодно выполняемых на заказ, так что цены оставались стабильными. Цена костюма составляет одну унцию золота, а стоимость одной унции золота равняется одному прекрасному сшитому костюму.

Теперь предположим, что горняки, желая улучшить свой стандарт жизни, работают сверхурочно и производят золота в данном году больше, чем раньше, или они открывают новую золотую жилу, значительно увеличившую количество добываемого золота при незначительных дополнительных усилиях. Теперь у нас уже нет равновесия. Унций золота теперь больше, чем костюмов. Результат такой денежной экспансии, превышающей поставку доступных товаров, будет таким же, как и в нашей игре в «Монополию». Установленные цены на костюмы возрастут, потому что упала относительная стоимость золота.

Однако процесс на этом не заканчивается. Когда горняки увидят, что они не стали богаче, чем были прежде, несмотря на сверхурочную работу, и тем более если они видят, что портные получают больше прибыли без увеличения своего труда, тогда некоторые из горняков решают бросить свои отбойные молотки и заняться портняжным ремеслом. Другими словами, они поступают соответственно закону спроса и предложения на рынке труда. Когда это происходит, ежегодное производство золота падает, в то время как производство костюмов растёт. И однажды снова наступает равновесие, когда костюмы и золото обмениваются адекватно, как прежде. Свободный рынок, не стесняемый политиками и финансовыми технологиями, будет всегда поддерживать стабильную ценовую структуру, которая регулируется автоматически базовым фактором трудоёмкости. Затраты человеческого труда, необходимые для извлечения одной унции золота из

земли, всегда будут примерно равны объёму трудозатрат на производство товаров и услуг при их свободном обмене.

СИГАРЕТЫ В КАЧЕСТВЕ ДЕНЕГ

Прекрасным примером того, как товары стремятся сами по себе регулировать свою стоимость, может служить произошедшее в Германии в конце Второй мировой войны. Германская марка ничего не стоила, и бартер стал общепринятым. Но один предмет обмена, а именно – сигареты, фактически превратился в товарные деньги и служил в этом качестве превосходно. Какое-то количество сигарет доставлялось в страну контрабандой, но большая часть привозилась военными-американцами. В любом случае, их количество было ограничено, и спрос был высок. Одна сигарета рассматривалась как мелкая монета. Упаковка в 20 сигарет и картонная коробка в две сотни сигарет были большими валютными единицами. Если обменный курс падал слишком низко (другими словами, если количество сигарет увеличивалось со скоростью, большей, чем рост количества других товаров), то владельцы этой валюты, вероятно, скорее были готовы сами их выкуривать, чем продавать. Предложение уменьшится, и стоимость вернётся к прежнему равновесию. Это не теория, это реально происходило¹.

Имея золото в качестве монетарной базы, мы можем надеяться, что совершенствование технологии производства постепенно уменьшит стоимость продукции, вызывая не *стабильность*, а *понижающую* тенденцию всех цен. Это понижающее воздействие, однако, частично нивелируется ростом стоимости требуемых более сложных инструментов. Подобные технологические усовершенствования применяются также и в горнорудном деле, поэтому всё стремится к уравниванию.

История показала, что изменения в этом естественном равновесии минимальны, и совершаются они только постепенно, в течение долгого времени. Например, в 1913 году, когда был принят закон о Федеральном резерве, средняя годовая зарплата в Америке составляла 633 доллара. Меновая стоимость золота в тот год была 20,67 доллара. Это значит, что средний работник зарабатывал эквивалент 30,6 унций золота в год.

В 1990 году средняя годовая зарплата поднялась до 20 468 долларов. Это означает огромный рост в 3233%, среднегодовой рост в 42% в течение 77 лет. Но меновая стоимость золота в 1990 году также выросла и составила 386,90 доллара за унцию. Средний работник, следовательно, зарабатывал эквивалент 52,9 унций золота в год. Это увеличение составило 73%, менее 1% в год за тот же период. Ясно, что колоссальный рост размера зарплаты ни о чем не говорил среднему американцу. Реальным было небольшое, но стабильное

¹ См.: Galbraith, p. 250.

увеличение покупательной способности (около 1% в год), что было результатом совершенствования технологии. Это, и только это, улучшило стандарт жизни и снизило реальные цены, что обнаруживается по относительной стоимости золота.

В тех сферах, где деятельность персонала является главным фактором и где технология имеет меньшее значение, стабильность золота как меры стоимости ещё более существенна. В отеле «Савой» в Лондоне одним золотым sovereignом ещё можно оплатить обед на троих, точно так же, как это было в 1913 году. И в Древнем Риме стоимость прекрасно сделанной тоги, пояса и пары сандалий составляла одну унцию золота. Это почти такая же цена сегодня, 2000 лет спустя, за вручную сделанный костюм, ремень и пару модельных туфель. Нет центральных банков или других общественных учреждений, которые могли бы даже приблизиться к обеспечению такого рода ценовой стабильности. И к тому же при золотом стандарте это происходит совершенно автоматически.

Во всяком случае, прежде чем оставим тему золота, мы должны понять, что здесь нет ничего мистического. Это всего лишь товар, который имеет внутреннюю стоимость и обладает некоторыми особыми качествами, из-за чего он принимался как средство обмена на протяжении всей истории. Гитлер организовал кампанию против золота как инструмента банкиров-евреев. Однако сами нацисты активно обменивали вещи на золото и существенным образом финансировали свою военную машину золотом. Ленин утверждал, что золото использовалось для того, чтобы держать рабочих в кабале, и что после революции им будут покрывать полы в общественных туалетах. Советский Союз при коммунизме стал одним из самых больших производителей и потребителей золота. Экономист Джон Мейнард Кейнс однажды пренебрежительно назвал золото «варварским металлом». Многие последователи Кейнса сегодня охотно помещают капитал в золото. Вполне возможно, конечно, что что-нибудь иное, помимо золота, *могло бы стать* лучше в качестве базиса для денег. Но за две тысячи лет никому не удалось найти лучше.

ЗАКОН ПРИРОДЫ № 1

Удивительная стабильность золота как меры стоимости – это просто результат реагирования человеческой природы на силы спроса и предложения. Процесс, следовательно, можно определить как естественный закон человеческого поведения:

УРОК: Если золото (или серебро) используется в качестве денег и если силам спроса и предложения не противодействует вмешательство

правительства, количество нового металла, добавленного к денежной массе, всегда будет строго пропорционально увеличению услуг и товаров, которые могут быть на него приобретены. Долговременная стабильность цен есть надёжный результат действия этих сил. Любая попытка политиков вмешаться в процесс разрушит положительный эффект раз и навсегда. Поэтому:

ЗАКОН: Долговременная ценовая стабильность возможна, только если денежная масса базируется на золотом (серебряном) запасе страны и исключается вмешательство правительства.

По мере того как концепция денег постепенно развивалась в умах древних людей, становилось очевидным, что одним из преимуществ использования золота или серебра в качестве средства обмена является то, что в них, по причине их редкости по сравнению с медью или железом, большая стоимость могла заключаться в малом размере. Крошечные слитки могли переноситься в мешочках или закрепляться на поясе для удобства перевозки. И конечно, они могли быть без труда спрятаны для сохранности. Золотых дел мастера затем начали их формовать в круглые диски и ставить на них штампы, обозначая чистоту и вес. Так появились первые мировые монеты.

Считается, что первые монеты из драгоценного металла были отчеканены в Лидии, в Малой Азии (теперь Северо-Западная Турция), около 600 года до нашей эры. Китайцы использовали золотые кубики уже в 2100 году до нашей эры. Но это не было системой, пока правители не поняли, что точная чеканка стала реальностью. Только когда *государство* сертифицировало тонкие диски, они стали широко применяться, и в этом именно грекам мы обязаны больше, чем кому-либо ещё. Гроусклоз описывает результат:

Эти светлые блестящие диски, декорированные новыми любопытными эмблемами и разнообразными поразительными образами, оказали сильное воздействие и на греков, и на варваров. Подойдя к делу практически, власти сертифицировали массу единообразных металлических монет, каждую стандартного веса, с целью освобождения от обременительного бартера и для новых ослепительных возможностей в каждом направлении.

Все классы людей покорились власти денег, и тот, кто раньше вполне удовлетворялся работой на собственные нужды и надобности домохозяйства, отправился на рыночную площадь со своими ремесленными изделиями или плодами тяжёлого труда, чтобы обменять их на те монеты, которые он рассчитывал получить¹.

¹ Groseclose, *Money and Man*, p. 13.

УВЕЛИЧЕНИЕ ДЕНЕЖНОЙ МАССЫ ОБРЕЗКОЙ МОНЕТ

С самого начала желание иметь *больше* денежной массы привело к умениям, разрушительным для экономики. Неразборчивые в средствах торговцы начали подрезать тонкую часть каждой монеты, попадавшей им в руки (процедура, известная как обрезка края монет), а затем стружки переплавлялись в новые монеты. В скором времени королевская казна начала делать то же самое с монетами, которые она получала в виде налогов. Таким путём денежная масса увеличивалась, а поставка золота – нет. Результат был точно такой, какой, как мы теперь знаем, всегда случается, когда денежная масса искусственно увеличивается. Получаем инфляцию. Если раньше на одну монету можно было купить 12 овец, теперь согласились бы только на 10. Общее количество золота, необходимое для покупки 12 овец, никак на самом деле не изменилось. Очевидно, все знали, что одна монета больше не содержит это количество.

Так как правители все более беспардонно обесценивали свою валюту, даже снижая содержание в ней золота или серебра, народ прекрасно приспособился, просто «уценивая» новые монеты. Иначе говоря, они принимали их по реальной стоимости, которая была ниже той, что предполагало правительство. Это, как всегда, отразилось на общем повышении цен, назначаемых на основе этих монет. *Реальные* цены на товары, или труд, или даже на само золото остались неизменными.

Правителям не нравится, когда рушатся их планы использования подданных в собственных интересах. Значит, следовало найти способ *принудить* народ принять эти металлические кружочки за реальные деньги. Так появились первые декреты о законных платёжных средствах. Декретом короля «монета королевства» была провозглашена законной для погашения всех долгов. Всякий, кто не принимал её *по номиналу*, подвергался наказанию штрафом, заключением в тюрьму, а в некоторых случаях карался даже смертью. В результате доброкачественные монеты исчезли из оборота и отправились в частные хранилища. В конце концов, если правительство принуждает вас принять хлам по тому же обменному курсу, что и золото, разве не станете вы сохранять золото и тратить хлам? Это то, что и случилось в Америке в 60-х годах, когда монетный двор начал выпускать дешёвые металлические монеты-знаки вместо серебряных монет в 10, 25 и 50 центов. В течение нескольких месяцев серебряные монеты оказались в ящиках тумбочек и в банковских сейфах. То же постоянно происходило и на протяжении всей Античности. В экономике это называется Законом Грэшема: «Плохие деньги вытесняют из обращения хорошие».

Финальной фазой в этой игре узаконенного грабежа стала правительственная фиксация цен, и теперь, даже если все пользуются только хламом в качестве денег, они не могут больше компенсировать непрерывное увеличение его объёма. Народ загнали в угол. Люди не имели иного выхода, кроме криминального, что большинство из них, к несчастью, и выбрало. История искусственного увеличения денежной массы – это история больших противостояний правителям, большой преступности и огромной подпольной экономики.

ЗОЛОТО – ВРАГ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

В новые времена лидеры наций изобрели более изощрённые способы обесценивания валюты. Вместо обрезки монет теперь с этой целью использовалась банковская система. *Последствия* такого процесса обобщил в 1966 году Алан Гринспен, который через несколько лет станет председателем управления Федеральной резервной системы. Гринспен писал:

Отказ от золотого стандарта сделал возможным для социально ориентированных государственников использовать банковскую систему как средство безграничной кредитной экспансии...

Законом спроса и предложения не следует пренебрегать. Если в экономике объём денежной массы (требований) увеличивается относительно предложения материальных активов, цены в итоге должны подниматься. При этом доходы, сэкономленные продуктивными членами общества, теряют стоимость относительно товаров. Когда подытожат бухгалтерские книги, кто-то может обнаружить, что эта потеря стоимости обернулась в товары, приобретённые правительством для материальной помощи или для других целей...

В отсутствие золотого стандарта нет способа защитить сбережения от конфискации через инфляцию. Нет надёжного средства накопления. Если бы было, то правительство должно было бы сделать его владение незаконным, как оно поступило в случае с золотом... Финансовая политика социально ориентированного государства требует, чтобы для собственников богатств не существовало способа защитить самих себя.

Это – жалкий секрет в тирадах социально ориентированных мужей против золота. Дефицитный бюджет – просто схема для «тайной» конфискации богатства. Золото стоит на пути этого вероломного процесса. Золото – защитник прав собственности¹.

¹ Alan Greenspan, «Gold and Economic Freedom», in *Capitalism: The Unknown Ideal*, ed. Ayn Rand (New York: Signet Books, 1967), p. 101.

К сожалению, когда Гринспен стал председателем Совета управляющих ФРС, он перестал говорить по вопросу золота. Как только он сел за панель управления и в его руках оказались рычаги власти, он начал служить государственным мужам с таким же рвением, как они продолжили конфисковывать накопления народа через скрытый налог – инфляцию. Даже мудрейшего из людей могут испортить власть и богатство.

РЕАЛЬНЫЕ ТОВАРНЫЕ ДЕНЬГИ В ИСТОРИИ

Обратившись снова к вопросу обесценивания валюты в древние времена, мы должны будем констатировать, что такая практика вовсе не была универсальной. На протяжении истории существовало много правителей и королевств, которые проявляли большую сдержанность в создании денег. Древняя Греция, где впервые была налажена чеканка монет, одна из них. *Драхма* стала де-факто денежной единицей цивилизованного мира из-за надёжности её золотого содержания. В пределах её границ города и торговля процветали. Даже после падения Афин в ходе Пелопоннесской войны её монетная система в течение столетий оставалась *тем стандартом*, по которому оценивались все другие системы¹.

Однако величайший пример страны, имевшей в хождении металлические деньги, – это Византийская империя. Основываясь на греческой традиции металлических денег, император Константин распорядился создать новую золотую монету, названную *солидус*, и серебряную монету, названную *милиаренс*. Вес золота в *солидусе* вскоре был установлен в 65 гран и чеканился по этому стандарту все следующие восемь столетий. Его качество было так надёжно, что он свободно принимался под названием *безант* от Китая до Британии, от Балтийского моря до Эфиопии.

Византийские законы относительно денег были очень жёсткими. Перед тем как быть допущенным к профессии банковского служащего, кандидат должен был обзавестись поручителями, которые могли бы удостоверить его характер и гарантировать, что он не будет строгать или скоблить ни *солидусы*, ни *милиаренсы* и не будет делать фальшивые монеты. Нарушение этих правил наказывалось отсечением руки².

Это удивительный факт истории, что Византийская империя процветала как центр мировой торговли восемь столетий, не зная ни банкротств, ни даже долгов. Ни разу за этот период она не девальвировала свою валюту. «Ни в древнем мире, ни в современном, – говорит Генрих Гельцер, – никто не мо-

¹ Даже греки при Солоне имели один короткий опыт обесценивания валюты. Но он недолго существовал и никогда не повторялся. См.: Groseclose, *Money and Man*, pp. 14, 20-54.

² *Le livre du prefet on l'empereur Leon le Sage sur les corporations de Constantinople*, French translation from the Geneva text by Jules Nicole, p. 38. Cited by Groseclose. *Money and Man*, p. 52.

жет назвать полную параллель этому феномену. Эта поразительная стабильность... утвердила *безант* в качестве универсальной валюты. Ввиду её полновесности во всех соседних странах она считалась действующим средством обмена. Своей денежной системой Византия контролировала как цивилизованный, так и варварский мир»¹.

ПЛОХИЕ ТОВАРНЫЕ ДЕНЬГИ В ИСТОРИИ

Практика римлян была совершенно иной. Как народ, по своей сути, воинственный, они имели мало терпения для тонкостей валютных ограничений. Фальсификация монет, особенно во времена поздней империи, стала целенаправленной государственной политикой. Разрабатывались всевозможные средства для ограбления народа. В дополнение к налогам ещё и монеты подрезались, уменьшались, обесценивались и получали покрытия.

Привилегированным группам передавались от государства права на монополии – корни корпораций нашего времени. И при постоянно растущих ценах из-за постоянного увеличения денежной массы спекуляция и мошенничество процветали.

К 301 году нашей эры в армии разрастался мятеж, отдалённые регионы демонстрировали непо亚льность, казна была пуста, сельское хозяйство находилось в упадке, торговля почти прекратилась. Тогда император Диоклетиан в отчаянии, как последнюю меру, издаёт свой знаменитый «Эдикт о твёрдых ценах». Нас поражает сходство с ним подобных указов в наше время. Большинство хаосов в экономике прямо выводит на правительственную политику. Однако политики указывают пальцем на других, обвиняя их в «алчности» и «пренебрежении общественным благом». Диоклетиан провозглашает:

Кто так жестокосерд и лишён всякой человечности, что не знает и даже не чувствует, как на товары, продаваемые на рынке или участвующие в повседневном товарообмене городов, непомерный произвол цен распространился до такой степени, что разнузданная алчность не утоляется ни изобилием товаров, ни богатыми урожаями... Итак, видя только безумное корыстолюбие и пренебрежение общественным благосостоянием... мы, как отцы народа и глядя в будущее, полагаем за благо установить справедливость и урегулировать ситуацию беспристрастно².

Далее последовал невероятно детальный список утверждаемых цен на всё – от порции пива или пучка хрена до адвокатского гонорара и слитка зо-

¹ Byzantinische Kulturgeschichte (Tubingen, 1909), p. 78. Цитируется по: Groseclose, *Money and Man*, p. 54.

² Цит. по: Groseclose, *Money and Man*, pp. 43-44.

лота. Результат? Ситуация только ухудшилась, и императорский эдикт был аннулирован пять лет спустя.

Римская империя уже никогда не оправится от кризиса. К четвёртому веку все монеты утяжелили, и экономика снова медленно скатывалась в бартер. К седьмому веку сами весовые значения так часто менялись, что уже совсем не было возможности осуществлять денежный обмен. Для всех практических целей деньги перестали существовать, потом не стало и Римской империи.

ДЕНЬГИ ПО РАСПСКЕ

Когда новые цивилизации поднялись на руинах Рима, они возродили забытое изобретение денег и использовали его с большой выгодой. Открытие было поистине гигантским шагом вперёд для человечества, хотя впереди было ещё много проблем, требующих решения, и предстояло ещё много экспериментов. Разработка бумажных денег – конкретный тому пример. Когда человек стал наживать денег больше, чем требовалось для повседневных нужд, ему понадобилось надёжное место для их хранения. Золотых дел мастера, которые имели дело с большим количеством драгоценных металлов, уже построили себе крепкие подвалы, чтобы защитить своё имущество, поэтому было естественно, что они предложили свои подвалы клиентам для хранения платежей. Ювелир мог стать доверенным лицом, хранившим деньги, как он уже хранил своё ценное имущество.

Если деньги помещают в подвале, владелец кладовой выдаёт владельцу денег расписку, которая даёт тому право изъять вклад в любое время. Вначале единственным способом забрать деньги из подвала было личное предъявление расписки. Со временем, однако, стало типичным для собственника просто передать эту расписку под своей подписью третьему лицу, которое, предъявив расписку, могло бы забрать вклад. Такие расписки с передаточной надписью (индоссированные) были предвестником сегодняшних чеков.

Финальная стадия этого процесса состояла в выдаче клиентом не просто одной расписки на весь вклад, а нескольких расписок на часть вклада, в сумме дающих общую сумму, и на каждой было напечатано: «ОПЛАТИТЬ ПРЕДЪЯВИТЕЛЮ ПО ТРЕБОВАНИЮ». Так как люди поняли на практике, что эти бумажные расписки действительно обеспечиваются полновесными деньгами в хранилище ювелира и что деньги действительно выдавались в обмен на эти расписки, стало все более и более общепринятым использование бумаги вместо монет.

Таким образом, *деньги по расписке* начали своё существование. Бумага сама по себе ничего не значила, но то, что она представляла, имело настоящую ценность. Пока деньги держатся в сейфе, сохраняясь по обязательству, нет отличия в ценности между распиской и деньгами, которые являются её

обеспечением. И, как мы увидим в следующей главе, существовали показательные примеры самого честного пользования деньгами по расписке в самом начале банковского дела. Если расписка добросовестно оплачивается, экономика движется вперёд. Если она используется как уловка для искусственного увеличения денежной массы, экономика содрогается в конвульсиях и стагнирует.

ЗАКОН ПРИРОДЫ № 2

Эта книга – не учебник по истории денег, поэтому мы не можем позволить себе роскошь задержаться на весьма примечательных деталях. Для наших целей достаточно понять, что человеческое поведение в этом деле предсказуемо, и из-за такой предсказуемости есть возможность сформулировать ещё один принцип, настолько универсальный, что он тоже может рассматриваться как закон природы. Исходя из обширного опыта этого раннего периода, мы можем сформулировать его следующим образом:

УРОК: Какое бы правительство ни вознамерилось манипулировать денежной массой, независимо от мудрых или добрых намерений управляющих этим процессом, результатом будут инфляция, экономический хаос и политические потрясения. И наоборот, если правительство ограничивается в своих монетарных полномочиях только добросовестным поддержанием мер и весов драгоценных металлов, оно в результате получит стабильность цен, экономическое процветание и политическое спокойствие. Следовательно,

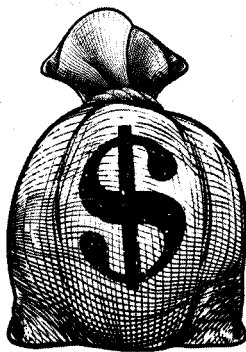
ЗАКОН: Для экономического процветания и политического спокойствия страны монетарные полномочия её политиков должны быть ограничены только поддержанием честных мер и весов драгоценных металлов.

Как мы увидим в следующих главах, века монетарных перипетий, которые последовали за этим ранним периодом, не содержат свидетельств того, что современный человек этот закон аннулировал.

РЕЗЮМЕ

Знание природы денег существенно для понимания Федеральной резервной системы. Вопреки общему мнению, здесь нет ничего ни таинственного, ни сложного. Для целей данного исследования деньги определяются как общепринятое средство обмена. Исходя из этого, мы полагаем, что существуют че-

тыре типа денег: товарные, по расписке, фиатные и разменные. Драгоценные металлы были первыми товарными деньгами, появившимися в истории, и с тех пор на реальном опыте было показано, что они являются единственной надёжной основой для доброкачественной монетарной системы. Золото в качестве денежной основы может быть в нескольких видах: в слитках, в монетах и в полностью обеспеченных бумажных расписках. На протяжении всей истории человек обманывался ложной теорией, что самое важное — количество денег, что больше денег лучше, чем меньше. Это привело к бесконечному манипулированию и увеличению денежной массы путём таких действий, как обрезка монет, фальсификация монет и, в поздние времена, выпуск бумажных расписок в большем количестве, чем имелось золота в их обеспечение. Во всех случаях эти действия привели к экономической и политической катастрофе. В те редкие моменты, когда люди удерживались от манипулирования денежной массой и давали возможность свободному рынку установить её объём в зависимости от золотого ресурса, они в результате получали процветание и спокойствие.

ГЛАВА 8

НЕЧТО ОБМАНЧИВОЕ, ВЫДАВАЕМОЕ ЗА ЦЕННОСТЬ

История бумажных денег без обеспечения драгоценными металлами, которыми был вынужден пользоваться народ в результате декрета правительства; возникновение нашей современной системы частичных резервов банка, основанной на выпуске большего количества чеков в обмен на золото, чем банк мог потом вернуть золотыми монетами.

Ранее мы разбили понятие денег на четыре категории: товарные деньги, чеки, неразменные на драгоценные металлы бумажные деньги (фиатные деньги) и разменные деньги. В прошлой главе мы подробно рассмотрели товарные деньги и чеки. Мы также установили определённые денежные принципы, применяемые независимо от их формы. Теперь обратимся к оставшимся двум категориям, обе они представлены в бумажном виде и лежат в основе почти всех современных экономических несчастий человека.

НЕРАЗМЕННЫЕ НА ДРАГОЦЕННЫЕ МЕТАЛЛЫ БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ

Словарь американского наследия определяет этот термин как «бумажные деньги, установленные законным платёжным средством, не обеспеченные золотом или серебром». Таким образом, две характеристики этих денег следующие: (1) они не представляют собой что-то, обладающее подлинной стоимостью, и (2) они установлены законным платёжным средством. Законное платёжное средство означает попросту, что есть закон, обязывающий каждого принимать эти деньги в коммерческой деятельности. Эти характеристики всегда идут вместе, потому что, поскольку эти деньги на самом деле ничего не стоят, они вскоре были бы отвергнуты населением в пользу более надёжного средства обмена, такого как золотая или серебряная монета. Таким образом, когда правительства выпускают неразменные на драгоценные металлы бумажные деньги, они всегда объявляют их законным платёжным средством

под страхом штрафа или лишения свободы. Единственный способ, которым правительство может обменять свои бесполезные бумажные деньги на реальные товары и услуги, — это не оставить своим гражданам выбора.

Первое известное применение этой практики зафиксировал Марко Поло во время своих путешествий в Китай в XIII веке. Знаменитый исследователь сообщает нам следующее:

Итак, императорский монетный двор находится в этом же самом городе Камбалу, и функционирует он таким образом, что вы могли бы сказать, что он в совершенстве обладает секретом алхимии, и были бы правы!..

Используется определённого вида тонкое белое лубяное волокно или кожица, которая располагается между древесиной и толстой внешней корой, и из этого делается нечто, напоминающее листы бумаги, но черные. Когда листы готовы, их разрезают на куски разных размеров. Кусочек самого меньшего размера стоит полторнесселя [1 золотой византий = 20 серебряным монетам в 4 пенса = 133½ серебряных торнесселей. — *Прим. пер.*]... Есть также куски, стоящие один золотой византий, и другие, стоящие три византия, и так до десяти.

Все эти куски бумаги выпускаются с такой торжественностью и авторитетностью, как будто бы они были из чистого золота или серебра; и на каждом куске различные чиновники, в чьи обязанности это входит, должны написать свои имена и поставить свои печати. И когда все должным образом приготовлено, назначенный ханом старший чиновник смазывает доверенную ему печать киноварью и ставит её отпечаток на бумагу так, что на ней отпечатывается форма печати красного цвета; и тогда платёжное средство становится подлинным. Всякий, подделывающий его, наказывается смертью. И хан каждый год велит изготовить такое огромное количество этих денег, которое ему ничего не стоит, что оно, возможно, по количеству равняется всем сокровищам мира.

Этими кусками бумаги, изготовленными так, как я описал, он велит осуществлять все платежи от своего имени, и он реализует их обращение на территории всех своих государств... И никто, каким бы важным он себя ни считал, не осмеливается отвергать их под страхом смерти. И в самом деле, каждый охотно их использует¹.

Невольно испытываешь восхищение дерзким могуществом хана и угождением его подданных, которые сносили подобный произвол; но наша самоу-

¹ Оригинал из Henry Thule «Marco Polo's Travels», переиздание в W. Vissering «On Chinese Currency: Coin and Paper Money» (Leiden: E.J. Brill, 1877), переиздание 1968 Ch'eng-wen Publishing Co., Taiwan, цитата по: Anthony Sutton «The War on Gold» (Seal Beach, California: '76 Press, 1977), pp. 26-28.

веренность быстро исчезнет, если мы примем во внимание сходство с нашими собственными банкнотами Федеральной резервной системы. Они украшены подписями и печатями; фальшивомонетки строго наказываются; правительство оплачивает расходы по ним; население вынуждено их принимать; они и «невидимые» деньги безналичных расчётов, в которые они могут трансформироваться, произведены в таком огромном количестве, что оно, возможно, по количеству равняется всем сокровищам мира. И тем не менее, их ничего не стоит изготовить. Поистине наша современная денежная система является почти точной копией той, которая поддерживала военно-феодалных правителей семь веков назад.

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ОПЫТ

К сожалению, современная ситуация не является уникальной для нашей истории. В сущности, следующим местом в мире по принятию использования фиатных денег после Китая была Америка; в частности, колония Массачусетского залива. Это событие описано как «возникновение бумажных денег не только в Америке, но также и в Британской империи, и почти во всем христианском мире»¹.

В 1690 году колония Массачусетс начала военное вторжение во французскую колонию в Квебеке. Это происходило и прежде, и каждый раз она возвращалась обратно с достаточным количеством трофеев, большим, чем требовалось для оплаты экспедиции. Однако на этот раз набег был катастрофически неудачным, и люди вернулись с пустыми руками. Когда солдаты потребовали свою плату, обнаружилось, что казна Массачусетса пуста. Рассерженные солдаты имеют обыкновение становиться неуправляемыми, поэтому чиновники искали какой-нибудь способ получить деньги. Дополнительные налоги стали бы чрезвычайно непопулярной мерой, поэтому они решили просто напечатать бумажные деньги. Чтобы убедить солдат и население согласиться с этим, правительство дало два торжественных обещания: (1) оно выкупит бумажные деньги за золотые или серебряные монеты, как только у него будет для этого достаточное количество налоговых поступлений, и (2) никогда не будет выпущено абсолютно никаких дополнительных бумажных купюр. Оба обещания были быстро нарушены. Всего лишь несколько месяцев спустя было объявлено, что первоначального выпуска недостаточно для погашения правительственного долга, и в обращение поступил новый выпуск, почти в шесть раз больше прежнего. Это средство денежного обращения не было выкуплено в течение почти сорока лет, спустя долгое время после того, как ушли со сцены те, кто давал это обещание.

¹ Ernest Ludlow Bogart, *Economic History of the American People* (New York: Longmans, Green and Co., 1930), p. 172.

КЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Большая часть других колоний быстро выучилась волшебству печатной машины, и история, которая за этим последовала, представляет собой классический пример причины и следствия: правительства искусственно расширяли денежную массу посредством выпуска бумажной валюты. За этим следовали законы о платёжном средстве, принуждающие принимать эти бумажные деньги. Далее следовало исчезновение золотых или серебряных монет, уходивших в частные тайные склады или к иностранным торговцам, которые настаивали на получении настоящих денег за свои товары. Многие колонии отказались от своих прошлых денег, выпустив новые банкноты, которые стоили во много раз больше старых. Затем шли политическое недовольство и гражданское неповиновение. И в конце каждого цикла происходили необузданная инфляция и экономический хаос.

В 1703 году Южная Каролина объявила, что её деньги представляют собой «надёжное и законное платёжное средство», и затем добавила, что, если кто-либо откажется уважать его, как таковое, он будет оштрафован на сумму, равную «двойной стоимости тех банкнот, которые он отверг». К 1716 году наказание выросло до «утроения стоимости»¹.

ПЕЧАТНАЯ МАШИНА И ИНФЛЯЦИЯ

Бенджамин Франклин в те годы был горячим сторонником бумажных денег и использовал своё большое влияние, чтобы убедить в этом общественность. Мы можем отчасти понять волнения того времени, обратив внимание на то, что в 1736 году в своей «*Pennsylvania Gazette*» Франклин принёс официальные извинения за нерегулярные выходы этого издания и объяснил, что печатная машина была «занята большим количеством срочной работы ради общественного блага, способствующей большему изобилию денег»². Печатающие деньги, по-видимому, представляло собой значительную операцию, отнимающую много времени.

В 1737 году Массачусетс обесценил свои бумажные деньги на 66%, предложив один доллар новой валюты за три доллара старой. Обещание заключа-

¹ Statutes at Large of South Carolina, II. 211, 665, цитируется по: George Bancroft, *A Plea for the Constitution* (Первоначально опубликовано: Harpers in 1886. Перепечатано в: Sewanee, Tennessee: Spencer Judd Publishers, 1982), p. 7.

² Leonard W. Labaree, ed., *The Papers of Benjamin Franklin* (New Haven: Yale University Press, 1960), vol. 2, p. 159.

лось в том, что спустя пять лет новые деньги будут полностью выкуплены за серебро или золото. Это обещание выполнено не было¹.

К концу 1750-х годов в Коннектикуте цены были взвинчены на 800%, в Каролине – на 900%, в Массачусетсе – на 1000%, в Род-Айленде – на 2300%². Естественно, вся эта инфляция должна была закончиться, и, когда она закончилась, началась такая же серьёзная дефляция и последовал экономический кризис. Тем самым было продемонстрировано, что даже в колониальное время классические быстрые рост и спад цен, вину за которые современные экономисты любят возлагать на «безудержный свободный рынок», на самом деле были прямым проявлением увеличения и сокращения выпуска бумажных денег, которыми более не управляли законы спроса и предложения.³

К этому времени монеты полностью исчезли со сцены. Некоторые из них находились в частных запасах, но большая их часть была экспортирована в другие страны, не оставив колониям никакого выбора, кроме как использовать бумажные деньги или бартер. Впрочем, купцы из-за границы не были заинтересованы ни в том ни в другом, и международная торговля прекратилась.

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Эксперимент с бумажными деньгами был катастрофой для колоний, но он был также и источником постоянного раздражения для Английского банка. Банк использовал своё влияние на государство, чтобы запретить колониям чеканить свои собственные монеты или учреждать свои местные банки. Это означало, что, если колонисты хотели получить такое удобство, как бумажные деньги, они были вынуждены пользоваться банкнотами, выпущенными Английским банком. Никто не ожидал, что колониальные правительства будут настолько изобретательны, что создадут свои собственные бумажные деньги. Так, в 1751 году Великобритания начала оказывать давление на колонии, чтобы выкупить всю их валюту и изъять её из обращения. Со временем это так и получилось, и по договорным ценам. К тому времени их бумажные деньги сильно обесценились на рынке, и правительства смогли выкупить обратно свою собственную валюту за бесценок.

Декрет Британского парламента, хотя он и вызвал сильное возмущение колоний, стал неприятностью, оказавшейся благодеянием. Бумажные банкноты Английского банка никогда, на самом деле, не становились основным средством обмена. Вероятно, из-за своего недавнего печального опыта с бу-

¹ Province Laws, II. 826, цитируется: by Bancroft, p. 14.

² Ron Paul and Lewis Lehrman, *The Case for Gold* (Washington, D.C.: Cato Institute, 1982), p. 22. Также Sutton, *The War on Gold*, p. 44.

³ См.: Donald L. Kemmerer, «Paper Money in New Jersey, 1668-1775», *New Jersey Historical Society, Proceedings* 74 (April 1956): p. 107-144, цитируется по: Paul and Lehrman, *The Case for Gold*, p. 22.

мажными деньгами колонисты просто достали из своих тайников те немногие золотые и серебряные монеты, которые у них были, и вернулись к надлежащей товарно-денежной системе. Предсказатели конца света пророчили, что это повлечёт за собой последующую гибель колониальной экономики. «Денег недостаточно» – таков был их обычный лозунг. Но на самом деле их было вполне достаточно; как мы уже видели, достаточно *любого* количества.

ТАБАК СТАНОВИТСЯ ДЕНЬГАМИ

По сути, был период, когда другие товары становились дополнительным средством обмена. Денежный вакуум заполнили такие предметы, как гвозди, пиломатериалы, рис и виски, но самым распространённым был табак. Это был товар, который пользовался большим спросом как в колониях, так и в торговле с заморскими странами. Он обладал действительной стоимостью; его невозможно было подделать; его можно было разделить на почти любое номинальное количество; и его поставку нельзя было увеличить иначе, чем с использованием труда. Иными словами, он регулировался законом спроса и предложения, что обеспечивало ему значительную стабильность в стоимости. Во многих отношениях это были идеальные деньги. Они были официально приняты в 1642 году Виргинией и несколькими годами позже Мэрилендом, но *неофициально* их использовали также и все остальные колонии. Сходство между деньгами и табаком было настолько близким, что на лицевой стороне предыдущей бумажной валюты Нью-Джерси, который не является штатом, выращивающим табак, было помещено изображение табачного листа. Там ещё была надпись: «Подделка наказывается *смертной казнью*». Табак использовался в ранней Америке в качестве добавочного средства обмена примерно в течение двухсот лет, пока новая Конституция не объявила, что с того времени деньги представляют собой единственную прерогативу федерального правительства¹.

Однако основной валютой в этот момент все ещё были золотые и серебряные монеты, или так называемая звонкая монета. И непосредственным результатом возвращения к звонкой монете был быстрый выход из экономического застоя, который ранее был вызван быстрым ростом и падением бумажных денег. Торговля и производство резко возрастали, и это, в свою очередь, привлекало приток золотых и серебряных монет со всего мира, заполняя пустоту, возникшую за годы использования ничего не стоящей бумаги. Закон спроса и предложения работал со всей очевидностью. На некоторое время Массачусетс вернулся к металлическим деньгам, в то время как Род-Айленд продолжал использовать бумажные деньги. Результатом стало то, что Ньюпорт, который был торговым центром островов Вест-Индия, перестал торговать

¹ Galbraith, стр. 48-50.

с Бостоном и стал пустым портом¹. После того как колонии вернулись к металлическим деньгам, цены пришли в нормальное равновесие и затем *оставались* на этой точке даже во время Семилетней войны и перерыва в торговле, которые происходили непосредственно перед революцией². Нет лучшего примера тому факту, что экономические системы, находящиеся в бедственном положении, могут быстро восстанавливаться (и делают это), если правительство не вмешивается в естественный процесс восстановления.

ВОЙНА ПРИНОСИТ ВОЗВРАЩЕНИЕ ФИАТНЫХ ДЕНЕГ...

Война за независимость привела к внезапной остановке всего этого. Войны редко финансируются из существующей казны, также они не финансируются даже из повышенных налогов. Если бы правительства предполагали облагать своих граждан налогом, полностью достаточным для финансирования конфликта, сумма была бы такой огромной, что многие из их самых горячих сторонников утратили бы энтузиазм. Однако искусственное увеличение денежной массы скрывает от глаз истинную стоимость. Она, конечно, заплачена, но благодаря инфляции, тому процессу, в котором мало кто разбирается.

Американская революция не стала исключением. Чтобы заплатить по счету за независимость, как Конфедерация, так и отдельные штаты активно начали печатать бумажные деньги. В начале войны, в 1775 году, общая денежная масса находилась на отметке 12 млн долларов. В июне того же года Континентальный конгресс выпустил ещё 2 млн долларов. Ещё до того, как эти банкноты попали в обращение, был санкционирован ещё 1 миллион долларов. К концу года – ещё 3 млн долларов. В 1776 году – ещё 19 млн долларов. В 1777 году – 13 млн долларов. В 1778 году – 64 млн долларов. В 1779 году – 125 млн долларов. Более того, континентальная армия выпустила свои собственные «сертификаты» для покупки запасов общей стоимостью 200 млн долларов. Сумма в 425 млн долларов через пять лет на вершине основания в 12 млн долларов составляет увеличение более чем на 3500%. И следует помнить, что вдобавок к огромному расширению денежной массы со стороны центрального правительства штаты делали то же самое. По оценкам, в эти пять лет, с 1775 по 1779 год, общая денежная масса выросла на 500%. Напротив, величина, на которую выросли налоги за этот пятилетний период, была незначительной и составила всего лишь несколько миллионов долларов.

¹ Paul and Lehrman, pp. 22-23.

² «The Colonial Monetary Standard of Massachusetts» / by Roger W. Weiss, *Economic History Review*, No. 27, November 1974, p. 589.

...И ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ ИНФЛЯЦИЮ

Первым воодушевляющим воздействием этого избытка новых денег был буйный рост видимого временного процветания, но за ним сразу же последовала инфляция, поскольку начал действовать механизм самоликвидации. В 1775 году банкноты «континентального доллара» продавались за доллар золотом. В 1777 году их обменивали на 25 центов. К 1779 году, спустя четыре года после выпуска, они стоили меньше цента. Выражение: «Не стоит и континентала» уходит корнями в тот мрачный период. Туфли стоили 5000 долларов за пару. Костюм стоил миллион.

Это был год, когда Джордж Вашингтон писал: «За вагон денег вряд ли можно будет купить вагон провизии»¹. Даже Бенджамин Франклин начал понимать, в чем дело. В несколько саркастическом настроении он писал:

Эти деньги, когда мы распоряжаемся ими, – удивительный механизм. Они выполняют свою функцию, когда мы выпускаем их в обращение; они служат для оплаты найма войск и обеспечения их одеждой, они обеспечивают провиант и снаряжение; и когда нам приходится выпустить избыточное их количество, они окупаются обесцениванием².

Когда речь идёт о превышении расходов над доходами, мы обычно слышим жалобу, что мы обременяем будущие поколения счётом за то, чем мы пользуемся сегодня. Отчего бы и не позволить тем, кто в будущем, помочь нам оплатить то, из чего они тоже извлекут выгоду? Не вводите себя в заблуждение. Это ложный постулат, поощряемый политиками, чтобы успокоить общественность. Когда деньги фиатные, как обнаружили колонисты, каждое государственное здание, общественная работа и артиллерийское орудие войны окупается настоящей работой и настоящими материальными ценностями. Эти вещи должны быть созданы *сегодня* с применением *сегодняшней* работы, и человек, который выполняет эту работу, тоже должен получить свою плату *сегодня*. Это правда, что платежи *процентов* отчасти выпадают будущим поколениям, но *первоначальные затраты* оплачиваются нынешним поколением. Они оплачиваются обесцениванием денежной единицы и потерей покупательной способности за свою зарплату.

¹ Цитируется по: Albert S. Bolles, *The Financial History of the United States* (New York: D. Appleton, 1896, 4th ed.), Vol. 1, p. 132.

² Letter to Samuel Cooper, April 22, 1779, цитируется по: Albert Henry Smyth, ed., *The Writings of Benjamin Franklin* (New York: Macmillan, 1906), Vol. VII, p. 294.

ИНФЛЯЦИЯ – ЭТО СКРЫТЫЙ НАЛОГ

Фиатные деньги представляют собой средство, с помощью которого правительство получает постоянную покупательную способность без взимания налога. Но откуда происходит эта покупательная способность? Поскольку фиатные деньги не имеют никакой возмещающей их материальной стоимости, фиатная покупательная способность правительства может быть получена только путём вычитания их откуда-либо ещё. Фактически они «взяты» у всех нас путём сокращения *нашей* покупательной способности. Поэтому они представляют собой то же самое, что и налог, но скрытый из виду, действующий бесшумно и мало понимаемый налогоплательщиками.

В 1786 году Томас Джефферсон дал ясное объяснение этому процессу, написав следующее:

Каждый человек, через чьи руки проходила какая-либо банкнота, терял на этой банкноте то, что она теряла в стоимости за то время, что находилась в его руках. Это был реальный налог для него; и таким способом народ Соединённых Штатов фактически внёс эти... миллионы долларов во время войны, причём методом взимания налога, самым жестоким из всех, поскольку он самый несправедливый из всех¹.

ВВЕДЕНИЕ КОНТРОЛЯ УРОВНЯ ЦЕН И ЗАКОНОВ О ПЛАТЕЖНОМ СРЕДСТВЕ

Когда цены подскочили, колонии подписали законы о контроле повышения заработных плат и уровня цен, которые были подобны закупориванию свистка на кипящем чайнике в надежде не дать пару выкипеть. Когда эта попытка потерпела поражение, за ней последовал ряд жёстких законов о платёжном средстве. Один закон даже прибегнул к применению угрозы измены. Он гласил: «Если кто-либо в дальнейшем настолько потеряет всякое достоинство и уважение к своей стране, что откажется принимать указанные банкноты в качестве платежа... он будет считаться врагом (с обнародованием этого факта) и с ним будут обращаться как с врагом этой страны, а также ему будут запрещено вести любые торговые или деловые отношения с жителями этих колоний»².

¹ Thomas Jefferson, *Observations on the Article Etats-Unis Prepared for the Encyclopedia*, June 22, 1786, из: *Writings* (New York: G.P. Putnam's Sons, 1894), Vol. IV, p. 165.

² David Ramsay, *History of the American Revolution* (London: Johnson and Stockdale, 1791), Vol. II, pp. 134-136.

Род-Айленд не только налагал серьёзный штраф на тех, кто не принимал его банкноты, но, после *второго* правонарушения, человека лишали гражданства. Когда какой-нибудь суд провозглашал этот закон противоречащим конституции, законодательная власть вызывала судей к себе и в ускоренном порядке освобождала их от обязанностей¹.

НАЧАЛО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ХАОСА И ВОССТАНИЯ

Если разрушительные действия войны были суровым бременем для колоний, смута, вызванная фиатными деньгами, была равным образом тем же. После войны за инфляцией последовала дефляция, так как рынок вернулся к реальности. Цены резко падали, что было хорошо для тех, кто покупал. Однако для купцов, которые *продавали*, или фермеров, которые очень много заняли, чтобы приобрести собственность за взвинченные цены военного времени, это было катастрофой. Новые, пониженные, цены не были достаточными для поддержания их фиксированных завышенных закладных, и многие работающие семьи были разорены лишением права выкупа заложенного имущества. Кроме того, большая часть населения все ещё не осмыслила процесс инфляции, и было много тех, кто продолжал поддерживать «метод бумажных денег». Некоторые штаты подчинились этому давлению, и их печатный пресс продолжал работать.

Историк Эндрю Маклоклин вспоминает типичную сцену в Род-Айленде того времени, засвидетельствованную приезжим французом:

Некий французский путешественник, который в это время проезжал через Ньюпорт, описывает унылую картину: праздные мужчины, стоящие на перекрёстках, скрестив руки на груди; дома, превращающиеся в развалины; убогие лавки, не предлагающие ничего, кроме какого-то барахла; ...травы, растущая на улицах; окна, заткнутые тряпьем; повсюду вопиющая нищета, триумф бумажных денег и влияние скверного управления. Торговцы закрыли свои магазины, чтобы не принимать в оплату бумажные деньги; фермеры из соседних штатов не пожелали привозить свою продукцию².

Праздность и экономическая депрессия также вели к вспышкам возмущения и восстанию. В 1786 году Джордж Вашингтон писал Джеймсу Уоррену: «Колеса правительства увязли, и... мы погружаемся в юдоль смятения и

¹ Merrill Jensen, *The New Nation* (New York: Vintage Books, 1950), p. 324.

² Andrew C. McLaughlin, *The Confederation and the Constitution* (New York: Collier Books, 1962), pp. 107-108.

тьмы»¹. Два года спустя в письме к Генри Ноксу он сказал: «Если... какой-нибудь человек сказал бы мне, что произойдёт такое грозное восстание, какое происходит сейчас, я подумал бы, что он безумен, что ему самое место в сумасшедшем доме»².

К счастью, у этой части истории благополучная развязка. Как мы увидим в следующей главе, когда представители штатов собрались подписать Конституцию, последствия фиатных денег были так свежи в их памяти, что было решено положить им конец раз и навсегда. Тогда новая республика не только быстро восстановилась, но и добилась того, что стала экономическим предметом зависти всего мира – по крайней мере на то время, пока этот урок не был забыт следующими поколениями. Но это обгоняет нашу историю. А пока нашей темой являются фиатные деньги; и опыт американских колоний представляет собой классический пример того, что случается всегда, когда люди не могут устоять перед зовом sireны.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЗАКОН № 3

Давайте в этом месте остановимся и обратим внимание ещё на один урок, выведенный из векового опыта. Этот урок так ясен, так универсален и так хорошо виден на протяжении всей истории, что его можно считать естественным законом человеческого поведения.

УРОК: Фиатные деньги – это бумажные деньги без обеспечения драгоценными металлами, принятие которых предусматривается законом. Они дают возможность политикам увеличивать расходы без повышения налогов. Фиатные деньги – это причина инфляции; степень, в которой люди теряют свою покупательную способность, в точности соответствует количеству денег, которое было забрано у них и перешло к их правительству в результате этого процесса. Следовательно, инфляция – это скрытый налог. Этот налог – самый несправедливый из всех, потому что он сильнее всего бьёт по тем, кто менее всех способен платить: тем, кто получает маленькую зарплату, и тем, кто имеет фиксированные доходы. Он также карает бережливых, обесценивая величину их накоплений. Это вызывает у людей возмущение, всегда ведущее к политическим беспорядкам и национальной разобщённости. Следовательно,

ЗАКОН: Нация, которая прибегает к использованию фиатных денег, обрекла себя на экономические невзгоды и политическую разобщённость.

¹ Harry Atwood, *The Constitution Explained* (Merrimac, Massachusetts: Destiny Publishers, 1927; 2nd ed. 1962), p. 3.

² Там же, с. 4.

РАЗМЕННЫЕ ДЕНЬГИ

Теперь давайте обратимся к четвертой, и последней, возможной форме денег: самому интригующему понятию, которое называется *разменные деньги*. И, чтобы понять, как оно действует, мы должны вернуться к Европе и к практике старинных ювелиров, которые за вознаграждение занимались хранением монет из драгоценных металлов своих клиентов.

Помимо ювелиров, которые *хранили* монеты, существовал также ещё класс купцов, называемых ростовщиками, которые *ссужали* монеты. Ювелиры размышляли, что они тоже могли бы действовать как ростовщики, но использовать для этого деньги *других* людей. Они сожалели, что все эти монеты лежат мёртвым грузом у них в хранилищах. Почему бы не одалживать их и не получать прибыль, которую затем можно было бы разделить между ними самими и вкладчиками? Можно было бы пустить их в работу, вместо того чтобы им просто пылиться. Опытным путём они выяснили, что очень немногие из их вкладчиков одновременно захотят когда-нибудь забрать свои деньги. Фактически общее изъятие редко превышало 10 или 15 процентов от их запаса. Казалось совершенно безопасным ссужать до 80 или даже 85 процентов от их денег. И таким образом, хозяева складов, где хранились деньги, начали действовать в качестве кредитных брокеров от имени своих вкладчиков, и родилось понятие банковских услуг, каким мы знаем его теперь.

Так это описано во многих исторических книгах, но здесь затронута гораздо большее, нежели просто помещение неиспользуемых денег в работу. Прежде всего, разделение дохода в виде процента с владельцами вкладов не было частью первоначальной концепции. Это стало общей практикой через много лет после того, как вкладчики начали возмущаться, и потребовалось убеждать их в том, что эти ссуды были также и в их интересах. Вначале они даже не знали, что их деньги ссужаются. Они простодушно полагали, что ювелиры ссужают свои *собственные* деньги.

ВКЛАДОВ ДЛЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗАЙМА НЕТ В НАЛИЧИИ

В первую очередь нам следует обсудить хотя бы, *имелись* ли в наличии деньги в хранилище – независимо от того, получали вкладчики часть прибыли или нет. Предположим, что мы играем в покер в доме Чарли Смита. Каждый из нас дал по 20 долларов Чарли, который, действуя в качестве банкира, положил наши деньги в обувную коробку и дал нам взамен по двадцать покерных

фишек. Само собой разумеется, что каждый раз, когда мы хотим пойти домой, мы можем получить обратно доллар за каждую фишку, которая у нас имеется на тот момент. Теперь предположим, что появляется Ларри, зять Чарли, не для того, чтобы играть в покер, а чтобы занять денег. Поскольку шестеро из нас играют, и каждый положил в коробку свои 20 долларов, всего в коробке имеется 120 долларов, и это как раз то, что нужно Ларри. Вы можете предположить, что произошло бы, если бы Чарли решил ссудить эти «неиспользуемые» деньги. Для предоставления займа их *нет*.

Ни Чарли, ни любой из игроков не имеет права давать взаймы *эти* доллары, потому что они находятся на третьейском хранении (на условном депонировании денежной суммы у третьего лица), так сказать, в ожидании завершения контракта между Чарли и его гостями. Эти доллары больше не существуют как деньги. Их заменили – по крайней мере в принципе – покерные фишки. Если кто-либо из нас настолько тронут историей Ларри, что мы решаем одолжить ему денег сами, нам придётся использовать для этого *другие* доллары или обменять наши фишки на доллары из коробки. В этом случае, конечно, мы больше не смогли бы оставаться в игре. *Мы не можем тратить, одалживать или отдавать вклад и при этом считать, что фишки имеют какую-либо стоимость.*

Если вы – член организации и отдали ваш голос приятелю, чтобы проголосовать в ваше отсутствие на ежегодном совещании, вы не можете потом появиться и проголосовать *в дополнение* к вашему уже использованному голосу. Аналогично в начале банковской деятельности – сертификаты, которые были выпущены в обращение в качестве денег, являлись, в сущности, *представителями* металлических денег. Следовательно, этих монет не было *в наличии* для одалживания. Их денежное выражение было передано сертификатам. Если бы владельцы сертификатов захотели одолжить свои металлические деньги, они вначале должны были бы изъять из обращения (то есть выкупить) свои сертификаты. Они не имели права хранить расходуемые бумажные деньги и *вместе с тем* поручать своему банкиру ссужать эти деньги в качестве монет. *Нельзя тратить, ссужать или отдавать металлические деньги и одновременно считать, что сертификаты имеют какую-либо стоимость.*

Все это – просто здравый смысл. Но есть и другой аспект этой проблемы, который касается честности в договорах в сфере бизнеса. Когда банкиры пользовались этими металлическими деньгами как основой для ссуд, они ставили себя в положение людей, не обладающих достаточным количеством денег в хранилище, чтобы заработать на своих договорах, когда для вкладчиков приходило время забирать свои деньги. Иными словами, новые договоры заключались с полным пониманием того, что в определённых обстоятельствах они будут разорены. Но банкиры никогда не давали себе труда объяснить это. Широкие массы были убеждены, что, если они одобряют введение этих предположительно неиспользуемых средств в дело, они помогут экономике и, поми-

мо того, получают небольшую прибыль. Это было привлекательное предположение, и идея распространилась со сверхъестественной быстротой.

ЧАСТИЧНОЕ БАНКОВСКОЕ РЕЗЕРВИРОВАНИЕ

Конечно, большинство заёмщиков хотели бумажных денег, а не громоздких монет, поэтому, когда они получали свои ссуды, они обычно сдавали монеты обратно на хранение. Тогда им давали чеки на эти вклады, которые, как мы видели, охотно принимались в коммерции как деньги. С этого момента вещи начали усложняться. Первоначальным вкладчикам выдавали чеки на все банковские монеты. Но банк теперь выдавал ссуды в количестве 85% от своих вкладов, и вкладчикам выдавали чеки на то же самое количество. Это происходило в дополнение к первоначальным чекам. Чеков стало на 85% больше, чем монет. Таким образом, банки создали на 85% больше денег и выпустили их в обращение через вкладчиков. Иными словами, выпуская фальшивые чеки, они искусственно расширяли денежную массу. С этого момента сертификаты больше не обеспечивались золотом на 100%. Теперь они имели обеспечение только на 54%¹, но ничего не подозревающая публика принимала эти чеки как равные по стоимости старым. Однако золото, обеспечивающее все эти чеки, теперь представляло лишь часть от их номинальной стоимости. Таким образом, эти чеки стали тем, что можно назвать *разменными деньгами*, а процесс их создания называется *частичным банковским резервированием*.

К сожалению, ни один из этих недостатков никогда не был объяснён. Банкиры решили, что будет лучше не обсуждать реальное положение вещей там, где публика может их услышать. Эти факты стали их тайным профессиональным секретом. Вкладчиков никогда не поощряли задавать вопрос, как банкиры могут ссужать свои деньги и все же иметь их на руках, чтобы тотчас же возвращать по уведомлению. Вместо этого банкиры принимали респектабельный, стабильный и ответственный вид; одевались и вели себя серьёзно, если не мрачно; возводили монументальные здания, подобные правительственным зданиям и храмам, и все это для поддержания ложного представления о том, что они способны выполнять свои договоры по выплате денег *по требованию*.

Джон Мейnard Кейнс заметил:

«Надёжный» банкир, увы, не тот, кто предвидит опасность и избегает её, но тот, кто, будучи разорённым, разорён обычным и традиционным способом, вместе со своими коллегами, так что никто не может сразу счесть его виновным. Необходимая часть бизнеса любого банкира – поддерживать приличия и признавать общепринятые условности, что более чем свойственно человеку. Подобная долговременная прак-

¹ 100 единиц золота, разделённые на 185 сертификатов, составляют 0,54.

тика делает их самыми романтичными и наименее реалистичными из людей¹.

СОЗДАНИЕ ДЕНЕГ ИЗ ДОЛГА

Вернёмся на мгновение назад и проанализируем. Вначале банки служили хранилищами для хранения металлических денег их клиентов. Когда они выдали бумажные чеки за эти деньги, они преобразовали товарные деньги в чеки. Это было очень удобно, но это не изменяло денежную массу. У людей был выбор, использовать монеты или бумажные деньги, но они не могли пользоваться и тем и другим. Если бы они использовали монеты, чеки никогда бы не появились. Если бы они использовали чеки, монеты оставались бы в хранилище и не поступали бы в обращение.

Когда банки отказались от этой практики и начали выдавать чеки *заёмщикам*, они стали фокусниками. Некоторые говорили, что создают деньги из ничего, но это не совсем так. То, что они делали, было даже ещё более поразительным. Они создавали деньги из *долга*.

Понятно, что людям легче влезть в долги, чем добыть золото. Следовательно, деньги более не ограничивались естественными факторами спроса и предложения. С этого момента в истории и далее их следовало ограничивать только степенью, в которой банкиры были способны снижать долю золотого покрытия своих вкладов.

С этой точки зрения мы теперь можем оглянуться на разменные деньги и понять, что на самом деле это переходная форма между чеком и фиатными деньгами. Они обладают некоторыми характеристиками обоих этих видов. В то время как доля уменьшается, чем меньше они напоминают чек, тем ближе они к фиатным деньгам. Когда эта доля в конце концов достигает нуля, тогда они делают окончательный переход и становятся чисто фиатными деньгами. В истории нет примера того, как люди, однажды приняв идею разменных денег, не снижали бы долю вновь и вновь до тех пор, пока она в конце концов не достигла бы нуля.

Ни один банк с нулевым резервом не остаётся в бизнесе очень долго. Единственный способ заставить людей принять такие не имеющие никакой ценности деньги – это принуждение со стороны правительства. Вот о чем все законы о законном платёжном средстве. Переход от денег частичного резерва к фиатным деньгам, таким образом, требует участия правительства при посредстве механизма, который называется *центральным банком*. Оставшаяся часть этой книги будет посвящена исследованию данного творения, но пока достаточно сказать, что эйфория от способности создавать деньги без чело-

¹ Цитируется по: Lever and Huhne, *Debt and Danger: The World Financial Crisis* (New York: The Atlantic Monthly, 1986), p. 42.

веческих усилий настолько велика, что нет такого политика или банкира, который может «завязать», приняв однажды такой наркотик. Как заметил Уильям Самнер: «С таким же успехом человек мог бы прыгнуть в пропасть, намереваясь остановиться на полпути»¹.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЗАКОН № 4

Следовательно, мы ещё раз приходим к одному из естественных законов, которые возникают из векового опыта человечества. Его можно сформулировать так:

УРОК: Разменные деньги – это бумажные деньги, обеспеченные драгоценными металлами только до какой-либо части номинальной суммы. Это гибрид – отчасти чек и отчасти фиатные деньги. Как правило, общественность не имеет представления об этом факте и полагает, что разменные деньги можно полностью выкупить в любой момент. Когда обнаруживается правда, что периодически случается, происходят массовые изъятия вкладчиками депозитов из банка, но только немногие первые вкладчики из очереди получают свои деньги. Поскольку разменные деньги приносят банкирам точно такие же проценты, как золото или серебро, для них велико искушение произвести этих денег как можно больше. По мере того как это происходит, доля, представляющая резерв, становится все меньше и меньше, до тех пор пока, в конце концов, не уменьшается до нуля. Следовательно,

ЗАКОН: Разменные деньги всегда будут вырождаться в фиатные деньги. Это всего лишь фиатные деньги в процессе изменения.

Этого хватит для общего представления и обобщений. В следующей главе мы увидим, что история может сказать об этом процессе. И что это за история!

РЕЗЮМЕ

Фиатные деньги – это бумажные деньги без обеспечения драгоценными металлами, принятие которых предусматривается законом. Первое появление фиатных денег было зарегистрировано в Китае в XIII веке, но в больших масштабах они впервые были использованы в колониальной Америке. Этот опыт был ужасным, он вёл к масштабной инфляции, безработице, матери-

¹ William Graham Sumner, *A History of American Currency* (New York: Holt, 1884), p. 214.

альным убыткам, политическим волнениям. В течение одного периода, когда Английский банк вынудил колонии отказаться от своих фиатных денег, быстро вернулось всеобщее процветание. Война за независимость снова принесла в колонии фиатные деньги в большом количестве. Экономический хаос, который за этим последовал, привёл колониальные правительства к установлению контроля над уровнем цен и жёстким законам о законном платёжном средстве, ни один из которых не был эффективным.

Разменные деньги определяются как бумажные деньги с частичным обеспечением их объявленной стоимости драгоценными металлами. Они появились в Европе, когда ювелиры начали выдавать чеки (расписки) за золото, которого у них не было, таким образом, только часть из этих чеков подлежала оплате золотом. Разменные деньги всегда вырождаются в чисто фиатные деньги.

ГЛАВА 9

ТАЙНОЕ УМЕНИЕ

Краткая история частичного банковского резервирования; непобитый рекорд обмана, бумов, спадов и экономического хаоса; образование Английского банка, первого Всемирного центрального банка, который стал моделью Федеральной резервной системы.

Депозитные банки впервые появились в Греции, одновременно с созданием монетной системы. Они были известны в Индии во время правления Александра Македонского. Они также функционировали в Египте как часть системы общественных запасов. Они появились в Дамаске в 1200 году и в Барселоне в 1401 году. Однако, насколько нам теперь известно, колыбелью банковского дела считается город-государство Венеция.

ВЕНЕЦИАНСКИЙ БАНК

К 1361 году уже происходило достаточное злоупотребление в сфере банковского дела, и венецианский сенат принял закон, запрещающий банкирам заниматься каким-либо иным коммерческим делом, устраняя, таким образом, соблазн использовать средства своих вкладчиков для финансирования своих собственных предприятий. От них также требовалось, чтобы они предъявляли свои книги для общественного инспектирования и держали свои запасы монет доступными для обозрения в любое разумное время. В 1524 году был создан совет банковских инспекторов, а двумя годами позже от всех банкиров потребовали, чтобы они, рассчитываясь между собой, использовали не чеки, а монеты.

Тем не менее, несмотря на эти предосторожности, крупнейший банк того времени, фирма Пизано и Тьеполо, активно действовал в сфере предоставления займов за счёт резервов и в 1584 году был вынужден закрыться из-за неспособности вернуть деньги вкладчикам. На том этапе правительство собрало обломки, и был основан государственный банк, *Banco della Piazza del Rialto*. Опыт недавнего банкротства не позволил разрешить новому банку заниматься ссудами. От выдачи аккредитивов прибыли быть не могло. Банк был вынужден обеспечивать себя исключительно за счёт платы за хранение

денег, обмена валюты, операций по перечислению платежей между клиентами и нотариальных услуг.

Была найдена формула для честного ведения банковских операций. Банк процветал и вскоре стал центром венецианской коммерции. Его бумажные чеки были широко распространены далеко за пределами страны, и фактически, вместо того чтобы учитываться в обмен на золотые монеты, что было обычной практикой, они, в сущности, имели *более высокую стоимость*, чем металлические деньги. Это происходило из-за того, что в обращении было так много видов металлических денег и такое разнообразие по качеству внутри монет одного вида, что надо было быть экспертом, чтобы определить их стоимость. Банк автоматически осуществлял эту услугу, когда принимал монеты на хранение. Каждая монета оценивалась, и на каждую выдавался чек, точно отражающий её стоимость. Следовательно, публика была в гораздо большей степени уверена в стоимости бумажных чеков, чем в стоимости многих монет, и не возражала против обмена некоторого их количества.

К сожалению, по прошествии времени, после того как стёрлась память о прошлых банковских злоупотреблениях, сенат Венеции, в конце концов, поддался искушению кредитом. Испытывая нехватку наличности и не желая встречаться с избирателями по поводу увеличения налогов, политики решили, что они дадут разрешение открыть новый банк без ограничений в отношении ссуд, у них будет банк, который будет создавать необходимые им деньги, которые они затем будут «одаживать». Таким образом, в 1619 году был создан банк *Banco del Giro*, который, подобно своему обанкротившемуся предшественнику, начал делать деньги из ничего с целью предоставления займов правительству. Восемнадцатью годами позже банк *Banco della Piazza del Rialto* был поглощён новым банком, и первый в истории крохотный огонёк надёжных банковских операций зашипел и погас.

На протяжении XV и XVI веков банки возникали по всей Европе. Однако они, почти все без исключения, следовали прибыльной практике ссуживания денег, которых на самом деле для ссуживания в наличии не было. Они создавали облигации, избыточные против своих резервов, и в результате все они обанкротились. Нельзя сказать, что их владельцы и директора не процветали. Это означает только, что их вкладчики лишились всех или части своих средств, доверенных банку на хранение.

АМСТЕРДАМСКИЙ БАНК

До тех пор пока в 1609 году не был основан Амстердамский банк, нам не встречался второй пример надёжной практики банковских операций, и результаты были фактически такими же, как в предыдущем случае с банком *Banco della Piazza del Rialto*. Этот банк только принимал вклады и непреклонно от-

казывался выдавать ссуды. Его доходы представляли собой исключительно плату за обслуживание. Все выплаты в Амстердаме и его окрестностях вскоре стали осуществляться в бумажных деньгах, выпущенных этим банком, и фактически эти деньги имели более высокую стоимость, чем сами монеты. От бургомистра и городского муниципального совета потребовали ежегодно давать клятву, в которой они присягали в том, что монетный резерв банка не тронут. Гэлбрейт пишет:

В течение ста лет после своего основания он успешно функционировал и отличался очень строгими моральными устоями. Вклады были вкладами, и вначале металлические деньги оставались на хранении для человека, которому они принадлежали, пока он не передавал их кому-нибудь другому. Деньги не ссужались. В 1672 году, когда армии Людовика XIV приблизились к Амстердаму, была серьёзная опасность. Купцы толпились в банке, некоторые подозревали, что их ценностей там уже могло не быть. Все, кто хотел получить свои деньги, получили их, и когда они обнаружили, что это возможно, они уже не хотели их забирать. Как часто было замечено в будущем, как бы сильно люди ни хотели забрать из банка свои деньги, когда они убеждались в возможности этого, они уже больше не желали этого¹.

Однако принципы честности и ограничения поддерживались недолго. Просто слишком велико было искушение лёгкой прибылью от создания денег. Уже в 1657 году людям разрешили превысить свой кредит, что означало, конечно, что банк создаёт новые деньги из их долга. В последующие годы огромные ссуды были предоставлены Голландской Ост-Индской компании. В конце концов, правда стала известна общественности в январе 1790 года, и с этого момента требования о возврате вкладов стали постоянными. Десятью месяцами позже банк был объявлен неплатёжеспособным и перешёл в собственность города Амстердама.

ГАМБУРГСКИЙ БАНК

Третий, и последний, опыт честного ведения банковских операций имел место в Германии, в Гамбургском банке. За два с лишним столетия он честно придерживался принципа хранения вкладов. Его администрация была такой щепетильной, что, когда Наполеон захватил этот банк в 1813 году, он обнаружил, что там хранились 7 506 956 марок серебром против обязательств, составлявших 7 489 343. Это было на 17 613 больше, чем фактически было необходимо. Большая часть банковских денег, вывезенных Наполеоном, была

¹ Galbraith, p. 16.

возвращена французским правительством несколькими годами позже в виде ценных бумаг. Неизвестно, обладали ли эти бумаги большой стоимостью, но, даже если и обладали, это было не то же самое, что серебро. Из-за иностранного вторжения деньги этого банка больше не были полностью конвертируемыми в металлические деньги, как деньги в виде чеков. Теперь это были *разменные* деньги, и механизм самоликвидации был запущен. Банк функционировал ещё 55 лет, до 1871 года, когда был отдан приказ о ликвидации всех его счетов.

На этом заканчивается короткий рассказ о честной банковской деятельности. Начиная с этого момента, универсальной практикой стало частичное банковское резервирование. Но в его развитии было много интересных поворотов и виражей, прежде чем оно усложнилось до такой степени, чтобы стать Федеральной резервной системой.

НАЧАЛО БАНКОВСКОГО ДЕЛА В АНГЛИИ

В Англии первыми бумажными деньгами был казначейский ордер Карла II. Это были чисто фиатные деньги. И хотя они были установлены законным платёжным средством, но не получили широкого распространения. В 1696 году их заменил казначейский *вексель*. Вексель подлежал оплате в золоте, и правительство приложило большие усилия, чтобы обеспечить наличие достаточного количества монет либо слитков золота или серебра для возмещения залога. Иными словами, это были настоящие деньги в виде чеков, и они получили широкое распространение в качестве средства обмена. Кроме того, векселя рассматривались как краткосрочные ссуды правительству и действительно приносили проценты по займу своим владельцам.

В 1707 году Английскому банку, созданному незадолго до того, вменили в обязанность управлять этими деньгами, но он нашёл более выгодным использовать в обращении свои собственные банкноты, которые имели форму *разменных* денег и обеспечивали *сбор* процентов, а не их уплату. Поэтому правительственные векселя постепенно выходили из использования и были заменены банкнотами, которые к середине XVIII века стали единственными бумажными деньгами в Англии.

Следует понимать, что к этому времени Английский банк ещё не вполне сформировался как центральный банк. У него была монополия на выпуск банкнот в пределах Лондона и других крупных географических районов, но тогда они ещё не декларировались как законное платёжное средство. Никого не вынуждали ими пользоваться. Это были просто неофициальные разменные деньги в виде чеков вместо золотых монет, выпущенные частным банком, которые общественность могла принять, отвергнуть или дисконтировать по

собственному желанию. Эти банковские деньги не имели статуса законного платёжного средства до 1833 года.

Между тем парламент выдал документы на право ведения банковских операций множеству других банков империи, и во всех без исключения случаях выпуск разменных денег привёл к окончательному крушению этих банков и разорению их вкладчиков. Шоу говорит: «Несчастье за несчастьем обрушились на страну» вследствие «равнодушия государства к этим обыкновенным частным бумажным знакам»¹. Однако правительство предпочитало Английский банк всем остальным, и парламент постоянно спасал его от банкротства. Как это происходило – это интересная история.

АНГЛИЙСКИЙ БАНК

После войны с Францией Англия находилась в состоянии финансового истощения, и многочисленные гражданские войны происходили в значительной степени из-за непомерного налогообложения. Ко времени войны Аугсбургской лиги в 1693 году король Уильям серьёзно нуждался в новых статьях дохода. Двадцатью годами ранее король Карл II открыто отказался от обязательства уплаты долга, превышавшего миллион фунтов, которые были ссужены ему десятками ювелиров, в результате чего десять тысяч вкладчиков потеряли свои сбережения. Это было ещё свежо в памяти каждого, и, само собой разумеется, правительство больше не рассматривалось как возможность выгодного помещения капитала. Будучи не в состоянии поднять налоги или одолжить денег, парламент отчаялся найти какой-либо способ получить деньги. Цель, говорит Гроусклоуз, была не в том, чтобы подвести «механизм получения денег под более разумный контроль, но в том, чтобы обеспечить средства вне обременительных источников налогов и государственных займов для финансовых потребностей нуждающегося правительства»².

Было две группы людей, видевших уникальную возможность, которая проистекала из этих обстоятельств. Первая группа состояла из *политологов* из правительства, вторая группа – из *специалистов по денежно-кредитной политике*, из нарождающегося банковского бизнеса. Организатором и представителем второй группы был Уильям Патерсон из Шотландии. Патерсон побывал в Америке и вернулся с грандиозным планом получения британского документа на право ведения банковских операций для коммерческой компании, чтобы колонизировать Панамский перешеек; этот план впоследствии стал известен как проект «Дарьен». Правительство не было в нем заинтересовано,

¹ W.A. Shaw, *Theory and Principles of Central Banking* (London & New York: Sir I. Pitman & Sons, Ltd., 1930), pp. 32-33.

² Groseclose, *Money and Man*, p. 175.

поэтому Патерсон обратил своё внимание на проект, в котором оно *действительно* было заинтересовано, на создание денег.

Две группы собрались вместе и сформировали альянс. Нет, это слишком мягкое слово. Словарь американского наследия определяет слово *cabal* как «конспиративная группа заговорщиков или интриганов». Нет другого слова, которое могло бы так же точно описать эту группу. Почти с теми же секретностью и тайной, которые окружали собрание на острове Джекилл, эта группа заговорщиков собралась в Лондоне, в часовне *Mercer's chapel*, и составила план из семи пунктов, который должен был послужить их общим целям:

1. Правительство предоставит специалистам по денежно-кредитной политике документ на право ведения банковских операций для основания банка.
2. Банку будет предоставлена монополия на выпуск банкнот, которые будут введены в обращение как английские бумажные деньги.
3. Банк будет делать деньги из ничего лишь с частичным обеспечением металллическими деньгами общей суммы его денежных средств.
4. Затем специалисты по денежно-кредитной политике будут ссужать правительству все деньги, которые ему требуются.
5. Деньги, созданные для государственных займов, будут подкреплены, главным образом, правительственными долговыми расписками.
6. Хотя эти деньги будут созданы из ничего и их производство ничего не будет стоить, правительство будет платить проценты по ним по ставке 8%.
7. Правительственные долговые расписки также будут рассматриваться как «резервы» для создания дополнительных денег для частных коммерческих целей. Эти займы тоже будут приносить проценты. Таким образом, специалисты по денежно-кредитной политике соберут *двойные* проценты с того же самого ничего¹.

В проспекте, распространённом для привлечения подписчиков с предложениями банка купить ценные бумаги из начального запаса, объяснялось: «Банк имеет прибыль от процентов со всех денег, которые он, банк, делает из ничего»². Этот документ был выпущен в 1694 году, и некое странное создание сделало свой первый в жизни вдох. Это был первый в мире центральный банк. Ротбард пишет:

¹ Эти соглашения см. в: Murray Rothbard, *The Mystery of Banking* (New York: Richardson & Snyder, 1983), p. 180. Также см.: Martin Mayer, *The Bankers* (New York: Weybright & Talley, 1974), pp. 24-25.

² Цитируется по: Caroll Quigley, *Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time* (New York: Macmillan, 1966), p. 49. Патерсон не получил прибыли от своего собственного создания. Он ушёл из банка из-за разногласий по поводу стратегии через несколько месяцев после его основания и затем вернулся в Шотландию, где преуспел со своим проектом «Дарьен». Обыкновенные шотландцы собирались толпами, торопились купить ценные бумаги и заказать билет, чтобы уехать в эту страну, находящуюся во власти лихорадки. Ценные бумаги обесценились, и почти все 1200 колонистов погибли.

Коротко говоря, поскольку не имелось достаточного количества частных вкладчиков, готовых финансировать дефицит, Патерсон и его группа любезно согласились купить государственные облигации в том случае, если они смогут использовать для этого вновь созданные из ничего банкноты, несущие с собой множество привилегий. Для Патерсона и компании это была великолепная сделка, а правительство получило выгоду от мошенничества банка с внешне кажущимся законным финансированием банком государственных долгов. ...Как только Английский банк был основан в 1694 году, сам король Уильям и многие члены парламента поторопились стать акционерами новой фабрики денег, которую они как раз создали¹.

ТАЙНОЕ УМЕНИЕ ДЕЛАТЬ ДЕНЬГИ

Обе группы заговорщиков были щедро вознаграждены за свои усилия. Политологи мечтали получить 500 000 фунтов, чтобы финансировать текущую войну. Банк сразу дал им более чем в два раза больше того, о чем они мечтали вначале. Специалисты по денежно-кредитной политике начинали с заложенными капиталовложениями в 1 200 000 фунтов. Учебники говорят нам, что это была ссуда, предоставленная правительству по ставке в 8%, но при этом обычно упускают тот факт, что на момент взятия займа инвестировано было только 720 000 фунтов, и это означает, что банк «ссудил» на 66% больше, чем у него имелось в наличии². Кроме того, банк получил привилегию на создание, по меньшей мере, равного количества денег в форме государственных займов. Таким образом, после одалживания своего капитала правительству они все ещё имели его в своём распоряжении для повторной ссуды.

При честной ссуде их 720 000 фунтов по ставке в 8% принесли бы 57 600 фунтов процентов дохода. Но со своим новым тайным умением они могли получить 8% от 1 200 000 фунтов, переданных правительству, плюс предполагаемые 9% от 720 000 фунтов, одолженных общественности. Это увеличивает сумму до 160 800 фунтов, более 22% от их инвестиций. Однако истинная суть в том, что в этих обстоятельствах бессмысленно говорить о процентной ставке. Когда деньги делаются из ничего, истинный ссудный процент составляет не 8% или 9% или даже 22%. Это *бесконечность*.

В этом первом официальном деянии первого Всемирного центрального банка можно увидеть грандиозное притворство, характеризующее все его последующие деяния. Банк *притворялся*, что он предоставляет ссуду, но на са-

¹ Rothbard, *Mystery*, p. 180.

² См.: R.D. Richards, Ph.D., *The Early History of Banking in England* (New York: Augustus M. Kelley, первое издание 1929, переиздание 1965), pp. 148-150.

мом деле он *производил* деньги для использования правительством. Если бы правительство использовало их сразу, фиатную природу денег немедленно узнали бы и, вероятно, не приняли бы их по полной номинальной стоимости для оплаты военных расходов. Однако процесс создания денег с помощью этой банковской системы вводил в заблуждение широкую публику. Вновь созданные векселя и банкноты были неотличимы от тех, что ранее были обеспечены монетами, и публика ничего не поняла.

Поэтому реальная сущность центральных банков – и мы не должны забывать, что таким созданием является Федеральная резервная система, – заключается в том, что под видом покупки государственных облигаций они действуют как скрытые денежные станки, которые можно включать в любой удобный политикам момент. Это находка для политологов, которые больше не должны зависеть от налогов или хорошей репутации казначейства, чтобы занимать деньги. Это даже легче, чем напечатать их. И, поскольку этот процесс не понят общественностью, это политически безопасно.

Конечно, специалистам по денежно-кредитной политике щедро заплатили за эту услугу. Чтобы сохранить притворство банковских операций, говорилось, что они взимают *проценты*, но это неправильное употребление термина. Они не ссужали деньги, они создавали их. Поэтому их вознаграждение следовало бы называть тем, чем оно и является: вознаграждением за профессиональную деятельность, или комиссионным вознаграждением, или гонораром, или «кикбэком», выплатой «благодарности», в зависимости от вашей точки зрения, но *не* процентом.

ОТ ИНФЛЯЦИИ К МАССОВЫМ ИЗЪЯТИЯМ ВКЛАДЧИКАМИ ДЕПОЗИТОВ ИЗ БАНКА

Новые деньги, созданные Английским банком, выплеснулись на экономику как дождь в апреле. Провинциальные банки, находящиеся за пределами Лондона, получили право создавать свои собственные деньги, но они должны были хранить в запасе определённое количество либо монет, *либо* сертификатов Английского банка. Следовательно, когда эти банкноты в изобилии попадали к ним в руки, они быстро складывали их в хранилище и затем выпускали свои собственные сертификаты в ещё больших количествах. В результате этого эффекта многоярусного участия капитала одних компаний в финансовой системе других цены за два года выросли на 100%. Затем случилось неизбежное: вкладчики пришли в банк забрать свои деньги, и Английский банк не смог предоставить монеты.

Когда банки не могут выполнить в срок свои соглашения по выдаче монет в обмен на свои векселя, они фактически являются банкротами. Им следует

позволить выйти из бизнеса и ликвидировать свои активы, чтобы удовлетворить кредиторов, как в любом другом бизнесе. Фактически это то, что всегда происходит с банками, которые выдают свои депозиты в качестве кредитов и создают разменные деньги. Если бы этой практике позволили продолжаться, нет сомнения, что люди со временем поняли бы, что они просто не желают иметь дело с такими банками. Благодаря болезненному, но чрезвычайно эффективному процессу проб и ошибок человечество научилось бы отличать реальные деньги от того, что обманом выдаётся за ценность. И поэтому мир сегодня стал бы гораздо лучше.

Конечно, этому не позволили случиться. Группа заговорщиков – это *партнёрство*, и каждая из двух групп обязана защищать другую не из соображений лояльности, а из соображений взаимной безопасности. Они знают, что, если одна потерпит крах, это произойдёт и с другой. Поэтому неудивительно, что, когда произошли массовые изъятия вкладчиками депозитов из Английского банка, вмешался парламент. В мае 1696 года, как раз спустя два года после создания Банка, был принят закон, дающий ему право «приостанавливать выплаты звонкой монетой». Силой закона Банк теперь освобождался от обязанности соблюдать свой договор о возвращении золота.

СОЗДАНИЕ СТРУКТУРЫ ЗАЩИТЫ

Это был решающий момент в истории денег, потому что с тех пор этот прецедент имел постоянные последствия. Банки Европы и Америки всегда действовали, исходя из предположения, что их партнёры из правительства придут к ним на помощь, когда у них начнутся проблемы. Политики, возможно, скажут о «защите общественности», но лежащая в основе этого реальность такова, что правительство *нуждается* в фиатных деньгах, созданных банками. Поэтому банкам, по крайней мере крупным, нельзя позволить потерпеть крах. Только картель с правительственной защитой может пользоваться такой освобождённостью от движений свободного рынка.

В нынешние времена можно, как правило, заметить, что с преступниками часто обращаются несерьёзно, если они грабят своего соседа. Но если они ограбят правительство или банк, наказание будет серьёзным. Это лишь ещё одно проявление партнёрства группы заговорщиков. В глазах правительства банки – *исключительная* вещь, и так было с самого начала возникновения их содружества. Например, Гэлбрейт пишет:

В 1780 году, когда лорд Джордж Гордон вёл толпу по Лондону в знак протеста против «Акта о папистах», Банк был их основной целью. Он символизировал правящие круги. Пока толпа разоряла католические районы Лондона, власти не торопились реагировать. Когда началась

осада Банка, ситуация стала восприниматься ими более серьезно. Ввели войска, и с тех пор для охраны Банка по ночам посылали солдат¹.

БУМЫ И СПАДЫ ТЕПЕРЬ ГАРАНТИРОВАНЫ

После того как Английский банк получил узаконенную защиту от последствий превращения долгов в деньги, британская экономика была обречена на отвратительный аттракцион типа американских горок, с инфляцией, бумагами и спадами. Естественным и незамедлительным результатом было разрешение массовых ссуд чуть ли не по любой дикой схеме, какую только можно себе вообразить. А почему бы и нет? Производство денег ничего не стоило, а потенциальная выгода могла быть огромной. Поэтому Английский банк и провинциальные банки, которые свою собственную денежную массу построили в виде пирамиды на вершине денежной массы Банка, закачивали в экономику постоянный поток новых денег. Эти деньги формировали и финансировали создание крупных акционерных компаний. Одна из них была создана с целью осушения Красного моря, чтобы вернуть золото, предположительно утраченное египтянами, когда они преследовали израильтян. На осуществление туманных и бесплодных рискованных предприятий в Южной Америке и Мексике было перекачано 150 000 000 фунтов.

Результатом этого потока новых денег (сколько раз история должна это повторить?) была ещё большая инфляция. В 1810 году Палата общин создала специальный комитет, который назывался Специальный комитет по высокой цене золотого слитка, чтобы изучить проблему и найти решение. Вердикт, вынесенный в окончательном отчёте, был образцом ясности. В нем говорилось следующее: цены не растут, падает стоимость денег, и это вызвано тем фактом, что они создаются с большей скоростью, чем товары, которые на них можно купить. Решение? Комитет рекомендовал сделать банкноты Английского банка полностью конвертируемыми в золотые монеты, тем самым затормозив возможное создание денежной массы.

В ЗАЩИТУ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА

Одним из наиболее честных защитников истинного золотого стандарта был лондонский биржевой маклер, еврей по имени Давид Рикардо. Рикардо утверждал, что идеальные деньги «должны быть абсолютно неизменными по стоимости»². Он признавал, что драгоценные металлы несовершенны в этом

¹ Galbraith, p. 34.

² David Ricardo, *The Works and Correspondence of David Ricardo: Pamphlets 1815-1823*, Piero Sraffa, ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1951), Vol. IV, p. 58.

отношении, потому что они в небольшой степени изменяют покупательную способность. Затем он сказал: «Тем не менее они – лучшее из того, с чем мы знакомы»¹.

Почти каждый член правительства был согласен с оценкой Рикардо, но, как это часто случается, теоретическая истина проигрывала в битве против практической необходимости. Мнения людей по поводу лучшей формы денег – это было одно. Война с Наполеоном – это было другое, и она требовала постоянного притока средств. Англия продолжала использовать механизм центрального банка для извлечения выгоды из населения.

ДЕПРЕССИЯ И РЕФОРМА

К 1815 году цены снова удвоились и затем резко упали. В том году был принят Хлебный закон для защиты местных фермеров от дешёвого импорта. Затем, когда цены на кукурузу и пшеницу опять начали расти, несмотря на то что заработная плата и другие цены падали, широко распространились недовольство и бунты. Рой Джастрам замечает: «К 1816 году Англия была в глубокой депрессии. В промышленности и торговле повсеместно был застой; чёрная металлургия и угольная промышленность были парализованы... С перерывами, с мая по декабрь, происходили бунты»².

В 1821 году, после того как война закончилась и больше не было потребности в финансировании военных кампаний, политическое давление на золотой стандарт стало слишком сильным, чтобы ему можно было сопротивляться, и Английский банк вернулся к свободному обмену своих банкнот на золотые монеты. Тем не менее основной механизм центрального банка не был демонтирован. Он был лишь ограничен новой формулой, касающейся допустимой части резервов. Банк продолжал делать деньги из ничего для предоставления займов, и за год распустился цветок нового коммерческого бума. Затем, в ноябре 1825 года, этот цветок созрел и достиг предопределённого ему результата. Кризис начался с краха фирмы *Sir Peter Cole and Company*, и вскоре за этим последовало банкротство 63 других банков. Состояния были уничтожены, и экономика погрузилась в депрессию.

Когда аналогичный кризис, во время которого разорилось ещё больше банков, ударил снова в 1839 году, парламент предпринял попытку взять проблему под контроль. После ещё пяти лет изучения и дебатов сэр Роберт Пиль преуспел в принятии закона о банковской реформе. Этот закон прямо раскрыл причину английских бумов и спадов: *гибкая денежная масса* (количество денег, находящееся в обращении – *Прим. переводчика*). Банковский Акт Пили 1844 года стремился ограничить денежную массу, которую банки могли созда-

¹ Там же, с. 62.

² Roy W. Jastram, *The Gold Constant* (New York: Wiley, 1977), p. 113.

вать, до примерно такого же количества, каким оно было бы, если бы их банкноты были обеспечены золотом или серебром. Это была хорошая попытка, но она, в конечном счёте, провалилась, потому что оказалась недостаточной по трём пунктам: (1) это был политический компромисс, и он не был достаточно строгим, так как позволил банкам продолжать создавать деньги для займов из ничего до суммы 14 000 000 фунтов; иными словами, «незначительная» сумма в то время казалась безопасной; (2) ограничение применялось только к бумажным деньгам, выпущенным Банком. Оно не касалось денег безналичных расчётов, и они в то время стали предпочтительной *формой* обмена. Следовательно, так называемая реформа даже не применялась к той области, где имел место наибольший объём злоупотреблений; и (3) основному понятию было позволено остаться бесспорным в том отношении, что *человек*, с его бесконечной политической мудростью, может определить, какая денежная масса должна быть более действенной, чем неконтролируемая система золота или серебра, соответствующая закону спроса и предложения.

АМЕРИКАНСКИЕ ГОРКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Через три года после «реформы» Англия столкнулась с ещё одним кризисом – ещё большим числом обанкротившихся банков и ещё большими потерями для вкладчиков. Но когда Английский банк находился в неустойчивом положении на грани банкротства, правительство опять вмешалось. В 1847 году Банк был освобождён от узаконенных резервных требований в соответствии с Законом Пилля. Такова твёрдая, как скала, надёжность искусственных ограничений денежной массы.

Гроусклоуз продолжает эту историю:

Спустя 10 лет, в 1857 году, произошёл ещё один кризис, вызванный избыточным и неразумным предоставлением займов в результате чрезмерного оптимизма, относящегося к перспективам внешней торговли. Банк оказался в том же положении, что и в 1847 году, и были приняты аналогичные меры. В этом случае банк был вынужден использовать власти, чтобы увеличить свою фидуциарную (деньги, основанные на долге) денежную эмиссию (выпуск банкнот, не покрытых золотом) сверх предела, установленного Законом о банковском чартере...

И снова в 1866 году рост банковских ссуд без учёта ликвидности и использование банковских кредитов для поддержки спекулятивного ажиотажа... проложили путь краху, который, в конце концов, был ускорен банкротством известной фирмы *Overend, Gurney and Co.* Действие Закона 1844 года опять было приостановлено...

В 1890 году Английский банк опять потерпел кризис, и снова в результате распространения и избыточной спекуляции с иностранными ценными бумагами, в основном американскими и аргентинскими. На этот раз крах был ускорен банкротством фирмы *Baring Brothers*¹.

МЕХАНИЗМ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ДРУГИЕ СТРАНЫ

Это невероятный исторический факт, что, несмотря на обычные и повторяющиеся крахи Английского банка, которые происходили в эти годы, механизм центрального банка был настолько привлекателен для политологов и специалистов по денежно-кредитной политике, что он стал моделью для всей Европы. Прусский банк стал называться *Reichsbank*. Наполеон учредил Французский банк. Несколькими десятилетиями позже это понятие стало почитаемым образцом для Федеральной резервной системы. Кому какое дело, если схема деструктивна? Ведь это же идеальный инструмент для получения неограниченного финансирования для политиков и бесконечных доходов для банкиров. И лучше всего то, что простой народ, который оплачивает счета обеих групп, практически не имеет представления о том, что с ним происходит.

Лидеры стран ленинского блока не являются исключением. Они были самыми откровенными критиками банковской системы западных стран. Джон Мейнард Кейнс пишет:

Говорят, что Ленин утверждал, что лучший способ разрушить капиталистическую систему – это разбазарить деньги. Продолжая процесс инфляции, правительства могут скрытно и незаметно реквизируют значительную часть богатства своих граждан. Этим способом они не просто реквизируют, но реквизируют *без достаточных оснований*; и хотя этот процесс многих разоряет, он фактически кое-кого обогащает... В то время как инфляция продолжается и реальная стоимость денег сильно изменяется от месяца к месяцу, все постоянные отношения между должниками и кредиторами, которые формируют первичные основы капитализма, становятся настолько беспорядочными, что почти теряют смысл; и процесс приобретения богатства вырождается в авантюру и лотерею.

Ленин был прав. Нет более тонких, более надёжных средств свержения существующих общественных основ, чем разбазаривание денег. Этот процесс включает все скрытые силы экономического закона на

¹ Groseclose, *Money and Man*, pp. 195-196.

стороне разрушения, и он делает это таким способом, который ни один человек из миллиона не в состоянии диагностировать¹.

Отсюда мы можем справедливо предположить, что ленинисты (и их фабианские двойники) хорошо информированы об этом явлении. Тем не менее, после того как были написаны все слова о мудрости, где бы ленинисты и их социалистические двойники ни приходили к власти, они неизменно вступали в партнёрские отношения с банками и высвобождали все скрытые силы инфляции, чтобы разорить свой собственный народ.

РЕЗЮМЕ

Банковское дело началось в Европе в XIV веке. Функция банков заключалась в том, чтобы оценивать, обменивать и сохранять деньги населения. Вначале наблюдались примеры вполне честных банков, которые действовали поразительно эффективно, учитывая огромное разнообразие монет, с которыми им приходилось иметь дело. Они также выпускали бумажные чеки, которые были настолько надёжны, что находились в свободном обращении в качестве денег, и в ходе этого процесса никого не обманывали. Но существовала огромная потребность в большем количестве денег и ссуд, и вскоре искушение заставило банки искать более лёгкие пути. Они начали ссужать куски бумаги, о которых *говорилось*, что они чеки, но которые, по сути, были фальсификацией. Общественность не могла отличить одни от других и принимала и те и другие за деньги. С этого момента и впредь чеки, находившиеся в обращении, по стоимости превышали золотой резерв, и началась эпоха частичного банковского резервирования. Это немедленно привело к тому, что стало почти непобитым рекордом с тех пор и до наших дней: рекорд инфляции, бумов и спадов, приостановления платежей, а также частых спазмов экономического хаоса.

Английский банк был основан в 1694 году, чтобы институционализировать частичное банковское резервирование. Будучи первым Всемирным центральным банком, он ввёл принцип партнёрства между банкирами и политиками. Политики получали расходуемые деньги (созданные из ничего банкирами) без повышения налогов. Взамен банкиры получали комиссионные (в целях маскировки называемые процентами) за деловые операции, что продолжалось непрерывно. Поскольку все это представлялось полностью окутанным таинственными ритуалами банковского дела, у этой схемы практически не было противников. Соглашение оказалось таким выгодным для участников, что вскоре оно распространилось на многие страны Европы и, в конце концов, на США.

¹ John Maynard Keynes, *The Economic Consequences of the Peace* (New York, Harcourt, Brace, and Howe, 1919), p. 235.

ГЛАВА 10

МЕХАНИЗМ МАНДРАГОРЫ

Метод, с помощью которого Федеральный резерв создаёт деньги из ничего; принцип ростовщичества как выплата процентов по мнимым ссудам; истинная причина скрытого налога, именуемого инфляцией; способ, с помощью которого Центральный банк США создаёт циклы бумов и спадов.

В 1940-х годах был такой персонаж из серии комиксов по имени Волшебник Мандрагора. Его особенностью было создавать вещи из ничего и при необходимости делать так, чтобы они исчезали в ту же самую пустоту. Следовательно, процесс, который будет рассматриваться в этом разделе, уместно назвать в его честь.

В предыдущих главах мы рассмотрели разработанный политологами и финансистами способ создания денег из ничего с целью предоставления займов. Это не совсем точное определение, потому что оно предполагает, что деньги вначале создаются, а потом ждут, что кто-нибудь возьмёт их в займы. С другой стороны, учебники по банковскому делу часто утверждают, что деньги создаются из долга. Это утверждение тоже вводит в заблуждение, потому что оно предполагает, что долг вначале существует, а потом преобразуется в деньги. На самом деле деньги не создаются до того момента, пока их не берут в займы. Именно акт одалживания приводит к началу их существования. И кстати, именно акт выплаты долга приводит к их исчезновению¹. Не существует краткого выражения, которое в полной мере описало бы этот процесс. Таким образом, до тех пор пока оно не будет создано в рабочем порядке, мы будем продолжать использовать выражение: «Создавать деньги из ничего» и время от времени добавлять «с целью предоставления займов» при необходимости дополнительно прояснить это значение.

Таким образом, оставим теперь исторических деятелей прошлого и переместимся в их «будущее», то есть в наше настоящее, и посмотрим, насколько далеко распространился этот процесс создания денег из долга и как он работает.

¹ Печатные федеральные резервные банкноты, которые находятся в хранилище казначейства, не становятся деньгами до тех пор, пока они не выпущены в обращение в обмен на деньги безналичных расчётов, созданные банковской ссудой. Пока чеки находятся в хранилище без денег, основанных на долге, чтобы их заменить, технически они — просто бумага, а не деньги.

Первый факт, который стоит учитывать, – это то, что наши деньги сегодня вообще не имеют за собой никакого золота или серебра. Доля составляет не 54% и не 15%. Она составляет 0%. Наши деньги прошли путь всех предыдущих разменных денег в истории и уже перешли в чисто фиатные. Тот факт, что большая их часть находится в форме безналичных расчётов, а не бумажных денег, – это просто техническая сторона дела; а тот факт, что банкиры говорят о «процентах резерва», – это очковитительство. Так называемые резервы, на которые они ссылаются, на самом деле представляют собой долгосрочные казначейские облигации и другие *долговые* сертификаты. Наши деньги во всех отношениях чисто фиатные.

Второй факт, который следует чётко понимать, – это то, что, несмотря на технический жаргон и внешне сложные процедуры, фактический механизм, с помощью которого Федеральный резерв создаёт деньги, совершенно прост. Они делают это точно так же, как это делали ювелиры прошлого, конечно, за исключением того, что ювелиры были ограничены необходимостью хранить *некоторое количество* драгоценных металлов в запасе, тогда как Центральный банк США не имеет такого ограничения.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ РЕЗЕРВ ОТКРОВЕН

Сам Федеральный резерв поразительно откровенен в отношении этого процесса. В брошюре, опубликованной Федеральным резервным банком Нью-Йорка, говорится: «Деньги не могут выкупаться или обмениваться на золото казначейства или другой актив, используемый в качестве обеспечения. Вопрос о том, какие активы “обеспечивают” банкноты Федеральной резервной системы, имеет небольшое, но бухгалтерское значение»¹.

В другом месте той же публикации говорится: «Банки создают деньги, основанные на обещании заёмщика заплатить (*I Owe You* – “я должен вам”)... Банки создают деньги посредством “монетизации” частных долгов корпораций и частных лиц»².

В брошюре, озаглавленной «Современная денежная механика», Федеральный резервный банк Чикаго утверждает:

В Соединённых Штатах ни бумажные деньги, ни депозиты не имеют товарной стоимости. В сущности, долларовый вексель – это просто кусок бумаги. Депозиты – это только бухгалтерские записи. Металлические деньги действительно имеют определённую подлинную стоимость в качестве металла, но обычно гораздо меньше их номинальной суммы.

¹ *I Bet You Thought*, Federal Reserve Bank of New York, p. 11.

² Там же, с. 19.

Тогда что делает эти инструменты – чеки, бумажные деньги и монеты – приемлемыми по номинальной цене для платежей по всем долгам и для других монетарных применений? Главным образом это уверенность людей в том, что они смогут обменять такие деньги на другие финансовые активы и реальные товары и услуги, когда бы они ни собрались это сделать. Это отчасти вопрос права; деньги определены правительством как «законное платёжное средство», значит, их нужно принимать¹.

Мелким шрифтом в сноске брошюры Федерального резервного банка Сент-Луиса мы находим удивительно откровенное объяснение:

Современные монетарные системы имеют фиатную основу – буквально: декретные деньги – с депозитными учреждениями, действующими в качестве фидуциариев, создающих облигации в отношении самих себя с фиатной основой, действующей отчасти как резерв. Декрет появляется на банкнотах: «Эта банкнота является законным платёжным средством по всем долгам, государственным и частным». В то время как никто не мог отказаться принимать такие деньги для оплаты долгов, легко могли быть составлены договоры об обмене, чтобы воспрепятствовать их использованию в ежедневной коммерции. Однако убедительное объяснение, почему деньги принимаются, заключается в том, что федеральное правительство требует, чтобы ими выплачивали налоговые обязательства. Предвидение необходимости покрыть этот долг создаёт потребность в чисто фиатном долларе².

БЕЗ ДОЛГА ДЕНЬГИ ИСЧЕЗНУТ

Американцам сложно осознать тот факт, что их общая денежная масса не подкреплена ничем, кроме долга, и ещё более поражает, если представить себе, что если бы все вернули те деньги, которые они заняли, то *наличных денег не осталось бы*. Это так, в обращении не было бы ни одного пенни – все монеты и все бумажные деньги вернулись бы в банковские хранилища, и ни одного доллара не было бы ни у кого на текущем счёте. Короче говоря, все деньги исчезли бы.

Марринер Экклз в 1941 году был управляющим Федеральной резервной системой. 30 сентября того же года Экклза попросили дать свидетельские

¹ *Modern Money Mechanics*, Federal Reserve Bank of Chicago, переработано в октябре 1982, р. 3.

² «Money, Credit and Velocity», *Review*, May, 1982, Vol. 64, № 5, Federal Reserve Bank of St. Louis, p. 25.

показания перед Комитетом Палаты представителей по банковскому делу и валюте. Целью слушания было получение информации о роли Федерального резерва в создании условий, которые привели к депрессии 1930-х годов. Конгрессмен Райт Патман, который был председателем этого Комитета, спросил, как Центральный банк США получил деньги, чтобы в 1933 году приобрести государственные облигации стоимостью 2 миллиарда долларов. Вот какой обмен репликами за этим последовал.

ЭККЛЗ: Мы создали их.

ПАТМАН: Из чего?

ЭККЛЗ: Из права выпускать кредитные деньги.

ПАТМАН: И за ними не стоит ничего, помимо государственного кредита, не так ли?

ЭККЛЗ: Такова наша денежная система. Если бы в нашей денежной системе не было долгов, не было бы никаких денег.

Следует понимать, что, хотя деньги могут представлять собой активы избранных лиц, когда они рассматриваются как совокупность общей денежной массы, они вовсе не являются активами. Человек, который берет займы 1000 долларов, может полагать, что он повысил своё финансовое положение на эту сумму, но это не так. Его денежные средства компенсируются его кредитным обязательством в 1000 долларов, и его нетто-позиция равняется нулю. Со счетами в банке то же самое, но в крупном масштабе. Сложите все банковские счета в стране, и тогда легко предположить, что все эти деньги представляют огромный общий фонд активов, которые поддерживают экономику. Однако каждым куском этих денег кто-то владеет. Некоторые ничего не должны. Другие должны во много раз больше, чем у них есть. Всё сложено вместе, национальный баланс равен нулю. То, что мы полагаем деньгами, – это только общая иллюзия. Реальность – это долг.

Роберт Хемфилл был кредитным менеджером Федерального резервного банка в Атланте. В предисловии к книге Ирвинга Фишера, озаглавленной «Стопроцентные деньги», Хемфилл сказал следующее:

Если бы все банковские ссуды были оплачены, никто не мог бы иметь банковский вклад, и в обращении не было бы ни одного доллара в монетах или бумажных деньгах. Это потрясающая мысль. Мы полностью зависим от коммерческих банков. Кто-нибудь должен взять займы каждый доллар, который есть у нас в обращении, в виде наличных или кредита. Если банки создают достаточное количество синтетических денег, мы процветаем, если нет, мы испытываем нужду. Мы существуем абсолютно без какой-либо постоянной денежной системы. Когда приходишь к полному пониманию картины, трагическую абсурдность

нашей безнадёжной ситуации почти невозможно вообразить, но что по-
делать¹.

Зная, что деньги в Америке основаны на долге, не следует удивляться, узнав, что Федеральная резервная система несколько не заинтересована в снижении долга в этой стране, несмотря на обратный смысл публичных высказываний. Вот практический результат собственных публикаций Системы. Федеральный резервный банк Филадельфии говорит: «С одной стороны, большое и все возрастающее число аналитиков рассматривают теперь национальный долг как нечто полезное, если не как реальное благо... [Они полагают, что] национальный долг вообще не следует снижать»².

Федеральный резервный банк Чикаго добавляет: «Долг – государственный и частный – должен сейчас остаться. Он играет важную роль в экономических процессах... Требуется не отмена долга, а его предусмотрительное использование и разумное управление»³.

ЧТО НЕ ТАК С НЕБОЛЬШИМ ДОЛГОМ?

Эта теория обладает своего рода очарованием, вызывающим глубокий интерес. Она даёт тем, кто истолковывает её, ореол интеллектуальности, видимость способности осознать сложный экономический принцип, который находится вне понимания простыми смертными. А тем, кто обладает менее академическим умом, она предлагает утешение, по меньшей мере *кажущееся* приемлемым. В конце концов, что *не так* с небольшим долгом, предусмотрительно используемым и разумно управляемым? Ответ: ничего, *в том случае если* этот долг основан на честном ведении дел. И с ним много чего не так, если он основан на обмане.

Честное ведение дел – это такое, при котором заёмщик платит согласованную сумму в обмен на временное использование активов заимодавца. Эти активы могли быть чем-либо, обладающим реальной стоимостью. Например, если бы это был автомобиль, то заёмщик платил бы «ренту». Если это деньги, то рента именуется «процент». В любом случае, понятие то же.

Когда мы идём к заимодавцу – банк ли это или частное лицо – и получаем денежный заем, мы готовы заплатить проценты по займу в признание того факта, что деньги, которые мы занимаем, – это активы, которые мы хотим использовать. Кажется только справедливым заплатить арендную плату за эти активы лицу, которое им владеет. Нелегко приобрести автомобиль и нелегко приобрести деньги, то есть реальные деньги. Если деньги, которые мы

¹ Irving Fisher, *100% Money* (New York: Adelphi, 1936), p. XXII.

² *The National Debt*, Federal Reserve Bank of Philadelphia, pp. 2, 11.

³ *Two faces of Debt*, Federal Reserve Bank of Chicago, p. 33.

одалживаем, были заработаны чьим-то трудом и талантом, этот кто-то имеет полное право получить за них проценты. Но что мы должны думать о деньгах, созданных простым росчерком пера или щелчком компьютерной клавиши? Почему кто-то должен взимать арендную плату за *это*?

Когда банки размещают кредиты на ваших текущих счетах, они просто *пре-*тендуют на то, чтобы дать вам деньги взаймы. На самом деле у них нет ничего, что они могли бы дать взаймы. Даже деньги, которые вкладчики, не имеющие никаких задолженностей, поместили в этот банк, были изначально созданы из ничего в ответ на ещё чей-то заем. Таким образом, что даёт банкам право взимать ренту *ни за что*? Сейчас не относится к делу то, что люди повсеместно принуждены по закону принимать эти сертификаты ни на что в обмен на реальные товары и услуги. Мы говорим здесь не о том, что законно, но о том, что *нравственно*. Как заметил Томас Джефферсон во время своей продолжительной борьбы с Центральным банком в США: «Никто не обладает естественным правом на профессию ростовщика, кроме того, у кого есть деньги, чтобы давать их взаймы»¹.

ТРЕТЬЯ ПРИЧИНА ОТМЕНИТЬ СИСТЕМУ

Спустя столетия *ростовщичество* было определено как любой процент, взимаемый за заем. Современное употребление переопределило его как *избыточный* процент. Конечно, любое количество процентов, взимаемое за *мнимый* заем, является избыточным. Следовательно, словарь нуждается в новом определении. *Ростовщичество* – *взимание любого процента по займу фиатных денег*.

Следовательно, в свете этого посмотрим на долг и процент. Томас Эдисон обобщил всю порочность системы, когда сказал:

Люди, которые и пальцем не шевельнут на работах по строительному проекту и не принесут ни фунта материалов, получают больше денег... чем люди, которые доставят все материалы и сделают всю работу².

¹ *The Writings of Thomas Jefferson, Library Edition* (Washington: Jefferson Memorial Association, 1903), Vol. XIII, pp. 277-278.

² Цитируется по: Brian L. Bex, *The Hidden Hand* (Spencer, Indiana: Owen Litho, 1975), p. 161. К сожалению, Эдисон не понял всей проблемы. Он был справедливо против того, чтобы платить проценты банкам за их фиатные деньги, но он не был против *государственных* фиатных денег. Он возражал только против процентов. Он не видел всю картину того, как фиатные деньги, даже выпущенные исключительно государством и без процентов, всегда разрушительно влияли на экономику из-за создания инфляции, бумов и спадов.

Преувеличение ли это? Представим себе покупку дома за 100 000 долларов, в котором 30 000 долларов представляют собой стоимость земли, гонорар архитектора, комиссионные с продажи, разрешение на строительство и тому подобное, а 70 000 долларов – это стоимость труда и строительных материалов. Если покупатель дома вкладывает 30 000 долларов как первую выплату, затем 70 000 долларов ему придётся занимать. Если заем будет выпущен с процентной ставкой 11% на 30 лет, придётся выплатить 167 806 долларов в качестве процентов. Это значит, что сумма, выплаченная тем, кто давал деньги в займы, будет примерно в 2,5 раза больше, чем сумма, выплаченная тем, кто сделал всю работу и предоставил все материалы. Надо признать, что эти цифры представляют собой временную стоимость этих денег за 30 лет, и это легко можно доказать на том основании, что любой заимодавец заслуживает, чтобы ему компенсировали то, что он отказался от использования этих денег на полжизни. Но это предполагает, что у этого заимодавца действительно есть от чего отказываться, что он заработал капитал, сохранил его и затем дал его в займы на строительство чьего-то чужого дома. Однако что мы должны думать о заимодавце, который ничего не сделал для того, чтобы заработать эти деньги, не сохранил их и, по сути, просто создал их из ничего? Какова временная стоимость этого ничего?

Как мы уже видели, каждый доллар, который сегодня существует, в форме денег, или денег для безналичных расчётов, или даже кредитной карты – другими словами, наша *полная* денежная масса – существует только потому, что эти деньги кем-нибудь взяты в займы; возможно, не вами, но кем-нибудь. Это значит, что все американские доллары во всем мире ежедневно приносят доход и накапливают проценты для банков, которые их создали. Часть каждого коммерческого предприятия, каждого вклада, каждой прибыли, каждой сделки, которая приносит деньги и даже включает *потери* и оплату *налогов*, – часть всего этого предназначается для выплат банку. А что делали банки, чтобы заработать эту постоянно текущую реку богатства? Давали ли они в долг свои собственные капиталы, полученные благодаря вкладам акционеров? Давали ли они в долг с трудом заработанные сбережения своих вкладчиков? Нет, ни один из этих способов не был основным источником их дохода. Они просто помахивали волшебной палочкой, именуемой «*фиатные деньги*».

Поток такого незаработанного богатства под личиной процентов может рассматриваться только как ростовщичество в крупных размерах. Даже если бы не было других причин отменить Центральный банк США, тот факт, что *это верховный инструмент ростовщичества*, был бы более чем достаточен сам по себе.

КТО СОЗДАЕТ ДЕНЬГИ, ЧТОБЫ ЗАПЛАТИТЬ ПРОЦЕНТЫ?

Один из наиболее трудных вопросов, связанных с этим процессом, – это вопрос «Откуда берутся деньги, чтобы заплатить проценты?». Если вы берете займы у банка 10 000 долларов по ставке 9%, вы должны 10 900 долларов. Но банк производит только 10 000 долларов для этого займа. Следовательно, казалось бы, нет способа, чтобы вы – и все остальные с такими же займами – имели возможность покрыть свою задолженность. Денежной массы, выпущенной в обращение, просто недостаточно для покрытия общего долга, включая проценты. Это привело кое-кого к выводу, что вам необходимо *взять займы 900 долларов для выплаты процентов*, и это, в свою очередь, ведёт к ещё *большим* процентам. Предположение заключается в том, что чем больше мы берём займы, тем больше мы *должны* взять займы, и что долг, основанный на фиатных деньгах, представляет собой непрекращающуюся спираль, неумолимо ведущую к большему и большему долгу.

Это неполная правда. Правда в том, что создано недостаточно денег для покрытия процентов, но заблуждение в том, что единственный способ заплатить за них – это взять займы ещё больше. Это предположение не учитывает меновую стоимость *труда*. Допустим, что вы выплачиваете ваш десяти тысячный долларовый заем по ставке примерно 900 долларов в месяц и что около 80 долларов из этого представляют собой проценты. Вы понимаете, что из-за этих выплат вы находитесь в стеснённых обстоятельствах, и вы решаете взяться за дополнительную работу на неполный рабочий день. Банк, с другой стороны, теперь получает ежемесячный доход в 80 долларов на вашем займе. Поскольку эта сумма классифицируется как «процент», она не аннулируется, как большая часть, которая представляет собой возврат самого займа. Таким образом, она остаётся в виде расходуемых денег на счёте банка. Тогда принимается решение натирать воском полы в банке раз в неделю. Вы находите рекламное объявление об этом в газете, и вас нанимают на эту работу за 80 долларов в месяц. В результате вы зарабатываете деньги, чтобы выплатить проценты на ваш заем, и – в этом суть дела – деньги, которые вы получаете, это *те же самые* деньги, которые вы ранее заплатили. Пока вы каждый месяц работаете на банк, одни и те же доллары поступают в банк в виде процентов, потом через вращающиеся двери выходят наружу в виде вашего заработка, а затем попадают обратно в банк в виде оплаты займа.

Необязательно, чтобы вы работали непосредственно на этот банк. Неважно, где вы зарабатываете эти деньги, их *источником* был какой-нибудь банк, и их конечным *пунктом назначения* тоже является какой-нибудь банк. Петля,

по которой они путешествуют, может быть большой или маленькой, но факт остаётся фактом: в конечном счёте все проценты оплачиваются человеческим трудом. И смысл этого факта даже удивительнее, чем предположение, что создано недостаточно денег для выплаты процентов. Дело в том, что итог этого человеческого труда, в конце концов, предназначен для тех, кто создаёт фиатные деньги. Это форма современного рабства, при котором широкие слои общества работают в качестве крепостных слуг правящего класса, финансовой аристократии.

ОСМЫСЛЕНИЕ ИЛЛЮЗИИ

Это действительно все, что нужно знать о функционировании банковского картеля под защитой Федерального резерва. Но было бы досадно остановиться здесь, не взглянув на истинные винтики, блоки и волшебные зеркальца, которые заставляют работать магический механизм. Это действительно увлекательный механизм тайны и обмана. Поэтому обратим внимание на реальный процесс, с помощью которого эти фокусники создают иллюзию современных денег. Вначале надо отступить подальше, чтобы иметь обзор и видеть весь процесс целиком. Затем надо подойти поближе и подробно рассмотреть каждый компонент.

МЕХАНИЗМ МАНДРАГОРЫ: ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

ДОЛГ

↓
Общая функция этого механизма – преобразовать долг в деньги. Это очень просто. Сначала Центральный банк США берет все государственные облигации, не выкупленные населением, и в обмен на них выписывает чек Конгрессу. (Он приобретает и другие долговые облигации, но государственные ценные бумаги составляют большую часть его запасов.) Денег, чтобы оплатить этот чек, нет. Непосредственно с этой целью создаются фиатные деньги. Называя эти облигации «резервами», Центральный банк США затем использует их как основу для создания девяти дополнительных долларов на каждый доллар, созданный для самих облигаций. Деньги, созданные для облигаций, тратит правительство, тогда как деньги, созданные сверх этих облигаций, представляют собой источник всех банковских займов, взятых фирмами и частыми лицами страны.

Результат этого процесса такой же, как если бы деньги печатались с помощью печатного пресса, но иллюзия основана на фокусе финансовой отчётности, а не на фокусе печати. Практический результат состоит в том, что Конгресс и банковский картель вступили в партнёрские отношения, при которых картель обладает привилегией получения процентов с денег, которые он создаёт из ничего, постоянный оверрайд на каждый американский доллар, существующий в мире. Конгресс, с другой стороны, обладает доступом к неограниченному финансированию без необходимости сообщать избирателям, что их налоги повышаются в процессе инфляции. Если вы поняли этот пункт, вы поняли Федеральную резервную систему.

ДЕНЬГИ

Теперь рассмотрим это более подробно. Есть три основных способа, используя которые Федеральная резервная система создаёт фиатные деньги из долга. Один способ: за счёт предоставления ссуд банкам – членам Федеральной резервной системы, посредством того, что называется *дисконтное окно*. Второй: за счёт покупки долгосрочных казначейских облигаций и других сертификатов долга, посредством того, что называется *комитет открытого рынка*. Третий: за счёт изменения так называемого *процента резервного покрытия*, который банки – члены Федеральной резервной системы обязаны поддерживать. Каждый способ – это просто другой путь к той же цели: собирать долговые расписки и превращать их в расходуемые деньги.

ДИСКОНТНОЕ ОКНО

Дисконтное окно – это просто банковский термин, обозначающий *ссудное окно*. Когда у банков заканчиваются деньги, Федеральный резерв в качестве «банка банкиров» готов дать им займы. У них много причин нуждаться в займах. Поскольку они придерживаются «резервов» в размере только около 1 или 2% от своих вкладов наличными, которые они держат в хранилище, и 8 или 9% от ценных бумаг, их рентабельность по операционной прибыли чрезвычайно низка. Иметь временный неблагоприятный платёжный баланс, связанный с неожиданным требованием клиентом наличных денег или неожиданно большими пачками чеков, каждый из которых при этом оплачивается другими банками, – это для них привычное явление. Иногда они имеют дело с просроченными ссудами, и когда эти бывшие «активы» удаляются из их бухгалтерских книг, их «резервы» тоже уменьшаются и фактически могут стать отрицательными. Наконец, существует стимул к получению прибыли. Когда

банки берут займы у Федерального резерва по ставке 1%, а потом одалживают их под более высокие проценты, выгода очевидна. Но это только начало. Когда банк берет займы доллар у Центрального банка США, этот доллар становится однодолларовым *резервом*. Поскольку банки должны сохранять резервы в объёме около 10%, фактически они могут давать займы до *десяти* долларов на каждый взятый займы доллар¹.

Посмотрим на цифры. Предположим, банк получает 1 миллион долларов от Центрального банка США по ставке 8%. Следовательно, общая ежегодная стоимость составляет 80 000 долларов ($0,08 \times 1\,000\,000$ долларов). Банк рассматривает этот заем как денежный вклад, и это означает, что данный вклад становится основой для производства дополнительных 9 миллионов долларов, которые должны быть отданы займы его клиентам. Если мы предположим, что он даёт займы эти деньги по ставке 11%, его валовой доход будет 990 000 долларов ($0,11 \times 9\,000\,000$ долларов). Вычитаем отсюда банковские издержки, составляющие 80 000 долларов плюс соответствующую часть их накладных расходов, и мы имеем чистую прибыль примерно 900 000 долларов. Иначе говоря, банк берет в долг миллион и за год может почти удвоить его². Это *левередж* [использование заёмного капитала для увеличения прибыли]! Но не забудьте о его *источнике*: это создание ещё 9 миллионов долларов, которые добавлены к национальной денежной массе.

ОПЕРАЦИЯ НА ОТКРЫТОМ РЫНКЕ

Самый важный метод, применяемый Федеральным резервом для создания фиатных денег, — это покупка и продажа ценных бумаг на открытом рынке. Но, прежде чем мы окунёмся туда, одно предостережение. Не стоит ожидать, что последующее будет иметь какой-то смысл. Просто будьте готовы узнать, как они всё это делают.

Фокус — в использовании слов и выражений, имеющих технические значения, совершенно отличные от того, что эти слова значат для среднестатистического человека. Смотрите на слова. Они предназначены не для объяснения, а для введения в заблуждение. Несмотря на первое впечатление, этот процесс *не* является сложным. Он просто абсурден.

¹ Эти 10% (коэффициент десять к одному) основаны на индексе курсов. Федеральный резерв требует, чтобы минимальный резерв составлял 10% по вкладам свыше 47,6 млн долларов, но всего лишь 3% по вкладам от 7 млн долларов до указанной суммы, и не требует совсем никакого резерва ниже этой суммы. Резерв состоит из запаса наличных денег в банке и вкладов Федерального резерва. См.: Federal Reserve Press Release: «Annual adjustments for reserve calculations, Reg», 6 октября 2004.

² Банки должны покрывать эти займы облигациями или другими процентными активами, которыми они владеют, но это не уменьшает эффекта денежного мультипликатора, производимого новым вкладом.

МЕХАНИЗМ МАНДРАГОРЫ: ДЕТАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Прежде всего...

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ

Федеральное правительство водит чернилами по бумаге и рисует на полях причудливые узоры, которые называет облигациями или казначейскими билетами. Это всего лишь обещание заплатить указанную сумму с указанным процентом в указанную дату. Как мы увидим далее, этот долг, в конце концов, становится основой почти всей денежной массы в стране¹. На самом деле так правительство создало наличные деньги, которые не похожи на наличные. Преобразование тезисов в бумажные счета и чековые книжки – задача Федеральной резервной системы, а, чтобы выполнить её, облигация передаётся ФРС, где она затем классифицируется как...

АКТИВ В ЦЕННЫХ БУМАГАХ

Инструмент государственного долга рассматривается как актив, потому что предполагается, что государство сдержит своё обещание заплатить. Это основано на его способности получать посредством налогообложения столько денег, сколько ему требуется. Таким образом, сила этого актива – в возможности взять то, что он даёт. Значит, Федеральный резерв теперь имеет «актив», который можно использовать для погашения обязательства. Итак, он создаёт это обязательство, добавляя чернила на ещё один кусок бумаги и обменивая его у государства на актив. Этот второй кусок бумаги представляет собой...

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ РЕЗЕРВНЫЙ ЧЕК

Для покрытия этого чека денег нет ни на каком счёте. Любой другой попал бы за это в тюрьму. Однако это законно для Центрального банка США, потому что Конгрессу нужны деньги, а это самый лёгкий способ их получить. (Повышать налоги было бы политическим самоубийством; зависеть от того, купит ли население облигации, было бы нереалистично, особенно в том случае, когда процентные ставки

¹ Долговые обязательства от частного сектора и от других правительств тоже используются, но государственные долговые обязательства представляют собой основные инструменты.

искусственно занижены; а напечатать слишком много денег было бы заметно и предосудительно.) Таким образом, процесс мистическим образом завершается банковской системой. Тем не менее конечный результат таков же, как если бы включили государственные печатные прессы и просто изготовили фиатные деньги (деньги, созданные по приказу правительства без их обеспечения стоимостью реальных активов), чтобы оплатить государственные расходы. Однако в терминах бухгалтерского учёта сказано, что отчётность «сбалансирована», потому что денежные обязательства погашены за счёт «активов» долговых расписок. Чек Федерального резерва, полученный государством, затем индоссирован и отсылается обратно в один из Федеральных резервных банков, где он теперь называется...

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПОЗИТ

После того как Федеральный резервный чек был депонирован на государственный счёт, он используется для оплаты государственных расходов и таким образом преобразуется в многочисленные...

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЧЕКИ

Эти чеки становятся средством, с помощью которого экономику заполняет первая волна фиатных денег. Получатели кредитов кладут их на свои собственные банковские счета, и теперь они называются...

ВКЛАДЫ В КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК

Вклады в коммерческий банк сразу же приобретают некую двойственность. С одной стороны, они являются обязательствами перед банком, так как их следует вернуть вкладчикам. Но, пока они остаются в банке, они также считаются активами, так как имеются в наличии. Повторю: отчётность «сбалансирована»: активы компенсируют обязательства. Но процесс на этом не останавливается. Благодаря магии частичного банковского резервирования депозиты служат дополнительной и более прибыльной цели. Для достижения этой цели наличные депозиты теперь в отчётности реклассифицируются и называются...

БАНКОВСКИЕ РЕЗЕРВЫ

Резервы для чего? Для расчёта с вкладчиками, если бы они захотели закрыть свои счета? Нет. Это самая скромная функция, которую они выполняли, когда их классифицировали как чистые активы.

Теперь, когда они получили наименование «резервы», они стали той волшебной палочкой, с помощью которой можно материализовать ещё большие суммы фиатных денег. Вот где происходит реальное действие: на уровне коммерческих банков. И вот как это работает. Центральный банк США разрешил этим банкам хранить в «резерве» всего лишь 10% от их вкладов. Это значит, что если они получают вкладов на 1 миллион долларов от первой волны фиатных денег, созданных Центральным банком США, то имеют на 900 000 долларов больше, чем им требуется иметь в наличии (1 миллион долларов меньше 10% резерва). На языке банкиров эти 900 000 долларов называются...

ИЗБЫТОЧНЫЕ РЕЗЕРВЫ

Слово «избыточные» – это намёк на то, что эти так называемые резервы имеют специальную цель. Теперь, когда они превратились в избыток, они рассматриваются как доступные для предоставления займа. Поэтому в своё время эти избыточные резервы превращаются в...

БАНКОВСКИЕ ЗАЙМЫ

Но подождите минутку. Как можно давать займы эти деньги, когда ими владеют основные вкладчики, которые все ещё вольны выписывать чеки и тратить деньги в любой удобный им момент? Не является ли это двойным притязанием на одни и те же деньги? Ответ в том, что, когда выдаются новые кредиты, они выдаются совсем не из тех же денег. Они выдаются под брендом *новых* денег, созданных для этой цели из ничего. Национальная денежная масса просто увеличивается на 90% банковских депозитов. Кроме того, эти новые деньги гораздо более интересны банкам, чем старые. Старые деньги, которые они получили от вкладчиков, требуют от них, чтобы они выплачивали проценты или осуществляли услуги за привилегию их использования. Но с *новыми* деньгами банки *взимают* проценты вместо всего этого, что не так плохо, учитывая, что изготовить эти деньги ничего им не стоило. Это тоже ещё не конец процесса. Когда на экономику обрушивается *вторая* волна фиатных денег, она возвращается в банковскую систему, так же как и первая волна, в виде...

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДЕПОЗИТОВ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

↓

Процесс теперь повторяется, но каждый раз с некоторым уменьшением срока, на который берётся заем. То, что было «займом» в пятницу, возвращается в банк в качестве «депозита» в понедельник. Затем этот депозит классифицируется как «резерв», и 90% от него становятся «избыточным» резервом, который вновь доступен для нового «займа». Таким образом, 1 миллион долларов *первой* волны фиатных денег привёл к возникновению 900 000 долларов во время *второй* волны, и это привело к возникновению 810 000 долларов во время *третьей* волны (900 000 долларов без 10% резерва). Примерно 28 раз войти в дверь-вертушку требуется вкладам, чтобы они стали займами, затем вкладами, затем опять займами, но уже более крупными, до тех пор пока этот процесс не исчерпает себя, дойдя до максимального эффекта, а именно...

БАНКОВСКИЕ ФИАТНЫЕ ДЕНЬГИ = ДО ДЕВЯТИКРАТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА

↓

Величина фиатных денег, созданных банковским картелем, примерно в 9 раз больше величины исходного государственного долга, который сделал возможным весь этот процесс¹. Когда сам исходный долг добавляется к этой цифре, мы в результате получаем...

СУММАРНЫЕ ФИАТНЫЕ ДЕНЬГИ = ДО ДЕСЯТИКРАТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА

↓

Суммарная величина фиатных денег, созданных Федеральным резервом вместе с коммерческими банками, примерно в 10 раз больше величины государственного долга, лежащего в основе этого процесса. В той степени, в которой эти вновь созданные деньги наполняют экономику в виде избыточных товаров и услуг, они приводят к снижению покупательной способности всех денег – и старых, и новых. Цены взлетают, потому что относительная стоимость денег уменьшилась. Результат тот же, как если бы покупательную стоимость отняли у нас в виде налогов. Поэтому реальная сущность данного процесса заключается в том, что это...

¹ Это теоретический максимум. На практике банки редко могут одалживать все деньги, которые им разрешили создать, и эти цифры оказываются меньше максимума.

СКРЫТЫЙ НАЛОГ = ДО ДЕСЯТИКРАТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА

↓ Не понимая этого, американцы за эти годы, в *дополнение* к своим федеральным налогам на доходы и акцизным сборам, заплатили полностью скрытый налог, во много раз превышающий величину национального долга! И это тоже ещё не конец процесса. Поскольку наша денежная масса представляет собой чисто произвольную экономическую единицу, за которой не стоит ничего, кроме долга, её величина может как снижаться, так и повышаться. Когда люди погружаются в долги, денежная масса государства увеличивается в объёме, и цены растут, но когда они выплачивают свои старые долги и перестают залезать в новые, денежная масса сокращается, а цены падают. Именно это происходит во время экономической или политической неопределённости. Это чередование периодов, когда денежная масса то увеличивается в объёме, то сокращается, является причиной, лежащей в основе...

БУМОВ, СПАДОВ И ДЕПРЕССИЙ

↑ Кто выигрывает от всего этого? Конечно, не обычные граждане. Единственными лицами, извлекающими выгоду, являются политологи в Конгрессе, которые пользуются эффектом получения неограниченного дохода для сохранения своей власти, и учёные-монетаристы, входящие в банковский картель, именуемый Федеральной резервной системой, которые сумели впрямь американский народ, ничего об этом не знающий, в ярмо современного феодализма.

ПРОЦЕНТЫ РЕЗЕРВА

Приведённые выше цифры основаны на 10% «резерва» (коэффициент увеличения денег в объёме равен 10 к 1). Однако необходимо помнить, что это чисто произвольно. Поскольку деньги фиатные, здесь нет *реального* ограничения, помимо того, что считают выгодным руководители отдела регулирования денежных операций. В любое время есть «нужда» в большем количестве денег, при этом видимость резерва вполне может прекратить своё

существование. Фактически *нет* предела количеству фиатных денег, которое может быть изготовлено в рамках существующей системы¹.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НЕОБХОДИМЫМ ДЛЯ ИНФЛЯЦИИ

Поскольку Федеральный резерв может рассчитывать на «монетизацию» (превращение в деньги) практически любой суммы государственного долга, и поскольку этот процесс увеличения объёма денежной массы является первопричиной инфляции, заманчиво ухватиться за вывод, что государственный долг и инфляция представляют собой аспекты одного и того же явления. Однако это не является неизбежно верным. Вполне возможно, что любое из этих явлений может существовать без второго.

Банковский картель обладает монополией на изготовление денег. Следовательно, деньги создаются только тогда, когда долговые расписки «монетизируются» Центральным банком США или коммерческими банками. Когда частные лица, корпорации или учреждения приобретают государственные облигации, они должны использовать для этого деньги, которые ранее заработали и сохранили. То есть новые деньги не создаются, так как они используют средства, уже имеющиеся в наличии. Следовательно, продажа государственных облигаций банковской системе *вызывает* инфляцию, а продажа частному сектору её *не* вызывает. Это первопричина того, почему США избежали массовой инфляции в 1980-х годах, когда федеральное правительство влезло в долги в большей степени, чем ранее за свою историю. Поскольку поддерживалась высокая ставка процента, эти облигации стали привлекательными для *частных* инвесторов, в том числе и в других странах². Было создано очень мало новых денег, так как большая часть этих облигаций была приобретена на уже имеющиеся в наличии американские доллары. Это, несомненно, было в лучшем случае временным приспособлением. Сегодня у этих облигаций всё время наступает срок погашения, и их заменяют ещё *большими* облигациями, чтобы включить первоначальный долг и накопленные проценты. В конце концов, этот процесс должен завершиться, и когда это произойдёт, у Центрального банка США не будет выбора, кроме как буквально выкупить обратно весь

¹ Через 16 лет после того, как это утверждение было опубликовано в первом издании данной книги, Бен Бернанке, председатель Совета управляющих Федеральной резервной системой США, писал: «Федеральный резерв полагает возможным, что, в конце концов, его структура управления позволит упразднить требования минимального резерва». См.: «Bernanke Wants to Eliminate Reserve Requirements Completely», Michael Snyder, *Yahoo Finance*, Mar. 18, 2010 (*Интернет*).

² Примерно лишь 11–15% государственного долга хранились в то время Федеральной резервной системой.

долг 1980-х годов, то есть заменить все ранее вложенные частные деньги вновь изготовленными фиатными деньгами, плюс много большая сумма, чтобы покрыть проценты. Тогда мы поймём значение инфляции.

С другой стороны, Федеральный резерв обладает опционом на изготовление денег, даже если федеральное правительство не погружается в долги. Например, огромное увеличение денежной массы, приведшее к краху фондовой биржи в 1929 году, произошло в тот момент, когда государственный долг был выплачен. Каждый год в период с 1920-го по 1930-й федеральные доходы превышали расходы, и предлагалось относительно небольшое количество государственных облигаций. Сильную инфляцию денежной массы сделали возможной преобразование займов коммерческих банков в «резервы» через дисконтное окно Центрального банка США и покупка Центральным банком США банковских акцептов, которые представляют собой торговые договоры на приобретение товаров¹.

Теперь эти опционы даже больше. Закон о контроле за денежным обращением 1980 года позволил этой твари превращать в деньги практически любое долговое обязательство, в том числе долговые расписки иностранных правительств. Очевидная цель этого законодательства в том, чтобы сделать возможным финансовую помощь этим правительствам, у которых возникли проблемы с выплатой процентов по займам из американских банков. Когда Центральный банк США создаёт фиатные американские доллары, чтобы предоставить их иностранным правительствам в обмен на их облигации, потерявшие стоимость, путь денег несколько длиннее и более извилист, но результат аналогичен покупке облигаций Казначейства США. Вновь созданные доллары уходят к иностранным правительствам, а затем в американские банки, где становятся резервами денежной наличности. В конце концов, они перетекают обратно в денежный пул США (умноженные на 9) в виде дополнительных займов. Стоимость операции вновь несут на себе американские граждане через утрату покупательной способности. Следовательно, увеличение объёма денежной массы и инфляция, которая за ним следует, больше не требуют даже федерального дефицита. До тех пор пока кто-нибудь готов брать займы американские доллары, этот картель будет иметь опцион на создание этих долларов специально для приобретения облигаций и, поступая таким образом, будет продолжать увеличивать денежную массу.

Однако мы не должны забывать, что среди причин того, почему был создан Центральный банк США, на первом месте было стремление сделать так, чтобы Конгресс мог расходовать деньги, не ставя общественность в известность относительно того, что её подвергают налоговому обложению. Американцы продемонстрировали удивительную беззаботность в отношении этой обдираловки, которая, несомненно, объяснялась их непониманием того, как работает механизм Мандрагоры. Поэтому теперь этот сговор между банков-

¹ См. Главу 23.

ским картелем и политиками находится в большой опасности изменений. Следовательно, с практической точки зрения, хотя Центральный банк США может также создавать фиатные деньги в обмен на коммерческий долг и облигации зарубежных правительств, его *главная* забота, вероятнее всего, будет заключаться в том, чтобы продолжать поддерживать Конгресс.

Выводы из этого факта невероятны. Поскольку наша денежная масса, по крайней мере в настоящий момент, привязана к государственному долгу, выплата этого долга вызвала бы исчезновение денег. Даже его серьёзное *сокращение* нанесло бы ущерб экономике¹. Поэтому, пока существует Федеральный резерв, Америка будет, *должна* иметь задолженность.

Приобретение облигаций у других правительств ускоряется в современном политическом климате интернационализма. Наша собственная денежная масса все в большей и большей степени основана на *их* долге, как и на нашем, и им тоже не позволят выплатить свой долг, даже если они могут это сделать.

НАЛОГИ ДАЖЕ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ

Мысль, что федеральное правительство теперь могло бы действовать – даже на современном уровне затрат – без взимания каких бы то ни было налогов, действует отрезвляюще. Все, что ему приходится делать, – это создавать требуемое количество денег с помощью Федеральной резервной системы, превращая в деньги свои собственные облигации. По сути, большая часть этих денег, которые оно *сейчас* тратит, получена именно таким способом.

Если идея ликвидации Налогового управления США звучит как хорошая новость, вспомним, что инфляция, которая является результатом монетизации долга, представляет собой налог, подобный любому другому налогу. Но, поскольку этот налог скрытый и так мало американцев понимают, как он действует, она обладает большей политической популярностью, чем налог, о котором всем известно, потому что он у всех на виду.

Инфляцию можно уподобить игре «Монополия», где банкир не ограничен в количестве денег, которые он может распространять. С каждым броском костей он вынимает из-под стола ещё одну стопку бумажных жетонов, которые все игроки должны использовать в качестве денег. Если банкир тоже является одним из игроков (а в нашем реальном мире дело обстоит именно так), очевидно, что он собирается прийти к тому, чтобы владеть всей собственностью. Но тем временем возрастающий поток денег раскручивается от бан-

¹ Притом что Центральный банк США хранит лишь 7% государственного долга, воздействие было бы разрушительным. Поскольку денежная масса построена в виде десятикратной пирамиды на вершине лежащих в её основании государственных облигаций, каждый доллар, изъятый из государственного долга, вызвал бы сокращение денежной массы в 70 центов ($1,00 \times 0,07 \times 10 = 0,70$).

кира и засасывает игроков. В то время как количество денег увеличивается, относительная стоимость каждого жетона уменьшается, и цена собственности растёт. Игра называется «Монополией» не случайно. В конце один человек является владельцем всей собственности, а все остальные – банкроты. Но какое это имеет значение? Это только игра.

К сожалению, в реальном мире это *не* игра. Это наши средства к жизни, наша пища, наш кров. Если есть только один победитель, это действительно имеет значение, но если этот победитель получил свою монополию, просто изготовив все деньги, это имеет *большое* значение.

ЧЕТВЕРТАЯ ПРИЧИНА ОТМЕНИТЬ СИСТЕМУ

Несомненно, инфляция – это налог. Более того, это самый несправедливый из всех налогов, так как он тяжелее всего давит на тех, кто бережлив, на тех, кто имеет стабильные доходы, и на тех, кто находится в середине и в нижней части распределения населения по размерам доходов. Здесь важно то, что этот скрытый налог был бы невозможен без фиатных денег. Фиатные деньги в Америке созданы исключительно благодаря существованию Федеральной резервной системы. Следовательно, будет совершенно правильно сказать, что *Федеральная резервная система создаёт наш самый несправедливый налог*. И этот налог, и эту систему следует отменить.

Политологи, которые легализуют этот процесс монетизации государственного долга, и учёные-монетаристы, которые его осуществляют, знают, что это не настоящий долг. Это не настоящий долг, потому что никто в Вашингтоне на самом деле не собирается возвращать его – *никогда*. Двойственная цель этого магического шоу состоит просто в том, чтобы создавать свободные деньги на текущие расходы для этих политологов, без неудобства, связанного с повышением прямых налогов, а также создавать бесконечную реку золота, текущую в банковский картель. Это партнёрство просто заботится само о себе.

Тогда зачем федеральное правительство вообще возится с налогами? Почему просто не оперирует с монетизированным долгом? Ответ состоит из двух частей. Во-первых, если бы оно это делало, люди начали бы удивляться *источнику* денег, а это могло бы привести их к осознанию реальности того, что инфляция – это налог. Таким образом, налоги на *определённом* уровне служат для поддержания общественной неосведомлённости, необходимой для успешного действия этой схемы. Вторая причина в том, что налоги, в особенности *прогрессивные* налоги, представляют собой оружие, с помощью которого элитарные социальные планировщики могут вести войну против среднего класса.

ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

В январском выпуске *American Affairs* 1946 года была напечатана статья Бирдсли Рамла, который в то время был председателем Федерального резервного банка Нью-Йорка. Рамл разработал систему автоматического сбора подоходного налога путём вычетов из зарплаты во время Второй мировой войны, поэтому он был достаточно сведущ, чтобы говорить о природе и цели федерального подоходного налога. Его тема была изложена в заголовке статьи: «Государственные доходы от сбора налогов устарели».

Во введении к этой статье редактор журнала обобщил взгляды Рамла следующим образом:

Его тезис таков, что, имея контроль центральной банковской системы и необратимую валюту (деньги, не обеспеченные золотом), верховное национальное правительство, наконец, свободно от денежных забот и больше не нуждается в том, чтобы взимать налоги в целях обеспечения себя доходами. Поэтому все налогообложение следует рассматривать с точки зрения социальных и экономических последствий¹.

Рамл объяснил, что, поскольку Федеральный резерв может теперь создавать из ничего все деньги, которые могли бы когда-либо потребоваться правительству, остаются только две причины для того, чтобы вообще сохранять налоги. Первая причина – бороться с повышением общего уровня цен. Его аргумент таков, что, когда у людей есть в кармане деньги, они будут тратить их на товары и услуги, и это будет способствовать росту цен. Решение, говорит он, в том, чтобы убрать от них деньги посредством налогообложения и вместо этого дать правительству потратить их. Это тоже будет способствовать росту цен, но Рамл предпочёл в это не углубляться. Он объяснил свою теорию следующим образом:

Доллары, которые тратит правительство, приобретают покупательную способность в руках людей, которые их получили. Доллары, которые правительство забирает в виде налогов, люди потратить не могут, и, следовательно, эти доллары больше не могут использоваться для приобретения вещей, имеющих для продажи. Следовательно, налогообложение – инструмент первостепенной важности в управлении финансово-бюджетной и кредитно-денежной политикой².

¹ «Taxes for Revenue Are Obsolete», by Beardsley Ruml, *American Affairs*, January, 1946, p. 35.

² Ruml, p. 36.

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Ещё одной целью налогообложения, согласно Рамлу, является перераспределение материальных ценностей от одного класса граждан к другому. Это всегда должно происходить во имя социальной справедливости или равенства, но реальная цель – отвергнуть свободный рынок и подвести общество под контроль разработчиков генерального плана. Рамл сказал:

Второй принципиальной целью федеральных налогов является достижение большего равенства личных состояний и доходов, чем явилось бы результатом действия одних только экономических сил. Налоги, эффективные для достижения этой цели, – это прогрессивный личный подоходный налог, прогрессивный налог на наследство и налог на дарение. То, какими должны быть эти налоги, зависит от государственной политики в отношении распределения личных состояний и доходов. Эти налоги должны быть защищены и изучены в зависимости от их воздействия на особенности американской жизни, не как меры, направленные к извлечению внутренних доходов¹.

Как мы уже видели, сенатор Нельсон Олдрич был одним из создателей Федеральной резервной системы. Это неудивительно, если учитывать картельную природу Системы и финансовые интересы, которые он представлял. Олдрич был также одним из главных спонсоров федерального подоходного налога. Два создания работали вместе как гораздо более чувствительный механизм контроля экономической и социальной жизни общества, чем любой из них в одиночку.

В последующие годы имелось обнадеживающее свидетельство того, что разработчики генерального плана готовы отказаться от проекта Рамла. Мы услышали достаточно много в Конгрессе и от Федерального резерва о необходимости сократить расходы так, чтобы уменьшить рост федерального долга и инфляции. Но это только пустые слова. Большая часть федерального финансирования продолжает создаваться механизмом Мандрагоры, государственные расходы продолжают опережать доходы от налогов, и формула Рамла не имеет конкурентов.

¹ Там же, с. 36.

УВЕЛИЧЕНИЕ ВЕДЕТ К СОКРАЩЕНИЮ

Хотя это правда, что механизм Мандрагоры несёт ответственность за увеличение объёма денежной массы, этот процесс также работает и в обратном порядке. Как раз в тот момент, когда деньги создаются при *приобретении* Федеральным резервом облигаций или других долговых обязательств, они погашаются *продажей* тех же самых предметов. Когда они проданы, деньги возвращаются в Систему и исчезают в чернильнице или компьютерной микросхеме, откуда они и возникли. Затем тот же самый вторичный волновой эффект, который *создавал* деньги с помощью системы коммерческих банков, служит причиной *изъятия* их из экономики. Кроме того, даже если Федеральный резерв не сокращает преднамеренно денежную массу, тот же результат может быть достигнут и часто достигается, когда общественность решает воздерживаться от кредитов и снижает свои долги. Человека можно только уговаривать брать займы, его нельзя вынудить это сделать.

Существует множество психологических факторов, влияющих на принятие решения влезать ли в долги, которое может компенсировать лёгкую доступность денег и низкую процентную ставку: спад в экономике, угроза гражданских беспорядков, боязнь приближающейся войны, нестабильный политический климат и другие. Даже если Центральный банк США может попытаться вложить огромные суммы в экономику, делая их достаточно доступными, общественность может помешать этому, просто сказав: «Нет, спасибо». Если это происходит, старые выплаченные долги не заменяются новыми, и общая сумма задолженности по потребительскому кредиту и коммерческих долгов уменьшается. Это означает, что денежная масса тоже уменьшится, так как в современной Америке долг – это деньги. И это как раз и есть то самое увеличение и сокращение денежного пула – явление, которое не могло бы произойти, если бы оно было основано на законах спроса и предложения – то есть сама сущность практически каждого бума и спада, которые изводили человечество на протяжении всей истории.

В заключение можно сказать, что современные деньги – это общая иллюзия, вызванная фокусниками от финансов и политики. Мы живём в эпоху фиатных денег, и понимание того, что каждая ранее существовавшая в истории страна, принявшая такие деньги, в конце концов, была экономически разрушена ими, отрезвляет. Кроме того, в нашей нынешней денежной структуре нет ничего, что гарантировало бы нам защиту от этой отвратительной участи.

РЕЗЮМЕ

У американского доллара нет действительной стоимости. Это классический пример фиатных денег без ограничения по объёму, который может быть произведён. Его основная ценность состоит в готовности людей принять его, и, исходя из этого, законы о законном платёжном средстве обязывают их это сделать. Это правда, что наши деньги созданы из ничего, но точнее будет сказать, что они основаны на долге. Следовательно, в каком-то смысле наши деньги созданы *менее* чем из ничего. Общая денежная масса исчезла бы в банковских хранилищах и компьютерных микросхемах, если бы все долги были возвращены. Поэтому при существующей системе наши лидеры не могут позволить серьёзное сокращение ни государственного долга, ни задолженности по потребительскому кредиту. Начисление процентов на поддельные займы — это ростовщичество, и Федеральная резервная система наделила его законным статусом. Механизм Мандрагоры, с помощью которого Центральный банк США преобразует долги в деньги, может поначалу показаться сложным, но он прост, если вспомнить, что этот процесс предназначен не для того, чтобы он был логичен, а для того, чтобы запутывать и обманывать. Конечный продукт этого механизма — искусственное увеличение денежной массы, которая представляет собой основную причину скрытого налога, именуемого инфляцией. Это увеличение затем приводит к сокращению, и вместе они создают деструктивный цикл бумов-спадов, который изводил человечество на протяжении истории, где бы ни существовали фиатные деньги.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПРОГРАММЫ АННУЛИРОВАНИЯ ДОЛГА

Поскольку банки дают займы деньги, которые не существовали до этой сделки, множество должников сделали вывод, что они не обязаны выплачивать свои долги. Это убедительная концепция, учитывая тот факт, что соглашения о банковском кредите и о кредите по кредитной карте, как правило, приводят клиентов к мысли, что они берут займы деньги, принадлежавшие кому-то ещё, и поэтому они готовы выплачивать проценты. При обжаловании этих соглашений в суде они часто оцениваются как мошеннические, и теперь существуют фирмы, предлагающие услуги по «аннулированию долга», с тем чтобы обжаловать эти соглашения, имея в виду, что долги будут аннулированы. Дискуссия за и против этих программ не входит в рамки данного труда, но заинтересованные лица могут прочесть или посмотреть видеоматериалы с исследованием автора на следующем сайте: www.freedom-force.org/freedom.cfm?fuseaction=issues.

Сесил Родс сделал одно из крупнейших в мире состояний XIX века. Получив финансовую помощь от Натана Ротшильда и Английского банка, он установил монополию на добычу алмазов в Южной Африке, а также на добычу большей части золота. Он создал тайное общество, куда входили многие из руководящих деятелей британского правительства. Их особой целью было не что иное, как установление мирового господства и современного феодального общества, контролируемого ими самими через центральные банки. Совет по международным отношениям был отростком этой группы в Америке. (Фото Родса – из Библиотеки Конгресса)

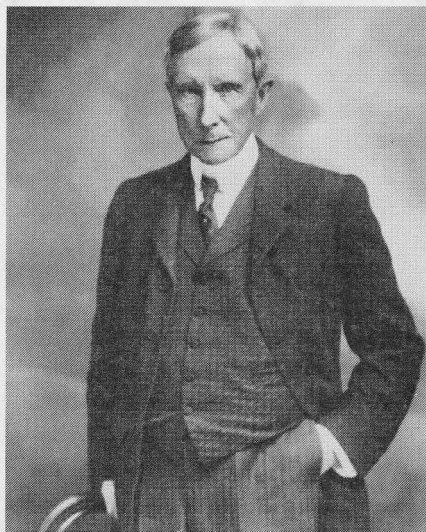

Огюст Бельмон прибыл в Нью-Йорк в 1837 году в качестве финансового агента Ротшильдов. Он вложил огромные суммы в американские инвестиции, при этом часто никто не знал, чьи деньги он тратил. Цель этой маскировки заключалась в том, чтобы снизить рост антиротшильдовского возмущения, которое в то время получило широкое распространение в Европе и Америке. Когда о его принадлежности к банкирскому дому Ротшильдов стало известно общественности, его практическая польза подошла к концу, и его заменил Дж.П. Морган. (Фото Бельмона – из Музея города Нью-Йорка)

Дж.П. Моргана-старшего привёл в банковское дело его отец, Джуниус Морган, это было в Англии. Морганы дружески соперничали с Ротшильдами и стали социально близки с ними. Лондонскую компанию Морганов спас от финансового краха в 1857 году Английский банк, на который Ротшильды имели большое влияние. После этого Морган работал в качестве финансового агента Ротшильдов и сделал все возможное, чтобы стать настоящим американцем. (Фото Моргана – из Библиотеки Конгресса)

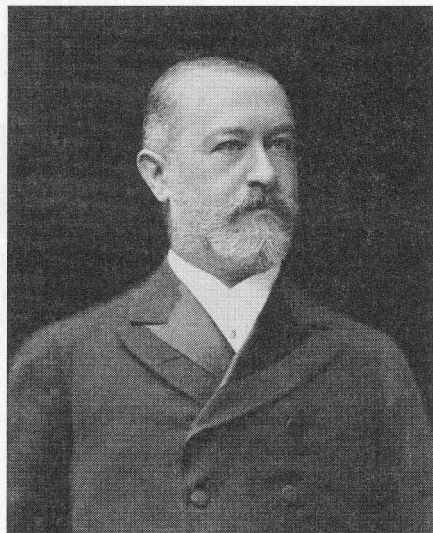

Джон Д. Рокфеллер сделал своё первое состояние на нефти, но вскоре устремился в банковское дело и финансы. Морган не приветствовал его появление в этой области, и они стали непримиримыми соперниками. В конце концов, они решили свести к минимуму своё соперничество, войдя в совместные предприятия. В результате они работали вместе над созданием национального банковского картеля под названием «Федеральная резервная система». (Фото Рокфеллера – из Библиотеки Конгресса)

Здание для клуба на частном курорте на острове Джекилл в Джорджии, где в 1910 году в обстановке огромной секретности была разработана Федеральная резервная система. Здание показано вскоре после окончания строительства. (Фото из Музея острова Джекилл)

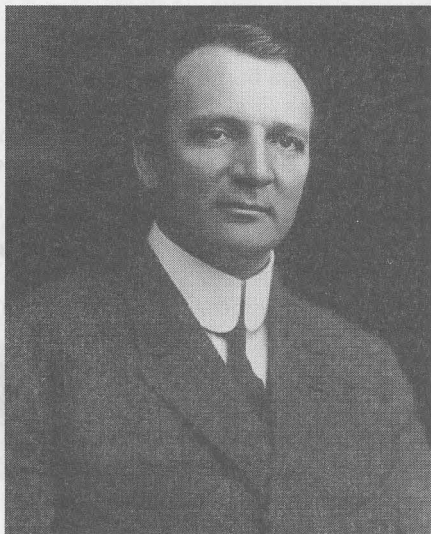
На фотографии справа – Джейкоб Шифф, который был главой нью-йоркской инвестиционной компании *Kuhn, Loeb & Co.* Он был одним из основных спонсоров большевистской революции и лично финансировал поездку Троцкого из Нью-Йорка в Россию. Был главным спонсором президентской кампании Вудро Вильсона и одним из сторонников вступления в силу Федеральной резервной системы.

«Рады и счастливы!» Эта карикатура Роберта Майнора была напечатана в газете *St. Louis Post Dispatch* в 1911 году. На ней изображён Карл Маркс, окружённый финансистами с Уолл-стрит (партнёр Моргана Джордж Перкинс, Дж.П. Морган, Джон Райан из *National City Bank*, Джон Д. Рокфеллер, а также Эндрю Карнеги). Позади Маркса стоит Тедди Рузвельт, лидер Прогрессивной партии.

Гарри Декстер Уайт (слева) и Джон Мейнард Кейнс (справа) были теоретиками, которые в 1944 году провели Бреттон-Вудскую конференцию по валютно-финансовым вопросам. На ней были созданы Международный валютный фонд и Всемирный банк. Уайт был членом Коммунистической партии. Кейнс был членом Фабианского общества. У них была общая цель – международный социализм. С тех пор МВФ и Всемирный банк содействуют достижению этой цели.

Раймонд Робинс представлен здесь в качестве председателя съезда Прогрессивной партии, который состоялся в Чикаго в 1912 году. Позже он стал главой миссии Красного Креста в России после большевистской революции. Несмотря на то что он представлял интересы Уолл-стрит, он был сторонником Сесила Родса и по своему мировоззрению был антикапиталистом. Он оказывал большое влияние на Ленина.

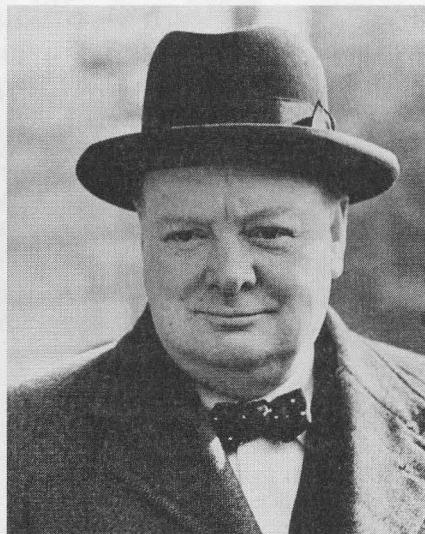

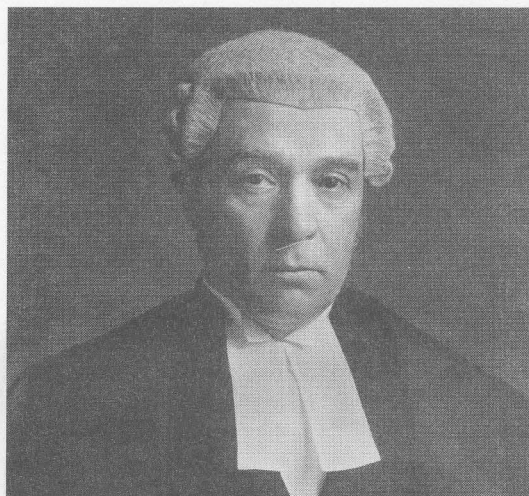
Эдвард Мандел Хаус был тем, кто обеспечивал выдвижение кандидатуры Вудро Вильсона в президенты, и тем, кто потом стал представлять собой в Белом доме скрытую власть. Он вёл тайные переговоры о втягивании Америки в Первую мировую войну в то самое время, когда Вильсон давал предвыборные обещания о невмешательстве Америки в эту войну. От имени Уолл-стрит Хаус лоббировал в Конгрессе принятие закона о Федеральном резерве. (фото Хауса – из Национального архива)

Кэрролл Куигли был профессором истории в Джорджтаунском университете. Его книга «Трагедия и надежда» показала, что Совет по международным отношениям представляет собой отросток тайного общества, которое сформировал Сесил Родс. Он написал историю о том, как международная сеть финансистов создала систему финансового контроля, способную иметь влияние на политические системы всех стран через их центральные банки. Он назвал имена и представил скрупулёзную документацию. Его книга была изъята из продажи. (Фото Куигли – из Джорджтаунского университета)

Уинстон Черчилль во время Первой мировой войны был Первым лордом Адмиралтейства. Когда «Лузитания» вошла в тот район, где, как было известно, находилась немецкая подводная лодка, он отозвал эсmineц сопровождения, который был предназначен для её защиты. Он полагал, что уничтожение британского корабля с американскими пассажирами на борту разожжёт американские страсти против Германии и поможет создать политический климат для вступления в войну. (Фото Черчилля – из кинематографической службы Сухопутных войск армии США)

Лорду Мерси поручили вести официальное следствие по делу о потоплении «Лузитании». Это было не расследование, а «дымовая завеса». Он получил инструкции от Адмиралтейства: возложить всю вину на капитана корабля. Мерси выполнил эти инструкции, но отказался от платы за свои услуги и отклонил последующие судебские назначения. Спустя годы он сказал, что это дело «было чертовски грязным делом».

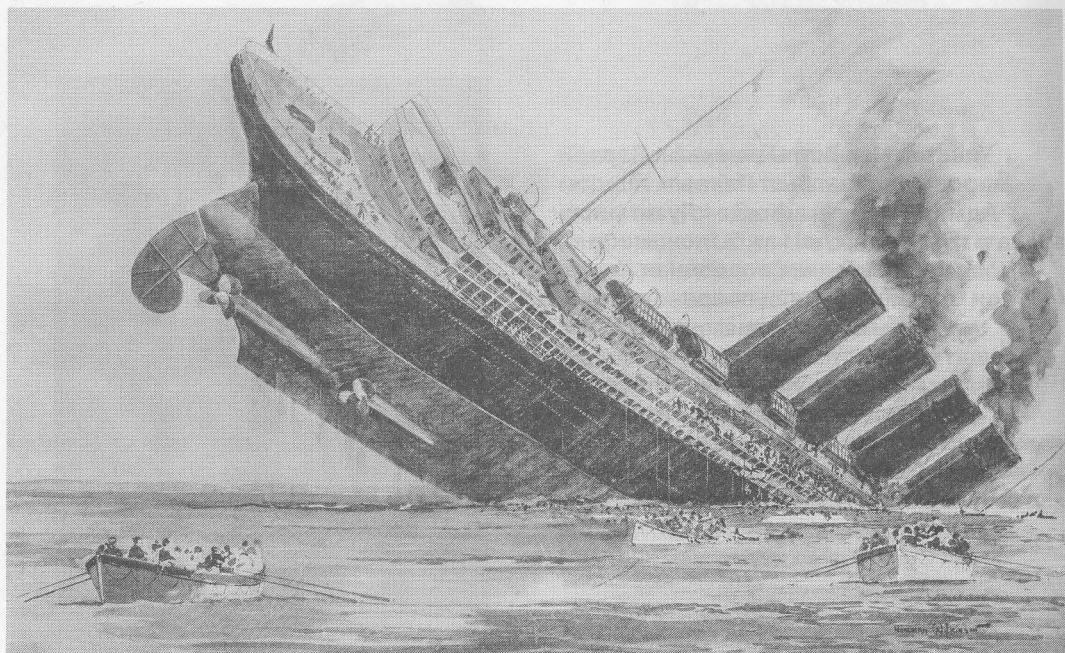

Иллюстрация тонущей «Лузитании» в выпуске газеты «London News» от 15 мая 1915 г.

РАЗДЕЛ III

НОВАЯ АЛХИМИЯ

Древние алхимики напрасно искали способ превратить свинец в золото. В этих поисках преуспели современные алхимики. Боевые свинцовые пули предоставили бесконечный источник золота для тех фокусников, которые управляли механизмом Мандрагоры.

Выясняется поразительный факт, что большая часть современных войн просто не произошла бы без способности создавать фиатные деньги. До тех пор пока механизму разрешат действовать, будущие войны неизбежны. Вот история о том, как это происходило.

ГЛАВА II

ФОРМУЛА РОТШИЛЬДА

Возвышение династии Ротшильдов в Европе; традиция финансистов получать прибыль, находясь по обе стороны вооружённого конфликта; формула, которая превращает войну в долг, а долг превращает обратно в войну.

До сих пор мы твёрдо придерживались темы денег и истории манипуляции ими политологов и учёных-монетаристов. Теперь мы собираемся предпринять небольшой экскурс по параллельному пути и взглянуть на тот же исторический сценарий с другой точки зрения. По мере нашего продвижения вам, возможно, покажется, что мы сбились с пути, и вы, возможно, удивитесь, как это всё может быть связано с Федеральной резервной системой. Тем не менее, уверяю вас, это всё имеет к ней отношение, и когда мы, в конце концов, вернёмся к нашей теме, связь станет совершенно ясной.

ПЛОДЫ ВОЙНЫ

Эта глава сосредоточивает своё внимание на плодах войны, а конкретнее – на тенденции тех, кто пожинает эти плоды, манипулировать правительствами, участвующими в вооружённых конфликтах, не по национальным или патриотическим причинам, а ради личной выгоды. Механизм, посредством которого это манипулирование осуществлялось в прошлом, был более сложным, чем простое предоставление кредитов воюющим правительствам и затем получение дивидендов, хотя без этого не обошлось. Реальная прибыль всегда существовала в форме политического фаворитизма на рынке. В 1937 году французский историк Ричард Левинсон писал:

Хотя их часто называют банкирами, те, кто финансировал войны в докапиталистический период... не были банкирами в современном понимании этого слова. В отличие от современных банкиров, которые пускают в оборот деньги, отданные им на хранение клиентами (или, в более позднее время, сделанные из ничего центральным банком), они обычно работали с собственными средствами, которые скопили или

получили по наследству и которые давали в кредит под высокие проценты. Таким образом, те, кто брал на себя риск, связанный с финансированием войны, по большей части уже были очень богаты, и такое положение вещей сохранялось вплоть до семнадцатого века.

Но, соглашаясь финансировать войну, банкиры далеко не всегда придавали значение процентной ставке. В этом отношении они были готовы пойти навстречу своим августейшим клиентам. Но в обмен они требовали для себя привилегии, которые могли обратить в промышленную или коммерческую выгоду, например монополию на добычу полезных ископаемых, продажу или импорт некоторых товаров и так далее. Иногда они даже получали право собственности на некоторые налоги в качестве гарантии займов.

Таким образом, хотя сам кредит был связан с вполне реальным риском и часто не приносил особой прибыли в денежном выражении, косвенные прибыли были очень значительны, и готовность кредиторов идти на компромисс ценилась чрезвычайно высоко¹.

ДИНАСТИЯ РОТШИЛЬДОВ

Ни одно исследование банковского дела как механизма финансирования войн не было бы полным без того, чтобы время от времени не обращаться к имени Ротшильда. Именно Майер Амшель Ротшильд сказал: «Дайте мне управлять деньгами страны, и мне нет дела, кто будет устанавливать там законы»². Биограф Фредерик Мортон пришёл к выводу, что династия Ротшильдов «...завоевала мир более основательно, более умело и более прочно, чем все Цезари до них и все Гитлеры после них»³. Эту династию основал Майер Амшель Бауэр, сын ювелира, в середине XVIII века во Франкфурте, Германия. Майер стал клерком в банке Оппенгеймера в Ганновере и, в конце концов, сделался там младшим партнёром. После смерти своего отца он вернулся домой во Франкфурт, чтобы продолжить семейный бизнес. На двери висела эмблема мастерской, которая представляла собой изображение золотого римского орла на красном щите. Красный щит по-немецки звучит как *roth Schild*, и со временем мастерскую так и стали называть. Позже его сын взял себе фамилию по названию ма-

¹ Richard Levinsohn, *The Profits of War through the Ages* (New York: E.P. Dutton, 1937), pp. 55-56.

² Цитируется по: Senator Robert L. Owen, бывший председатель Сенатской комиссии по банковскому делу и валюте и один из спонсоров Закона о Федеральном резерве, *National Economy and Banking System* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1939), p. 99. Эту цитату не проверить по первоисточнику. Тем не менее, когда изучаешь биографию и достижения старшего Ротшильда, возникает мало сомнений в том, что это мнение на самом деле было его точкой зрения и руководящим принципом.

³ Frederic Morton, *The Rothschilds: A Family Portrait* (New York: Atheneum, 1962), p. 14.

стерской, вместо Бауэра стал Ротшильдом и добавил к эмблеме пять золотых стрел в когтях орла, символизирующих пятерых его сыновей.

Удача Ротшильдов началась, когда Майер перенял практику частичного банковского резервирования. Как мы уже видели, он был не единственным в этом деле, но династия Ротшильдов заметно опережала своих конкурентов. Это объяснялось его энергичной деловой хваткой, а также тем, что пятеро его крайне выдающихся сыновей стали центрами собственной финансовой власти. Когда они возмужали и познали магию превращения долга в деньги, они покинули пределы Франкфурта и основали финансовые центры не только в Европе, но и в большей части цивилизованного мира.

На протяжении первой половины XIX века братья проводили важные переговоры от имени правительств Англии, Франции, Пруссии, Австрии, Бельгии, Испании, Неаполя, Португалии, Бразилии, различных германских государств и других менее крупных стран. Они были личными банкирами многих коронованных особ Европы. Через своих агентов они делали крупные инвестиции на рынках США, Индии, Кубы и Австралии. Они оказали финансовую помощь Сесилу Родсу, что дало ему возможность установить монополию на добычу алмазов в Южной Африке. Они все ещё связаны с компанией Де Бирс¹.

Биограф Дерек Уилсон пишет:

Те, кто высмеивал или поносил Ротшильдов за их «губительное» влияние, имел достаточно оснований для своего гнева и страха. Сообщество банкиров всегда составляло «пятое сословие», члены которого могли, управляя королевскими финансовыми ресурсами, влиять на важные события. Но династия Ротшильдов была чрезвычайно могущественнее любой финансовой империи, которая когда-либо им предшествовала. Она располагала огромным богатством. Она была международной. Она была независимой. Королевские правительства боялись её, так как они не могли контролировать её. Народные движения ненавидели её, потому что она была неподотчётно перед народом. Конституционалистам не нравилось, что её влияние осуществлялось тайно, за кулисами².

Секретность, несомненно, важна для успеха любого политического манёвра, и Ротшильды достигли совершенства в этом искусстве. Оставаясь за кулисами, они могли избежать силы народного гнева, который был направлен вместо них на политических лидеров, находившихся под их контролем. Этот способ всегда практиковался финансовыми манипуляторами, и он всецело используется теми, кто сегодня управляет Федеральной резервной системой. Уилсон продолжает:

¹ Morton, pp. 145, 219.

² Derek Wilson, *Rothschild: The Wealth and Power of A Dynasty* (New York: Charles Scribner's Sons, 1988), pp. 79, 98-99.

Секретность была и остаётся характерной особенностью политической деятельности Ротшильдов. Они редко участвовали в открытых публичных дебатах по важным вопросам. Они никогда не стремились на государственную службу. Даже позже, когда некоторые из них стали членами парламента, они не принимали заметного участия в деятельности палат заседаний Лондона, Парижа или Берлина. Однако в то же время они оказывали содействие в формировании основных событий дня: предоставляя или придерживая средства, обеспечивая политических деятелей официальным дипломатическим обслуживанием, влияя на назначение на высокие посты, а также почти ежедневно общаясь с крупными деятелями, принимающими решения¹.

УДАЧА В КОНТРАБАНДЕ

Непрекращающаяся война в Европе создавала прекрасные возможности для получения прибыли от контрабанды дефицитных потребительских товаров в период послевоенного эмбарго. Так как Ротшильды часто финансировали обе стороны, участвующие в вооружённом конфликте, и было известно, что они обладают большим политическим влиянием, малейшего признака красного щита на кожаном мешке, вагоне или флаге корабля было достаточно, чтобы гарантировать, что посланец или его груз мог пройти через контрольные точки в обоих направлениях. Такой иммунитет позволял им торговать на процветающем чёрном рынке изделиями из хлопка, пряжей, табаком, кофе, сахаром и индиго; кроме того, они свободно перемещались через границы Германии, Скандинавии, Голландии, Испании, Англии и Франции². Эта правительственная защита была одним из тех косвенных преимуществ, которые приносили коммерческую выгоду, заметно превышающую проценты, получаемые по правительственным займам, лежащим в основе этих преимуществ.

Как правило, правда, что то, что один человек теряет, другой находит. И даже самый доброжелательный из биографов признает, что в течение более чем двух веков династия Ротшильдов получала большие доходы от войн и экономических кризисов; от тех самых явлений, от которых другие понесли величайшие потери.

НАПОЛЕОН ПРОТИВ БАНКИРОВ

Если одна картина стоит тысячи слов, то один пример, безусловно, должен стоять десятка объяснений. Нет лучшего примера, чем экономическая вой-

¹ Derek Wilson, p. 99.

² Morton, pp. 40-41.

на, которую вели финансисты Европы XIX века против Наполеона Бонапарта. Легко забыть тот исторический факт, что Наполеон восстановил закон и порядок в раздираемой гражданской войной и террором послереволюционной Франции и в первую очередь занялся не войнами, а восстановлением мира и улучшением экономических условий в своей стране. Особенно Наполеон стремился вырвать свою страну и свой народ из цепких рук банкиров и вывести Францию из долгов. Историк Р. Макнейр Уилсон в своём труде «Монархия или власть денег» пишет:

Наполеон запретил под каким-либо предлогом вывозить из Франции деньги без прямого согласия на то правительства. Он также строго запретил брать кредиты для покрытия текущих расходов, как гражданских, так и военных... «Нужно лишь представить, – писал Наполеон, – к чему могут привести нас займы, чтобы понять их опасность. Поэтому я категорически не желал с ними связываться и всегда активно выступал против них»...

Наполеон стремился к тому, чтобы не допустить к власти финансистов и не позволить им диктовать условия правительству, как это произошло с правительством Людовика XVI. Бонапарт заявил: «Когда правительство зависит от банкиров, именно эти банкиры, а не политические лидеры, контролируют ситуацию и управляют страной, поскольку “рука дающего имеет больше власти, чем рука берущего”».

«У денег, – заявил он, – нет родины, а у финансистов нет ни патриотизма, ни порядочности: ими движет лишь жажда наживы, в этом и заключается их единственная цель»¹.

Один из первых ударов, который Наполеон нанёс по банкирам, было создание независимого Банка Франции. Президентом банка стал сам Наполеон. Но даже этому банку Наполеон не доверял, и государственные средства в него не помещались. Однако наибольшее беспокойство у финансистов вызвал категорический отказ Наполеона брать в долг. Для них в этом была и хорошая, и плохая новости. Плохая заключалась в том, что они не могли получать лицензионные платежи на мелкие вклады. Хорошей новостью было то, что они были уверены, что, не прибегая к займу, Наполеон не сможет защитить свою власть от военных посягательств. Стало быть, его легко можно свергнуть и заменить Людовиком XVI, продолжателем монархической династии, не возмущающим против влияния банкиров. Уилсон продолжает:

Они очень надеялись, что добьются его падения. Никто из них не верил, что он сможет финансировать масштабную войну теперь, ког-

¹ R. McNair Wilson, *Monarchy or Money Power* (London: Eyre and Spottiswoode, Ltd., 1933), pp. 68, 72.

да отмена ассигнатов лишила его возможности пользоваться ресурсом бумажных денег¹. Где бы он нашёл золото и серебро, необходимые ему, чтобы накормить и снабдить непобедимую армию? Питт (премьер-министр Англии) рассчитывал на коалицию Англии, Австрии, Пруссии, России, Испании, Швеции, а также на многочисленные мелкие государства. Около 600 000 человек приняли участие в военных действиях против Наполеона. Все ресурсы и богатства Англии, то есть, по сути, мировые богатства, находились в распоряжении антинаполеоновских сил. Мог ли Корсиканец собрать под свои знамёна 200 000 человек? Мог ли он вооружить их? Мог ли он их накормить? Если свинцовая пуля его не настигнет, то золотой пули ему не миновать. Он, как и его соседи, будет вынужден пойти по миру с протянутой рукой и все же обратиться за помощью к банкирам и принять их кабальные условия...

В его распоряжении не было 2 000 000 фунтов стерлингов; его казна была пуста, а запас металлических денег полностью истощён. Лондон с интересом ожидал, как Наполеон разрешит эту задачу, какой выход найдёт из этой безвыходной ситуации².

Наполеон придумал простое и элегантное решение – он продал французские земли. Безумные американцы заплатили ему 3 миллиона фунтов стерлингов за огромное болото, известное как Луизиана.

ПЛАН УНИЧТОЖЕНИЯ США

Наполеон не хотел войны, но он знал, что финансисты – настоящие правители Европы – не согласятся на мир. Такой исход ситуации был возможен лишь в одном случае – если к миру их вынудит поражение их марионеточных режимов или если, так или иначе, это будет им выгодно с финансовой точки зрения. Именно руководствуясь этими соображениями, Наполеон угрожал присоединить к Франции Голландию, которой в то время управлял его брат, король Людовик. Наполеон знал, что голландцы были в большом долгу перед английскими банкирами. Если Голландия будет присоединена к Франции, этот долг никогда не будет погашен. Поэтому Наполеон сделал банкирам Англии следующее предложение: если им удастся убедить английское правительство заключить мирное соглашение с Францией, он согласится оставить Голландию в покое и не посягать на её суверенитет.

Переговоры велись банкиром Пьером-Сезаром Лабушером, который представлял интересы голландцев, и английским банкиром сэром Фрэнсисом Бе-

¹ Ассигнаты были чисто фиатными деньгами, которые быстро стали совершенно бесполезными в торговле и которые едва не разрушили экономику Франции.

² R. McNair Wilson, pp. 71-72.

рингом, который был тестем Лабушера. Хотя предложение Наполеона было привлекательным для банкиров, по крайней мере в краткосрочной перспективе, они были не в силах отказаться от огромных прибылей войны и меркантилизма. Это было противно их природе. Поэтому они пересмотрели предложение Наполеона и внесли в него некоторые коррективы, в частности добавили план, согласно которому Англия и Франция должны были объединить усилия и направить их на уничтожение новых независимых Соединённых Штатов. Это должно было вернуть Англии по крайней мере половину – промышленную половину – утраченных американских территорий. Этот невероятный план, разработанный французским банкиром Уваром, предусматривал военное вторжение и завоевание американских территорий с последующим дележом добычи. Согласно плану, Англия должна была получить северные штаты, объединённые с Канадой, в то время как южные штаты отходили Франции. Тщеславного Наполеона планировали соблазнить удивительным титулом – «Король Америки». Макнейр Уилсон пишет:

Лабушер написал Берингу 21 марта и приложил к письму записку [британского министра иностранных дел] Уэлсли, продиктованную ему Уваром, в которой говорилось следующее:

«Из завоевателя он (Наполеон) превращается в хранителя; первым следствием его брака с Марией Луизой будет то, что он предложит мир Англии. Заключение мира в интересах этой нации (то есть Англии), ибо она правит на море; а в интересах Франции продолжать войну, которая позволяет ей расширять свои территории до бесконечности и создать новый флот, что будет невозможно после установления мира. Почему бы английскому кабинету не предложить Франции уничтожить Соединённые Штаты Америки и, вернув их под власть Англии, убедить Наполеона оказать помощь в уничтожении наследия Людовика XVI?.. В интересах Англии заключить мир с Францией, и, чтобы польстить тщеславию Наполеона, признать его достижения и его императорский титул»...

Кабинет обсудил предложения и одобрил их. Уэлсли сразу же поспешил в дом Беринга, чтобы сообщить ему хорошие новости... Голландцы смогут вернуть долги и будут вынуждены платить золотом.

К сожалению, Наполеон узнал о планах английских финансистов, и у него появились серьёзные возражения, которые он не постеснялся высказать. Бонапарт был категорически против совместного нападения на Соединённые Штаты. Он приказал арестовать Увара, снял с поста и отправил в ссылку Фуше и предал всю эту историю огласке, к большой досаде Уэлсли и Беринга¹.

¹ R. McNair Wilson, pp. 81-82.

Но не стоит делать вывод, что Наполеон был образцом добродетели и борцом за правое дело и честность. Его возражения против плана банкиров были мотивированы тем, что их финансовая сила могла поставить под угрозу суверенитет его политической власти. Наполеон не вмешивался и закрывал глаза на их махинации, пока они служили целям государства. Затем, когда потребность в финансировании военных действий отпала, он осудил банкиров за «бесчестную наживу» и просто лишил их возможности наживаться, действуя во благо и от имени народа. Если банкиры протестовали, их отправляли в тюрьму.

Итак, линии фронта были определены. Наполеон должен был быть уничтожен любой ценой. Для этого Английский банк выпустил огромное количество новых бумажных денег, чтобы «одолжить» их правительству, чтобы оно финансировало армию, которая бы разбила Бонапарта. Непрерывный золотой поток потёк из Англии на финансирование армий России, Пруссии и Австрии. Экономика снова пошатнулась под тяжестью военных долгов, и народ без жалоб платил по счетам, даже не подозревая, что война и кампания против Наполеона ведутся за его счёт. Вот как Уилсон заканчивает свой рассказ:

Банкиры победили. Людовик XVIII был восстановлен на французском престоле с помощью британского оружия и британской дипломатии. На его имя немедленно были открыты многочисленные кредиты, хотя при Наполеоне у Франции не было долгов.

Через год человек, которого каждый король и каждый банкир в Европе называл «узурпатором», вернул себе власть без единого выстрела, поддерживаемый армией из 800 человек. На этот раз у него не было выбора, он был вынужден увеличить государственный долг, чтобы защитить Францию. Лондонский Сити [банковский район] выдал ему заем в размере 5 миллионов фунтов стерлингов. На эти деньги Наполеон собрал и снарядил армию, которую Веллингтон разбил при Ватерлоо¹.

ЗОЛОТО ДЛЯ ГЕРЦОГА ВЕЛЛИНГТОНА

Один из самых интересных и показательных эпизодов войны банкиров против Наполеона, записанный биографами Ротшильдов, касается контрабанды крупной партии золота для финансирования герцога Веллингтона, которому нужно было накормить и вооружить армию в Португалии и Пиренейских горах, между Испанией и Францией.

Было неизвестно, сможет ли Веллингтон победить Наполеона в битве при Ватерлоо, и герцогу нужно было любой ценой убедить банкиров и купцов Португалии и Испании принять его долговые векселя, письменные обещания вер-

¹ R. McNair Wilson, p. 83.

нута долг, хотя те и были официально гарантированы британским правительством. Но такие векселя не пользовались доверием банкиров, а Веллингтону позарез нужны были золотые монеты. Именно в этот момент Натан Ротшильд предложил ему свои услуги и предоставил в его распоряжение семейную банковскую сеть. Благодаря эффективной схеме контрабанды, уже действующей по всей Европе, он смог предложить Веллингтону гораздо более выгодные условия займа и в то же время получить огромную прибыль. Но была одна загвоздка: золото должно было пройти прямо под носом у Наполеона. Фредерик Мортон описывает эти события:

Существовал только один маршрут транспортировки денежных средств – через Францию, с которой воевала Англия. Конечно, налаженная машина Ротшильдов работала по всей Европе; её шестерёнки безостановочно вращались по всей Германии, Скандинавии и Англии, даже в Испании и Южной Франции. Но Ротшильдам нужно было еще одно, очень хитрое новое колёсико в столице империи Наполеона. Тут на сцене появился Джейкоб – в дальнейшем именуемый Джеймсом – младший из пяти сыновей Майера¹.

Джеймсу было всего девятнадцать лет, он был хорошо обучен своим отцом и в совершенстве владел искусством обмана. Он прибыл в Париж с двойной миссией. Во-первых, он должен был передать французским властям ложную информацию о перемещении британского золота. В этой лжи было ровно столько правды, чтобы она звучала убедительно. Он представил правительству поддельные письма, из которых следовало, что англичане отчаянно пытаются *остановить* отток своего золота во Францию. Уловка Ротшильдов удалась: французские власти фактически *призвали* финансовое сообщество принимать британское золото и превращать его в банкноты. Во-вторых, Джеймс должен был служить важным звеном в финансовой цепочке, протянувшейся между Лондоном и Пиренеями. Он должен был координировать получение золота во Франции, обмен золота на испанские банкноты и перемещение этих банкнот из Франции к Веллингтону. Все это он проделывал с удивительной ловкостью, особенно с учётом его юного возраста. Мортон делает вывод:

Всего за несколько сотен часов младший сын Майера не только наладил контрабанду английского золота через территорию Франции, но и создал финансовый мираж, в который поверил сам Наполеон. Подросток Ротшильд обманом заставил наполеоновское правительство узаконить тот самый процесс, который привёл к его краху и гибели...

Семейная машина пришла в движение. Натан отправлял большие партии британских гиней, португальских золотых унций, французских

¹ Morton, p. 46.

наполеондоров (нередко только что отчеканенных в Лондоне) через Ламанш. Во Франции их встречал Джеймс и переправлял в Париж, где их тайно меняли на векселя, выписанные на определённых испанских банкиров. На юге Франции Калман, ещё один сын Майера Ротшильда, принимал векселя, исчезал в одном из бесчисленных затенённых ущелий вдоль Пиренеев и возвращался с долговой распиской Веллингтона в руках. Соломон Ротшильд, средний сын Майера, присутствовал всюду. Он занимался устранением проблем, следил за расположением транзитных пунктов (они не должны были бросаться в глаза или вызывать подозрения у пребывающих в заблуждении французов). Амшель Ротшильд остался во Франкфурте и помогал отцу Майеру найти людей для этой деликатной работы.

Несмотря на все предосторожности, французам все же удалось несколько раз напасть на след истины. Иногда особо подозрительным щедро платили, чтобы они забыли о своих подозрениях. Например, начальник полиции Кале внезапно разбогател и стал жить в такой роскоши, которая отвлекала его от выполнения служебных обязанностей и мешала патрулировать берег с прежним рвением...

В то время как Наполеон воевал в России, растрачивая последние силы на борьбу с суровой русской зимой, через всю Францию протянулась золотая жила, питающая армию, которой предстояло нанести роковой удар по империи¹.

На званом обеде несколько лет спустя Натан Ротшильд небрежно упомянул об этом эпизоде как об очередной успешной финансовой операции, ничем не отличающейся от десятков других. Он сказал:

У Ост-Индской компании было 800 000 фунтов стерлингов в золотых слитках на продажу. Я купил их все. Я знал, что герцог Веллингтон нуждается в них. Британское правительство обратилось ко мне с просьбой продать золото им. Я продал им золото, но они не знали, как передать его герцогу Веллингтону в Португалии. Я взял на себя всю организацию и переправил золото через Францию. Это была моя лучшая сделка².

БИТВА ПРИ ВАТЕРЛОО

Окончательный исход битвы при Ватерлоо между Веллингтоном и Наполеоном имел решающее значение для Европы как с политической, так и с эконо-

¹ Morton, p. 47.

² Morton, p. 45.

мической точки зрения. Если бы Наполеон одержал победу, Англия оказалась бы в ещё более глубоком экономическом кризисе, чем прежде. Мало того, что она потеряла бы престиж и влияние на международной арене, но даже дома авторитет власти неминуемо пошатнулся бы, так как грандиозное поражение, сопряжённое с такими значительными человеческими и финансовыми потерями, не могло не вызвать недовольство подданных. Поражение Англии в битве при Ватерлоо почти наверняка подорвало бы её кредитную репутацию, она бы не смогла выплатить своим кредиторам те огромные суммы, которые заимствовала для ведения войны. Поэтому на Лондонской фондовой бирже, где торговали британскими государственными облигациями и другими ценными бумагами, все с нетерпением ожидали новостей об исходе битвы.

Было известно, что Ротшильды организовали частную курьерскую сеть, которую использовали не только для транспортировки золота и других грузов, но и для быстрой передачи важной *информации*, которая могла быть полезна при принятии решений об инвестициях. Поэтому финансисты Лондона ожидали, что Натан Ротшильд первым узнает имя победителя в битве при Ватерлоо, стоит только рассеяться пушечному дыму на поле боя. И они не были разочарованы. Первое известие о победе Веллингтона прибыло в Брюссель около полуночи 18 июня 1815 года, где в полной готовности уже ожидал агент Ротшильдов по имени Ротворт. Он сразу же получил свежую лошадь и отправился в порт Остенде, где его ожидала лодка, чтобы переправить его через канал. Ранним утром 20 июня 1815 года падающий с ног от усталости посланник постучал в дверь Натана Ротшильда, на целых двадцать четыре часа опередив собственного курьера герцога Веллингтона, майора Генри Перси.

Как минимум один доброжелательный биограф утверждает, что первым делом Натан сообщил добрую весть премьер-министру Англии, но правительственные чиновники не решались поверить в победу Британии, потому что эта информация противоречила донесениям, которые они получали ранее и в которых говорилось, что английские войска терпят поражение. Во всяком случае, нет сомнения, что после предполагаемой встречи с премьер-министром Натан в то утро отправился напрямик на биржу, чтобы занять своё обычное место.

Все взгляды были устремлены на него. Натан уныло прошествовал к своему месту, глядя в пол. Затем он поднял взгляд и с болезненным выражением начал *продавать* облигации госзайма. По переполненному залу прокатился шёпот: «Натан продаёт?». «Натан *продаёт!*!». «Это значит, что Веллингтон разбит!». «Наши государственные облигации *никогда* не будут погашены». «Продавайте их немедленно. Продавайте все. Продавайте!».

Цены на облигации упали, а Натан продолжал продавать. Цены продолжали падать, а Натан все продавал. Наконец, цены упали до катастрофически низкого уровня, и тут Натан провернул молниеносную комбинацию и выкупил все имеющиеся на рынке государственные облигации. Всего за несколько

часов Натан Ротшильд получил контроль над всем государственным долгом Англии, выкупив его за незначительную часть стоимости¹.

СИДОНИЯ

The New York Times в номере от 1 апреля 1915 года сообщила, что барон Натан Майер де Ротшильд обратился в суд, чтобы препятствовать публикации книги Игнация Баллы под названием «Романтика Ротшильдов» на том основании, что приведённая выше история о Ватерлоо и о его деде является ложью и клеветой. Суд постановил, что история правдива, иск был отклонён, а Натан Ротшильд должен был оплатить все судебные издержки.

донии и его образа действий точно соответствовала вполне реальному лорду Ротшильду, которым Дизраэли восхищался. Под видом романа Дизраэли пишет об эмиграции Ротшильда из Германии, его семейных и банковских связях по всей Европе, его махинациях с золотом для Веллингтона, а также о блестящей финансовой операции, которую он провернул после Ватерлоо. Дизраэли писал:

Европе были нужны деньги, и Сидония был готов дать Европе в долг. Франция нуждалась в деньгах; Австрии нужно было много денег, Пруссии – мало, России – несколько миллионов. Сидония мог дать в долг им всем...

Нетрудно представить, что благодаря неотступному следованию выбранной стезе... в течение десяти лет Сидония стал одним из самых влиятельных персонажей в Европе. Он посадил братьев или других близких родственников, на которых мог положиться, в большинстве европейских столиц. Он был господином и повелителем мирового денежного рынка, то есть практически господином и повелителем всего остального. Он в буквальном смысле контролировал доходы Южной Италии; монархи и министры всех стран выстраивались в очередь, чтобы услышать его совет, и руководствовались его предложениями¹.

То, что Дизраэли несколько не преувеличивал, подтвердил сам Джеймс Ротшильд, который, очевидно, гордился финансовыми махинациями своего семейства и своей ролью в них. Когда в 1842 году представители Казначейства США обратились к нему с просьбой о предоставлении кредита для американского правительства, он сказал им: «Вы видели человека, который контролирует финансы Европы?»².

Всегда существовали люди, которые наживали состояния на сотрудничестве с обеими сторонами в войне. Ротшильды были не уникальны в этом, но они, несомненно, усвершенствовали искусство бесчестной наживы и стали олицетворением породы таких людей. Они необязательно были злодеями с точки зрения нравственности и моральных устоев. Просто их ум был занят не решением нравственных дилемм – правильно ли то, что они делают, или неправильно, а практическими мыслями о прибылях и убытках. Это безразличие к человеческим страданиям метко описал сам Ротшильд, заметив: «Когда на улицах Парижа льётся кровь, я покупаю»³. Ротшильды могли иметь гражданство страны, в которой проживали, но они не были гражданами

¹ Benjamin Disraeli, *Coningsby* (New York: Alfred A. Knopf, впервые издано в Англии в 1844), p. 225.

² Stephen Birmingham, *Our Crowd: The Great Jewish Families of New York* (New York: Harper & Row, 1986), p. 73.

³ Цитируется по: *The New York Times*, October 21, 1987, by Chernow, p. 13.

в традиционном понимании этого слова: патриотизм был за пределами их понимания. Все они были очень умными, даже хитрыми, и эти черты характера в совокупности превратили их в ролевую модель для холодных прагматиков, которые преобладают на современной политической и финансовой сцене. Дизраэли так описывал этот тип людей, когда писал о Сидонии:

Он был человеком без привязанностей. Было бы жестоко сказать, что у него не было сердца, поскольку он был подвержен страстям и способен на сильные эмоции, но пробуждали их в нем не люди... Человек оставлял его равнодушным. Женщина была для него игрушкой, мужчина – инструментом для достижения цели¹.

Казалось бы, отсутствие патриотизма и холодный, аналитический ум заставит финансистов избегать предоставления займов правительствам, особенно иностранным. Заёмщиков-частных лиц можно привлечь к суду, конфисковать их имущество и все же получить плату по своим долгам. Но в распоряжении правительства находятся силовые структуры. Правительство контролирует суды. Правительство контролирует полицию. Кто арестует имущество правительства в случае невыплаты долга? Ответ на этот вопрос прост: *другое* правительство. Приводя сравнительно современный пример этого принципа, Рон Чернов объясняет:

Новый альянс (финансов и политологов) был взаимовыгодным. Вашингтон хотел использовать новую финансовую силу, чтобы заставить иностранные правительства открыть свои рынки для американских товаров или принять проамериканскую политику. Банкам, в свою оче-

A PILLAR of the EXCHANGE

Карикатура, изображающая Натана Ротшильда, стоящего в его обычной позе перед одной из колонн биржи. Именно здесь он извлёк выгоду из того, что раньше всех узнал о победе герцога Веллингтона над Наполеоном в битве при Ватерлоо, и смог взять в свои руки контроль над всем государственным долгом Англии за небольшую часть его реальной стоимости. (Фото из Британского музея, отдел эстампов)

¹ Disraeli, p. 229.

редь, нужны были рычаги, чтобы обеспечить погашение задолженностей, поэтому они приветствовали появление власти полицейского государства в отдалённых местах. Угроза военного вторжения была отличным средством стимулирования погашения кредита. Когда *Kuhn, Loeb & Co.* рассматривали возможность предоставления кредита Доминиканской Республике на основе таможенных пошлин, Яков Шифф задавал своему партнёру в Лондоне, сэру Эрнесту Касселю, такой вопрос: «Если они не заплатят, кто будет взыскивать эти таможенные пошлины?». Кассель ответил: «Ваша и наша морская пехота»¹.

Одна из величайших загадок истории – почему правительства всегда с большой готовностью влезают в долги и редко пытаются отстоять свою независимость от финансистов и банкиров? Ответ отчасти в том, что монархам и политикам не хватает смелости, чтобы обложить своих подданных огромным налогом, который неизбежен для финансовой независимости государства. Есть и другой, более глубокий вопрос: почему расходы государства настолько высоки?

Учитывая менталитет финансовых властителей мира, как назвал их Дизреэли, можно предположить, что это результат многолетнего применения хладнокровно рассчитанной стратегии. В самом деле, исторические свидетельства наводят на мысль, что именно такой план *был* разработан в XVIII веке в Европе и доведён до совершенства в XX веке в Америке. В целях гипотетического анализа определим эту стратегию как *формулу Ротшильда*.

ФОРМУЛА

Представим себе человека, который абсолютно прагматичен. Он умнее и хитрее большинства своих современников и, по сути, глубоко их презирует, тонко маскируя свои чувства отстранённой вежливостью. Он может уважать таланты и достоинства немногих избранных, но состояние человечества в целом его совершенно не заботит. Он заметил, что монархи и политики всегда за что-то борются, и пришёл к выводу, что войны неизбежны. Но для него важна суть, а потому его интерес – финансовые войны, которые дают господство над миром. Он понял, что война может приносить прибыль, и для этого нужно не только давать деньги в кредит или печатать деньги для их финансирования; нет, самые важные дивиденды войны в том, что её финансирование даёт протекцию государству в получении субсидии или коммерческой монополии. Он не способен на такие примитивные чувства, как патриотизм, поэтому может поддерживать любую сторону в любом военном конфликте. Его участие опре-

¹ Цитируется по: Jacques Attali, перевод Барбара Эллис, *A Man of Influence: Sir Siegmund Warburg, 1902-82* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1986), p. 57.

делается лишь факторами собственного интереса. Если такой человек оглянется вокруг и исследует окружающий его мир, нетрудно представить, что он придёт к следующим выводам, которые станут основным вектором развития его карьеры:

1. Война – вот главная проверка на прочность для любого правительства. Если оно может успешно решать задачи войны, оно жизнеспособно. Если правительство пасует, оно погибнет. Все остальное вторично. Нерушимость и святость законов, процветание граждан и ценность валюты быстро приносятся в жертву любым правительством, когда перед ним стоит угроза уничтожения. Это примитивный инстинкт самосохранения.
2. Таким образом, все, что нужно, чтобы гарантировать, что правительство будет поддерживать и увеличивать свои долги, – это вовлечь его в войну или поставить перед угрозой войны. Чем реальнее угроза, чем разрушительнее война, тем больше потребность в деньгах, а значит, тем выше государственный долг.
3. Чтобы втянуть государство в войну или поставить его перед угрозой войны, нужно, чтобы у него были враги, обладающие реальной военной мощью. Если такие враги уже существуют, тем лучше. Если они существуют, но не вызывают у государства опасений, так как им не хватает военной мощи, им нужно предоставить средства на развитие их военной машины. Если врага вообще не существует, значит, его нужно *создать*, финансируя рост враждебного режима.
4. Главным врагом финансистов является правительство, которое отказывается финансировать свои войны за счёт заёмных средств. Хотя подобное случается редко, когда это все же происходит, то необходимо поощрять внутреннюю политическую оппозицию, восстания или революцию, чтобы заменить правительство другим, более сговорчивым. Убийство главы государства может сыграть важную роль в этом процессе.
5. Ни одно государство не должно оставаться в военном отношении сильнее, чем его противники, так как это может привести к миру и, как следствие, к сокращению долга. Для достижения этого баланса сил необходимо финансировать обе стороны военного конфликта. Исключение делается лишь в том случае, если одна из воюющих сторон враждебно настроена по отношению к интересам финансистов и, следовательно, должна быть уничтожена. В противном случае ни одна из сторон не должна одержать решающую победу или поражение. Хотя всегда следует призывать к миру, невысказанной целью является вечная война.

Не имеет значения, была ли эта стратегия сформулирована на словах и передана из поколения в поколение. Более того, вряд ли эта стратегия когда-либо была озвучена или записана на бумаге. Независимо от того, является

ли она результатом сознательного планирования или просто закономерной реакцией прагматика на неограниченные возможности получения прибыли, заложенные в бумажных деньгах, складывается впечатление, что финансисты мира *действуют* по единому плану. Это стало особенно очевидным с момента создания механизма центрального банка три столетия тому назад.

Вопрос «баланса власти» представляет особый интерес. В большинстве исторических текстов эта концепция представлена как некое естественное социальное явление, которое, так или иначе, работает на благо человечества. Подразумевается, что просто замечательно, что после всех многочисленных европейских войн ни одна страна не была достаточно сильной, чтобы полностью доминировать над другими. Когда Соединённые Штаты вышли из Второй мировой войны именно с такой силой, это обстоятельство вызвало немалое беспокойство у мирового финансового сообщества, и многочисленные политические и финансовые механизмы были приведены в движение, чтобы восстановить нарушенный баланс. Эта тактика стала почти узаконенной доктриной международной демократии. Но, когда речь заходит о восстановлении баланса, многие упускают из виду, что самым значимым последствием этого являются непрерывные войны «между равными», которые уже превратились в неизменный фон истории.

Это не означает, что любая воинственная группа немедленно получит финансовую поддержку истинных властителей мира. Их решение зависит от того, кому угрожает эта группа и насколько вероятен её успех. Например, в 1830 году голландцы вынуждены были подавлять восстание своих подданных в Бельгии. И правительство, и революционеры получали финансирование от Ротшильдов. Голландские правители были надёжными клиентами, которые выплачивали не только кредиты, но и, что немаловажно, проценты по этим кредитам. Было бы безрассудно предоставлять нечто большее, чем чисто символическую помощь повстанцам, которые, случись им прийти к власти, скорее всего, отказались бы выплатить долги свергнутого ими марионеточного режима. Соломон Ротшильд объяснил:

Эти господа могут рассчитывать на нас лишь в одном случае – если решат прислушаться к голосу благоразумия и умеренности... Наша добрая воля не простирается до такой степени, чтобы вкладывать оружие в руки тех, кто направит его против нас, то есть давать в кредит деньги на войну и тем самым подрывать доверие, которое мы стремимся поддерживать всеми силами и средствами¹.

После того как революционная обстановка была разрешена путём переговоров, а не вооружённого конфликта, новое правительство в Брюсселе стало объектом для финансового захвата. Джеймс Ротшильд изложил

¹ Цитируется по: Derek Wilson, p. 100.

стратегию, которая стала образцом подобных операций и применяется до сих пор:

Мы должны воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы получить полный контроль над финансами этой страны. Первым шагом будет сближение с новым министром финансов Бельгии, завоевание его доверия... и покупка всех казначейских облигаций, которые он может нам предложить¹.

НЕПРЕРЫВНЫЕ ВОЙНЫ В АНГЛИИ XVIII ВЕКА

Войны разного масштаба всегда велись в Европе, но стали практически непрерывными и нескончаемыми лишь после ввода бумажных денег и создания центрального банка, через который их было легко финансировать. Например, следующая хроника войны начинается сразу же после формирования Английского банка, который был создан специально с целью финансирования войны:

- 1689-1697 – война Аугсбургской лиги**
- 1702-1713 – война за испанский престол**
- 1739-1742 – колониальная война между Великобританией и Испанией**
- 1744-1748 – война за австрийский престол**
- 1754-1763 – Франко-индейская война**
- 1793-1801 – война против революционной Франции**
- 1803-1815 – Наполеоновские войны**

Помимо перечисленных европейских конфликтов, были ещё две войны с Америкой: война за независимость и война 1812 года. Из 126 лет (между 1689 и 1815 годами) Англия находилась в состоянии войны 63 года, то есть каждый второй год она воевала. Остальное время Англия *готовилась* к войне.

Отсутствие «формулы Ротшильда» в этих конфликтах не вызывает сомнений. Банкиры нередко финансировали обе стороны. Независимо от того, заканчивались ли они победой или поражением, результат войн сохранял или восстанавливал европейский «баланс сил», а также многократно увеличивал сумму государственного долга всех участников.

¹ Derek Wilson, p. 100.

РЕЗЮМЕ

К концу XVIII века династия Ротшильдов стала одним из самых успешных финансовых институтов, которых когда-либо знал мир. Её стремительный взлёт можно отнести к великой коммерческой находчивости и проницательности пяти братьев, сыновей Майера Ротшильда, которые закрепились в крупнейших европейских столицах и создали первую в мире международную финансовую сеть. Пионеры в практике кредитования правительства, они быстро поняли, что это даёт им уникальную возможность превратить деньги в политическую власть. Вскоре большинство князей и монархов Европы находились под их непосредственным влиянием.

Ротшильды также освоили искусство контрабанды в крупных масштабах, часто занимались ею с молчаливого одобрения правительства, законы которого нарушали. Стороны воспринимали подобное как негласный бонус за обеспечение необходимого финансирования все тех же правительств, особенно в военное время. Тот факт, что другие ветви сети Ротшильдов могли в это же самое время поставлять средства врагу, прагматично игнорировался. Таким образом, среди финансистов родилась проверенная временем тактика: получать прибыль с обеих сторон конфликта.

Ротшильды содержали хорошо организованную и высокоэффективную систему сбора информации, благодаря которой заранее узнавали о важных событиях, что позволяло им принимать верные решения об инвестициях. Когда измученный курьер Ротшильдов доставил первые известия о победе герцога Веллингтона в битве при Ватерлоо, Натан Ротшильд смог обмануть лондонских дельцов, спровоцировав панику на бирже, что позволило ему скупить весь государственный долг Англии за небольшую часть его реальной стоимости.

Изучение этих и подобных событий позволяет составить личностный портрет не только Ротшильдов, но и особой породы международных финансистов, успех которых обычно строится на определённых чертах характера. К таким чертам относятся холодный прагматизм, объективность, полное отсутствие патриотизма и совершенное безразличие к человеческой жизни. Этот портрет послужил основой для создания теоретической стратегии, называемой «формула Ротшильда», которая мотивирует таких людей способствовать разжиганию военных конфликтов с целью наживы. Эта формула, скорее всего, никогда не была сформулирована на словах, но тем не менее она существует в подсознании многих современных финансистов. Пока есть механизм центральных банков, для таких людей всегда будет непреодолимое искушение превратить долг в бесконечную войну, а войну – в бесконечный долг.

В следующих главах мы проследим характерные отпечатки, оставленные формулой Ротшильда, ведущие к нашим собственным дверям в наш сегодняшний день.

ГЛАВА 12

УТОПИТЬ «ЛУЗИТАНИЮ»!

Роль Дж.П. Моргана в предоставлении кредитов Англии и Франции во время Первой мировой войны; когда стало ясно, что Германия победит, эти кредиты «накрылись»; предательство своего корабля британским правительством и принесение в жертву американских пассажиров – военная хитрость для втягивания Америки в войну; использование американских налогов для выплаты кредитов.

Начало Первой мировой войны обычно связывают с убийством эрцгерцога Австро-Венгрии Франца Фердинанда сербским националистом в 1914 году. Это было серьёзным оскорблением для Австрии, но едва ли достаточной причиной для того, чтобы ввергнуть мир в жестокий конфликт, который унёс свыше десяти миллионов жизней и двадцать миллионов оставил ранеными. Американских школьников учат, что дядя Сэм вступил в войну, чтобы «сохранить мир для демократии». Но, как мы ещё увидим, в американские военные барабаны били люди с гораздо менее идеалистическими целями.

Формула Ротшильда контролировала политический климат в Европе начиная с конца XVIII века. Страны всё чаще вступали в противоречия друг с другом по поводу границ, колониальных территорий и торговых путей. В течение многих лет продолжалась гонка вооружений, комплектовались и обучались огромные регулярные армии, сколачивались военные альянсы. Всё предполагало подготовку к войне. Убийство Фердинанда было не причиной, а спусковым механизмом. Это была просто искра, которая зажгла фитиль, воспламенивший первое заряженное оружие.

ВЛОЖЕНИЕ ДЕНЕГ В ВОЙНУ

Потребности войны в Европе требовали от Англии и Франции основательного влезания в долги. Когда их центральные банки и местные торговые банки не смогли более удовлетворять их потребности, их находившиеся в крайне тяжёлом положении правительства обратились к американцам и выбрали в качестве агента по сбыту своих облигаций Дом Моргана – партнёра Рот-

шилльдов. Большая часть денег, занятых в процессе этих операций, быстро вернулась в США для приобретения материалов, и Морган, кроме того, был выбран как агент США по покупке и поставке. Комиссионные выплачивались по операциям в обоих направлениях: один раз, когда деньги брались взаймы, и второй раз, когда их тратили. Помимо этого, многие страны, получавшие контракты на серийное производство, либо прямо принадлежали холдинговым компаниям Моргана, либо прочно находились в сфере его деятельности, связанной с банковским регулированием. При таких обстоятельствах совершенно неудивительно, как мы вскоре узнаем, что Морган не слишком стремился к тому, чтобы военные действия закончились. Даже самый благородный человек может поддаться искушению такими большими денежными средствами.

В 1919 году, через несколько месяцев после окончания войны, Джон Муди пишет:

Англия и Франция не только оплачивали содержание своих вооружённых сил деньгами, предоставленными им Уолл-стрит, они также осуществляли свои закупки через одного и того же агента... Дом Моргана был неизбежно выбран для выполнения этой важной задачи. Таким образом, война предоставила Уолл-стрит совершенно новую роль. До того момента это была штаб-квартира финансистов; после того она стала величайшим индустриальным рынком, когда-либо существовавшим. Помимо продажи государственных ценных бумаг и облигаций, финансирования железных дорог и осуществления других задач крупного банковского центра, Уолл-стрит начала торговать снарядами, орудиями, подлодками, одеялами, одеждой, обувью, мясными консервами, пшеницей и тысячей прочих наименований, необходимых для ведения великой войны¹.

Денежные потоки начали своё движение в январе 1915 года, когда Дом Моргана подписал контракт с Советом Британской армии и Адмиралтейством. Первой покупкой, как ни странно, были лошади, и внесённая сумма составила 12 миллионов долларов. Но это была всего лишь первая капля дождя перед ливнем. Общий объем затрат в конце концов вырос до астрономической суммы и составил 3 миллиарда долларов. Это предприятие стало крупнейшим потребителем на Земле, расходуя до 10 миллионов долларов ежедневно. В офисах Моргана на Уолл-стрит, 23 толпились брокеры и предприниматели, стремившиеся заключить сделку. Банк был вынужден поставить охрану у каждой двери, а также возле домов своих партнёров. Каждый месяц Морган контролировал закупки, которые равнялись валовому национальному продукту всего мира всего лишь одно поколение назад².

¹ John Moody, *The Masters of Capital* (New Haven: Yale University Press, 1919), pp. 164-165.

² Chernow, pp. 187-189.

Все это время Морган активно утверждал, что он пацифист. «Никто не может ненавидеть войну сильнее, чем я», — сказал он Комитету Сената по вооружению. Но было трудно согласиться с подобными заявлениями. Левинсон комментирует:

Заем в 500 миллионов долларов, законтрактованный осенью 1915 года, принёс группе банкиров, во главе которых стоял Морган, 9 миллионов долларов чистой прибыли... Кроме того, в 1917 году французское правительство выплатило банку Моргана и другим банкам комиссионные в сумме 1 500 000 долларов, а в 1918 году ещё 1 миллион.

Помимо выдачи кредитов был ещё один источник прибыли: покупка и продажа американских облигаций, которые выкупила Антанта, вследствие чего члены Тройственного союза могли закупать снаряжение в США. Считается, что таким образом за время войны через руки Моргана прошло около двух миллиардов долларов. Даже если комиссионные были совсем небольшими, операции подобных масштабов обеспечивали ему влияние на фондовой бирже, которое приносило вполне реальные преимущества.

Его ненависть к войне не мешала ему, гражданину нейтральной страны, снабдить воюющие державы 4 400 000 винтовок за 194 000 000 долларов... Прибыли были такими, что в некоторой степени компенсировали его ненависть к войне. По его собственным подсчётам, в качестве агента английского и французского правительств он получил комиссионные в размере 1% по заказам, которые составили 3 000 000 000 долларов. То есть он получил около 30 000 000... Однако, помимо этих двух основных заказчиков, Морган также вёл дела с Россией (операции стоимостью 412 000 000 долларов), Италией и Канадой (по этим странам цифры не публиковались)...

Дж.П. Морган и некоторые его партнёры по банку были в то время акционерами компаний, являвшихся... предприятиями, получавшими значительные прибыли от заказов, которые он им предоставлял... Просто поразительно, что организация, занимавшаяся централизованными закупками, полагалась на того, кто одновременно был покупателем и продавцом¹.

ГЕРМАНСКИЕ ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПОЧТИ ВЫИГРАЛИ ВОЙНУ

Но над Уолл-стрит сгустились тучи, когда военные дела Антанты стали плохи. С течением времени и сжатием исторического времени легко забыть,

¹ Lewinsohn, pp. 103-104, 222-224.

что Германия и Центральные державы почти выиграли войну ещё до вступления в неё США. Используя небольшую флотилию недавно созданных подводных лодок, Германия существенно продвинулась в осуществлении своих планов – отрезать Англию и её союзников от любой внешней помощи. Это был удивительно ловкий трюк, и он навсегда изменил концепцию военных действий с использованием военно-морских сил. У Германии была 21 подлодка, но, поскольку они постоянно требовали ремонта и обслуживания, одновременно в море их было самое большее семь штук. Тем не менее между 1914 и 1918 годами немецкие субмарины потопили свыше 5700 надводных кораблей. Еженедельно на дно отправлялись 300 тысяч тонн морского флота союзников. Каждый четвёртый пароход, отплывавший от Британских островов, не возвращался обратно. Позже британский министр иностранных дел Артур Бальфур писал: «В то время всё определённо выглядело таким образом, как будто мы собирались проиграть эту войну»¹. Роберт Феррелл в своем труде «Вудро Вильсон и Первая мировая война» сделал следующий вывод: «Союзники приблизились к краю пропасти, и у них нет иного выхода, кроме как просить о заключении мирового соглашения на условиях Германии»². Уильям Макэду, который в то время был министром финансов США (и зятем Вильсона), рассказывает в своих мемуарах:

Из-за моря донеслось беспокойство британцев – беспокойство, которое несло усиливающуюся ноту беды. Это был страх, и обоснованный страх, перед тем, что Англия, возможно, будет ужасно голодать, и ей придётся признать поражение и отказаться от дальнейшей борьбы... 27 апреля 1917 года посол США Уолтер Х. Пейдж конфиденциально сообщил своему президенту, что запасов продовольствия на Британских островах хватит только, чтобы прокормить гражданское население в течение шести недель или двух месяцев³.

В этих обстоятельствах для Моргана стало невозможным находить новых покупателей для союзнических облигаций военных займов, ни для нового финансирования, ни для старых облигаций, по которым истекали сроки платежей и которым грозила просрочка платежей. Это было серьёзно по нескольким причинам. Если продажа облигаций остановится, не будет денег на продолжение закупок военных материалов. Комиссионные будут потеряны с обеих сторон. Кроме того, если ранее проданным облигациям грозит просрочка платежей, а так оно и будет, если Британия и Франция будут вынуждены принять

¹ Balfour MSS, FO / 800 / 208, British Foreign Office records, Public Record Office, London, цитируется по: Robert H. Ferrell, *Woodrow Wilson and World War I* (New York: Harper & Row, 1985), p. 35.

² Ferrell, p. 12.

³ William G. McAdoo, *Crowded Years* (New York: Houghton Mifflin, 1931; переизд. New York: Kennikat Press, 1971), p. 392.

мир на условиях Германии, инвесторы понесут огромные потери. Надо что-то делать. Но что? Роберт Феррелл намекает на ответ:

В середине тридцатых годов комитет Сената США, во главе которого стоял Джеральд П. Най, сенатор от штата Северная Дакота, расследовал деятельность американских производителей оружия и торговцев им до 1917 года и увеличил вероятность того, что администрация Вильсона была втянута в войну по причине того, что американские банкиры нуждались в защите своих предоставленных союзникам кредитов¹.

Как уже упоминал ранее Уильям Макэду, американским послом в Англии в то время был Уолтер Хайнс Пейдж, один из доверенных лиц Фонда Рокфеллера. Комитет Ная выяснил, что, помимо своего правительственного жалования, которое, по его словам, было недостаточно высоким, Пейдж также получал содержание, составлявшее 25 000 долларов в год (в 1917 году это была огромная сумма) от Кливленда Доджа, президента Национального Городского банка Рокфеллера. 15 марта 1917 года посол Пейдж отправил телеграмму в Государственный департамент, кратко сообщив о финансовом кризисе в Англии. Он сказал, что, поскольку источники новых капиталов иссякли, единственным способом поддержать продолжение войны могут быть прямые субсидии от Министерства финансов США. Но, поскольку это было бы нарушением договоров о нейтралитете, США придётся отказаться от своего нейтралитета и вступить в войну. Он сказал:

Полагаю, что воздействие этого приближающегося кризиса вышло за пределы возможностей финансового агентства Моргана в отношении правительств Британии и Франции... Самое большое, что мы могли бы сделать, чтобы помочь союзникам, – это предоставить им кредит... До тех пор пока мы не начнём войну с Германией, наше правительство, конечно, не может предоставлять такой кредит официально².

Группа Моргана предоставила Англии и Франции займы в 1,5 миллиарда долларов. Когда боги войны отвернулись от них, инвесторы столкнулись с угрозой полной потери этих займов. Фердинанд Ландберг заметил: «Объявление войны Соединёнными Штатами, помимо выведения богатейших американских семейств из опасной ситуации, также открыло новые перспективы для получения прибылей»³.

¹ Ferrell, p. 88.

² Цитируется по: Ferdinand Lundberg, *America's Sixty Families* (New York: Vanguard Press, 1937), p. 141. См. также Link et al., eds., *The Papers of Woodrow Wilson*, Vol. 41 (1983), pp. 336-337, цитируется по: Ferrell, p. 90.

³ Lundberg, pp. 141-142.

ПОЛКОВНИК ХАУС

Одним из самых влиятельных людей в то время был серый кардинал Белого дома полковник Эдвард Мандел Хаус, личный советник Вудро Вильсона и, позже, Рузвельта. Хаус имел тесные контакты с Дж.П. Морганом и старыми банковскими династиями Европы. В юности он несколько лет учился в Англии и впоследствии окружил себя выдающимися членами Фабианского общества. Кроме того, он был очень богатым человеком, и большая часть его состояния была приобретена во время войны между штатами. Его отец, Томас Уильям Хаус, действовал в качестве тайного американского агента, представлявшего интересы неизвестных банковских кругов в Лондоне. Все полагали, что он представляет интересы Ротшильдов. Хотя они жили в Хьюстоне, штат Техас, старший Хаус часто говорил о своём желании, чтобы его сыновья «знали Англию и служили ей». Он был одним из нескольких жителей одного из Конфедеративных Штатов Америки, который после окончания войны обладал большим состоянием.

Общепризнано, что именно полковник Хаус был человеком, который выбрал Вильсона в качестве кандидата в президенты и который обеспечил выставление его кандидатуры¹. Он стал постоянным компаньоном Вильсона, и президент публично признал, что весьма зависит от его инструкций и руководства. Многие важные назначаемые посты в правительстве были тщательно отобраны Хаусом. Они с Вильсоном даже дошли до того, что разработали специальный тайный код, чтобы свободно общаться по телефону². Сам президент писал: «Господин Хаус – моя вторая личность. Он – моё независимое я. Его и мои мысли – это одно и то же»³.

Джордж Вирек, восхищённый биограф Хауса, рассказывает:

Делегация Техаса была у Хауса в кармане... Всегда действуя на заднем плане, не привлекая всеобщего внимания, он назначал и свергал губернаторов Техаса... Хаус выбрал Вильсона, потому что считал его лучшим из имевшихся кандидатов...

Семь долгих лет полковник Хаус был вторым «я» Вудро Вильсона. Семь долгих лет он делил с ним всё, кроме титула президента Соединённых Штатов. Семь долгих лет в его распоряжении находились две ком-

¹ *The Columbia Encyclopedia* (Третье издание, 1962, с. 2334) сообщает, что выдвижение Вильсона от партии демократов произошло, когда Уильям Дженнингс Брайан изменил свои взгляды и стал поддерживать его «по рекомендации Эдварда М. Хауса». Подробности см.: Martin, p. 155.

² Charles Seymour, *The Intimate Papers of Colonel House* (New York: Houghton Mifflin Co., 1926), Vol. 1, pp. 114-115.

³ Seymour, Vol. I, p. 114.

наты в Северном крыле Белого дома... Именно Хаус назначал членов Кабинета, формулировал первые политические курсы администрации и практически руководил внешней политикой США. У нас поистине было два президента вместо одного!.. Будучи первоклассным послом, он говорил с императорами и королями как равный. Он был духовным генералиссимусом администрации. Он был штурманом, который вёл корабль¹.

ТАЙНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О ВСТУПЛЕНИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ В ВОЙНУ

Когда стали приближаться президентские выборы Вильсона на второй срок, полковник Хаус начал вести тайные переговоры с сэром Уильямом Вайсманом, который был прикомандирован к британскому посольству в Вашингтоне и действовал в качестве тайного посредника между Хаусом и Министерством иностранных дел Британии. Чарльз Сеймур пишет: «Вскоре между Хаусом и Вайсманом оставалось мало политических секретов»². Это огорчало Уильяма Дженингса Брайана, Государственного секретаря США. Миссис Брайан, со-автор мемуаров своего мужа, пишет:

В то время как Государственный секретарь Брайан нёс большую ответственность за Государственный департамент США, вокруг неофициальных связей господина Э.М. Хауса с президентом и его поездок за границу по государственным делам, о которых не сообщалось Государственному секретарю Брайану, складывалась странная обстановка... Президент вёл неофициальные переговоры с иностранными правительствами³.

Какова была цель этих деловых отношений? Она заключалась в том, чтобы выработать способы, при помощи которых Соединённые Штаты могли быть втянуты в войну. Вирек объясняет:

За десять месяцев до выборов, которые вернули Вильсона в Белый дом в 1916 году, «потому что он не дал нам ввязаться в войну», пол-

¹ George Sylvester Viereck, *The Strangest Friendship in History: Woodrow Wilson and Colonel House* (New York: Liveright Publishers, 1932), pp. 4, 18-19, 33, 35.

² Seymour, Vol. II, p. 399.

³ William Jennings Bryan and Mary Baird Bryan, *The Memoirs of William Jennings Bryan* (New York: Kennikat Press, 1925), Vol. II, pp. 404-405.

ковник Хаус вёл тайные переговоры с Англией и Францией от имени Вильсона, который обещал, что Соединённые Штаты вступят в войну на стороне союзников.

9 марта 1916 года Вудро Вильсон официально санкционировал это соглашение. Если бы американскому народу стало известно о переговорах между полковником Хаусом и лидерами Англии и Франции до выборов, это могло бы вызвать непредсказуемые изменения в общественном мнении...

Из этих переговоров и обменов мнениями с сэром Эдвардом Греем вырос тайный договор, о котором не знал и на который не давал своего согласия Сенат США и которым Вудро Вильсон и Хаус привязали США к колеснице Антанты... После войны текст этого договора перестал быть тайной. Первым проболтался Грей. Пейдж обсуждал его во всех подробностях. Полковник Хаус рассказывал историю заключения этого договора. Клинтон Хартли Граттан подробно рассматривает его в своей книге «Почему мы воевали». Но по какой-то непостижимой причине огромное значение этого разоблачения никогда не достигло сознания американского народа¹.

Основным условием этого соглашения было то, что правительство США должно было предложить обсуждение мирового соглашения между Германией и союзниками, а затем внести конкретное предложение по условиям этого соглашения. В том случае, если какая-либо сторона отказалась бы принять это соглашение, Соединённые Штаты вступили бы в войну в качестве союзника другой стороны. Загвоздка была в том, что условия этого предложения были предусмотрительно разработаны таким образом, чтобы Германия не имела возможности принять их. Таким образом, для всего мира это выглядело бы так, будто Германия была виноватой, а Соединённые Штаты выглядели гуманно. Посол Пейдж заметил в меморандуме от 9 февраля 1916 года:

Хаус прибыл из Берлина – Гавра – Парижа полным идей относительно вступления Америки в войну. Прежде всего, его план заключался в том, чтобы он, я и группа членов Британского кабинета министров (Грей, Асквит, Ллойд Джордж, Рединг и др.) немедленно разработали минимальную программу мира, которую приняли бы союзники, но которая, по его предположениям, была бы неприемлемой для Германии; и чтобы президент взял эту программу и представил её обоим сторонам. Сторона, которая отклонила бы её, несла бы ответственность за продолжение войны... Конечно, фатальное в этическом смысле слабое место вышеизложенной схемы заключалось в том, что мы должны вступить

¹ Viereck, pp. 106-108. Этот вопрос, вместе с полным текстом меморандума сэра Эдварда, рассматривается в *The Memoirs of William Jennings Bryan*. Vol. II, pp. 404-406.

в войну не по конкретной существенной причине, а на основании тщательно разработанной хитрости¹.

На поверхности лежит тот парадокс, что Вильсон, который всегда был пацифистом, теперь должен был вступить в тайное соглашение с иностранными державами с тем, чтобы ввергнуть США в войну, которой они могли с лёгкостью избежать. Эту тайну помогает разгадать тот факт, что Вильсон был также интернационалистом. Одной из сильнейших связей между ним и Хаусом была их общая мечта о мировом правительстве. Они оба осознавали, что американский народ никогда не примет такую концепцию, пока не возникнут смягчающие обстоятельства. Они рассуждали, что долгая и кровавая война является, вероятно, единственным событием, которое может создать условия для того, чтобы американский рассудок принял утрату национального суверенитета, в особенности если она будет упакована в обещание положить в будущем конец всем войнам. Вильсон также знал, что если Соединённые Штаты вступят в войну достаточно рано для того, чтобы принести реальную пользу на поле боя, и если союзным державам можно будет ссудить большие суммы американских долларов, то после войны он будет находиться в такой позиции, в которой сможет диктовать условия мира. Он писал полковнику Хаусу: «У Англии и Франции совсем не такие, как у нас, взгляды на мир. Когда война закончится, мы сможем вынудить их думать, как мы, потому что в финансовом отношении к тому времени они среди прочих вещей будут у нас в руках»². Следовательно, Вильсон допустил внезапное проявление смешанных чувств, когда запланировал войну как неизбежное зло, которое принесёт с собой то, что он понимает как максимальную пользу мирового правительства.

С наступлением 1917 года президент намекал на войну и мировое правительство почти в каждом публичном заявлении. В обычной речи в марте того года он сказал: «Трагические события тридцати месяцев губительного кризиса, через которые мы только что прошли, сделали нас гражданами мира. Возврата не может быть. Затронуты наши собственные состояния как нации, есть они у нас или нет»³.

Примерно в это же время Вильсон созвал демократических лидеров Конгресса на чрезвычайное утреннее заседание в Белом доме. Он сказал им, что, несмотря на настроения общественности, есть масса серьёзных причин для вступления в войну, и попросил их помочь ему продвинуть этот план в Конгрессе и среди избирателей. Гарри Элмер Барнс сообщает:

Эти люди были против войны и, следовательно, отвергли его предложения довольно гневно. Вильсон знал, что этот момент как раз перед

¹ Цитируется по: Viereck, pp. 112-113.

² Цитируется по: Ferrell, p. 88.

³ Ferrell, p. 12.

выборами совершенно не годится для раскола партии, поэтому сразу же оставил эту тему и вместе с полковником Хаусом составил план пацифистской платформы будущей кампании. Губернатор Нью-Йорка Мартин Глин и сенатор Олли Джеймс из Кентукки были отправлены на съезд Демократической партии в Сент-Луисе, чтобы они произнесли там программные речи, которые основывались на лозунге: «Он не дал нам ввязаться в войну!»... Перед тем как он был торжественно введен в должность президента во второй раз, Германия сыграла ему на руку, провозгласив продолжение военных действий с использованием подводных лодок... То, что Германия совершила этот своевременный промах, было удачей для Британии и банкиров, так как Великобритания превысила свой американский кредит на сумму около 450 000 000 долларов, а у банкиров были проблемы с распространением крупных частных займов. В тот момент было необходимо передать бремя финансирования Антанты федеральному Министерству финансов¹.

ПРОДАЖА ВОЙНЫ АМЕРИКАНСКОМУ НАРОДУ

Вследствие тайных соглашений и афер Америка была ввергнута в войну, но политологи и финансисты понимали, что следует сделать что-то ещё, чтобы изменить общественное мнение. Как этого можно было достичь?

Уолл-стрит в значительной степени контролировала важные сегменты средств массовой информации. Джордж Уилер пишет: «Примерно в это время компания Моргана выбирала высший административный персонал для старого и неблагополучного издательства *Harper & Brothers*... В газетной сфере в этот период Пирпонт Морган успешно контролировал нью-йоркскую газету *The Sun*... бостонскую Службу новостей, журнал *Barron's*, а также *the Wall Street Journal*»².

9 февраля 1917 года Каллауэй, депутат Палаты представителей от штата Техас, выступил в Конгрессе и сказал следующее:

В марте 1915 года заинтересованные лица Дж.П. Моргана, стальные, кораблестроительные и пороховые выгодоприобретатели и их дочерние организации, собрали 12 человек, занимающих высокие посты в мире прессы, и наняли их на работу, чтобы отбирать наиболее влиятельные газеты в США и контролировать общую политику ежедневной прессы... В результате анализа выяснилось, что необходимо установить

¹ Harry Elmer Barnes, *In Quest of Truth and Justice: De-Banking the War Guilt Myth* (Chicago: National Historical Society, 1928; переизд. New York: Arno Press & The New York Times, 1972), p. 104. Подробнее об этом съезде см.: Viereck, pp. 180-183.

² George Wheeler, *Pierpont Morgan and Friends: The Anatomy of a Myth* (Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1973), pp. 283-284.

контроль всего над 25 крупнейшими газетами... Было достигнуто соглашение, и политика этих газет была куплена на корню с ежемесячной оплатой. Для каждой газеты был нанят редактор, чтобы осуществлять надзор и в правильную сторону редактировать информацию, касающуюся финансовых, политических, военных и целого ряда других вопросов внутреннего и международного характера, которые покупатели считали жизненно важными для своих личных интересов¹.

Чарльз С. Меллен, представитель железнодорожной компании в Нью-Хейвене, заявил в Конгрессе, что в ведомости его железной дороги, принадлежащей Моргану, числится больше тысячи редакторов газет Новой Англии, и это стоит около 400 000 долларов ежегодно. Эта железнодорожная компания также является владельцем почти полумиллиона долларов в облигациях, выпущенных *Boston Herald*². Эта система контроля была умножена сотнями дополнительных компаний, которые также контролировались Морганом и другими инвестиционно-банковскими домами.

Кроме того, трест Моргана осуществлял контроль средств массовой информации с помощью своих рекламных возможностей. Ландберг в 1937 году сказал: «Хунта Моргана контролирует больше рекламы, чем любая одиночная финансовая группа, и этот фактор сразу же дарит этому банковскому дому почтительное внимание всех бдительных независимых издательств»³.

Контроль Морганом средств массовой информации того времени хорошо документирован, но он ни в коем случае не был там одинок. Во время слушаний 1912 года, которые проводились сенатским Комитетом по привилегиям и выборам, было обнаружено, что Джозеф Сибли, представитель от штата Пенсильвания, действовал в качестве загрузочной воронки для денег Рокфеллера для различных сотрудничающих конгрессменов. Комитету было представлено письмо, которое Сибли в 1905 году написал Джону Д. Арчболду, сотруднику рокфеллеровской компании *Standard Oil*, которая предоставляла деньги. В этом письме Сибли сказал: «Необходимо эффективное литературное бюро, которое бы осуществляло постоянный, а не на день или на случай кризисной ситуации, здоровый контроль над *Associated Press* и сходными структурами. Это будет стоить денег, но в итоге окажется самым дешёвым решением»⁴.

Ландберг далее комментирует:

В настоящий момент, насколько можно узнать, Рокфеллеры отказались от своей прежней политики непосредственного владения газетами и журналами, полагаясь теперь на публикации во всех лагерях, которые лучше всего служили бы их интересам в обмен на огромные

¹ *Congressional Record*, Vol. 54, Feb. 9, 1917, p. 2947.

² Lundberg, p. 257. [400 000 долларов 1915 года теперь составляют 4 400 000 долларов.]

³ Lundberg, p. 252.

⁴ Там же, с. 97, 249.

объёмы нефти и союзническую рекламу под контролем Рокфеллера. После блока Дж.П. Моргана у Рокфеллеров была наиболее рекламируемая из всех групп. Известно, что, когда одного рекламирования было недостаточно для обеспечения верности какой-либо газеты, компании Рокфеллера производили прямые выплаты в обмен на доброжелательную позицию редакции¹.

Поэтому неудивительно, что большая часть национальной прессы, особенно на востоке, начала осуждать Германию в своих передовых статьях. По стране разнёсся клич – взяться за оружие против «врага западной цивилизации». Редакторы стали убедительно говорить о патриотическом долге всех американцев защитить мировую демократию. Организовывались массовые демонстрации «готовности» и парады.

Но этого было недостаточно. Несмотря на эту массовую кампанию по организации и стимулированию сбыта, американский народ все ещё не покупал. Опросы, проводимые в то время, показали, что распространённое общественное мнение продолжает оставаться десять к одному в пользу того, чтобы держаться подальше от европейской войны. Ясно, что для изменения общественного мнения требовалось что-то радикальное и драматическое.

ВЛАСТЬ МОРГАНА НАД МОРСКИМ ФЛОТОМ

Банковское дело было не единственным бизнесом, в котором Морган имел сильный финансовый интерес. Используя свой контроль над национальными железными дорогами как финансовый рычаг, он создал международный пароходный трест, который включал две крупнейшие пароходные линии Германии и одну из двух пароходных линий Англии, линию, принадлежавшую британской судоходной компании *White Star Line*. В 1902 году Морган предпринял попытку захвата оставшейся британской пароходной линии, принадлежавшей *Cunard Company*, но ему помешало британское Адмиралтейство, которое пожелало сохранить *Cunard* вне иностранного влияния, чтобы в военное время при необходимости можно было использовать её корабли на военной службе. «Лузитания» и «Мавритания», построенные компанией *Cunard*, стали главными соперниками картеля Моргана. Поэтому интересно историческое подстрочное примечание, что, с точки зрения Моргана, «Лузитания» была довольно несущественной. Рон Чернов объясняет:

Пирпонт [Морган] составил план американского пароходного треста, который перенёс бы его принцип «общности интересов» – сотрудничество с конкурентами по данной сфере бизнеса – на глобальный

¹ Там же, с. 247.

уровень. Он создал... крупнейший в мире флот, находящийся в частной собственности... Одним из важных создателей этого пароходного треста был Альберт Баллин, который владел крупнейшей в мире пароходной компанией *Hamburg-Amerika Steamship Line* с сотнями судов... Пирпонту пришлось бороться с единственной, кто оказывал ему сопротивление, британской компанией *Cunard Line*... После Бурской войны картель Моргана и компания *Cunard* измотали друг друга изнурительными тарифными войнами¹.

Как уже упоминалось ранее, Морган был нанят в качестве официального торгового агента Британии. Он управлял закупками всех военных материалов в США, а также координировал их доставку. Следуя примеру Ротшильдов из прошлых веков, он быстро приобрёл полезные навыки контрабанды военного времени. Колин Симпсон, автор труда «Лузитания», описывает его действия:

На протяжении всего периода американского нейтралитета британские военнослужащие в штатском работали на Моргана. Этот огромный банковский картель быстро организовал такую запутанную сеть фальшивых грузоотправителей, банковских счетов и все атрибуты контрабанды, что, хотя они одурачили немцев, там было ещё несколько очень серьёзных ситуаций, когда они приводили в замешательство Адмиралтейство и компанию *Cunard*, не говоря уже о несчастных пассажирах лайнеров, которые перевозили контрабанду².

«ЛУЗИТАНИЯ»

«Лузитания» была британским пассажирским лайнером, который совершал регулярные рейсы между Ливерпулем и Нью-Йорком. Она принадлежала компании *Cunard*, которая, как сказано выше, была единственной крупной пароходной линией, соперничавшей с картелем Моргана. Она отплыла из гавани Нью-Йорка 1 мая 1915 года, и через шесть дней немецкая подлодка утопила её у берегов Ирландии. Из 1195 погибших пассажиров 195 человек были американцами. Именно это событие, более чем какое-либо другое, снабдило сторонников войны убедительной платформой для их взглядов и стало поворотным пунктом, когда американцы неохотно начали принимать если не необходимость войны, то, по крайней мере, её неизбежность.

То, что «Лузитания» была пассажирским кораблём, не соответствует истине. Хотя она была построена как комфортабельный лайнер, особенности её устройства были разработаны британским Адмиралтейством, чтобы при

¹ Chernow, pp. 100-101.

² Colin Simpson, *The Lusitania* (Boston: Little, Brown & Co., 1972), p. 50.

необходимости её можно было переделать в военный корабль. Всё, начиная от лошадиных сил её двигателя и формы её корпуса до расположения хранилищ военного снаряжения, фактически представляло собой военные проекты. Она была построена специально для того, чтобы перевозить двенадцать шестидюймовых орудий. Монтаж этих особенностей конструкции был оплачен британским правительством. Даже в мирное время требовалось, чтобы в её команду входили офицеры и моряки из резерва военно-морских сил Великобритании.

В мае 1913 года она вернулась в сухой док и была экипирована дополнительной броней, вращающимися турельными установками на палубах и стеллажами для снарядов в хранилище боеприпасов. Были также установлены транспортировочные грузоподъёмные лифты, чтобы поднимать снаряды к орудиям. В сухой док доставили двенадцать артиллерийских установок с брзантными снарядами. Всё это есть в Государственном архиве в Национальном Морском музее в Гринвиче, Англия, но вопрос о том, были ли орудия на самом деле установлены тогда на этом корабле, всё ещё горячо обсуждается. Нет фактов, свидетельствующих о том, что всё же были. Так или иначе, 17 сентября «Лузитания» вернулась в море, готовая к суровым испытаниям войны, и в официальный бюллетень Адмиралтейства она была внесена не как пассажирский лайнер, а как *вооружённый вспомогательный крейсер*! В дальнейшем она фигурировала в списках справочника по боевым кораблям мира *Jane's Fighting Ships* как вспомогательный крейсер, а в британском издании *The Naval Annual* – как вооружённое торговое судно¹.

Часть модернизаций, внесённых в сухом доке, состояла в том, что на нижней палубе убрали все пассажирские места, чтобы увеличить пространство для размещения военного груза. Таким образом, Лузитания стала одним из самых значительных перевозчиков военных материалов, включая боеприпасы, из США в Англию. 8 марта 1915 года, после нескольких близких вызовов с немецких подводных лодок, капитан «Лузитании» подал заявление об увольнении. Он сказал, что он хочет встретиться с подводными лодками, но больше не хочет «нести ответственность за смешивание пассажиров с военным имуществом или контрабандой»².

ЧЕРЧИЛЛЬ СТАВИТ ЛОВУШКУ

С точки зрения Англии дело вполне отчётливо пахло керосином. Если США невозможно будет втянуть в войну в качестве её союзника, она вскоре будет вынуждена требовать мира. Проблема была в том, как сдвинуть американ-

¹ Simpson, pp. 17-28, 70.

² Simpson, p. 87.

цев с их позиции стойкого нейтралитета. Как это было достигнуто – один из самых спорных аспектов той войны. Для многих людей непостижимо то, что английские правители могли сознательно запланировать уничтожение одного из своих собственных кораблей с американскими гражданами на борту как средство для втягивания Соединённых Штатов в войну в качестве союзника. Несомненно, подобная идея – просто немецкая пропаганда. Роберт Баллард говорит в журнале *National Geographic*: «В те дни, когда затонула “Лузитания”, те, кто в Нью-Йорке симпатизировал немцам, предложили теорию заговора. Они говорили, что британское Адмиралтейство осознанно причинило вред «Лузитании» в надежде, что она будет атакована, и, таким образом, США будут втянуты в войну»¹.

Взглянем внимательнее на эту теорию заговора. Уинстон Черчилль, который в то время был Первым лордом Адмиралтейства, сказал:

В войне есть множество разновидностей манёвров... Есть манёвры во времени, в дипломатии, в механике, в психологии; все они далеки от поля боя, но часто влияют на него решающим образом... Манёвр, который приводит союзника на поле сражения, так же полезен, как тот, который выигрывает крупную битву. Тот манёвр, который позволяет получить важный стратегический пункт, может быть менее полезен, чем тот, который умиротворяет или принуждает к повиновению какое-либо опасное нейтральное государство².

Манёвр, выбранный Черчиллем, был чрезвычайно безжалостным. В соответствии с Правилами поведения военных кораблей по отношению к невооружённым торговым судам военные корабли Англии и Германии давали командам невооружённых вражеских торговых судов шанс воспользоваться спасательными шлюпками перед тем, как их потопить. Но в октябре 1914 года Черчилль отдал распоряжение, чтобы британские торговые суда больше не подчинялись приказу подлодок остановиться и подвергнуться обыску. Если они несли на себе оружие, они должны были вступить в бой с противником. Если нет, они должны были попытаться таранить подводную лодку. Непосредственный результат этих изменений заключался в том, что немецкие подлодки были вынуждены оставаться погруженными для своей защиты и просто топить суда без предупреждения.

Зачем британцы хотели делать подобную глупость, которая стоила жизни тысячам их собственных моряков? Ответ в том, что это *не* было глупостью. Это было *хладнокровной стратегией*. Черчилль хвастался:

¹ «Riddle of the Lusitania», by Robert Ballard, *National Geographic*, April, 1994, p. 74.

² Winston Churchill, *The World Crisis* (New York: Scribner's Sons, 1949), p. 300. В переиздании Barnes & Noble 1993 года это есть на с. 464.

Первый британский контрманевр заключался в том, чтобы удерживать немцев от надводной атаки. Находящаяся под водой подводная лодка должна была всё в большей степени полагаться на подводную атаку и, таким образом, подвергалась большему риску ошибочно принять суда нейтральных государств за британские корабли, потопить экипажи судов нейтральных государств и тем самым втянуть Германию в войну с другими великими державами¹.

Чтобы повысить вероятность случайного потопления судна нейтральной «великой державы», Черчилль приказал британским кораблям убрать свои названия с корпуса и нести флаг какой-либо нейтральной державы, предпочтительно флаг США. В качестве дополнительной провокации британскому военно-морскому флоту был отдан приказ относиться к членам экипажей захваченных подлодок не как к военнопленным, а как к уголовным преступникам. Черчилль писал: «Выживших следует брать в плен или расстреливать – как будет удобнее»². Другие приказы, которые теперь представляют собой неудобную часть официальных архивов военно-морского флота, были даже ещё более беспощадными: «Во всех боевых действиях по белым флагам стрелять без промедления»³.

Ловушка была расставлена. Немецкий военно-морской флот оказался в положении того, кто сначала стреляет, а потом задаёт вопросы, и при таких условиях было неизбежно, что американцы погибнут.

ПЛАВУЧИЙ СКЛАД ВОЕННОГО СНАРЯЖЕНИЯ

После многих лет расследований теперь можно идентифицировать груз, который находился на борту «Лузитании» в её последнем плавании. Там было 600 тонн пироксилина (обычно именуемого нитроцеллюлозой)⁴, 6 миллионов патронов, 1248 гильз для шрапнельных снарядов (которые могли быть без взрывного заряда), плюс неизвестное количество боеприпасов, целиком заполнявших хранилища на нижней палубе, а также магистраль и проходы палубы F. Кроме того, там было много тонн «сыра», «лярда», «мехов» и прочих наименований, о которых позже стало известно, что они были фальшивыми. Что это было, теперь неизвестно, но это определённо была, по меньшей мере, контрабанда, если не просто воен-

¹ Churchill, pp. 274-275.

² Взято из Дневников Адмирала сэра Хьюберта Ричмонда, 27 февраля 1915, National Maritime Museum, Greenwich, цитируется по: Simpson, p. 37.

³ P.R.O., ADM/116/1359, Dec. 23, 1914, цитируется по: Simpson, p. 37.

⁴ Взрывная сила нитроцеллюлозы в ограниченном пространстве в три раза больше, чем у чёрного пороха, и она имеет намного более низкую температуру воспламенения. См.: Eissler, Manuel, *Modern High Explosives* (New York: John Wiley & Sons, 1914), pp. 110, 112, 372.

ное оружие. Все это было отправлено через компанию Дж.П. Моргана. Но ни о чем таком не подозревала публика, и менее всего те несчастные американцы, которые, сами того не желая, купили билет на тот свет для себя и своих семей и стали приманкой в глобальной игре, где имели место крупное мошенничество и низменные политические махинации.

Немецкое посольство в Вашингтоне хорошо знало о характере груза, который находился на борту «Лузитании», и подало официальную жалобу правительству США, потому что почти весь этот груз был прямым нарушением международных договоров о нейтралитете. Ответом был категорический отказ от осведомлённости о подобном грузе. Видя, что администрация Вильсона молчаливо одобряет такие перевозки, немецкое посольство сделало окончательную попытку предотвратить беду. Оно поместило объявление в пятидесяти газетах Восточного побережья, включая Нью-Йорк, предупреждающее американцев не покупать билеты на «Лузитанию». Это объявление было оплачено вперёд с просьбой поместить его в газету на странице с объявлениями о путешествиях за неделю до отплытия. Оно выглядело следующим образом:

ВНИМАНИЕ!

Путешественникам, собирающимся переплыть через Атлантику, напоминают, что сейчас идёт война между Германией и Великобританией. Боевые действия ведутся и в водах Британских островов. В соответствии с уведомлением, оглашённым немецким правительством, суда под флагом Великобритании или под флагом любого из её союзников могут быть без предупреждения потоплены в водах, где ведутся боевые действия. Путешественники, отправляющиеся на судах Британии или её союзников через район боевых действий, сами несут все риски по сохранности своей жизни и здоровья.

ПОСОЛЬСТВО ГЕРМАНИИ

Вашингтон, округ Колумбия, 22 апреля 1915 г.

Несмотря на то что это объявление было предоставлено газетам вовремя, и они могли успеть к сроку, упомянутому в просьбе, в дело вмешался Государственный департамент и, угрожая возможными исками по делу о клевете, запугал издателей и потребовал не печатать его без предварительного разре-

OCEAN TRAVEL

NOTICE!

TRAVELLERS intending to embark on the Atlantic voyage are reminded that a state of war exists between Germany and her allies and Great Britain and her allies; that the zone of war includes the waters adjacent to the British Isles; that, in accordance with formal notice given by the Imperial German Government, vessels flying the flag of Great Britain, or of any of her allies, are liable to destruction in those waters and that travellers sailing in the war zone on ships of Great Britain or her allies do so at their own risk.

IMPERIAL GERMAN EMBASSY,
WASHINGTON, D. C., APRIL 22, 1915.

OCEAN TRAVEL

CUNARD

EUROPE VIA LIVERPOOL
LUSITANIA

Fastest and Largest Steamer
now in Atlantic Service Sails
SATURDAY, MAY 1, 10 A. M.

Transylvania - Fri., May 7, 5 P.M.
Orduna, . . . Tues., May 18, 10 A.M.
Tuscania, . . . Fri., May 21, 5 P.M.
LUSITANIA, - Sat., May 29, 10 A.M.
Transylvania, - Fri., May 4, 5 P.M.

Объявление в газете *Des Moines Register*

шения уполномоченных лиц из Государственного департамента. Из пятидесяти газет объявление было напечатано к назначенному сроку только в *Des Moines Register*. Что произошло далее, описано Симпсоном:

Джордж Вирек [который в то время был редактором немецкой газеты и который послал это объявление от имени немецкого посольства] провёл 26 апреля, выясняя в Государственном департаменте, почему его объявление не было опубликовано. В конце концов, ему удалось взять интервью у Уильяма Дженнингса Брайана, Государственного секретаря США, и обратить его внимание на то, что во время войны во всех своих рейсах, кроме одного, «Лузитания» действительно перевозила военные товары. Он изготовил копии её сопроводительных деклараций судового груза, которые хранились в налоговом управлении и были доступны для общественного контроля. Он сообщил Брайану, что в следующую пятницу на «Лузитанию» должны будут погрузить не менее шести миллионов патронов, и что в тот момент их как раз грузят на пирсе 54. Брайан снял трубку и разрешил опубликовать то объявление. Он обещал Виреку, что попытается уговорить президента, чтобы тот предупредил американцев не отправляться в это путешествие. Президент не

опубликовал никаких подобных предостережений, но нет сомнения, что президенту Вильсону было известно о характере груза, который предназначался для «Лузитании». Он ничего не сделал, но в тот день, когда её потопили, он вынужден был признать, что его предчувствие принесло ему много бессонных часов¹.

Вероятно, это правда, что Вильсон в глубине души был пацифистом, но равновероятно и то, что он не был полным хозяином своей собственной судьбы. Он был профессором колледжа в Принстоне, в глубине души интернационалистом, который мечтал участвовать в создании мирового правительства и возвестить о наступлении мирного тысячелетия. Но он оказался в окружении и в зависимости от людей с сильной волей, склонностями к политическому коварству и мощными финансовыми ресурсами. Против этих сил он был практически беспомощен, не мог поступать по-своему, и есть основания полагать, что в глубине души он испытывал страдания из-за многих событий, в которых был вынужден участвовать. Мы оставим другим возможность морализировать по поводу человека, который собственным преднамеренным отказом предупредить своих соотечественников о грозящей им смертельной опасности отправил 195 из них в могилу под водой. Мы можем также удивиться по поводу того, как он мог быть настолько лицемерным, осуждая немцев за это деяние, а потом делая все возможное, чтобы американская общественность не узнала правду. Было бы удивительно, если бы степень его угрызений совести составляла не более чем просто несколько бессонных часов.

ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ

Но тут мы несколько забежали вперёд. Пока Морган и Черчилль расставляли убийственные декорации на американской стороне Атлантики, Черчилль играл свою партию на европейской стороне. Когда 1 мая «Лузитания» отплыла из гавани Нью-Йорка, ей был дан приказ встретиться с британским эсминцем «Юнона» у побережья Ирландии, чтобы у нее была морская защита после вхождения во вражеские воды. Однако, когда «Лузитания» достигла места встречи, она была в одиночестве, и капитан решил, что они потеряли друг друга в тумане. На самом деле «Юнону» отозвали из этого района в последнюю минуту и приказали вернуться в Квинстаун. И это было проделано с полным знанием того, что «Лузитания» прямым курсом следует в зону действий немецкой подводной лодки. Чтобы ухудшить ситуацию, «Лузитании» приказали сократить расход топлива не из-за недостатка, а потому что так будет дешевле. Несомненно, в цель, которая движется медленнее, намного легче попасть. Однако ей требовалось оста-

¹ Simpson, p. 97.

новить работу одного из своих четырёх котлов, и, следовательно, когда она вошла в воды, где действовала подводная лодка, её скорость составляла 75% от её потенциальных возможностей.

Когда «Лузитания» приближалась к вражеским водам, почти все знали, что она была в смертельной опасности. Лондонские газеты кишели сообщениями об истории с немецкими предупреждениями и недавними потоплениями судов. Черчилль наблюдал за разворачивающимися военными действиями в кабинете британского Адмиралтейства, где находились карты военных действий, и хладнокровно подсчитывал шансы. Маленькими дисками были отмечены места, где накануне были торпедированы два корабля. Окружностью была показана зона действия подводной лодки. Более крупный диск представлял собой «Лузитанию», которая следовала *прямо в эту окружность* со скоростью 19 узлов. Однако ничего не было сделано для того, чтобы ей помочь. Адмирал Коук в Квинстауне получил формальные инструкции защищать её как можно лучше, но у него не было возможности делать это, и, по сути, никто даже не побеспокоился о том, чтобы предупредить капитана «Лузитании», что встреча с «Юноной» отменена.

Одним из офицеров, присутствовавших в тот роковой день в кабинете высшего командования, где находились карты военных действий, был британский командующий Джозеф Кенурти, которого ранее вызвал Черчилль, чтобы он представил доклад о том, каковы были бы политические последствия потопления океанского лайнера с американскими пассажирами на борту. Кенурти вышел из кабинета в возмущении от цинизма своего начальства. В 1927 году в своей книге «Свобода морей» он писал без дополнительных комментариев: «“Лузитания” была отправлена на существенно сниженной скорости в тот район, где, как было известно, ждала немецкая подлодка, причём её эскорт был отозван»¹. Комментарии излишни.

Полковник Хаус в то время был в Англии, и на день потопления «Лузитании» была запланирована его аудиенция у короля Георга V. Его сопровождал сэр Эдвард Грей, и по пути сэр Эдвард спросил его: «Как поступит Америка, если немцы потопят океанский лайнер с американскими пассажирами на борту?». Как записано в дневнике Хауса, он ответил: «Я сказал ему, что, если это произойдёт, Америку охватит волна негодования, которая, вероятно, сама ввергнет нас в войну»². В Букингемском дворце король Георг V также поднял эту тему и был даже более конкретен, упомянув возможную цель. Он сказал: «Предположим, они потопят “Лузитанию” с американцами на борту...»³.

¹ Joseph M. Kenworthy and George Young, *The Freedom of the Seas* (New York: Ayer Company, 1929), p. 211.

² Seymour, Vol. I, p. 432.

³ Там же, с. 432.

МОЩНЫЙ ВЗРЫВ. МОГИЛА ПОД ВОДОЙ

Через четыре часа после этого разговора чёрный дым «Лузитании» был замечен на горизонте через перископ немецкой подводной лодки U-20. Корабль подошёл прямо к подлодке, позволив ей на полной скорости отойти с её пути и повернуться на девяносто градусов для выстрела, когда она отошла всего лишь на 750 ярдов. Торпеда пробила правый борт на девять футов ниже ватерлинии, несколько впереди мостика. Вторая торпеда была подготовлена, но она уже не потребовалась. Сразу же после взрыва при ударе торпеды раздался *второй, намного более мощный* взрыв, который буквально снёс стенку грузового отсека номер два, и огромный корабль сразу же начал тонуть. Образовалась огромная воронка. Лузитания, один из крупнейших когда-либо построенных кораблей, затонула менее чем за восемнадцать минут!

Выжившие члены экипажа, которые во время атаки работали в котельных отсеках, подтвердили, что котлы в это время не взрывались. Симпсон рассказывает:

Торпеда не попала во внутреннюю переборку, она только способствовала тому, что *нечто* разнесло большую часть носовой части корабля ниже ватерлинии. Это могли быть трёхдюймовые снаряды фирмы *Bethlehem Company*, шесть миллионов патронов для винтовок либо вызывающее сильные сомнения содержимое тюков с мехами или небольших сорокафунтовых коробок с сыром. Водолазы, которые спускались к остаткам кораблекрушения, единогласно утверждали, что носовая часть корабля была взорвана в результате мощного внутреннего взрыва, и крупные куски листовой обшивки судна, выгнутые изнутри, находятся на некотором расстоянии от корпуса¹.

Когда поисковая команда из Океанографического института *Woods Hole* исследовала в 1993 году обломки этого крушения, она сообщила: «Когда наши камеры осматривали хранилище, мы были очень удивлены: там не оказалось пробоины... Мы не обнаружили свидетельств того, что торпеда, выпущенная подлодкой U-20, детонировала взрыв, что подрывало одну из теорий, объясняющих, отчего затонул лайнер»².

Сложно разделить удивление команды. Фотоснимки показывают, что обломки корабля находятся по его правому борту. Поскольку именно там ударила торпеда, логично предположить, что пробоину не должно быть видно. Она должна быть с той стороны, которая скрыта дном океана. Невозможность

¹ Simpson, p. 157.

² Ballard, «Riddle of the Lusitania», pp. 74, 76.

увидеть отверстие *не* подрывает теорию внутреннего взрыва. Это как раз то, чего можно было бы *ожидать*.

Так или иначе, очевидно, что «Лузитания» не затонула бы за восемнадцать минут без пробоины *где-либо*. Даже поисковая команда косвенно признала этот факт, когда исследовала вопрос о том, что могло вызвать второй взрыв. В попытке избежать оказания поддержки «теории заговора», отчёт заключал, что взрыв, вероятно, был вызван не боеприпасами, а угольной пылью.

Дискуссия по поводу корабельного груза, наконец, разрешилась в 2008 году, когда водолазы вошли внутрь корпуса «Лузитании» и обнаружили там миллионы патронов к боеприпасам. Сэм Гринхилл, который писал для *Mail Online*, сообщил:

Водолазы разоблачили тёмную тайну груза, который перевозила «Лузитания» во время своего последнего плавания в мае 1915 года. Боеприпасы, которые они обнаружили в хранилище, позволяют предположить, что немцы все время были правы, утверждая, что корабль перевозил военные материалы и был законной военной целью... Команда водолазов считает, что в хранилище «Лузитании» на глубине 300 футов находится примерно четыре миллиона патронов для «Ремингтона 303» производства США.

ПОСПЕШНАЯ МАСКИРОВКА

Официальное расследование под руководством лорда Мерси проводилось для того, чтобы установить факт потопления и найти виновных. С самого начала это было фальсифицированным делом. Все факты и свидетельства прошли тщательную предварительную сортировку, чтобы обеспечить, что в записях не допущено ничего такого, что могло бы выявить двуличность британских или американских чиновников. Среди документов, представленных лорду Мерси на рассмотрение перед слушаниями, был документ от капитана Ричарда Уэбба, одного из тех, кого Морское министерство выбрало для оказания помощи в маскировке. Там было написано: «Я направлен Морским министерством, чтобы информировать вас, что считается политически целесообразным полагать наиболее виновным в этой катастрофе капитана Тернера, капитана судна «Лузитания»»¹.

Следовательно, он был виновен. Любой, читавший окончательный отчет и не знавший о фактах, должен был сделать вывод, что капитан Уильям Тернер определённо был виновен. Даже при этих условиях Мерси пытался смягчить вину. Он писал: «...не должно было бы взваливать вину на капитана...

¹ The Papers of Lord Mercy, Bignor Park, Sussex, цитируется по: Simpson, p. 190.

То, что он не последовал данной ему рекомендации, не может во всех отношениях объективно объясняться либо небрежностью, либо некомпетентностью». И *затем* он добавил заключительный пункт, который при поверхностном прочтении производит впечатление осуждения немцев, но который, если читать его с пониманием подоплёки, представлял собой обвинение Черчилля, Вильсона, Хауса и Моргана. Он писал:

Вся вина за жестокое лишение жизни в этой катастрофе должна лежать исключительно на тех, кто запланировал, и тех, кто совершил это преступление¹.

Через два дня после передачи этого документа Мерси написал премьер-министру Асквиту и отказался от дальнейшего выполнения своих служебных обязанностей. Он добавил: «Я должен просить, чтобы с этого времени меня освободили от обязанностей, связанных с вершением правосудия на службе Его Королевского Величества». Позже его единственным комментарием по поводу этого события было следующее: «Дело “Лузитании” было чертовски грязным делом»².

ПРИЗЫВ К ВОЙНЕ

Целям кабального совета лучше послужило бы, если бы немцы потопили *американский* корабль, но потопленный британский корабль со 195 американцами на борту тоже сделал достаточно для достижения необходимого эффекта. Участники сразу взялись за дело, пытаясь расшевелить антинемецкие настроения у общественности. Президент Вильсон направил дипломатическую ноту оскорблённого негодования немецкому правительству, и это получило широкое освещение в прессе.

К тому времени Брайан полностью растерял все иллюзии относительно двуличности своего собственного правительства. 9 мая он послал Вильсону следующую записку:

Германия имеет право препятствовать поступлению контрабанды, направленной членам Антанты, и какой-либо корабль, перевозящий контрабанду, не должен полагаться на то, что присутствие пассажиров защитит его от атаки – это было бы подобно тому, чтобы поставить женщин и детей перед армией³.

¹ Simpson, p. 241.

² Там же, с. 241.

³ Bryan, Vol. II, pp. 398-399.

Это не удержало Вильсона от комментариев. За первой нотой последовала вторая, даже более суровая, с угрожающим подтекстом, которая активно обсуждалась на совещании Кабинета министров 1 июня. Макэду, который присутствовал на этом совещании, говорит:

Я помню, что Брайан мало говорил на том совещании; большую часть времени он сидел с полузакрытыми глазами. После совещания он сказал президенту, о чем я узнал позже, что он не может подписать ноту... Брайан сказал, что считает, что его пригодность на посту государственного секретаря закончилась, и предложил уйти в отставку¹.

По просьбе Вильсона Макэду был отправлен к Брайану домой, чтобы убедить секретаря изменить своё мнение, чтобы его отставка не рассматривалась как знак разлада в Кабинете президента США. Брайан согласился подумать ещё один день, но на следующее утро его решение оставалось прежним. В его мемуарах, снабжённых комментариями его жены, миссис Брайан сообщает, что он не спал той ночью. «Он был таким беспокойным, что я посоветовала ему немного почитать, пока он не задремлет. У него был экземпляр старой книги, изданной в 1829 году, которая называлась «Венец признательности Эндрю Джексона». Он находил её очень интересной»².

Какая ирония! В Главе 17 мы рассмотрим тотальную войну, которую вёл президент Джексон против Банка США, предшественника Федеральной резервной системы, и нам напомним, что именно Джексон предсказал следующее:

Разве нет опасности для нашей свободы и независимости в банке, который по своей природе так мало связан с нашей страной?.. Разве нет причины трепетать за чистоту наших выборов в мирное время и за независимость нашей страны во время войны?.. Контролирование наших денег, получение наших правительственных денежных средств, а также удерживание тысяч наших граждан в состоянии зависимости – это будет страшнее и опаснее, чем вражеская морская и военная мощь³.

Можно только поражаться, какие мысли бродили в голове Брайана, когда он вспоминал предупреждение Джексона и применял его к искусственно создаваемой военной истерии, которую в тот самый момент генерировали финансовые власти на Уолл-стрит и в недавно созданном Федеральном резерве.

¹ McAdoo, p. 333.

² Bryan, Vol. II, p. 424.

³ Herman E. Krooss, ред. *Documentary History of Banking and Currency in the United States* (New York: Chelsea House, 1983), Vol. III, pp. 26-27.

Полковник Хаус послал из Англии телеграмму президенту Вильсону, которую тот, в свою очередь, прочёл своему Кабинету. От этой телеграммы произошли тысячи газетных редакционных статей по всей стране. В ней ханжески говорилось:

Америка находится на распутье, когда она должна определить, стоит ли она за цивилизованные или нецивилизованные приёмы ведения войны. Мы больше не можем оставаться нейтральными зрителями. Наши действия во время этого кризиса определяют роль, которую мы сыграем, когда настанет мир, и в какой мере мы можем повлиять на установление неизменного блага гуманизма... Человечество оценивает наше место среди других стран¹.

В другой телеграмме двумя днями позже Хаус проявляет себя как настоящий психолог-политикан, играющий на эго Вильсона, подобно тому как скрипач ласкает струны Страдивари. Он писал:

Если, к несчастью, необходимо вступать в войну, я надеюсь, что вы продемонстрируете миру американскую эффективность, которая будет уроком на столетие или больше. Вся Европа полагает, что мы настолько не готовы и что нам потребуется так много времени, чтобы задействовать наши ресурсы, что наше вступление в войну окажет небольшое влияние.

В случае войны мы должны ускорить производство военного снаряжения в такой степени, чтобы мы могли снабжать не только себя, но и союзников, и так быстро, что весь мир будет поражён².

Конгресс не мог сопротивляться объединённому давлению прессы и президента. 16 апреля 1917 года США официально объявили войну странам гитлеровской коалиции. Восемь дней спустя Конгресс покорно принял Закон о военном займе, по которому членам Антанты был предоставлен кредит в 1 миллиард долларов. Первая ссуда, которая составила 200 миллионов долларов, ушла британцам на следующий день, и её сразу же использовали для выплаты долга Моргану. Несколькими днями позже 100 миллионов долларов ушли Франции для тех же целей. Но востребование средств продолжалось. За три месяца британцы увеличили свой долг Моргану до 400 миллионов долларов, и компания потребовала, чтобы правительство оплатило этот долг. Однако Министерство финансов не могло наложить руки на эту сумму, не подвергая риску свои собственные расходные фонды, и сначала отказалось платить. Тем не менее эта проблема была быстро решена посредством

¹ Seymour, p. 434.

² Там же, с. 435.

манёвра, подробно описанного в Главе 10. Федеральная резервная система под руководством Бенджамина Стронга просто создала необходимую сумму, используя механизм Мандрагоры. Феррелл писал: «Администрация Вильсона оказалась в чрезвычайно щекотливом положении, вынужденная выручить Дж.П. Моргана», но Бенджамин Стронг «предложил помочь [министру финансов] Макэду найти выход из этой ситуации. В течение следующих месяцев 1917-1918 годов Министерство финансов спокойно платило Моргану по частям за превышение кредита»¹. К моменту окончания войны Министерство финансов предоставило займы всего 9 466 000 000 долларов, в том числе 2 170 000 000 долларов после прекращения военных действий.

Это был денежный поток, которого они долго ждали. Помимо спасения кредитов Моргана, даже большие прибыли были получены от производства военной продукции. Правительство тайно готовилось к войне за шесть месяцев до фактического её объявления. По словам Ф.Д. Рузвельта, который тогда был помощником министра ВМС, Военно-морское министерство начало широко закупать военное оборудование осенью 1916 года². Фердинанд Ландберг добавляет:

Неслучайно все стратегические правительственные посты, особенно те, которые имели отношение к закупкам, были заняты патриотами Уолл-стрит. Относительно наиболее важных назначений Вильсон советовался с Доджем [президентом рокфеллеровского Государственного муниципального банка], который... рекомендовал до тех пор неизвестного Бернарда Баруха, биржевого спекулянта медными акциями, в качестве председателя Военно-промышленного комитета....

Как глава Комитета, Барух расходовал правительственные финансовые ресурсы со скоростью 10 000 000 000 долларов в год... Барух заполнил Комитет и его комиссии бывшими и будущими манипуляторами, предпринимателями, финансистами с Уолл-стрит, а также их агентами, которые фиксировали цены на основе «издержки плюс фиксированная прибыль» и, как впоследствии выяснилось, приняли меры, чтобы цены были весьма раздуты, чтобы получить скрытые прибыли...

Американские солдаты, воевавшие в траншеях, люди, работавшие дома, вся страна, находившаяся под ружьём, все воевали не только для того, чтобы победить немцев, но и чтобы победить самих себя. То, что в этой интерпретации нет ничего метафизического, станет ясно, если мы обратим внимание на то, что общие военные расходы правительства США с 6 апреля 1917 года по 31 октября 1919 года, когда последний контингент войск вернулся из Европы, составили 35 413 000 000 дол-

¹ Ferrell, pp. 89, 90.

² Clarence W. Barron, *They Told Barron*; Notes of Clarence Walker Barron, ред. Arthur Pound and Samuel Taylor Moore (New York: Harper and Brothers, 1930), p. 51.

ларов. Общие прибыли корпорации за период с 1 января 1916 года по июль 1921 года, когда промышленная деятельность военного времени, наконец, прекратилась, составили 38 000 000 000 долларов, или примерно были равны сумме военных расходов. Более двух третей этих прибылей корпорации были получены именно теми предприятиями, которые, как выяснил комитет Пужо, находились под контролем «Денежного треста»¹.

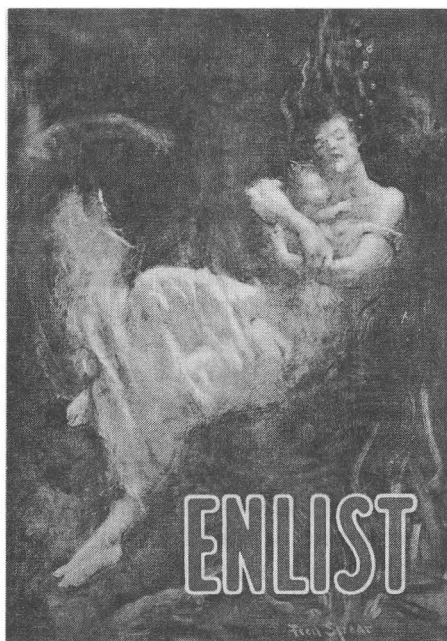
Банковский картель через посредство операций Федеральной резервной системы мог *создавать* деньги, чтобы давать их Англии и Франции, чтобы они, в свою очередь, могли вернуть деньги американским банкам – точно так же, как произошло ещё раз во время Второй мировой войны и ещё раз во время ссудно-сберегательного кризиса 1980-х и 90-х годов. Действительно, в 1917 году подоходный налог, установленный незадолго до этого, был полезен для повышения суммы доходов для участия в войне, а также, как заметил Бёрдсли Рамл несколькими годами позже, для снижения покупательной способности среднего класса. Но самым крупным источником финансирования, как это всегда бывает в военное время, были не прямые налоги, а скрытый налог, именуемый инфляцией. Между 1915 и 1920 годами денежные запасы удвоились – с 20,6 до 39,8 миллиарда долларов². Во время Второй мировой войны, наоборот, покупательная способность валюты упала почти на 50%. Это означает, что американцы, ничего не подозревая, платили правительству примерно половину от каждого существовавшего доллара. И это происходило *в дополнение* к их налогам. Это массовое вливание денег представляло собой продукт механизма Мандрагоры и ничего не стоило для их создания. Тем не менее банки могли собирать со всех этих денег проценты. Старинное партнёрство между политологами и финансистами неплохо выполнило свою задачу.

РЕЗЮМЕ

Для финансирования начальных этапов Первой мировой войны Англия и Франция заняли большие средства у инвесторов Америки, а в качестве агента по сбыту своих облигаций выбрали банкирский дом Морганов. Кроме того, Морган представлял собой их агента по закупкам военных материалов в США, получая, таким образом, прибыли с обоих концов денежного потока: вначале, при взятии денег взаймы, и потом, когда их тратили. Дополнительно-

¹ Lundberg, pp. 134, 144-45.

² «Deposits and Currency – Adjusted Deposits of All Banks and Currency Outside Banks, 1892-1941», *Banking and Monetary Statistics, 1914-1942* (Washington, D.C.: Board of Governors of the Federal Reserve System, 1976), p. 34.

Одна из ужасных человеческих трагедий, случившихся в результате затопления «Лузитании», стала сюжетом для агитационно-вербовочного плаката, изданного в июне 1915 года Бостонским комитетом общественной безопасности. «ENLIST» — призыв записываться в действующую армию

ные прибыли возникали от контрактов на серийное производство, которые заключались с компаниями, входившими в сферу деятельности Моргана. Но военные дела членов Антанты начали портиться, когда немецкие подводные лодки стали фактически контролировать трансатлантические морские пути. По мере того как Англия и Франция приближались к поражению или переговорам о мире на условиях Германии, становилось все труднее продавать их облигации. Отсутствие облигаций означало отсутствие закупок, и денежный поток Моргана был под угрозой. Кроме того, если бы ранее проданные облигации обесценились, как это обычно бывает после поражения, консорциум Моргана понёс бы гигантские потери.

Единственный путь спасти Британскую империю, восстановить стоимость облигаций и поддержать денежный поток Моргана заключался в том, чтобы денежные средства были предоставлены правительством США. Но, поскольку соглашение запрещало нейтральным странам это делать, Америку непременно следовало втянуть в войну. Для этого между британскими чиновниками и полковником Хаусом было заключено тайное соглашение с согласия президента. С этого момента Вильсон начал оказывать давление на Конгресс, настаивая на объявлении войны. Это происходило одновре-

менно с проведением кампании по его перевыборам под лозунгом: «Он не дал нам ввязаться в войну». Тем временем Морган приобрёл контроль над основными сегментами новостных средств массовой информации и организовал стремительное редакционное наступление по всей стране против Германии, призывая к войне как акту американского патриотизма.

Морган создал международный пароходный картель, включая торговый флот Германии, который удерживал почти монополию на море за пределами территориальных вод. Только британская компания *Cunard Lines* оставалась в стороне. «Лузитания» принадлежала компании *Cunard* и конкурировала с картелем Моргана. «Лузитания» была построена в соответствии с военными

техническими требованиями и зарегистрирована британским Адмиралтейством как вооружённый вспомогательный крейсер. Она перевозила пассажиров для прикрытия своей основной миссии, которая заключалась в доставке контрабандных военных материалов из США. Об этом факте было известно Вильсону и другим лицам из его администрации, но они ничего не делали, чтобы это прекратить. Когда посольство Германии пыталось опубликовать предупреждение, предназначенное для американских пассажиров, вмешался Государственный департамент, который запретил газетам его печатать. Когда «Лузитания» покинула гавань Нью-Йорка и отправилась в своё последнее плавание, она фактически была плавучим складом боеприпасов.

Британцы знали, что втягивание США в войну означало бы разницу между поражением и победой. И требовалось *нечто* такое, что могло бы довести эту затею до конца – даже хладнокровно рассчитанное пожертвование одним из своих больших кораблей с англичанами на борту. Но фокус был в том, что на борту были также и *американцы*, чтобы создать в США надлежащий эмоциональный климат. Поскольку «Лузитания» перемещалась в направлении вражеских вод, где, как было известно, действовала немецкая подводная лодка, Первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль приказал защищающему её эсминцу оставить её. Это и плюс тот факт, что ей был отдан приказ снизить скорость, сделало её лёгкой мишенью. После попадания одной хорошо нацеленной торпеды второй мощный взрыв *изнутри* разорвал её на части, и корабль, который, как многие полагали, не мог утонуть, булькнул на дно менее чем за восемнадцать минут.

Дело было сделано, и это привело в движение огромные волны отражения, направленного против немцев. Эти волны, в конце концов, затопили Вашингтон и вовлекли США в войну. В дни объявления войны Конгресс выделил 1 миллиард долларов на кредиты для Англии и Франции. 200 миллионов долларов были сразу же отправлены в Англию, и их использовали для перевода на счёт Моргана. Федеральная резервная система создала огромное количество денег, необходимое для финансирования войны, и это означает, что эти деньги были собраны с американцев через скрытый налог, именуемый инфляцией. За пять лет этот налог полностью забрал половину всего, что они сэкономили. К этому счету была добавлена чрезмерно высокая цена американской крови.

Таким образом, вышло так, что сепаративные мотивы таких разных личностей, как Уинстон Черчилль, Дж.П. Морган, полковник Хаус и Вудро Вильсон, нашли общую причину для втягивания Америки в Первую мировую войну. Черчилль ловкостью добивался военного превосходства, Морган стремился к военным прибылям, Хаус интриговал ради политической власти, а Вильсон мечтал о возможности доминировать в послевоенной Лиге Наций.

ГЛАВА 13

МАСКАРАД В МОСКВЕ

Тайное общество, которое основал Сесил Родс с целью захвата мирового господства; создание в Америке филиала этой группы, который назывался Совет по международным отношениям; роль, которую играли финансисты в этих группах в деле финансирования русской революции; использование миссии Красного Креста в Москве в качестве прикрытия для этой интриги.

Одним из величайших мифов современной истории является то, что большевистская революция в России представляла собой народное восстание угнетённых масс против ненавистного правящего класса царей. Однако, как нам известно, планирование, руководство и особенно финансирование происходило полностью за пределами России, главным образом оно шло от финансистов Германии, Британии и США. Кроме того, мы увидим, что формула Ротшильда играла главную роль в формировании этих событий.

Эта удивительная история начинается с войны между Россией и Японией в 1904 году. Джейкоб Шифф, возглавлявший нью-йоркскую инвестиционную компанию *Kuhn, Loeb & Company*, собирал средства для крупных кредитов на финансирование войны в Японии. Именно благодаря этому финансированию японцы смогли разгромить русских при Порт-Артуре и в следующем году фактически уничтожить российский флот. В 1905 году микадо наградил Шиффа орденом Священного Сокровища Японии второй степени в знак признания его важной роли в этой военной кампании.

За два года военных действий в плен были взяты тысячи русских солдат и матросов. Источники за пределами России, враждебно настроенные по отношению к царскому режиму, платили за печатание материалов марксистской пропаганды на русском языке и распространяли их среди русских военнопленных в лагерях. Русскоговорящих революционеров готовили в Нью-Йорке и отправляли их распространять эти листовки среди заключённых и внушать им идеи о восстании против своего собственного правительства. Когда война закончилась, эти офицеры и солдаты вернулись домой, чтобы посеять семена смуты и государственной измены. Уже через несколько лет им предстояло сыграть важную роль в русской революции, когда после прихода к власти большевиков в среде военных начнутся мятежи.

ТРОЦКИЙ БЫЛ МНОГОСТОРОННИМ АГЕНТОМ

Лев Троцкий был одним из самых известных русских революционеров того времени. В январе 1916 года он был выслан из Франции и прибыл в США по приглашению Джейкоба Шиффа. Его дорожные расходы и путешествие были оплачены приглашающей стороной. Документальных подтверждений этого факта нет, но косвенные доказательства указывают на состоятельный источник финансирования из Нью-Йорка. Троцкий оставался там несколько месяцев, писал для русской социалистической газеты «Новый мир» и произносил революционные речи на массовых митингах в Нью-Йорке. По словам самого Троцкого, некий состоятельный друг, которого он называл доктором М., много раз предоставлял в его распоряжение лимузин с шофёром. В своей книге «Моя жизнь» Троцкий писал:

Жена доктора брала с собой мою жену и мальчиков покататься на машине и была очень добра с ними. Но она была всего лишь простой смертной. Шофёр же был маг, титан, сверхчеловек! Машина повиновалась мановению его руки. Сидеть рядом с ним было высшим счастьем. Когда они зашли в кондитерскую, мальчики спросили у матери, почему шофёр не с ними¹.

Должно быть, удивительное было зрелище – семья великого социалиста-радикала, защитника рабочего класса, врага капитализма, наслаждавшаяся такими благами, как кондитерские и шофёры, истинными символами капиталистической роскоши.

23 марта 1917 года в Карнеги-Холл проходил массовый митинг, торжество по поводу отречения Николая II от престола, что означало свержение царской власти в России. Тысячи социалистов, марксистов, нигилистов и анархистов пришли поприветствовать это событие. На следующий день в газете *New York Times* на странице 2 была опубликована телеграмма от Джейкоба Шиффа, которая была прочитана собравшимся. Он выразил сожаление, что не смог присутствовать на митинге, а затем назвал успех русской революции «...тем, на что мы надеялись, к чему стремились долгие годы»².

¹ Leon Trotsky, *My Life* (New York: Scriber's, 1930), p. 277.

² «Mayor Calls Pacifists Traitors», *The New York Times*, March 24, 1917, p. 2.

3 февраля 1949 года на страницах *New York Journal American* внук Шиффа, Джон, заявил, что его дед пожертвовал около 20 миллионов долларов, чтобы «приблизить торжество коммунизма в России»¹.

Когда в мае 1917 года Троцкий вернулся в Петроград с целью организации большевистской революции в России, у него с собой было 10 000 долларов на «командировочные расходы» – весьма внушительная сумма, если учитывать курс доллара в то время. Величина суммы точно известна потому, что Троцкий был арестован канадскими и британскими властями, когда пароход «Кристианиафьорд», корабль, на котором он пересекал Атлантику, был задержан в Галифаксе. Поэтому в документах точно зафиксировано, сколько денег у Троцкого было при себе. Существовало множество предположений о происхождении этих денег, но факты позволяют уверенно утверждать, что он получил их от немецкого правительства. Это было надёжное вложение.

Троцкий был арестован не без причины. Он был признан лицом, представляющим угрозу интересам Англии, метрополии Канады в Британском Содружестве. Россия была союзником Англии в Первой мировой войне, которая в то время бушевала в Европе. Все, что могло бы ослабить Россию, в том числе, конечно, внутренняя революция, по сути, способствовало укреплению позиций Германии и ослаблению Англии. В Нью-Йорке, в ночь перед отъездом, Троцкий выступил с речью, в которой заявил: «Я собираюсь вернуться в Россию с целью свержения Временного правительства и прекращения войны с Германией»². Троцкий, таким образом, представлял реальную угрозу для военных усилий Англии. Он был арестован как немецкий агент и взят под стражу как военнопленный.

Учитывая все вышеописанное, можно только представить влияние тайных сил, действовавших в Англии и Соединённых Штатах, которые выступили в защиту Троцкого. Немедленно после его задержания в Галифаксе стали приходить телеграммы от самых разношёрстных отправителей – от никому не известного нью-йоркского адвоката, от заместителя министра связи Канады и даже от одного высокопоставленного британского офицера. Все они призывали немедленно отпустить Троцкого. Глава британской секретной службы в Америке того времени сэр Уильям Вайсман по случайному стече-

¹ Чтобы оценить мотивы Шиффа, которые заставляли его поддерживать большевиков, мы должны вспомнить, что он был евреем и что русские евреи преследовались при царском режиме. Следовательно, еврейское сообщество в Америке было склонно поддерживать любое движение, которое пыталось свергнуть русское правительство, и большевики прекрасно подходили на эту роль. Однако, как мы увидим позже, существовали также сильные финансовые стимулы для того, чтобы компании с Уолл-стрит, такие как *Kuhn, Loeb & Company*, в которой Шифф был старшим партнёром, позаботились о том, чтобы старый режим оказался в руках революционеров, которые согласились бы в будущем предоставить выгодные деловые концессии в обмен на сегодняшнюю финансовую поддержку.

² Полный отчёт об этом совещании был представлен военной разведке США. См.: Senate Document No. 62, 66th Congress, *Report and Hearings of the Subcommittee on the Judiciary, United States Senate*, 1919, Vol. II, p. 2680.

нию обстоятельств занимал квартиру непосредственно над квартирой Эдварда Манделла Хауса, известного американского государственного деятеля и дипломата, тесно связанного с финансовыми гигантами Уолл-стрит и Европы, и близко с ним сошёлся. Хаус посоветовал Вайсману отпустить Троцкого, потому что того хотел президент Вильсон. Вайсман сообщил об этом своему правительству, и британское Адмиралтейство 21 апреля отдало приказ об освобождении Троцкого¹. Это было судьбоносное решение, которое повлияло не только на исход войны, но и на будущее всего мира.

Было бы ошибкой считать, что в этой драме действовали одни только Джейкоб Шифф и Германия. Троцкий не добрался бы даже до Галифакса, если бы у него не было американского паспорта, который был получен при личном содействии президента Вильсона. Профессор Саттон сообщает:

Президент Вудро Вильсон был доброй феей, которая дала Троцкому паспорт, чтобы он мог вернуться в Россию и осуществлять дело революции... В то же время осторожные чиновники из Государственного департамента США, озабоченные тем, что подобные революционеры въезжают в Россию, в одностороннем порядке пытались затягивать процедуры оформления паспортов².

Были также и другие. В 1911 году газета *St. Louis Dispatch* опубликовала карикатуру, автором которой был некий большевик по имени Роберт Майнор. Майнор был впоследствии арестован в царской России за революционную деятельность, а его самого спонсировали известные финансисты с Уолл-стрит. Поскольку мы вполне можем предположить, что он был хорошо знаком с этой тематикой, его карикатура имеет большое историческое значение. На ней изображён Карл Маркс, стоящий с книгой «Социализм» в руке среди ликующей толпы на Уолл-стрит. Собравшиеся приветствуют его восторженными возгласами и рукопожатиями. В персонажах в шёлковых шляпах можно узнать Джона Д. Рокфеллера, Дж.П. Моргана, Джона Д. Райана (*National City Bank*), партнёра Моргана Джорджа У. Перкинса и Теодора Рузвельта, лидера Прогрессивной партии.

Таким образом, вырисовывается чёткая картина решительной поддержки большевизма представителями финансовой и политической элиты Соединённых Штатов, людьми, которые якобы были «капиталистами» и которые, согласно общепринятой точке зрения, должны были быть смертельными врагами социализма и коммунизма.

Но это явление не ограничивалось Соединёнными Штатами. Троцкий в своей биографии «Моя жизнь» рассказывает о некоем британском финансисте,

¹ «Why Did We Let Trotsky Go? How Canada Lost an Opportunity to Shorten the War», MacLeans magazine, Canada, June, 1919. Также см.: Martin, pp. 163-164.

² Antony C. Sutton, Ph.D., *Wall Street and the Bolshevik Revolution* (New Rochelle, New York: Arlington House, 1974), p. 25.

который в 1907 году дал ему «крупный кредит», подлежащий погашению после свержения царя. Арсен де Гулевич, который был очевидцем Октябрьской революции, назвал не только имя этого загадочного благодетеля, но и размер кредита. «В частном разговоре мне сказали, что лорд Альфред Милнер потратил более 21 миллиона рублей на финансирование русской революции... И он был далеко не единственным британцем, который поддержал русскую революцию крупными финансовыми пожертвованиями». В частности, де Гулевич упоминает ещё одно имя – сэр Джордж Бьюкенен, посол Великобритании в России в то время¹.

Одно дело, когда уничтожить царскую Россию стремились американцы – таким образом они косвенно помогали Германии в войне, поскольку не участвовали в ней, и совсем другое – содействие русским революционерам со стороны британцев, воюющих против Германии. Это было равносильно государственной измене. Чтобы понять, какие высшие соображения побудили высокопоставленных британцев предать собственного союзника и принести в жертву жизни своих соотечественников, мы должны обратить внимание на уникальную организацию, к которой они принадлежали.

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО

Лорд Альфред Милнер был ключевой фигурой в организации тайного общества, которому во время этих событий было около шестнадцати лет. Целью этого общества было ни много ни мало мировое господство Британской империи. Завоевание России было первым пунктом этого плана. Поскольку организация все ещё существует сегодня и продолжает уверенно двигаться к своей цели, важно знать её историю.

Одним из самых авторитетных справочных изданий по истории этой группы является книга «Трагедия и надежда» доктора Кэрролла Квигли. Доктор Квигли был профессором истории в Джорджтаунском университете, где учился президент Клинтон. Квигли – автор широко известного учебника «Эволюция цивилизации»; он был членом редакционной коллегии ежемесячного издания «Современная история», а также консультантом таких организаций, как Промышленный колледж вооружённых сил, Брукингский институт, лаборатория вооружения ВМС США, Военно-морское училище, Смитсоновский институт и Государственный департамент США. Но доктор Квигли – не просто учёный. Он также был тесно связан со многими династиями миллиардеров. По его собственному признанию, он был инсайдером, который из первого ряда мог наблюдать за перетасовками в структуре власти в мире.

¹ См.: Arsene de Goulevitch, *Czarism and Revolution* (Hawthorne, California: Omni Publications, n.d., переиздание с франц. изд. 1962 года), pp. 224, 230.

Написанный Квигли научный 1300-страничный труд не предназначался для широких масс. Его потенциальной аудиторией была интеллектуальная элита, которой он и хотел раскрыть одну из величайших тайн всех времён. Он также дал понять, что является дружественным апологетом этой группы и поддерживает её цели и задачи. Доктор Квигли писал:

Я знаю о деятельности этой сети, потому что изучал её на протяжении двадцати лет, а в течение двух лет в 1960-е годы меня допускали к её архивным документам и тайным записям. У меня нет неприятия к этому обществу, мне близки многие его цели и методы его действия... Единственное, с чем я не согласен, так это с его стремлением сохранить своё существование в тайне¹.

Как уже упоминалось, книга Квигли предназначалась только для элитарного круга читателей, включавшего учёных и своих людей для этой сети. Однако неожиданно эту работу начали цитировать в журналах популярной направленности, так как она содержала ценную информацию о скрытых механизмах тайной властной структуры. В результате возник большой спрос на эту книгу со стороны противников этого общества, которым было любопытно узнать, что о нем может сказать хорошо осведомлённый человек. Все пошло не по плану. Что происходило далее, лучше всего описывает сам Квигли. В одном письме личного характера от 9 декабря 1975 года он писал:

Спасибо за вашу похвалу «Трагедии и надежде», книге, которая принесла мне головную боль, потому что в ней, по-видимому, говорится то, чего влиятельные люди знать не желают. Мой издатель прекратил её продажу в 1968 году и обещал мне, что переиздаст её (но в 1971-м он сказал моему адвокату, что они «рассыпали набор» ещё в 1968-м). Цена на раритетную книгу поднялась до 135 долларов, а её части были перепечатаны в нарушение авторского права, но я не мог ничего сделать, потому что верил своему издателю, а он ничего не предпринял, даже когда появилась пиратская копия этой книги. Только в 1974 году, когда я нанял адвоката, я получил ответы на свои вопросы...

В другом письме личного характера Квигли продолжает комментировать двуличное поведение своего издательства:

Они обманывали меня в течение шести лет, обещая переиздать мою книгу, когда они получают 2000 заказов, чего никогда не могло произойти, потому что всем, кто спрашивал, они говорили, что книга распродана и

¹ Carroll Quigley, *Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time* (New York: Macmillan, 1966), p. 950.

переиздаваться не будет. Они отрицали это, пока я не послал им ксерокопии их ответов библиотекам, на что они отвечали мне, что это была ошибка служащего. Иными словами, они обманывали меня и помешали мне восстановить права на публикацию... Теперь я совершенно уверен, что моя книга «Трагедия и надежда» была запрещена¹...

Чтобы понять, почему «влиятельные лица» пожелали бы запретить эту книгу, обратим внимание на то, что за этим последовало. Доктор Квигли описывает цель этой сети финансистов мира как:

...никак не меньше, чем создание мировой системы финансового контроля, сосредоточенной в руках частных лиц, занимающих влиятельное положение в политической системе своей страны и способных влиять на мировую экономику в целом. Эта система должна была контролироваться по феодальному образцу центральными банками всего мира, действующими совместно, на основе секретных соглашений, достигнутых в ходе личных встреч и тайных конференций...

Каждый центральный банк, бразды правления которого находились в руках таких лиц, как Монтегю Норман из Банка Англии, Бенджамин Стронг из Нью-йоркского Федерального резервного банка, Чарльз Рист из Банка Франции и Ялмар Шахт из Рейхсбанка, стремился контролировать своё правительство благодаря контролю над государственными займами, манипулировать курсом иностранных валют, влиять на уровень экономической активности в стране, а также влиять на политиков посредством экономических поощрений в деловом мире².

Именно эту информацию хотят скрыть от обывателей «влиятельные лица».

Примечательно, что Квигли говорит об этой группе как о «сети». Это очень точное определение, важное для понимания силы международных финансов. Сеть, о которой говорит Квигли, — это не тайное общество. Несомненно, руководит этой сетью тайное общество, члены которого занимают в ней ключевые посты, но мы можем быть уверены, что многие участники сети знают очень мало или вообще не знают об этом скрытом контроле. Чтобы объяс-

¹ Эти письма впервые были опубликованы летом 1976 года, выпуск *Conspiracy Digest*, Peter McAlpine (Alpine Press, Dearborn, Michigan). Местонахождение оригиналов неизвестно. Однако автор смог найти поверенного, г-на Пола Вольфа (представителя компании *Williams & Connolly*, Вашингтон, Д.С.), который представлял Квигли на судебном процессе против издательства. Г-н Вольф не может ручаться за подлинность самих писем, но подтвердил во время телефонных разговоров и позже письменно, что основные детали соответствуют истине. Он пишет: «Я припоминаю, что некоторое время они утаивали от меня и от профессора тот факт, что они действительно “рассыпали набор”».

² Quigley, *Tragedy*, p. 324.

нить, как такое возможно, вернёмся к возникновению и развитию самого этого тайного общества.

РЕСКИН, РОДС И МИЛНЕР

В 1870 году состоятельный британский социалист Джон Рескин был назначен профессором искусств Оксфордского университета в Лондоне. Рескин считал, что государство должно взять под контроль ресурсы производства и организовать их работу на благо всего общества. Он поддерживал идею передачи управления государством небольшой группе представителей правящего класса, возможно, даже одному диктатору. По его собственным словам, его целью было показать извечное превосходство одних людей над другими, а иногда даже одного человека над всеми остальными¹.

Это, разумеется, все тот же интеллектуальный призыв коммунизма. Ленин учил, что массам нельзя доверить управлять собственными делами и что особая группа дисциплинированной интеллигенции должна взять на себя эту роль во благо народа. В этом и заключается функция Коммунистической партии, в которую входит не более трёх процентов населения. Даже когда разрешён фарс свободных выборов, только члены партии (или лица, которых полностью контролирует КГБ) имеют право баллотироваться на пост главы государства. Представление о том, что правление одной партии или класса является идеальным устройством общества, лежит в основе всех коллективистских схем, независимо от того, как они называются – социализм, коммунизм, нацизм, фашизм или любой другой «изм», который ещё может быть изобретён в будущем для маскировки этого представления. Поэтому сторонники данной идеи элитарности чувствуют себя комфортно практически в любом из этих коллективистских лагерей, о чем также упоминал Квигли: «Эта сеть, которую можно определить как “группа Круглого стола”, не гнушается сотрудничать с коммунистами или любой другой группой и нередко это делает»².

Тем не менее, возвращаясь к вопросу о происхождении этой организации, доктор Квигли сообщает:

Однажды Рескин обратился к студентам Оксфорда как членам привилегированного правящего класса. Он заявил, что они являются продолжателями традиций образования, красоты и порядочности, дисциплины, поборниками закона и свободы, но что эти традиции прервутся, более того, они не заслуживают того, чтобы их продолжали, если их нельзя распространить на низшие классы в самой Англии, а также на все остальные нации мира.

¹ См.: Kenneth Clark, *Ruskin Today* (New York: Holt, Reinhart & Winston, 1964), p. 267.

² Quigley, *Tragedy*, p. 950.

Речь Рескина произвела сенсационное впечатление. Один из присутствующих на лекции студентов, Сесил Родс, записал её от первого до последнего слова и хранил в течение тридцати лет¹.

Сесил Родс стал крупнейшим финансистом Англии и одним из самых богатых людей мира. При содействии Банка Англии и других финансистов, в частности Ротшильда, Родс получил эксклюзивные права на добычу алмазов в Южной Африке, а также на добычу большей части золота в этой стране, что позволило ему практически построить монополию. Большая часть огромного дохода от сбыта алмазов и золота была потрачена на продвижение идей о превосходстве правящего класса Джона Рескина.

Доктор Квигли сообщает:

Всем известно о стипендиях Родса, учреждённых по условиям его седьмого завещания. Менее известно то, что в пяти предыдущих вариантах своего завещания Родс оставил своё состояние на создание тайного общества, целью которого была экспансия Британской империи. И по-видимому, почти никому не известно, что это тайное общество создали Родс и его главное доверенное лицо лорд Милнер и что оно продолжает существовать и по сей день... В своей книге о завещаниях Родса он [Стед, который был членом внутреннего круга] писал, в частности, следующее: «Родс был не просто основателем династии. Он стремился стать создателем огромного полурелигиозного, квазиполитического объединения, которое, как Общество Иисуса, сыграло бы большую роль в истории человечества. Точнее, он хотел основать Орден, который стал бы инструментом завещания Династии»²...

В этом тайном обществе Родс должен был стать руководителем; Стед, Бретт (лорд Эшер) и Милнер должны были войти в исполнительный комитет; Артур (лорд) Бальфур, (сэр) Гарри Джонстон, лорд Ротшильд, Альберт (лорд) Грей и другие должны были войти в «Круг посвящённых»... Остальные члены должны были образовать внешний круг, известный как «Ассоциация помощников» (позже реорганизованный Милнером в клуб «Круглого стола»)³.

СХЕМА ЗАГОВОРА

Таким образом, мы имеем дело с классическим образцом политического заговора. Именно наличие структуры внутри структуры и позволило Квигли го-

¹ Quigley, *Tragedy*, p. 130.

² Carroll Quigley, *The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden* (New York: Books in Focus, 1981), p. ix, 36.

³ Quigley, *Tragedy*, p. 131.

ворить о международной «сети» и тайном обществе *внутри* этой сети. Ядром тайного общества всегда является небольшая группа, которая его полностью контролирует, и этой группой управляет один бесспорный лидер. Далее идёт «второй круг», члены которого мало знают о ближнем круге. Но им внушают мысль, что именно *они* являются центром управления организацией.

Со временем, поскольку заговоры строятся от центра к периферии, организация обрastaет все новыми и новыми кругами. В самые отдалённые круги, как правило, входят люди, не знающие об истинной сущности организации, идеалисты, одержимые искренним желанием сделать мир лучше. Они не подозревают о внутреннем контроле и других целях общества, которое поддерживают; и лишь тех немногих, кто готов идти к своей цели по трупам и считает, что цель оправдывает средства, допускают в ближний круг.

После смерти Сесила Родса внутреннее ядро созданного им тайного общества перешло под контроль лорда Альфреда Милнера, генерал-губернатора и верховного комиссара Южной Африки. Будучи директором ряда государственных банков, он стал одним из величайших политических и финансовых фигур в мире. Милнер завербовал в тайное общество группу молодых людей, в основном выпускников Оксфорда и Тойнби-Холла, и, по словам Квигли:

Благодаря его влиянию они смогли получить важные посты в правительстве и международной финансовой сфере и диктовали британскую внешнюю политику вплоть до 1939 года... В 1909-1913 годах они организовали полусекретные группы, известные как группы Круглого стола, в главных британских колониях и в США...

Деньги на широко разветвлённую деятельность этой организации поступали главным образом из трастового Фонда Родса и от богатых партнёров, таких как братья Бейт, сэр Эйб Бейли и (после 1915 года) семейство Астор, а также от фондов и фирм, связанных с международной банковской системой, особенно от Carnegie United Kingdom Trust, и других организаций, связанных с Дж.П. Морганом, семействами Рокфеллеров и Уитни, а также от таких партнеров, как Lazard Brothers и фирма Morgan, Grenfell and Company...

В конце Первой мировой войны стало ясно, что организация этой системы должна быть значительно расширена. Эта задача была поручена Лайонелу Кертису, который учредил в Англии и всех доминионах организацию, служащую вывеской для существующих местных групп Круглого стола. Эта организация, известная как Королевский институт международных отношений, на каждой из своих территорий в качестве центра имела существующую скрытую группу Круглого стола. В Нью-Йорке она была известна как Совет по международным отношениям, служивший прикрытием для Моргана и Ко и действовавший

в сотрудничестве с очень небольшой американской группой Круглого стола¹.

Совет по международным отношениям стал новым детищем мировых лидеров, которые стремились взять реванш после провала попытки утвердить Лигу Наций в конце Первой мировой войны как истинное мировое правительство. «Серым кардиналам» стало ясно, что не стоит ожидать от населения быстрого принятия власти единого мирового правительства. Воплотить их планы можно было только путём постепенного насаждения нового мирового порядка, символизируемого медлительной фабианской черепахой. Роуз Мартин сообщает:

Полковник Хаус был единственным человеком, который мог заменить собой необходимое множество людей. Он служил примером и намечал цели на будущее, у него в голове всегда был проект или два. В частности, он предвидел, что фабианцам будет необходимо создать верхний уровень англо-американской группы планирования в сфере международных отношений, что может тайно повлиять на политику, с одной стороны, и постепенно развить общественное мнение, с другой...

Молодым амбициозным фабианцам, британцам и американцам, которые собрались на мирную конференцию в качестве экономистов и младших чиновников, вскоре стало ясно, что новый мировой порядок будет создан далеко не в Париже... Полковник Хаус 19 мая 1919 года организовал для них обед в отеле «Маджестик» вместе с избранной группой англичан-фабианцев, включавшей Арнольда Тойнби, Р.Х. Тауни и Джона Мейнарда Кейнса. Все они были одинаково, хотя и по разным причинам, разочарованы последствиями мира. Они заключили джентльменское соглашение об основании организации с филиалами в Англии и Америке «для содействия *научному* исследованию международных вопросов». В результате были созданы две могущественные и тесно связанные организации, формирующие общественное мнение... Английское отделение назвали Королевским институтом международных отношений. Американское отделение, вначале известное под названием Институт международных дел, в 1921 году было реорганизовано в Совет международных отношений².

Именно благодаря Совету по международным отношениям (СМО) и его влиянию на средства массовой информации, фонды, университеты и государственные учреждения, освобождённые от налогов, международные финансы

¹ Quigley, *Tragedy*, pp. 132, 951-952.

² Martin, pp. 174-175.

сты могут с тех пор диктовать внутреннюю и внешнюю политику Соединённых Штатов.

Надо было бы сказать больше о СМО, но в центре нашего внимания теперь Великобритания и, в частности, помощь, которую коммунистам в России оказали лорд Альфред Милнер и его сеть тайных обществ.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «КРУГЛОГО СТОЛА» В РОССИИ

В России до и во время революции было множество местных обозревателей, туристов и репортёров, которые сообщали, что британские и американские агенты были повсюду, особенно в Петрограде, где они предоставляли революционерам деньги для организации восстания. Так, по свидетельствам очевидцев, британские агенты раздавали 25-рублевые банкноты солдатам Павловского полка всего за несколько часов до того, как полк взбунтовался против своих офицеров и принял сторону революционеров. Многочисленные воспоминания и документы того времени, опубликованные позже, показывают, что эти деньги поступали от Милнера через сэра Джорджа Бьюкенена, британского посла в России в то время¹. Западные финансисты неоднократно использовали этот метод в прошлом. Члены группы Круглого стола не в первый раз поддерживали обе стороны конфликта, чтобы ослабить и свергнуть правительство. Царь Николай II имел все основания полагать, что, поскольку англичане были союзниками России в войне против Германии, британские государственные деятели не станут затевать против него заговор. Тем не менее британский посол сам представлял интересы тайного общества, финансировавшего свержение царского режима.

Американские агенты Круглого стола не могли воспользоваться преимуществами дипломатической службы в качестве прикрытия, и поэтому им приходилось быть более изобретательными. Они приезжали в Россию не как дипломаты или коммерсанты, заинтересованные в налаживании деловых контактов, а как представители «Красного Креста» с гуманитарной миссией. Однако такие группы состояли почти исключительно из финансистов, юристов и бухгалтеров из нью-йоркских банков и инвестиционных компаний. Они просто подкупили американскую организацию «Красный Крест» большими пожертвованиями и, по сути, приобрели прикрытия для своих неблагоприятных дел. Профессор Саттон сообщает:

Кампания по сбору средств, проводившаяся «Красным Крестом» в 1910 году и собравшая 2 миллиона долларов, например, была успешной только потому, что её поддерживали состоятельные граждане Нью-Йорка. Сам Дж.П. Морган пожертвовал 100 000 долларов... Ген-

¹ См.: de Goulevitch, p. 230.

ри П. Дэвидсон [партнёр Моргана] был председателем Нью-йоркского комитета по сбору средств в 1910 году, а позже стал председателем Военного совета американского «Красного Креста»... «Красный Крест» оказался не способным справиться с потребностями Первой мировой войны, и, в сущности, руководство им взяли на себя нью-йоркские банкиры¹.

На протяжении войны «Красный Крест» оставался, по сути, одним из подразделений американской армии и должен был выполнять приказы военного начальства. Хотя неясно, кому именно подчинялся Военный совет «Красного Креста», и никаких особых военных миссий он не выполнял, его сотрудники могли носить форму офицеров американской армии. Все расходы миссии «Красного Креста» в России, в том числе покупку военной формы, оплачивал человек, назначенный президентом Вильсоном, «полковник» Уильям Бойс Томпсон.

Томпсон был типичным представителем клуба «Круглого стола». Начав свою карьеру со спекуляций в горнодобывающей отрасли, он вскоре перешёл в мир больших денег. Он рефинансировал Американскую шерстяную компанию и Табачную компанию; запустил Компанию кубинского тростникового сахара; купил контрольный пакет акций автомобильной компании *Pierce Arrow Motor Car Company*; организовал Корпорацию подводных лодок и Компанию по производству аэропланов Райта-Мартина; стал одним из директоров железнодорожных компаний *Chicago Rock Island & Pacific Railway* и *the Magma Arizona Railroad*, а также страховой компании *the Metropolitan Life Insurance Company*; был одним из крупнейших акционеров банка *the Chase National Bank*; был агентом Дж.П. Моргана по операциям с британскими ценными бумагами; стал первым штатным директором Федерального резервного банка Нью-Йорка, самого значительного банка Федеральной резервной системы; и, конечно, пожертвовал четверть миллиона долларов «Красному Кресту».

В России Томпсон ясно дал понять, что не является типичным представителем «Красного Креста». По словам Германа Хагедорна, биографа Томпсона:

Он специально создавал вокруг себя атмосферу роскоши, приличествующую американскому магнату: поселился в апартаментах в *Hotel de l'Europe*, купил французский лимузин, регулярно посещал приёмы и светские рауты, живо интересовался искусством. Вокруг него начали собираться люди из общества и дипломаты. Его принимали в посольствах, в домах министров Керенского. Оказалось, что Томпсон – заядлый коллекционер предметов искусства, и его апартаменты наводни-

¹ Sutton, *Revolution*, p. 72.

ли антиквары, предлагающие ему миниатюры, дрезденский фарфор, ковры и даже дворцы¹.

В опере Томпсон сидел в императорской ложе. В народе его называли «американским царём». Неудивительно, что при Керенском Томпсона считали «настоящим» послом Соединённых Штатов в России².

В настоящее время точно установлено, что Томпсон скупил на Уолл-стрит русские облигации на сумму в 10 миллионов рублей³. Кроме того, он передал Александру Керенскому свыше 2 миллионов рублей на пропагандистские цели внутри России, а также вместе с Дж.П. Морганом передал большевикам 1 миллион долларов в рублёвом эквиваленте для распространения революционной пропаганды за пределами России, особенно в Германии и Австрии⁴. В эту книгу включена фотография телеграммы Томпсону от Моргана, в которой Морган советует переводить деньги через филиал банка *National City Bank* в Петрограде.

НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР ИЗ ЮЖНОЙ АФРИКИ

На первый взгляд может показаться нелепым, что группа Моргана финансировала Керенского и Ленина. Оба они были эсерами, но их планы на будущее радикально отличались. Более того, они были соперниками в борьбе за власть. Но тактика финансирования *обеих* сторон в политической борьбе к тому времени была доведена членами клуба «Круглого стола» до уровня искусства. В частности, именно так произошло в Южной Африке в начале Англо-бурской войны в 1899 году.

Британцы и голландцы на протяжении десятилетий делили между собой контроль над Южной Африкой. Голландцы создали Трансвааль и Оранжевую провинцию, в то время как англичане колонизировали Родезию, мыс Доброй Надежды, Басутоленд, Свазиленд и Бечуаналенд. Конфликт между этими двумя группами поселенцев был неизбежен – они боролись за природные ресурсы и территорию, но настоящая война между ними началась после того, как в области Уайтуотер в Трансваале было найдено золото.

Политическая власть в Трансваале находилась в руках буров, которые были потомками голландских переселенцев. Но после обнаружения золота

¹ Hermann Hagedorn, *The Magnate: William Boyce Thompson and His Time* (New York: Reynal & Hitchcock, 1935), pp. 192-193.

² George F. Kennan, *Russia Leaves the War: Soviet-American Relations, 1917-1920* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1956), p. 60.

³ Hagedorn, p. 192.

⁴ Sutton, *Revolution*, pp. 83, 91. Агитация стала возможной благодаря финансированию, которое привело к неудачному немецкому восстанию 1918 года. См.: «W.B. Thompson, Red Cross Donor, Believes Party Misrepresented», *Washington Post*, Feb. 2, 1918.

в этой области разработкой месторождений занимались в первую очередь англичане, что дало им контроль над территорией. Неудивительно, что одним из крупнейших участников этой игры был уже известный нам Сесил Родс, который монополизировал алмазные месторождения на юге континента. Историк Генри Пайк сообщает:

С открытием золота в Трансваале жадность Родса стала ещё более необузданной. Его ненависть к Паулю Крюгеру, африканскому президенту Трансвааля, не знала границ. Он был резко против независимого Трансвааля Крюгера, и считал его основным препятствием для своих попыток распространить британский контроль на всю Южную Африку¹.

В 1895 году Родс начал приводить в действие план по свержению правительства Крюгера и организовал восстание среди британских жителей Йоханнесбурга. Родс полностью финансировал это восстание, которое должен был возглавить его брат Фрэнк и другие единомышленники. Восстание должно было сопровождаться вторжением в Трансвааль британских войск из Бечуаналенда и Родезии во главе с сэром Леандром Джеймсоном. Но восстание провалилось и закончилось арестом и общественным порицанием Джеймсона.

Но Родс твёрдо решил прибрать к своим рукам Трансвааль с его золотом, поэтому немедленно начал готовить вторую, более изощрённую стратегию захвата. Благодаря связям Родса лорд Альфред Милнер был назначен Верховным комиссаром Британии в Южной Африке. В Лондоне лорд Эшер – ещё один член тайного общества – стал главным политическим советником короля Эдуарда и оказал существенное влияние на внешнюю политику Британской империи этого периода. Профессор Квигли сообщает следующее:

В это же время блестящий молодой человек, выпускник Кембриджа Ян Смэтс, фанатичный сторонник идей Родса и его представитель на крупнейшем алмазном руднике в Южной Африке Кимберли (в 1895 году), один из самых значительных членов группы Родса – Милнера в 1908-1950 годах, отправился в Трансвааль и, спровоцировав жестокие антибританские волнения, стал государственным секретарём этой области (будучи британским подданным) и главным политическим советником президента Крюгера; Милнер организовал военную провокацию на англо-бурской границе, несмотря на энергичные протесты командующего генерала в Южной Африке, которого пришлось отстранить от исполнения обязанностей; наконец, официальным поводом к началу

¹ Henry R. Pike, Ph.D., *A History of Communism in South Africa* (Germiston, South Africa: Christian Mission International of South Africa, 1985), p. 39.

войны послужил ультиматум Смэтса, в котором тот требовал, чтобы британские войска прекратили движение на границе, однако этот ультиматум, естественно, был отвергнут Милнером¹.

И вот в результате тщательно спланированных действий членов клуба «Круглого стола», находящихся по обе стороны баррикад (один из них предъявляет возмутительный ультиматум, а другой отвечает на него мнимым возмущением), Англо-бурская война, наконец, началась с вторжения англичан в октябре 1899 года. После двух с половиной лет ожесточённых боев буры были вынуждены сдаться, и Милнер провозгласил бывшую республику военной оккупированной территорией. Члены клуба «Круглого стола», известные под прозвищем «питомцы Милнера», были назначены на все ключевые посты в правительстве, и золотые прииски окончательно стали собственностью Англии.

СТАВКИ НА ВСЕХ ЛОШАДОК

На другой стороне глобуса, в Нью-Йорке, член клуба «Круглого стола» Дж.П. Морган проводил точно ту же тактику игры сразу с обеих противоборствующих сторон. Профессор Квигли сообщает:

Для Моргана все политические партии были просто организациями, которые можно использовать; его компания всегда старалась усидеть на двух стульях. Сам Морган, Дуайт Морроу и другие партнёры были союзниками республиканцев; Рассел К. Леффингвелл был союзником демократов; Грейсон Мерфи сотрудничал с ультраправыми; Томас У. Ламонт был сторонником левых².

Хотя верно, что Томас Ламонт был отцом Корлисса Ламонта, известного коммуниста, и сам был известен как человек левых убеждений, следует также помнить, что он чувствовал себя свободно среди фашистов и в 1920-е годы фактически служил неофициальным консультантом по вопросам бизнеса у Муссолини³.

В то же время, когда Морган финансировал пробольшевистское движение, он создал самую опасную антибольшевистскую организацию, когда-либо существовавшую в Америке. Она называлась «Объединённые американцы» и пыталась убедить всех, что «красная чума» вот-вот охватит Нью-Йорк. «Объединённые американцы» распространяли шокирующие

¹ Quigley, *Tragedy*, pp. 137-138.

² Там же, с. 945.

³ См.: John P Diggins, *Mussolini and Fascism: The View from America* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1972).

брошюры, предупреждающие о надвигающемся финансовом крахе, голоде и отчаянии рабочего класса, который призывают к бунту коммунисты. По иронии судьбы членами этой организации были Аллен Уолкер из *Guarantee Trust Company*, который позже был советским финансовым агентом в США; Дэниел Уиллард, президент железнодорожной компании *Baltimore & Ohio Railway*, который позже активно участвовал в развитии советских железных дорог; Х. Х. Вестингауз из компании *Westinghouse Air Brake Company*, который впоследствии работал на одном из крупных заводов России; а также Отто Х. Кан из компании *Kuhn, Loeb & Company*, который был одним из главных финансовых покровителей недавно образовавшегося советского режима¹.

Даже в самой России у «Круглого стола» были свои люди. Морган не только финансировал большевиков и их противников, меньшевиков, но и армию адмирала Колчака, который сражался против большевиков в Сибири. Неудивительно, что Колчак получал финансирование от консорциума британских финансистов, в том числе Альфреда Милнера².

Известно, что первоначальная цель московской миссии «Красного Креста» в 1917 году заключалась в том, чтобы помешать правительству России заключить сепаратный мир с Германией. Заключение мира с Россией привело бы к тому, что Германия могла бросить все силы на войну с Англией и Францией. Согласно этой версии истории, которая изображает заинтересованных лиц как бескорыстных патриотов, готовых на все ради блага Родины, основная цель заключалась в поддержке царя. После свержения царского режима они поддерживали меньшевиков, потому что те обещали, что Россия продолжит войну. Когда меньшевики потерпели поражение, они продолжали поддерживать большевиков, чтобы приобрести над ними достаточное влияние и убедить их не заключать мир с Германией. Нужно быть очень доверчивым, чтобы проглотить эту версию. Гораздо более вероятно другая версия событий: Морган и его приспешники просто делали то, что и всегда: делали ставки на всех лошадей, чтобы победитель был у них в долгу, независимо от того, кто первым пересечёт финишную черту.

БРИТАНСКИЙ АГЕНТ «КРУГЛОГО СТОЛА»

После того как большевики захватили власть в России, сэр Джордж Бьюкенен был отозван в качестве посла Великобритании и заменён одним из «питомцев» Милнера, Брюсом Локхартом, британским дипломатом, журналистом и писателем. В своей книге «Британский агент» Локхарт описывает обстоя-

¹ Sutton, *Revolution*, pp. 163-168.

² Там же, с. 102, 146, 166-167.

тельства своего назначения, а именно встречу с премьер-министром Ллойдом Джорджем, следующим образом:

Я видел, что он уже принял решение. Он был очень впечатлён, как лорд Милнер рассказал мне потом, разговором с полковником Томпсоном из американского «Красного Креста», который только что вернулся из России и прямо осудил союзников за то, что те не начали переговоры с большевиками...

Через три дня все мои сомнения развеялись. Мне предстояло ехать в Россию в качестве главы специальной миссии, чтобы установить неофициальные отношения с большевиками... Меня выбрал для этой миссии не министр иностранных дел, а лорд Милнер и Ллойд Джордж...

Лорда Милнера я видел почти каждый день. За пять дней до моего отъезда я обедал с ним наедине. Он был в прекрасном расположении духа. С подкупающей откровенностью он говорил со мной о войне, о будущем Англии, о своей карьере и о возможностях молодёжи... Он был совершенно не похож на того ретрограда и реакционера, каким представляло его общественное мнение того времени. Напротив, многие его взгляды на общество были поразительно современны и даже опережали своё время. Он верил в высокоразвитое государство, в котором служба отечеству и тяжёлый труд на благо родины были более важны, чем титулы или мешки денег¹.

АМЕРИКАНСКИЙ АГЕНТ «КРУГЛОГО СТОЛА»

Когда Томпсон вернулся в Соединённые Штаты, человеком, которого он выбрал как замену себе в качестве главы американской миссии «Красного Креста», был его заместитель Раймонд Робинс. О Робинсе известно немного, помимо того, что он был протеже полковника Эдварда Манделла Хауса. И он мог остаться незаметным действующим лицом этой драмы, если бы не тот факт, что он стал одним из центральных персонажей книги Брюса Локхарта. Из этой книги мы узнали следующее:

Ещё одним новым знакомством этих первых дней в захваченном большевиками Санкт-Петербурге стал Раймонд Робинс, глава американской миссии «Красного Креста»... Он был ведущей фигурой в президентской избирательной кампании Рузвельта от партии прогрессистов 1912 года. Хотя он был обеспеченным человеком, он был антикапиталистом... Ранее его интересовали главным образом Рузвельт и Сесил

¹ R.H. Bruce Lockhart, *British Agent* (New York and London: G.P. Putnam's Sons, 1933), pp. 198-199, 204, 206-207.

Родс. Теперь его воображение захватил Ленин... Робинс был единственным человеком, которого Ленин всегда хотел видеть и который всегда преуспевал, навязывая себя невозмутимому лидеру большевиков.

В менее официальном смысле у Робинса была миссия, аналогичная моей. Он был посредником между большевиками и американским правительством и поставил перед собой задачу уговорить президента Вильсона признать советский режим¹.

Какое удивительное откровение содержится в этих словах. Во-первых, мы знаем, что Робинс руководил действиями, которые привели к тому, что Вудро Вильсон стал президентом США. Затем мы знаем, что он был антикапиталистом. В-третьих, мы узнаём, что антикапиталист может поклоняться Сесилу Родсу. Далее мы видим огромную власть, которой он обладал над Лениным. И наконец, нам сообщают, что, хотя он принадлежал к частной группировке, финансируемой банкирами Уолл-стрит, на самом деле он был посредником между большевиками и американским правительством. Бесполезно искать более полное резюме.

Тот факт, что Сесил Родс был одним из великих героев Робинса, имеет особое значение для этой истории. Это было не просто интеллектуальное увлечение университетских дней. Вечером накануне отъезда в Америку Робинс обедал с Локхарт. Описывая эти обстоятельства, Локхарт сообщает: «Он изучал жизнь Родса, и после обеда он представил нам удивительное описание характера Родса»². Таким образом, и Локхарт, и Робинс были преданными сторонниками Сесила Родса, и оба они, несомненно, были частью международной сети, которую упоминал профессор Квигли, возможно, даже членами «Круглого стола». Локхарт отчитывался перед британской группой, Робинс – перед американской, но оба они явно имели одинаковые цели и выполняли невидимую работу.

Большевики хорошо знали о силах, которые представляли эти люди, и все двери были для них открыты. Им было разрешено посещать совещания Центрального исполнительного комитета³, и с ними советовались по поводу принятия важных решений⁴. Но, возможно, лучший способ сообщить о степени влияния этих «капиталистов» на «антикапиталистов» – это позволить Локхарту рассказать свою историю. Он пишет:

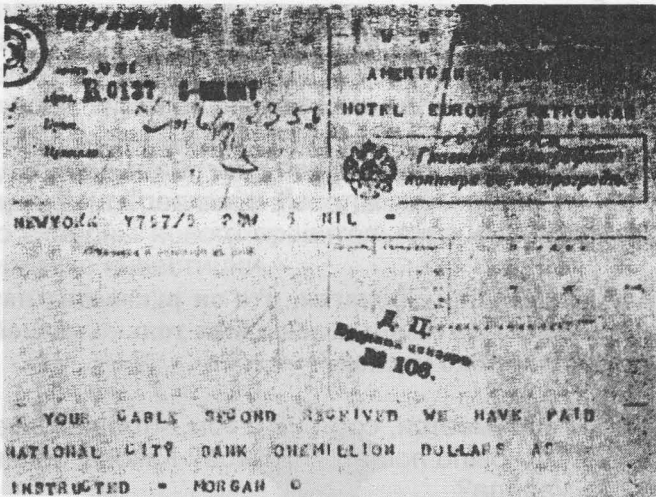
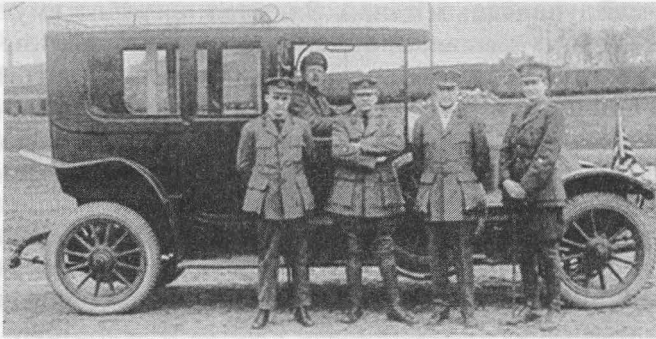
Я вернулся после интервью в нашу квартиру и нашёл срочное сообщение от Робинса, в котором он просил меня немедленно с ним увидеться. Я нашёл его в очень возбуждённом состоянии. У него произошёл конфликт с Залкиндом, племянником Троцкого и помощником комис-

¹ Lockhart, p. 220.

² Там же, с. 270.

³ Там же, с. 253.

⁴ U.S. State Dept. Decimal File, 861.00/3449.

(Фото любезно предоставил Эдвард Уорделл)

На фото сверху – миссия «Красного Креста» в Москве вскоре после большевистской революции. Слева направо: Дж.У. Эндрюс, Раймонд Робинс, Аллен Уорделл, Д. Хейвуд Харди. Под предлогом гуманитарной деятельности основной ведущий персонал миссии, которым на самом деле были финансисты с Уолл-стрит, проворачивал свои собственные дела по приобретению выгодных концессий у нового правительства. Они в значительной степени финансировали все фракции революционного движения, чтобы быть уверенными в том, что они добьются влияния, какая бы группа ни пришла потом к власти.

На фото ниже – телеграмма Дж.П. Моргана Уильяму Бойсу Томпсону, главе миссии «Красного Креста», ещё до того как Робинс посоветовал перевести миллион долларов Томпсону через *National City Bank*. «Капиталистические» деньги вливались подобным образом в новый коммунистический режим множество раз. Этот процесс продолжается до сих пор.

сара по международным делам. Залкинд нагрубил ему, и американец, которому Ленин обещал, что в случае чего для него всегда в течение часа будет готов поезд, был решительно настроен потребовать извинений или покинуть страну. Он позвонил Ленину, озвучил свой ультиматум, и Ленин пообещал перезвонить в течение десяти минут. Я ждал, а Робинс кипел от ярости. Через десять минут Ленин действительно перезвонил и сказал, что племянник уволен, и попросил разрешения у американского агента отправить того послом в Берн. Ленин просил за племянника Троцкого у агента «Красного Креста», ссылаясь на то, что племянник состоит в партии уже очень давно. Американский агент нехотя согласился¹.

Такова была грубая сила, которая властвовала над лидерами коммунизма, скрываясь за невинным фасадом американской миссии «Красного Креста». И все же мир – даже сегодня – не подозревает о реальном положении вещей. Это был тщательно хранимый секрет, и даже многие из тех, кто находились поблизости от него, не могли его увидеть. Помощником Уильяма Томпсона в России был Корнелиус Келлехер. Годы спустя, размышляя над простодушием доктора Франклина Биллингса, который возглавлял медицинскую службу миссии, Келлехер писал:

Бедный г-н Биллингс полагал, что он руководит научной миссией в помощь России... На самом деле он был только маской – весь «Красный Крест» был только маской.²

Назначение маски, разумеется, состоит в том, чтобы *скрывать*. Поэтому мы пришли к вопросу, что было *под* этой маской? Каковы были истинные мотивы и цели этого маскарада?

Мы вернёмся к этому предмету позже.

РЕЗЮМЕ

Большевистская революция не была стихийным восстанием масс, как нас пытаются уверить. Она была спланирована, профинансирована и организована сторонними заинтересованными лицами. Часть финансирования поступала из Германии, которая надеялась, что внутренние проблемы отвлекут Россию от войны и дадут ей возможность одержать победу. Но большая часть денег и руководство поступали от финансистов Англии и Соединённых Штатов. Это прекрасный пример формулы Ротшильда в действии.

¹ Lockhart, pp. 225-226.

² Kennan, *Russia*, p. 59.

Большинство этих финансистов входили в тайное общество «Круглого стола» (в США его аналогом был Совет по международным отношениям), созданное Сесилом Родсом, одним из богатейших людей того времени. Целью этой группы было никак не меньше, чем мировое господство и создание современного аналога феодального общества, контролируемого частными центральными банками всего мира. Самое глубинное и тайное правление Родса, имевшее штаб-квартиру в Англии, называлось «Круглым столом». В других странах были организованы второстепенные структуры, которые назывались группами «Круглого стола». Группа «Круглого стола» в США стала известна как Совет по международным отношениям. СМО, возглавляемый вначале Дж.П. Морганом, а затем Рокфеллерами, и сегодня остаётся самой влиятельной группой в Америке, даже более влиятельной, чем федеральное правительство, потому что почти все ключевые посты в правительстве занимают его члены. Иными словами, Совет по международным отношениям – это правительство Соединённых Штатов.

Агенты этих двух групп тесно сотрудничали в дореволюционной России, особенно после свержения царского режима. Американский контингент в России работал под прикрытием гуманитарной миссии «Красного Креста». Благодаря близкой дружбе с Троцким и Лениным они добились выгодных условий ведения дел со стороны нового правительства и многократно приумножили свои первоначальные инвестиции.

ГЛАВА 14

ЛУЧШИЙ ВРАГ, КОТОРОГО МОЖНО КУПИТЬ

Государственный переворот в России, во время которого большевистское меньшинство захватило власть над революционным большинством; роль нью-йоркских финансистов, скрывавшихся под маской сотрудников «Красного Креста», в поддержке большевиков; рекорд, непобитый со времени оказания американской помощи в создании военного потенциала России; появление «надёжного врага» в соответствии с формулой Ротшильда.

Из предыдущей главы мы узнали, что миссия «Красного Креста» в революционной России была, по словам самих её сотрудников, «только маской». Отсюда логично вытекает вопрос: каковы были истинные мотивы и цели, скрытые под этой маской?

Годами позже «спонсоры» этих революционных событий объясняли свои действия гуманитарной помощью ближнему, стремлением продлить войну России с Германией и таким образом помочь Англии и её союзникам. Что касается Джейкоба Шиффа и прочих еврейских финансистов из Нью-Йорка, у них было ещё одно дополнительное объяснение: они действовали против царского режима из-за его антисемитизма. Это, конечно, благородные мотивы, и большинство историков принимает их на веру. К сожалению, официальная версия расходится с фактами.

ДВЕ РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Факты таковы, что в России в 1917 году было две революции, а не одна. Первая, известная как Февральская революция, привела к установлению временного социалистического правительства под руководством Александра Керенского. Оно проводило относительно умеренную политику и пыталось учесть интересы всех революционных группировок, в том числе большевиков, которые были самым малочисленным меньшинством. Когда произошла Февральская революция, ни Ленина, ни Троцкого даже не было в России. Ленин

был в Швейцарии и вернулся на родину лишь в апреле. Троцкий находился в Нью-Йорке, где писал пропагандистские брошюры и выступал с речами.

Вторая революция, известная как Октябрьская, и открыла путь к власти большевикам. По сути, это была никакая не революция. Это был государственный переворот. Большевики просто воспользовались замешательством и нерешительностью различных групп, входивших в состав нового правительства, и застали их врасплох. С помощью подкупа и пропаганды они перетянули на свою сторону несколько полков солдат и матросов, и ранним утром 25 октября 1917 года, когда ещё не рассвело, методично захватили все правительственные здания и средства коммуникации. Никто не был готов к такой дерзости, и большевики практически не встретили сопротивления. Утром русский народ проснулся уже в другой стране. Без его ведома и согласия страна была захвачена фракцией меньшинства и стала первой в мире так называемой «народной республикой». Через два дня Керенский бежал, а все министры Временного правительства были арестованы. Вот как коммунисты захватили власть в России и как удерживали её в дальнейшем. В отличие от того, в чём нас пытается убедить марксистский миф, они никогда не представляли народ. Просто у них было оружие.

Основные факты о так называемой революции описал профессор Леонард Шапиро в своей фундаментальной работе «Русские революции 1917 года»:

Все данные свидетельствуют о том, что, когда наступил кризис, большинство частей Петроградского гарнизона не поддерживали правительство и просто сохраняли нейтралитет... Казачьи части отказались прийти на помощь правительству, и Временное правительство защищало несколько сотен женщин-солдат и около двух тысяч юнкеров. На стороне большевиков было несколько полков. Их также поддерживали некоторые подразделения Балтийского флота...

Захват власти большевиками был почти бескровным: 25 октября Петроград был спокоен, что разительно отличалось от февральских событий. Вечером по городу ходили нарядно одетые люди. Рестораны были открыты, в театре шла опера «Борис Годунов», в которой главную партию исполнял Шаляпин. Основные служебные и административные здания были захвачены утром 25 октября без единого выстрела...

Линкор и несколько крейсеров, в том числе знаменитый крейсер «Аврора», пришли в Петроград из Кронштадта, встали на стоянку и направили орудия на стратегически важные городские объекты...

Временное правительство в Зимнем дворце... получило ультиматум с требованием сложения полномочий под угрозой обстрела дворца «Авророй» и пушками Петропавловской крепости... И только в 21.40 из орудия «Авроры» был сделан один холостой выстрел. Основной целью этого было ускорить вывод из дворца защищавших его юнкеров, число

которых уже начало сокращаться. Женский батальон, входивший в состав вооружённой защиты дворца, также покинул дворец до его захвата. В 23 часа по дворцу было выпущено несколько боевых снарядов, и он получил небольшие повреждения...

История драматического штурма Зимнего дворца, популярная среди советских историков и в кино, не более чем миф. Около 2 часов утра 26 октября 1917 года небольшой отряд войск, сопровождаемый неуправляемой толпой и возглавляемый двумя членами Военно-революционного комитета, вошёл во дворец. Оставшиеся во дворце юнкера, по-видимому, были готовы оказать сопротивление, но Временное правительство приказало им сдаться. В конце концов, общее количество жертв при штурме Зимнего дворца составило три человека – три юнкера получили ранения разной степени тяжести¹.

В НАРОДНОЙ ПОДДЕРЖКЕ НЕ БЫЛО НЕОБХОДИМОСТИ

Юджин Лайонс был корреспондентом «Юнайтед Пресс» в революционной России. В начале своей карьеры он чрезвычайно симпатизировал большевикам и их новому режиму, но шесть лет, реально прожитых им внутри новой социалистической утопии, развеяли все его иллюзии. В своей книге «Потерянный рай рабочих» он так определяет истинное значение Октябрьской революции:

Ленин, Троцкий и их приспешники не свергли монархию в России. Они свергли первое демократическое правительство в русской истории, созданное в результате по-настоящему народной революции в марте 1917 года... Они представляли самое малочисленное из русских радикальных движений. Но это движение презирало большинство и откровенно не доверяло своему народу. Рабочих можно было просветить в отношении их роли *после* революции; в коммунизм – рай при жизни – их нельзя было заманить, но можно было загнать. Ленин всегда глумился над одержимостью социалистов «поддержкой среди масс». «Дайте нам организацию профессиональных революционеров, – говорил Ленин, – и мы перевернём Россию»...

Но даже социалисты и «профессиональные революционеры» были жестоко обмануты, так как не имели ни малейшего представления об истинной цели, которой они служат. Им казалось, что они бастуют ради многопартийных Советов, ради свободы, равенства и других благородных целей, которые их вожди считали эмоциональным сором...

¹ Leonard Shapiro, *The Russian Revolutions of 1917* (New York: Basic Books, 1984), pp. 135-136.

Устанавливая диктатуру, Ленин осмелился обещать, что государство исчезнет, так как «любая нужда в силе исчезнет», и не в отдалённом будущем, а тотчас же: «Пролетарское государство сейчас же после его победы начнёт отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно... Советская власть есть новый тип государства, в котором нет бюрократии, нет полиции, нет регулярной армии». А также: «Пока есть государство, нет свободы. Когда есть свобода, не будет государства».

Через несколько месяцев после прихода к власти большевики вернули большинство принятых в царской России практик, против которых они выступали, в том числе: преследование на основании политических убеждений, осуждение без суда и следствия, жестокие преследования инакомыслия, смертная казнь для большего количества преступлений, чем в любой другой современной нации. Остальные меры ужесточения контроля были введены в последующие годы, в том числе: однопартийность (подавление всех других партий), восстановление внутреннего паспорта, государственная монополия на печать и прочее¹.

Мы, конечно, отклонились от основного повествования, но это было необходимо, чтобы проиллюстрировать факт, который скрыт прошествием времени и принятием мифа большинством историков. Дело в том, что Ленин и Троцкий были отправлены в Россию вовсе не за тем, чтобы свергнуть царя-антисемита. Их задачей, которую поставили перед ними на Уолл-стрит, был подрыв революционного движения.

ЗАМЕТКИ ИЗ ДНЕВНИКА ЛИНКОЛЬНА СТЕФФЕНСА

Линкольн Стеффенс – один из самых известных американских писателей того времени, придерживавшихся левых взглядов, в своём дневнике писал, что революция в России выгодна прежде всего финансовым воротилам из Нью-Йорка. Стеффенс находился на борту парохода «Кристианиафьорд», когда Троцкий был арестован в Галифаксе. Стеффенс тщательно записывал все свои разговоры с другими пассажирами, которые также направлялись в раздираемую противоречиями Россию. Одним из них был Чарльз Крейн, вице-президент *Crane Company*. Крейн был сторонником Вудро Вильсона и бывшим председателем финансового комитета Демократической партии. Он также учредил компанию *Westinghouse* в России и уже бывал там не

¹ Eugene Lyons, *Workers' Paradise Lost* (New York: Funk & Wagnalls, 1967), pp. 13-29.

менее 23 раз. Его сын Ричард Крейн был личным помощником госсекретаря Роберта Лансинга. Поэтому заметки Стеффенса о взглядах этих его попутчиков очень любопытны. Он писал: «Все согласны с тем, что революция в России находится лишь на первом этапе, что она должна развиваться. Крейн и русские радикалы, присутствующие на корабле, считают, что мы должны быть в Петрограде, когда произойдёт повторная революция»¹.

Именно так. «Повторную революцию» ожидали и планировали. Именно она была конечной целью, а никак не искоренение антисемитизма.

Если вернуться к утверждению Томпсона, что он просто пытается удерживать Россию в состоянии войны против Германии, логика фактов опять говорит против него. Керенский и Временное правительство хотели продолжать войну. Тем не менее притворщики из «Красного Креста» в конце концов встали на поддержку большевиков, которые были *против* войны. На это у Томпсона тоже есть отговорка: они якобы видели, что большевики скоро захватят власть, и поддерживать их было просто дальновидным решением. Американцам не нравились большевики, но они мирились с ними из прагматических соображений – чтобы новые русские власти, кем бы они ни были, продолжали войну с Германией.

К сожалению, все вышло совершенно иначе. У них действительно было влияние на большевиков, но взгляды последних были непоколебимы. Захватив власть в результате октябрьского государственного переворота, большевики сделали именно то, что обещали: заключили мирный договор с Германией и конфисковали частную собственность. Они также начали одну из самых кровопролитных в мире гражданских войн, чтобы устранить оппозицию. Как вы понимаете, члены миссии американского «Красного Креста» были совершенно к этому непричастны. В этом был виноват Вильсон и другие американские политики, которые, не прислушавшись к рекомендациям Томпсона финансировать большевиков, вынудили их на такие радикальные меры. По крайней мере, таково общепринятое мнение.

На самом деле победа большевиков в то время была непрочной и неоднозначной, и не было никаких оснований (если не считать поддержки нью-йоркских финансистов) верить, что они станут главной политической силой России. Но даже если допустить, что эти люди были необычайно проницательны и действительно могли предвидеть будущее, некоторые факты противоречат официальной трактовке событий, в частности заявления самих американцев из миссии «Красного Креста». Например, в феврале 1918 года Артур Баллард находился в России в качестве главы русского филиала Комитета по общественной информации, который занимался военной пропагандой по поручению правительства США. Историк Джордж Кеннан метко назвал Балларда «либерал-социалистом, свободным писателем и личным глазом

¹ Lincoln Steffens, *The Letters of Lincoln Steffen* (New York: Harcourt, Brace, 1941), p. 396.

полковника Хауса»¹. По долгу службы он не раз встречался с Раймондом Робинсом, и, описывая одну из таких встреч, Баллард писал:

У него [Робинса] была одна или две причины для недовольства – в частности, он считал, что большевиков давно пора признать, что им нужно немедленно помочь, и что если США признает правительство большевиков, «мы получим контроль над избытком ресурсов России и поставим контролирующих сотрудников на всех пограничных пунктах»².

ВОЛКИ В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

В следующем году Сенат США провёл расследование роли видных американских деятелей в приведении большевиков к власти. Одним из документов, фигурировавших в этом деле, было сообщение от Робинса британскому агенту Брюсу Локхарту. В нем Робинс сказал:

Вы услышите от них, что я – агент Уолл-стрит; что я работаю на Уильяма Б. Томпсона, добываю для него алтайскую медь; что я уже добыл для себя 500 000 акров лучших российских лесных участков; что я уже приобрёл Транссибирскую железную дорогу; что они предоставили мне монополию на добычу платины в России; что это объясняет мою работу на Советы... Вот такое вы услышите. Далее, я не считаю это правдой, г-н комиссар, но допустим, что это правда. Допустим, что я здесь для того, чтобы дельцы с Уолл-стрит и вообще американские бизнесмены могли завладеть Россией. Допустим, что вы – британский волк, а я – американский волк, и что когда эта война закончится, мы собираемся сожрать друг дружку за российский рынок; но допустим в то же время, что мы – довольно разумные волки и что мы знаем, что если сегодня мы не станем охотиться вместе, то немецкий волк проглотит нас обоих³.

Профессор Саттон разместил всё это в перспективе. В следующем отрывке он говорит об Уильяме Томпсоне, но его замечания в равной мере применимы к Робинсу и всем прочим финансистам, которые действовали в России под видом миссии «Красного Креста»:

¹ George F. Kennan, *The Decision to Intervene: Soviet-American Relations, 1917-1920* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1958), pp. 190-235.

² Bullard ms., U.S. State Dept. Decimal File, 316-11-1265, March 19, 1918.

³ U.S. Cong., Senate, *Bolshevik Propaganda*, Subcommittee of the Committee on the Judiciary, 65th Cong., 1919, p. 802.

Мотивы Томпсона носили главным образом финансовый и коммерческий характер. Конкретно Томпсон интересовался российским рынком и тем, как на этот рынок можно повлиять, направлять его, а также захватить для послевоенной эксплуатации синдикатом или синдикатами Уолл-стрит. Разумеется, Томпсон рассматривал Германию как врага, но, скорее, врага экономического или коммерческого, а не политического. Реальным врагом была немецкая промышленность и немецкие банки. Чтобы переиграть Германию, Томпсон был готов осуществить начальное инвестирование любого орудия политической власти, которое бы позволило ему достичь своей цели. Иными словами, Томпсон был американским империалистом, борющимся против германского империализма, и эту борьбу ловко осознали и использовали Ленин и Троцкий...

Томпсон не был большевиком, он даже не имел пробольшевистских взглядов. Он не был ни сторонником Керенского, ни даже сторонником проамериканской идеологии. *Доминирующей мотивацией был захват послевоенного российского рынка.* Это была коммерческая цель. Идеология могла повлиять на таких революционных деятелей, как Керенский, Троцкий, Ленин и прочие, но не на финансистов¹.

Удалось ли волкам «Круглого стола» достичь своей цели? Действительно ли они захватили избыток ресурсов и рынок России? Ответ на этот вопрос вы не найдёте в учебниках истории. Нужно проследить за дальнейшим развитием событий. Если бы этот план *не* был успешным, можно было бы ожидать, что интерес к большевистской России у крупных финансистов пропадёт. Более того, в этом случае они были бы настроены откровенно враждебно. С другой стороны, если бы этот план *был* успешно реализован, следовало бы ожидать не только постоянной поддержки, но и некоторых льгот со стороны нового правительства в знак признательности и компенсации за риск. Вернёмся теперь к общему представлению о том, что на самом деле произошло после того, как члены организации «Круглого стола» помогли большевикам прийти к власти.

ФАКТ. После Октябрьской революции все банки в России были захвачены и «национализированы» большевиками, кроме одного – Петроградского отделения *National City Bank*, принадлежавшего Рокфеллеру.

ФАКТ. Тяжёлая промышленность в России также была национализирована, кроме завода *Westinghouse*, который был основан Чарльзом Крейном, одним из высокопоставленных лиц, находившихся на борту парохода «Кристианиафьорд», который сопровождал Троцкого в Россию с целью увидеть продолжение революции.

ФАКТ. В 1922 году Советы создали свой первый международный банк. Он был не государственным, как диктовала коммунистическая теория, а част-

¹ Sutton, *Revolution*, pp. 97-98.

ным – его учредителем являлся синдикат банкиров, в число которых вошли не только банкиры царской России, но и представители немецких, шведских и американских банков. Большая часть иностранного капитала поступала из Англии, в том числе от самого британского правительства¹. На должность директора отдела внешних связей нового банка был назначен Макс Мэй, вице-президент нью-йоркской фирмы *Guaranty Trust Company*, принадлежавшей Моргану.

ФАКТ. В первые годы после Октябрьской революции представители советского бизнеса постоянно заключали с британскими и американскими бизнесменами крупные и прибыльные (то есть неконкурентные) контракты, которыми прямо или косвенно руководили члены организации «Круглого стола». Самым крупным из них был контракт на 50 миллионов фунтов на поставку продовольствия, заключённый с производителями мясных продуктов из Чикаго, фирмой *Morris & Company*. Владелец компании Эдвард Моррис был женат на Хелен Свифт, сестре Гарольда Свифта, «майора» миссии «Красного Креста» в России.

ФАКТ. Чтобы оплатить эти контракты и вернуть «займы» поддержавшим их финансистам, большевики буквально выжали из страны все золото, в том числе значительный резерв царского правительства, и отправили его в первую очередь в американские и британские банки. Только в 1920 году в США поступили: одна партия через Стокгольм на сумму 39 000 000 шведских крон; 540 ящиков золота на общую сумму 97 200 000 золотых рублей (три партии) и по меньшей мере ещё одна партия на сумму около 20 миллионов долларов (помните, что все суммы указаны для 1920 года!). В США получение средств и золота координировала фирма Джейкоба Шиффа *Kuhn, Loeb & Company*, а фирма Морган *Guaranty Trust* начисляла проценты на вклад².

ФАКТ. Примерно в это же время, при администрации Вильсона, США поставили Советскому Союзу 700 тысяч тонн продовольствия. Это продовольствие не только спасло большевистский режим от краха, но и дало Ленину рычаги влияния для усиления контроля над Россией³. Эти поставки, которые организовал Герберт Гувер, были чрезвычайно выгодны для участвовавших в них коммерческих предприятий, а руководил ими Льюис Лихтенштейн Штраус, женатый на Алисе Ханауэр, дочери одного из партнёров фирмы *Kuhn, Loeb & Company*.

ФАКТ. «Волки» из США, Великобритании и Германии вскоре нашли в новом советском режиме неисчерпаемый источник доходов. Так, в период с 1921 по 1925 год компания Рокфеллера *Standard Oil* поставила в Россию оборудования на 37 миллионов долларов, и это было только начало. Немецкая само-

¹ U.S. State Dept. Decimal File, 861.516/129, August 28, 1922.

² U.S. State Dept. Decimal File, 861.51/815, 836, 837, October, 1920. Также: Sutton, *Revolution*, pp. 159-160, 165.

³ См.: George F. Kennan, *Russia and the West under Lenin and Stalin* (Boston: Little, Brown and Company, 1961), p. 180.

лётостроительная фирма «Юнкерс» буквально создала советскую воздушную мощь. По меньшей мере 3 миллиона каторжников погибли на ледяных сибирских рудниках, добывая руду для британской компании *Lena Goldfields, Ltd.* У. Гарриман, американский железнодорожный магнат и банкир, который позже станет послом США в России, приобрёл двадцатилетнюю монополию на производство марганца в Советском Союзе. Арманд Хаммер – близкий друг Ленина – нажил одно из величайших состояний в мире на добыче русского асбеста.

ЕЩЕ ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА: ГЛУХИЕ НЕМЫЕ СЛЕПЦЫ

В те ранние годы большевики испытывали большую нужду в иностранных товарах, услугах и капиталовложениях. Они знали, что их капиталистические союзники обманут их. Но что из этого? Это были не *их* деньги. Они заботились только о том, чтобы сохранить власть. И это было не так просто, как могло показаться. Даже после государственного переворота, во время которого они захватили власть в свои руки, они не контролировали страну целиком. Фактически в 1919 году Ленин почти потерял надежду распространить своё влияние за пределы Петрограда и части Москвы. За исключением Одессы вся южная Россия и Крым находились в руках генерала Деникина, который был ярким антикоммунистом. Произнося свою речь перед X съездом Российской коммунистической партии, Ленин высказался откровенно:

Без помощи капитала нам было бы невозможно удержать пролетарскую власть в чрезвычайно разорённой стране, в которой крестьянство, также разорённое, составляет подавляющее большинство. И конечно, за эту помощь капитал выжмет из нас сотни процентов. Вот что мы должны понять. Поэтому либо такой тип экономических отношений, либо ничего!...

В другом случае Ленин так объяснил свою причину соглашаться на условия банкиров Уолл-стрит. Он сказал:

Капиталисты всего мира и их правительства в погоне за завоеванием советского рынка закроют глаза на реальность и, таким образом, превратятся в глухих немых слепцов. Они будут предоставлять кредиты, которые поспособствуют укреплению для нас Коммунистической партии в их странах; они дадут нам материалы и технологии, в кото-

¹ V.I. Lenin, *Report to the Tenth Congress of the Russian Communist Party*, March 15, 1921. Цитируется по: Sutton, *Revolution*, p. 157.

рых мы нуждаемся, они восстановят нашу военную промышленность, необходимую для наших будущих победоносных нападений на наших поставщиков. Иными словами, они будут работать на подготовку своего собственного самоубийства¹.

Очевидно, что Артур Баллард, упомянутый выше как представитель Комитета США по общественной информации в России, хорошо понимал эту стратегию большевиков. Уже в марте 1918 года он отправил в Вашингтон телеграмму с предупреждением, что «хоть это и правда, что мы должны быть готовы оказать помощь любому честному правительству, которое в этой помощи нуждается», однако «люди или средства, отправленные нынешним правителям России, будут использованы против русских, по крайней мере, не в меньшей степени, чем против немцев... Я настоятельно советую воздержаться от предоставления материальной помощи существующему российскому правительству. Зловещие элементы Советов, по-видимому, берут верх»².

К сожалению, г-н Баллард был весьма незначительным участником этой игры, и его мнение было отобрано в рабочем порядке другими лицами. Эту телеграмму отправили его начальнику, а это был не кто иной, как полковник Эдвард Манделл Хаус, в надежде, что она будет передана президенту. Но послание передано не было.

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Возвращаясь к итогам реальных событий, которые затем последовали, сделаем краткую паузу, чтобы взглянуть на события Второй мировой войны. Финансирование и получение прибыли с обеих сторон, участвующих в конфликте, никогда не были столь вопиющими.

ФАКТ. С самого начала прихода Гитлера к власти немецкая промышленность в огромной степени финансировалась американскими и британскими банкирами. Большинство крупнейших американских корпораций сознательно инвестировали в *военную промышленность*. *I.G. Farben*, крупнейший из индустриальных картелей, был основным источником политического финансирования для Гитлера. Именно Фарбен набирал кадры и руководил разведывательным управлением Гитлера, а также управлял нацистскими концентрационными лагерями как дополнительным источником живой силы для немецких заводов. Фарбен даже нанял нью-йоркского специалиста по связям с общественностью Айви Ли, который занимался пиаром Д. Рокфеллера, чтобы способствовать подъему публичного образа Гитлера в глазах Америки. Айви

¹ Цитируется по: Joseph Finder, *Red Carpet* (New York: Rinehart and Winston, 1983), p. 8.

² Arthur Ballard papers, Princeton University, цитируется по: Sutton, *Revolution*, p. 46.

Ли, между прочим, также привлекался к тому, чтобы помочь рекламировать советский режим американской публике в конце 1920-х годов¹.

ФАКТ. Большая часть средств на расширение концерна *I.G. Farben* поступала с Уолл-стрит, главным образом от *National City Bank*, принадлежавшего Рокфеллеру; *Dillon, Read & Company*, также принадлежавшей Рокфеллеру; *Equitable Trust Company*, принадлежавшей Моргану; *Harris Forbes & Company*, и особенно от еврейской фирмы *Kuhn, Loeb & Company*².

ФАКТ. Союзники бомбили Германию, но фабрики и административные здания концерна *I.G. Farben* уцелели. Военный департамент США, который устанавливал приоритеты для бомбёжки, был в огромном количестве укомплектован людьми, которые в своей гражданской жизни были сотрудниками вышеупомянутых инвестиционных фирм. Например, Роберт П. Паттерсон в то время был заместителем военного министра. Джеймс Форрестол был министром военно-морских сил США, а позже стал министром обороны. Оба они пришли из компании *Dillon Read*, и фактически Форрестол был президентом этой фирмы.

ФАКТ. Во время Второй мировой войны в рамках программы ленд-лиза США отправили Советам более 11 миллиардов долларов помощи, в том числе 14 000 самолётов, почти полмиллиона танков и других военных машин, более 400 военных кораблей и даже половину всего своего запаса урана, который позже был так необходим для разработки атомной бомбы. Но полную треть всех поставок по ленд-лизу того периода составило промышленное оборудование и материалы, необходимые для развития российской послевоенной экономики. И когда война действительно закончилась, поставки в Советский Союз по программе ленд-лиза продолжались ещё более года. В конце 1946 года Россия все ещё получала 20-летний кредит по очень низкой ставке в $2 \frac{3}{8}$ процента³.

МЕХАНИЗМ ПЕРЕДАЧИ

С окончанием действия программы ленд-лиза возникла необходимость изобрести новые механизмы поддержки Советской России и её сторонников. Одним из них была продажа крайне необходимых товаров по ценам ниже рыночных и, по сути, ниже цен, которые американцам самим приходилось платить за те же товары. Это, конечно, означало, как и в случае с ленд-лизом, что американскому налогоплательщику пришлось доплачивать разницу. От Советов даже не требовалось иметь деньги на покупку этих товаров. Аме-

¹ Antony Sutton, *Wall Street and the Rise of Hitler* (Seal Beach, California: '76 Press, 1976), 15-18, 33-43, 67-97, 99-113. Также: *Revolution*, p. 174.

² Sutton, *Hitler*, pp. 23-61.

³ Antony Sutton, *National Suicide: Military Aid to the Soviet Union* (New Rochelle, New York: Arlington House, 1973), p. 24.

риканские финансовые учреждения, федеральное правительство и международные агентства, которые в значительной степени *финансируются* федеральным правительством, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк, *ссужали* им деньги. Кроме того, процентные ставки по этим кредитам были также ниже рыночных, что требовало дополнительных субсидий от американских граждан. И это ещё не всё. Почти все эти кредиты обеспечивались гарантией правительства США, а это означало, что если (вернее, когда) эти страны не смогут выплатить свои долги, доверчивый американский народ опять будет призван возместить их. Иными словами, новый механизм, невинно и обманчиво именуемый «торговлей», – это не более чем плохо замаскированное средство, с помощью которого члены общества «Круглого стола» заставляют нашу национальную политику истекать *миллиардами* долларов, отбираемых у американских граждан, с целью передачи их советскому блоку. Они продолжают делать это и теперь, когда слово «Советы» сменилось менее неприятным термином «демократический социализм». Это позволяет упомянутым режимам заключать договоры с американскими бизнесменами, чтобы обеспечить необходимые им услуги. И круг замыкается: *американский налогоплательщик – американское правительство – «социалистический» режим – американский бизнесмен – американский финансист, который финансировал этот проект и обеспечил политическое влияние, чтобы всё это было возможно.*

Это ключ к пониманию механизма передачи. Многие американцы изучили этот процесс и пришли к выводу, что внутри нашего правительства существует гнездо коммунистических агентов. На экзамене по предмету «политика реальной действительности» они получили бы за этот ответ двойку. Да, в нашем правительстве, безусловно, действовали и продолжают действовать советские агенты и те, кто симпатизирует Советам, и все они слишком счастливы, чтобы помогать этому процессу развиваться. Но основная движущая сила всегда поступала от членов общества «Круглого стола», которые не принадлежали ни к коммунистам, ни к демократическим социалистам, ни к американцам, ни к кому, и которые, как сказал Ленин, ради прибыли работают на подготовку своего собственного самоубийства.

Эти люди не знают истинного патриотизма. Они воспринимают себя не гражданами какой-либо отдельной страны, а гражданами мира. Они с равной лёгкостью могут вести свои дела с кровавыми диктаторами и с любым другим правительством, в особенности если механизм передачи гарантирует им, что американский налогоплательщик всё им возместит.

Когда Дэвида Рокфеллера спросили об оправданности предоставления финансовой помощи марксистским и коммунистическим странам, которые открыто враждебно относятся к США, он ответил: «Я не думаю, что какой-нибудь международный банк, такой, как наш, должен пытаться ставить перед собой задачу судить о том, какое правительство хочет иметь какая-нибудь страна».

«Хочет иметь»? Он говорил об Анголе, где марксистская диктатура была навязана кубинскими солдатами и советским оружием!

Томаса Теобальда, вице-президента *Citicorp*, в 1981 году спросили о займах, которые его банк предоставил Польше. Не смущало ли его предоставление кредитов коммунистической стране, особенно после грубого подавления этим режимом профсоюзного движения? Ничуть. «Кто знает, которая из политических систем работает? – ответил он. – Единственное, что нас заботит, – это смогут ли они заплатить по счетам». Он, конечно, имел в виду, сможет ли американский налогоплательщик заплатить по польским счетам.

ФАКТ. Следующий факт взят из *Los Angeles Times* всего через несколько месяцев после этого заявления Теобальда:

ВАШИНГТОН. В течение нескольких месяцев администрация Рейгана использовала федеральные фонды, чтобы заплатить долги банкам США по польским займам, и счёт за этот финансовый год может достигать до 400 миллионов долларов. Ричард Е. Линг, заместитель министра сельского хозяйства, сказал в понедельник: «Они (польские власти) не выплачивали свои долги по меньшей мере последние полгода. Когда они не производят платёж, платёж производит Министерство сельского хозяйства США».

Линг сказал, что правительство США платило от 60 до 70 миллионов долларов в месяц по гарантированным им польским ссудам в октябре, ноябре, декабре и январе, и «мы будем продолжать платить им»¹.

Это, напомним, происходило точно в то время, когда польское правительство объявило военное положение и применило вооружённые силы для разгона демонстраций рабочих, требовавших политических реформ. Невыполнение обязательств по польскому займу в 1,6 миллиарда долларов ни в коем случае не было единичным случаем. Вскоре примеру Польши последовали коммунистическая Румыния и многочисленные страны Латинской Америки.

Неопровержимый факт заключается в том, что американские налогоплательщики, сами того не желая, каждый месяц многие годы производили банковские платежи от имени коммунистов, социалистов и так называемых стран третьего мира. И когда внутри бывшего советского блока стали проводиться заметные реформы, Конгресс поспешил значительно ускорить эту тенденцию.

Американцы, конечно, *хотели* верить, что Империя Зла рушится, и превращение Советов в демократов точно соответствовало этому желанию. Начиная с конца Второй мировой войны их главными целями было (1) разоружить нас (2) получить наши деньги. Фасад перестройки и гласности был всего лишь уловкой, позволяющей достичь сразу двух этих целей. Все, что им пришлось

¹ «U.S. Repaying Loans Owed by Poland to American Banks», by William J. Eaton, *Los Angeles Times*, February 2, 1982.

проделать, — это избавиться от нескольких старых сторонников жёсткого политического курса, заменив их менее известными личностями, которые, по существу, были такими же (все новые лидеры пришли из структур *старого* руководства), изменить их вывеску с «коммунистов» на «социал-демократов» и потом расслабиться, пока мы успешно разрушаем нашу оборону и вбухиваем миллиарды долларов в их слабеющую экономику. Несомненно, они позволят себе некоторый прогресс в области свободы слова, но военные организации и организации, занимающиеся безопасностью, продолжают находиться в полной готовности. Железо под мягкой перчаткой остаётся готовым нанести удар, когда придёт время, и фасад уже не будет необходимым.

Даже если всё это предприятие было настоящим, нет причин полагать, что капиталовложения в эти социал-демократии когда-либо станут более перспективными. Основное, что в экономическом отношении удерживает их в прошлом, — это социалистическая система, которая совершенно определённо не изменится. Все новые «антикоммунистические социал-демократы» поклялись в своей верности принципам марксизма и прямо заявили, что они будут использовать наши деньги для *развития* социализма, а не для отказа от него. Эти страны будут продолжать оставаться неспособными выплатить долги по своим займам. Американские налогоплательщики, принуждённые к этому кучкой интриганов, будут продолжать платить по этим счетам.

ФАКТ. Перед тем как большевики совершили государственный переворот, Россия была одной из самых продуктивных сельскохозяйственных стран мира. Огромные пшеничные поля Украины заслуженно заработали ей титул «хлебной корзины» Европы. Но, когда настала народная утопия, в сельском хозяйстве наступил застой, и в страну пришёл голод. Даже после Сталина, когда, как было заявлено, режим принял более гуманную и продуктивную политику, Россия *никогда* уже не производила пищи в достаточном для себя количестве. Государство, которое не в состоянии прокормить своих граждан, не может развивать свою промышленность и, конечно, не может создать мощные вооружённые силы. Поэтому неудивительно, что в течение десятилетий США ежегодно «продавали» России десятки миллионов тонн пшеницы и других продуктов. Приведённые факты придают особое значение основному механизму передачи, который мы рассмотрели ранее.

ФАКТ. Американский индустриально-правительственный комплекс предоставлял Советам деньги, технологии, а также фактически построил два крупнейших в мире и самых современных завода грузовых автомобилей. КамАЗ и ЗИЛ производят свыше 150 000 тяжёлых грузовых автомобилей в год, в том числе бронированных личных автомашин и ракетных пусковых установок, плюс 250 000 дизельных двигателей, многие из которых используются в мощных советских танках. 45% стоимости этого проекта оплачивает Экспортно-импортный банк США, который является органом федерального правительства, и в равной доле Чейз Манхэттен Банк, принадлежащий Дэвиду

Рокфеллеру. Советы вкладывают только 10%. Этот кредит, конечно, гарантируется Экспортно-импортным банком США, который в своё время находился под руководством Уильяма Кейси. Позже Кейси был назначен главой ЦРУ и защищал Америку от глобального коммунизма¹ (Начинаете видеть всю картину целиком?)

ФАКТ. Почти все важные грани тяжелой индустрии восточного блока могли бы нести на себе клеймо «Сделано в США». С одобрения каждого следующего президента мы предоставляли новейшее нефтебуровое оборудование, оборудование для заводов по химической переработке, радиолокационные системы управления воздушным движением, оборудование для производства прецизионных подшипников, двигатели для тяжёлых вертолётов, лазерные технологии, новейшие компьютерные системы и атомные электростанции. Мы подготовили сотни их специалистов в своих институтах и на заводах и обеспечили их космонавтов космическими скафандрами, разработанными NASA. Мы даже подготовили их пилотов на базах американских военно-воздушных сил и оплатили обучение их военных офицеров в нашей военной академии. Российское правительство использовало все это – как и предсказывал Ленин – для создания своей военной промышленности в рамках подготовки к нападению на своих поставщиков. Прекрасная отговорка о крушении коммунизма не изменила эту стратегию. Она была блестяще реализована.

ФАКТ. Когда Борис Ельцин захватил власть в бывшем советском правительстве, одним из первых его официальных актов был декрет о том, что зарубежные фирмы имеют право вывозить из страны свои прибыли. С точки зрения чисто деловой перспективы это был сильный ход, так как он стимулировал иностранное инвестирование. Но это представляло собой даже нечто большее. Вспомним из предыдущей главы, что львиная доля этого инвестирования должна была финансироваться американскими налогоплательщиками в форме непосредственной помощи для выхода из кредитно-банковских трудностей, а также правительственных гарантий через Корпорацию частных внешних инвестиций. Джейн Ингрэм сообщает подробности:

В течение 1992 года Ельцин обдeldывал свои делишки с *Royal Dutch/Shell, British Petroleum, Amoco, Texaco* и *Exxon*. Был подписан договор с *Chevron* о совместном предприятии по разработке нефтяного месторождения Тенгиз. *McDermott International, Marathon Oil* и *Mitsui* подписали контракт с российским правительством о добыче нефти и природного газа на острове Сахалин. *Chevron* и *Oman* создали консорциум для строительства огромного трубопровода для доставки сырой нефти через Казахстан к Чёрному морю, бассейну Средиземного моря и Персидскому заливу. *Occidental Petroleum* подписала договор о совместном предприятии с Россией, чтобы модернизировать два нефтяных место-

¹ «U.S. Builds Soviet War Machine», *Industrial Research & Development*, July, 1980, pp. 51-54.

рождения в Сибири... *Newmont mining* подписала договор о совместном предприятии по добыче золота в Узбекистане. Уильям Шрейер (Совет по международным отношениям), председатель *Merrill Lynch*, в качестве финансового советника подписал договор об «оказании помощи в приватизации» Украинского Государственного фонда частной собственности. Роберт Аллен (СМО, Трёхсторонний комитет), генеральный директор компании *AT&T* (Американский телефон и телеграф), подписал большой контракт о поставке систем коммутации для всего Казахстана...

US West объединился с венгерским правительством, чтобы владеть и управлять национальной системой сотовой связи; Марина Уитмен (СМО, ТК), вице-президент *General Motors*, объединилась с правительствами Венгрии и Югославии в производстве автомобилей; Джон Уэлч (СМО), генеральный директор *General Electric*, и Лоренс Боссиди (ТК), вице-председатель правления, приобрели контрольный пакет акций венгерской осветительной индустрии; *Ralston-Purina*, *Dow Chemical*, *Eastman Kodak*, *SC Johnson & Son*, *Xerox*, *American Express*, *Procter & Gamble*, *Woolworth*, *Philip Morris*, *Ford*, *Compaq Computer* – вряд ли хоть одна торговая марка была упущена¹.

ФАКТ. В феврале 1996 года администрация Клинтона предоставила заем в 1 миллиард долларов из денег американских налогоплательщиков российской компании Аэрофлот, контролируемой государством, чтобы она могла более эффективно конкурировать с американскими компаниями, такими как Боинг, в строительстве авиалайнеров-гигантов. К концу года страны бывшего советского блока получили от Всемирного банка вливание в 3 миллиарда долларов. К середине 2000 года стало ясно, что российские власти отмыли дополнительно 7 миллиардов долларов, полученных от МВФ через Нью-Йоркский банк. Новые потоки «займов» продолжают своё движение.

ФАКТ. Теперь эти действия распространились на Китай. Американские банки и бизнесмены – с налогоплательщиками в виде поручителей – предоставили энергетическое оборудование, сталелитейные заводы, военное оборудование, в том числе противолодочные торпеды и высокотехнологичное электронное оборудование для обновления изготовленных в России реактивных истребителей. Всё это объясняется как средство отлучения красного Китая от российской груди, поощряющее приблизиться к капиталистическому свободному предпринимательству. Однако в 1985 году, в разгар ажиотажа, связанного с наведением торговых мостов с Китаем, этот режим подписал с Россией торговый договор на 14 миллионов долларов, а в 1986 году отправил коммунистическим сандинистам Никарагуа беспроцентный заем в 20 миллионов долларов. Даже после бойни 1989 года в Пекине на площади

¹ «The Payoff», Jane Ingraham, *The New American*, June 28, 1993, pp. 25-26.

Тяньаньмэнь, когда американские власти публично осудили Китай за нарушение прав человека, бизнес продолжал, как обычно, вести свои дела. «США не могут мириться с насильственным посягательством и не могут игнорировать последствия для наших отношений с Китаем», – сказал президент Буш. Однако спустя всего несколько недель после этого кровопролития, как раз в тот момент, когда казнили студенческих лидеров, администрация одобрила предоставление Пекину низкопроцентного займа в 200 миллионов долларов для поставки четырёх новейших Боингов, гигантских авиалайнеров. В 1993 году было продано ещё 47 реактивных самолётов с прогнозируемыми продажами более 800 единиц в течение следующих 15 лет. *Атос* сейчас тратит 1,5 миллиарда долларов на разработку нефтяных месторождений в Китайском море. Совместное предприятие, в котором участвуют китайское правительство и *Chrysler*, производит военные джипы. Аналогичный совместный проект занимается обновлением их истребителей *F8*. Три спутника связи готовятся к доставке. *AT&T* заключила договор на 30 миллионов долларов о создании сети сотовой связи.

Обнаружился интерес Китая к военной технологии. Помимо новейшего оборудования, приобретённого у США, китайцы купили у России реактивные истребители Миг-31 и Су-27, а также украинский авианосец. В мае 1992 года Китай произвёл свой крупнейший подземный ядерный взрыв. В 1997 году в список покупок добавились самоходные миномётные системы и самые современные российские дизель-электрические подводные лодки.

Хотя известно, что Китай использует ресурсы подневольного труда в количестве более миллиона человек (их называют там «заключёнными»), и хотя Тарифный закон 1930 года запрещает США импортировать какие-либо товары, даже частично произведённые заключёнными или другими лицами, которые трудятся принудительно, все администрации, начиная с Никсона, обновляли для Китая торговый статус «страны, пользующейся режимом наибольшего благоприятствования».

Как, по их предположениям, Китай будет оплачивать всю эту «торговлю»? Очень просто. К 1996 году Китай стал крупнейшим отдельным получателем гарантированных займов и субсидий от Всемирного банка.

ФАКТ. В дополнение к этим десятилетиям глобальной торговли, кредитов и гарантий налогоплательщиков США перевели десятки миллиардов долларов через *прямые гранты иностранной помощи*, не претендуя на какое-либо возмещение. Зачем это было сделано? В июне 2000 года президент Клинтон произнёс речь перед российским парламентом и ответил на этот вопрос. Он сказал: «Соединённым Штатам требуется сильная Россия». На следующий день он объявил, что США предоставили бы 78 миллионов долларов на наладку Чернобыльской атомной станции в Киеве.

Следы ведут на Уолл-стрит, и следы эти *свежие*. Общество «Круглого стола» преуспело в использовании рынка Восточной Европы и продолжает этим

заниматься и сегодня. Состав исполнителей изменился, но пьеса остаётся той же. В самом начале в Совете по международным отношениям доминировал Дж.П. Морган. Совет все ещё находится под контролем международных финансистов. Группу Моргана постепенно заменил консорциум Рокфеллера, и состав компаний-участников теперь понимается как *Fortune 500*. Эта деятельность больше не претендует на то, чтобы именоваться миссией «Красного Креста»; теперь она функционирует под прикрытием «торговли между Востоком и Западом».

Политики любят поговорить о необходимости сохранения мира во всем мире, и нам говорят, что торговля является одним из лучших способов это сделать. Подразумевается, что сейчас уже мирное время. Поистине, мы живём в одну из самых истерзанных войной эпох, которые когда-либо видел мир. Ни один материк, кроме Антарктики, не свободен от войн. Каждый день года где-нибудь происходят от 25 до 40 военных сражений. После окончания Второй мировой войны произошло более 150 военных конфликтов, и число погибших уже превысило 20 миллионов и растёт дальше¹. Мы не можем удержаться, чтобы не отметить, что это также был период роста государственного долга и глобального создания бумажных денег.

НОВАЯ АЛХИМИЯ

Алхимики древности напрасно искали философский камень, который, как они полагали, мог превращать свинец в золото. Возможно ли, что такой камень действительно был найден? Может ли быть, что денежные алхимики нашего времени научились превращать войну в долг, долг в войну, *и то и другое* в золото для них самих?

В предыдущей главе мы рассуждали о стратегии, упоминали формулу Ротшильда, в которой всемирная группа финансовых заговорщиков осознанно подстрекает к войне как к средству стимулирования выгодного производства вооружения и удерживания стран в постоянном состоянии задолженности. Это не поиски прибыли, это *геноцид*. Следовательно, рассмотрение возможности того, что наши избираемые и неизбираемые лидеры, по сути, используют сегодня формулу Ротшильда, — это не пустой вопрос.

ФАКТ. В своём обращении к выпускному курсу 1983 года в Аннаполисе Джон Леман, министр военно-морского флота, сказал: «Через несколько недель многие из вас будут смотреть вокруг на сотни футов воды через самое

¹ Эти цифры взяты из публикации ООН E/CN.5/1985/Rev.1, 1985 *Report on the World Social Situation*, p. 14. Более поздние публикации этого документа не приводят суммарных цифр, но показывают, что число конфликтов растёт. Поэтому текущие цифры, какими бы они ни были, даже хуже.

современное оборудование, когда-либо изобретённое в Америке. К сожалению, это будет на советских кораблях».

Как отметил профессор Саттон в своей книге «Лучший враг, которого можно купить», орудия, боеприпасы, оружие и транспортные средства, убивавшие американцев в Корее и Вьетнаме, поступали из Советского Союза, экономику которого субсидировала Америка. Грузовики, на которых это оружие перевозилось по Тропе Хо Ши Мина, производилось на заводах, построенных американцами. Корабли, перевозившие оборудование в Сиануквиль и Хайфон, а потом в Анголу и Никарагуа, приходили от союзников НАТО и использовали двигательные установки, которые наше Министерство иностранных дел смогло спасти от советских рук. Саттон заключает: «Технически возможность вести Корейскую и Вьетнамскую войны возникла с *обеих сторон* и основывалась на западной, в основном американской, технологии, а политическая иллюзия “мирной торговли”, рекламируемая глухими немymi слепцами, была носителем этой военной технологии»¹.

ФАКТ. Это ведёт нас к недавним войнам на Ближнем Востоке и подъёму «исламского фундаментализма». Иран, Ирак, Сирия, Алжир, Организация освобождения Палестины, организация «Братья-мусульмане» и тому подобные антиамериканские группировки – все получили оружие, финансирование и тайную поддержку от правительства США. Во время войны в Персидском заливе все усилия были направлены на обеспечение того, чтобы режим Хусейна сдерживался, но не был уничтожен (тень Корейской и Вьетнамской войн). Его военная инфраструктура и большая часть его вооружения остались в сохранности. После прекращения ведения огня ему разрешили сохранить свой парк боевых вертолётов, который он незамедлительно использовал для подавления крупного внутреннего восстания.

Большая пилюля, которую пришлось проглотить, заключалась в том, что Хусейн в течение многих лет был статьёй дохода для глобальных планирующих органов Запада, и они делали все возможное, чтобы сохранить ему власть. Только когда он отказался позволить американским компаниям доминировать в сфере добычи иракской нефти, за него взялись всерьёз. До того он был в абсолютной неприкосновенности, так как его считали законченным жалким врагом.

Как мы уже отметили, кадровым резервом для внедрения этой стратегии был Совет по международным отношениям. В 1996 году главным редактором журнала *Foreign Affairs*, выпускаемого Советом, был Фарид Закария, который предложил ввести следующее усовершенствование:

Да, очень заманчиво избавиться от Саддама. Но его плохое поведение, по существу, служит целям Америки в его регионе. Если бы Сад-

¹ Antony Sutton, *The Best Enemy Money Can Buy* (Billings, Montana: Liberty House Press, 1986), p. 191.

дама не существовало, нам пришлось бы изобрести его. Конец Саддама Хусейна стал бы концом антисаддамовской коалиции. Ничто так не разрушает альянс, как отсутствие врага. В отсутствие региональной угрозы было бы сложно поддерживать долгосрочное американское присутствие в районе Персидского залива¹.

Это настолько прямо касается формулы Ротшильда, насколько только можно себе представить. Тем не менее многие люди не могут поверить, что это правда, даже конгрессмены. Например, Джеймс Трафикант, член Палаты представителей от штата Огайо, в своей речи 29 апреля 1997 года воскликнул:

Америка даёт России миллиарды. На американские деньги Россия строит ракеты. Затем Россия продаёт эти ракеты Китаю. А Китай, который получает от дяди Сэма около 45 миллиардов долларов в качестве торговых дотаций, затем продаёт эти российские ракеты Ирану. Теперь Иран с помощью этих ракет, проданных ему Китаем, угрожает Ближнему и Среднему Востоку. Итак, дядя Сэм посылает туда ещё больше войск и тратит ещё больше долларов. Господин председатель палаты Конгресса, это не внешняя политика. Это внешняя глупость².

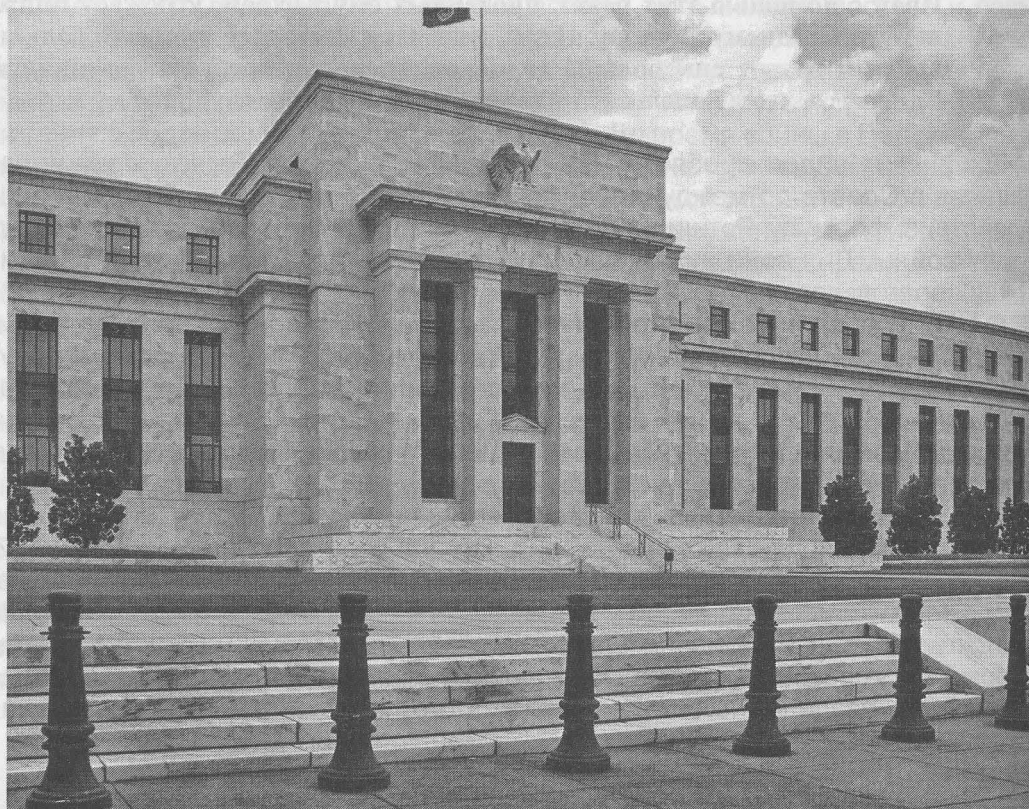
Трафикант видел проблему, но он упускал причину. Те, кто принимают решение в Совете по международным отношениям, не глупы. Они приводят в действие формулу Ротшильда. Чтобы оправдать мировое правительство, нужны войны. Для войн нужны враги со страшным оружием. Иран – один из лучших врагов, которого можно купить за деньги.

ФАКТ. Последний акт в этой пьесе – создание Северной Кореи. Источником её ядерного потенциала являются Россия и Китай, обе эти страны ведут с США торговлю, получают от них инвестиции и технологии. В то время как президент Буш говорил, что Северная Корея – часть «Оси зла», его администрация посылала так называемую гуманитарную помощь, которую режим использовал для укрепления своего контроля.

Нам придётся допустить, что западные лидеры учли предсказание Ленина, что, финансируя своих врагов, они готовят своё собственное самоубийство – между прочим, наше тоже. Нам также придётся сделать вывод: они уверены в том, что избегнут своей участи. Здесь вопрос не в том, правы они или нет. Суть в том, что они *полагают*, что правы, и создают мировой порядок, который могут создать, как они думают. Как они планируют это сделать – тема следующего раздела, но важной частью этого порядка является постоянная война.

¹ «Thank Goodness for a Villain», *Newsweek*, Sept. 16, 1996, p. 43.

² *Congressional Record*, April 29, 1997.

Здание ФРС США

ПЯТАЯ ПРИЧИНА РАЗРУШИТЬ СИСТЕМУ

Некоторые историки оспорили бы тот факт, что финансирование Первой мировой войны, Второй мировой войны, Корейской и Вьетнамской войн выполнялось механизмом Мандрагоры через Федеральную резервную систему. Обзор всех войн с момента учреждения Английского банка в 1694 году позволяет предположить, что большая часть войн были бы гораздо менее жестокими или, возможно, вообще не велись бы без бумажных денег. Именно способность правительств получать деньги без прямого налогообложения делает возможной современную войну, а центральный банк сделался предпочтительным методом осуществления этого.

Кто-то может доказывать необходимость или, по меньшей мере, неизбежность бумажных денег как средства примитивного выживания в военное время. Это основной инстинкт как индивидуумов, так и правительств, все прочие соображения отступают. Оставим это философам. Но бесспорен тот факт, что *в мирное время* бумажные деньги не имеют такого оправдания. Кроме того, способность правительств и банковских учреждений использовать бумажные деньги для финансирования войн *других* стран представляет собой мощное искушение быть втянутыми в эти войны ради личной выгоды, прогресса в сфере политики или других причин, которые оказываются совершенно недостаточными для морального оправдания кровопролития.

Федеральная резервная система всегда служила этой функции. Постоянная стратегия наращивания военных мощностей потенциальных врагов Америки не оставляет нам повода полагать, что мы видели последнюю войну. Поэтому не будет преувеличением сказать, что *Федеральная резервная система провоцирует войну*. Нет лучшей причины, чтобы усыпить это Порождение.

РЕЗЮМЕ

Большевистская революция была государственным переворотом, в котором радикальное меньшинство захватило власть в России, оттеснив умеренное революционное большинство. Задачей миссии «Красного Креста», снаряжённой капиталистами Нью-Йорка, была поддержка большевиков. За это они получили экономическую выгоду в виде прав на природные ресурсы России, а также контракты на строительство и материалы. Дальнейшее участие западных капиталистов в экономическом развитии России и Восточной Европы с того времени показывает, что эти отношения сохранились до наших дней. Эти финансисты не поддерживают коммунистов или другие партии.

ГРИФФИН Э. ПОРОЖДЕНИЕ ОСТРОВА ДЖЕКИЛЛ

У них вообще нет политических убеждений. Их главная мотивация – прибыль и власть. Сегодня они стремятся заставить Россию и Соединённые Штаты принять мировое правительство, которое надеются контролировать. Война и угроза войны подталкивают массы к принятию этой цели. Поэтому так важно, чтобы у Соединённых Штатов и других промышленно развитых стран мира были правдоподобные враги. Сейчас, когда я пишу эти слова, Россия носит маску мира и сотрудничества. Но мы уже видели такое и прежде. Возможно, когда придёт время, мы увидим возвращение «Империи зла». Без понимания этого невозможно понять финансирование американским правительством и очень крупным банком вначале российского, а теперь и китайского и ближневосточного военного потенциала.

РАЗДЕЛ IV

СКАЗКА О ТРЕХ БАНКАХ

Сказано, что те, кто не знают историю, обречены на повторение своих ошибок. Возможно, вы удивитесь, узнав, что Федеральная резервная система – четвёртый центральный банк Америки, а не первый. Мы уже обдумывали все это и каждый раз приходили к одному и тому же результату. Интересно, как это произошло? Давайте отправимся на нашей машине времени в колонию Массачусетс 1690 года.

ГЛАВА 15

КАРТА ПРОПАВШИХ СОКРОВИЩ

Горький опыт американских колоний в отношении бумажных денег; решение отцов – основателей новой нации о запрете использовать бумажные деньги, не имеющие обеспечения; составление с этой целью проекта Конституции; создание настоящего американского доллара; процветание, которое за этим последовало.

В золотые дни радио в программе Эдгара Бергена чревовещатель спрашивал своего воображаемого партнёра Мортимера Снерда: «Как тебе удаётся быть таким глупым?». И ответ всегда был одним и тем же. Мортимер секунду глубокомысленно молчал, а затем отвечал: «Ну, это нелегко!».

Когда мы смотрим на наш сегодняшний денежный хаос – испаряющаяся ценность доллара и слабеющие финансовые институты, то вынуждены спросить: как мы оказались в такой переделке? И к сожалению, ответ Мортимера был бы здесь очень к месту.

Чтобы понять, как мы попали туда, где мы есть, необходимо знать, где мы начинали. И начать это исследование можно с Конституции США. Статья 1, разделы 8 и 10. Там говорится:

Конгресс обладает полномочиями –

Брать взаймы деньги... чеканить деньги, регулировать стоимость этих денег, а также иностранной валюты, устанавливать стандарт весов и мер... и обеспечивать наказание за фальшивомонетничество.

Ни один штат не может... чеканить деньги, выпускать аккредитивы или предлагать что-либо, кроме золота и серебра, в оплату долгов.

Члены Палаты депутатов точно исполняли эти слова. Конгрессу было дано право «чеканить деньги», но не печатать их. Томас М. Кули в «Основах конституционного права» объясняет, что «чеканить деньги – это чеканить кусочки металла для использования их в качестве средства обмена в торговле, согласно установленным стандартам стоимости». Что было *запрещено*, так это «выпускать аккредитивы», что, согласно речам и письмам тех, кто составлял

этот документ, означало печатание долговых расписок, которые должны были входить в обращение в качестве денег, иными словами, печатание бумажных денег, не обеспеченных золотом или серебром.

Сначала кажется, что все ясно. Однако эти два простых пункта стали основой для буквально тысяч страниц противоречащих друг другу интерпретаций. Суть проблемы в том, что в то время, как Конституция прямо запрещает *штатам* выпускать бумажные деньги, она не запрещает делать это *федеральному* правительству. То была поистине оплошность со стороны создателей этого документа, но они, возможно, никогда не видели в своих самых диких ночных кошмарах, что их последователи «могут быть настолько глупыми», чтобы не понять их намерение.

Более того, *не понять* их намерение «нелегко». Все, что надо сделать, — это взглянуть на историю денег, которая наводит на мысль о Конституционном конвенте, и прочесть опубликованные письма и обсуждения людей, которые поставили свои подписи под этим основополагающим документом.

Когда просматриваешь обсуждения, происходившие на нижнем уровне Конвента, поражаешься страсти, которую эти члены Палаты депутатов питали к такому предмету, как деньги. Каждый из них на своём личном опыте мог помнить абсолютный хаос в колониях, вызванный выпуском бумажных денег. Они высказывались против этого совершенно определённо и были непреклонны в отношении того, что никогда нельзя снова допускать этого в Америке — ни на уровне штатов, ни на федеральном уровне.

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ В КОЛОНИЯХ

Первый колониальный опыт бумажных денег пришёлся на период с 1690 по 1764 год. Массачусетс был первым штатом, где они использовались как средство финансирования его военных вторжений во французскую колонию в Квебеке. Другие колонии быстро последовали этому примеру и за несколько лет втянулись в необузданное печатание «аккредитивов». Центральный банк в этом деле не участвовал. Процесс был простым и прямым, как и его обоснование. Вот как объяснял все это один колониальный правовед:

Вы полагаете, господа, что я соглашусь нагрузить моих избирателей налогами, когда мы можем взять печатный станок и получить вагон денег, и всё это будет оплачено одним печатным листом?¹

Последствия этого просвещённого искусного управления государственными делами были классическими. Цены подскочили, были приняты законы

¹ См.: William M. Gouge, *A Short History of Paper Money and Banking in the United States* (Philadelphia: T.W. Ustick, 1833), Part II, p. 27.

о платёжных средствах, чтобы *вынудить* колонистов принимать ничего не стоящие бумажки, и простые люди понесли огромные личные потери и терпели невзгоды. К концу 1750-х годов в Коннектикуте инфляция достигла 800%, в Каролине – 900%, Род-Айленде – 2300%¹.

Ситуация настолько вышла из-под контроля, что начиная с 1751 года вмешался Британский парламент, и это был один из тех редких случаев, когда вмешательство метрополии действительно принесло колониям пользу, заставив их прекратить печатать бумажные деньги. С этого времени единственным их источником был Английский банк.

То, что за этим последовало, было неожиданно для приверженцев бумажных денег. Среди глубокого уныния, вызванного «недостатком денег», произошёл чудесный резкий рост экономического процветания. Вынужденное применение бумажных денег заставило каждого тайно хранить свои *реальные* деньги и вместо этого использовать бесполезные бумажные деньги. Теперь, когда эти бумажки были в немилости, колонисты снова начали пользоваться своими английскими, французскими и голландскими золотыми монетами, цены быстро пришли к реальности, а торговля вернулась к твёрдой основе. Такое положение вещей сохранялось даже во время экономической напряжённости Семилетней войны (1756-1763) и в период, непосредственно предшествовавший революции. Вот прекрасный пример того, как экономическая система, находящаяся в бедственном положении, может восстановиться, если правительство не вмешивается в процесс восстановления².

ИНФЛЯЦИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Но все это прекратилось с началом колониального бунта. Открытые военные действия не только Англию погрузили в шестерёнки механизма центрального банка; колонии тоже были вынуждены вернуться к своим печатным станкам. Следующие цифры красноречиво говорят сами за себя:

- в начале войны 1775 года общая денежная масса федеративных колоний составляла 12 миллионов долларов;
- в июне того же года Континентальный конгресс выпустил в обращение ещё 2 миллиона долларов. Перед тем как эти банкноты были напечатаны, был санкционирован ещё 1 миллион долларов;
- к концу того же года – ещё 3 миллиона долларов;
- 19 миллионов долларов в 1776 году;
- 13 миллионов долларов в 1777 году;
- 64 миллиона долларов в 1778 году;

¹ Paul and Lehrman, p. 23.

² Roger W. Weiss, «The Colonial Monetary Standard of Massachusetts», *Economic History Review* 27 (November 1974), p. 589.

- 125 миллионов долларов в 1779 году;
- всего 227 миллионов долларов за пять лет сверх исходного уровня в 12 миллионов долларов примерно соответствуют приросту в 2000%;
- сверх этих федеральных денег штаты делали то же самое в примерно равных объёмах;
- и ещё: Континентальная армия, которая не могла получить достаточно денег от Конгресса, выпустила «сертификаты» для покупки припасов на сумму 200 миллионов долларов;
- 650 миллионов долларов, созданные за пять лет сверх исходного уровня в 12 миллионов долларов, составляют рост денежной массы свыше 5000%¹.

Хотя экономика была опустошена этим потоком бумажных денег, большинство жертв ничего не знали о причинах происходящего. В 1777 году настроение большей части населения было выражено словами одной патристически настроенной пожилой леди, которая сказала: «Как жаль, что Конгресс заставляет бедных солдат страдать, когда он может напечатать столько денег, сколько пожелает»².

Непосредственным результатом этих денежных вливаний стала видимость процветания. В конце концов, у всех стало *больше денег*, и это воспринималось как положительный момент. Но вскоре за этим последовала инфляция, так как начал действовать механизм саморазрушения. В 1775 году колониальная денежная единица, именовавшаяся «континентал», стоила один доллар золотом. В 1778 году она стоила уже 25 центов. К 1779 году, спустя всего четыре года после её выпуска, она стоила менее цента и вообще вышла из денежного обращения. Именно в этом году Джордж Вашингтон написал: «Вряд ли купишь вагон провизии за вагон денег»³.

Выражение: «Гроша ломаного не стоит» (грошом именовался «континентал») берет своё начало в этот мрачный период. Истинную природу действия инфляции никогда не понимали более точно и не описывали более чётко, чем это сделал Томас Джефферсон:

Если меня спросят, каким образом две кучи денег – континентальные деньги и деньги штатов – обошлись народу США в 72 миллиона долларов, если за них теперь дают примерно 6 миллионов, я отвечу, что разница, составляющая 66 миллионов, была потрачена на бумажные банкноты по отдельности их последовательными владельцами. Каждый, через чьи руки проходила банкнота, терял на этой банкноте то, что

¹ Обзор расходов см. в: Paul and Lehrman, pp. 26-27.

² Gouge, p. 28. Наивность этой дамы может показаться смешной, но лучше ли информированы американцы сегодня? Не чувствовала ли бы она себя как дома среди нашего современного электората, который выдвигает требования о законодательном закреплении бумажных денег Федерального резерва в проекты, облегчающие тяготы жизни бедных и безработных?

³ Цитируется по: Bolles, Vol. 1, p. 132.

она теряла в стоимости в течение того времени, когда она находилась в его руках. Это был реальный налог; таким образом, народ США действительно отдал эти 66 миллионов долларов в течение войны, и этот налог был самым жестоким из всех, потому что он был самым несправедливым из всех¹.

ЗАКОНЫ О РЕГУЛИРОВАНИИ ЦЕН И ЗАКОННОМ ПЛАТЕЖНОМ СРЕДСТВЕ

Естественно, люди старались найти способы избежать уничтожения своих сбережений, и двумя наиболее очевидными из них были следующие: (1) регулярно повышать цены, когда стоимость денег падала или (2) обменивать свои товары и услуги только на золотые монеты. В ответ на это колониальные законодательные органы и Континентальный конгресс делали то, что всегда делают правительства, чтобы это предотвратить. Они прибегали к регулированию заработной платы и цен и вводили законы о платёжных средствах с жестокими наказаниями за их несоблюдение. Согласно одному такому закону, те, кто отказывался принимать ничего не стоящие бумажные деньги, даже считались *изменниками*. Закон звучал следующим образом:

Если какой-либо человек в дальнейшем настолько лишится всякого достоинства и уважения к своей стране, чтобы отказаться принимать её банкноты, такой человек должен считаться врагом своей страны².

Род-Айленд не только ввёл значительный штраф за непринятие своих банкнот, но после повторного нарушения лишал человека своего гражданства. Когда судебная коллегия признала эту меру незаконной, законодательный орган в ответ освободил судей от занимаемых должностей³.

Тогда, как и теперь, больше всего от бумажных денег страдали те, кто верил правительству. В 1777 году это были главным образом виги, так как именно они патриотически хранили бумажные деньги и в результате потеряли свои средства к жизни и свои сбережения. Тори, с другой стороны, не доверяли ни

¹ Thomas Jefferson, *Observations on the Article Etats-Unis Prepared for the Encyclopedia*, June 22, 1786, *Writings*, Vol. IV, p. 165.

² F. Tupper Saussy, *The Miracle on Mainstreet* (Seewanee, Tennessee: Spender Judd, 1980), p. 12. См. также: Anthony Sutton, *The War on Gold* (Seal Beach, Calif.: '76 Press, 1977), pp. 47, 48.

³ Jensen, p. 324.

правительству, ни его бумажным деньгам и как можно быстрее избавлялись от аккредитивов, меняя их на реальные деньги, особенно на золото. В результате они перенесли эту передерягу вполне удачно. Но менее предусмотрительные соседи часто высмеивали их, называя спекулянтами, скопидомами и даже предателями.

Все это было мучительно свежо в воспоминаниях депутатов Конституционного конвента, а когда в Филадельфии в 1787 году проходило заседание, посвящённое его открытию, улицы наводнили толпы недовольных, угрожавшие членам этого законодательного органа. Грабежи были распространённым явлением. Торговые предприятия обанкротились. Везде наблюдалось пьянство и беззаконие. Плод бумажных денег созрел, а депутаты не получили удовольствия от его вкуса.

В октябре 1785 года Джордж Вашингтон писал: «Колеса правительства увязли, и мы погружаемся в юдоль смятения и тьмы»¹. Год спустя в письме к Джеймсу Мэдисону он сказал: «Никогда еще день не был таким мрачным, как теперь. Мы быстро приближаемся к анархии»².

В феврале 1787 года Вашингтон писал Генри Ноксу: «Если какой-нибудь человек сказал бы мне, что произойдёт такое грозное восстание, какое происходит сейчас, я подумал бы, что ему самое место в сумасшедшем доме»³.

За три месяца до открытия Конвента Вашингтон провозгласил свои соображения о необходимости отказа от бумажных денег. В ответ на жалобу, что отсутствует достаточное количество золотых монет для удовлетворения нужд торговли, он сказал:

Необходимость, возникающая из потребности в деньгах, представляется большей, чем она есть на самом деле. Я утверждаю, что нам следует извлекать пользу из реальности, а не из её тени. По моему скромному мнению, человеческий здравый смысл не может на этот раз придумать план, согласно которому доверие к бумажным деньгам поддерживалось бы долго; следовательно, девальвация не отстает от объёма эмиссии, и стоимость товара, на который обмениваются деньги, растёт в большей степени, чем падающая стоимость денег. В чем тогда выгода для фермера, плантатора, ремесленника? Таким же большим злом является благоприятная возможность для спекуляции, которая сразу же появляется и при которой наименее злонамеренную и, возможно, наиболее ценную часть сообщества грабят более информированные и хитрые спекулянты⁴.

¹ Цитируется по: Atwood, p. 3.

² Там же, с. 4.

³ Там же, с. 4.

⁴ Washington to Stone, 16 February, 1787. Цитируется по: Bancroft, pp. 231-232.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНВЕНТ

Такого взгляда на вещи придерживалось большинство депутатов Конвента. Они были решительно настроены в своём стремлении создать Конституцию, которая помешает любому штату и *особенно* самому федеральному правительству снова выпускать бумажные деньги. Так они и сказали в недвусмысленной форме.

Оливер Эллсворт из Коннектикута, который позже стал нашим третьим председателем Верховного суда, сказал:

Это благоприятный момент, чтобы закрыть и запереть дверь для бумажных денег. Ущерб от различных проведённых экспериментов все ещё свеж в памяти людей и вызвал отвращение во всех добропорядочных частях Америки¹.

Джордж Мейсон из Вирджинии сообщил депутатам, что он «смертельно ненавидит бумажные деньги». Ранее он писал Джорджу Вашингтону: «Они могут принять закон о выпуске бумажных денег, но и двадцать законов не заставят людей признавать их. Бумажные деньги основаны на обмане и жульничестве».

Джеймс Уилсон из Пенсильвании сказал: «Устранение возможности использовать бумажные деньги окажет самое благотворное действие на доверие Соединённым Штатам».

Джон Лэнгдон из Нью-Гемпшира предупредил, что он, скорее, откажется от всего плана образования федерации, чем предоставит новому правительству право выпускать бумажные деньги.

Джордж Рид из Делавэра объявил, что любое положение из Конституции, которое бы дало новому правительству право выпускать бумажные деньги, «было бы таким же настораживающим, как знак зверя в Откровении Иоанна Богослова».

Томас Пейн, хотя он и не был депутатом Конвента, написал в прошлом году, что он был решительно против бумажных денег, которые он называл государственным фальшивомонетничеством, и он особенно ненавидел законы о законном платёжном средстве, которые вынуждали людей принимать эти фальшивые деньги. Он сказал: «Наказанием члену [законодательного органа], который будет голосовать за такой закон, должна быть *смерть*».

Интересная мысль.

Если нужно ещё какое-нибудь доказательство того, что отцы-основатели намеревались запретить федеральному правительству выпускать бумажные

¹ См.: Bancroft, pp. 30, 43-44, 82, а также: Paul and Lehrman, p. 168.

деньги, примите во внимание следующее. Первый проект Конституции был во многом скопирован с исходных «Статей Конфедерации». Следовательно, когда он был принят депутатами к рассмотрению, он содержал старое положение, которое и вызвало такой беспорядок. Там говорилось: «Законодательная власть США должна иметь право занимать деньги и выпускать аккредитивы». Но после энергичного обсуждения этого предмета решение об удалении из Конституции этого проблемного положения было принято с подавляющим преимуществом голосов¹. Выражая мнение большинства депутатов, Александр Гамильтон сказал: «Выпуск необеспеченных фондами бумажных денежных знаков не должен быть закреплён в Конституции и не должен когда-либо использоваться в дальнейшем; по своей природе бумажные деньги вполне совместимы со злоупотреблениями и подвержены тому, чтобы стать средством обмана и жульничества»².

Протокол заседания Конвента от 16 августа содержит такую запись:

Было предложено и поддержано вычеркнуть слова «и выпускать аккредитивы», и это предложение... получило одобрение стороны, выступающей «за». [Это решение было одобрено с преимуществом более чем четыре к одному.]³

Десятая поправка гласит: «Права, не предоставленные Конституцией Соединённым Штатам, а также не запрещённые ею штатам относятся, соответственно, к компетенции штатов или народа». Право выпускать аккредитивы определённо не предоставлено Соединённым Штатам и прямо запрещено штатам. Следовательно, если какое-либо право выпускать бумажные деньги вообще юридически существует, оно относится к компетенции *народа*. Иными словами, люди и частные учреждения, такие как банки, имеют право выпускать долговые расписки и надеяться, что народ будет использовать их в качестве денег, но *правительству на любом уровне прямо запрещено это делать*.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВАШЕМУ КОНГРЕССМЕНУ

Кстати, Конституция никогда не была исправлена в этом смысле, и в неё не было включено положение, что только золото и серебро могут использоваться в качестве законных денег. Было бы интересно, если бы каждый читатель этой книги отправил своему выбранному представителю в Вашингтон

¹ См.: Edwin Vieira, Jr., *Pieces of Eight: The Monetary Powers and Disabilities of the United States Constitution* (New Jersey: Sound Dollar Committee, 1983), pp. 71-76.

² Alexander Hamilton, *Works*, Part II, p. 271, цитируется по: Bancroft, p. 26.

³ Цитируется по: Bancroft, pp. 39, 40.

её экземпляр или хотя бы фотокопию этого раздела. Каждый член Конгресса принёс присягу соблюдать Конституцию, и вы можете приложить краткую записку с вопросом, когда они собираются начать это делать.

Не огорчайтесь, если ваш ответ будет менее чем удовлетворительным. У политиков та же проблема, что и у судей. Лодку допускается время от времени раскачивать, но предполагается, что они её не *утопят*. Иски против правительства, оспаривающие конституционность нашей денежной системы, редко попадают в суд. Для юстиции безопаснее отказаться принимать такие дела или прекращать их как предположительно «незначительные». В противном случае они столкнулись бы с трудным выбором. Они должны были бы либо нарушить логику, чтобы соблюсти существующие противоречия, став, таким образом, возможным предметом насмешек, либо высказаться в пользу Конституции и буквально вызвать коллапс всей системы дефицитного расходования, всего механизма центрального банка. Такое действие потребовало бы значительного мужества. Они не только пострадали бы от гнева влиятельных кругов, *вскормленных* этим механизмом, но также столкнулись бы со сбитой с толку общественностью, которую из-за недостатка знаний о Конституции или природе денег легко можно было бы убедить, что судьи лишились рассудка. Более того, для политиков безопаснее отвечать на подобные запросы просто цитатами из некоторых правительственных документов, пекущихся только о собственных интересах, что делает нашу систему бумажных денег вполне легальной и удивительно конституционной.

К сожалению, такова реальность. До тех пор пока общественность не будет информирована значительно лучше, чем сейчас, мы не можем ожидать слишком многого от судебной системы или Конгресса. Однако стоит довести этот вопрос до сведения ваших избранных представителей, потому что процесс образования должен где-то начинаться, и Вашингтон вполне годится для этого.

Однако, возвращаясь к сути данного отступления, важно понять, что федеральному правительству была предоставлена строго ограниченная функция: «чеканить монеты» и «регулировать их стоимость». Учитывая тот факт, что золотые и серебряные монеты были прямо определены как единственный разрешённый тип денег, не может быть сомнений, что означала первая половина этого права. Чеканить монеты – значит, изготавливать монеты из благородных металлов. Точка.

Вторая половина точно такая же ясная. И в Конституции, и в обсуждениях депутатов право регулировать стоимость золотых и серебряных монет было тесно связано с правом определять таблицу мер и весов. Это, по сути, одно и то же. Регулировать стоимость монеты – это то же самое, что устанавливать принятое в национальном масштабе значение мили, или фунта, или кварты. Это значит устанавливать стандарт, в соответствии с которым можно измерять какую-либо вещь. Формулировку этого раздела Конституции можно про-

следить до исходного текста «Статей Конфедерации», далее проясняющего значение, которое в то время обычно понималось:

Соединённые Штаты на собравшемся конгрессе имеют исключительное и эксклюзивное право и полномочие регулировать сплав и стоимость монеты, отчеканенной с их собственного разрешения или с разрешения соответствующих штатов, устанавливая Стандарт мер и весов на всей территории Соединённых Штатов.

Следовательно, смысл был в том, чтобы Конгресс просто определил точный вес драгоценного металла, из которого состояла бы национальная денежная единица.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДОЛЛАРА

Во время этих дискуссий денежной единицей фактически уже стали испанские серебряные монеты, которые назывались песо (испанская монета, равная восьми реалам). Континентальный конгресс создал официальную комиссию, чтобы взять образцы монет, находящихся в обращении в стране, и определить их среднюю стоимость по весу и чистоте. Были опубликованы списки, и все монеты различного происхождения были внесены в эти списки со сравнительной стоимостью. Конгресс уже регулировал стоимость национальных денег к тому времени, когда составлялся проект Конституции. Как эти монеты стали долларами – это интересная история. Эдвин Виейра сообщает нам:

Учёные, изучающие историю денег, обычно связывают доллар с неким графом Шликом, который начал чеканить серебряные монеты в 1519 году в Баварии, в городе Иохимсталь. Названные затем «шликсталеры» или «иохимсталеры», эти монеты приобрели известность просто как «талеры», которые потом транслитерировались в «доллары». Интересно, что американские колонисты переняли доллар у Испании, а не у Англии. После денежной реформы 1497 года испанской денежной единицей стал серебряный *реал*. Также появилась и новая монета, состоящая из восьми реалов. Известные как песо, или испанский доллар (из-за сходства по весу и чистоте с *талером*), эти монеты быстро стали доминировать на финансовых рынках Нового Света вследствие тогдашнего значительного торгового и политического положения Испании¹.

¹ Vieira, p. 65.

В 1785 году Томас Джефферсон настаивал на принятии испанского серебряного доллара в качестве официальной национальной денежной единицы. В брошюре, представленной депутатам Континентального конгресса, он сказал:

Принимая во внимание все денежные операции, большие и малые, я ставлю вопрос: можно ли предложить какую-либо общую меру удобнее, чем доллар? Доллар – известная и наиболее знакомая всем людям монета. Она уже принята от юга до севера; определена как наше средство денежного обращения, и таким образом, охотно предлагает саму себя в качестве уже представленной единицы¹.

6 июля 1785 года Конгресс единогласно проголосовал за принятие испанского доллара в качестве официальной денежной единицы Соединённых Штатов. Однако Джефферсон понимал, что этого недостаточно. Хотя эта монета была одной из наиболее заслуживающих доверия в отношении веса и качества, монеты разных выпусков все еще различались по своему составу, и ещё предстояло найти способ соотношения стоимости монет разных выпусков. Тем не менее именно это требовалось от Конгресса, когда ему было предоставлено право «регулировать стоимость» денег. Джефферсон имел в виду непосредственно это, когда сказал: «Если мы установим, что доллар является нашей денежной единицей, тогда мы должны точно сказать, что такое доллар. Монеты, отчеканенные в разные времена и имеющие разный вес и разную чистоту, имеют различную стоимость»².

Логику, выраженную Джефферсоном, нельзя было игнорировать. Два года спустя, после тщательного изучения реального веса и чистоты испанских долларов, находившихся в тот момент в обращении, Конгресс дал определение доллару. После ратификации Конституции доллар должен содержать 371,25 грана чистого серебра, и все предметы торговли, включая другие монеты, должны измеряться в стоимость согласно этому стандарту.

Поскольку испанцы продолжали снижать содержание серебра в своих монетах, начало возрастать принуждение чеканить американский доллар предсказуемой стоимости. Министр финансов Александр Гамильтон в своём обращении к Конгрессу в 1791 году настаивал на том, чтобы создать федеральный монетный двор, а также представил веский довод в пользу поддержания непреложного стандарта для монет, которые будут производиться на этом монетном дворе. Он сказал:

Доллар, который первоначально предполагалось использовать для совершения денежных операций в этой стране, в результате последо-

¹ *Propositions Respecting the Coinage of Gold, Silver, and Copper* (printed pamphlet Presented to the Continental Congress on May 13, 1785), pp. 9-10. Цитируется по: Vieira, p. 68.

² Там же, с. 11.

вательных уменьшений его веса и чистоты претерпел снижение своей стоимости на 5%, и тем не менее новый доллар используется для платежей вместо старого, и при этом едва ли обращают внимание на разницу между ними. Очевиден процесс, обесценивающий стоимость собственности. Также не требует аргументации то, что никакая нация не обязана терпеть колебания стоимости собственности своих граждан из-за неустойчивости кого-либо иностранного монетного двора или изменяться из-за изменений предписаний какого-либо иностранного монарха.

Количество золота и серебра в национальных монетах, соответствующее некоторой установленной сумме, не может быть меньше, чем прежде, без нарушения баланса действительной стоимости, и каждый акр земли, и каждый бушель пшеницы не могут иметь меньшую действительную стоимость, чем в прежние времена. Это не может не уводить в сторону от идей общества, и это могло бы вызвать недовольство среди тех, кто живет на доход от своих денег, и среди малоимущих классов, для которых подорожали бы предметы первой необходимости¹.

БИМЕТАЛЛИЗМ

Обратите внимание, что в предыдущей цитате Гамильтон упоминает золотые и серебряные монеты, а не только серебряные. Это связано с тем, что как раз в это время Конгресс начал обсуждать *биметаллическую* монетную систему. Оглядываясь назад, можно заметить, что на протяжении всей истории биметаллизм никогда не действовал достаточно долго. Он всегда приводил к путанице и, в конце концов, к прекращению использования одного из металлов *в качестве денег*. Это вызвано тем, что существует едва различимое смещение относительных стоимостей между золотом и серебром (или любыми другими металлами, используемыми для этой цели) в зависимости от постоянно изменяющегося спроса и предложения. Мы можем установить соотношение их стоимостей, и оно сегодня будет достаточно приемлемым, но в какой-то момент это соотношение больше не будет отражать реальное положение вещей. Металл, стоимость которого растёт по сравнению со стоимостью другого, будут копить, тайно хранить или, возможно, даже расплавлять, потому что *в качестве металла* он будет стоить больше, чем *в качестве денег*.

Это как раз то, что происходило в начале существования нашей республики. После тщательного анализа свободного рынка было установлено, что стоимость золота *в то время* была примерно в 15 раз выше стоимости серебра. Закон о чеканке монет 1792 года, соответственно, установил относительную стоимость золота к серебру как 15 к 1. Он предоставил федеральному пра-

¹ *The Debates and Proceedings in the Congress of the United States* (J. Gales, compil, 1834), Appendix, pp. 2059, 2071-2073. Цитируется по: Vieira, pp. 95, 97.

вительству право чеканить золотые монеты, называемые *Eagles* («орёл»), и указал, что их стоимость составляет 10 долларов. Иными словами, золотые монеты были бы равны по стоимости десяти серебряным монетам. Десять серебряных монет, каждая из которых содержит 371,25 гран чистого серебра, содержали бы всего 3712,5 гран. Следовательно, содержание «орла» составляло одну пятнадцатую от этой величины, или 247,5 гран чистого золота.

Вопреки распространённому ошибочному мнению, Конгресс *не* создавал «золотой доллар». (Он сделал это спустя 57 лет в Законе о чеканке монет 1849 года.) Фактически он подтвердил, что «расчётная денежная единица США должна быть выражена в долларах или единицах», и снова *определил* эти единицы как монеты, содержащие 371,25 гран чистого серебра. Что Конгресс *действительно* сделал, так это разрешил чеканить золотые монеты и произвольно устанавливать стоимость золота в этих монетах в 15 раз выше стоимости доллара. Он также установил, что все серебряные и золотые монеты, произведённые федеральным монетным двором, должны быть законным платёжным средством, согласно их стоимости, основанной на весе и чистоте, относительно стандарта серебряного доллара.

Да, ещё одно. Он установил смертную казнь для того, кто занимается подделкой государственных металлических денег; если этот закон приводить в исполнение сегодня, то он уничтожит Палату представителей, Сенат, административный уровень Министерства финансов, а также и президентство.

СВОБОДНАЯ ЧЕКАНКА МОНЕТ

Однако, наверное, самым важным положением этого закона было введение того, что называется *свободной чеканкой металлических денег*. При свободной чеканке монет любой гражданин мог принести термически необработанное серебро или золото на монетный двор и по символической номинальной стоимости превратить их в монеты для личного использования. Правительство просто выполняет техническую функцию создания монет и печатает их со своей маркировкой, чтобы удостоверить надлежащий вес и чистоту. Роль государства в этом точно такая же, как при инспектировании весов в бакалейно-гастрономическом магазине или счётчика на бензонасосе. Оно просто выполняет требования Конституции по установлению стандартов и подтверждает точность мер и весов.

Свободная чеканка монет стала важной частью истории американского успеха, и она продолжалась до принятия Закона о золотом резерве 1934 года, который не только положил этому конец, но даже запретил гражданам *владеть* золотом. Позднее мы должны подробнее изучить этот мрачный период, но сейчас важно вспомнить о размахе нашей денежной системы, какой она была когда-то. Элджин Гроусклоус объясняет:

Принцип свободной чеканки монет доказал свою практическую ценность как сдерживающее средство для их фальсификации и обесценивания. Когда чеканка монет производится на частных началах, государству невыгодны манипуляции со стандартами, а у отдельных лиц нет возможности для такой практики. Обращение монет сходного вида и достоинства, но неопределённого стандарта, произвольные и непредсказуемые модификации стандарта самодержавием, фальсификация ради прибыли, которая постоянно манила деспотичных правителей, – вот зло, которое смущало и беспокоило общество и препятствовало естественному росту экономики с того момента, когда появились первые металлические деньги. Одним росчерком пера все это было уничтожено. В то же время введение свободной чеканки монет, придав стабильности и статуса одному из главных инструментов организованной экономики, сделало возможной более сильную и здоровую коммерческую жизнь и способствовало престижу и повышенной практической значимости правительства, принявшего её¹.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ДЕНЬГИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ

Это действительно было благоприятное начало для нового государства, и сразу был замечен рост процветания. 16 декабря 1789 года официальный орган печати Пенсильвании объявил: «С тех пор как федеральная Конституция ликвидировала для нас всю опасность бумажных денег как платёжного средства, наша коммерческая деятельность продвинулась вперёд на 50%»². Но это было только начало. Историк Дуглас Норт говорит, что «период с 1793 по 1808 год был годами беспримерного процветания»³. Луис Хакер описывает этот период как один из «беспрецедентных экономических подъёмов, фактически один из крупнейших в истории США. Американский экспорт увеличился с 19 миллионов долларов в 1791 году до 93 миллионов долларов в 1801 году»⁴. Более того, федеральный дефицит, который в 1792 году доходил до 28% расходов, в 1795 году упал до 21%. К 1802 году дефицит исчез, и его заменил профицит, который почти достиг общей суммы расходов правительства.

Джордж Вашингтон наблюдал это экономическое чудо с большим удовлетворением и в переписке со своим другом Лафайетом, французским политиче-

¹ Groseclose, *Money and Man*, p. 167.

² Цитируется по: Saussy, p. 36.

³ Douglass C. North, *The Economic Growth of the United States* (New York: W.W. Norton, 1966), p. 53.

⁴ Louis M. Hacker, *American Capitalism* (New York: Anvil, 1957), p. 39.

ским деятелем и бывшим генералом Континентальной армии, заметил следующее: «Наша страна, глубокоуважаемый сэр, быстро прогрессирует в своей политической значимости и социальном благополучии». В письме к Катерине Маколей Грэм он сказал: «США наслаждаются ощущением процветания и порядка при новом правительстве, которое едва ли могло надеяться на это». А в письме к американскому поэту и дипломату Дэвиду Хамфризу Вашингтон объяснял: «Наше общественное доверие основывается на достаточном основании, которое три года назад рассматривалось бы как помешательство, если бы кто-нибудь взялся предсказать такое»¹.

По конкретному вопросу бумажных денег, не обеспеченных золотом или серебром, Вашингтон писал:

Возможно, однажды мы станем великой страной, промышленной и процветающей. Но если в погоне за материальными ценностями мы, к несчастью, снова натолкнёмся на бумажные деньги без обеспечения или какие-либо подобные виды жульничества, мы, несомненно, нанесём смертельный удар нашему национальному доверию, находящемуся на стадии становления².

Это был план денежной реформы, составленный людьми, которые составляли проект нашей Конституции. Оглядываясь назад, мы видим, что единственным упущением, которое можно обнаружить, была попытка установить фиксированное соотношение между стоимостью золота и серебра. Следовало не определять стоимость *доллара* в золотой монете, а, скорее, монетный двор должен был фиксировать стоимость *золота* в зависимости от веса и чистоты. Тогда свободный рынок установил бы ему *меновую* стоимость в единицах товаров и услуг, и это автоматически определило бы его точную *денежную* стоимость в соотношении к серебряным долларам, которые требовались для покупки тех же товаров. Поэтому было неизбежно, что вскоре после того, как был создан десятидолларовый «орёл», стоимость золота по сравнению с серебром начала подниматься выше установленного соотношения 15 к 1, и «орлы» исчезли из обращения. Несколькими годами позже, с открытием больших золоторудных месторождений в Калифорнии и Австралии, этот процесс пошёл в противоположном направлении, и из обращения исчезли серебряные доллары. Но хотя этот биметаллизм привёл к расхождению между реальным коэффициентом пересчёта и тем, что предписало правительство, тем не менее он существовал на открытом рынке, и это неудобство никому не причинило большого вреда. На протяжении всего этого существовал только один стандарт: определённое содержание серебра в долларе. Кроме того,

¹ Эти письма были написаны в 1790 и 1791 годах, цитируется по: Atwood, pp. 5-6.

² Написано в 1789 году, цитируется по: Louis Basso, *A Treatise on Monetary Reform* (St. Louis, Missouri: Monetary Realist Society, 1982), p. 5.

и серебряные, и золотые монеты имели действительную стоимость и были вполне настоящими по своим характеристикам. Ни одна страна не могла сделать больше для процветания своих граждан, чем эта.

РЕЗЮМЕ

Конституция запрещает штатам и федеральному правительству выпускать бумажные деньги. Это было сознательным намерением отцов-основателей, которые ранее уже имели горький опыт общения с бумажными деньгами, в особенности во время Войны за независимость (1775-1783). В ответ на потребность иметь точно определённую национальную денежную единицу, Конгресс принял испанский доллар, который тогда был в обращении, и определил, что этот доллар должен содержать 371,25 гран чистого серебра. С основанием федерального монетного двора американские серебряные доллары выпускались в соответствии с этим стандартом; кроме того, выпускались золотые «орлы», стоимость которых тогда составляла 10 серебряных долларов. Что важнее всего, свободная чеканка монет была введена там, где американцы могли превращать своё необработанное серебро и золото в национальные монеты, причём правительство официально удостоверяло их действительную стоимость. Результатом этих мер был период металлических денег и интенсивного экономического процветания, период, который закончился только тогда, когда следующее поколение американцев забыло прочесть свою историю и вернулось к использованию бумажных денег и аккредитивов.

План денежной реформы, разработанный отцами-основателями, был результатом коллективного гения. Нигде в истории не найти, чтобы в одном законодательном органе было столько людей, которые понимали бы, что бумажные деньги неотделимы от жульничества и что природа инфляции представляет собой скрытое налогообложение. Никогда не было такого собрания учёных и государственных деятелей, назначенных определить верный курс для страны, которую они создали. Буквально они вручили нам *карту сокровищ*. Все, что нам оставалось делать, – это следовать этой карте по пути к экономической стабильности и национальному процветанию. Но, как мы увидим в следующих главах, эту карту сбросили, когда уроки истории постепенно исчезли вместе с теми, кто их пережил.

ГЛАВА 16

ПОРОЖДЕНИЕ ОСТРОВА ДЖЕКИЛЛ ПРИХОДИТ В АМЕРИКУ

История Банка Северной Америки, первого центрального банка, который был создан ещё до составления Конституции; история Первого банка США, второго центрального банка страны, созданного в 1791 году; массовая инфляция, вызванная обоими банками; причины сдачи их имущества в аренду.

Вызывает удивление тот факт, что первый центральный банк США был создан даже до составления Конституции. Он был учреждён Континентальным конгрессом весной 1781 года и открылся в следующем году. В то время имелись серьёзные ожидания, что провинция Канада вскоре присоединится к мятежным колониям, чтобы сформировать союз, простирающийся через весь североамериканский континент. В ожидании этого события новое финансовое учреждение было названо Банком Северной Америки.

Этот банк организовал Роберт Моррис, член Конгресса, лидер группы политиков и коммерсантов, которые стремились к тому, чтобы новая страна подражала меркантилизму Европы. Они хотели, чтобы высокие налоги поддерживали мощное централизованное правительство, чтобы высокие тарифы субсидировали национальную промышленность, хотели иметь многочисленную армию и флот и захватить колониальные форпосты, чтобы расширяться в направлении зарубежных стран и рынков. Моррис был состоятельным филаделфийским торговцем, получившим большую прибыль от военных контрактов во время революции. Он внимательно изучил тайную науку делать деньги и к 1781 году считался финансовым магнатом Конгресса.

Банк Северной Америки был создан в точном соответствии с Английским банком. В соответствии с практикой частичного резерва он мог выпускать бумажные долговые обязательства сверх реальных вкладов, но так как некоторое количество золота и серебра приходилось держать в хранилище, то существовали определённые пределы, до которых мог доходить этот процесс. Банкноты не были обязательными к использованию для людей в качестве законного платёжного средства при погашении долгов, государственных и част-

ных, но правительство согласилось принимать их *по номиналу* в оплату всех налогов и долгов, что позволяло использовать их для этой конкретной цели практически вместо золота. Кроме того, в отличие от современных центральных банков, Банк Северной Америки не имел права непосредственно сам выпускать национальные деньги.

ОН ФУНКЦИОНИРОВАЛ КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК

С другой стороны, Банк обладал исключительным правом в этой сфере, и это означало, что банкноты никаких других банков не имели права находиться в обращении и составлять им конкуренцию. Это и тот факт, что они принимались по номиналу в оплату всех федеральных налогов и налогов штата, плюс ещё один дополнительный факт, что федеральное правительство в то время не имело своих собственных действующих денег, сделало эти банкноты весьма привлекательными для использования в качестве платёжного средства. Предполагалось, что в результате эти банкноты будут приниматься как деньги, чем они в то время и были. Кроме того, Банк стал официальным хранилищем всех федеральных фондов и почти сразу предоставил займы правительству 1,2 миллиона долларов, причём большая часть суммы была сделана для этой цели из ничего. Таким образом, несмотря на ограничения, установленные для Банка, и несмотря на тот факт, что он был, по существу, частным учреждением, он был предназначен для того, чтобы исполнять, и он на самом деле исполнял функцию центрального банка.

Банк Северной Америки был мошенническим с самого начала. Устав требовал, чтобы частные инвесторы предоставили 400 000 долларов в качестве первоначальной подписки. Когда Моррис не смог собрать эти деньги, он использовал своё политическое влияние, чтобы возместить недостаток из фондов правительства. С помощью манёвра, который представлял собой просто-напросто узаконенную растрату, он забрал золото, которое США взяли займы у Франции, и поместил его в Банк. Затем, используя его как основу для частичного резерва, он просто создал деньги, необходимые для подписки, и дал их займы самому себе и своим компаньонам. Таковы возможности тайной науки¹.

Сложно примириться с тем фактом, что те же люди, которые принимали замечательные ограничения Конституции, касавшиеся денежной реформы, несколькими годами позже позволили существовать Банку Северной Америки. Однако нужно помнить, что, когда принимали этот устав, война все ещё продолжалась, а в такие времена даже мудрейшие из политиков часто обязаны следовать соображениям целесообразности. Необходимо также сделать

¹ См.: Murray N. Rothbard, *Conceived in Liberty: The Revolutionary War, 1775-1784* (New Rochelle, New York: Arlington House, 1979), Vol. IV, p. 392.

вывод, что хотя отцы-основатели проявляли мудрость в отношении природы бумажных денег, созданных печатным прессом правительства, у них ещё не было опыта понимания того же механизма, скрытого за неизвестностью банковского частичного резерва.

Так или иначе, Конгресс не обновил Банку разрешение на продолжение деятельности, и после окончания войны Банк уже не функционировал. Мюррей Ротбард сообщает подробности:

Несмотря на привилегии монополии, дарованные Банку Северной Америки, и формальную возможность выкупа звонкой монетой, отсутствие на рынке доверия к надутым воздухом банкнотам привело к снижению их стоимости за пределами Филадельфии, где находился Банк. Банк даже пытался поддержать стоимость банкнот, нанимая людей, чтобы они убеждали тех, кто хотел обменять банкноты на металлические деньги, отказаться от этой идеи. Этот шаг едва ли мог повысить доверие к Банку.

Спустя год после начала функционирования Банка Моррис утратил своё политическое влияние и начал быстро предпринимать шаги, направленные на то, чтобы Банк Северной Америки перестал быть центральным и стал просто коммерческим банком штата Пенсильвания. К концу 1783 года закончился первый эксперимент с центральным банком США¹.

Подобающий эпилог для этой истории был написан через 200 лет, в 1980 году, когда Первому банку штата Пенсильвания в Филадельфии, «старейшему банку страны», оказала помощь Федеральная корпорация страхования банковских вкладов США.

УЛОВКА, ПОЗВОЛЯЮЩАЯ ОБОЙТИ КОНСТИТУЦИЮ

Вспомним, что после того, как Банк Северной Америки прекратил свою деятельность и Конституционный конвент «закрыл дверь для бумажных денег», США переживали период неслыханного экономического роста и процветания. Но, хотя дверь и была закрыта, окно все ещё оставалось открытым. Конгресс лишился права *печатать* деньги, но он не лишился права *брать* деньги *взаимы*.

В лексиконе обычного человека «брать взаимы» означает взять на время нечто, уже существующее. Поэтому он бывает сбит с толку, когда банкир вы-

¹ Rothbard, *Mystery*, pp. 194-195.

пускает деньги из ничего и потом говорит, что он *ссужает* их. Кажется, что он даёт их *взаймы*, но на самом деле он *создаёт* их.

Тогда, как и теперь, тайны банковской лексики не открывались среднему человеку, и было сложно понять, как выпущенные частным образом банкноты могли служить той же цели, что и деньги, напечатанные на печатном прессе, с тем же злополучным результатом. В тот раз финансисты и политики приняли решение покончить с действием Конституции. Их план заключался в том, чтобы основать банк, предоставить ему право создавать деньги, *давать займы* правительству большую часть этих денег, а затем обеспечить, чтобы эти долговые расписки принимались народом как деньги. Поэтому Конгрессу не пришлось бы выпускать аккредитивы. Это стал бы делать банк.

Таким образом был создан Первый банк США. Это предложение представил Конгрессу в 1790 году Александр Гамильтон, который в то время был министром финансов США. Кстати, Гамильтон был бывшим помощником Роберта Морриса, основателя Банка Северной Америки, так что в этом смысле его роль в данном деле удивления не вызывает. Удивляет тот факт, что во время Конституционного конвента Гамильтон был ярым сторонником законных платёжных средств. Это сложно согласовать, и следует подозревать, что даже самые благонамеренные люди могут быть испорчены соблазнами богатства и власти. Возможно, что Гамильтон, Моррис и прочие лидеры федералистов надеялись не позволить правительству производить деньги не по причине незаконности, а по той причине, что в результате поле деятельности осталось бы свободным для действий механизма центрального банка, который, находясь вдали от общественного надзора и политического контроля, мог стать их собственным частным средством получения прибыли. По-видимому, единственным другим объяснением могло быть то, что эти люди были непостоянны в своих взглядах и в самом деле не понимали последствий своих действий. Однако, учитывая, сколь блестяще они проявляли себя в других делах, трудно согласиться с такой трактовкой.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ГАМИЛЬТОНОМ И ДЖЕФФЕРСОНОМ

Предложение Гамильтона встретило серьёзные возражения Томаса Джефферсона, который тогда был министром иностранных дел США, и это стало началом горячей политической дискуссии, которая затем захватила Конгресс на многие месяцы. Фактически это был один из главных вопросов, которые привели к созданию наших первых политических партий. Идеи Гамильтона собрали вокруг себя федералистов. Идеи Джефферсона

привлекли к себе антифедералистов, которые впоследствии стали называться республиканцами¹.

Джефферсон указал на то, что Конституция не давала Конгрессу права создавать банк или что-либо подобное. Это значит, что такое право принадлежит государству или народу. В опровержение предложения Гамильтона он сказал: «Выйти за пределы этих точно очерченных полномочий Конгресса – значит, завладеть безграничной властью, не поддающейся более каким бы то ни было определениям»². Кроме того, он сказал, что даже если Конституция и *предоставила* бы такое право, это было бы чрезвычайно глупо, так как если позволить банкам создавать деньги, это может привести только к национальной гибели.

Гамильтон, с другой стороны, утверждал, что долг – это полезная вещь, если с ним обращаться в пределах разумного, и что страна нуждается в том, чтобы в обращении было больше денег для поддержания расширяющейся торговли. Он сказал, что только Банк смог бы обеспечить это. Кроме того, хотя Конституция и в самом деле *прямо* не предоставляла права создавать такой банк, это право, тем не менее, было *предполагаемым*, потому что оно было необходимо для осуществления *других* функций, предоставленных Конституцией.

В *этом* и состояла уловка.

Ничто не могло в большей степени поляризовать общество, чем противодействующие идеи этих двух людей:

ДЖЕФФЕРСОН: «Частный центральный банк, выпускающий законное платёжное средство, представляет собой большую угрозу для свобод людей, чем постоянная армия»³. «Мы не должны позволить нашим правителям повесить на нас постоянный долг»⁴.

ГАМИЛЬТОН: «Ни одно общество не могло бы преуспеть без объединения интересов и репутации состоятельных лиц с интересами и репутацией государства»⁵. «Национальный долг, если он не будет чрезмерным, станет нашим национальным благословением»⁶.

¹ Интересно то, что нынешняя Демократическая партия ведёт своё происхождение от республиканцев Джефферсона.

² «Opinion of Thomas Jefferson, Secretary of State», February 15, 1791, цитируется по: Krooss, pp. 147-148.

³ Сравнение частных банков и постоянных армий можно найти во многих письмах и публичных заявлениях Джефферсона. Например, см.: *The Writings of Thomas Jefferson* (New York: G.P. Putnam & Sons, 1899), Vol. X, p. 31.

⁴ *The Basic Writings of Thomas Jefferson* (Wiley Book Company, 1944), p. 749.

⁵ Цитируется по: Arthur M. Schlesinger, Jr., *The Age of Jackson* (New York: Mentor Books, 1945), pp. 6-7.

⁶ Написано 30 апреля 1781 года своему наставнику, Роберту Моррису. Цитируется по: John H. Makin, *The Global Debt Crisis: America's Growing Involvement* (New York: Basic Books, 1984), p. 246.

СОЗДАН ВТОРОЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК АМЕРИКИ

Через год интенсивных дебатов взгляды Гамильтона взяли верх, и в 1791 году Конгресс предоставил Банку США двадцатилетнее право ведения банковских операций. Он был создан по образцу Английского банка, и это означало, что он был почти точной копией предыдущего Банка Северной Америки. Фактически свидетельством неразрывности с прошлым было то, что президентом нового банка стал Томас Уиллинг, партнёр Роберта Морриса и президент старого банка¹.

Как и раньше, новый Банк получил монополию на выпуск банкнот. И вновь эти банкноты не получили статуса обязательного законного платёжного средства для оплаты *частных* долгов и контрактов, но они *были* законным платёжным средством для оплаты по номинальной стоимости всех долгов *правительству* в форме налогов и пошлин, что делало их привлекательными для использования в качестве обычных денег. И вновь Банк сделали официальным хранилищем всех федеральных фондов.

В банковском чартере указывалось, что Банк должен быть в состоянии в любое время выкупить свои банкноты по требованию вкладчика, вернув их стоимость золотом или серебром. Это было замечательное положение, но, поскольку от Банка не требовалось хранить монеты в своих хранилищах в полном объёме обязательств по банкнотам, это было физически невозможно выполнить.

Как и в случае с Банком Северной Америки, 80% капитала нового Банка США должны были предоставить частные инвесторы, а федеральное правительство – только 20%. Однако это было всего лишь бухгалтерское жонглёрство, потому что с Банком было заранее согласовано, что он сразу же даст займы правительству точно такую же сумму. Это федеральное «инвестирование», напоминающее схему Морриса по капитализации Банка Северной Америки, по сути, было средством, с помощью которого федеральные фонды могли использоваться для сбора недостающей части частных капиталовложений. Джефферсон сказал: «Называйте это как хотите, но это был не займ и не инвестирование, а неприкрытый подарок». И он был, безусловно, прав. Банк смог начать свои операции с менее чем 9% частного капитала, который требовался по условиям банковского чартера. Общая капитализация составляла 10 миллионов долларов, и это означало, что 8 миллионов долларов должны были быть взяты у частных акционеров. Тем не менее, как с иронией заметил Джон Кеннет Гэлбрейт: «Многочисленные расчётливые участники ограничи-

¹ Интересно отметить, что, как член Континентального конгресса, Уиллинг принадлежал к тем, кто голосовал против Декларации независимости.

лись скромными наличными выплатами, а банк начал свои операции примерно с 675 000 долларов в золотых и серебряных монетах»¹.

ПОРОЖДЕНИЕ ПРИХОДИТ ИЗ ЕВРОПЫ

Кто были эти частные инвесторы? Их имена не публиковались, но мы можем быть уверены, что туда входили конгрессмены и сенаторы, а также их партнёры – те, кто затевал этот чартер. Но в тексте Гэлбрейта есть интересная строка, которая наводит на мысль о другом аспекте состава этой группы. На странице 72 произведения «Деньги: откуда они приходят и куда уходят» он сухо констатирует: «Иностранцы могли владеть долями, но не голосовать ими».

Что скрывается за этим безобидным утверждением? Грубая реальность заключается в том, что доминирующей силой, участвовавшей в создании Банка США как в финансовом, так и в политическом смысле, в Европе являлась династия банкиров Ротшильдов. Биограф Дерек Уилсон объясняет:

За годы, прошедшие с тех пор, как Н.М. Ротшильд, манчестерский текстильный фабрикант, купил хлопок у южных штатов, Ротшильды вложили в американскую экономику немалые средства. Натан предоставлял займы разным штатам, некоторое время он был официальным европейским банкиром правительства США и предоставлял Банку США деньги под залог².

Густавус Майерс в своей «Истории крупных американских состояний» более саркастичен. Он говорит:

Ротшильды долго обладали значительным влиянием, диктуя американские финансовые законы. Юридические документы утверждают, что они были властью в старом Банке США³.

Следовательно, Ротшильды были не только инвесторами и не просто важной властью. Они были властью, стоящей за Банком США! Значение власти Ротшильдов в американских финансах и политике было основательно прокомментировано в предыдущем разделе, так что нет необходимости вновь затрагивать эту тему. Тем не менее важно, по крайней мере, мысленно отметить тот факт, что Порождение с острова Джекилл происходит из той породы, которая *не* является аборигенной для этой страны.

¹ Galbraith, p. 72.

² Derek Wilson, p. 178.

³ Gustavus Myers, *History of the Great American Fortunes* (New York: Random House, 1936), p. 556.

ИНФЛЯЦИЯ ВНОВЬ ПОВСЮДУ

С самого начала основной целью Банка было создание денег для федерального правительства. Деньги для частного сектора были определённно второстепенными. Это ясно из того факта, что максимальная процентная ставка, которую ему было разрешено назначать, составляла шесть процентов. Это делало нецелесообразным предоставление займов кому-либо помимо федерального правительства и нескольких крупных привилегированных заёмщиков. И правительство не тратило время на запуск своего нового механизма центрального банка в действие. «Вложив» 2 миллиона долларов в запуск, оно превратило их в 8,2 миллиона долларов, взятых взаймы в течение следующих пяти лет. Это значит, что 6,2 миллиона долларов были созданы специально для этой цели.

Любой, знакомый с историей денег, изложенной в предыдущем разделе, легко может написать следующий параграф.

Создание миллионов новых частично-резервных долларов, которые правительство запустило в экономику через программы капиталовложений, вызвали дисбаланс между денежной массой и общим количеством товаров и услуг. Цены взлетели, так как относительная стоимость доллара упала. В этот же пятилетний период оптовые цены выросли на 72%, говоря иными словами, 42% всего того, что люди сохранили в виде денег, было тайно конфисковано правительством посредством скрытого налога, называемого инфляцией.

Та же самая инфляция, которая ранее свирепствовала в колониях, теперь вернулась, чтобы изводить новое поколение. На этот раз она была вызвана не деньгами, которые были напечатаны печатным прессом, а деньгами, созданными механизмом частичного резерва. Обманом, который связал эти два механизма и привёл к тому, что они действовали как единый механизм, был федеральный долг. Именно федеральный долг позволил политикам и финансистам пожать намерение отцов-основателей, и именно этот федеральный долг побудил Джефферсона сказать:

Я хотел бы, чтобы было возможно добиться одной поправки к нашей Конституции. Я хотел бы полагаться только на неё для сокращения власти нашего правительства до общего принципа Конституции; я имею в виду дополнительную статью, отменяющую право федерального правительства брать деньги взаймы¹.

¹ Письмо Джону Тейлору, 26 ноября 1789. Цитируется по: Martin A. Larson, *The Continuing Tax Rebellion* (Old Greenwich, Connecticut: Devin-Adair, 1979), p. XII.

Подобно многим вещам реального мира, Банк США представлял собой смесь зла с некоторой частью добра. Безусловно, он не был злом в чистом виде. В колониальные времена правительства штатов печатали столько бумажных денег, сколько хотели, и во многих случаях результатом была всеобщая утрата покупательной способности. С другой стороны, от Банка требовалось хранить *некоторое количество* золота и металлических денег в качестве основания для его денежной пирамиды. Хотя это была *перевёрнутая* пирамида с резервом меньше количества банкнот, она все же представляла собой предел того, насколько далеко можно расширять денежную массу. И это было полезно.

Кроме того, совершенно очевидно, что директора банка были исполнены некоторой предусмотрительной заботы о личной выгоде, которая заключалась в том, что они действительно *хотели* держать создание новых денег под определённым контролем. Они могли получать прибыль от механизма центрального банка только до тех пор, пока экономика в целом была достаточно продуктивной, чтобы его поддерживать. Они не хотели убивать гуся, который несёт золотые яйца. Таким образом, как и их коллеги из Федеральной резервной системы наших дней, они были сдержанны и действовали аккуратно.

«ДИКИЕ» БАНКИ

Например, именно в тот период начали преуспевать «дикие» банки. Они так назывались не из-за того, что были недобросовестными рискованными предприятиями (хотя для этого были причины), а из-за того, что находились в таких удалённых местностях, что говорили, будто их посетителями были только дикие кошки.

«Дикие» банки не отличались педантичным ведением бухгалтерских книг или деловых операций. Подобно всем банкам того времени, они должны были держать в хранилище определённую часть своих вкладов в виде золотых или серебряных монет. Чтобы убедить людей в своей добросовестности в отношении своих обязательств, в часы работы они обычно держали дверь хранилища открытой, чтобы посетители могли видеть там бочонок или два с золотыми монетами. И это не слишком отличается от сегодняшней практики финансовых учреждений, рекламирующих, сколько у них имеется миллиардов в активах, но никогда не упоминающих о размере своих обязательств. Владельцы «диких» банков прикрывали шляпки гвоздей монетами из драгоценных металлов и таким образом рекламировали себя. В некоторых случаях, когда производилась проверка банковских резервов лицами из администрации штатов, которые ходили от банка к банку, золото появлялось в нужных местах всего за несколько минут до их прихода; его доставляли из хранилища ранее проверенного банка.

Суть в том, что Банк США мог наложить существенное ограничение на деятельность всех банков, «диких» и городских. Он делал это, просто отказавшись принимать банкноты любого другого банка, если у того не было репутации банка, который в состоянии в любой момент по требованию обменять эти банкноты на золото. Общественность реагировала соответственно. Если банкноты были недостаточно хороши для Банка США, то они были недостаточно хороши и для публики. Это косвенно сдерживало все банки того времени. И это тоже было хорошо.

Некоторые историки полагают, что Банк играл позитивную роль еще и в другом смысле. Например, Гэлбрейт восхищённо пишет:

Иногда Банк США приходил на помощь достойным банкам штатов, когда их осаждали векселедержатели или другие кредиторы. Так, помимо установления ограничений, он также служил последним кредитором в критической ситуации. Таким образом, в тот короткий период своей деятельности он воспринял и развил основные регуляторные функции центрального банка¹.

Тот, кто менее очарован идеей центрального банка, может спросить: «Если эти банки были такими уж “достойными”, почему тогда они нуждались в помощи для поддержания доверия своих вкладчиков?». Вся идея «последнего кредитора в критической ситуации», которая сегодня принимается как священная догма, основана на предположении, что для всей банковской системы вполне допустимо быть жульнической. Предполагалось, что любой одиночный банк или группа банков могли в любой момент быть «осаждёнными векселедержателями или другими кредиторами». Поэтому благоразумно иметь центральный банк, чтобы брать скудные резервы, имеющиеся в распоряжении системы, и быстро доставлять их от банка к банку, когда считанные минуты остаются до прихода если не контролёров, то по крайней мере клиентов.

Что касается ограничений, налагавшихся на другие банки, имеет смысл полагать, что и в отсутствие государственного банка происходило бы то же самое. Если бы свободный рынок продолжал функционировать, очевидно, что в скором времени один или более банков заслужили бы репутацию честного банка и признание своих вкладчиков. Они стали бы самыми популярными банками и, следовательно, самыми процветающими. Однако, чтобы достичь этого, им пришлось бы отказаться от использования ничего не стоящих банкнот других банков. Публика реагировала бы так, как от неё и ожидалось, и даже самым неразборчивым в средствах банкам пришлось бы строго придерживаться правил, если они хотели выжить. Сдерживание действовало бы на всю банковскую систему в результате «конкуренции в открытую» на свободном рынке. Предположить, что только центральный

¹ Galbraith, p. 73.

банк, получивший грамоту от федеральных властей, мог внести сдерживание в денежную систему, значит, полагать, будто только политики, чиновники и правительственные органы могут действовать честно, а это в лучшем случае сомнительная точка зрения.

ИНСТРУМЕНТ ПЛУТОКРАТИИ

Так или иначе, нельзя отрицать тот факт, что Банк США действительно обеспечил некоторое торможение неконтролируемых тенденций, имевших место во многих частных банках страны. Могло быть и хуже. Деятельность других банков могла вызвать ещё большую инфляцию, чем та, к которой привела его собственная деятельность. Однако тот факт, что могло быть хуже, не делает ситуацию лучше. И без того Банк был средством, с помощью которого американский народ потерял в течение тех пяти лет 42% стоимости всех денег, которые он заработал или которыми он владел. Мы также не должны забывать, что эта конфискация собственности была *избирательной*. Она не работала против *состоятельных* классов, которые могли пережить волну инфляции на борту плота из материального имущества, которым они владели. И уж точно она не работала против тех немногих из элиты, политологов и специалистов по денежно-кредитной политике, которые получили из этого предприятия огромные прибыли. Банк сделал в точности то, что советовал Гамильтон: «...объединить интересы и репутацию богатых с интересами и репутацией государства».

Развитие этой плутократии было основательно рассмотрено Гвернером Моррисом, бывшим депутатом от штата Нью-Йорк, который помогал составлять проект Конституции в его окончательном виде. Он был помощником Роберта Морриса (не родственником) и был сторонником идеи естественной аристократии. Таким образом, он хорошо знал, о чём говорит, когда предупреждал:

Богатые будут стремиться установить своё господство и подчинить всех остальных. Они всегда это делали. Они всегда будут это делать. Здесь у них получится то же, что и везде, если мы, управляя ими, не удержим их в должных рамках. Нам следует помнить, что люди никогда не действуют, исходя из одного лишь здравого смысла. Богатые воспользуются преимуществом своих страстей и сделают их средствами угнетения. Результатом этого противоборства будет сильная аристократия или ещё более сильный деспотизм¹.

¹ Написано 2 июля 1787 г. в письме к Джеймсу Мэдисону. Цитируется по: «Prosperity Economics», W. Cleon Skousen, *Freeman Digest*, February, 1985, p. 9.

Волна политического давления на Банк в те годы постоянно возрастала. Для критиков механизма центрального банка заманчиво было бы приписать это пробуждению у американского народа здравого смысла. К сожалению, картина не настолько приятна. Это правда, что джефферсоновцы-республиканцы красноречиво разглагольствовали о создателе Порождения, и эти рассуждения оказывали значительное воздействие. Но была и другая группа, которая присоединилась к ним и у которой были почти абсолютно противоположные идеи и цели. Джефферсоновцы выступали против Банка, потому что они полагали его неконституционным и потому что хотели, чтобы денежная система была основана только на золотых и серебряных монетах. Другая группа состояла из владельцев «диких» банков, спекулянтов земельными участками и промышленников. Они выступали против Банка, потому что хотели денежную систему вообще без ограничений, даже тех, которые были связаны с частичным резервом. Они хотели, чтобы каждый местный банк был волен создавать столько денег, сколько проглотила бы публика, потому что тогда они использовали бы эти деньги для своих собственных проектов и своей собственной выгоды. Поистине, политика *и в самом деле* создаёт странные союзы.

Когда пришло время возобновления банковского чартера, линии фронта двинулись навстречу друг другу. Они обладали равными силами. В Конгрессе шла резкая полемика. Голосование зашло в тупик. Снова атака и контратака. Снова тупик. Ночью силы столкнулись.

Когда дым сражения рассеялся, законопроект о возобновлении чартера был отклонён *одним* голосом от Палаты представителей и *одним* голосом, поданным вице-президентом Джорджем Клинтоном в Сенате. Таким образом, 24 января 1811 года Банк США прекратил свою деятельность.

Сражение, возможно, и закончилось, но война была далека от завершения. Проигравшие, ощущая горечь поражения, просто перегруппировали свои силы и начали готовиться к следующему столкновению. К сожалению, последовавшие события идеально вписывались в их планы.

Теперь, когда был устранён эффект сдерживания со стороны Банка, банковская система страны полностью перешла в руки разрешённых администрацией штата корпораций, многие из которых придерживались образа мышления «диких» банков. Их количество быстро росло, и денежная масса тоже росла. За этим последовала инфляция. Начало возрастать недовольство общества.

Если бы свободному рынку было позволено функционировать, вероятно, конкуренция вскоре искоренила бы «дикие» банки и восстановила равновесие в системе, но такой возможности у него не было. Об этом позаботилась война 1812 года.

ВОЙНА 1812 ГОДА

Война 1812 года была одной из самых бессмысленных в истории. Нам говорят, что основной её причиной была мобилизация американских моряков в военно-морской флот Британии для службы за пределами территориальных вод, для оказания помощи в войне против наполеоновской Франции. Но французы проделали в точности то же самое, имея в виду войну против Англии, и все же их действия были проигнорированы. Более того, британцы уже аннулировали свою стратегию в отношении американских моряков до начала войны, и это означало, что *причина* войны была устранена, и мир мог быть восстановлен, если бы Конгресс пожелал этого. Следует сделать вывод, что заинтересованные лица в США, выступающие за банки, на самом деле желали конфликта из-за прибылей, которые они могли получить от него. Об этом свидетельствует тот факт, что штаты Новой Англии, откуда были родом моряки, мобилизованные на службу, были решительно против войны, а западные и внутренние южные штаты, не имеющие выхода к морю, где существовали мириады «диких» банков, громко выступали за военный конфликт.

Так или иначе, война не была популярной среди обычных граждан, и для Конгресса не могло быть и речи о том, чтобы получить финансирование для вооружённых сил посредством повышения налогов. Значит, правительство *нуждалось* в банках, относящихся к отдельным штатам, чтобы создавать деньги *вне* налоговой системы, и пришлось им на помощь, чтобы защитить их от порядка свободного рынка. Это был классический случай нечестивого союза, заговора, который всегда складывается между политиками и финансистами. Профессор Ротбард сообщает подробности:

Правительство США содействовало огромному росту числа банков, а также объёму банкнот и вкладов, чтобы приобрести растущий военный долг. Эти новые и безрассудно инфляционные банки в среднеатлантических, южных и западных штатах печатали огромные количества новых банкнот, чтобы купить государственные облигации. Федеральное правительство затем использовало эти банкноты, чтобы купить в Новой Англии оружие и промышленные товары.

К августу 1814 года стало ясно, что банки всей страны (кроме штатов Новой Англии) не могли выплатить стоимость вкладов золотыми или серебряными монетами, что они банкроты. Вместо того чтобы позволить банкам страны обанкротиться, правительства (штатов и федеральное) приняли решение в августе 1814 года позволить банкам продолжать оставаться в этом бизнесе, хотя банки отказались погашать свои облигации звонкой монетой. Иными словами, банкам было позво-

лено отказаться от выплат в золотых или серебряных монетах по их официальным облигациям.

Это всеобщее банкротство было не только чрезвычайно инфляционным в тот момент; оно стало прецедентом для всех финансовых кризисов, которые впоследствии имели место. Имелся ли у США центральный банк или нет, у банков была гарантия, что, если они все вместе вызовут инфляцию, а потом попадут в неприятности, правительство окажет им помощь¹.

Банки отдельных штатов создали достаточно денег быстрого приготовления для федерального правительства, чтобы поднять долг с 45 до 127 миллионов долларов. Это потрясающая сумма для недавно образовавшейся страны. Утроение денежной массы без существенного роста товаров означало сокращение стоимости доллара примерно до трети его покупательной способности. К 1814 году, когда вкладчики начали понимать, что это жульничество, и потребовали своё золото вместо бумаги, банки закрыли свои двери и были вынуждены нанять дополнительную охрану, чтобы защитить руководство и служащих от разъярённой толпы. Вновь политики и финансисты сумели отнять у американского народа примерно 66% всех денег, которые хранились у людей в то время, и это было сверх 42%, отобранных за несколько лет до того Банком США.

ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ ОБМАНА И МЕЧТАНИЙ БАНКИРОВ

Все это время Томас Джефферсон, уже бывший президент США, использовал возмущение, вызванное бумажными деньгами. Пытаясь вернуть страну в сознание, он никогда не переставал выступать против зла, которое несут мошеннические деньги и долг:

Хотя страны Европы уже опробовали все возможные варианты силы и безумства в бесплодных поисках одного и того же предмета, мы по-прежнему надеемся, что среди хитросплетений обмана и мечтаний банкиров найдётся способ делать деньги из ничего, и он позволит нам удовлетворить нужды серьёзной войны².

Терпимость банков к дисконтированным ценным бумагам обходится США в половину их военных налогов; или, иными словами, удваивает расходы каждой войны³.

¹ Rothbard, *Mystery*, pp. 198-199.

² *Writings*, Library Edition, Vol. XIV, p. 227.

³ *Writings*, Library Edition, Vol. XIII, p. 364.

Следствием этих злоупотреблений стал банковский кризис. Банки подписали собственный смертный приговор. Две-три сотни миллионов долларов их долговых обязательств находятся на руках у населения, рассчитывавшего на надёжный доход, а банки официально заявляют, что не будут платить по ним. Когда люди приобретали ценные бумаги, они полагали, что эти бумаги – это наличные деньги [золото]; подобные вещи должны были происходить, чтобы раскрыть глаза доверчивости и безумию на опасности, связанные с бумажным платёжным средством, оставленным на усмотрение мошенников¹.

Мудрое правило гласит: никогда не бери займы доллара, не определив в тот же момент величины бремени по ежегодной оплате процентов и выплате основной суммы к указанному сроку²... Мы должны считать недопустимым вваливать наши долги на потомков, мы обязаны платить их сами³.

Земля принадлежит живым, не мёртвым. Мы можем считать каждое поколение отдельным народом, обладающим правом связывать обязательствами себя, но не потомков⁴.

Современная теория обеспечения долга оросила землю кровью и раздавила её обитателей под постоянно возрастающей ношей⁵.

И Конгресс по-прежнему не прислушался к этому.

РЕЗЮМЕ

Первый центральный банк Америки функционировал ещё до составления проекта Конституции. Он назывался Банком Северной Америки и получил право совершать финансовые операции от Континентального конгресса в 1781 году. Созданный по образцу Английского банка, он обладал полномочиями выпускать долговые обязательства на сумму, превышающую объем металлических денег, которые он держал в своём хранилище. Вначале эти векселя получили широкое распространение и служили национальной валютой. Хотя Банк, по сути, представлял собой частное учреждение, он был образован с целью создания денег, чтобы федеральное правительство могло брать их займы, что оно и делало с самого начала.

Деятельность Банка Северной Америки изобиловала мошенничеством, и он быстро впал в политическую немилость. Его инфляционные банкноты,

¹ Письмо к доктору Томасу Куперу, 10 сентября 1814, *Writings*, Library Edition, Vol. XIV, pp. 187-189.

² *Writings*, Library Edition, Vol. XIII, p. 269.

³ Там же, с. 358.

⁴ Там же, с. 270.

⁵ Там же, с. 272.

в конце концов, были отвергнуты простыми гражданами и исчезли из обращения везде, кроме Филадельфии, где находился Банк. Срок действия его разрешения на совершение банковских операций истёк в 1783 году, и он стал чисто коммерческим банком штата Пенсильвания.

Сторонники бумажных денег не сдались. В 1791 году Конгресс основал Первый банк США (*второй* центральный банк Америки). Новый банк был копией старого во всем, включая мошенничество. Среди частных инвесторов Банка были самые обеспеченные и влиятельные граждане, в том числе некоторые конгрессмены и сенаторы. Но самые крупные инвестиции шли от Ротшильдов, и самое большое влияние на новый Банк оказывали Ротшильды из Европы.

Банк немедленно приступил к выполнению своей функции по созданию денег для правительства. Это привело к серьёзной инфляции денежной массы и повышению цен. В первые пять лет 42% всего, что люди сохраняли в виде денег, было конфисковано у них посредством скрытого налога, называемого инфляцией. Это было то же самое явление, которое измучило колонии менее чем за два десятилетия до того, но теперь инфляция была вызвана не деньгами, созданными печатным прессом, а банкнотами частичного резерва, созданными центральным банком.

Когда пришло время возобновить право, разрешающее банку проводить финансовые операции, две группы с противоположными стремлениями образовали странный политический союз, направленный против этого: джефферсоновцы, которые выступали за использование металлических денег, и пограничные банки, называвшиеся «дикими», которые стремились к неограниченной свободе воровства. 24 января 1811 года это право было аннулировано одним голосом в Сенате и одним – в Палате представителей. Центральный банк прекратил свою деятельность, но повсюду остались «дикие» банки.

Война 1812 года не была популярной среди американской публики, и невозможно было бы её финансировать за счёт одних только налогов. Правительство решило финансировать эту войну, заставив «дикие» банки приобрести долговые облигации военного займа и превратить их в банкноты, которые оно затем использовало для закупки боевой техники. За два года денежная масса страны утроилась, и цены тоже. Вновь политики и финансисты преуспели в своей попытке отнять у американского народа примерно 66% всех денег, которые люди хранили в тот период. И это было сверх тех 42%, которые несколькими годами ранее у народа отнял Банк США.

ГЛАВА 17

ЛОГОВО ГАДЮК

История Второго банка США – третьего центрального банка страны; выборы Эндрю Джексона от антибанковской платформы; сражение между президентом Джексоном и главой банка Николасом Бидлом; умышленная организация депрессии, чтобы запугиванием заставить публику держать деньги в банке; окончательная победа Джексона.

Денежный хаос, который существовал в конце войны 1812 года, кратко обрисованный в предыдущей главе, был вызван почти универсальным мошенничеством в банковской индустрии. Вкладчики с честными намерениями помещали своё золото и серебро в банки для хранения и для удобства использования бумажных денег в своих повседневных делах. Банки, в свою очередь, обещали им, что смогут обменять эти бумажные деньги на монеты в любой момент, когда те пожелают. Однако в то же время благодаря механизму частичного банковского резервирования объем созданных бумажных денег намного превышал объем имеющихся в резерве монет. Поскольку новые деньги подлежали обмену на монеты так же, как и старые, банкиры знали, что, если значительное количество клиентов захочет забрать свои монеты, они не смогут выполнить своё формальное обещание. Это, по сути, и происходило снова и снова в тот период.

К 1814 году Томас Джефферсон отошёл от дел и отправился в Монтичелло, смирившись с тем, что не может отменить выпуск денег. В письме к Джону Адамсу он сказал:

**Я всегда был врагом банков; не тех, которые сокращают задолженность за её погашение наличными деньгами [т.е. начисляют проценты по займам в виде реальных денег], но тех, которые выпускают в обращение свои собственные бумажные деньги, тем самым изгоняя наши наличные деньги. Я с таким пылом и страстью выступал против этих учреждений на открытии банка США, что племя банкиров, которые стремились украсть у людей их деньги, высмеивало меня, называя ма-
ньяком. Не следует ли нам построить алтарь для старых бумажных денег революции, которые разорили людей, но спасли республику, и сжечь все банковские чартеры, нынешние и будущие, а заодно и их банкно-**

ты? Потому что они предназначены разрушать республику и разорять людей. Этого нельзя допустить. Безумие слишком сильно. Безумие вызвало иллюзии и привело к коррупции, которая охватила всех членов нашего правительства, всех вместе и каждого по отдельности¹.

Джефферсон был прав. У Конгресса не было ни мудрости, ни мужества, чтобы позволить свободному рынку привести в порядок то, что осталось после кончины первого банка США. Если бы они у него были, общественность вскоре осознала бы, что это мошенничество, мошеннические банки прекратили бы свою деятельность, убытки сократились бы, и страдания закончились бы, возможно, навсегда. Вместо этого Конгресс стал *защищать* банки, *организовывать* мошенничество и *увечивать* убытки. Все это было проделано в 1816 году, когда *Второму* банку США было предоставлено право ведения финансовых операций.

ВТОРОЙ БАНК США

Новый банк был полной копией старого во всех отношениях, за одним незначительным исключением. Конгресс бессовестно получил от частных инвесторов взятку никак не меньше 1,5 миллиона долларов «в благодарность за исключительные привилегии и льготы, предоставляемые этим законом»². Банкиры были рады уплатить этот взнос, и не только потому, что это была умеренная плата за такое выгодное предприятие, но также и потому, что, как и раньше, они получали немедленный правительственный депозит в одну пятую часть от общей капитализации, которая тогда использовалась в качестве базы для создания большей части оставшегося стартового капитала. По чарту требовалось, чтобы Банк собрал как минимум 7 миллионов долларов металлическими деньгами, но даже на второй год работы его запас металлических денег никогда не поднимался выше 2,5 миллиона долларов³. Вновь финансисты и политики получили свои доходные рыночные ниши, а доверчивому налогоплательщику, голова которого наполнилась сладкими видениями «банковской реформы», оставалось платить по счетам.

Другой важной преемственностью между старым и новым банками было сосредоточение иностранных инвестиций. По сути, этой группой был представлен крупнейший единый блок капитала в новом банке, составлявший примерно одну треть от общего объема⁴. Безусловно, не будет преувеличением

¹ Lester J. Cappon, ed., *The Adams-Jefferson Letters* (New York: Simon and Schuster, 1971), Vol. II, p. 424.

² Act of 1816, Section 20, 3 Stat, at 191.

³ Rothbard, *Mystery*, p. 203.

⁴ Krooss, p. 25.

сказать, что Второй банк США своими корнями уходил в Британию настолько же глубоко, насколько в Америку.

Третий центральный банк страны с самого начала столкнулся с серьёзной проблемой. Он пообещал продолжать традицию сдерживания других банков, отказываясь принимать какие-либо их банкноты, пока эти банки не смогут возвращать стоимость своих банкнот золотом или серебром по первому требованию. Но когда другие банки в ответ потребовали, чтобы новый банк также осуществлял выплаты *им* в виде золота или серебра, центральный банк растерял свою решимость. Кроме того, существовал крохотный вопрос коррупции. Как пишет главный историк Банка: «Заёмщики понимали, что лучше не предъявлять к банкам отдельных штатов излишние требования о выплате обязательств золотом или серебром, поскольку за ними в качестве акционеров стоят влиятельные люди, и если раздражать их своими требованиями, то в следующий раз можно остаться без ссуды»¹.

В экономике каждый политический курс влечёт за собой какие-то последствия. И последствиями свободной кредитно-денежной политики Второго банка США стало то, что Америка приобрела свой первый опыт явления, которое теперь называется циклом «бум-спад». Гэлбрейт рассказывает следующее: «В 1816 году послевоенный бум достиг наивысшей точки; особенно активно помещение средств в высокорискованные ценные бумаги шло в западных районах страны. Новый Банк с радостью участвовал в этом»².

Федеральный банковский чартер был преимуществом Банка перед его конкурентами, кроме того, существовало правительственное соглашение о приёме его банкнот для оплаты налогов. Но банки отдельных штатов тоже были в игре. Они все ещё имели право создавать деньги посредством механизма частичного банковского резервирования и, таким образом, ещё более раздувать объем денежной массы страны, которая находилась в обращении. Пенсильвания, желающая участвовать в этих событиях, в 1817 году предоставила права ведения финансовых операций 37 новым банкам. В том же году штат Кентукки выдал банковский чартер 40 новым банкам. Только за два первых года после создания центрального банка общее число банков выросло на 46%. Каждый придорожный населённый пункт с «церковью, салуном или кузницей считался подходящим местом для открытия банка»³. В этот же период времени денежная масса увеличилась ещё на 27,4 миллиона долларов; значит, у налогоплательщиков отняли ещё 40%.

¹ Ralph C.H. Catterall, *The Second Bank of the United State* (Chicago: University of Chicago Press, 1902), p. 36.

² Galbraith, p. 77.

³ Norman Angell, *The Story of Money* (New York: Frederick A. Stokes Co., 1929), p. 279.

ПЕРВЫЙ ЦИКЛ «БУМ-СПАД»

В прошлом результатом такого процесса инфляции всегда было постепенное испарение покупательной способности и постоянный переход собственности *от* тех, кто её произвёл, к тем, кто контролировал правительство и управлял банками. Однако на этот раз процесс пошёл по новому витку. Градуализм (периодически нарушаемое равновесие) был заменён катастрофизмом. Финансисты, которые крепко держали в своих руках органы управления денежным механизмом, теперь начали нажимать на рычаги, сначала в одну сторону, потом в другую. Увеличение и затем *намеренное сокращение* денежной массы буквально ввергло страну в экономические конвульсии. Зачем ждать, когда яблоки упадут, если процесс можно ускорить, просто встряхнув дерево?

В 1818 году Банк внезапно ужесточил свои требования в отношении новых кредитов и потребовал возврата как можно большего числа старых займов. Это сокращение денежной массы объяснили публике в то время точно так же, как объясняют теперь. Было сказано, что возникла необходимость *притормозить инфляцию*. Тот факт, что эту инфляцию помог создать в первую очередь сам банк, по-видимому, остался незамеченным.

Нет никакого сомнения, что многие банкиры и политики действуют с честными намерениями, пытаясь взять под контроль инфляцию, которую они сами же и вызвали. Не каждый из тех, кто получает выгоду от механизма центрального банка, полностью понимает его. Они создают монстра, подобного Франкенштейну, не понимая, что не смогут его контролировать. Их злодеянием является одна лишь глупость, не злой умысел. Но глупость не свойственна среднестатистическому банкиру, в особенности банкиру *центрального банка*, и нам остаётся заключить, что многие из финансистов прекрасно понимают разрушительную власть монстра. В лучшем случае им просто безразлично до тех пор, пока *они сами* в полной безопасности. А в худшем случае они понимают, что занимаются сбором урожая. Они осознанно дразнят и подстрекают монстра в ожидании того, что он начнёт неистовствовать в деревенском фруктовом саду. В конечном счёте, разумеется, не столь важно, трясут ли деревья по наивности или по злому умыслу. Результат один и тот же – яблоки падают.

Первое сознательное сокращение денежной массы в стране началось в 1818 году, когда Банк озаботился проблемой своего выживания. Профессор Ротбард говорит:

Начиная с июля 1818 года правительство и Банк США стали понимать, в каком отчаянном положении они находятся. Чудовищная инфляция денег и кредита, усугублённая крупным мошенничеством,

поставила Банк перед опасностью разорения и незаконной неспособности осуществлять выплаты своих обязательств золотом и серебром. В следующем году Банк начал сильно сокращать выдачу кредитов, урезал объем займов, сократил кредиты на юге и западе страны. Сокращение денежной массы и кредитов быстро привело к тому, что в стране настал первый экономический и финансовый кризис, получивший широкое распространение. В США наступил первый общенациональный цикл «бум-спад».

Результатом этого сокращения стала вспышка дефолтов, банкротств в сфере бизнеса и производства, а также ликвидация ненадёжных инвестиций¹.

ЦИКЛ УХУДШАЕТСЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ПРАВИТЕЛЬСТВА

Широко распространено мнение о том, что паника, циклы «бум-спад» и кризисы вызваны безудержной конкуренцией между банками; отсюда возникает потребность в государственном регулировании. Истина представляет собой нечто совершенно противоположное. Эти симптомы дестабилизации свободного рынка являются результатом государственного предотвращения конкуренции посредством предоставления монополистической власти *центральному* банку. В отсутствие монополии отдельные банки могут мошенничать только в ограниченной степени и в течение краткого периода времени. Они неизбежно будут разоблачены своими более честными конкурентами и вытеснены из бизнеса. Конечно, их вкладчики пострадают от банкротства этих банков, но причинённый таким образом вред будет иметь ограниченный характер, пострадают относительно немногие, и это будет происходить только время от времени. Иногда могут сильно пострадать даже целые географические регионы, но это не станет *национальной* трагедией, когда все поставлены на колени. Экономика в целом выдержит эти потери, и коммерческая деятельность будет продолжать процветать. В обстановке процветания даже те, кто пострадал от мошенничества банкиров, получают хороший шанс для быстрого восстановления. Но когда центральному банку позволено защищать деятельность мошенников и вынуждать все банки действовать подобным образом, силы конкуренции больше не могут подавлять этот эффект. Подъём экономической активности становится всеобщим и гигантским. И конечно, сокращение деловой активности делает то же самое. За исключением банкиров

¹ Rothbard, *Mystery*, pp. 204-205. См. также: Galbraith, p. 77.

и политиков, все страдают одновременно; кризис везде, и восстановление затягивается надолго.

Это в точности то, что произошло во время так называемой паники 1819 года. Герман Кроосс пишет в своей «Документальной истории банковского дела и валюты»:

У Банка, как у самого крупного кредитора [по отношению к банкам отдельных штатов], было две альтернативы: он мог списать свои долги, что, конечно, уничтожило бы акционерный капитал и привело к банкротству, или он мог принудить банки штатов выполнить их обязательства, что означало бы повальное банкротство среди банков штатов. Нет сомнения, какой выбор был сделан. Давление, оказанное на банки штатов, резко дефлировало экономику, и, поскольку денежная масса уменьшилась, страна впала в глубокий кризис¹.

Историк Уильям Гаудж заметил: «Банк был спасён, а люди разорились»².

Конкуренция между национальным Банком и банками штатов в течение этого периода переместилась с открытого поля свободного рынка на закрытую арену политики. Конкуренцию свободного рынка заменил правительственный фаворитизм в форме чартеров, которые предоставляли право монополии. Федеральный чартер был явно лучше, чем чартер какого-либо штата, но штаты яростно сопротивлялись, используя имеющиеся у них инструменты, и одним из них было право налогообложения. Некоторые штаты начали облагать налогами банкноты, выпущенные любым банком, ведущим дела на их территории и не имевшим местного чартера. Цель этих действий заключалась в том, чтобы вытеснить федеральный банк из бизнеса.

ВЕРХОВНЫЙ СУД ПОДДЕРЖИВАЕТ БАНК

Когда Банк в 1819 году отказался платить такой налог штату Мэриленд, этот вопрос был передан в Верховный суд. Это было получившее известность дело «Маккаллох против штата Мэриленд». Председателем Верховного суда США в то время был Джон Маршалл, ведущий федералист и сторонник сильного централизованного федерального правительства. Как и ожидалось, суд Маршалла принял решение поддержать центральный банк федерального правительства.

В процессе обсуждения конституционности Банка решался вопрос не о том, имел ли Конгресс право прямо или косвенно выпускать аккредитивы

¹ Krooss, pp. 190-191.

² William M. Gouge, *A Short History of Paper Money and Banking in the United States* (New York: Augustus M. Kelly, 1968), p. 110.

или иным способом превращать долг в деньги. Если бы вопрос стоял именно таким образом, суд едва ли смог бы поддержать Банк, потому что это было не только в прямой форме запрещено Конституцией, но это всегда делал именно Банк, и все об этом знали. Вместо этого суд сконцентрировал своё внимание на узком вопросе о том, был или не был Банк «необходимым и достаточным» средством для того, чтобы Конгресс осуществлял какие-либо *иные* конституционные права, которыми он мог обладать. С *этой* точки зрения было единогласно решено, что Банк действительно соответствовал Конституции.

Были ли ценные бумаги Банка тем же самым, что и аккредитивы? Нет, потому что они подкреплялись репутацией банка, а не федерального правительства. Правда, Банк создавал деньги, и их большая часть использовалась правительством. Но это ничего не значит. Министерство финансов не печатало их, следовательно, это были не *правительственные* деньги.

Не был ли Банк правительственным учреждением? Нет, потому что простое предоставление Банку монопольного права в масштабах страны и осуществление этого права властью государства не *обязательно* делает это «актом государственной власти».

Кроме того, штаты не могут облагать налогом федеральное правительство или любое из его учреждений, включая Банк США, потому что, как сказал Маршалл: «Право облагать налогом – это право разрушать».

Это была ещё одна попытка обойти Конституцию, осуществлённая на этот раз теми самыми людьми, которые, как предполагалось, должны были быть самыми верными её защитниками.

Верховный суд высказался, но суд общественного мнения ещё не нашёл решения по этому делу. В течение 1820-х годов распространённое в обществе настроение сместилось обратно к принципам невмешательства и металлических денег, поддерживаемым республиканцами-джефферсоновцами. Но поскольку партия республиканцев к тому времени уже отказалась от этих принципов, сформировалась новая коалиция, во главе которой стояли Мартин Ван Бюрен и Эндрю Джексон, чтобы воскресить их. Этот союз называли Демократической партией, и в её намерения входило, в частности, уничтожение Банка США. После того как Джексон в 1828 году был выбран президентом, он не терял даром времени и сразу взялся за организацию поддержки этой цели в Конгрессе.

НИКОЛАС БИДЛ

К тому времени Банком руководил Николас Бидл, который был грозным оппонентом Джексона не только из-за полномочий, предоставляемых занимаемой должностью, но и благодаря сильному характеру и чувству личного предназначения. Он был образцом нового восточного истеблишмента: состо-

ятельный, высокомерный, безжалостный и блестящий. Он окончил Университет Пенсильвании в 13 лет и, начав заниматься бизнесом ещё в молодости, полностью усвоил тайную науку денег.

Имея возможность контролировать поток национального кредита, Бидл вскоре стал одним из самых влиятельных людей Америки. Это наглядно проявилось, когда в комитете Сената его спросили, пользовался ли его банк когда-либо своим вышестоящим положением над банками штатов. Он ответил: «Никогда. Очень немногие банки могли бы выжить, если бы Банк использовал свою власть. Но ни одному из них никогда не был причинён вред»¹. Как несколькими месяцами позже публично заметил Джексон, это было признанием того факта, что большинство банков штатов существовали только потому, что этого желал Банк США, и это, конечно, означало, что этого желал Бидл.

Шёл 1832 год. Согласно документу, разрешающему совершение банковских операций, Банк мог функционировать ещё четыре года. Но Бидл решил не ждать, пока Джексон соберётся с силами. Он знал, что президент собирается переизбираться, и понимал, что, будучи кандидатом, тот станет вести себя осмотрительно и может не обновить ему банковское разрешение. Критиковать Банк — это одно дело, но уничтожение Банка даст ему сразу множество голосов. Поэтому Бидл просил Конгресс разрешить ему *заранее* обновить разрешение, чтобы ослабить кампанию Джексона против Банка. Этот законопроект был поддержан республиканцами, во главе которых стоял сенатор Генри Клей, и принят 3 июля, как раз перед тем, как всерьёз началась избирательная кампания.

ДЖЕКСОН НЕ СЧИТАЕТСЯ С КОНГРЕССОМ

Со стороны Бидла это была блестящая стратегия, но она не работала. Джексон принял решение построить всю свою политическую карьеру на этом политическом курсе и на этом конкретном вопросе, он наложил вето на этот законопроект в самом, пожалуй, страстном послании, которое президент когда-либо обращал к Конгрессу. Роберт Ремини, биограф Джексона, говорит: «Послание президента с изложением причин наложения вето на законопроект поразило страну, подобно торнадо. Президент приводил не только конституционные доводы против возобновления привилегий банку, предположительно, *единственной* причины для наложения вето, но также политические, социальные, экономические и националистические причины»².

Джексон посвятил большую часть своего послания трём основным темам: (1) несправедливость предоставления Банку монопольного права,

¹ J.D. Richardson, *A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789-1908* (Washington: Bureau of National Literature and Art, 1908), Vol. II, p. 581.

² Robert V. Remini, *The Life of Andrew Jackson* (New York: Harper & Row, 1988), pp. 227-228.

поддерживаемого правительством; (2) неконституционность Банка; (3) опасность для страны, связанная с тем, что в Банке в большой степени преобладают иностранные инвесторы. Что касается несправедливости монопольного права, предоставляемого правительством, он обратил внимание на то, что акциями, выпущенными Банком, владели только обеспеченные граждане страны, и на то, что, поскольку продажа акций осуществлялась лишь среди ограниченного числа немногих избранных, обладавших политическим влиянием, обычный человек не только несправедливо исключён из возможности участвовать в этом, но он вынужден платить за предоставляемые ему банковские услуги гораздо больше их стоимости. Незаработанные доходы достаточно плохи уже тем, что их отнимают у одного класса граждан и передают другому классу, но ещё хуже, когда люди, получающие эти доходы, даже вообще не являются гражданами, они фактически *иностранцы*. Джексон сказал:

Среди тех, кто получает субсидию от нашего правительства, не только наши собственные граждане. Свыше восьми миллионов акций, выпущенных этим банком, принадлежат иностранцам. Этим законом Американская республика фактически предлагает подарить им несколько миллионов долларов. По-видимому, более чем четвертью акций владеют иностранцы, а остальное является собственностью нескольких сотен наших собственных граждан, главным образом, принадлежащих к самому состоятельному классу. В их интересах этот закон исключает весь американский народ из конкуренции за приобретение этого монопольного права и распоряжается им так, что получает за него на многие миллионы меньше, чем оно стоит¹.

По вопросу неконституционности Джексон сказал, что он не связан предыдущим решением Верховного суда, потому что президент и Конгресс имели столько же прав *сами* решать, является ли какой-либо отдельный закон конституционным. Кстати, в то время эта точка зрения была не новой. Только относительно недавно, в последние десятилетия, люди начали думать, что Верховный суд был *специально* уполномочен решить этот вопрос. Фактически, как верно указал Джексон в своём послании, отцы-основатели создали правительство, и при этом власть была разделена между исполнительной, законодательной и судебной ветвями, а целью этого разделения было не просто разделить хор, а *сбалансировать* ветви относительно друг друга. Задача заключалась не в том, чтобы сделать правительство эффективным, а в том, чтобы сознательно сделать его *неэффективным*. Каждый президент и каждый член законодательного органа обязан защищать Конституцию, поскольку он принёс присягу. Если ни один из них не имеет права решать по совести, что

¹ Krooss, pp. 22-23.

является конституционным, то принесение присяги не имеет никакого смысла для защиты Конституции.

БАНК, КОНТРОЛИРУЕМЫЙ ИНОСТРАННЫМИ ИНВЕСТОРАМИ

В том, что касается опасности, грозящей нашей национальной безопасности, Джексон обратился к факту, что основную долю акционеров Банка представляли иностранцы. Хотя иностранным инвесторам технически не было позволено голосовать своими акциями, их финансовые возможности были так велики, что американские инвесторы были ясно видны им и, вероятно, следовали их инструкциям. Джексон заключил:

Разве банк, по своей природе столь мало связанный с нашей страной, не несёт опасности для нашей свободы и независимости? Разве нет причины опасаться за чистоту наших выборов в мирное время и за независимость нашей страны во время войны, нашего политического курса, которому бы следовал банк; банк, которым почти полностью владеют субъекты какой-либо иностранной державы и который управляется теми, чьи интересы, если не сказать привязанности, были бы устремлены в том же самом направлении, в чем нет никаких сомнений. Управляя нашими деньгами, получая наши общественные фонды и казённые деньги, держа тысячи наших граждан в зависимости, он был бы более грозным и опасным, чем вражеская военно-морская мощь¹.

Самый страстный довод Джексон привёл в конце своей речи. Обращаясь не к Конгрессу, а непосредственно к избирателям, он сказал:

Достойно сожаления, что те, кто обладает богатством и влиянием, слишком часто подчиняют действия правительства своим эгоистичным целям. Различия в обществе будут существовать всегда, при любом самом справедливом правительстве. Общественные институты не могут обеспечить равенство способностей, образования или достатка. Каждый человек, пользующийся дарами небес и плодами современной индустрии и экономики, имеет право на защиту закона. Но когда законы добавляют к этим естественным и справедливым преимуществам искусственные различия для предоставления званий, денежных вознаграждений и привилегий, чтобы сделать богатых ещё богаче, а влиятельных ещё более влиятельными, простые члены общества – ферме-

¹ Krooss, pp. 26-27.

ры, ремесленники и рабочие, у которых нет ни времени, ни средств, чтобы добиваться для себя подобных льгот, имеют право жаловаться на несправедливость своего правительства. Пороки не являются необходимым атрибутом государственной власти. Её пороки существуют только в её злоупотреблениях. Если бы она ограничивалась равной защитой для всех и, подобно тому, как небеса дают дождь, изливала бы свою поддержку равно на людей всякого звания, богатых и бедных, она была бы безусловным благом. В законе, который я сейчас вижу перед собой, по-видимому, имеется далёкое и ненужное отступление от этих справедливых принципов¹.

Вето не уничтожило Банк. Оно просто стало объявлением войны. Главные сражения были ещё впереди.

БИДЛ КОНТРОЛИРУЕТ КОНГРЕСС

Бидл, как командующий пробанковскими силами, имел одно важное преимущество над своим противником. В том, что касается практических целей, Конгресс был у него в кармане. Вернее, результат его щедрости был в карманах *конгрессменов*. Следуя формуле Ротшильда, Бидл заботливо относился к политикам, которые добились успеха в деловой сфере и за определённое вознаграждение проявляли известную уступчивость. Мало кто из них был готов кусать руку, которая их кормила. Даже сенатор Дэниел Уэбстер оказался на коленях у трона Бидла. Гэлбрейт рассказывает:

Средства у Бидла имелись. Исходя из своего представления, что банковское дело – это основной источник власти, он регулярно ссужал деньги членам Конгресса, когда задержка законопроектов об ассигнованиях приостанавливала их зарплату. Дэниел Уэбстер в разные периоды времени был директором Банка и получал гонорар в качестве советника. «Я думаю, мой договор о гонораре не был продлён или *обновлён*, как обычно. Если бы они желали продолжать отношения между Банком и мной как советником, они бы выслали мне обычный договор о гонораре». Кредит был предоставлен множеству других людей, обладающих определённой популярностью, в том числе представителям печати².

Уэбстер представляет особый интерес как иллюстрация того, что даже так называемые «великие» люди могут пойти на компромисс с совестью под действием пагубной привычки к богатству. В Конгрессе он всегда был сторон-

¹ Там же, с. 36-37.

² Galbraith, p. 80.

ником металлических денег, однако перед Верховным судом на процессе по делу «Маккаллох против штата Мэриленд» он представлял сторону Банка как юрист из платёжной ведомости Бидла. Из-под его пера вышло много документов, отличавшихся искажённой логикой, позволившей суду обойти Конституцию и *уничтожить* металлические деньги.

После того как Джексон наложил вето на обновление разрешения для Банка, Бидл просил Уэбстера сочинить речи конкретно с той целью, чтобы Банк мог распечатать и распространить их. В одной из этих речей Уэбстер повторил старый рефрен о том, что Банк служит средством, сдерживающим другие банки страны, а затем ханжески заявил: «Конгресс один может чеканить монету; ...никакой штат (ни даже сам Конгресс) не может сделать платёжным средством для оплаты долгов что-либо, кроме золота и серебра»¹. С поразительным лицемерием эту речь распространило то самое учреждение, которое было предназначено специально для создания резервных бумажных денег, не обеспеченных золотом или серебром, чтобы использовать их в качестве платёжного средства для оплаты долгов. Тогда, как и теперь, большинство людей не понимали разницы между словами и делами и полагали, что эта речь «великого» человека свидетельствует о надёжной репутации Банка. Бидл даже распространил 300 000 экземпляров послания Джексона, в котором он наложил вето на законопроект о Банке, видимо, полагая, что многие не станут его читать. Очевидно, если Банк полагал, что он настолько плох, чтобы распространять это послание, он и *должен быть плохим*².

Власть Банка была везде. Джон Рэндолф, пламенный старый республиканец из Вирджинии, сказал: «Каждый человек, которого вы встретите в этой Палате представителей или за её пределами, за редкими исключениями, которые только подтверждают правило, — это либо акционер, президент, кассир, клерк, либо швейцар, курьер, гравёр, специалист по бумажному производству или ремесленник, каким-либо другим способом относящийся к банку»³.

ДЖЕКСОН ОБРАЩАЕТСЯ ПРЯМО К ИЗБИРАТЕЛЯМ

Конгресс, банки, спекулянты, промышленники, а также представители прессы — это были силы, которыми командовал Бидл. Но у Джексона было секретное оружие, прежде никогда не применявшееся в американской политике. Этим оружием было обращение непосредственно к электорату. Джексон произносил свою речь во время предвыборной поездки по стране и выбрал такие слова, чтобы произвести на избирателей неизгладимое впечатление.

¹ Krooss, p. 2.

² Remini, *Life*, p. 234.

³ *Annals of Congress*, 14 Cong., 1st sess, pp. 1066, 1110 ff.

Он высказывался против плутократии, которая оккупировала залы Конгресса, испортила моральные устои людей, угрожала их свободе и развратила избирательный процесс. Он сказал, что Банк – это многоголовый монстр, поедающий плоть простого человека. Он поклялся, что сразится с этим монстром и уничтожит его или погибнет сам. Он громко высказывал свою позицию во всех компаниях, в которые ему удавалось попасть: «С банком и без Джексона или без банка и с Джексоном!».¹

На тему бумажных денег президент высказывался столь же эмоционально. Его биограф так описывает ту избирательную кампанию:

По имеющимся сообщениям, на обратном пути домой он все свои расходы оплачивал золотом. Каждый раз, когда он платил золотыми монетами, он говорил: «Больше никаких бумажных денег, сограждане, если только я смогу усмирить этого Николаса Бидла и его чудовищный банк». Золото, которое вряд ли было популярным средством обмена, было продемонстрировано людям как надёжное и устойчивое средство денежного обращения, которое Джексон и его администрация надеялись вернуть для постоянного использования. В отличие от бумажных денег, золото имело реальную стоимость и настоящую цену. Это была монета честных людей. Бумажные деньги, с другой стороны, представляли собой инструмент банков и мошенников, используемый, чтобы развращать и надувать наивную публику².

Джексон пробудил негодование американского народа. По итогам ноябрьского голосования он получил огромный вотум доверия – 55% голосов избирателей на прямых выборах (37% получил Клей и 8% – Вирт) и 80% голосов на коллегии выборщиков. Но война ещё не закончилась. Джексон победил на выборах, но у Банка ещё оставалось законных пять лет, и он собирался использовать эти годы для того, чтобы вернуть себе поддержку общественности. Самые крупные сражения были все ещё впереди.

ДЖЕКСОН ПЕРЕМЕЩАЕТ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ВКЛАДЫ

Джексон не стал медлить. Он знал, что время будет использовано против него. «Гидра коррупции только обезоружена, но не убита», – сказал он³. Вскоре после выборов он приказал Уильяму Дуэйну, министру финансов США,

¹ Robert Remini, *Andrew Jackson and the Course of American Freedom, 1822-1832* (New York: Harper & Row, 1981), p. 373.

² Remini, *Life*, pp. 234-235.

³ Remini, *Course*, p. 52.

разместить все новые вклады федерального правительства в банках разных штатов по всей стране и оплатить текущие расходы из фондов Банка США, пока этот счёт не истощился до нуля. Без федеральных денег этот монстр, несомненно, пропал бы. Однако, к разочарованию Джексона, Дуэйн проигнорировал этот приказ из искренней убеждённости в том, что это оказало бы разрушительное действие на экономику.

Это был не первый раз, когда чин кабинета министров и президент приходили к разногласию. Однако в прошлом это безвыходное положение разрешалось отставкой министра. В этот раз было иначе. Дуэйн отказался уходить, и в результате возник интересный конституционный вопрос. Президент мог назначить члена исполнительной власти только с согласия Сената. Но в Конституции ничего не говорилось об отставке. Требовалось ли и для этого одобрение Сената? Подразумевалось, что оно требовалось, но этот вопрос никогда не возникал.

У Джексона не было терпения для таких теоретических вопросов. Незамедлительно Дуэину пришло письмо: «Ваши дальнейшие услуги в качестве министра финансов более не требуются»¹. 1 октября 1833 года федеральные депозиты начали перемещаться из Банка.

Джексон чувствовал, что он, наконец, прочно схватил монстра за горло. Он сказал: «Я посадил его на цепь»². И убеждённо добавил: «Я готов клещами вытянуть каждый зуб и все пеньки». Затем он продолжил: «Если я не ошибаюсь, м-р Бидл и его Банк будут у нас тихими и безвредными, как ягнёнок в возрасте шести недель»³.

БИДЛ УМЫШЛЕННО СОЗДАЕТ ДЕНЕЖНЫЙ ХАОС

Мнение президента о захвате Банка и о том, что Банк стал покорным, было, по меньшей мере, поспешным. Бидл отреагировал, но не как ягнёнок, а, скорее, как раненый лев. Его план заключался в том, чтобы быстро сократить денежную массу страны и создать ещё одну депрессию, подобную той, которую Банк создал 13 лет назад. Потом в этом можно было бы обвинить Джексона, который изъясил из Банка федеральные депозиты, а последующая негативная реакция наверняка привела бы к тому, что Конгресс аннулировал бы вето президента. Ремини рассказывает:

¹ William J. Duane, *Narrative and Correspondence Concerning the Removal of the Deposits and Occurrences Connected Therewith* (Philadelphia: n.p., 1838), стр. 101-103. Цитируется по: Remini, *Life*, p. 264.

² Цитируется по: Herman J. Viola, *Andrew Jackson* (New York: Chelsea House, 1986), p. 88.

³ Письмо Ван Бюрену от Джексона, 19 ноября 1833, *Van Buren Papers*, Library of Congress. Цитируется по: Remini, *Life*, p. 264.

Бидл перешёл в контрнаступление. Он инициировал общее сокращение займов во всей банковской системе. Это обозначило начало смертельной борьбы между влиятельным финансистом и решительным и таким же влиятельным политиком. Бидл понимал, что это означало. Он знал, что сможет вынудить президента восстановить депозиты только в том случае, если он достаточно сильно надавит на денежный рынок и вызовет агонию. Он почти торжествовал. «Этот почтенный президент полагает, что, если он подавил восстание индейцев и заключил в тюрьму судей, он сможет справиться с Банком. Он ошибается»¹.

Он заявлял: «Узы верности партии можно разорвать только фактическим осуждением бедственного положения, существующего в обществе». И такое бедственное положение, конечно, в конце концов, привело бы всё в порядок. «Ничто, кроме общего страдания, не окажет на Конгресс никакого воздействия. Только ради нашей собственной безопасности мы следуем неуклонному курсу строгого ограничения, и я не сомневаюсь, что такой курс приведёт к восстановлению денежного оборота и возобновлению привилегий Банка². Мой собственный курс определён. Все прочие банки и все коммерсанты могут разориться, но Банк США разориться не должен»³.

Поэтому Бидл решил использовать американский народ как жертвенные пешки в гигантском шахматном матче за выживание Банка. Несложно представить экономический хаос, который возник в результате. Сокращение денежной массы, задуманное Бидлом, произошло в момент повышенной уязвимости. Бизнес развивался в результате привилегированных льготных кредитов, предоставленных Банком, и теперь зависел от Банка. К тому же как раз в это время подошли сроки оплаты пошлины, что предъявляло ещё большие требования к оплате и кредиту. Все несли убытки, доходы и цены падали, людей увольняли с работы, компании разорялись. К моменту созыва Конгресса в декабре (созыв, именуемый кризисной сессией) страна была в волнении. Газеты комментировали происходящее с тревогой, в Вашингтон хлынули письма с гневными протестами.

Поскольку продолжалось давление на Конгресс, ситуация начала выглядеть так, будто план Бидла работает. В глазах общественности именно президент Джексон единолично нёс ответственность за несчастья, происходящие со страной. Именно он высокомерно отправил в отставку министра Дуэйна; именно он глупо настаивал на изъятии депозитов; именно он упорно противостоял Конгрессу.

¹ Remini, *Life*, p. 265.

² Remini, *Democracy*, p. 111.

³ Biddle to William Appleton, January 27, 1834, and to J.G. Watmough, February 8, 1834. Nicholas Biddle, *Correspondence, 1807-1844*, Reginald C. McGrane, ed. (New York: Houghton Mifflin, 1919), pp. 219-221.

СЕНАТ ВЫРАЖАЕТ НЕДОВЕРИЕ ДЖЕКСОНУ

В течение ста дней «оппозиция ораторов» ежедневно резко критиковала президента за его самонадеянное и вредное поведение. В конце концов, в Сенат было представлено решение о вотуме недоверия, и 28 марта 1834 года оно было принято 26 голосами против 20 голосов. Впервые Конгресс выразил недоверие президенту, и это нанесло жестокий удар по самолюбию Джексона. Наконец Бидл получил превосходство.

Президент гневно выражал своё недовольство в Белом доме. Делегации сторонников Банка он сказал: «Вы просто логово гадюк. Я достану вас, клянусь Богом, я достану вас»¹.

Это недоверие никоим образом не было показателем настроения народа. Даже в Сенате, который был средоточием сторонников Банка, колебание всего трёх сенаторов отклонило бы это решение. Все это время, вначале незаметно, а потом с возрастающей скоростью, общественность узнавала правду. Джексон, конечно, делал всё, что было в его силах, чтобы ускорить этот процесс, но действовали также и другие факторы, и не последним из них был сам Бидл. Обладая огромным самолюбием, он не смог удержаться от публичного хвастовства о своём плане умышленного подрыва экономики. Люди слушали эти хвастливые речи и верили ему. Поворотный момент настал, когда Джордж Вулф, губернатор Пенсильвании (родной штат Банка), публично выступил с резким осуждением Банка и Бидла. Это было как стартовый звонок на скачках. Когда от Банка отвернулся его родной штат, больше никто не захотел защищать его, и буквально за несколько дней настроение страны и Конгресса изменилось.

Демократы не теряли времени даром, они укрепляли свои неожиданные достижения. Чтобы испытать свою силу, 4 апреля 1834 года они потребовали провести в Палате представителей голосование по ряду решений, нацеленных на отмену вотума недоверия в Сенате. Суть этих решений заключалась в том, что Палата представителей полностью одобряет стратегию президента в отношении Банка. Первое решение, принятое 134 голосами против 82 голосов, провозглашало, что Банк США «не должен получать разрешение на продление своей деятельности». Во втором решении, принятом 118 голосами против 103 голосов, утверждалось, что депозиты «не должны быть возвращены на прежнее место». И третье решение, принятое подавляющим числом голосов, 175 против 42, предусматривало создание специального комитета Конгресса для расследования вопроса, действительно ли Банк умышленно спровоцировал текущий экономический кризис. Это была огромная победа Джексона, которая достигла своей кульминации

¹ Цитируется по: Viola, p. 86.

через несколько лет, когда Сенат принял решение об официальной отмене вотума недоверия президенту.

БИДЛ БРОСАЕТ ВЫЗОВ КОНГРЕССУ

Когда Следственный комитет появился у дверей Банка в Филадельфии, вооружённый повесткой с вызовом в суд, чтобы изучить бухгалтерские книги, Бидл решительно отказал комитету в этом требовании. Далее он не разрешил проводить инспекцию переписки с конгрессменами, касающейся их персональных ссуд и авансов. Кроме того, он категорически отказался давать показания перед комитетом в Вашингтоне. Для простых смертных такие действия привели бы к официальному вызову в суд за неуважение к Конгрессу и повлекли бы за собой большой штраф или тюремное заключение. Но не для Николаса Бидла. Ремини объясняет:

Члены комитета потребовали вызвать его в суд за неуважение, но многие южные демократы были против этой крайней меры и отказались участвовать в этом. Как смущённо заметил Бидл, какая ирония была бы в том, если бы он отправился в тюрьму «по решению членов Конгресса из-за того, что он не предоставил врагам их частные письма». Хотя Бидл избежал вызова в суд за неуважение, его возмутительное пренебрежение решениями Палаты представителей только скомпрометировало его в глазах американского народа¹.

Банк все ещё был жив, но смертельно ранен. К этому времени Джексон полностью выплатил национальный долг, возникший в результате войны 1812 года. Фактически он приказал Министерству финансов *вернуть штатам* более 35 миллионов долларов, которые были использованы для оплаты разнообразных общественных работ.

Успехи президента в борьбе с Банком принесли ему неугасающую ненависть американских и зарубежных финансистов. Поэтому неудивительно, что 30 января 1835 года было предпринято покушение на его убийство. Чудом оба пистолета нападавшего дали осечку, и Джексон волею судеб уцелел. Это было первое покушение на президента США. Неудавшимся убийцей был Ричард Лоуренс, который либо на самом деле был сумасшедшим, либо притворялся таковым, чтобы избежать наказания. Так или иначе, Лоуренс был признан невиновным из-за своего сумасшествия². Позже он хвастался перед своими

¹ Remini, *Life*, p. 274.

² Remini, *Democracy*, pp. 228-229.

приятелями, что общался с влиятельными людьми Европы, которые обещали защитить его от наказания, если его схватят¹.

Конец этого повествования не содержит в себе сюрпризов. Действие документа, разрешающего Банку совершать финансовые операции, истекло в 1836 году, и он стал одним из банков штата Пенсильвания. После волны хлопковых афер, щедрых ссуд банковским служащим и приостановления платежей металлическими деньгами Бидл был арестован и обвинён в мошенничестве. Он не был признан виновным; когда он умер, как раз шёл судебный процесс по его гражданскому делу. Через пять лет его учреждение было вынуждено навсегда закрыть свои двери. Так закончил свою деятельность третий центральный банк Америки.

К БЛАГУ ПРИМЕШАНО НЕМНОГО ДУРНОГО

Заманчиво было бы остановиться на этом и позволить Джексону навсегда остаться героем и победителем дракона. Но более пристальный взгляд на эти события даёт основания сделать вывод, что силы добродетели не обошлись без некоторых примесей. Джексон представлял позицию тех, кто хотел, чтобы в качестве средства обращения в стране использовались только золото и серебро. Но эта группа была недостаточно крупной, чтобы справиться с Банком. В этой борьбе к нему присоединились многие группы, которые ненавидели Банк по *другим*, менее достойным восхищения причинам. Банки штатов и торговые предприниматели, располагавшиеся вдоль границ, например, вовсе не были заинтересованы в конституционных деньгах. Они желали как раз *противоположного*. Они считали скромные ограничения, налагаемые федеральным банком, *избыточными* и ожидали, что без федерального банка не будет вообще никаких ограничений. Как мы увидим в следующей главе, ирония заключается в том, что именно эта группа и получила то, к чему стремилась, а вовсе не сторонники Джексона, желавшие использования металлических денег.

Нельзя осуждать Джексона за то, что он принимал поддержку этих групп в борьбе против дракона. В политике часто бывает необходимо создавать временные союзы с противниками для достижения единичных общих целей. Но Джексон пошёл дальше этого. Он изменил характер американской политики более, чем любой другой президент до него и лишь немногие после него. Он увёл страну от новой концепции распыления власти, тщательно разработанной отцами-основателями, обратно к традиции Старого Света, традиции концентрации и монархии. Решительно оспаривая право штатов на отделение от федерации, он использовал концепцию, которая не только привела бы к гражданской войне, но которая навсегда положила бы конец возможности штатов сдерживать расширяющуюся власть федерального правительства.

¹ Robert J. Donovan, *The Assassins* (New York: Harper & Brothers, 1952), p. 83.

Федерация больше не была основана на принципе управляемого согласия. Теперь она была основана на силе оружия. Манипулируя вспышкой гнева избирателей в отношении Банка, Джексон изменил понимание роли президента. Президент стал не *лицом, находящимся на государственной службе, а национальным лидером.*

С высоты сражения против Банка, когда Джексон прямо обращался к избирателям за поддержкой, он заявил: «Президент является непосредственным представителем народа». Для полного понимания значимости этого заявления следует вспомнить, что в соответствии с Конституцией планировалось, что президент будет выбираться не прямым голосованием, осуществляемым всеми избирателями, а легислатурами штатов. После окончания войны, целью которой было свержение короля Георга III, отцы-основатели больше не хотели иметь дело с какими-либо королями, им нужны были гарантии, что президент США никогда им не уподобится. Они понимали, что выборный правитель, если его власть ничем не ограничена, может стать таким же деспотом, как и невыборный. Поэтому Конституция (статья 2, раздел 1) учреждает коллегию выборщиков для избрания президента. Члены этой коллегии назначаются штатами. Конгрессмены, сенаторы и прочие должностные лица федерального правительства туда положительным образом и благоразумно не допускаются. Предполагается, что эта коллегия выбирает президента строго на основании его честности и организаторских способностей, а не его партийности, политических связей, благоприятной внешности, харизмы или умения произносить воодушевляющие речи. Люди могут выбирать своих конгрессменов, но президента выбирает коллегия выборщиков. Таким образом, предполагалось, что президент будет иметь отличный от Конгресса электорат, и это отличие было важным для обеспечения равновесия власти, о котором творцы Конституции США так тщательно заботились. В качестве средства обеспечения контроля над правительством это был блестящий шаг политических технологий.

Всё изменилось, когда настали выборы 1832 года. Один из печальных фактов истории заключается в том, что достаточные основания часто приводят к возникновению нежелательных прецедентов. Борьба Джексона против Банка США была одним из таких случаев.

РЕЗЮМЕ

Правительство содействовало распространённому банковскому мошенничеству во время войны 1812 года как средству для оплаты своих долгов, и это ввергло страну в денежный хаос. В конце войны, вместо того чтобы позволить банкам разориться и дать возможность свободному рынку исправить

причинённый вред, Конгресс принял решение защитить банки, организовать мошенничество и увековечить убытки. Он сделал это, создав третий национальный банк страны, который именовался Вторым банком США.

Новый банк был почти точной копией предыдущего. Он имел полномочия создавать деньги для федерального правительства и контролировать банки штатов. Он контролировал более крупные денежные суммы и был лучше организован, чем старый банк. Поэтому его политика имела большее влияние на создание и уничтожение денежной массы страны. Впервые в нашей истории последствия этих действий рикошетом ударили по всей стране, вместо того чтобы ограничиться отдельными регионами. В Америке началась эпоха циклов «бум-спад».

В 1820 году общественное мнение начало разворачиваться обратно, в сторону принципов металлических денег, поддерживаемых республиканцами-джефферсоновцами. Но, поскольку Республиканская партия к тому времени уже отвергла эти принципы, была сформирована новая коалиция, именуемая Демократической партией, во главе которой стояли Мартин Ван Бюрен и Эндрю Джексон. Одной из её основных платформ было уничтожение Банка. После того как Джексон в 1828 году победил на выборах, он всерьёз начал воплощать эту идею в жизнь.

Банком руководил грозный соперник по имени Николас Бидл. Помимо того, что Бидл сам обладал большими возможностями, многие члены Конгресса были обязаны ему за деловое покровительство. Поэтому у Банка имелось множество политических друзей.

Когда первый срок президентства Джексона близился к концу, Бидл обратился к Конгрессу с просьбой о раннем продлении полномочий Банка, надеясь, что Джексон не станет рисковать и вступать в полемику в год своего второго избрания. Конгресс с лёгкостью удовлетворил просьбу Бидла, Банк получил продление полномочий, но Джексон принял вызов и наложил вето на это решение Конгресса. Таким образом, борьба с Банком стала основным вопросом президентской кампании.

Джексон был переизбран с большим преимуществом, и одним из его первых действий было изъятие федеральных депозитов из Банка и размещение их в частных региональных банках. Бидл контратаковал, сократив займы и потребовав возврата старых кредитов. Его расчёт заключался в сокращении денежной массы и организации национальной депрессии, что и произошло. Он публично обвинил Джексона, изъывшего депозиты из Банка.

Этот план почти сработал. Политические сторонники Бидла успешно вынесли в Сенате решение о вотуме недоверия Джексону. Тем не менее, когда правда о стратегии Бидла стала, наконец, известной, она сработала против него. Его вызвали в специальный Следственный комитет Конгресса, чтобы он объяснил свои действия. Вотум недоверия Джексону был отменен, и третий центральный банк страны был предан забвению.

ГЛАВА 18

ХЛЕБА, РЫБЫ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Попытки стабилизировать банковскую систему политическими мерами, в том числе регулированием коэффициентов частичного резерва и созданием фондов страхования от банкротства; провал всех этих схем; сложившиеся в результате условия, которые привели к Гражданской войне.

Как мы подробно рассмотрели в предыдущей главе, к 1836 году многоголовый монстр был уничтожен и точно в соответствии с обещанием предвыборного штаба президента у страны был Джексон, и не было Банка.

В апреле того же года администрация начала принимать меры по укреплению своей победы и провела через Конгресс ряд денежных реформ. Одна из них требовала, чтобы все банки прекратили выпускать банкноты номиналом менее пяти долларов. Позже эта цифра выросла до двадцати долларов, и целью этого было заставить страну вернуться к повседневному использованию золотых и серебряных монет, оставив банкноты преимущественно для крупных коммерческих сделок. Белый дом также объявил, что в будущем продажа всей федеральной земли потребует полной оплаты «законным платёжным средством», что, разумеется, означало монеты из драгоценных металлов¹.

Однако следует помнить, что, хотя Банк США был уничтожен, банковское дело оставалось вполне живым, как и враги Джексона. К огромному разочарованию сторонников использования металлических денег, эти меры оказались недостаточными. Не то чтобы эти меры были неудовлетворительными сами по себе, просто новые банковские методы обошли их, и со временем они полностью были отменены изменчивым Конгрессом.

Запрет на выпуск банкнот мелкого достоинства заслуживает особого упоминания. Это была прекрасная идея, но члены законодательного органа не поняли или, по крайней мере, *сделали вид*, что не поняли того, что банки в то время всё в большей и большей степени имели дело с деньгами *безналичных расчётов*, которые в принципе представляли собой бессрочные вклады. В то

¹ Otto Scott, *The Secret Six: The Fool as Martyr*, Vol. III of *The Sacred Fool Quartet* (Columbia, South Carolina: Foundation for American Education, 1979), p. 115.

время как люди постепенно привыкали к этим новым способам перевода денег, значимость банкнот снижалась. Установление предела выпуска банкнот без ограничения создания бессрочных вкладов было полной бессмыслицей.

В 1837 году, когда Банк США постепенно стал историей, страна находилась в конце периода экономического бума. Профессор Ротбард сообщает нам, что этот подъем экономической активности и сопровождающая его инфляция «были вызваны действиями центрального банка»¹. Общая денежная масса, находящаяся в обращении, только за четыре года выросла на 84%. Затем с неизбежностью наступления солнечного заката часть денежной массы, созданной посредством частичного банковского резервирования (иными словами, *ничем* не обеспеченная часть), начала сокращаться. 16% всех национальных денег полностью исчезли в самый первый год. И вновь людей увольняли с работы, фирмы разорялись, дома и сбережения пропадали. Многие банки прекращали своё существование, но их владельцы уходили с прибылью. Только вкладчики оставались ни с чем.

Вносились различные предложения относительно того, как способствовать стабильности банковской системы. Но тогда, как и теперь, ни одно из них не касалось реальной проблемы, частичного банковского резервирования. Как отметил Гроусклоуз, «каждое из этих предложений имело отношение к какой-нибудь отдельной теории о том, как умножить земные блага»². Поскольку те предложения, которые поступали тогда, сходны с предложениями, поступающими сегодня, и поскольку каждое из них было опробовано, по-видимому, будет уместно взглянуть на реальные результаты этих экспериментов.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОБЕСПЕЧИВАТЬ ДЕНЬГИ БАНКОВСКИМИ АКТИВАМИ

Существовали четыре научные школы, изучавшие вопросы умножения земных благ.

Представители первого из этих направлений полагали, что создание денег должно находиться в соотношении с банковскими активами. Эту формулу проверяли на опыте в штатах Новой Англии. В Массачусетсе, например, выпуск банкнот был ограничен двукратной величиной банковского капитала, который реально находился в хранилище. Кроме того, этот капитал должен был существовать не в виде бумажных денег, облигаций, ценных бумаг или прочих долговых обязательств; он должен был наличествовать в виде золотых или серебряных монет. К тому же банки могли выпускать только ограниченное количество банкнот мелкого достоинства, и здесь Массачусетс служил моделью для реформы, предпринятой Джексоном на федеральном уровне.

¹ Rothbard, *Mystery*, p. 211.

² Groseclose, *Money and Man*, p. 184.

По прежним меркам и, несомненно, по меркам сегодняшнего дня это была крайне консервативная политика. Фактически даже во время предшествующего напряжённого состояния войны 1812 года, когда банки сотнями разорялись по всей стране, банки Массачусетса и большинство банков остальной Новой Англии были в состоянии осуществлять свои выплаты золотыми или серебряными монетами.

Однако с течением времени ограничение, налагавшееся на банкноты, утратило свою актуальность, потому что банки теперь пользовались безналичными расчётами. Их ценные бумаги, возможно, и должны были ограничиваться суммой в двести процентов от их капитала, но не было реального предела для цифр, которые они могли вписывать в сберегательные книжки людей. Таким образом, «доля» в частичном банковском резервировании снова начала сокращаться. В результате, по словам Гроусклоуза, сокращение денежной массы 1837 года как косой скосило 32 массачусетских банка в период между 1837 и 1844 годами¹.

Штат пытался залатать структуру, создав сеть банковских ревизоров и повысив ответственность владельцев акций банка за потерянные средства их вкладчиков, но основополагающая проблема все ещё игнорировалась. Взошла новая поросль банков, и экономику смыло новой волной спекулятивной мании. К 1862 году, хотя закон все ещё ограничивал выпуск банкнот суммой, равной удвоенному капиталу, банки создали 73 685 000 долларов, включая деньги безналичных расчётов. Это обеспечивалось всего лишь 9 595 000 долларов золотом и серебром, при этом резерв составлял только 13%. Массачусетс не решил эту проблему.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЗАЩИЩАТЬ ВКЛАДЫ С ПОМОЩЬЮ СТРАХОВОГО ФОНДА

Вторая теория, рассматривающая проблему того, как стабилизировать банковское дело и разрешить банкам создавать деньги из ничего, предлагала создать «страховой фонд». Это фонд, поддерживаемый всеми банками, оказывал бы помощь любому члену, который нуждался в экстренном займе для покрытия неожиданной утечки резервов. Это был предшественник сегодняшней Федеральной корпорации по страхованию банковских вкладов.

Первый страховой фонд был создан в Нью-Йорке в 1829 году. Закон требовал, чтобы каждый банк ежегодно вносил полпроцента своего основного капитала, пока общая сумма не достигнет трёх процентов. Это фонд первым подвергся испытаниям во время кризиса 1837 года и почти пошёл ко дну. Его спасло только то, что штат согласился принять ничего не стоящие банкноты

¹ Groseclose, *Money and Man*, p. 185.

всех разорившихся банков в качестве канальных сборов. Иными словами, налогоплательщиков вынудили возместить разницу. Когда фонд был исчерпан, на платёжеспособные банки было наложено взыскание, их вынудили оплатить дефицит неплатёжеспособных банков. Естественно, это побудило все банки действовать более безрассудно. Почему бы и нет? Плюс заключался в том, что прибыли стали бы выше – хотя бы на какое-то время – а минус – в том, что, если безрассудство привело бы их к неприятностям, страховой фонд выручил бы их. В результате система наказывала за благоразумие и поощряла безрассудство; это напоминает ситуацию, существующую в банковской системе сегодня. Гроусклоуз говорит:

Безопасно управляемые учреждения, предоставляющие ссуды под безопасные риски, под которые, естественно, коэффициенты прибыльности были ниже, находили отчисления обременительными, и были вынуждены начинать более спекулятивный бизнес, чтобы осуществлять платежи¹.

Постепенно все банки увязли в этой трясине, и в 1857 году страховой фонд Массачусетса прекратил свою деятельность.

Мичиганский опыт деятельности страхового фонда был, наверно, более типичен для того времени. Он был создан в 1836 году и прекратил своё существование во время паники 1837 года.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОБЕСПЕЧИВАТЬ ДЕНЬГИ ЦЕННЫМИ БУМАГАМИ

Третье предложение, касающееся поддержания стабильной денежно-кредитной системы с одновременным сохранением для банков возможности совершать мошеннические действия, заключалось в том, чтобы основывать денежную массу на государственных ценных бумагах; иными словами, на бумажных сертификатах государственного долга. Эту схему в 1850-х годах приняли Иллинойс, Индиана, Висконсин и другие штаты Среднего Запада. Она также создала прецедент для Федеральной резервной системы, созданной шестьдесятю годами позже. Гроусклоуз продолжает:

Мания выпуска банкнот была такой необузданной, что эти банкноты стали называть «red dog» и «wild cat» (ничего не стоящие бумажные деньги). Возрастающая масса банков способствовала фиктивному спросу на ценные бумаги (для использования их в качестве акционерного

¹ Groseclose, *Money and Man*, p. 186.

капитала), повышению цен на ценные бумаги и последующему толчку к созданию государственного долга за счёт выпуска ценных бумаг. За этим последовал выпуск большого количества банкнот под обеспечение ценными бумагами, рост спроса и повышение цен, выпуск ещё большего количества ценных бумаг, большего количества банкнот, и так далее, по бесконечной цепочке создания долга и инфляции бумажных состояний. В конце концов, этот процесс прекратился в результате паники 1857 года¹.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОБЕСПЕЧИВАТЬ ДЕНЬГИ ГОСУДАРСТВЕННЫМ КРЕДИТОМ

Четвёртое предложение по производству чего-либо из ничего заключалось в обеспечении выпуска денег полным доверием и кредитом государства. Этот способ испытали на себе многие южные штаты, и он тоже сохранился и стал одним из краеугольных камней нашей современной банковской системы.

Например, Алабама в 1835 году создала банк штата, финансируемый за счёт выпуска государственных облигаций на сумму 13 800 000 долларов. В экономику хлынули деньги быстрого изготовления, и люди радовались удивительному благополучию. Законодатели были до такой степени одурманены этой схемой, что полностью отменили прямое налогообложение и вместо этого приняли решение управлять правительством на деньги банка. Иными словами, вместо того чтобы повышать государственный доход за счёт налогов, они решили, что легче повысить его за счёт инфляции.

Подобно другим, этот «мыльный пузырь» также лопнул во время паники 1837 года. Посмертное исследование банка показало, что 6 000 000 долларов его активов абсолютно ничего не стоили. Люди, которые вложили свои реальные деньги в это коммерческое предприятие, обеспеченное пунктом о признании и доверии государству, потеряли почти все свои инвестиции – в дополнение к тому, что они заплатили с учётом инфляции.

Банк штата Миссисипи в 1838 году, на основании пункта о признании и доверии государству, выпустил 15 000 000 долларов облигациями в обеспечение своих банкнот. Этот банк обанкротился через четыре года, и штат отказался от своих обязательств по облигациям. Это привело в ярость держателей облигаций, в особенности британских финансистов, которые приобрели значительную часть облигаций этого выпуска. Генри Пур описывает разрушительное воздействие этой ситуации на штат и его население:

¹ Groseclose, *Money and Man*, pp. 188-189.

48 000 000 долларов банковских займов никогда не были выплачены; **23 000 000** долларов банкнот и вкладов никогда не были погашены и возвращены. Вся система распалась, стала огромной и бесформенной развалиной, оставив население штата в чем мать родила. Все были в долгах, без каких-либо средств. Земля обесценилась, так как ни у кого не было денег заплатить за неё. Из штата бежало так много народу, что на судебных процессах против должников повсеместно использовалось сокращение «ГТТ» – убыл в Техас¹.

Деньги, основанные на пункте о признании и доверии государству, точно так же нашли свою погибель в штатах Иллинойс, Кентукки, Флорида, Теннесси и Луизиана. Когда банк штата Иллинойс обанкротился в 1852 году, все выпущенные на основании пункта о признании и доверии банкноты, оставшиеся в его распоряжении, были публично сожжены. Ещё один банк был создан в 1836 году и обанкротился в 1842. Эти испытания были настолько разрушительными, что в Конституции штата Иллинойс 1848 года оговаривалось, что впредь этот штат никогда не будет снова создавать банк или владеть банковским акционерным капиталом.

В Арканзасе в ход пошло даже недвижимое имущество. Подписчикам банка штата, вместо того чтобы вкладывать наличные деньги, разрешалось в качестве обеспечения закладывать недвижимое имущество. Банкноты быстро упали в стоимости до 25 процентов от своей номинальной суммы, и за четыре года банк обанкротился.

МИРАЖ НЕРЕГУЛИРУЕМОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В это время существовало параллельное явление, именовавшееся «нерегулируемой банковской деятельностью». Это название представляет собой оскорбление истины. То, что называлось нерегулируемой банковской деятельностью, было просто переходом банков из корпораций в частные ассоциации. За исключением того, что банки больше не получали от штата разрешение на ведение банковских операций, практически все остальные аспекты системы оставались прежними, в том числе разнообразные государственные проверки, предписания и прочие барьеры, направленные против свободного рынка. Джордж Селджин напоминает нам, что «разрешение, выдававшееся для открытия банка, обычно сопровождалось различными ограничениями, в том числе обязательным предоставлением кредитов штату»².

¹ Henry V. Poor, *Money and Its Laws* (London: Henry S. King and Co., 1877), p. 540.

² George A. Selgin, *The Theory of Free Banking: Money Supply under Competitive Note Issue* (Totowa, New Jersey: Rowman & Littlefield, 1988), p. 13.

Свободные банки были не менее мошенническими, чем банки, обладающие лицензией. Возобновилась старая традиция быстро передавать золотые монеты от одного банка другому как раз перед приходом банковских ревизоров и «наполнять сундуки свинцом, битым стеклом и гвоздями, прикрытыми тонким слоем золотых монет»¹. Когда один такой свободный банк в Массачусетсе обанкротился, обнаружилось, что оборот его банкнот обеспечивался всего лишь суммой, составлявшей 86,48 доллара².

Профессор Ханс Сеннхольц пишет:

Несмотря на то что экономисты расходятся во взглядах на многие вещи, большинство из них одинаково относятся к принятию политического контроля. Эти экономисты неизменно указывают на американские деньги и банковское дело перед Гражданской войной, что, на их взгляд, подтверждает их мнение. В частности, они упоминают «эпоху нерегулируемой банковской деятельности» периода 1838-1860 годов как устрашающий пример и, следовательно, одобряют законодательство, которое усиливает роль государства.

На самом деле нестабильность, имевшая место в эпоху нерегулируемой банковской деятельности, не была вызвана чем-то, свойственным банковской деятельности, но была результатом широкого политического вмешательства. Законы о «нерегулируемой банковской деятельности» не отменяют обременительные предписания и регулятивные директивы. На самом деле они добавляют ещё несколько³.

Чтобы банковская деятельность была действительно свободной, штаты должны были бы проделать только две вещи: 1) добиваться выполнения банковских договоров так же, как любых других договоров и 2) изменить представление о ситуации. Выполнение банковских договоров должно было бы выглядеть следующим образом. Руководители любого банка, которые не могли обменять свои средства денежного обращения на металлические деньги, были бы приговорены к тюремному заключению; это обстоятельство вскоре остановило бы избыточный выпуск средств денежного обращения. Изменив представление о ситуации и перестав претендовать на защиту общества с помощью заграждения из правил, положений, страховых фондов и гарантий, люди должны были бы осознать, что это их обязанность быть осмотрительными и информированными. Но вместо этого банки продолжали пользоваться особой привилегией прекращать выплаты без наказания, а политики громко возмущались, чтобы убедить избирателей, что у них все под контролем.

¹ Galbraith, p. 87.

² Charles Beard, *The Rise of American Civilization* (New York: Macmillan, 1930), Vol. I, pp. 429-430.

³ «Old Banking Myths», by Hans F. Sennholz, *The Freeman* (Irvington-on-Hudson, New York), May, 1989, pp. 175-176.

Короче говоря, в течение всего периода банкротств банков, экономического хаоса и обмана инвесторов и налогоплательщиков Америка испробовала все, кроме полного погашения долга золотом и серебром. Имя Эндрю Джексона стало историей, а вместе с ним и мечта о честной банковской деятельности.

Не все банки были бесчестными, и, разумеется, не все банки участвовали в политическом заговоре против нации. Было множество примеров того, как честные люди пытались действовать в рамках этических норм при исполнении своих фидуциарных обязательств. Но им очень мешала система, в которой они работали, система, которая, как уже было показано ранее, наказывала проявление благоразумия и награждала безрассудство. В сложных условиях того времени предусмотрительный банкир устранялся господствующей тенденцией и оставался лишь сноской в истории своего времени.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НЕСМОТРЯ НА БАНКОВСКОЕ МОШЕННИЧЕСТВО

Другим позитивным аспектом этой ситуации было то, что как раз в то время возникло множество деловых предприятий, которые процветали, несмотря на расходы. Были прорыты большие каналы, проложены железные дороги, вдоль путей возникали быстро растущие города, прерии превращались в сельскохозяйственные земли, и за всем этим следовали новые торговые предприятия. Многие из этого возникло при содействии изобилия мошеннических денег, созданных банками. Апологеты частичного банковского резервирования были склонны делать вывод, что в целом развитие – это неплохо. Они не считали существенным тот факт, что некоторых людей обманывали ради процветания других. Америка не возникла и не процветала бы без денег, добытых нечестным путём. Например, Гэлбрейт пишет:

Когда цивилизация (в некотором своём приближении) приходила на перекрёстки Индианы или Мичигана в 1830 или 1840 году, там возникал банк. Его банкноты, используемые и ссуженные фермеру для покупки земли, скота, семян, пищи или просто оборудования, вводили этого фермера в бизнес. Если он и другие преуспевали и выплачивали долги по своим кредитам, банк выживал. Если он и другие не преуспевали и не выплачивали свои долги, банк терпел крах, и кто-нибудь – может быть, местный кредитор, может быть, поставщик с Востока – оставался с ничего не стоящими банкнотами. Но некоторые заёмщики, взявшие ссуду в этом банке, уже были в бизнесе. Где-то кто-то, имевший на руках эти ценные бумаги, внёс невольный вклад в дело завоевания Запада. Банковская анархия послужила перемещению границы продвижения

поселенцев гораздо лучше, чем более упорядоченная система, которая твёрдой рукой контролировала кредитную деятельность¹.

Уильям Грейдер продолжает эту тему:

Если говорить кратко, то «безрассудная бурная анархия» способствовала существенному прогрессу. Эта система не была стабильной, она была истощена банковскими крахами, банкротствами торговых предприятий, чрезмерной спекуляцией и непогашенными ссудами. Однако она была активной и изобретательной, она вызывала постоянный экономический рост, который продолжался, после того как пена была сдута².

Это, разумеется, классический пример несостоятельности либеральной экономики. Оценивая политический курс, она обращает внимание только на *одно* благоприятное последствие для *одной* группы населения, а *множественные* вредные воздействия на *все остальные группы* игнорирует. Да, если посмотреть только на людей, живущих в приграничной зоне, которые приобрели новые ранчо и основали новые предприятия, система частичного резерва выглядит довольно полезной. Но если добавить к этому уравнению все финансовые потери всех людей, которые стали жертвой этой системы (то, что Гэлбрейт называет «невольным вкладом», и то, что Грейдер легко отмечает как «пену»), тогда результат в лучшем случае равен нулю, а с точки зрения морали – глубоко отрицателен.

Гэлбрейт, Грейдер и прочие популярные экономисты предполагают, что Запад, вероятно, не мог победить в условиях честной банковской деятельности. Логика не поддерживает такое заключение. Есть все основания полагать, что банковские крахи и банкротства в *приграничной зоне* почти сводят на нет выгоды, которые были достигнуты посредством упорного труда и честной индустрии. Если бы эти разрушительные потрясения отсутствовали или хотя бы имели менее хаотический характер, есть вероятность, что возникло бы меньше предприятий, но большее их количество было бы доведено до конца, и вполне возможно, что Запад победил бы даже быстрее, чем это произошло.

Очень плохо, что эта теория никогда не проверялась.

США В ОПАСНОСТИ

Как говорилось в предыдущей главе, экономический конфликт всегда играл важную роль в разжигании войны. В американской истории нет такого

¹ Galbraith, p. 85.

² Greider, p. 259.

периода, когда экономический конфликт между сегментами населения был бы более интенсивным, чем перед Гражданской войной. Поэтому неудивительно, что этот период прямо привёл к кровопролитнейшей национальной войне, трагичность которой заключалась в том, что брат встал против брата.

Существует масса мифов о причинах войны между штатами. Как большевистскую революцию в России обычно считают стихийным восстанием масс против тирании аристократии, так и Гражданскую войну в США принято считать войной против рабства. В лучшем случае это полуправда. Рабство было одной из причин, но основной движущей силой было столкновение экономических интересов Севера и Юга. Даже сам вопрос о рабстве основывался на экономических соображениях. Возможно, это был вопрос морали для Севера, где процветание было достигнуто с помощью механизмов тяжёлой промышленности, но на аграрном Юге, где поля должны были обрабатываться огромным количеством людской рабочей силы, это был главным образом вопрос экономики.

Относительную важность рабства как причины войны прояснил Линкольн во время своей избирательной кампании 1860 года, и он повторил это обращение в своей первой инаугурационной речи:

Судя по всему, среди жителей южных штатов существуют опасения, что с приходом республиканской администрации их собственность, мирная жизнь и личная безопасность могут оказаться под угрозой. У меня нет никаких намерений прямо или косвенно вмешиваться в функционирование института рабства в тех штатах, где оно существует. Я считаю, что не имею законного права делать это, и я не склонен делать это¹.

Даже после начала войны в 1861 году Линкольн подтвердил свою прежнюю позицию. Он заявил:

Моей высшей целью в этой борьбе является сохранение союза, не сохранение или уничтожение рабства. Если бы я смог спасти союз, не освободив ни одного раба, я бы сделал это; и если бы я мог спасти его, освободив всех рабов, я бы сделал это; и если бы мог спасти его, освободив одних рабов, а других не освободив, я бы сделал это².

Возможно, для кого-то станет неожиданностью, когда он узнает, что, строго говоря, Авраам Линкольн был сторонником господства белых. Во время сво-

¹ Don E. Fehrenbacher, ed., *Abraham Lincoln: Speeches and Writings, 1859-1865* (New York: Library of America, 1989), p. 215.

² Цитируется по: Robert L. Polley, ed., *Lincoln: His Words and His World* (Waukesha, Wisconsin: Country Beautiful Foundation, 1965), p. 54.

их четвертых дебатов с сенатором Стивеном Дугласом он прямо обратился к этой теме:

Я ни сейчас, ни когда-либо ранее не выступал за социальное и политическое равенство белой и чёрной рас; я ни сейчас, ни ранее не выступал за включение негров в число избирателей или присяжных, за их права занимать общественные должности или заключать браки с белыми людьми; добавлю к этому, что между белой и чёрной расами существуют физические различия, которые, по моему мнению, никогда не позволят им сосуществовать в условиях политического и социального равенства. А поскольку это так, то при жизни бок о бок неизбежно возникновение меж ними высшего и низшего положения, и я, как и всякий другой, выступаю за занятие высшей степени белой расой¹.

Нельзя сказать, что Линкольн был безразличен к институту рабства, так как он был непоколебимо убеждён, что это нарушение личной и национальной морали. Но он также знал, что рабство постепенно уничтожалось во всем мире, возможно, за исключением самой Африки. Он считал, что оно вскоре исчезнет в Америке, если просто позволить естественным силам просвещения действовать через политическую систему. Он опасался, и справедливо, что требование немедленной и тотальной реформы не только разрушило бы союз, но привело бы к массовому кровопролитию и ещё большим человеческим страданиям, чем даже при самом рабстве. Он сказал:

Я не позволил себе забывать, что отмена Великобританией работорговли обсуждалась за сто лет до того, как это произошло; что у этой меры были свои открытые воинственные оппоненты; свои тайные тихие оппоненты; свои оппоненты, руководствующиеся экономическими соображениями; свои оппоненты, проповедующие идею низшей расы; свои оппоненты, выступающие за идею равенства негров; а также свои оппоненты, руководствующиеся соображениями религии и надлежащего порядка; что все эти оппоненты имели должности, а их противники не имели ничего. Но я также помню, что, хотя в течение ста лет они сияли, подобно сальным свечам, в конце концов, они мелькнули и исчезли в темноте; о них забыли, и от них не осталось ничего, даже запаха. Даже школьникам известно, что Уилберфорс и Гранвилль Шарп способствовали успеху этого дела; но кто теперь вспомнит хоть одно имя из тех, кто стремился ему помешать? Помня об этом, я не могу не считать возможным, что высшая цель этой борьбы вполне может быть достигнута уже при моей жизни².

¹ Fehrenbacher, p. 636.

² Там же, с. 438.

Если главная цель Линкольна в этой войне заключалась не в отмене рабства, а в простом сохранении союза, то возникает вопрос: зачем нужно было сохранять это союз? Или, точнее, почему южные штаты хотели отделиться?

ПРИЧИНОЙ ВОЙНЫ БЫЛО НЕ РАБСТВО, А УЗАКОНЕННЫЙ ГРАБЕЖ

Югу, который был преимущественно сельскохозяйственным регионом, приходилось импортировать практически все свои промышленные товары из северных штатов или из Европы, и оба эти источника в ответ представляли рынок для южного хлопка. Однако многие текстильные изделия и промышленные товары, доставляемые из Европы, были существенно дешевле, даже с учётом стоимости морской перевозки грузов. Поэтому южные штаты часто приобретали европейские товары, а не произведённые в северных штатах. Это оказывало значительное конкурентное давление на американских промышленников, заставляя их снижать цены и действовать более эффективно.

Республиканцы не были удовлетворены таким положением вещей. Они решили использовать власть федерального правительства, чтобы склонить чашу весов в свою пользу. Заявляя, что это делается в «национальных интересах», они обложили высокой импортной пошлиной почти все товары из Европы, которые производились также и в северных штатах. Неудивительно, что на хлопок, который, предположительно, не был товаром, представляющим национальный интерес, пошлина не вводилась. Одним из последствий было то, что страны Европы ответили прекращением покупки американского хлопка, а это сильно повредило экономике южных штатов. Другим последствием было то, что товаропроизводители северных штатов смогли назначить высокие цены, не опасаясь конкуренции, и Юг был вынужден платить больше практически за все необходимые товары. Это был классический пример узаконенного грабежа, когда закон использовали для обогащения одной группы людей за счёт другой.

Давление с Севера, направленное против рабства на Юге, сделало ситуацию ещё более неустойчивой. Факт, который часто игнорируют, рассматривая этот эпизод, заключается в том, что стоимость раба была очень высокой, около 1500 долларов за каждого. Следовательно, небольшая плантация, на которой работало лишь сорок или пятьдесят рабов, имела крупные капиталовложения, которые, в пересчёте на сегодняшнюю покупательную способность, составляли многие миллионы долларов. Поэтому для Юга отмена рабства означала не только потерю возможности производить товарную часть урожая, но и полный крах огромного первичного капитала.

Многие плантаторы Юга работали, рассчитывая, что настанет день, когда они смогут превратить свои инвестиции в более выгодное промышленное производство, как произошло на Севере, а другие чувствовали, что свободные люди, получавшие зарплату, работали бы эффективнее, чем рабы, не имевшие стимула для работы. Однако пока они действовали в соответствии с системой, которую получили в наследство. Они чувствовали, что полная и внезапная отмена рабства без переходного периода разрушила бы их экономику и оставила бы многих бывших рабов умирать от голода. Все это и в самом деле произошло в своё время¹.

Такова была ситуация, существовавшая во время избирательной кампании Линкольна, и вот почему в своих речах он стремился успокоить опасения южан в отношении своих намерений. Но его слова представляли собой, главным образом, политическую риторику. Линкольн был республиканцем, и он полностью зависел от северных промышленников, которые контролировали его партию. Даже если бы он захотел – а нет никаких указаний на то, что он хотел, – он не смог бы отменить тенденцию экономического фаворитизма и протекционизма, которые помогли ему выиграть выборы.

МЕКСИКА И ДОКТРИНА МОНРО

Вдобавок к конфликтующим интересам Севера и Юга действовали также силы, направленные на расщепление страны на две части. Эти силы коренились в Европе и концентрировались вокруг желаний Франции, Испании и Англии контролировать рынки Латинской Америки. Главной целью была Мексика. По этой причине за 38 лет до того была сформулирована доктрина Монро. Президент Джеймс Монро уведомил страны Европы, что США не будут вмешиваться в их дела и что любое их вмешательство в *американские* дела допускаться не будет. В частности, в декларации говорилось, что американские континенты больше не будут рассматриваться как доступные для колонизации.

Ни одна из европейских держав не пожелала проверить этот вопрос на практике, но они знали, что если бы США оказались втянутыми в Гражданскую войну, они не могли бы одновременно воевать в Латинской Америке. Следовательно, содействие войне между штатами подготовило бы почву для колониального захвата Мексики. Оба американских континента стали гигантской шахматной доской, на которой шла игра в глобальную политику.

В издании *American Heritage Picture History of the Civil War* мы читаем:

¹ См.: «No Civil War at All; Part One», by William McIlhany, *Journal of Individualist Studies*, Winter, 1992, p. 41.

Война не продвинулась достаточно далеко, пока не стало ясно, что правящие классы каждой из этих двух стран [Англии и Франции] в большой степени симпатизируют конфедератам – в такой большой степени, что малейший толчок мог бы побудить их к вмешательству и в результате применения вооружённых сил привести к независимости южных штатов. Европейские аристократии никогда не были довольны поразительными успехами американской демократии. Европейские правители были бы рады, если бы теперь страна развалилась на две части, подтверждая, что демократия не способна выжить¹.

За глобальной шахматной партией между Линкольном с одной стороны и Англией и Францией с другой внимательно наблюдали другие европейские лидеры. Одним из самых беспристрастных наблюдателей того времени был канцлер Германии Отто фон Бисмарк. Поскольку Бисмарк сам был чрезвычайно обязан возможностям международных финансов, его наблюдения вдвойне показательны. Он сказал:

Деление США на федерации, обладающие равной силой, было делом, решённым высшими финансовыми силами Европы задолго до Гражданской войны. Эти банкиры опасались, что США, если бы они остались единой страной, достигли бы экономической и финансовой независимости, которая нарушила бы их финансовое доминирование в Европе и в мире. Разумеется, во «внутреннем круге» финансового мира доминировал голос Ротшильдов. Они видели возможность огромной добычи в том случае, если бы смогли заменить сильную самодостаточную республику двумя слабыми демократиями, обременёнными долгами перед финансистами. Поэтому они послали своих агентов использовать в собственных интересах вопрос о рабстве и вбить клин между двумя частями союза. Разрыв между Севером и Югом стал неизбежным; хозяева европейских финансов применили все свои силы, чтобы сделать это и использовать ситуацию в своих интересах².

Стратегия была проста, но эффективна. Через несколько месяцев после первого столкновения сил Севера и Юга Франция высадила войска в Мексике.

¹ Bruce Catton, author; Richard M. Ketchum, ed., *The American Heritage Picture History of the Civil War* (New York: American Heritage Publishing Co., 1960), p. 249.

² Эти слова процитировал Конрад Сиен, немец, который стал американским гражданином и который написал о жизни и взглядах Бисмарка. Они были опубликованы в *La Vieille France*, No. 216, March 17-24, 1921, pp. 13-16. Читатель должен быть осторожным, потому что Бисмарк не был образцом добродетели, а его политические взгляды как отца современного социализма следует принимать с большой осторожностью. Если отвлечься от всего этого, нет сомнения, что эта цитата представляет собой точную оценку происков европейского заговора того времени.

К 1864 году мексиканцы были покорены, и французский монарх назначил Фердинанда Максимилиана марионеточным императором. Конфедерация нашла в Максимилиане самого подходящего союзника, и обе группы ожидали, что после успешного завершения войны они объединятся и образуют новую нацию – разумеется, контролируруемую финансовой мощью Ротшильда. В то же время Англия ввела свою одиннадцатитысячную армию в Канаду, угрожающе расположив её напротив северного фланга союза, а также привела британский флот в состояние боевой готовности военного времени¹.

Европейские державы приближались к краху.

РЕЗЮМЕ

Второй Банк США умер, но *банковское дело* оставалось вполне живым. Многие старые проблемы продолжали существовать, и возникали новые. Выпуск банкнот был строго ограничен, но это в большой степени компенсировалось возрастающим использованием денег безналичных расчётов, выпуск которых вообще ничем не ограничивался.

Когда Второй банк США стал историей, страна приближалась к концу фазы подъёма цикла, состоящего из бумов и спадов. Когда наступило неизбежное сокращение денежной массы, политики начали предлагать, как придать банковской системе стабильности. Ни одно из предложений не пыталось решить реальную проблему, которая заключалась в самом частичном банковском резервировании. Вместо этого они сконцентрировались на том, как заставить его работать. Все эти предложения были опробованы, и все они потерпели неудачу.

Эти годы иногда характеризуют как период свободной банковской деятельности, что не соответствует истине. Все, что произошло, – это банки были преобразованы из корпораций в частные ассоциации, произошло изменение формы, но не сути. Они все так же были обременены государственными проверками, предписаниями и прочими препятствиями для свободного рынка.

Экономический хаос и конфликт этого периода были основными причинами Гражданской войны. Линкольн объяснил в своих речах, что проблемой было не рабство. Главная проблема заключалась в том, что Север и Юг зависели друг от друга в отношении торговли. Промышленно развитый Север продавал свою продукцию Югу, который продавал Северу свой хлопок. Кроме того, Юг имел торговые отношения с Европой, и это вызывало раздражение Севера. Европа продавала много своей продукции по более низким ценам, и Север лишался доли на рынке. Политики Севера приняли протекционистские законы, налагавшие импортные пошлины на

¹ Catton and Ketchum, p. 250. А также: Otto Eisenschiml, *The Hidden Face of the Civil War* (New York: Bobbs-Merrill, 1961), p. 25.

промышленные товары. Все это почти прекратило ввоз европейских товаров и вынудило Юг покупать их у Севера по более высоким ценам. В ответ Европа сократила покупки американского хлопка. Это ещё больше повредило экономике Юга. Это был классический пример узаконенного грабежа, и Юг желал прекратить эти отношения.

Между тем в Европе существовали мощные силы, которые желали увидеть Америку втянутой в Гражданскую войну. Если бы можно было разделить её на два враждебных государства, стало бы меньше препятствий для европейской экспансии на североамериканский континент. Франция жаждала захватить Мексику и сделать из неё новую империю, которая также включала бы в себя многие южноамериканские штаты. Англия, с другой стороны, привела в боевую готовность свои вооружённые силы, расположенные вдоль канадской границы. Политические агитаторы, финансируемые и направляемые из Европы, проявляли активность по обе стороны линии Мейсона – Диксона (граница между Севером и Югом США). Вопрос о рабстве был всего лишь уловкой. Америка стала мишенью в беспощадной игре мировой экономики и политики.

ГЛАВА 19

ЗЕЛЕННЫЕ БУМАЖКИ И ДРУГИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Причины Гражданской войны были экономическими и политическими, а не разногласием между свободой и рабством; способ, с помощью которого две стороны использовали бумажные деньги для финансирования войны; значительная роль иностранных держав.

В предыдущей главе мы обсудили, как американский континент стал гигантской шахматной доской в игре глобальной политики. Европейским державам очень хотелось вовлечь США в гражданскую войну и, в конце концов, разделить их на два более мелких и более слабых государства. Это позволило бы им осуществить последующую колонизацию Латинской Америки, не опасаясь, что американцы смогут применить доктрину Монро. Поэтому через несколько месяцев после начала войны между Севером и Югом Франция высадила свои войска в Мексике и к 1864 году назначила Максимилиана марионеточным монархом. Сразу же начались переговоры по введению Мексики в войну на стороне Конфедерации. Англия развернула свои войска на канадской границе. Казалось, что Америка потерпела поражение от европейских держав.

РОССИЯ ОБЪЕДИНЯЕТСЯ С СЕВЕРОМ

Это был виртуозный ход, который, возможно, помог бы Европейским державам выиграть, если бы неожиданное событие не изменило расстановку сил. Царь Александр II, который, между прочим, никогда не разрешал создавать в России центральный банк¹, уведомил Линкольна, что он готов вступить в военный союз с Севером. Хотя Александр II незадолго до того освободил крепостных в своей собственной стране, его основная мотивация к тому, чтобы прийти на помощь Союзу, несомненно, не имела ничего общего с пробле-

¹ Его внук, царь Николай II, взял кредит у Дж.П. Моргана. В соответствии с классическим применением формулы Ротшильда, Морган также финансировал меньшевиков и большевиков. Меньшевики вынудили Николая отречься от престола, а большевики казнили его. См.: Chernov, pp. 195, 211.

мой освобождения рабов Юга. Англия и Франция плели интриги, пытаясь разрушить Российскую империю путем отделения Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши, Крыма и Грузии. Наполеон III, французский император, предложил Великобритании и Австрии немедленно вместе объявить войну России, чтобы ускорить это отделение.

Понимая, что враги рассматривают возможность войны, царь Александр решил сыграть свою собственную игру. В сентябре 1863 года он послал боевые корабли Балтийского флота в Александрию, штат Вирджиния, а Азиатский флот – в Сан-Франциско. Значение этого шага объяснил Карл Врангель-Рокоссовский, человек, русский по рождению:

Между Россией и США не было подписано никаких договоров, но их взаимный интерес и угроза войны для обеих стран объединили их в этот критический момент. Отправив свой Балтийский флот в порты Северной Америки, царь изменил свою позицию с оборонительной на наступательную. Пункт 3 инструкций, переданных адмиралу Лессовскому адмиралом Краббе, российским морским министром, и датированных 14 июля 1863 года, предписывал российскому флоту в случае войны атаковать торговый флот врага и его колонии так, чтобы нанести наибольшие повреждения. Такие же инструкции были переданы адмиралу Попову, командующему российским Азиатским флотом¹.

Присутствие российских военно-морских сил помогло Союзу организовать мощную морскую блокаду южных штатов, которая перекрыла им доступ к особо важным предметам снабжения из Европы. Не то чтобы российские суда без посторонней помощи держали на почтительном расстоянии английские и французские корабли. На самом деле нет никаких свидетельств того, что они вели огонь друг по другу, но факт остается фактом. То, что ни Англия, ни Франция в тот момент не хотели подвергаться риску оказаться втянутыми в открытую войну с США и Россией, привело к тому, что они проявили чрезвычайную осторожность в отношении оказания явной военной помощи Югу. Они сочли целесообразным сохранять официальный нейтралитет на протяжении всего конфликта. Без сдерживающего присутствия российского флота ход этой войны мог быть совершенно другим.

Война началась неудачно для Севера, и в её первые годы итог был далеко не очевиден. Союзническая армия пережила ряд поражений на поле битвы, а энтузиазм населения сильно снизился. Как уже говорилось выше, вначале эта война не была народной, основанной на принципах гуманности; это была война предпринимателей. Это представляло для Севера две серьезные проблемы: первая заключалась в том, как заставить людей воевать, а вторая – как

¹ Carl Wrangell-Rokossovsky, *Before the Storm* (Ventimiglia, Italy: Typo-Litografia Ligure, 1872), p. 57.

заставить их платить. Обе проблемы были решены посредством нарушения Конституции.

МАНИФЕСТ ЛИНКОЛЬНА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ РАБОВ

Чтобы заставить людей воевать, было принято решение превратить эту войну в крестовый поход против рабства. Манифест Линкольна об освобождении рабов главным образом представлял собой ход Линкольна, целью которого было раздувание тлеющих угольков поддержки «войны богатых и борьбы бедных», как это обычно называли на Севере. Более того, Манифест не был ни поправкой к Конституции, ни даже законом Конгресса. Он был выпущен без конституционных полномочий, как отдельный приказ самого Линкольна, *главнокомандующего вооруженными силами*.

Сохранение Союза было недостаточной причиной для разжигания народного энтузиазма в отношении войны. Здесь могла бы помочь только более важная проблема свободы. Чтобы сделать благое дело свободы синонимом благого дела, за которое стоит Север, единственное решение заключалось в том, чтобы официально объявить поход против рабства. После многократных заявлений, что рабство не было причиной войны, Линкольн позже объяснил, почему он изменил свой курс и выпустил этот Манифест:

Ситуация изменилась от плохой до совсем скверной; следуя нашему плану, мы достигли конца пути, мы разыграли последнюю карту и теперь должны изменить тактику, или мы проиграем. Я решил принять политику освобождения рабов¹.

Риторика Манифеста была великолепна, но идея оставляла желать много лучшего. Брюс Каттон объясняет в *American Heritage Picture History of the Civil War*.

С формальной точки зрения этот Манифест был почти абсурдным. Он провозглашал свободу для всех рабов именно в тех районах, где США фактически не могли обеспечить его полномочия, и позволял рабству продолжать существовать в рабовладельческих штатах, которые оставались под федеральным контролем. Но в результате он изменил характер войны и обрек Конфедерацию на поражение².

¹ Цитируется по: Charles Adams, *Fight, Flight, Fraud: The Story of Taxation* (Curacao, The Netherlands: Euro-Dutch Publishers, 1982), p. 229.

² Catton and Ketchum, p. 252.

Манифест сильно повлиял и на европейские державы. Пока война рассматривалась как попытка правительства подавить восстание, в ней не было ничего священного, и не было ничего позорного в том, чтобы помогать той или другой стороне. Но теперь, когда открытым лозунгом стала свобода, ни одно из правительств Европы – а менее всего это относится к правительствам Англии и Франции – не отважилось вызвать гнев в своих субъектах, выступив против страны, которая пыталась разрушить рабство. После 1862 года шанс, что Европа начала бы военную интервенцию от имени Конфедерации, быстро уменьшился до нуля. На пропагандистском фронте Юг маневрировал, пытаясь занять позицию, которую не отвергли бы в современном мире.

Превращение войны в крестовый поход против рабства было блестящим ходом со стороны Линкольна, и этот ход вылился в рост числа добровольных новобранцев в союзническую армию. Но это продолжалось недолго. Северяне, возможно, и осуждали рабство на Юге, но, когда началось серьезное кровопролитие, их готовность *умирать* за свои убеждения стала уменьшаться. В начале войны срок службы добровольцев продолжался только три месяца, и, когда он закончился, многие солдаты отказались продолжать службу. Линкольн столкнулся со сложной ситуацией, когда у него вскоре не оказалось бы армии для осуществления его крестового похода.

ФОРМИРОВАНИЕ АРМИЙ С ОБЕИХ СТОРОН

Из истории известно, что люди готовы взяться за оружие, чтобы защищать свои семьи, свои дома и свою страну в случае угрозы со стороны враждебных сил. Но единственный способ заставить их воевать в войне, в которой они не имеют осознанного личного интереса, заключается в том, чтобы либо заплатить им щедрое вознаграждение, либо *вынудить* их делать это по призыву. Поэтому неудивительно, что для сохранения союзнической армии были использованы оба способа. Более того, хотя в Конституции сказано, что только Конгресс может объявлять войну и собирать армию, Линкольн сделал это исключительно по своей собственной инициативе¹.

Северным штатам дали возможность заполнить определенную квоту призывников добровольцами еще до начала призыва. Чтобы обеспечить эту квоту и избежать призыва, все штаты, районы и округа разработали сложную систему премий, вручаемых при добровольном поступлении на службу. К 1864 году было множество районов, где любой человек мог получить свыше 1000 долларов – это эквивалентно сегодняшним 50 000 долларов – просто за поступление на военную службу. Обеспеченный человек мог избежать при-

¹ Позже Конгресс одобрил действия Линкольна, но к тому времени у него уже не было выбора. Война уже шла.

зыва, просто заплатив денежный сбор за замену себя или наняв кого-либо другого служить на его месте.

На Юге правительство подошло к вопросу призыва еще более энергично. Несмотря на свое внимательное отношение к правам штатов, Конфедерация немедленно сосредоточила в Ричмонде большинство полномочий и прерогатив централизованного национального правительства. В 1862 году она приняла закон о военной присяге, который возложил на президента Конфедерации обязанность исключительного контроля над всеми гражданами мужского пола в возрасте от 18 до 35 лет. Как и на Севере, здесь были существенные лазейки. Например, владельца двадцати рабов или надсмотрщика над ними нельзя было призвать на военную службу¹. По совести говоря, следует отметить, что многие не воспользовались этим исключением. В отличие от ситуации на Севере, солдаты понимали, что они воюют, защищая свои семьи, дома и собственность, а не по малопонятной причине или за вознаграждение за добровольное поступление на службу.

БУНТЫ НА СЕВЕРЕ

Когда в 1863 году Линкольн начал призыв, люди северных штатов возмутились. В Нью-Йорке, на Мэдисон-сквер, тысячи протестующих устраивали факельные шествия и собирались на антилинкольновские митинги. Историк Джеймс Хоран так описывает настроения: «Когда над трибуной для ораторов были подняты карикатуры президента, раздался свист и шум, как от миллиона рассерженных пчел»². В конце концов, в Огайо и Иллинойсе пришлось прибегнуть к помощи федеральных войск для подавления бунтов против призыва на военную службу. В Нью-Йорке, когда в газетах от 12 июля были опубликованы первые списки призывников, толпы штурмовали призывные участки и поджигали здания. Бунты продолжались четыре дня и были подавлены только после того, как федеральная армия Потомака получила приказ стрелять в толпу. Более тысячи гражданских лиц были убиты или ранены³.

Спустя много лет легко забыть, что Линкольн получил мятеж, с которым надо было что-то делать, на Севере и на Юге. Расстрел тысячи гражданских лиц солдатами своего *собственного* правительства – это трагедия огромных масштабов, и она многое говорит об отчаянном состоянии Союза в то время. Чтобы справиться с мятежом, Линкольн еще раз проигнорировал Конституцию, временно прекратив действие права *habeas corpus* (право арестованного быть доставленным в суд для пересмотра решения об избрании меры пресечения), что позволило правительству заключить в тюрьму своих критиков без

¹ Catton and Ketchum, pp. 484-485.

² James D. Horan, *Confederate Agent: A Discovery in History* (New York: Crown, 1954), p. 209.

³ Catton and Ketchum, pp. 486, 511.

официальных обвинений и судебного разбирательства. Таким образом, под знаменем выступления против рабства американских граждан северных штатов не только убивали на улицах своих собственных городов, их оправляли в бой против воли и бросали в тюрьму без надлежащей правовой процедуры. Иными словами, свободных людей поработили, чтобы можно было освободить рабов. Даже если бы предполагаемый крестовый поход был настоящим, это был неправильный обмен.

Как заставить людей *оплатить* ведение войны? Эта проблема была решена аналогичным способом. Если Конституцию можно было проигнорировать в отношении личных прав и самой войны, она тем более не могла помешать в решении вопроса о простом *финансировании*.

Часто говорят, что правда – первая жертва войны. Мы добавим к этому: деньги – вторая жертва. В течение 1861 финансового года расходы федерального правительства составили 67 миллионов долларов. После первого года вооруженного конфликта они составляли 475 миллионов долларов и к 1865 году выросли до 1 миллиарда 300 миллионов долларов. Что касается доходов, то налоги покрывали только около 11% от этой цифры. К концу войны дефицит вырос до 2,61 миллиарда долларов. Эти деньги надо было где-то найти.

ПОДОХОДНЫЕ НАЛОГИ И ВОЕННЫЕ ЗАЙМЫ

В это время страна подверглась первому эксперименту с подоходным налогом. Это было очередное нарушение Конституции. По современным стандартам это был просто небольшой укус, но эта мера была чрезвычайно непопулярной, и Конгресс знал, что любые дополнительные налоги еще сильнее раздуют пламя бунта.

Ранее традиционным источником финансирования в военное время были банки, которые просто создавали деньги под видом предоставления займа. Но гибель Банка США сильно затруднила этот способ. Банкам штатов очень хотелось бы выступить в этой роли, но к тому времени их большая часть уже не могла выполнять свои обязательства по выплатам в виде металлических денег, и они были не в том положении, чтобы выпускать дополнительные деньги, по крайней мере такие деньги, которые люди захотели бы приобрести.

Возможно, американские банки не могли предоставлять соответствующие займы, но консорциум Ротшильда в Британии мог и был готов это делать. В это время дом Ротшильдов усиливал свои индустриальные активы в США через своего представителя Огюста Бельмонта. Дерек Уилсон рассказывает: «Они были владельцами или акционерами центральноамериканских металлургических заводов, североамериканских компаний по сооружению каналов,

а также множества других концернов. Они стали главными импортерами золотых слитков с вновь открытых золотых приисков»¹.

Бельмонт вложил крупные суммы из средств Ротшильдов в облигации финансируемых государством банков Юга. Эти облигации, разумеется, упали в стоимости практически до нуля. Однако, когда ситуация на войне изменилась и стала склоняться в пользу Севера, он начал скупать эти облигации, при этом платил несколько центов на каждый доллар номинальной стоимости. Его план заключался в том, чтобы в конце войны Союз вынудил северные штаты полностью оплатить все довоенные долговые обязательства. Это, разумеется, принесло бы Ротшильдам огромные доходы. Тем временем на северной стороне линии Мейсона – Диксона Бельмонт стал главным агентом по продажам облигаций Союза в Англии и Франции. Ходили слухи, что, когда Бельмонт обратился к президенту Линкольну и лично предложил ему деньги Ротшильда за 27 с половиной процентов, его грубо выгнали из кабинета. Эта история сомнительна, но она представляет стоящую за ней более масштабную истину. Доходы от войны и вложение денег в обе стороны военного конфликта были как раз тем, чем Ротшильды прославились в Европе и что теперь практиковалось в Америке.

На Севере продажа государственных облигаций представляла собой меру по получению денег, которая считалась эффективной. Тем не менее даже эта мера, сопровождавшаяся приманкой в виде обещания сложных процентов, которые впоследствии будут выплачены золотом, помогла собрать только половину необходимой суммы. Таким образом, Союз столкнулся с реальной дилеммой. Оставалось два варианта: закончить войну или печатать фиатные деньги. У Линкольна и республиканцев, которые контролировали Конгресс, не было никаких серьезных сомнений по поводу этого выбора.

Прецедент уже имел место во время войны 1812 года, когда Альберт Галлатин, министр финансов, отменил конституционный запрет на выпуск бумажных денег, и Министерство финансов напечатало банкноты, по большей части которых выплачивались проценты в 5,4 цента. Эти деньги никогда не провозглашались законным денежным средством, и, возможно, на этом основании их оправдывали как соответствующие конституционным нормам.

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ

Однако к началу войны между Севером и Югом все притязания на конституционность были забыты. В 1862 году Конгресс разрешил Министерству финансов напечатать банкноты стоимостью 150 миллионов долларов и пустить их в обращение в качестве денег для оплаты его расходов. Эти деньги были объявлены законным платежным средством для оплаты всех частных

¹ См.: Derek Wilson, p. 178.

долгов, но они не могли использоваться для оплаты государственных пошлин и налогов. Эти банкноты печатались зелеными чернилами и поэтому остались в истории как зеленые, или баксы (*greenbacks*). Избирателей убеждали, что это временная мера, но это обещание было вскоре забыто. К концу войны было выпущено 432 миллиона зеленых бумажных денег.

Официальные круги в Вашингтоне были настроены полагать, что Конституция хороша для мирного времени, но во время войны представляет собой непозволительную роскошь. Например, Сэлмон П. Чейз, министр финансов, чрезвычайно одобрял идею выпуска бумажных денег, которые печатались по его указанию. По его словам, они были «жизненно необходимы». Спустя восемь лет, когда он был председателем Верховного суда США, он заявил, что эти деньги не соответствовали конституционным нормам. Изменил ли он свою точку зрения? Вовсе нет. Когда он выпускал эти деньги, страна была в состоянии войны. Когда он объявлял их неконституционными, было мирное время. Это просто была одна из общих особенностей всех правительств военного времени. Эта особенность рассматривалась в предыдущей главе как предпосылка формулы Ротшильда: «Священность его законов, процветание его граждан и платежеспособность его Министерства финансов будут быстро принесены в жертву любым правительством ради главного – акта его самосохранения».

Конгресс требовал выпуска бумажных денег, а Линкольн с энтузиазмом его поддерживал. Его позиция была такова:

Правительство, имеющее право создавать и выпускать деньги и аккредитивы в качестве денег и пользующееся правом изымать деньги и аккредитивы из обращения путем налогообложения и иными способами, не нуждается в том, чтобы занимать деньги под процент, и не должно этого делать. Привилегия создания и выпуска денег – это не только высшая прерогатива правительства, но его величайшая созидательная возможность¹.

Могло бы показаться, что цель Линкольна заключалась в том, чтобы заставить правительство платить проценты банкам за деньги, которые они создают из ничего, когда *правительство* может создавать деньги из ничего с той же легкостью и *не* платить по ним проценты. Если некто игнорирует тот факт, что обе эти схемы запрещены Конституцией, и готов допустить преступную инфляцию, которая представляет собой последствия обеих этих схем, то здесь мы видим интересную логику. Политики продолжают владеть своими фиатными деньгами, но, по крайней мере, *банкам* в халяве отказано.

¹ Взято из краткого обзора кредитно-денежной политики Линкольна, подготовленного Законодательной справочной службой Библиотеки Конгресса. Цитируется по: Owen, p. 91.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ВЗГЛЯД ЛИНКОЛЬНА НА БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Совершенно очевидно, что Линкольн изменил точку зрения в отношении банков. На заре своей политической карьеры он был сторонником банковской индустрии и выгодного кредита. В качестве члена политической партии вигов в 1830-х годах – до того как он стал республиканцем в период своей президентской избирательной кампании – он был сторонником Второго банка США (Банка Бидла)¹. Во время его известных дебатов с сенатором Стивеном Дугласом одним из разногласий между ними было то, что Линкольн защищал Банк и поддерживал его восстановление. Кроме того, когда он стал президентом, он проявил инициативу и предложил Конгрессу восстановить Центральный банк².

Линкольн кажется человеком непоследовательным; такое ощущение, что, пытаясь финансировать непопулярную войну, он иногда считал необходимым, подобно Сэлмону Чейзу и другим политикам того времени, подавлять свои личные убеждения и делать то, что требовалось, чтобы соответствовать острой необходимости выживания правительства.

Ясно одно. Вне зависимости от личных взглядов Линкольна на денежные средства, эти бумажные деньги (*greenbacks*) были не в радость банкирам, которым, таким образом, помешали аннулировать государственный долг, как они обычно это делали. Им очень хотелось заменить эти федеральные фиатные деньги *банковскими* фиатными деньгами. Для этого надо было бы создать абсолютно новую денежную систему с правительственными облигациями, используемыми в качестве обеспечения выпуска банкнот; иными словами, это был бы возврат к механизму центрального банка. Именно это и собирался организовать министр Чейз.

В 1862 году основная позиция банкиров была изложена в меморандуме, который назывался «Циркуляр о рисках». Он был подготовлен американским агентом британских финансистов и распространен среди состоятельных бизнесменов страны. В нем говорилось:

Огромный долг, с которым разберутся предприниматели и который возник в результате войны, должен быть использован как средство регулирования денежной массы. Для этого необходимо использовать облигации в качестве основания для банковских операций. Сейчас мы

¹ См.: Речь Линкольна о филиале Казначейства США, Fehrenbacher, pp. 56-57.

² См.: Ежегодное обращение Линкольна к Конгрессу, 1 декабря 1862 года, Fehrenbacher, p. 398.

ждем, чтобы министр финансов внес это предложение в Конгресс. Это действительно не позволит бумажным деньгам, так называемым баксам, находиться в обращении в качестве денег какое-то время, так как мы не можем это регулировать. Но мы можем управлять облигациями, а через них – банковскими ценными бумагами¹.

ЗАКОН О НАЦИОНАЛЬНОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

25 февраля 1863 года Конгресс принял Закон о национальной банковской деятельности (с внесением значительных поправок на следующий год), который установил новую систему банков, созданных на основе Закона о национальных банках. Структура этой системы была аналогична структуре Банка США, с тем исключением, что вместо *центрального* банка, обладающего полномочиями влиять на деятельность других банков, теперь было множество *национальных* банков, контролируемых Вашингтоном. Большая часть банковского законодательства преподносится общественности под привлекательной этикеткой реформирования. Закон о национальной банковской деятельности был одним из редких исключений. Он был честно поддержан в качестве чрезвычайной схемы военного времени для сбора денег на военные расходы посредством создания рынка правительственных облигаций и последующего преобразования этих облигаций в средства денежного обращения. Вот как работает эта схема. Когда национальный банк покупал государственные облигации, он не держал их у себя. Он возвращал их Казначейству, которое обменивало их на равную сумму банкнот Банка США с напечатанным на них названием банка. Правительство объявляло их законным средством для оплаты пошлин и налогов, и этот статус способствовал тому, что общественность принимала их в качестве денег. Банковская себестоимость этих облигаций была нулевой, поскольку они сразу же вернули себе свои деньги. С технической точки зрения банк все еще владел этими облигациями и получал проценты по ним, но они также использовались в качестве равной суммы вновь созданных банкнот, которые тоже можно было одалживать под проценты. Когда дым рассеялся и зеркала были убраны, эта схема оказалась просто вариацией все той же старой схемы. Финансисты и политики просто превратили государственный долг в деньги, а банкиры получали немалые сборы за эту услугу с обеих сторон.

Единственный недостаток этой системы, по крайней мере с точки зрения самих махинаторов, заключался в том, что, хотя банкноты находились в об-

¹ The Hon. Charles A. Lindburgh, *Banking and Currency and the Money Trust* (Washington, DC: National Capital Press, 1913), p. 102.

ращении, их не объявляли законным платежным средством. Иными словами, они не могли использоваться для оплаты всех долгов, только пошлин и налогов. Официальными деньгами страны были только монеты из драгоценных металлов и бумажные деньги (*greenbacks*). Если бы спустя пятьдесят лет не была создана Федеральная резервная система, государственный долг в виде банкнот получил бы полномочия официальных национальных денег, пригодных для совершения всех денежных операций, – под страхом уголовного наказания.

Закон о национальной банковской деятельности 1863 года требовал, чтобы банки хранили некоторый процент от своих банкнот и вкладов в виде законных денег (золотых монет) в качестве резерва для покрытия возможности наплыва требований клиентов. Этот процент менялся в зависимости от величины и местоположения банка, но в среднем составлял около 12%. Это означает, что банк, имеющий 1 миллион долларов вкладов золотом, мог использовать из них примерно 880 000 долларов (1 миллион долларов минус 12%) для покупки государственных облигаций, менять эти облигации на банкноты, одалживать эти банкноты под проценты и получать проценты и по облигациям, и по кредитам. Теперь банк мог получать проценты по 880 000 долларов, одолженных правительству в виде золотых монет, плюс проценты по 880 000 долларов, одолженных клиентам в виде банкнот¹. Это удваивало доход банка без неудобств, связанных с увеличением своего капитала. Нет необходимости говорить, что облигации расхватавали сразу же, их только успевали печатать, и проблема финансирования войны была решена.

Еще одним следствием создания национальной банковской системы было то, что с этого момента она обеспечила федеральному правительству невозможность вылезти из долгов. Перечитайте эту формулировку. Это не преувеличение. Даже сторонники центрального банка вынуждены признать эту реальность. Гэлбрейт говорит мрачно:

Редко экономическая ситуация умудрялась более успешно опровергать самые осторожные экономические предвидения. Много лет после войны федеральное правительство имело большой профицит. Оно не могло выплатить свой долг, изъять из обращения свои ценные бумаги, потому что это изъятие означало бы отсутствие облигаций для обеспечения национальных банкнот. Выплатить долг было то же самое, что уничтожить денежную массу².

¹ Это теоретический максимум. Реальные цифры были бы несколько ниже из-за того, что банки редко могли пустить в обращение в виде займов все 100% своих банкнот. Уровень использования кредита для функциональных активов, вероятно, в среднем составлял около 70%, а не 88%.

² Galbraith, p. 90.

Как мы отметили в предыдущем разделе, это, по сути, была такая же ситуация, как существует сейчас. Каждый доллар наших денег и денег безналичных расчетов возник в результате предоставления банковских займов. Если бы все долги были выплачены, вся наша денежная масса исчезла бы, возвратилась обратно в чернильницы и компьютеры, откуда она и возникла. *Национальный долг* – это фундамент, на котором создаются деньги для *частного* долга¹. Выплата или даже сильное сокращение национального долга нанесли бы ущерб нашей денежной системе. Ни один политик не отважился бы это поддерживать, даже если в Казначействе имелись резервные фонды. Поэтому федеральная резервная система фактически заблокировала страну в состоянии постоянного долга.

СКРЫТАЯ СТОИМОСТЬ ВОЙНЫ

Третье следствие Закона о национальной банковской деятельности не станет сюрпризом для того, кто осилил предыдущие страницы этой книги. Во время войны покупательная способность баксов упала на 65%. Денежная масса выросла на 138%. Цены более чем удвоились, а зарплаты выросли менее чем наполовину. В соответствии с этим механизмом американцы отдали правительству и банкам более половины всех денег, которые они заработали или накопили в течение этого периода, – *в дополнение к налогам*².

Финансовые условия на Юге были еще хуже. За исключением конфискации примерно 400 000 долларов золотом из Федерального монетного двора в Новом Орлеане, почти вся война финансировалась печатанием фиатных денег. Банкноты конфедератов за год вырастали в объеме на 214%, тогда как объем всех денег, включая банкноты и деньги безналичных расчетов, увеличивались на 300% в год. Помимо банкнот конфедератов, каждый южный штат выпускал свои собственные фиатные деньги, и к концу войны банкнот было напечатано примерно на 1 миллиард долларов. За четырехлетний период цены взлетели на 9100%. После сражения при Аппоматтоксе банкноты и облигации конфедератов, естественно, уже ничего не стоили³.

Как обычно, обыкновенный гражданин не понял, что вновь созданные деньги представляют собой скрытый налог, который ему вскоре придется заплатить в виде повышенных цен. Избиратели северных штатов, безусловно, не допустили бы открытого и честного повышения налогов в таких размерах. Даже на Юге, где причину этого воспринимали как самозащиту, вероятно, относились бы к происходящему иначе, если бы заранее знали истинные разме-

¹ См.: Глава 10. Механизм Мандрагоры.

² См.: Paul and Lehrman, pp. 80-81; Groseclose, *Money and Man*, p. 193; Galbraith, pp. 93-94; Rothbard, *Mystery*, p. 222.

³ См.: Galbraith, p. 94. Также Paul and Lehrman, p. 81.

ры суммы налогового обложения. Но именно на Севере, не понимая механизма тайного искусства создания денег, американцы не только платили скрытый налог, но и одобряли действия Конгресса в отношении создания денег.

25 июня 1863 года, спустя ровно четыре месяца после введения в силу Закона о национальной банковской деятельности, из инвестиционной компании Ротшильда в Лондоне было отправлено тайное официальное сообщение одной ассоциированной банковской компании в Нью-Йорке. Оно содержало удивительно откровенное и хвастливое резюме:

Немногие, понимающие механизм системы (получение процентов по банковским займам и использование их в качестве денег), будут либо настолько заинтересованы в её доходах, либо настолько зависеть от её покровительства, что этот класс не будет противодействовать, тогда как, с другой стороны, огромное большинство людей, неспособных к пониманию, будет сносить это бремя без жалоб¹.

ЗАБОТА ЛИНКОЛЬНА О БУДУЩЕМ

В частном порядке Линкольн опасался Закона о банковской деятельности, но его преданность своей партии и необходимость сохранять единство в военное время вынудили его отозвать свое вето. Тем не менее его личная точка зрения была совершенно недвусмысленной. В письме к Уильяму Элкинсу в следующем году он сказал:

Власть денег оказывает пагубное влияние на страну в мирное время и тайно замышляет против нее во времена бедствий. Она деспотичнее монархии, надменнее самодержавия, эгоистичнее бюрократии. Я вижу, что в ближайшем будущем нас ждет кризис, который лишает меня присутствия духа и заставляет опасаться за безопасность моей страны. Корпорации возведены на престол, затем последует эпоха коррупции, и власть денег в стране попытается продлить свое господство, воздействуя на предубеждения людей, пока богатство не сосредоточится в руках нескольких и республика не будет уничтожена².

Изучая роль Линкольна в этой главе истории, невозможно не почувствовать непоследовательность. С одной стороны, он декларировал войну без Конгресса, прекращал действие *habeas corpus* (судебного приказа о пере-

¹ Цитируется по: Owen, pp. 99-100.

² Письмо к Уильяму Ф. Элкинсу, 21 ноября 1864 года. Archer H. Shaw, ed., *The Lincoln Encyclopedia: The Spoken and Written Words of A. Lincoln* (New York: Macmillan Co., 1950), p. 40.

даче содержащегося под стражей обвиняемого суду по месту совершения преступления) и выпустил Манифест об освобождении рабов не в качестве должностного лица, исполняющего пожелания Конгресса, а в качестве главнокомандующего вооруженными силами. Кроме того, Манифест был выпущен не из соображений гуманности, как это изображает популярная история, а в качестве маневра для формирования народной поддержки войны. Участвуя в выпуске бумажных денег (*greenbacks*), он нарушил один из самых четко прописанных и важных разделов Конституции. Отменив вето на Закон о национальной банковской деятельности, он согласился с передачей американского народа обратно в руки международного заговора, и это действие во многом напоминало принудительное возвращение пойманных беглых рабов.

Если оценивать позитивную сторону, патриотизм Линкольна не подлежит сомнению. Он заботился о сохранении Союза, не Конституции, и его отказ позволить европейским державам разделить Америку на блок непримиримых государств-наций был, несомненно, мудрым. Линкольн полагал, что он нарушил часть Конституции, чтобы сохранить целое. Но это опасное рассуждение. Его можно использовать почти при любом национальном кризисе для оправдания экспансии тоталитарного режима. Нет никаких причин полагать, что единственный способ спасти Союз заключался в том, чтобы отправить Конституцию на свалку. Ведь если бы Конституция с самого начала тщательно соблюдалась, южное меньшинство никогда не могло бы быть законно ограбленным северным большинством, и, вероятно, не возникло бы вообще никакого движения за отделение. И даже если бы оно возникло, точное прочтение Конституции в *тот* момент могло привести к честному и мирному урегулированию разногласий. Результатом было бы не только сохранение Союза без войны, но также и то, что сегодня правительство гораздо меньше вмешивалось бы в повседневную жизнь американцев.

ЗЛОБА НИКУДА НЕ ВЕДЕТ

Есть один момент, который определенно говорит в пользу Линкольна. В то время как его политические компатриоты завывали, призывая к экономической мести Югу, президент твердо стоял против этого. «Злоба никуда не ведет» – для него это был больше, чем лозунг, ради него он был готов рисковать своим политическим выживанием. Причина, по которой он наложил вето на законопроект Уэйда – Дэвиса об отмене рабства, заключалась в том, что этот законопроект позволил бы в конце войны применить право наложения ареста на южный хлопок с выгодой для текстильных мануфактур Новой Англии. Хлопок также послужил бы гарантией выплаты южного долга по контрактам, заключенным до войны, тем самым обеспечив средства для оплаты *по ному-*

нальной стоимости всех облигаций, приобретенных Огюстом Бельмонтом, агентом Ротшильда, по цене ниже номинальной. Такое сопротивление финансистам и спекулянтам, несомненно, требовало большого мужества.

Но проблема лежала еще глубже. Линкольн предложил всеобщую амнистию всем гражданам Юга, которые согласились бы принести присягу в благонадежности в отношении Союза. Когда десять процентов избирателей принесли эту присягу, он предложил им выбрать конгрессменов, сенаторов и правительство каждого штата, которое бы впоследствии опять считалось частью Союза. Республиканцы, с другой стороны, включили в законопроект Уэйда – Дэвиса положение о том, что каждый отделившийся штат будет рассматриваться как завоеванная страна. Политическая репрезентативность отрицалась до тех пор, пока 51 процент, а не 10 процентов, не принесли бы эту присягу. Бывшие рабы получили право голосовать (хотя женщинам это право до сих пор не предоставили даже на Севере), но из-за отсутствия у них грамотности и политического сознания никто не ожидал, что они будут играть в правительстве значительную роль в течение многих грядущих лет. Кроме того, те, кто принес присягу, должны были поклясться, что они никогда не поднимали оружие против Союза. Поскольку почти все годные к военной службе белые мужчины делали это, политическая репрезентативность Юга была бы отвергнута, по меньшей мере, в течение двух поколений.

По стратегии амнистии Линкольна оставалось недолго ждать, когда демократы в Конгрессе подавят республиканцев значительным большинством. Демократы на Севере уже вошли в силу, и если они могли бы объединиться с блоком демократов вновь присоединенного Юга, республиканцы потеряли бы политическую и экономическую власть. Таким образом, когда Линкольн наложил вето на этот законопроект, он резко восстановил против себя свою партию.

Сквозь эти встречные течения мотивов и специфических интересов просматриваются две группы, которые все в большей и большей степени находили, что им с Линкольном не по пути. Одна группа состояла из финансистов, северных предпринимателей и радикальных республиканцев; все они хотели законно ограбить Юг в конце войны. Политики из этой группы также стремились консолидировать свою власть и буквально создали военную диктатуру¹. Другая группа была меньше по размеру, но представляла такую же опасность. Она состояла из горячих голов, симпатизировавших конфедератам, – с Юга и с Севера, которые жаждали мести. Последующие события показали, что у обеих этих групп существовали конспиративные связи с организацией, называвшейся Рыцарями золотого круга.

¹ Об этом движении см.: Theodore Roscoe, *The Web of Conspiracy: The Complete Story of the Men Who Murdered Abraham Lincoln* (Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1959); также см.: Claude G. Bowers, *The Tragic Era: The Revolution after Lincoln* (New York: Houghton Mifflin, 1957).

РЫЦАРИ ЗОЛОТОГО КРУГА

Орден Рыцарей золотого круга был тайной организацией, посвященной революции и завоеваниям. Его наиболее известными членами были Джесси Джеймс и Джон Уилкс Буд. Орден организовал Джордж В.Л. Бикли, который основал свой первый «замок» в Цинциннати в 1854 году, набрав членов главным образом из масонских лож. У Ордена были тесные связи с тайным обществом во Франции, которое было отделением Ордена иллюминатов¹. После начала войны Бикли стал главой тайного общества конфедератов, и его организация быстро распространилась по всей стране, включая южные штаты.

На Севере заговорщики стремились «захватить политическую власть и свергнуть правительство Линкольна»². Фактически северные бунты против призыва на военную службу, упоминавшиеся выше, были в большой степени результатом деятельности этой группы³. На Юге «они пытались способствовать распространению рабства путем завоевания Мексики»⁴. Совместно с Макмилланом Рыцари надеялись основать мексикано-американскую империю, которая стала бы эффективной силой, противодействующей Северу. По сути, само название организации отражает их цель – отрезать кусок от Северной Америки и создать империю, географические границы которой образовали бы круг, центром которого была бы Куба, а окружность достигала Пенсильвании в северном направлении и Панамы в южном направлении.

В 1863 году группа была реорганизована и превратилась в Орден американских рыцарей, а позже – в Орден сыновей свободы. Он насчитывал от 200 000 до 300 000 членов. После войны он ушел в глубокое подполье, и его остатки со временем обнаружили под названием Ку-клукс-клан.

ДЖОН УИЛКС БУД

Одна из легенд того времени гласит, что Джон Уилкс Буд не был убит, вопреки общепринятой точке зрения, а сумел бежать; что труп на самом деле принадлежал его сообщнику; и что правительство под жестким руководством военного министра Эдвина М. Стэнтона сделало все, чтобы скрыть факты. На первый взгляд, это нелепая история. Но когда обширный архив военного департамента был, наконец, рассекречен и в середине 1930-х годов стал

¹ «No Civil War at All; Part Two», William McIlhenny, *Journal of Individualist Studies*, Fall, 1992, pp. 18-20.

² Horan, p. 15.

³ Там же, с. 208-223.

⁴ Там же, с. 16. О присоединении Мексики см. также *Columbia Encyclopedia*, Third Edition, p. 1143.

доступен широкой публике, историки узнали, что этот архив содержит множество фактов, заставляющих поверить легенде. Первым, кто исследовал эти поразительные записи, был Отто Эйзеншимл, труд которого под названием «Почему был убит Линкольн?» был опубликован в 1937 году издательством *Little, Brown and Company*. Однако наилучшим образом и наиболее читабельно эти факты спустя 20 лет представил Теодор Роско. В предисловии к своей работе он изложил выводы, возникающие после изучения архива, который долго оставался засекреченным:

Из обширной литературы XIX века об убийстве Линкольна многое из написанного обращается к трагедии, произошедшей около театра Форда, когда он еще назывался Гранд-опера. Лишь немногие сочли это преступление делом об убийстве: Линкольн, умирающий в результате вопиющего преступления, подкарауливающий его убийца Буд во главе банды пьяных прихвостней, план убийства, содержащий такой простой элемент, как мотив выгоды. Спустя 70 лет писатели искажали информацию об этом преступлении с достоинством, которого оно не заслуживало: Линкольн, типичный мученик; Буд, типичный злодей; убийство, отпущенное образцовым правосудием; раскрытый заговор; триумфальное появление Добродетели (в мантии правительства) и Линкольн, «принадлежащий истории».

Но факты по этому делу не являются ни убедительными, ни отрадными, потому что они указывают на то, что преступники, ответственные за смерть Линкольна, остались безнаказанными¹.

Изола Форрестер была внучкой Джона Уилкса Буда. В своей книге *This One Mad Act* она рассказывает об обнаружении тайных записей Рыцарей золотого круга, которые были тщательно упакованы, спрятаны в сейфе правительства много десятилетий назад и обозначены как секретные документы военного министра Стэнтона. Со времени убийства Линкольна никому никогда не разрешалось изучать этот пакет. Поскольку Изола Форрестер была родственницей Буда и обладала полномочиями профессионального писателя, ей, в конце концов, разрешили стать первым человеком, который после всех этих лет изучил содержимое пакета. Она подробно излагает свои впечатления:

Пять лет назад я смогла исследовать содержимое таинственного старого пакета, спрятанного в сейфе, там, где хранились реликвии и вещественные доказательства, использованные на судебном процессе по делу о заговоре. Я никогда не увидела бы этот пакет, если бы пять лет назад не встала на колени на пол ячейки и не разглядела его в задней части старого сейфа, где он лежал. Это все касается странной тайны,

¹ Roscoe, p. VII.

связанной с делом чиновников военного периода, – утаивания этих документов и двух фрагментов кости с пулей и револьвером. Что могло объединять такие разные и такие мрачные вещественные доказательства?

Это было связано с моим дедом. Я знала, что он был членом тайного ордена, который основал Бикли, ордена Рыцарей золотого круга. У меня есть его старая фотография, где он снят среди других членов ордена, одетых по форме. Этот снимок хранился в бабушкиной Библии, мне показала его дочь Гарри. Я знала, что газеты, которые вышли сразу же после убийства, обвиняли орден в убийстве Линкольна, они объявили Буда членом ордена и орудием, с помощью которого было совершено убийство. Я снова вспомнила эти слова, которые слышала от бабушки, когда она сказала, что её муж стал «орудием в руках других людей»¹.

Интересный комментарий. Вызывает сомнение одно: орудием *каких* других людей он стал? Бабушка Форрестер имела в виду руководителей Рыцарей золотого круга? Агентов европейских финансистов? Или заговорщиков из партии, к которой принадлежал сам Линкольн? Вероятно, мы никогда в точности не узнаем, в какой степени любая из этих групп могла участвовать в убийстве Линкольна, но мы *точно* знаем, что в федеральном правительстве существовали мощные силы, группировавшиеся вокруг военного министра Стэнтона, которые активно прятали улики и спешили прекратить следствие. Они *кого-то* защищали.

РЕЗЮМЕ

Пора оставить этот трагический эпизод и двигаться дальше. Подведем итоги. Самая кровавая и опустошительная американская война велась не из-за разногласия по вопросу свободы или рабства, а из-за столкновения экономических интересов. В основе этого конфликта были вопросы узаконенного грабежа, банковских монополий и даже европейской территориальной экспансии в Латинскую Америку. Следы формулы Ротшильда безошибочно определяют-ся на могилах американских солдат с обеих сторон.

На Севере ни бумажных денег (*greenbacks*), ни налогов, ни военных займов не хватало, чтобы финансировать войну. Таким образом, для того чтобы превращать государственные облигации в фиатные деньги, была создана национальная банковская система, и люди потеряли более половины своих денежных средств из-за скрытого налога (инфляции). На Юге печатные прессы достигли такого же эффекта, и все закончилось полной потерей денежной массы.

¹ Izola Forrester, *The One Mad Act* (Boston: Hale, Cushman & Flint, 1937), p. 355.

Публикация Манифеста Линкольна об освобождении рабов и военная помощь, предложенная русским царем Александром II, в большой степени способствовали тому, что Англия и Франция воздержались от вступления в войну на стороне Конфедерации. Линкольн был убит членом ордена Рыцарей золотого круга, тайного общества, которое, по слухам, было связано с американскими политиками и британскими финансистами. Царь Александр был убит несколькими годами позже членом «Народной воли», российского тайного общества нигилистов, которое, по слухам, было связано с нью-йоркскими финансистами, а именно с Джейкобом Шиффом и компанией *Kuhn, Loeb & Company*.

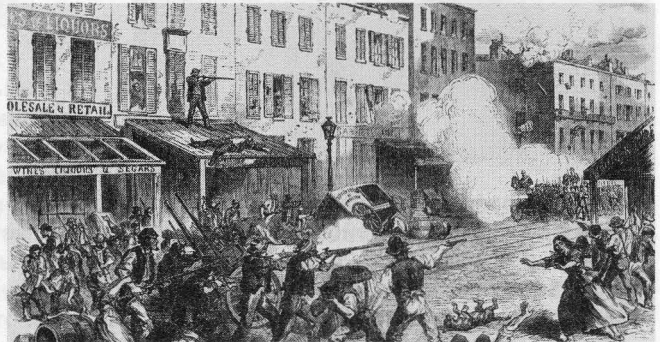
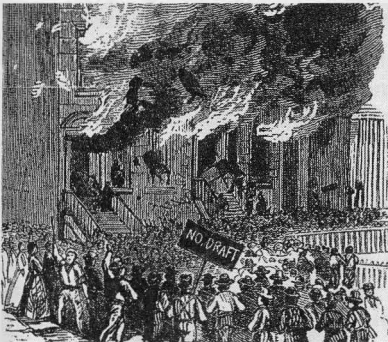
Что касается создания центрального банка, то здесь были отдельные победы и отдельные неудачи. Бумажные деньги (*greenbacks*) на некоторое время лишили банкиров их юридического преимущества в отношении небольшой части государственного долга, но Закон о национальной банковской деятельности быстро положил этому конец. Кроме того, использование государственных облигаций в качестве обеспечения денежной массы ввергло страну в бессрочный долг. Основание было на месте, но всю конструкцию еще требовалось возвести. Денежную систему следовало сконцентрировать на механизме одного центрального банка, отнять бразды правления у политиков и отдать в руки самих банкиров.

Настало время Порождению посетить Конгресс.

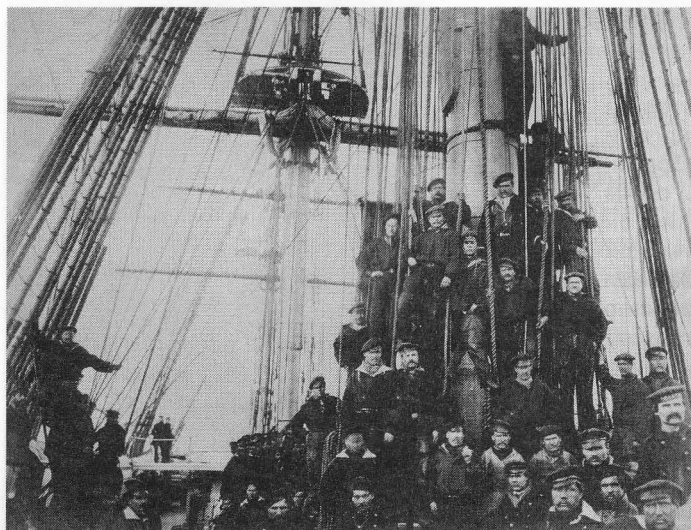

Президент Эндрю Джексон начал свою политическую карьеру в 1832 году, наложив вето на разрешение о продлении лицензии Второму банку США. Он назвал этот банк монстром и заявил: «Я готов клещами вытянуть каждый зуб и все обломки». Избиратели одобрили это и переизбрали его с огромным преимуществом.

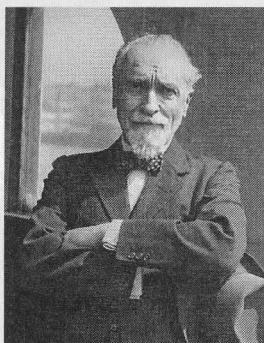
Николас Бидл руководил Вторым банком США. Вместе со многими конгрессменами и сенаторами, которые были связаны с ним в финансовом отношении, он обладал огромной политической властью. Он сознательно вызвал банковскую панику и депрессию в целях запугивания избирателей и содействия осуждению анти-банковской политики Джексона. Бидл заявлял: «Все прочие банки и коммерсанты могут разориться, но Банк США не разорится никогда». В конечном счете, он утратил доверие. Действие лицензии банка истекло в 1836 году.

Во время президентского правления Линкольна, в период Гражданской войны, как на Севере, так и на Юге произошли мятежи. На этих двух гравюрах (автор Лесли) изображены бунты против военного призыва 1863 года, которые имели место в Огайо, Иллинойсе и Нью-Йорке. В Нью-Йорке свыше тысячи человек гражданского населения были убиты или ранены федеральными солдатами. Гражданская война началась из-за экономических разногласий, а не из-за проблемы рабства. Эта война не была популярной на Севере, пока вопрос рабства не был добавлен позднее и не превратил её в моральный крестовый поход. (Две фотографии – из Нью-йоркского исторического общества)

Команда русского фрегата «Ослябя», позировавшая для снимка в Александрии, штат Вирджиния, 1863 год. Царь Александр II отправил свой Балтийский флот в Александрию, а Азиатский флот в Сан-Франциско, где им было поручено оказать помощь Союзу в войне против Юга. Это имело мало общего с освобождением рабов. Франция строила планы захвата Мексики, а Англия желала разделить Америку. Россия просто противодействовала Англии и Франции, которые были её врагами. Европейские державы были очень заинтересованы в американской Гражданской войне, преследуя свои собственные цели. Без вмешательства России исход войны мог быть совершенно иным.

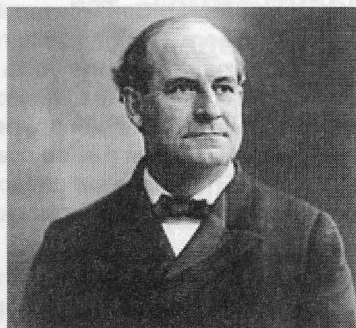
Монтегю Норман был главой Английского банка в первые годы действия Федерального резерва. Здесь он изображен в 1931 году на борту судна «Герцогиня Йоркская» в Саутгемптоне.

Норман часто бывал в США, где тайно встречался с Бенджаминем Стронгом, главой Федерального резерва. Стронг согласился использовать Федеральную резервную систему для неофициальной помощи Великобритании в её финансовых обязательствах, и впоследствии из США потекли миллиарды долларов. Этот денежный поток положил начало Великой американской депрессии 1930-х годов.

Уильям Вентворт встретился с Норманом на борту корабля в 1929 году. Норман конфиденциально сообщил ему, что вскоре произойдет «реорганизация» американского финансового рынка. Через несколько месяцев произошел крах фондовой биржи.

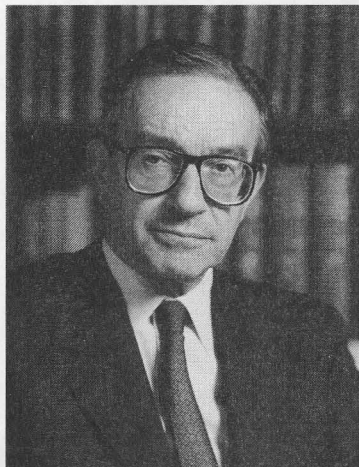
Джон Д. Рокфеллер-старший представлен здесь дающим монетку в 10 центов ребенку под взглядами восхищенной толпы. Это был один из его любимых рекламных трюков, задуманный его штабом по связям с общественностью для противодействия антирекламе, связанной с его деловыми операциями. Его широкомасштабная филантропия стала развитием той же самой техники.

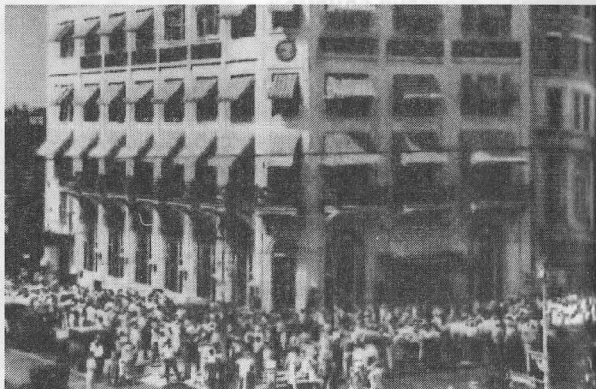
Уильям Дженнингс Брайан был одним из самых влиятельных демократов в Конгрессе. Он противодействовал принятию закона о Федеральном резерве, так как считал, что это означает скорее частный выпуск денег, чем правительственный. Его обманом путем втянули в поддержку билля, когда был достигнут «липовый» компромисс, который придал *видимость* общественного контроля и государственной эмиссии, но на самом деле не было ни того, ни другого. Брайану воздали должное, назначив его Государственным секретарем. Его разочаровала двойственность правительства, он подал в отставку, узнав, что Вильсон не известил общество о том, что «Лузитания» перевозит боеприпасы. Он заявил, что это «как если бы выставить женщин и детей перед армией».

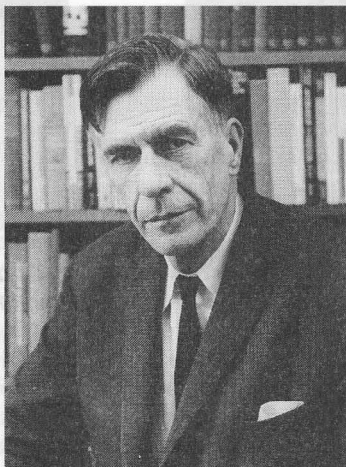
Джон Д. Рокфеллер III (справа) вручает чек на сумму 8 500 000 долларов Трюгве Ли, первому Генеральному секретарю ООН. Дата – 25 марта 1947 года. Деньги предназначались для приобретения земли на острове Манхэттен, где будет построено здание ООН. Посредством Совета по международным отношениям (CFR) Рокфеллеры оказались в авангарде движения за мировое правительство, которое должно было строиться на принципах социализма и феодализма. Они не сомневались, что они и их партнеры в других странах будут стоять у руля.

Алан Гринспен был красноречивым защитником золотого стандарта и критиком угодничества Системы перед банковским картелем. Это было в 1966 году. Став директором фирмы «Дж.П. Морган и К°» и главой Федерального резерва в 1987 году, он перестал высказываться по этим вопросам и не делал ничего, что могло бы вызвать раздражение этого Порождения, которому он теперь служил. Он, как и Брайан, показали, что даже лучшие из людей могут быть подкуплены поощрениями политиков.

Первый Национальный банк в Сент-Питерсберге, Флорида, испытал «набег» 12 июня 1930 года. Рассерженные вкладчики хотели получить свои деньги, но банк не мог их выплатить, поскольку деньги вкладчиков пошли на ссуды другим, — история, повторявшаяся тысячи раз во все времена и в каждой стране. Это является следствием частичного банковского резервирования.

Джон Кеннет Гэлбрейт, историк и профессор Гарвардского университета, подтвердил, что его спрашивали, не был ли он частью команды, выпустившей «Доклад из Айрн-Маунтин», исследование «мозгового центра», выполненное по заказу Министерства обороны. Цель исследования — выяснить новые пути удержания масс

в повиновении. Когда копия «Доклада» просочилась в прессу, правительство заявило, что это мистификация. Гэлбрейт подтвердил его полную аутентичность.

РАЗДЕЛ V

УРОЖАЙ

Учёные-финансисты и политики продолжают комментировать теоретические заслуги Федеральной резервной системы. Стало современным актом веры, что экономическая жизнь просто невозможна без этой системы. Но время для теорий кончилось. Порождение 1913 года устроилось в своём логове и с той поры сердито фыркает и портит ландшафт. Если мы хотим узнать, создано ли оно было для услуг или это дикий степной зверь, нам просто надо посмотреть, что было сделано. И, проанализировав сделанное за все эти годы, мы можем отбросить сомнения: то, что было сделано, так и будет продолжать делаться. Вспомним библейский постулат: дерево должно узнавать по плодам его. Давайте теперь и посмотрим на этот урожай.

ГЛАВА 20

ЛОНДОНСКИЕ АВАНТЮРЫ

Подъем Дома Морганов; связи Моргана с Англией и Домом Ротшильдов; связь между Федеральной резервной системой и Банком Англии; решение ФРС завязать американские доллары, чтобы помочь больной британской экономике.

Период между Гражданской войной и принятием акта о Федеральной резервной системе был одним из самых нестабильных и в значительной мере хаотичным. Национальные банковские законы 1863-1865 годов учредили систему федеральных уставных банков, которые получили значительные привилегии и полномочия в монетарной системе. Им предоставили монополию на выпуск банкнот, и правительство обязалось принимать эти банкноты в качестве оплаты налогов и пошлин. Им позволили обеспечивать эти деньги на 90% государственными облигациями вместо золота. Им гарантировалось, что каждый банк системы будет принимать банкноты любых других банков по номинальной стоимости, независимо от шаткости их позиции. В итоге получилось, что банковская система Соединённых Штатов после Гражданской войны, далеко не такая свободная и нерегулируемая, как утверждали некоторые историки, оказалась буквально «на полпути» к созданию центрального банка.

Представление, что можно породить процветание, всего лишь выпуская больше денег, всегда пленяло политиков и бизнесменов, но никогда в нашей истории оно не было более в моде, чем во второй половине XIX века. Нация помешалась на комплексе Мидаса, мании обращать всё в деньги, используя чудо банковских операций. Именные чеки стали постепенно приниматься в торговле так же охотно, как банкноты, и банки пошли навстречу своим клиентам, внося в их банковские книжки так же много маленьких чисел, как если бы они хотели «взять ссуду». Как заметил Гроусклоуз: «Всеобщей мольбой стала манна “дешёвых” денег, и, как у израильтян, чем легче манна доставалась, тем громче становились претензии, тем менее расположен был народ бороться за нее»¹.

Преобладающую философию того времени чётко выразил Джей Кук, знаменитый финансист, который реализовывал огромные займы федерального правительства на нужды Гражданской войны и который теперь собирал 100 миллионов долларов для Северной Тихоокеанской железной дороги.

¹ Groseclose, *Money and Man*, p. 202.

Кук опубликовал памфлет, который можно резюмировать его собственным заголовком: *«Как наш национальный долг может стать национальным благом. Долг — это общественное богатство, политический союз, защита промышленности, надёжный базис национальной валюты»*. «Почему, — спрашивает Кук, — такая великая и славная страна должна слабеть и чахнуть, её активность — застыть, а живые жизненные силы — заledenеть из-за этих несчастных теорий “звонкой монеты” — плесневелых теорий давно прошедших лет»¹. Однако, как выяснилось, замораживание и заledenение произошло не из-за плесневелых теорий звонкой монеты прошлых времён, а от блистательных теорий дешёвых денег нашего времени. Проект Северной Тихоокеанской железной дороги обанкротился и, поскольку гора мнимых денег, инвестированных в него, обратилась в ничто, гигантская инвестиционная компания Кука исчезла вместе с ними, запустив последовавшую панику 1873 года. Мэттью Джозефсон пишет:

«Всё о крахе Джея Кука!», — выкрикивали газетчики по всей стране...

Крупнейший и благочестивейший банк Западного мира рухнул, произведя громоподобный эффект. Вскоре связанные с ним брокеры, национальные банки и 5000 коммерческих банков также последовали в бездну банкротства. С утра до ночи на Уолл-стрит сообщения о приостановке деятельности следовали одно за другим; железные дороги банкротились; ведущие акции упали за один час на 30-40 пунктов, или на половину их стоимости; безмерные волны страха сменили жажду наживы; биржи закрылись; началась паника, «величайший» кризис в американской истории².

И ЕЩЕ БОЛЬШЕ ЦИКЛОВ «БУМ-СПАД»

Всего в этот период было четыре самых больших сокращения денежной массы: так называемые паники 1873, 1884, 1893 и 1907 годов. Для каждой из них были характерны неадекватные банковские резервы и приостановка платежей полноценными деньгами.

Конгресс прореагировал, но не требованием увеличения резервов, что могло бы улучшить «маржу прочности», а разрешением *уменьшения*. В июне 1874 года был принят закон, который позволил банкам обеспечивать их банкноты полностью государственными облигациями. Это, конечно, означало, что Конгресс получит больше фиатных денег, но это также означало, что банкноты

¹ Цит. по: Rothbard, *Mystery*, p. 231.

² Matthew Josephson, *The Robber Barons: The Great American Capitalists, 1861-1901* (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1934), p. 170.

больше не имели *никакого* «твёрдого» обеспечения, ни даже прежних 10%. Это высвободило из банковских резервов более 20 миллионов долларов, которые затем могли стать базой для создания пирамид из чековых средств в экономике.

Стал общепризнанным миф, что эти паники вызываются сезонным спросом на фермерские кредиты во время уборки урожая. Чтобы предоставить эти средства, провинциальные банки должны были использовать свои резервы наличных, которые в основном были депонированы в банках больших городов. Это уменьшило резервы в городах, и вся система стала более уязвимой. Часть этой легенды действительно правда, но, видимо, никто не задавал вопросов относительно другой части этой истории. Некоторые из них пришли на ум. Почему не случается паника *каждую* осень, а всего лишь каждый 11-й год или около этого? Почему не *все* банки – региона или города – держат адекватные резервы, чтобы покрывать спрос своих вкладчиков? И почему они не делают этого во *все* сезоны года? Почему, всего лишь не отказав некоторым заявителям кредитов, вызывают банкротство сотен банков? Миф рассыпается в прах под тяжестью этих вопросов.

Правда состоит в том, что, если бы не было сезонного спроса фермеров, финансовые фокусники просто нашли бы другого козла отпущения. Таковым могли бы стать «немобильные» резервы, «неэластичность» денежной массы, «дисбаланс» международных платежей или другие технократические дымовые завесы, чтобы скрыть реальную проблему, которой была – и всегда была – сама банковская система, основанная на частичных резервах. Самое существенное здесь то, что, несмотря на разработанный план объединить мелкие резервы провинциальных банков в больших региональных банках, откуда они могли бы перекидываться из одного города в другой, подобно бочонку монет на старой пограничной заставе, план этот ещё не заработал. Хлеб и рыба упорно отказывались приумножаться.

МОРГАН ПРОЦВЕТАЕТ, КОГДА ДРУГИЕ БАНКРОТЯТСЯ

Денежные экспансии и сокращения в этот период были теми большими волнами, которые пустили ко дну тысячи инвестиционных кораблей. Но был один большой корабль, который каким-то образом замечательно качался вверх и вниз на волнах, и можно было видеть, как посреди шторма он подбирает грузы погибших кораблей. Этот корабль вернулся в порт с несметными богатствами, которые когда-то были собственностью других, а теперь принадлежали хозяину спасательного судна, согласно правилам открытого моря. Имя того капитана – Дж.П. Морган.

Напомним из предыдущего раздела, что фирма «Дж.П. Морган и К°» не была мелким игроком в шахматном матче под названием Первая мировая война. Правительства Франции и Великобритании выбрали Моргана в качестве официального агента для продажи их военных облигаций в США. Когда война начала принимать для них плохой оборот, интересы Моргана заставили его агитировать за вступление Америки в конфликт, чтобы спасти займы. Фирма Моргана являлась также официальным торговым агентом США в Британии. В нарушение международного договора она вела закупку и отправку в Англию всевозможных военных материалов, в том числе и огромный груз вооружений на борту «Лузитании», отправленной на дно.

Тесные взаимоотношения между Морганом и Великобританией не были случайными. Дж.П. Морган-младший был ведущей силой в Совете по международным отношениям, американской ветви секретной службы, организованной Сесилом Родсом для экспансии Британской империи. Фактически Морганы были больше британцами, чем американцами.

Основания для этого можно найти в происхождении династии Морганов. Она берет начало от американского торговца из Денвера, штат Массачусетс, по имени Джордж Пибоди. В 1837 году Пибоди отправился в Англию распространять облигации на строительство канала «Чесапик и Огайо», надеясь найти британских инвесторов, которые заменили бы ряд американцев, не проявивших интереса к проекту из-за рецессии того времени. Его, как и следовало ожидать, отвергли большие инвестиционные дома Лондона, но его настойчивость, в конце концов, принесла плоды. Стэнли Джексон в своей биографии Моргана пишет о Пибоди:

Когда паника [в США] начала, наконец, затихать, он сказал «пора» и снова обратился к баронам большого Сити [в Лондоне], заверяя их, что Мэриленд и другие штаты акцептовали облигации. Он также продолжал обеспечивать американские ценные бумаги из своих личных средств. Покупая их почти даром, позже он снял богатый урожай. Он избавился от большей части облигаций «Чесапик и Огайо» и получил признание на родине за возврат своих 60 000 долларов нетронутых коммиссионных в скудное казначейство Мэриленда¹.

Именно в ходе этой поездки Пибоди открыл в Лондоне, на Олд-Брод-стрит, 22, импортно-экспортную компанию и начал выдавать займы и кредитные письма многим из своих перевозчиков, что вовлекло его в инвестиционный бизнес, специализировавшийся на транзакциях между Британией и Соединёнными Штатами.

Это было счастливое время: начало быстрой экспансии в Соединённые Штаты, сопровождаемой ненасытным спросом на инвестиционный капитал и

¹ Stanley Jackson, *J.P. Morgan* (New York: Stein and Day, 1983), p. 37.

изобильным выпуском облигаций, предлагающих заманчивые нормы прибыли, существенно более высокие, чем соответствующие предложения в Европе. Фирма Пибоди оказалась в особом положении при использовании этого расширяющегося рынка и быстро выросла.

Пибоди никогда не был женат и, старея, начал подыскивать кого-то, кому бы он мог передать свой бизнес. Условия отбора были тяжёлыми. Во-первых, человек должен быть американцем по рождению, чтобы достоверно выглядеть как представитель американских инвестиций. Во-вторых, он должен быть британцем по врождённым склонностям и предпочтениям. Также требовалось быть прекрасно образованным и быть хорошей породы, чтобы быть принятым аристократией в лондонском финансовом мире. В-третьих, он должен знать англо-американские финансы. И в-четвертых, он должен понравиться Пибоди.

ПИБОДИ ВЫБИРАЕТ ДЖУНИУСА МОРГАНА

Когда бостонский торговец Джуниус Морган в 1850 году встретился с Джорджем Пибоди в Лондоне на званом ужине, он и не подозревал, что старый финансист сразу же почувствовал к нему симпатию и начал осторожно выяснять его подготовку и репутацию. С этого начался длительный период их деловых и социальных контактов, завершившихся в 1854 году, когда Джуниус перевёз свою семью в Лондон и стал полноправным партнёром в фирме «Пибоди, Морган и Компания».

Помимо продажи в Англии облигаций американских коммерческих предприятий и властей штатов, партнёрство во время Гражданской войны выполняло также функции главного фискального агента Союзного правительства, и именно в это время огромные прибыли фирмы выдвинули её в верхние эшелоны лондонского финансового братства. В 1864 году Пибоди, наконец, ушёл в отставку и полностью перевёл бизнес на Джуниуса, который сразу же поменял название фирмы на Дж.С. Морган и К°.

Сын Джуниуса, Джон Пирпонт, обучался в Английской высшей школе в Бостоне, но большую часть своей юности провёл в европейских школах и пропитался британской традицией. Однако родился он в Штатах, и это сделало его идеально подходящим для выполнения англо-американской роли, которую Пибоди и Джуниус играли так искусно. И молодой человек неминуемо должен был специализироваться в международных финансах и готовиться идти по стопам своего отца. Первым шагом было его устройство в 1857 году в Нью-Йоркскую инвестиционную фирму «Данкан, Шерман и К°». Семь лет спустя Джуниус приобрёл конкурирующую нью-йоркскую

фирму и ввёл сына в качестве партнёра, которая стала называться «Дэбни, Морган и К°» и стала нью-йоркским филиалом лондонской фирмы. В 1871 году с вводом третьего партнёра, Энтони Дрексела из Филадельфии, фирма стала называться «Дрексел, Морган и К°». В 1895 году, после смерти Дрексела, последовало окончательное изменение названия на «Дж.П. Морган и К°». Парижский филиал был известен как «Морган, Харджес и К°».

АМЕРИКАНИЗИРОВАТЬ НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ФИЛИАЛ

После неожиданной смерти Джуниуса в автомобильной катастрофе несколькими годами позже, Пирпонт решил преобразить лондонскую фирму, чтобы она стала более британской организацией. Это позволило бы представлять нью-йоркский филиал как американскую сторону с меньшими подозрениями, что она, по сути, та же самая фирма. К тому времени его сын, Джон П. Морган-младший, «Джек», как его звали друзья, уже был введён в фирму как партнёр, и ему следовало сыграть важную роль в создании этого образа. Биограф Джон Форбс сообщает нам:

Дж.П. Морган-младший 1 января 1898 года стал партнёром в лондонском доме фирмы «Дж.С. Морган и К°», и через четыре дня он с женой Джесси и тремя детьми... оставил Нью-Йорк и занял резиденцию в Англии на следующие восемь лет.

Отправляясь в Лондон, Морган получил два специальных задания. Первое – узнать из первых рук, как британцы выполняют банковские операции в системе Центрального банка с управлением Банком Англии. Морган-старший предполагал создание Федеральной резервной системы в Соединённых Штатах и хотел, чтобы кто-то, имеющий авторитет в фирмах Моргана, узнал, как эта система работает. Второе – втайне вести наблюдение в Сити и найти британских партнёров, чтобы превратить фирму «Дж.С. Морган и К°», находящуюся в частной собственности Моргана-старшего, в британский концерн¹.

В итоге это было выполнено путём включения Эдварда Гренфелла, долговременного директора Банка Англии, в качестве нового старшего партнёра в компанию, которая стала называться «Морган, Гренфелл и К°». Но такое декорирование нисколько не изменило ту реальность, что в Нью-Йорке фирма

¹ John Douglas Forbes, *J.P. Morgan, Jr.* (Charlottesville: University Press of Virginia, 1981), p. 31.

«Дж.П. Морган и К°» оставалась по своей ориентации более британской, чем американской¹.

Поверхностное знакомство с событиями этого периода могло бы привести к выводу, что Пибоди и Морган были яростными соперниками Ротшильдов. Правда, что они часто конкурировали в одном и том же бизнесе, но правда и то, как сообщают почти все биографы, что американцы, впервые попавшие в Лондон, трепетали перед гигантской властью Ротшильдов и что они всеми силами старались поддерживать дружеские отношения, которые со временем стали такими близкими, что американцев принимали в доме Ротшильдов как личных гостей. Фирма Моргана часто тесно сотрудничала с Домом Ротшильда в больших совместных предприятиях, но это была – есть и сейчас – общая деятельность в больших инвестиционных компаниях. В свете последовавших событий, однако, целесообразно рассмотреть и возможность разработки такой схемы, по которой фирма Пибоди/Морган сделала бы шаг дальше и при случае стала бы тайным агентом Ротшильда.

ТАЙНЫЙ СОЮЗ С РОТШИЛЬДОМ?

Некоторые писатели предположили, что тайные взаимоотношения начались почти с самого начала. Юстас Муллинс, например, пишет:

Вскоре после своего прибытия в Лондон Джордж Пибоди с удивлением узнал, что его приглашает на аудиенцию не очень-то приветливый барон Натан Майер Ротшильд. Ротшильд прямо, без обиняков, сказал Пибоди, что большинство лондонской аристократии открыто недолюбливает Ротшильда и отказывается от его приглашений. Он предложил Пибоди, человеку со скромными средствами, создать о себе репутацию щедрого хозяина, о приёмах которого вскоре заговорили бы в Лондоне. Ротшильд, конечно, оплачивал бы все счета. Пибоди принял предложение и вскоре стал известен как самый гостеприимный хозяин в Лондоне. Его ежегодные обеды 4 июля, в ознаменование американского Дня независимости, стали чрезвычайно популярными в среде английской аристократии, многие из них, смакуя вино Пибоди, потчевали друг друга шутками по поводу вульгарности и плохих манер Ротшильда, не подозревая, что каждый глоток выпитого вина оплачен им².

¹ Это явно не уменьшилось с течением времени. 23 декабря 1991 года «Бизнес Уик» (с. 69) уведомляет нас, что Деннис Уэдерстоун, президент «Дж.П. Морган и К°», который живёт в Коннектикуте, был посвящён в рыцарское звание королевой Елизаветой II.

² Eustace Mullins, *Secrets of the Federal Reserve* (Virginia: Bankers Research Institute, 1983), p. 49.

Муллинс не сообщает об источнике этой истории, и вряд ли такие детали найдут когда-либо подтверждение. Тем не менее тайное соглашение подобного рода не так абсурдно, как может показаться. Без сомнения, Ротшильды были вполне способны на тайные взаимоотношения, и фактически именно таким способом введения в заблуждение они и стали знамениты. Более того, для них существовала вполне уважительная причина поступать так. В Европе и Соединённых Штатах сильно выросло антисемитское и антиротшильдовское настроение, и семья часто находила более выгодным работать через агентов, чем напрямую. Дерек Уилсон сообщает: «Имя “Ротшильд” поэтому было на слуху в местах, очень далёких от взыскательных Лондона и Парижа. Но связь с великими банкирами была иногда призрачной»¹.

Эта призрачная связь и была той ролью, которую должен был играть Аугуст Белмонт в Соединённых Штатах. Антисемитизм, который он тут встретил, несомненно, был причиной того, почему он изменил свою фамилию Шёнберг на Белмонт, прибыв в Нью-Йорк в 1837 году. Прежде агентом Ротшильда была фирма «Дж.Л. и С.И. Джозеф и К°» – чем более по-американски звучит, тем убедительнее. Однако не прошло много времени, и связь Белмонт – Ротшильд стала общеизвестна, уловка перестала быть эффективной. В 1848 году семья решила отправить Альфонса Ротшильда в Соединённые Штаты проверить операции Белмонта и оценить возможность замены его *прямым* представителем Ротшильдов, возможно, самим Альфонсом. После продолжительного визита он написал домой:

Через несколько лет Америка переключит на себя большую часть торговли с Китаем и Индией и будет царить между двумя океанами... Страна располагает такими возможностями процветания, что надо быть слепым, чтобы их не видеть... Я, не колеблясь, могу сказать, что Дом Ротшильдов, а не просто агентство, должен обосноваться в Америке... Сегодня нам представляется прекрасная возможность. Позже неизбежно возникнут трудности из-за соперничества со всех сторон².

Некоторые историки выразили удивление, что рекомендация не оказала воздействия. Уилсон пишет: «Это была величайшая возможность, которую Ротшильды упустили»³. Более скептически настроенные задаются вопросом, в самом ли деле возможность *была упущена* или дело просто приняло опосредованный характер. Символично, что именно в это время Джордж Пибоди делал себе имя в Лондоне и устанавливал тесные взаимоотношения с Натаном Ротшильдом. Может, фирма Пибоди получила от консорциума Ротшильдов

¹ Derek Wilson, p. 176.

² B. Gille, *Histoire de la Maison Rothschild*, Vol. 1, 1965-1967, p. 581, цит. по: Derek Wilson, p. 181.

³ Derek Wilson, p. 182.

согласие представлять их в Америке? И возможно ли, чтобы план включал деятельность Белмонта в качестве известного агента Ротшильдов и в то же время включал использование фирмы «Пибоди и К°» в качестве *неизвестного* агента, обеспечивая таким образом их собственное соперничество?

Джон Муди отвечает: «Ротшильдов больше устраивало быть близким союзником Моргана, чем соперником, насколько это касалось Американского поля»¹. Габриэль Колко пишет: «Деятельность Моргана в 1895-1896 годах по продаже золотых облигаций США в Европе основывалась на его союзе с Домом Ротшильдов»².

Серено Пратт пишет: «Эти Дома могут, подобно “Дж.П. Морган и К°”... представлять здесь большие фирмы и учреждения Европы, как фирма “Аугуст Белмонт и К°” долго представляла Ротшильдов»³. А Джордж Уилер пишет: «Реальностью того времени был безобразный всплеск антисемитизма... Кто-то нужен был в качестве прикрытия. Кто же лучше, чем Дж. Пирпонт Морган – солидный протестантский образец капитализма, который может проследить свой род с дореволюционного времени?»⁴.

СТАНОВЛЕНИЕ ДОМА МОРГАНОВ

После рассмотрения этих предпосылок блистательный взлёт звезды Моргана и в Лондоне, и на Уолл-стрит можно легко понять. Уже не будет казаться удивительным, например, что «Пибоди и К°» была единственной американской инвестиционной фирмой, получившей огромный кредит от Банка Англии во время паники 1857 года в США, кредит, который не только спас её от падения, но и сделал для неё возможным завладеть многими другими кораблями, терпевшими тогда бедствие на Уолл-стрит, и спасти их.

Пибоди включился в бизнес дисконтирования акцептов, что на банковском языке означает страхование коммерческих кредитов, выдаваемых для покупки товаров. Вот как это работает. Продавец выдаёт вексель с условием, что он должен быть оплачен на дату в будущем, обычно через 90 дней. Когда покупатель получает вексель, его банк пишет слово «accepted» («акцептован») на лицевой стороне векселя и добавляет подпись клерка, что делает его юридически обязательным договором. Другими словами, банк становится сопоручителем покупательского кредита и гарантирует оплату, даже если покупатель окажется неплатёжеспособным.

¹ Moody, p. 27.

² Kolko, *Triumph*, p. 142.

³ Sereno S. Pratt, *The Work of Wall Street* (New York: D. Appleton, 1916; rpt. New York: Arno Press, 1975), p. 349.

⁴ Wheeler, pp. 17-18, 42.

Естественно, такая гарантия имеет цену. Эта цена устанавливается как процент от общей суммы векселя и либо добавляется к сумме, выплачиваемой покупателем, либо вычитается из суммы, получаемой продавцом. В действительности сбор выплачивается на обоих концах транзакции, один – банку продавца, который получает акцепт и выплачивает деньги, и другой – банку-эмитенту, который берет на себя ответственность по обеспечению платежа. Продажа называется «дисконтированной» на сумму, выплаченную банкам. И фирма «Пибоди и К°» принимала активное участие в этом бизнесе дисконтирования акцептов преимущественно между продавцами в Англии и покупателями в Соединённых Штатах.

МОРГАН И ПАНИКА 1857 ГОДА

Во время паники 1857 года на Уолл-стрит многие покупатели США оказались неплатёжеспособными по своим векселям, и от Пибоди, и от Моргана ожидали выполнения их гарантий. Разумеется, денег у них не было, и фирму ожидало неизбежное банкротство, если деньги *откуда-нибудь* не придут. Стэнли Джексон приводит детали:

Спад был катастрофическим для «Пибоди и К°». Внезапно обнаружилось, что фирма связана обязательствами по акцептам на 2 миллиона фунтов, и, не имея надежды погасить даже часть из массы обесцененных облигаций нью-йоркских брокеров и банкиров, они сами теперь оказались в отчаянном положении при отсутствии наличных средств. Вскоре фирма уже выплачивала тысячи фунтов в день. Если бы партнёры не получили большой краткосрочный кредит, они вынуждены были бы полностью оставить бизнес¹.

Рон Чернов в книге «Дом Морганов» пишет: «Молва разнеслась по Лондону, что «Джордж Пибоди и К°» почти банкрот, такая перспектива усердно смаковалась соперниками... Большие лондонские Дома заявили Моргану, что могли бы выручить фирму, но только если Пибоди закроет банк в течение года»². Джексон продолжает рассказ:

Тучи драматически сгустились, и в это время Банк Англии объявил о займе Пибоди в 800 000 фунтов за очень умеренный процент с обещанием предоставления в дальнейшем до миллиона стерлингов, если и когда потребуется. Это был замечательный кредит доверия, так как Томас Ханке (глава Банка Англии) уже отклонил подобные призывы

¹ Jackson, p. 56.

² Chernow, p. 11.

от разных американских фирм, которые не отвечали его стандартам... «Пибоди и К°» встала на ноги, можно сказать, за один день и действительно подняла свой оборот почти с уровня прекращения деятельности¹.

С практически безграничным доступом к наличности и кредиту, обеспеченным Банком Англии, Пибоди и Морган сумели пробиться, преодолев поток обесцененных акций и облигаций, которые продавались им на Уолл-стрит по убыточным ценам. Всего за несколько лет, к моменту, когда восстановилось здоровье американских рынков, активы фирмы выросли до гигантских размеров².

Эта история говорит нам многое о взаимоотношениях. Если бы Ротшильды в самом деле были конкурентами, они ухватились бы за такую возможность и использовали своё огромное влияние на Банк Англии и другие инвестиционные дома в Лондоне, чтобы вытеснить Пибоди, а не помогать ему. Бэринги, в частности, даже попытались именно так и сделать. Ротшильды, должно быть, посчитали, что успешная фирма Пибоди, в конце концов, в их собственных интересах.

АНТИСЕМИТИЗМ БЫЛ ВЫГОДЕН

Позже «Джек» Морган (Джон Пирпонт-младший) взял на себя роль непрклонного антисемита, что, несомненно, укрепило его позицию на переговорах с американскими инвесторами и заёмщиками, которые брезговали вести какие бы то ни было дела с банкирами-евреями. Это, конечно, относилось и к чиновникам Казначейства США. Особенно ценным это оказалось в 1896 году, когда пришлось спасти федеральное правительство от резкой убыли его золотых запасов. Из опасения, что не сможет выполнить свои обязательства по обмену бумажных денег на золотые монеты, правительство вынуждено было занять 62 миллиона долларов золотом. Дом Ротшильда был очевидным источником такого займа, но Казначейство хотело избежать антисемитской реакции. Однако все встало на свои места, когда фирма «Морган и К°» стала *основным* кредитором, а Ротшильда очевидным образом сместили на роль всего лишь участника. Уилер пишет:

Опытные политики администрации Кливленда... сознавали опасность, связанную с поддержкой операции по спасению Казначейства Соединённых Штатов, если бы она финансировалась Ротшильдами, об-

¹ Jackson, pp. 56-57.

² Josephson, p. 60.

разцовыми представителями «международных еврейских финансовых кругов»...

В таких обстоятельствах Пирпонт Морган не стал напрямую принимать участие в спасательной операции. До этого момента казалось, что стареющий финансист – через два месяца ему исполнялось 58 лет – всего лишь один из многих, участвующих в этом соглашении по облигациям, как и в любых последующих, которые бы потребовались. Можно было подумать, что, двигаясь к старости, он больше хочет завершить свою поминальную книгу, чем пытаться нажиться на продаже винтовок с началом Гражданской войны, чем кончить свои мелкие обманы Союза в торговле золотом и смелые, но по большей части неуспешные попытки в 1880-е установить прекращение огня на воюющих железных дорогах страны.

Но были и теперь предприняты шаги, чтобы вывести его из финансового застоя, но сделал их не сам Пирпонт Морган. Первое предложение его имени на роль в перезагрузке резерва исходило из лондонского филиала Дома Ротшильда¹.

Явный антисемитизм Дж.П. Моргана-младшего снова оказался чрезвычайно полезным во время Первой мировой войны, когда широко публиковалось, что Кайзера финансировали германо-еврейские банкиры. Поэтому вести дела с группой Моргана в противовес компании Куна – Леба, например, считалось в некоторых кругах почти актом национального патриотизма.

Когда Дж.П. Морган-старший умер в 1913 году, публика была шокирована известием, что его состояние оценивалось всего лишь в 68 миллионов долларов – пустяковая сумма, сопоставимая с состояниями Вандербильтов, Асторов и Рокфеллеров. Но ещё невероятнее было то, что «Джек» Морган, умерший в 1943 году, оставил состояние, оценённое лишь в 16 миллионов долларов. Незначительная сумма была переведена членам их семей ещё до смерти, но это не соотносилось с теми огромными богатствами, которые они реально контролировали при жизни. Конечно, были и бухгалтерские фокусы. Но, с другой стороны, это могло быть правдой.

Когда Альфонс Ротшильд умер в Париже в 1905 году, обнаружилось, что его состояние составило 60 миллионов долларов в американских ценных бумагах. Ротшильды в Британии, несомненно, обладали также большим пакетом акций. Кроме того, обработка многих из этих ценных бумаг производилась при посредничестве Дома Морганов². Самое вероятное здесь, что основная составляющая богатства и могущества фирмы Морганов была, и была всегда, всего лишь богатством и могуществом Ротшильдов, которые её поднимали вначале и поддерживали весь период её существования.

¹ Wheeler, pp. 16-17.

² См.: «Head of Rothschilds' Paris House Is Dead», *The New York Times*, May 27, 1905, p. 9.

Насколько заявленный антисемитизм Моргана был реальным и насколько конструктивной может быть видимость, в конечном счёте, не имеет большого значения, и мы не будем здесь уделять этому вопросу необоснованное внимание. Независимо от чьей-либо интерпретации природы взаимоотношений Домов Моргана и Ротшильда, остаётся фактом, что они были тесными, постоянными, и они были выгодны обоим. Даже если Морган действительно питал антисемитские чувства, ни он, ни Ротшильды никогда не позволяли им встать на пути их бизнеса.

Чтобы установить связь с Лондоном в надлежащей перспективе, придётся снова отойти от строгой хронологической последовательности событий и прыгнуть вперёд, в год 1924-й. Так что, оставим на время наших действующих лиц и, прежде чем дадим им разыграть драму создания Федеральной резервной системы, переведём нашу сюжетную линию на события, случившиеся через 11 лет после её создания.

АНГЛИЯ СТОЛКНУЛАСЬ С ДИЛЕММОЙ

В конце Первой мировой войны Британия столкнулась с дилеммой. В начале войны она отказалась от золотого стандарта, чтобы снять все ограничения с выпуска бумажных денег, в результате чего возникла высокая инфляция. Но по её окончании страна захотела вернуть себе прежнюю власть и престиж на мировых финансовых рынках и решила, что для этого необходимо вернуться к золотому стандарту. Кроме того, было решено, что фунт стерлингов (британская денежная единица) будет стоить ровно 4,86 доллара, что примерно соответствовало тому, что было до начала войны.

Утверждать, что Британия на самом деле хотела вернуться к золотому стандарту, было бы ошибкой. Это не был чистый стандарт, когда каждая денежная единица прямо привязана к определённому количеству золота. Это скорее был частичный золотой стандарт, когда лишь определённая часть денежных единиц поддерживается золотым эквивалентом. Но даже такая система была гораздо лучше отсутствия поддержки по трём причинам. Во-первых, она создавала большее доверие потребителей к денежной системе из-за предполагаемого обещания выкупить всю валюту в золоте, несмотря на то, что обещания, основанные на частичном резерве, всегда нарушаются¹. Во-вторых, она предоставила удобное средство для расчётов между странами, так как золото всегда было международным средством финансовой коммуникации. В-третьих, эта система позволила притормозить выпуск бумажных денег, в некоторой степени сдерживая инфляцию и цикл взлёта/спада.

¹ Правительство ввело ограничения даже здесь. Выкупить можно было только слитки золота, а не монеты. Это гарантировало, что золото не будет использоваться в качестве денег, а будет актуально лишь для крупных международных сделок.

Таким образом, идея вернуться к частичному золотому стандарту, хотя она и была далека от совершенства, являлась шагом в правильном направлении. Но с этим планом были две серьёзные проблемы. Первая заключалась в том, что обменную стоимость золота нельзя установить политическим решением. Она всегда будет определяться соотношением спроса и предложения на рынке. Попытка установить, сколько долларов люди захотят обменять на фунт стерлингов, была равносильна желанию узнать, сколько бейсбольных карточек школьник отдаст за фиолетовый агат. Международный валютный рынок похож на огромный аукцион. Если аукционист установит слишком высокую начальную ставку, на лот не найдётся покупателей, что и произошло с фунтом.

Другая проблема заключалась в том, что во время войны в Англии появились серьёзная программа социального обеспечения и развитая сеть профсоюзов. Проблемой это было, потому что сделать фунт актуальным для международной торговли можно было лишь одним способом, а именно позволить его стоимости упасть до конкурентного и реалистичного уровня, что означало бы не только резкое сокращение социальных пособий, но и общее снижение цен, включая цену труда, которая называется заработной платой.

Политики жаждали падения цен на товары, но у них не хватало смелости сделать что-то, что могло бы уменьшить социальные пособия или заработную плату. Напротив, они продолжали бороться за голоса избирателей, обещая все больше социалистических нововведений и лёгких кредитов. Цены продолжали расти.

АНГЛИЯ В ДЕПРЕССИИ

Поскольку стоимость фунта была искусственно завышена для поддержания цен, заработной платы и уровня прибыли, стоимость британского экспорта также стала слишком высокой, и он перестал быть конкурентоспособным на мировых рынках. Вместе с экспортом сократилось и количество денег, поступающих в страну. Англия стала страной-должником, то есть её выплаты другим странам оказались больше, чем доход, получаемый от них.

Как вы знаете из пятой главы, если человек тратит больше, чем получает, он должен увеличить свой доход либо воспользоваться сбережениями, продать активы, прибегнуть к обману или взять кредит. Со странами всё то же самое. Англия уже взяла столько кредитов, сколько могла, а её собственные сбережения стремительно таяли – всё ради того, чтобы продолжать покупать иностранные товары и поддерживать привычно высокий уровень жизни. Англия не могла сжульничать, потому что платить за импорт приходилось золотом, и, поскольку её национальные сбережения были уже потрачены, золотой запас также утекал из страны. Тяжёлый рок буквально навис над государством: такое положение вещей ставило под угрозу само его существование. Кстати, эта ситуация была удивительным образом похожа на ту, в которой

Соединённые Штаты оказались после Второй мировой войны, и по большей части возникла по тем же причинам.

К марту 1919 года торговля Англии оказалась в настолько плачевном состоянии, что у неё не было иного выбора, кроме как позволить стоимости фунта «плавать» в поисках собственного уровня, соответствующего спросу и предложению. В течение года он упал до 3,21 доллара, потеряв 34%. Поскольку американский доллар де-факто был в то время мировым валютным стандартом, получение меньшего количества долларов за каждый фунт стерлингов означало, что фунт обесценился на всех рынках мира. В результате цена, которую британцы должны были платить за импортные товары, выросла, а цена их собственных упала. Британская экономика была не просто заморожена, после обширной инфляции Первой мировой войны на неё навалилось валютное похмелье. Другими словами, страна тяжело и мучительно выздоравливала, возвращаясь к реальности.

Экономисты и политологи, рассчитывавшие найти быстрое и безболезненное средство, которое позволило бы продолжить беспечные траты, были решительно недовольны происходящим. Было проведено несколько курсов «шоковой терапии». Первым делом с помощью Финансового комитета Лиги Наций, где она имела большое влияние, Англия потребовала от других европейских стран начать проводить такую же инфляционную политику. Они должны были также поддержать так называемый «стандарт обмена золота» – схему, согласно которой все страны основывали свою валюту не на золоте, а на фунте стерлингов. Благодаря этому инфляция в этих странах не приводила к массовому оттоку золота из одной в другую, а Англия становилась регулятором и гарантом системы. Другими словами, Англия использовала своё влиятельное положение в Лиге Наций, чтобы сделать Банк Англии главным финансовым центром для всех остальных банков Европы. Это был прототип той кабальной системы, которая сейчас используется Федеральным резервом и Всемирным банком в рамках Организации Объединённых Наций.

ПРОБЛЕМА АМЕРИКАНСКОГО ПРОЦВЕТАНИЯ

Европа была в надёжных руках, но Америка все ещё оставалась без контроля. Во время войны там тоже началась инфляция, но куда менее сильная. Она также использовала дробный золотой стандарт, но её золотой запас был очень велик и продолжал расти. Пока Америка продолжала производить огромное количество товаров, которые Англия вынуждена была импортировать, а стоимость доллара оставалась высокой, анемия фунта стерлингов закончиться не могла¹.

¹ Обзор вышеизложенных событий см.: «The Federal Reserve as A Cartelization Device», by Murray N. Rothbard, in *Money in Crisis*, Barry N. Siegel, ed. (New York: Ballinger, 1984), pp. 115-117.

Терапия, необходимая при такой болезни, достаточно проста. Всё, что нужно, – это переливание денег здорового пациента больному. Лондонским финансистам оставалось лишь найти крепкого и надёжного добровольца, который, не задавая слишком много вопросов, согласился бы стать донором. Дядя Сэм отлично подходил на эту роль. Тогда был использован прототип ранее описанной *трансферной системы*, которая после Второй мировой войны служила для жизнеобеспечения чахлах коммунистических и социалистических режимов.

Есть несколько способов перелить кровь одной нации в другую. Самый простой – это, конечно, прямой подарок, и для этого существует странный американский ритуал, называемый «помощью иностранным партнёрам». Ещё один способ – подарок, замаскированный под что-то другое, например бесполезное размещение военных баз за границей, необходимое лишь для поддержки иностранной экономики, или предоставление займа иностранному правительству по ставкам ниже рыночных либо, что ещё хуже, с полным пониманием того, что кредит никогда не будет погашен. Но третий способ – самый гениальный из всех. Он заключается в том, что одна страна намеренно ускоряет инфляцию своей валюты по сравнению с другой страной. Таким образом, реальная покупательная способность с точки зрения международной торговли переходит от страны с большей инфляцией к стране с меньшей. Воистину, открытие, достойное ведущих экономистов. Это настолько изящная схема, что ни один человек из тысячи даже не догадается, а тем более не станет возражать против неё. В 1925 году именно этот способ и сочли идеальным для того, чтобы спасти Англию за счёт Америки. Как заметил профессор Ротбард:

Короче говоря, американский народ обрекли нести тяжёлое бремя инфляции и пережить последующий обвал (обвал 1929 года), чтобы поддержать тот образ жизни, от которого британское правительство и британское профсоюзное движение не желали отказываться.

В начале создания Федеральной резервной системы шла непродолжительная борьба за власть, но через несколько лет в ней одержал убедительную победу глава нью-йоркского банка Бенджамин Стронг. Стронг, как мы помним, ранее был главой компании «Morgan's Bankers Trust» и являлся одним из семи участников секретного совещания на острове Джекилл. Профессор Куигли напоминает нам: «Стронг обязан своей карьерой банку Моргана... Он стал управляющим Федерального резервного банка Нью-Йорка в качестве совместного кандидата от имени Моргана и Куна, Леба и Компании»¹.

¹ Rothbard, Crisis, pp. 131-132.

Стронг был идеальным выбором для картеля. Не в последнюю очередь в его пользу говорили его связи в финансовых кругах Лондона. Когда Монтегю Норман был назначен управляющим Банка Англии в 1920 году, между двумя влиятельными банкирами завязались хорошие личные отношения, которые продолжались до внезапной смерти Стронга в 1928 году.

Многие считали Нормана эксцентричным, если не психически неуравновешенным человеком. Куигли пишет:

Норман был странным человеком, чьё психическое состояние имело признаки успешно подавленной истерии или даже паранойи. Он не видел смысла в государственном аппарате и боялся демократии. Обе эти вещи, как ему казалось, несли угрозу для частного банковского дела, а значит, для всего, что он ценил и уважал в жизни... Когда Норман перестраивал Банк Англии, то приказал построить крепость, способную пережить любое народное восстание, а золотой запас повелел отправить в хранилище глубоко под землёй. В случае угрозы управляющий одним нажатием кнопки на своём столе мог затопить хранилище подземными водами, чтобы золото не смогли вынести. Большую часть жизни Норман колесил по миру на скоростном пароходе, преодолевая десятки тысяч миль в год. Он часто путешествовал инкогнито, прячась под черной шляпой с широкими полями и длинным черным плащом и пользуясь вымышленным именем «Профессор Скиннер»...

Бенджамин Стронг был преданным товарищем Нормана... В 1920-е годы они были полны решимости использовать финансовую мощь Великобритании и Соединённых Штатов, чтобы заставить все влиятельные страны мира перейти на золотой стандарт (с искусственной стоимостью, установленной в пользу Англии) и, основываясь на нем, проводить операции через центральные банки, свободные от любого политического контроля, а все вопросы международного финансирования решать без государственного вмешательства, через соглашения между банками¹.

Стронг и Норман часто проводили отпуск вместе, иногда останавливались в Бар-Харборе, штат Мэн, но обычно на юге Франции, они неоднократно пересекали Атлантику, чтобы обсудить друг с другом свои планы по контролю над мировой экономикой. Лестер Чендлер утверждает: «Их встречи были настолько частыми и продолжительными, а сотрудничество настолько тесным, что до сих пор невозможно точно определить, кто какую роль сыграл в некоторых из их общих проектов»². Банк Англии предоставлял Стронгу офис и личного

¹ Quigley, Tragedy, p. 326.

² Lester V. Chandler, Benjamin Strong, Central Banker (Washington, D.C.: Brookings Institution, 1958, reprinted by Arno Press, A New York Times Company, 1978), p. 259.

секретаря во время его визитов, и оба банкира поддерживали тесный контакт друг с другом с помощью еженедельного обмена частными телеграммами. Все эти встречи и совещания проходили в строжайшей тайне. Когда их частые встречи вызывали вопросы у журналистов, стандартным ответом было то, что они просто друзья, встречающиеся для совместного отдыха и неформального общения. К 1926 году главы центральных банков Франции и Германии стали время от времени присутствовать на этих встречах, которые, по словам биографа Нормана, были «более секретными, чем когда-либо устраивали масоны Королевской арки или какой-нибудь орден Розенкрейцеров»¹.

ТАЙНАЯ ВСТРЕЧА 1927 ГОДА

Кульминация этих встреч состоялась на секретном совещании в 1927 году, на котором было решено, что финансовую «жизненную силу» американского народа будут массово переливать в Великобританию. Гэлбрейт так описывает сцену:

1 июля 1927 года «Мавритания» прибыла в Нью-Йорк с двумя известными пассажирами на борту: Монтегю Норманом, управляющим Банком Англии, и Ялмаром Шахтом, главой Рейхсбанка Германии. Секретность, сопутствующая этому визиту, была выдающейся и в некоторой степени показной. Имена обоих влиятельных банкиров не были указаны в списке пассажиров. Не называли их и на встрече с прессой, по прибытии...

В Нью-Йорке к двум мужчинам присоединился Шарль Рист, заместитель управляющего Банком Франции, вместе они встретились с Бенджамином Стронгом, управляющим Федеральным резервным банком Нью-Йорка...

Принципиальным или, по крайней мере, чрезвычайно важным предметом обсуждения стала давно уже слабая резервная позиция Банка Англии. Это, как думали банкиры, сыграло бы им на руку, если бы Федеральная резервная система снизила процентные ставки и поощрила кредитование. Тогда владельцы золота смогли бы рассчитывать на более высокие доходы от хранения своих активов в Лондоне, а более высокие цены в Соединённых Штатах со временем облегчили бы конкуренцию для британской промышленности и труда².

Гэлбрейт использовал нейтральные фразы, чтобы смягчить суровую реальность. На самом деле смысл его слов был в том, что по результатам встре-

¹ John Hargrave, Montagu Norman (New York: Greystone Press, 1942), p. 108.

² Galbraith, pp. 174-175.

чи будет разработан план, согласно которому управляющий Федеральной резервной системой намеренно создаст инфляцию в США. Это заставит цены там вырасти и сделает американские товары менее желанными на мировых рынках, а американский золотой запас начнёт перетекать в Банк Англии. Управляющего Стронга убедить оказалось легко. Именно это они с Норманом и планировали уже долгое время и фактически уже начали претворять в жизнь. Цель приглашения немцев и французов на встречу заключалась в том, чтобы убедить их создать инфляцию и в их странах тоже. Шахт и Рист не сыграли серьёзной роли и рано отбыли, оставив Стронга и Нормана обсуждать оставшиеся детали между собой.

Стронга больше волновали британские финансы, чем американские. В письме, написанном в мае 1924 года министру финансов Эндрю Меллону, он говорил о необходимости снижения американских процентных ставок в качестве этапа денежной экспансии, имеющей целью повышение американских цен по сравнению с британскими. Стронг признавал, что хотел избавить Англию от необходимости сокращать заработную плату, прибыли и социальное обеспечение. Он говорил:

В настоящее время цены на британские товары на международном рынке, вероятно, на 10 процентов выше американских, и одно из предварительных условий, необходимых для того, чтобы Великобритания снова начала производить расчёты в золоте, – постепенное изменение этого соотношения цен, которое нужно начать ещё до проведения денежной реформы. Другими словами, нужно небольшое повышение цен здесь и, возможно, небольшое снижение цен там...

Возможно, бремя этой перестройки должно лечь в большей степени на нас, чем на них. Британскому правительству и Банку Англии будет в политическом и социальном плане сложно столкнуться с ликвидацией цен в Англии... ввиду того, что британская торговля оставляет желать лучшего, а в стране более миллиона безработных, получающих государственную помощь¹.

ПАДЕНИЕ ДОЛЛАРА

«Механизм Мандрагоры» Федерального резерва зародился в интересах Банка Англии в 1924 году, за несколько лет до исторической встречи Стронга, Нормана и Риста. Было два больших всплеска денежной экспансии. Первый – это монетизация облигаций на сумму 492 миллиона долларов плюс почти в два раза больше в банковских акциях. Второй всплеск инфляции произошёл во второй половине 1927 года, сразу после тайной

¹ Чендлер, с. 282-84.

встречи Стронга, Нормана, Шахта и Риста. Он предусматривал финансирование государственных облигаций на сумму 225 миллионов долларов плюс 220 миллионов в виде банковских акцептов, в результате чего общий банковский резерв был увеличен на 445 миллионов. В то же время ставка переучета для банков-членов ФРС (процентная ставка, которую они платят, чтобы брать кредиты у ФРС) была снижена с 4 до 3,5 процента, что облегчило этим банкам приобретение дополнительных «резервов», за счёт которых они могли напечатать ещё больше бумажных денег. Сумма, произведённая коммерческими банками, примерно в 5,5 раза превышала сумму, произведённую ФРС, а это значит, что общий денежный поток превысил 10 миллиардов долларов всего за шесть лет¹.

В течение этого периода спрос Системы на государственные облигации и акцепты снижал процентные ставки². Как и ожидалось, владельцы золота предпочитали отправлять его в Лондон, где можно было получить более высокий доход за него, таким образом запасы американского золота начали перетекать за границу. Кроме того, когда инфляция начала подтачивать покупательную способность доллара, на мировых рынках стали расти цены на американские товары, что сделало их менее конкурентоспособными; экспорт США начал сокращаться; безработица стала расти; низкие процентные ставки и лёгкие кредиты привели к спекуляции на рынках ценных бумаг; и система полным ходом понеслась прямо к биржевому краху 1929 года. Но эту часть истории мы отложим до другой главы.

Техническим создателем окончательного варианта Закона о Федеральном резерве был Х. Паркер Уиллис. После создания Системы он был назначен первым секретарём Совета управляющих Федеральной резервной системы. К 1929 году он разочаровался в картеле и в статье, опубликованной в «The North American Review», написал:

Осенью 1926 года группа банкиров, среди которых был человек с мировым именем, сидела за столом в одной из гостиниц Вашингто-

¹ Приблизительно 1 328 000 000 долларов в первом всплеске инфляции, включая облигации и акцепты, плюс 445 000 000 долларов во втором всплеске равняется сумме, умноженной на 5,5, то есть 9 751 500 000 долларов. Добавьте исходные 1 773 000 000 долларов США, использованные в качестве базы, и получится 11 524 500 000 долларов США – цифра достаточно близкая к 10 661 000 000 долларов, опубликованным самой ФРС, которая показывает рост общего объёма депозитов и валюты в обращении за этот период. См.: «Deposits and Currency», p. 34.

² Когда товар пользуется спросом, его цена повышается. В случае с облигациями и другими процентными долговыми инструментами цена обратно пропорциональна процентной доходности. Чем выше цена, тем ниже процент. Другими словами, чем выше цена, тем больше нужно платить, чтобы получить тот же долларовый доход в процентах, поэтому, когда ФРС создаёт искусственный спрос на облигации или коммерческие бумаги, такие как акцепты, процентная доходность по этим статьям падает, что делает их более дорогостоящими в качестве инвестиций.

на. Один из них поинтересовался, не станут ли установленные Системой низкие ставки переучета причиной роста спекуляций. «Станут, – ответил его знаменитый собеседник. – Так и будет, но здесь ничего не поделать. Это та цена, что мы должны заплатить за помощь Европе»¹.

Нет сомнений в том, что тем знаменитым банкиром был Дж.П. (Джек) Морган-младший. Именно Джек впитал английские традиции с самого раннего детства, это его финансовая империя зародилась в Лондоне, а семейный бизнес был спасён Банком Англии. В зрелом возрасте Джек каждый год проводил по шесть месяцев в Англии, резидентом которой являлся, и открыто настаивал на том, чтобы его младшие партнёры демонстрировали «лояльность Британии»², также он руководил Советом по международным отношениям, который на самом деле являлся американским филиалом тайного общества, созданного для укрепления политической власти Великобритании и утверждения главенствующей роли её традиций. Только зная эту предысторию, можно полностью оценить его готовность пожертвовать американскими интересами. Действительно: «Это та цена, что мы должны заплатить за помощь Европе».

Несмотря на признаки растущего кризиса в американской экономике, протее Моргана, Бенджамин Стронг, был доволен его достижениями. В 1929 году в письме американскому агенту по репарациям Паркеру Гилберту он писал:

В течение последних четырёх лет, вплоть до января этого года, наша политика была эффективной и позволяла успешно достигать поставленных целей. Удалось провести денежную реорганизацию в Европе, которая в ином случае была бы невозможна. Мы пошли на это, сознавая серьёзный риск роста спекуляций и кредитов... Наши намерения были совершенно прозрачны. Мы сделали то, что должны были. Для этого были все условия, а риск нанесения ущерба другим странам был минимален³.

Другим странам? А что насчёт своей? Очевидно, Стронг не видел большой разницы между ними. Именно после него в Федеральном резерве обосновались интернационалисты. Он рассматривал Соединённые Штаты как элемент мировой финансовой структуры, и считал, что то, что хорошо

¹ «The Failure of the Federal Reserve», by H. Parker Willis, The North American Review, May, 1929, p. 553.

² Chernow, p. 167.

³ Chandler, p. 458. Для дополнительного разъяснения также см. с. 459-463.

для мира, хорошо для Америки. Ах, да, что хорошо для Англии, то хорошо и для мира!

АМЕРИКАНО-БРИТАНСКИЙ СОЮЗ

Одной из наиболее загадочных реалий современной истории является тот факт, что многие из выдающихся политических и финансовых деятелей Америки были готовы пожертвовать важнейшими интересами Соединённых Штатов, чтобы приблизиться к созданию *единого* мирового правительства. Стратегия осталась неизменной с момента образования «Общества Сесила Родса» и его наследников – «Групп круглого стола». Их план состоит в том, чтобы объединить англоязычные нации в единое политическое образование и одновременно создать аналогичные группировки в других геополитических регионах. После того как цель будет достигнута, эти группировки должны объединиться в глобальное правительство, так называемый Парламент человека. И угадайте, кто планирует контролировать это правительство из-за кулис.

Эту стратегию метко описал Эндрю Карнеги в своей книге *«Триумфальная демократия»*. Выразив обеспокоенность тем, что Англия стала утрачивать статус мировой державы, он заметил:

Воссоединение со своими американскими детьми – единственный надёжный способ предотвратить дальнейший упадок... Всему, что мешает воссоединению, я буду противостоять; всё, что способствует воссоединению, я одобряю. Я оцениваю все политические вопросы с этой точки зрения...

Парламент человека и Федерация мира уже были воспеты поэтом, и это значит, что планы идут намного дальше предполагаемого воссоединения Британии и Америки... Я уверен, точно так же, как в том, что когда-то солнце освещало Британию и Америку одновременно, в том, что однажды утром оно встанет, осветит и поприветствует воссоединённое государство – «Британо-американский союз»¹.

РЕЗЮМЕ

После Гражданской войны в Америке произошло несколько увеличений и сокращений денежной массы, что прямо привело к экономическим подъёмам и спадам. Это случилось из-за того, что бумажные деньги выпускались бан-

¹ Andrew Carnegie, *Triumphant Democracy* (New York: Charles Scribner's Sons, 1893), pp. 530-49. Это пересмотренное издание книги, которая была первоначально написана в 1886 году. Более ранние издания не содержат этих слов.

ковской системой, которая, будучи недостаточно свободной и конкурентоспособной, являлась компромиссным вариантом центрального банка. Во время всего этого хаоса одна банковская фирма, «Дом Моргана», смогла нажиться на неудачах других. Морган имел тесные связи с финансовыми структурами и культурой Англии и был скорее британцем, чем американцем. Существует вероятность того, что фирма «Морган и Компания» имела тайные связи с Домом Ротшильдов на протяжении большей части этого периода.

Бенджамин Стронг, являвшийся человеком Моргана, был назначен первым управляющим Федеральным резервным банком Нью-Йорка, который быстро стал главенствовать в Системе. Стронг немедленно заключил союз с Монтегю Норманом, управляющим Банком Англии, чтобы спасти английскую экономику от депрессии. Им удалось достичь своих целей путём преднамеренного создания инфляции в США, которая вызвала отток золота, потерю иностранных рынков, безработицу и спекуляцию на фондовом рынке, что, в конечном счёте, привело Америку к краху 1929 года и Великой депрессии в 30-е.

Хотя в этой главе данный вопрос не рассматривается, следует помнить, что те же силы втянули США в обе мировые войны, чтобы обеспечить экономические и военные ресурсы, необходимые Англии для выживания. Кроме того, ключевыми участниками этой игры были люди, состоявшие в тайном обществе, созданном Сесилом Родсом для расширения Британской империи.

ГЛАВА 21

«КОНКУРЕНЦИЯ – ЭТО ГРЕХ»

История о том, как банкиры-инвесторы Нью-Йорка организовали картель, чтобы избежать конкуренции; разработка закона, чтобы легализовать этот картель; стратегия для маскировки истинной природы закона; неудача обмана и отклонение законопроекта.

Мы пропутешествовали по большому кругу времени со многими остановками и теперь снова вернулись к тем событиям на острове Джекилл, с которых началась наша книга.

В предыдущей главе мы увидели, как увеличение и сокращение денежной массы после Гражданской войны привело к серии «бумов и спадов». Мы увидели, что фирма «Дж.П. Морган и К°» с помощью финансистов Лондона смогла извлечь огромную прибыль с обеих сторон этих циклов, но особенно при рецессиях. В этом месте мы забежали вперёд, чтобы показать, как тесно связаны с интересами Британии Дж.П. Морган и другие ведущие американские финансисты. Мы также показали, что в 1920-х годах американский доллар был искусственно занижен агентами Моргана в Федеральной резервной системе, чтобы поддержать падающую британскую экономику. Давайте теперь вернёмся к пункту отправления и дадим возможность нашей команде продолжить разыгрывать эту самую важную предшествующую сцену реального создания Федеральной резервной системы.

ПЕРЕХОДНАЯ ФОРМА К ЦЕНТРАЛЬНОМУ БАНКУ

Историки, стремившиеся обосновать государственный контроль монетарной системы, утверждали, что причиной «бумов и спадов», случавшихся в тот период, была свободная и конкурентная банковская деятельность. Однако, как мы видели, эти деструктивные циклы были прямым результатом создания, а потом гашения фиатных денег через систему национальных банков с федеральной лицензией (при доминировании нескольких фирм на Уолл-стрит), которые представляли собой переходную форму на пути создания центрального банка. Ни один из этих банков не был действительно свободным от государственного контроля, как не были они и конкурирующими в традиционном смысле слова. Их фактически субсидировало государство, и у них было много

монополистических привилегий. Но, с позиции банкиров Уолл-стрит, хотелось бы намного больше. Например, в Америке ещё не было «кредитора последней инстанции», что на банкирском языке означает отсутствие полнофункционального центрального банка с правом создания неограниченного количества фиатных денег, которые можно было бы бросить на помощь любому индивидуальному банку, если его осадили вкладчики, желавшие вернуть свои деньги. Иметь функцию «кредитора последней инстанции» – единственная возможность для банка создавать деньги из ничего и ещё быть защищённым от вероятного «набега» клиентов. Другими словами, это способ вынудить народ платить скрытый инфляционный налог, чтобы покрыть недостатки недалёкой видной банковской деятельности при частичном резервировании. Вот почему так называемая полезность «кредитора последней инстанции» преподносится сегодня с благоговением практически всеми академическими институтами, выдающими дипломы в сфере банковского дела и финансов. Это одно из средств, с помощью которого система себя увековечивает.

Банки теперь могли раздувать инфляцию в более радикальных масштабах и более синхронно, чем перед войной, но, если они продвигались слишком далеко или слишком быстро, «бум», произведённый банком, по-прежнему скатывался в рецессию. Хотя это могло принести банкам огромную прибыль, но содержало и риски. По мере того как росла американская экономика, возрастал также и масштаб «бумов» и «спадов», и для фирм, подобных «Морган и К°», становилось все труднее и труднее благополучно переживать эти бури. Росло опасение, что *следующий* коллапс может стать сильнее, чем их возможность с ним справиться.

Кроме этих опасений, существовал и тот факт, что многие региональные банки, главным образом в развивающихся южных и западных штатах, предпочли не присоединяться к национальной банковской системе и, как следствие, избежали контроля со стороны оси Уолл-стрит – Вашингтон. Поскольку население перемещалось на юг и запад, многие государственные банки двигались в том же направлении, и новые банки становились возрастающим источником конкуренции для нью-йоркского центра власти. К 1896 году число негосударственных банков выросло на 61%, и они уже владели 54% общих банковских депозитов страны. В 1913 году, когда была создана Федеральная резервная система, это количество увеличилось до 71%, негосударственные банки держали 57% национальных депозитов¹. Что-то надо было делать, чтобы остановить это движение.

Дополнительная конкуренция развивалась в промышленности из-за тенденции финансироваться скорее из собственной прибыли, чем за счёт заёмных средств. В период между 1900 и 1910 годами 70% роста американских корпораций финансировалось внутренними средствами, делая индустрию все более независимой от банков.

¹ См.: Kolko, *Triumph*, p. 140.

Чего хотели банкиры, и чего многие бизнесмены хотели тоже, – чтобы объём денежной массы был более «гибким» или «эластичным», тогда они могли бы делать его в любой момент времени таким, какой позволил бы опускать процентные ставки по их усмотрению. Это сделало бы займы настолько привлекательными для бизнесменов, что у них не оставалось бы выбора, и они вернулись бы к банковским кормушкам.

ТРАСТЫ И КАРТЕЛИ ВЫТЕСНЯЮТ КОНКУРЕНЦИЮ

Ещё одна проблема, вставшая перед Уолл-стрит, состояла в том, что самые большие инвестиционные дома, такие как «Морган и К°» и «Кун, Леб и К°», хотя и оставались конкурентами, к тому времени уже были так велики, что перестали вести серьёзную борьбу друг с другом. Концепция трастов и картелей реализовалась в Америке, и тем, кто уже добрался до вершины, совместные предприятия, раздел рынка, фиксация цен и слияния приносили намного больше прибыли, чем свободная предпринимательская конкуренция. Рон Чернов объясняет:

Уолл-стрит стремительно перерастал в одно большое учреждение, где доминировал Морган. В декабре 1909 года Пирпонт купил контрольный пакет акций Equitable Life Assurance Society (Общества справедливого страхования жизни) у Томаса Форчуна Райана. Это дало ему возможность оказывать сильное влияние на три самые большие страховые компании Америки: Mutual Life, Equitable и New York Life... Его «Банкерс Траст» присвоил три других банка. В 1909 году он получил контроль над «Гаранти Траст», который через серию контрольных пакетов превратил в самый большой траст Америки... Основу «Мани Траст групп» составили «Дж.П. Морган и К°», «Первый Национальный банк» и «Национальный городской банк»...

Одни и те же банкиры Уолл-стрит пересаживались с одного места на другое в органах правления друг друга. Некоторые банки имели так много перекрёстных директоров, что разделить их было бы затруднительно... Банки также владели большим количеством долей собственности друг друга...

Почему банки просто не сливаются, вместо того чтобы устраивать шараду обмена долями и членами правления? Большинство банков были частными партнёрствами или имели узкий круг собственников и могли бы это сделать. Объясняется это традиционной американской антипатией к концентрации финансовой власти. Трио «Морган – Пер-

вый Национальный – Национальный городской» опасалось общественного возмущения, если бы оно открыто заявило о своей лояльности другу¹.

Взаимное включение управляющих и другие формы скрытого контроля были гораздо безопаснее, чем открытое слияние, но это тоже имело свои пределы. Прежде всего, они не могли пройти барьеры других подобных конкурентных группировок. Поскольку эти объединения становились все больше, скорее изыскивались пути объединить их на верхнем уровне, чем поглощать корпоративные структуры, их составляющие. Так родилась концепция картеля, «общности интересов» бизнесменов, играющих на одном поле, – способа совместной деятельности на высшем уровне в качестве партнёров и уменьшения суровой необходимости конкурентной борьбы или вообще отказа от неё.

Все картели, однако, имеют внутренний механизм саморазрушения. Рано или поздно один из членов неизбежно чувствует неудовлетворённость своей согласованной долей пирога. Он решает вступить в борьбу и требует большую долю рынка. Поэтому скоро все поняли, что единственная возможность предотвратить такие события состояла в использовании государственной власти для соблюдения картельного соглашения.

Процедуру прохождения законов замаскировали под меры защиты потребителя, хотя на самом деле они обеспечивали ликвидацию конкуренции. Генри П. Дэвисон, партнёр Моргана, прямо сказал об этом, выступая в 1912 году в комитете Конгресса: «Я предпочёл бы свободной конкуренции регулирование и контроль»². Джон Д. Рокфеллер выразился ещё чётче фразой, которую часто цитируют: «Конкуренция – это грех»³.

Такая тенденция не была уникальной в банковской сфере. Рон Пол и Льюис Лерман представили историческую перспективу:

После 1896 и 1900 годов Америка вступила в прогрессивную и по преимуществу республиканскую эру. Принудительное картелирование во имя «прогрессивизма» стало охватывать все стороны американской экономической жизни. Железные дороги открыли парад с образованием в 1880-х годах ИСС, а затем отрасль за отраслью централизовались и картелировались во имя «эффективности», «стабильности», «прогресса» и «всеобщего благоденствия»... Тогда же разные большие бизнес-группы, часто собираемые Дж.П. Морганом в своих интересах в National Civic Federation и других аналитических центрах и институтах влияния,

¹ Chernow, pp. 152-153.

² Цит. по: Gabriel Kolko, *Main Currents in Modern American History* (New York; Harper & Row, 1976), p. 13.

³ Цит. по: William Hoffman, *David: A Report on a Rockefeller* (New York: Lyle Stewart, Inc., 1971), p. 29.

увидели, что добровольная организация картелей и индустриальные слияния в конце 1890-х не привели к установлению монопольных цен в индустрии. Поэтому они решили обратиться к правительствам, штатов и федеральному, с предложением пресечь стихийную конкуренцию и учредить формы принудительных картелей во имя, разумеется, «обуздания больших бизнес-монополь» и содействия всеобщему благоденствию¹.

Уже не стоял вопрос, как преодолеть своих соперников и как не допустить новых на своё поле. Когда Джон Д. использовал свои огромные прибыли от Standard Oil, чтобы установить контроль над Chase National Bank, а его брат Уильям купил National City Bank Нью-Йорка, Уолл-стрит получил на финансовой арене на одного гладиатора больше. Морган понял, что у него нет иного выбора, кроме как пустить Рокфеллеров в клуб, но, когда они там оказались, все пришли к общему мнению, что увеличение числа конкурентов следует остановить. И это должно стать тайной целью федерального законодательства и государственного контроля. Габриэль Колко объясняет:

Огромный размер многих слияний, кульминацией которых стало U.S. Steel, вскоре вынудил его [Моргана] изменить свою позицию, хотя иногда он предпочёл бы иметь полный контроль. Ещё важнее то, что к 1898 году он уже не мог игнорировать мощь новых финансовых конкурентов и вынужден был общаться с ними почтительно. Компания Standard Oil, использующая National City Bank для своих инвестиций, имела фиксированные ресурсы значительно больше ресурсов Моргана, и в 1899 году была готова войти в общую экономику... Проверкой стала, конечно, битва Северных ценных бумаг (the Northern Securities battle), которая была крайне дорогостоящей. Морган и Standard с того времени относились с почтением друг к другу, и взаимная толерантность среди банкиров резко увеличилась... Скорее доброжелательный вооружённый нейтралитет, чем явная симпатия, тоже является основанием, среди прочих, для наличия большого количества общих руководителей в пяти главных банкирских домах Нью-Йорка².

В 1919 году, глядя изнутри на Уолл-стрит в то время, Джон Муди дополняет картину:

Поразительное сплачивание больших корпоративных групп, конечно, не произошло бы, если бы сами «хозяева капитала» с Уолл-стрит не стали в то же время тесно сотрудничать. Соперничество интересов,

¹ Paul and Lehrman, p. 119.

² Kolko, *Triumph*, pp. 143-144.

что было так характерно в период реорганизации, несколько лет назад, совершенно исчезло. Хотя две большие группы финансистов, представленные, с одной стороны, Морганом и его союзниками, а с другой – силами Standard Oil, ещё различались, но теперь обе работали практически в полной гармонии на основе взаимной «общности интересов». Таким образом, контроль капиталов и кредитов посредством банковских ресурсов концентрируется в руках все меньшего числа людей... Фактически вскоре можно будет сказать, что больше нет двух соперничающих банковских групп и что их место заняла одна большая и слаженная банковская группа¹.

ЗАКОН ОЛДРИЧА – ВРИЛЭНДА

Сокращение денежной массы 1879 и 1893 годов было урегулировано Уолл-стрит относительно легко и без вмешательства государства, но кризис 1907 года подтолкнул его очень близко к катастрофе. Стало ясно, что необходимо сделать две вещи: полностью устранить все, что осталось от банковского соперничества, и учредить национальный картель; и сделать доступными для банков значительно большие суммы фиатных денег, чтобы защитить их от будущих «набегов» клиентов. Теперь уже не стоял и вопрос, следует ли привлечь к участию в качестве партнёра Конгресс, чтобы использовать государственную власть для выполнения этих целей. Колко продолжает:

Кризис 1907 года, с другой стороны, обнаружил, что объединённая банковская структура Нью-Йорка неспособна справиться со сложной ситуацией и обуздывает любые непокорные финансовые учреждения, решившие, что они могли бы работать независимо от банковского сообщества... Страна стала слишком большой, банковская деятельность – слишком сложной. Уолл-стрит, поверженный и почти в одиночестве, переключился с собственных средств на национальное правительство².

Первым шагом в этом направлении стала явная полумера. В 1908 году Конгресс принял Закон Олдрича – Врилэнда, который, главным образом, выполнял две задачи. Во-первых, он позволил национальным банкам выпускать кризисную валюту, называемую «расписками», которая могла бы заменить обычные деньги, если банки окажутся неспособными выплатить их вкладчикам. «Скрипты» использовались в банковском клиринге во время паники 1907 года с частичным успехом, но это был смелый эксперимент без правовой основы.

¹ Moody, pp. 117-118, 150.

² Kolko, *Triumph*, p. 144.

Теперь Конгресс сделал эту меру совершенно легальной, и, как заметил Гэлбрейт: «Новое законодательство регламентировало такие расчёты. Это могло бы производиться в счёт обеспечения разных облигаций и коммерческих займов – они могли бы фактически превратиться в наличные без продажи»¹.

Вторая, и, может, самая важная, часть этого закона – сообщение о создании Национальной комиссии по денежному обращению (National Monetary Commission), которой надлежало изучить проблемы американской банковской деятельности и затем выдать Конгрессу рекомендации, как стабилизировать монетарную систему. Комиссия состояла из девяти сенаторов и девяти депутатов – членов Палаты представителей. Вице-председателем был депутат Эдвард Врилэнд, банкир из Буффало. Председателем был, конечно, сенатор Нельсон Олдрич.

С самого начала было ясно, что Комиссия – просто бутафория, что это шоу одного исполнителя – Олдрича. Так называемая комиссия по расследованию фактов не проводила официальных встреч почти два года, пока Олдрич объезжал Европу, совещаясь с руководителями центральных банков Англии, Франции и Германии. Триста тысяч налоговых долларов было истрачено на роскошные банкеты, и единственным вещественным результатом работы Комиссии стали 38 массивных томов истории европейского банковского дела. Ни одного члена Комиссии не спрашивали относительно официальных рекомендаций, выданных Олдричем от их имени. На самом деле это была работа Олдрича и шести его соратников, которые не были даже членами Комиссии, и их отчёт создавался вовсе не в конференц-зале Конгресса в Вашингтоне, а в частном охотничьем замке в Джорджии.

И это событие, наконец, возвращает нас в ту холодную ветреную ночь на железнодорожной станции в Нью-Джерси, где семеро владельцев четверти богатств всего мира поднялись в собственный вагон Олдрича для тайной поездки на остров Джекилл.

ПЛАН, ВЫРАБОТАННЫЙ НА ОСТРОВЕ ДЖЕКИЛЛ

Как говорилось во вступительной главе книги, на этой встрече предполагалось разработать шаги по достижению пяти главных целей:

1. Остановить растущее влияние мелких конкурирующих банков и гарантировать, что контроль над национальными финансовыми ресурсами останется в руках здесь присутствующих.

¹ Этот легализованный «скрипт» («расписка») использовался только однажды – в 1914 году, когда разразилась Первая мировая война. См.: Galbraith, p. 120.

2. Сделать объем денежной массы более гибким, чтобы переломить тенденцию формирования частного капитала и восстановить рынок промышленных займов.
3. Объединить скудные резервы всех банков страны в один большой резерв, чтобы хотя бы некоторые банки могли защитить себя от утечки валюты и «набегов» вкладчиков.
4. Перенести неизбежные потери с собственников банков на налогоплательщиков.
5. Убедить Конгресс, что эта схема есть мера защиты населения.

Было решено, что первые две цели могут быть достигнуты простым введением надлежащей профессиональной терминологии в картельное соглашение с последующей переделкой в соответствующую законодательную фразеологию. Третья и четвертая цели могут быть достигнуты включением в это законодательство положения о «кредиторе последней инстанции»; другими словами, о настоящем центральном банке, имеющем возможность создавать фиатные деньги в неограниченном количестве. Это были вопросы, главным образом, технического характера, и хотя возникали некоторые разногласия по незначительным пунктам, всех, в общем, устраивало следовать рекомендациям Пола Варбурга, который имел наибольший опыт в этих материях и которого считали теоретиком группы. Пятая цель была критически важной, и вопрос её достижения вызвал большие споры.

Чтобы убедить Конгресс и американцев, что учреждение банковского картеля является в некотором роде мерой для защиты населения, стратеги на острове Джекилл разработали следующий план действий:

1. Не называть то, что будет создано, ни картелем, ни также центральным банком.
2. Сделать так, чтобы это выглядело как правительственный орган.
3. Учредить региональные филиалы, чтобы создать видимость децентрализации управления без якобы доминирования банков Уолл-стрит.
4. Начать с консервативной структуры, включающей много здоровых банковских принципов, имея в виду, что положения договора всегда можно будет без лишнего шума изменить или удалить в последующие годы.
5. Использовать возмущение, вызванное недавней паникой и банковскими банкротствами, чтобы сформировать запрос населения на монетарную реформу.
6. Предложить план, разработанный на острове Джекилл, как бы в ответ на это требование.
7. Задействовать университетских профессоров для придания плану видимости академического одобрения.
8. Выступать *против* этого плана, чтобы убедить публику, что банкиры Уолл-стрит его не хотят.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК, НО ПОД ЛЮБЫМ ДРУГИМ НАЗВАНИЕМ

Американцы никогда бы не согласились на Федеральную резервную систему, если бы знали, что это наполовину картель, наполовину центральный банк. Даже если бы концепция государственного протекционизма сразу же получила бы согласие в бизнесе, в академических и политических кругах, то среднему избирателю идея картелей, трастов и ограничение свободной конкуренции было ещё совершенно чуждо. И в залах Конгресса любое предложение о картеле или центральном банке, сделанное напрямик, было бы, безусловно, отвергнуто. Конгрессмен Эверис Хейз из Калифорнии предупреждал: «Лица наших людей становятся неумолимыми, когда они слышат о центральном банке»¹. Сенатор Джон Шафрот из Колорадо заявил: «Демократическая партия выступает против центрального банка»².

Учёные-финансисты на острове Джекилл решили поэтому придумать такое название для своего детища, в котором отсутствовало бы слово «банк» вообще и которое само по себе вызывало бы представление о федеральном правительстве. И ещё создать иллюзию, что не будет никакой концентрации власти в больших нью-йоркских банках, что первоначальный план, предусматривающий создание центрального банка, заменялся предложением сети региональных учреждений, которые, как полагали, могли разделить и распылить эту власть.

Натаниэль Райт Стивенсон, биограф сенатора Олдрича, рассказывает нам: «Олдрич открыл обсуждение на острове Джекилл как горячий новообращенец, приверженец идеи центрального банка. Он желал бы полностью перенести в Америку систему одного из больших европейских банков, например Банка Англии»³.

Гэлбрейт поясняет дальше: «Это была его [сенатора Олдрича] идея – перехитрить оппозицию, имея как бы не один центральный банк, а много. И не использовать само слово “банк”»⁴.

Фрэнк Вандерлип говорит нам, что региональная концепция была всего лишь декорацией, и всегда предполагалось, что сеть будет работать как один центральный банк. Он писал: «Принятый закон предусматривал наличие двенадцати банков вместо одного... но закон предусматривал координацию деятельности этих двенадцати посредством Совета управляющих Федерального

¹ *Congressional Record*, pt. 5, 1913, p. 4655.

² *Congressional Record*, pt. 6, 1913, p. 6021.

³ Stephenson, p. 378.

⁴ Galbraith, p. 122.

резерва в Вашингтоне, так что в действительности они функционировали как центральный банк»¹.

Если не использовать слово «банк» было существенно для плана, составленного на острове Джекилл, то избегать слова «картель» было ещё важнее. Впрочем, картельная природа предполагаемого центрального банка была очевидна любому сообразительному обозревателю. В своём выступлении в Ассоциации американских банкиров Олдрич ясно это показал. Он сказал: «Предлагаемая организация – это не банк, а кооперативное объединение всех банков страны с определённой целью»². Два года спустя в речи перед той же группой банкиров А. Бартон Хепберн из Chase National Bank был ещё более откровенен. Он сказал: «Предложенная схема учитывает и применяет принципы центрального банка. Действительно, если это реализуется так, как надеются авторы закона, это сделает все включённые банки совместными обладателями центральной доминирующей власти»³. Трудно было бы найти лучшее определение слова «картель», чем это.

Идея создать это Порождение в консервативном виде вначале, а затем, позже, снять барьеры принадлежала Полу Варбургу. Также его идеей было создание полновластного Совета управляющих Федерального резерва в качестве средства, с помощью которого региональные филиалы могли быть соединены в центральный банк с надёжным контролем в Нью-Йорке. Профессор Эдвин Селигмен, член международного банковского семейства «J&W Seligman» и глава факультета экономики Колумбийского университета, разъясняет и восхваляет этот план:

Именно в моем кабинете г-н Варбург впервые сформулировал идею, как представить свои взгляды публике⁴... Базовые положения закона о Федеральной резервной системе разработаны скорее всего г-ном Варбургом, чем кем-либо ещё в стране... Существование Совета управляющих Федеральной резервной системой делает её по всем признакам, кроме названия, реальным центральным банком... Г-н Варбург преследовал практическую цель... Ему приходилось иметь в виду, что просве-

¹ Vanderlip, «From Farm Boy to Financier», p. 72.

² Krooss, Vol. III, 1969 edition, p. 1202.

³ Цит. по: Kolko, *Triumph*, p. 235.

⁴ Большинство историков разделяет точку зрения Селигмена относительно конструктивной роли Варбурга в создании Федеральной резервной системы. Некоторые участники этой драмы, однако, желающие, по-видимому, отхватить часть славы для самих себя, сильно расходятся во мнениях. Например, Уильям Макэду, Секретарь Казначейства в то время, говорит: «Это притязание настолько совершенно не верно, что должно было произойти скорее от невежества, чем от лживости». См.: McAdoo, p. 281. Что бы ни говорили конкурирующие самолюбия, объективное прочтение отчёта приводит к заключению, что, хотя другие, несомненно, внесли большой вклад в области технического проектирования и политических переговоров, *суть* плана, его общая *концепция* и проблема *аргументации*, которая возникла перед представлением плана в Конгрессе, были, по существу, продуктом изобретательного гения Варбурга.

шение страны – дело постепенное и что главное в этой задаче – покончить с предрассудками и снять подозрения. Его планы содержат всевозможные тщательно продуманные предложения, предназначенные для предотвращения воображаемых страхов у народа и убеждения страны, что общая схема абсолютно реальна. Г-н Варбург надеялся, что со временем можно будет удалить из закона немало пунктов, которые были введены, по его предложению, в основном в образовательных целях¹.

БИЛЛЬ ОЛДРИЧА

Первый эскиз «плана острова Джекилл» представил в Сенате Нельсон Олдрич, но из-за неожиданной болезни сенатора, когда он вернулся в Вашингтон, план фактически составили Фрэнк Вандерлип и Бенджамин Стронг². Хотя конгрессмен Врилэнд был соавтором, билль сразу же стал называться Биллем Олдрича. Врилэнд, по его собственному признанию, ничего не мог с этим поделать, но его готовность быть командным игроком в игре национального обмана стоит дорогого.

В выпуске газеты «The Independent» («Независимый») 25 августа 1910 года, принадлежавшей, между прочим, самому Олдричу, которая была чем угодно, только не независимой, Врилэнд писал: «Банк, который я предлагаю... – идеальный способ побороть монополию. Во всяком случае, он сам не станет монополией и предотвратит объединение в монополии других банков. С прибылями, ограниченными 4,5%, монополия невозможна»³.

Вот поразительное утверждение! Потрясающее коварство, поскольку содержит половину правды. Правда, что монополии не могут – или, по крайней мере, не *станут* – производить операции при процентной ставке 4,5. Но неверно, что банки Федеральной резервной системы должны были придерживаться такой низкой ставки. Правда, что 4% – объявленная сумма, которую они получили бы от акций, приобретённых в Системе, но также и правда, что реальные прибыли они должны были получать не в виде дивидендов с акций, а сгребая процентные выплаты с фиатных денег. К этому следует добавить доходы от работы с меньшим «запасом прочности», что стало возможным при защите от банкротства.

Более того, будучи инсайдерами центрального банка страны, они получали бы важную информацию относительно делания денег и решений банка задолго до их конкурентов. Доходы, которые могли бы прийти от такого преимущества, были бы равны или даже превосходили бы те, что они получили

¹ Edwin Seligman, Proceedings of the Academy of Political Science, Vol. IV, № 4 (New York: 1914), pp. 3-6.

² Vanderlip, «From Farm Boy to Financier», p. 72.

³ «A Better System of Banking and Currency», by Edward B. Vreeland, *The Independent*, August 25, 1910, p. 394.

бы от механизма Мандрагоры. Правда, что Федеральная резервная система должна была быть частным учреждением, но, конечно, неправда, что это означало устранение государства из банковского бизнеса. На самом деле все было как раз наоборот, потому что означало *присутствие* государства в качестве партнёра частных банкиров и в качестве попечителя их картельного соглашения. Участие государства становилось больше, чем когда-либо раньше в нашей истории.

Вопреки полуправде и пропаганде, организационная структура, предложенная в Билле Олдрича, во многом была похожа на структуру старого Банка Соединённых Штатов. Он должен был иметь право конвертировать федеральный долг в деньги, ссужать эти деньги правительству, контролировать деятельность региональных банков и служить депозитарием правительственных фондов. Несходство состояло в тех возможностях, которые давали этому Порождению *больше* привилегий и власти, чем имел их старый центральный банк. Самым важным из них было право создавать официальные деньги Соединённых Штатов. Впервые в нашей истории бумажные деньги банковского учреждения становились законным платёжным средством не только для государственных долгов, но и для долгов частных лиц. Отныне любой отказавшийся принять эти банкноты отправлялся в тюрьму. Слова «Соединённые Штаты Америки» должны были появиться на лицевой стороне каждой банкноты вместе с большой печатью Казначейства Соединённых Штатов. И конечно, подпись самого Казначея должна была печататься на видном месте. Все это оформление должно было убедить народ, что новое учреждение – это, безусловно, орган самого правительства.

ОБЕРНУТЬ ОППОЗИЦИЮ ПРОТИВ НЕЕ САМОЙ

Теперь, когда базовая стратегия была разработана и специальный билль составлен, следующим шагом должна была стать организация народной поддержки всего этого. Это была критически важная часть плана, и тут требовалась чрезвычайная искусность. Но реально проблема решилась легче из-за того, что существовала большая искренняя оппозиция концентрации финансовой власти на Уолл-стрит. Самыми радикальными критиками в то время были Роберт Лафоллет, сенатор из Висконсина, и Чарльз Линдберг, конгрессмен от Миннесоты. Редкая неделя проходила без того, чтобы кто-нибудь из них не произнёс бичующую речь против, как они говорили, «денежного траста», несущего ответственность, как они считали, за преднамеренное создание «бумов» и «спадов», чтобы снимать прибыль от спасения заложенных и лишённых права выкупа домов, ферм и бизнеса. Если находился кто-то сомневающийся, что такой траст реально существует, Лафоллет резко обрывал его доводы, заявляя во всеуслышание, что вся страна контролируется все-

го лишь 50 людьми. Учёные-финансисты не были обескуражены и даже не утруждали себя отрицать это. Когда репортёры поинтересовались реакцией Джорджа Ф. Бейкера, партнёра Дж. П. Моргана, на утверждение Лафоллета, он ответил, что это полный абсурд. Он сказал, что, насколько ему лично известно, это число не превышает восьми!¹

Народ был, конечно, возмущён, и предсказуемо началось давление на Конгресс что-нибудь сделать. Учёные-финансисты были полностью готовы обернуть эту реакцию в свою пользу. Стратегия была простая: (1) учредить в Конгрессе специальный комитет, чтобы разобраться с финансовым трастом; (2) гарантировать, чтобы этот комитет был укомплектован друзьями самого траста; и (3) скрывать масштаб операций траста, в то же время показывая ровно столько, сколько нужно, чтобы интенсифицировать общественное требование реформ.

Как только политическая ситуация будет в должной мере разогрета, можно будет предъявить Билль Олдрича, якобы в ответ на запрос общества. Эта стратегия, конечно, не была новой. Как объяснял конгрессмен Линдберг:

Со времени Гражданской войны Конгресс предоставил банкирам полный контроль над финансовым законодательством. Членами Финансового комитета Сената и Комитета по банковскому делу и денежному обращению Палаты представителей были банкиры, их агенты и их юристы. Эти комитеты контролировали суть предлагаемых законопроектов, область их действия и дебаты, которые по ним проводились при рассмотрении в Сенате и Палате представителей. Ни один, уже в комитете, не получал одобрения... содействовали только тем, кому комитет благоприятствовал².

КОМИТЕТ ПЬЮДЖО

Комитет Пьюджо был прекрасным примером такого типа софистики. Это был подкомитет Комитета Палаты представителей по банковскому делу и валюте, и в 1912 году его почтили ответственностью расследовать вопрос знаменитого «Денежного траста». Руководителем подкомитета был Арсен Пьюджо из Луизианы, которого, что характерно, многие считали выразителем интересов Oil Trust. Слушания растянулись на восемь месяцев, производя тома сухой статистики и свидетельские показания в свою пользу самих больших банкиров Уолл-стрит. Ни разу финансистов не спросили о чём-либо относительно их отношений с иностранными инновационными домами. Не спросили их и о реакции на конкуренцию со стороны новых банков. Не было вопро-

¹ Mullins, p. 16.

² Lindbergh, p. 76.

сов относительно их плана защиты спекулятивных банков от утечки валюты, или относительно мотивов искусственного занижения процентных ставок, или о формуле переноса своих потерь на налогоплательщиков.

У людей создали впечатление, что Конгресс действительно сорвал покров со скандальных фактов и коррупции, но реальность больше походила на непринуждённую беседу старых друзей. Какие бы нелепости или вздор ни слетали с банкирских уст, все принималось без оспаривания.

Эти слушания проводились, главным образом, в ответ на общественные обвинения, которые выдвигали конгрессмен Линдберг и сенатор Лафоллет. Однако, когда они попросили принять их в Комитете, обоим отказали. Единственными свидетелями, дававшими показания, были сами банкиры и их друзья. Колко нам рассказывает:

К счастью для реформаторов, Комитет Пьюджо ускорил своё расследование «Денежного траста» летом 1912 года и через 8 месяцев напугал страну своей потрясающей, хотя и спорной, статистикой о власти Уолл-стрит над экономикой страны... Пять банковских фирм, как показали составленные Комитетом таблицы, имели 341 директорское место в 112 корпорациях с суммарной капитализацией более 22 миллиардов долларов. Факты казались убедительными, и страна, надлежащим образом запуганная, поняла, что реформа банковской системы насущно необходима, вероятно, чтобы установить контроль над Уолл-стрит...

Оргия Уолл-стрит подогревалась газетчиками, которые совершенно проигнорировали тот факт, что крупнейшими адвокатами банковской реформы были сами банкиры, имевшие несколько иной взгляд на проблему... К тому же именно слушания в Комитете Пьюджо и сделали тему банковской реформы серьезной¹.

Колко затронула интересный момент. Почти никто не придавал значения факту, что некоторые из самых крупных банкиров Уолл-стрит шли в первых рядах марша за банковскую реформу. Самым видным среди них был Пол Варбург из компании «Кун, Леб и К°», который за 7 лет до принятия Закона о Федеральном резерве начал ездить по стране, читая лекции о «реформе», и писал учёные статьи в прессу, в том числе 11-частную серию для «Нью-Йорк таймс». К нему присоединился представитель Домов Моргана и Рокфеллера, который в своих регулярных выступлениях перед профессиональными и политическими аудиториями повторял призывы к реформе. И опять никто не обратил внимания на явный запах рыбы.

¹ Kolko, *Triumph*, p. 220.

ЗАРУЧИТЬСЯ ПОДДЕРЖКОЙ АКАДЕМИКОВ

Речи и статьи знаменитых банкиров никогда не были направлены на то, чтобы влиять на весь народ. Их задачей было представление базовых аргументов и технических деталей, которые должны были стать отправными точками для работы других, кого нельзя было заподозрить в своекорыстных мотивах.

Чтобы донести идею до избирателей, было решено привлечь представителей из академических кругов, которые могли обеспечить необходимую ауру респектабельности и интеллектуальной объективности. Для этой цели банки вложили 5 миллионов долларов в специальный «образовательный» фонд, и большая часть этих денег попала в три университета: Принстон, Гарвард и Чикагский университет, каждый из которых был получателем больших дарственных взносов от капитанов промышленности и финансов.

Именно в это время изучение «экономики» стало новой и востребованной областью, и было нетрудно найти талантливых, но слегка голодающих профессоров, которые в ответ на грант или престижный пост готовы были излагать достоинства плана, выработанного на Джекилле. Тут было не только академическое стремление, финансово вознаграждаемое, это ещё и обеспечивало им национальную признательность как пионерам в новой области экономики. Гэлбрейт пишет:

Под руководством Олдрича был выполнен десяток или больше исследований финансовых учреждений в Соединённых Штатах и, в особенности, в других странах представителями вдруг возникшей экономической специальности. Возможно, что почтение, которым пользуется Федеральная резервная система с того времени, когда она поддерживалась экономистами, обязано в какой-то степени тому обстоятельству, что так много было тех, кто, оказавшись первым в этой профессии, участвовал в её [Системы] рождении¹.

Главным достижением банковского образовательного фонда стало создание организации под названием «Национальная гражданская лига». Хотя эта Лига полностью финансировалась и контролировалась банками под личным руководством Пола Варбурга, сама по себе это была всего лишь группа заинтересованных граждан, озабоченных банковской реформой. Функции организации состояли в том, чтобы распространять сотни тысяч «образовательных» брошюр, организовывать кампании писем в Конгресс, предоставлять пользующийся спросом материал в новостные средства массовой информации

¹ Galbraith, p. 121.

и в другие средства информации, чтобы создать иллюзию народной поддержки, на низовом уровне, плана, составленного на острове Джекилл.

Натаниэль Стивенсон в своей биографии Нельсона Олдрича пишет: «Лига не была партийной. Были приняты меры, чтобы не придавалось особое значение сенатору Олдричу... В общем, сотни тысяч долларов были отправлены Лигой на популяризацию финансовой науки»¹.

Человеком, выбранным возглавить эту работу, был профессор экономики по имени Дж. Лоренс Лафлин. Колко говорит, что «Лафлин, номинально большой ортодокс в своей приверженности невмешательства в теорию, был, однако, ведущим учёным, отстаивавшим принцип регулирования банковской деятельности... и был восприимчив к нуждам банков, как и к реальностям политики»².

Придало ли его назначение интеллектуальную объективность новой организации? Стивенсон отвечает: «Профессору Лафлину из Чикагского университета поручили пропаганду Лиги»³. К чему конгрессмен Линдберг добавляет такое замечание: «Читатель знает, что Чикагский университет материально обеспечивается Джоном Д. Рокфеллером в сумме около 50 миллионов долларов. Можно с полным правом сказать, что это Рокфеллеровский университет»⁴.

Это совсем не значит, будто Лафлина купили как многофунтовый гамбургер и Рокфеллер ему указывал, что говорить и что делать. Это не работает таким образом. Профессор, несомненно, верил в достоинства плана, разработанного на острове Джекилл, и это факт, что он выполнял свою задачу с искренним энтузиазмом. Но нет сомнения, что его выбрали на этот новый пост именно потому, что он определённо *поддерживал* концепцию партнёрства между банками и государством как разумную замену «деструктивной» конкуренции. Другими словами, если бы он не согласился искренне со словами Джона Д., что «Конкуренция – это грех», он, вероятно, вообще бы и профессорство не получил⁵.

ВИЛЬСОН И УОЛЛ-СТРИТ

Вудро Вильсон был ещё одним академиком, оказавшимся в центре всеобщего внимания в результате своих взглядов на банковскую реформу. Ранее в одной из глав говорилось, что Вильсон был номинирован на пост председателя на национальном съезде Демократической партии под влиянием, глав-

¹ Stephenson, pp. 388-389.

² Kolko, *Triumph*, p. 187.

³ Stephenson, p. 388

⁴ Lindbergh, p. 131.

⁵ Прекрасный анализ формирования и деятельности Лиги представлен в «Триумфе» Колко, с. 186-228.

ным образом, полковника Эдварда Мандела Хауза. Но это был 1912 год. За 10 лет до этого он был относительно неизвестен. В 1902 году его избрали президентом Принстонского университета, на что он не мог бы претендовать без содействия университетских благотворителей из среды банкиров Уолл-стрит. Особенно он был связан с Эндрю Карнеги, став доверенным лицом Фонда Карнеги.

Одними из самых щедрых доноров были Кливленд Г. Додж и Сайрус Маккормик, директора рокфеллеровского Национального городского банка. Они были частью той элиты Уолл-стрит, которую Комитет Пьюджо описал как американский «Денежный траст». Они оба были однокурсниками Вильсона в Принстонском университете. Когда Вильсон в 1890 году вернулся в Принстон в качестве профессора, Додж и Маккормик, обладая огромными состояниями, были попечителями университета, и они взяли на себя заботу лично способствовать его карьере. Фердинанд Лундберг в книге «60 семей Америки» говорит об этом:

Почти за 20 лет до своей номинации Вудро Вильсон ушёл в тень Уолл-стрит... В 1898 году, неудовлетворённый зарплатой, забрасывал предложениями многие университетские советы, угрожал выйти в отставку. Поэтому Додж и Маккормик определили себя в его финансовые опекуны и согласились поднять дополнительно неофициально жалование, которое ему предоставили в Принстоне. Вкладчиками в этот частный фонд были Додж, Маккормик, Мозес Тейлор Пайн и Перси Р. Пайн из семейства, основавшего Национальный городской банк. В 1902 году эта же группа организовала выборы Вильсона в президенты университета¹.

Благодарный Вильсон часто восторженно высказывался о становлении больших корпораций и восхвалял Дж.П. Моргана как великого американского лидера. Он также пришёл к признанию значимости контролируемой экономики. «Старое время индивидуальной конкуренции, вероятно, уходит, — говорил он. — Это может и вернуться, я не знаю; но это не вернётся в наше время, я полагаю».²

Г.С. Кенен рассказал, чем кончилась эта история:

Вудро Вильсон, президент Принстонского университета, был первым видным деятелем в сфере образования, который высказался в защиту плана Олдрича, — позиция, которая сразу же принесла ему губернаторство в Нью-Джерси и позже президентство Соединённых Штатов.

¹ Lundberg, pp. 114-115.

² Greider, p. 276.

Во время паники 1907 года он заявил, что «все эти трудности будут преодолены, если мы создадим комитет из шести или семи общественно мыслящих людей типа Дж.П. Моргана, которым вручим дела нашей страны»¹.

ОППОЗИЦИЯ БИЛЛЮ ОЛДРИЧА

Одним из пунктов, вызвавших разногласия, стало имя, которому надлежало быть связанным с предлагаемым законом. Варбург, как знаток психологии, хотел бы его назвать «Билль Национального резерва» или «Билль Федерального резерва», чтобы название ассоциировалось и с правительством, и резервами, оба могли импонировать на подсознательном уровне. Олдрич, с другой стороны, выдвигал собственную персону, настаивая, чтобы его имя связывалось с биллем.

Варбург подчёркивал, что имя Олдрича в умах людей ассоциируется с интересами Уолл-стрит и что это создало бы ненужные трудности для достижения цели. Олдрич говорил, что, поскольку он является председателем Национальной комиссии по денежному обращению, которая была специально создана для составления рекомендаций по банковской реформе, народ удивится, если его имя не будет связано с биллем. Дебаты, как нам говорили, были долгими и жаркими. Но, в конце концов, эгоизм политика победил логику банкира.

Варбург, конечно, был прав. Олдрич был хорошо известен как республиканский представитель интересов большого бизнеса и банковских учреждений. Его лояльность стала очевидной также, когда он выступил спонсором налоговых законопроектов в защиту табачных и каучуковых трастов. Имя Олдрича на Билле по банковской реформе стало лёгкой мишенью для оппозиции. 15 декабря 1911 года конгрессмен Линдберг в Палате представителей метил точно в цель:

План Олдрича – это план Уолл-стрит. Это большой вызов правительству со стороны лидера денежного траста. Это подразумевает ещё одну панику, если надо, чтобы устроить народ. Олдрич, оплачиваемый государством, чтобы представлять народ, предлагает вместо этого план для трастов².

Билль Олдрича никогда не выставлялся на голосование. Когда республиканцы потеряли контроль в Палате представителей в 1910 году, а затем в Сенате и президентство в 1912 году, пропала всякая надежда провести респу-

¹ H.S. Kenan, *The Federal Reserve Bank* (Los Angeles: Noontide Press, 1966), p. 105.

² Цит. по: H.S. Kenan, p. 118.

бликанский билль. Олдрича не переизбрали в Сенат его избиратели, и мяч был теперь определённо на стороне демократов и их президента Вудро Вильсона.

Как это произошло – интересный урок реальной политики, мы вернёмся к этой части истории позднее.

РЕЗЮМЕ

Банковская деятельность до принятия закона о Федеральной резервной системе была субъектом несметного количества проверок, предписаний, субсидий и привилегий как на федеральном, так и на региональном уровне штатов. Популярная история рисует этот период как время необузданной конкуренции и свободного ведения банковских операций. Это был фактически промежуточный этап к появлению центрального банка. Уолл-стрит, однако, хотел большего государственного участия. Нью-йоркские банкиры особенно желали стать «кредитором последней инстанции», чтобы создавать неограниченное количество фиатных денег для их использования в случае «набегов» на банки или утечки валюты. Они также хотели вынудить все банки следовать такой же политике неадекватных резервов, чтобы более осмотрительные банки не переводили свои резервы другим. Дополнительной целью было ограничение роста новых банков на юге и западе.

Это было время растущего очарования идеей трастов и картелей. Те, кто уже преуспел в этом деле, считали конкуренцию хаотичной и неэкономичной. Уолл-стрит сплотился в две большие банковские группы – Морганов и Рокфеллеров, и даже они прекратили, по большому счету, конкурировать друг с другом ради кооперативных финансовых структур. Но чтобы удерживать эти картельные комбинации от разбегания, нужны были дисциплинарные средства воздействия на участников для соблюдения ими соглашений. Федеральное правительство подключалось в качестве партнёра для исполнения этой функции.

Чтобы направить план в Конгресс, картельную реальность следовало скрыть и уклониться от использования наименования «центральный банк». Слово «*Федеральная*» выбрали для создания иллюзии, что это правительственная деятельность; слово «*резервная*» выбрали для придания впечатления финансовой устойчивости; и слово «*система*» (первые проекты использовали слово «*ассоциация*») использовали, чтобы скрыть тот факт, что это – центральный банк. Структура из двенадцати региональных учреждений задумывалась как ещё одна уловка, чтобы создать иллюзию децентрализации, но механизм с самого начала разрабатывался для работы в качестве центрального банка, смоделированного по типу Банка Англии.

ГРИФФИН Э. ПОРОЖДЕНИЕ ОСТРОВА ДЖЕКИЛЛ

Первый проект закона о Федеральной резервной системе назывался Биллем Олдрича в соавторстве с конгрессменом Врилэндом, но это не была работа ни того, ни другого. Это было порождение ума банкира Пола Варбурга, а написан Билль был фактически банкирами Френком Вандерлипом и Бенджамин Стронгом.

Имя Олдрича, привязанное к банковскому биллю, было плохой стратегией, поскольку все знали, что он сенатор от Уолл-стрит. Его билль был политически неприемлем и не вышел из комитета. Основа, однако, была сделана, и пришло время смены этикеток и политических партий. Теперь следовало предпринять меры косметической хирургии и пригласить в авторы политика, чьё имя ассоциировалось бы в общественном сознании с анти-уолл-стритовскими взглядами.

ГЛАВА 22

ПОРОЖДЕНИЕ ОСТРОВА ДЖЕКИЛЛ ПРОГЛАТЫВАЕТ КОНГРЕСС

Вторая попытка принять закон по легализации банковского картеля; выбор банкирами Вудро Вильсона в качестве кандидата на пост президента; стратегия, разработанная ими для его избрания; роль, сыгранная Вильсоном в продвижении картельного закона; финальное голосование по закону о Федеральной резервной системе.

Выборы 1912 года – хрестоматийный пример политики с позиции силы и обмана избирателей. Республиканский президент Уильям Говард Тафт был выдвинут на переизбрание. Как у большинства республиканцев в то время, его политическая власть основывалась на поддержке крупного бизнеса и банковских кругов промышленных регионов. Его избрали на первый срок, надеясь, что он продолжит протекционистскую политику своего предшественника, Тедди Рузвельта, особенно по расширению картельных рынков сахара, кофе и фруктов из Латинской Америки. Однако, попав в Белый дом, он стал проводить более сдержанную политику относительно этих мер и нажил себе врагов среди многих могущественных республиканцев. Окончательный разрыв произошёл, когда Тафт отказался поддержать план Олдрича. Он воспротивился проекту не потому, что это означало создание центрального банка, то есть устанавливало бы государственный контроль над экономикой, а потому, что это устанавливало *недостаточный* контроль государства. Он понял, что формула, выработанная на острове Джекилл, помещала банкиров на водительское место, оставляя всего лишь номинальное участие правительству. Он не имел ничего против давно сложившихся партнёрских отношений финансовых и политических деятелей, он всего лишь хотел, чтобы доля политической стороны стала больше. Банкиры не были против обсуждения вопросов баланса власти, как и не были противниками компромиссов, но на самом деле в этот поворотный момент им нужен был такой человек в Белом доме, который не с прохладцей бы относился к плану, а смог бы стать его энтузиастом, который сумел бы, используя своё влияние в качестве президента, организо-

вать в Конгрессе поддержку среди колеблющихся. Потому и приговорили Тафта к политическому небытию.

Это был период всеобщего процветания, и Тафт был популярен как среди избирателей, так и среди рядовых членов партии. Он легко выиграл номинацию на республиканском съезде, и мало кто сомневался, что он также выиграет и президентские выборы. Вильсона выдвинули в качестве кандидата-демократа, но его скучноватый тип личности и необщительность не могли вызвать достаточный рост интереса у избирателей, что не делало его серьезным претендентом.

КАНДИДАТ ОТ «ЛОСЕЙ»

Между тем Джордж Перкинс и Фрэнк Манси, депутаты от Моргана, стали убеждать Рузвельта, только что вернувшегося с африканского сафари, побороться с президентом за номинацию на съезде партии. Когда это не сработало, его убедили побороться с Тафтом в качестве кандидата от «лосей» – по мандату Прогрессивной партии. Не очень ясны мотивы, побудившие его согласиться на это предложение, но нет никаких сомнений относительно намерений тех, кто его выдвигал. Они не рассчитывали на его победу, но, как бывший республиканский президент, он смог бы расколоть партию и, уведя голоса от Тафта, подтолкнуть Вильсона к Белому дому.

Президентская кампания требует денег, и очень много. Республиканская партия хорошо финансировалась, главным образом теми самыми лицами, которые теперь желали поражения собственному кандидату. Невозможно было прервать финансирование, не вызвав слишком много вопросов. Следовательно, решено было обеспечить финансирование *всех трёх* кандидатов, с особым вниманием к потребностям Вильсона и Рузвельта.

Некоторые историки, признавая все же эти факты, высмеивают, как несерьезную, точку зрения, что этот трюк был преднамеренным. Рон Чернов пишет: «К 1924 году Дом Моргана играл такую роль в американских политических кругах, что и любители-конspirаторы... не могли бы сказать, какой кандидат в президенты обязан банку больше»¹. Но одному человеку не надо было быть любителем заговоров, чтобы открыть глаза на эту нечестную игру. Фердинанд Ландберг пишет:

«Дж.П. Морган и К°» сыграли ведущую роль в национальных выборах 1912 года... Предварительно согласованными спонсорами Рузвельта были Джордж У. Перкинс и Фрэнк Манси. Эти двое действительно призывали Рузвельта противостоять номинации Тафта... Манси действовал в интересах «Дж.П. Моргана и К°» на газетном поле – покупая,

¹ Chernow, p. 254.

продавая, создавая и закрывая газеты в соответствии с меняющимися надобностями Дж.П. Моргана... Перкинс оставил «Дж.П. Моргана и К°» 1 января 1911 года ради более значимой политической роли...

Подозрение, кажется, оправдывается, что оба они не были особенно озабочены тем, чтобы Рузвельт победил. Мнение, что Перкинс и Манси, возможно, хотели победы Вильсона... частично подтверждается тем, что Перкинс вложил порядочную сумму наличных в кампанию Вильсона через Кливленда Доджа. Додж и Перкинс профинансировали, в сумме 35 500 долларов, «True American» Трентона, газету, которая продавалась по всей стране и агитировала за Вильсона...

На протяжении всей трёхсторонней борьбы Манси и Перкинс постоянно следовали за Рузвельтом по пятам, предоставляя деньги, перечитывая его речи, привлекая людей с Уолл-стрит на помощь и, вообще, неся все бремя кампании, направленной против Тафта... Перкинс и «Дж.П. Морган и К°» были сутью Прогрессивной партии, все остальное – обрамление. Вклад Манси наличными в Прогрессивную партию составил его общий политический расход на 1912 год 229 255, 72 доллара. Перкинс увеличил их общий вклад до суммы более 500 000 долларов, а Манси израсходовал ещё 1 000 000 наличными на приобретение у Генри Эйнштейна нью-йоркской *Press*, чтобы Рузвельт имел утреннюю газету *New York City*. Как Клэп Комитет [по привилегиям и выборам Сената] узнал от самого Рузвельта, Перкинс и Манси также взяли на себя большие расходы по агитпоезду Рузвельта. Короче говоря, кампания Рузвельта финансировалась, главным образом, двумя «киллерами» Моргана – охотниками за скальпом Тафта¹.

«Дж.П. Морган и К°» не была единственной банковской фирмой на Уолл-стрит, поддерживавшей трёхходовые выборы как средство провалить Тафта. В компании «Кун, Леб и К°» Феликс Варбург, как и ожидалось, посчитал должным вложить деньги в кампанию Республиканской партии, но его брат, Пол Варбург, и Джейкоб Шифф стали спонсорами Вильсона, а ещё один партнёр, Отто Кан, поддерживал Рузвельта. Другие известные республиканцы, финансировавшие кампанию Демократической партии в тот год, – это Бернارد Барух, Генри Моргентау и Томас Форчун Райан². Задействован был также и рокфеллеровский компонент картеля. Уильям Макэду, вице-председатель национальной кампании Вильсона, говорит, что Кливленд Додж из National City Bank Рокфеллера лично вложил 51 300 долларов – более четверти всего собранного из разных источников. По словам Макэду: «Он был как манна небес-

¹ Lundberg, pp. 106-112.

² Kolko, *Triumph*, pp. 205-211.

ная»¹. Фердинанд Ландберг описывает Доджа как «финансового гения рядом с Вудро Вильсоном». И продолжает:

Номинация Вильсона стала личным триумфом Кливленда Г. Доджа, директора National City Bank, члена семьи владельцев предприятий по производству меди и военной техники... Номинация стала также триумфом Райана, Харви и «Дж.П. Моргана и К°». Вместе с Доджем в National City Bank в свое время заседали также в качестве директоров молодой Дж.П. Морган, теперь глава фирмы [Моргана], Джейкоб Шифф, Уильям Рокфеллер, Дж. Огден Армор и Джеймс Стиллман. Короче говоря, за исключением Джорджа Ф. Бейкера, все, кого Комитет Пьюджо определил руководителями «Денежного траста», заседали в этом банке².

Таким образом, финансовые специалисты тщательно продумали выбор своего кандидата и предприняли шаги, расчищавшие ему путь к победе. Блестящий манёвр. Кто заподозрил бы, что Уолл-стрит станет поддерживать демократа, тем более если программа партии содержит такой пункт: «Мы выступаем против так называемого Билля Олдрича, или учреждения центрального банка, и... того, что известно как “Денежный траст”».

Какая ирония во всем этом. Партия рабочих людей, партия Томаса Джефферсона, образованная всего несколько поколений назад с конкретной целью – препятствовать созданию центрального банка, теперь приветствовала нового лидера, который был политическим заложником банкиров Уолл-стрит и который согласился на тайный план учреждения Федеральной резервной системы. Как позже бахвалился Джордж Харви, финансисты «не выражали враждебности к г-ну Вильсону за такие его высказывания, которые они полагали радикальными и угрожающими их интересам. Он всего лишь играл роль в той политической игре»³.

Уильям Макэду, вице-председатель национальной кампании Вильсона, которому предстояло стать Секретарём Казначейства, видел со своей удобной позиции, что происходило. Он писал:

Большинство вкладов в фонд кампании любого кандидата производится людьми, которые имели личные корыстные цели, и кубышка выборной кампании тут – жёрнов... Существует фактически серьёзная опасность для страны стать плутодемократией, то есть ложной республикой с реальным управлением в руках малой клики чудовищно богатых людей, которые выступают с позиции своих денег, и чьё влияние

¹ McAdoo, p. 117.

² Lundberg, pp. 109, 113.

³ Цит. по: Lundberg, p. 120.

уже сегодня распространяется на всю территорию Соединённых Штатов.

Опыт показал, что чаще всего используемый способ прибрать к рукам политическую партию – снабжение её большим количеством денег. Это приводит к тесному общению доноров, дающих большие деньги, с партийными лидерами. Контакты и влияние делают остальное¹.

ДЕНЕЖНЫЙ ТРАСТ ОНИ С УДОВОЛЬСТВИЕМ НЕНАВИДЯТ

Банковский вопрос, на самом деле, очень мало интересовал Рузвельта, может, потому, что он не разбирался в нем. К тому же финансисты могли не опасаться того маловероятного результата, что шумный «борец с монополиями» действительно выиграет выборы. Несмотря на его позицию противника большого бизнеса, получившую широкую огласку, его истинные убеждения находились в полном согласии с Уолл-стрит. Как заметил Чернов:

Хотя иногда отношения Рузвельта с Морганом карикатурно изображались в виде «борца с монополиями против короля монополий», все было намного сложнее. Публичные пререкания камуфлировали более глубокое идеологическое сходство... Рузвельт считал, что трасты – это естественные органичные продукты экономического развития. Их отмена, говорил он, была бы подобна попытке перекрыть дамбой Миссисипи. Оба, и Рузвельт, и Морган, не любили грубую индивидуалистическую экономику XIX века и поощряли большой бизнес... В препирательстве Рузвельта и Моргана всегда было что-то от театра теней, претензия на неприязнь больше, чем это было на самом деле... Рузвельт и Морган втайне были «братьями по крови»².

Неудивительно поэтому, как отметил Варбург в январе 1912 года – за 10 месяцев до выборов, что Тедди был «определённо расположен к благоприятному рассмотрению плана Олдрича»³.

Оба, и Вильсон, и Рузвельт, несмотря на их собственные воззрения, сыграли свои роли в полной мере. Неофициально профинансированные самыми могущественными банкирами Уолл-стрит, они от одного конца страны до другого публично проводили пламенную кампанию против «Денежного траста». Рузвельт бушевал: «Выпуск валюты должен решаться правительством и дол-

¹ McAdoo, pp. 165-166.

² Chernow, pp. 106-112.

³ Warburg, Vol. I, p. 78.

жен быть защищён от доминирования и манипулирования Уолл-стрит»¹. И цитировал снова и снова платформу «лосей» (Прогрессивной партии), которая гласила: «Мы выступаем против так называемого валютного Билля Олдрича, потому что он предусматривает передачу нашей валюты и кредитной системы в частные руки». В то же время на другом конце города Вильсон провозглашал:

Произошла чрезвычайная и очень вредная концентрация контроля бизнеса по всей стране... Развитие нашей страны и нашей деятельности поэтому находится в руках нескольких человек... Этот денежный траст, или, как его точнее назвать, этот кредитный траст... — совсем не миф².

В ходе всей кампании Тафта представляли лидером большого бизнеса и банков Уолл-стрит, каковым, конечно, он и был. Но ими были и Рузвельт, и Вильсон. Важнейшее различие состояло в том, что Тафт, оцениваемый по его реальной деятельности на посту президента, был *известен*, как таковой, тогда как о его оппонентах судили по их словам. Результат выборов был точно таким, каким стратеги его и задумывали. Вильсон победил всего лишь 42% голосов избирателей, что означает, конечно, что 58% голосовали против него. Не вступил Рузвельт в выборную гонку, большинство его голосов, несомненно, было бы отдано Тафту, и Вильсон стал бы подстрочным примечанием. Как полковник Хаус признался автору книги Джорджу Виреку через много лет: «Вильсона избрал Тедди Рузвельт»³.

Теперь, когда Творение оказалось в Белом доме, процесс принятия «плана острова Джекилл» вступил в финальную фазу. Последний бастион оппозиции в Конгрессе сложился из популистского крыла Демократической партии, во главе которого был Уильям Дженнингс Брайан. Проблема членов этой группы состояла в том, что они всерьёз восприняли платформу своей избирательной кампании. Они и в самом деле *были против* «Денежного траста». Легко, может быть, пустить пыль в глаза избирателям, но непросто было одурачить группу этих опытных политиков. Поэтому нужен был совершенно новый законопроект, который внешне, как представлялось бы, включил такие значительные изменения, которые позволили бы группе Брайана изменить свою позицию.

Суть плана, однако, не должна была исчезнуть. И для воплощения этой финальной стратегии необходимы были услуги человека, обладавшего большим политическим мастерством. К счастью для разработчиков, именно такой

¹ Henry S. Commager, ed., *Documents of American History* (New York: F.S. Cofts & Co., 1940), pp. 77-79.

² Цит. по: Carter Glass, *Adventures in Constructive Finance* (New York: Doubleday, 1927; rpt. Arno Press, a New York Times Co., 1975), p. 78-79.

³ Viereck, p. 34.

человек оказался в Белом доме. Это не был президент Соединённых Штатов. Это был Эдвард Мандел Хаус.

РОЛЬ ПОЛКОВНИКА ХАУСА

Полковник Хаус, который вырос в Англии, а его отец представлял торговые интересы Англии на американском юге, вошёл в публичную жизнь посредством «Лондонского соединения». Из предыдущих глав известно, что он, может, больше, чем кто-либо другой в Америке, способствовал вовлечению Соединённых Штатов в Первую мировую войну на стороне доведённой до отчаяния Британии и, добившись этого, также спас и огромные кредиты Британии и Франции, предоставленные Морганом. Он не только отвечал за номинацию Вильсона на съезде демократов, но и стал постоянным компаньоном президента, его личным советником и его политическим наставником во многих отношениях. Именно от Хауса Вильсон узнал о желаниях «Денежного траста», и именно Хаус направлял президента в каждом аспекте иностранной и экономической политики. Его восторженный биограф, Артур Смит, писавший в 1918 году, говорит, что Хаус «имел власть, которой в этой стране никто, вне Администрации, никогда прежде не владел, его власть была больше, чем у любого политического босса или члена Кабинета»¹. Биограф, более близкий к нашему времени, Джордж Вирек, не преувеличивал, когда писал, что Хаус — «Главный администратор Республики», «Суперпосол», «Капитан, ведущий корабль»². Он пишет:

В течение шести лет две комнаты в Северном крыле Белого дома были в его распоряжении... И в работе, и в свободное время их мысли были едины. Хаус был дублем Вильсона. Именно Хаус составил Кабинет, сформулировал первые принципы деятельности Администрации и практически руководил иностранными делами Соединённых Штатов. Мы имели фактически двух президентов вместо одного!..

Шиффы, Варбурги, Каны, Рокфеллеры, Морганы всецело доверяли Хаусу. Когда законодательство о Федеральном резерве, в конце концов, приняло определённые формы, Хаус стал посредником между Белым домом и финансистами»³.

Ежедневные записи в персональном журнале полковника Хауса показывают, до какой степени его офис превратился в штаб для команды с Джекилла. Вот типичные записи:

¹ Arthur Smith, *The Real Colonel House* (New York: George H. Doran Company, 1918), p. 14.

² Viereck, p. 4.

³ Viereck, pp. 4, 35, 37.

19 декабря 1912 г. Говорил с Полем Варбургом по телефону относительно денежной реформы. Я рассказал о своей поездке в Вашингтон и что я делал там.

24 марта 1913 г. Встречался с Картером Глассом в 5 часов. Мы ехали, чтобы нас не прерывали... Я сказал президенту об этом после обеда и сообщил, что Макэду и я привели проект Гласса в окончательный вид, который он мог бы завизировать и направить Оуэну [председателю Банковского комитета Сената].

27 марта 1913 г. Г-н Дж.П. Морган-младший и г-н Денни из его фирмы пришли ровно в пять. Макэду пришёл примерно через 10 минут. Морган уже составил и отпечатал валютный план. Мы обсудили его довольно подробно. Я предложил, чтобы он напечатал его на машинке [похоже, это не слишком преждевременно] и отправил нам сегодня.

19 октября 1913 г. Встретился ближе к вечеру с сенатором Ридом из Миссури и обсудил с ним валютный вопрос.

19 октября 1913 г. Пол Варбург был моим первым посетителем, он пришёл обсудить валютный законопроект... За Варбургом последовал Мюррей Крейн. Он находится в контакте с сенаторами Уиксом и Нельсоном из Комитета по денежному обращению.

17 ноября 1913 г. Пол Варбург сообщил по телефону о своей поездке в Вашингтон. Он очень обеспокоен ситуацией с валютой и попросил интервью вместе с Джейкобом Шиффом и Кливлендом Г. Доджем.

21 января 1914 г. После обеда мы [Вильсон и Хаус] пошли, как обычно, в президентский кабинет и начали работать над назначениями в Совет управляющих Федерального резерва¹.

По всем вопросам банковской деятельности полковник Хаус был президентом Соединённых Штатов, и все заинтересованные партии об этом знали. Вильсон не претендовал на знание банковской теории. Он говорил: «Величайшим затруднением моей политической карьеры было то, что активная служба, кажется, отобрала у меня время для тщательного ознакомления. Я был вынужден делать заключения почти что из впечатлений, а не изучения... Я хотел бы иметь больше знания, более всесторонней осведомлённости по обсуждаемому материалу»². К чему Чарльз Сеймур добавляет: «Полковник Хаус без устали обеспечивал президента знаниями, в которых тот нуждался... Полковник был невидимым ангелом-хранителем этого Билля»³.

¹ Seymour, Vol. I, pp. 161-168.

² Seymour, Vol. I, p. 160.

³ Там же. Уильям Макэду, секретарь Казначейства в администрации Вильсона, негодовал по поводу чести, оказываемой всеми Полу Варбургу за его участие в создании Федерального резерва, поскольку полагал, что он должен был получить признание. Позже мы обнаружим, что Картер Гласс подобным же образом нападает на освещение Сеймуrom значимости

СМЕРТЬ ПЛАНА ОЛДРИЧА

Первой задачей для команды с Джекилла стало проведение похорон плана Олдрича без его реального захоронения. Профессор Лафлин согласился с Варбургом относительно нецелесообразности присоединения имени Олдрича к банковскому биллю, особенно теперь, когда демократы контролировали и Конгресс, и Белый дом, и озаботился его новым наименованием. В периодическом *Banking Reform*, официальном органе Национальной Гражданской лиги, Лафлин писал: «Это прогресс, если план Олдрича пришёл и ушёл. Это прогресс, если народ пробудился и заинтересовался». «Лига теперь может, — сказал он, — попытаться помочь в создании собственного билля, одобренного демократами», билля, который «в несущественных деталях... мог бы отличаться от прежнего плана»¹.

Это не заняло много времени, и демократы внесли своё собственное предложение. Фактически этот процесс начался ещё до выборов 1912 года. Одним из самых громких критиков плана Олдрича был демократ — председатель Комитета по банкам и денежному обращению Палаты представителей, конгрессмен Картер Гласс из Вирджинии. Ему и поручили разработку нового плана. Однако, по его собственному признанию, он практически не владел знаниями в области техники банковского дела. Для получения специальных знаний и реального составления билля он обратился к Генри Паркеру Уиллису, преподавателю экономики Университета Вашингтона и Ли. Мы, конечно, не удивимся, узнав, что Уиллис был бывшим студентом и протеже профессора Лафлина, а в Национальной Гражданской лиге состоял техническим специалистом по документации. Объясняя значение таких отношений, Колко пишет:

На протяжении весны 1912 года Уиллис писал Лафлину о своей работе на Комитет Гласса, о своих отношениях с шефом и о вашингтонских сплетнях. Совет старого профессора очень ценился... «Когда вы приедете, — написал он Лафлину относительно меморандума, который он должен был составить, — я хотел бы показать его вам для такого критического разбора, какой пожелаете». Отношения студент — преподаватель между этими двумя людьми были все ещё значительны...

Лафлин, полковник Хаус и Гласс должны были часто консультироваться с крупнейшими банкирами относительно реформ и поддержи-

Хауса. Книга Гласса «Приключение в конструктивных финансах» была написана прежде всего для того, чтобы показать, что именно он, а не Хаус, по праву заслужил эту славу. Но ни Макэду, ни Гласс не входили в тот круг тайной власти, который находится в фокусе данного исследования, и оба не имели ни малейшего подозрения относительно того, кто на самом деле принимал решения.

¹ Цит. по: Kolko, *Triumph*, p. 222.

вать важный и постоянный канал связи для своих идей, пока создавались законопроекты... Полковник Хаус, кроме того, обсуждал валютную реформу с Фриком, Отто Каном и другими в конце февраля, а в следующем месяце также с Вандерлипом, Дж.П. Морганом-младшим и другими банкирами... Чтобы реформа наверняка пришлась по душе банкирам, на протяжении февраля и марта непрерывно поддерживались личные, не афишируемые контакты с Глассом, Хаусом и Вильсоном... Гражданская лига источала чрезвычайные похвалы Глассу, и банкиры все больше испытывали доверие, видя, что полковник Хаус стал посещать Гласса и выказывать интерес к его валютному проекту...

Новый президент признался, что «ничего не знает» о теории и практике банковского дела. Гласс сделал такое же признание полковнику Хаусу в ноябре, и этот вакуум имеет важнейшее значение. Продвижение банковской реформы на всех критических стадиях было сосредоточено в руках нескольких человек, которые много лет были связаны, идеологически и персонально, друг с другом¹.

ПОЯВЛЕНИЕ ПРОЕКТА ГЛАССА – ОУЭНА

Гласс в своём отчёте по работе комитета Палаты представителей в 1913 году выдвинул следующие возражения против Билля Олдрича: отсутствует государственный контроль; концентрирует власть в руках больших нью-йоркских банков; открывает двери инфляции; даёт недобросовестную оценку издержек налогоплательщиков и устанавливает банковскую монополию. Все тут правильно. «В чем страна нуждается, – говорил Гласс, – так это в совершенно новом подходе, настоящем законопроекте о реформе, который не составлялся бы агентами “Денежного траста” и который действительно отвечал бы потребностям простых людей. Это тоже было совершенно правильно. Затем он выдвинул свой собственный проект, созданный Уиллисом и вдохновлённый Лафлином, который в каждой своей существенной части оказался всего лишь старыми мощами Билля Олдрича, которые извлекли из реликвария, слегка подретушировали и обрядили в новые одежды.

Проект Гласса вскоре был согласован с подобным же законопроектом, внесённым сенатором Робертом Л. Оуэном, – так и возник Билль Гласса – Оуэна. Хотя изначально существовали некоторые незначительные различия между Глассом и Оуэном по вопросу надлежащей степени правительственного контроля банковской деятельности, но взгляды Оуэна в основном совпадали со взглядами Уиллиса и Лафлина. Он был не только сенатором, но ещё и президентом банка в Оклахоме. Как и Олдрич, он совершил несколько поездок в Европу, чтобы изучить деятельность цен-

¹ Kolko, *Triumph*, pp. 219-228.

тральных банков в Англии и Германии, которые и стали моделью для его законотворчества.

Менее технически подкованные члены картеля начали нервничать по поводу анти-уолл-стритовской риторики инициаторов билля. Варбург, желая подавить их страхи и в то же время потешить собственную гордость, сообщив, что он и есть реальный автор, опубликовал наглядное сопоставление предложений Олдрича и Гласса. Анализ показал, что оба билля были не только аналогичны во всех существенных позициях, но и содержали целые разделы, идентичные по своим формулировкам¹. Он писал: «Отбросив, таким образом, внешние различия как “оболочки”, мы обнаружим “сердцевины” этих двух систем, очень похожие и связанные друг с другом»².

Для успеха Билля Гласса важно было создать впечатление, что он разрабатывался в соответствии с мнениями широкого круга лиц финансового сообщества. В связи с этим Гласс и его комитет организовали публичные слушания с объявленной целью предоставить каждому шанс включиться в процесс. Это был, конечно, обман. Первый проект Билля уже был втайне завершён за несколько месяцев до организации слушаний. И, что было обычным в таких делах, конгрессмену Линдбергу и другим участникам, выступавшим против плана, выработанного на Джекилле, не позволили говорить³. Слушания широко освещались в печати, и у публики создавалось впечатление, что одобрительные заявления действительно отражают экспертное мнение. Колко подытоживает:

Хотя они хотели бы сохранить в тайне содержание своей работы, но так как прохождению любого законопроекта способствует его согласование, Гласс посчитал желательным провести публичные слушания по этой теме и при этом гарантировать, чтобы в ходе слушаний не произошло никаких случайностей... Общество из этих слушаний заключало, что никакие законопроекты ещё не были разработаны – проект Уиллиса никогда не упоминался, а тем более не представлялся... Слушания в подкомитете Гласса в январе и феврале 1913 года были не чем иным, как просто «дружеским ужином»⁴.

РАЗНОГЛАСИЯ БАНКИРОВ

Народ не был единственной жертвой обмана. Сами банкиры также стали мишенью, по крайней мере те из них, кто не входил во властные круги Уо-

¹ Warburg, Vol. I, p. 98.

² Там же, с. 412.

³ Lindbergh, p. 129.

⁴ Kolko, *Triumph*, p. 225.

лл-стрит. Ещё в феврале 1911 года группа из 22 самых могущественных региональных банкиров собралась на трёхдневную встречу за закрытыми дверями в Атлантик-Сити, чтобы разработать стратегию для получения поддержки мелкими банками концепции использования правительства в санкционировании и содействии созданию своего собственного картеля. Проблема, открыто обсуждавшаяся среди участников, состояла в том, что предлагаемый картель поставил бы малые банки под контроль больших, но этот факт следовало завуалировать, чтобы проект одобрили¹.

Ежегодный съезд Американской Ассоциации банкиров прошёл через несколько месяцев, и резолюцию, одобряющую Билль Олдрича, стремительно провели на пленарном заседании, что встревожило многих участников. Эндрю Фрейм был одним из них. Представляя группу западных банкиров, он выступил на вышеупомянутых слушаниях в подкомитете Гласса и описал этот трюк:

Этот монетарный билль был представлен стране всего за несколько дней до открытия съезда Американской Ассоциации банкиров в Нью-Орлеане в 1911 году. Не было и одного банкира из сотни, кто прочёл этот билль. Было 12 выступлений в поддержку. Генерал Хамби из Остина, Техас, написал письмо председателю Уатсу с просьбой провести слушания по законопроекту. Он не получил и самого учтвого возражения. Я отказался голосовать по резолюции, и очень многие другие банкиры поступили так же... Они не допустили бы никого в программу, кто не выступил бы в поддержку билля².

Интересно, что конгрессмен Гласс воздержался от комментирования по поводу заявления Фрейма о возможности быть услышанным на общественном форуме только одной стороне. Едва ли он мог себе это позволить: именно так он и сам поступал с повесткой дня на совещаниях.

Как бы то ни было, Закон о Федеральном резерве продвигался к своему рождению в форме Билля Гласса – Оуэна (Оуэн был соавтором в Сенате), и оба, и Олдрич, и Вандерлип, бросились публично демонстрировать свой протест. Не упускалась никакая возможность, чтобы сделать заявление для прессы – или что-то еще общественно значимое – и выразить свою бесконечную неприязнь к этому чудовищному законопроекту. Вандерлип предупреждал о вреде фиатных денег и безудержной инфляции. Олдрич уверял, что Билль Гласса – Оуэна пагубен для здоровых банков и хорошего правительства. Вандерлип предрекал спекуляцию и нестабильность на фондовой бирже. Олдрич сокрушался, что билль – «революционный по своей сути» (подразумевая – большевистский) и что он «станет первым, и

¹ Rothbard, *Crisis*, p. 101. Также Kolko, *Triumph*, p. 186.

² Цит. по: Mullins, p. 13.

самым важным, шагом к изменению нашей формы правления от демократии к автократии»¹.

ПРИТВОРСТВО ОТБРОШЕНО

Что все это было всего лишь публичным шоу высокого уровня, стало ясно, когда Вандерлип согласился на дебаты с конгрессменом Глассом на собрании Нью-Йоркского экономического общества 13 ноября. Там присутствовало более тысячи банкиров и бизнесменов, и Вандерлип должен был против своей воли выступить перед этой представительной аудиторией и произвести хорошее впечатление. Дебаты шли для него плохо и в полной безнадежности, и он, наконец, отбросил притворство.

«Многие годы, — сказал Вандерлип, — вряд ли банкиры были исключительно сторонниками именно этого типа законодательства, которое, надеемся, мы будем теперь иметь, и не стоит обвинять их в том, что они были в оппозиции разумному законодательству»². 22 года спустя, когда надобность в притворстве отпала, Вандерлип стал ещё более откровенным. В *Saturday Evening Post* он написал: «Хотя проект Олдрича по Федеральной резервной системе был провален, когда он носил имя Олдрича, однако все его существенные позиции были включены в проект, который, наконец, и был принят»³.

В своей автобиографии секретарь Казначейства Уильям Макэду предлагает такую точку зрения:

Банкиры боролись с законодательством о Федеральной резервной системе и всеми положениями Закона о Федеральном резерве с упорством людей, сражающихся с лесным пожаром. Они называли его популистским, социалистическим, непродуманным, деструктивным, ребяческим, плохо сформулированным и неисполнимым...

Эти интервью с банкирами привели меня к интересному заключению. Я увидел, сквозь весь туман и дым полемики, что банковский мир на самом деле вовсе не был так враждебен по отношению к биллю, как это могло показаться⁴.

Ключ ко всему событию — в психологии масс. Людей, узнавших, что Олдрич связан с компанией Моргана, а Вандерлип был президентом National

¹ Олдрич Джону А. Слейчеру, 16 июля 1913 г.; Олдрич Уильяму Говарду Тафту, 3 октября 1913 г. — Архив Нельсона Олдрича, Библиотека Конгресса.

² Frank A. Vanderlip, *Address Before the Economics Club of New York, November 13, 1913*, (New York: 1913), pp. 6, 11 ff. Также см.: Glass, pp. 125, 168-176.

³ «From Farm Boy to Financier», by Frank A. Vanderlip, *Saturday Evening Post*, February 9, 1935, p. 72.

⁴ McAdoo, pp. 213, 225-226.

City Bank Рокфеллера, ловко подвели к уверенности, что, значит, «Денежный траст» – смертельный враг предлагаемого Закона о Федеральном резерве. *The Nation* – единственное крупное издание, которое отметило, что все ужасы, предрекаемые Олдричем и Вандерлипом, могли бы быть в равной мере приписаны и Биллю Олдрича. Но этот одинокий голос легко заглушили немислимой какофонией лжи и пропаганды.

Билль Гласса – документ адаптивный, который с самого начала разрабатывался так, чтобы его можно было изменять в несущественных пунктах, представляя это как компромисс ради удовлетворения требований разных политических фракций. Поскольку очень мало тех, кто понимает центрально-банковскую терминологию, такой трюк легко осуществить. Базовой стратегией было сфокусировать дебаты на таких относительно маловажных позициях, как число региональных банков, структура органа управления и процедура выбора управляющих. Если дело касалось действительно значимых пунктов, которые нельзя было отклонять, тогда следовало согласиться практически на все, но записать эти положения в неопределённых формулировках. Таким образом, оставалась возможность для манёвра – для восстановления в дальнейшем первоначального смысла. Целью было – дать биллю *пройти* и потом уже его совершенствовать.

Хаус и Варбург опасались, что, если они будут ждать, пока не получат все желаемое, они не получат ничего или, того хуже, оппоненты центрального банка мобилизуются и проведут свой собственный законопроект о реформе, *реальный* законопроект. Уиллис быстро согласился. В письме своему бывшему профессору он написал: «Гораздо лучше взять половину буханки, чем лишиться всякой надежды получить даже кусок хлеба... Так называемый “прогрессивный элемент” – такие как Линдберг и его соратники – захочет принять опасное законодательство»¹. Гласс вторил этому мнению. Направляя свои замечания в те малые банки, которые боролись с доминированием нью-йоркских банков, он писал: «Если консервативные банкиры страны не готовы уступить и поддержать билль, мы получим законодательство намного хуже того, что желали, или ничего вовсе»².

БРАЙАН ПРЕДЪЯВЛЯЕТ УЛЬТИМАТУМ

Популист Уильям Дженнингс Брайан считался в то время самым влиятельным демократом в Конгрессе, и было ясно с самого начала, что Закон о Федеральном резерве никогда не будет принят без его одобрения и поддержки. Как заметил Чарльз Сеймур: «Чувство коммонера лояльности [партии] удержива-

¹ Письма Уиллиса Лафлину. – Архив Дж. Лоренса Лафлина, Библиотека Конгресса, 14 и 18 июля 1912 г.

² Из письма Фестусу Уэйду. Цит. по: Kolko, *Triumph*, p. 234.

ло его от атак на Закон о Федеральном резерве, который, кажется, он никогда полностью не понимал... С его влиянием в партии он мог бы провалить проект, который не согласовывался с его личными принципами»¹.

Брайан заявлял, что никогда не поддержит законопроект, который приведёт к тому, что *частные* деньги будут выпускаться *частными* банками. Денежные средства, настаивал он, должны выпускаться *правительством*. Когда, наконец, в середине лета 1913 года он увидел реальный законопроект, то был потрясён, обнаружив, что не только деньги должны были выпускаться частным образом, но и весь управляющий корпус центрального банка должен был состояться из частных банкиров. Его ультиматум не заставил себя ждать. Он резко заявил, (1) что банкноты Федерального резерва должны быть *казначейскими* деньгами, выпущенными и гарантированными правительством, и (2) что управляющий корпус должен назначаться президентом и утверждаться Сенатом.

Полковник Хаус и другие монетарные специалисты были более или менее уверены, что эти условия будут востребованы при окончательном утверждении билля, но, будучи мастерами стратегии, они сознательно отказались от первоначального проекта с тем, чтобы такие условия могли использоваться как переговорные позиции и выглядеть позже как уступка в шоу поиска компромисса.

Более того, поскольку они знали, что практически никто реально не понимал технических аспектов проекта, то не сомневались, что легко одурачат своих оппонентов созданием *видимости* компромисса, хотя на самом деле желаемые позиции останутся на месте, что и предполагалось изначально.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ

Природу этого трюка разъяснил много лет спустя Картер Гласс в своей книге «Приключение в конструктивных финансах». Из этого источника мы узнаем, что после того, как Брайан представил свой ультиматум, Гласса вызвали в Белый дом, где Вильсон ему сказал, что принято решение сделать банкноты Федеральной резервной системы обязательством правительства Соединённых Штатов. «Я на мгновение потерял дар речи!» – написал Гласс. Затем он напомнил президенту, что единственным обеспечением новой валюты было бы небольшое количество золота, большой объем государственного и коммерческого долга и частный капитал самих индивидуальных банков. «Это был бы обман на лицевой стороне, – сказал он. – Была ли когда-либо государственная ценная бумага, обеспеченная изначально собственностью банковских учреждений? Была ли когда-либо казначейская эмиссия, ни один доллар которой не мог быть выдан без за-

¹ Seymour, Vol. I, p. 173.

проса банка? Предлагаемое обязательство государства так маловероятно, что никогда не было бы реализовано».

На что президент ответил: «Все так, Гласс. Каждое слово, которое вы говорите, – правда; ответственность государства – всего лишь идея. И поэтому, если мы можем владеть содержанием и навести немного «тени» для других, почему не сделать этого, если тем самым мы сможем спасти наш билль?»¹.

Через несколько лет Пол Варбург объяснит подробнее:

В то время как технически и по закону банкнота Федерального резерва является обязательством правительства Соединённых Штатов, в действительности это есть обязательство, единственная реальная ответственность за которое лежит на резервных банках... Правительство может быть привлечено к выполнению обязательства только тогда, когда обанкротятся резервные банки².

Объяснение Варбурга следовало бы внимательно проанализировать. Это невероятно важное заявление. Человек, который разрабатывал Федеральную резервную систему, говорит нам, что *банкноты Федерального резерва представляют собой частным образом выпущенные деньги, при этом налогоплательщики должны были покрывать потенциальные потери тех банков, которые выпустили эти деньги*. Одна из самых возмутительных констатаций этой книги – что цели, сформулированные при встрече на Джекилле, включали переложение картельных потерь с собственников банков на налогоплательщиков. Сам Варбург это подтвердил.

Но давайте вернёмся к великому обману 1913 года. На второе условие, выдвинутое Брайаном, – политический контроль над Системой, а не контроль банкиров, – ответили также обманным «компромиссом». В дополнение к управляющему совету региональных банкиров, что предлагалось ранее, теперь создавалась центральная комиссия по регулированию, которая будет называться Советом управляющих ФРС, назначаемых президентом при рекомендации и согласии Сената³. Следовательно, народ был бы защищён путём разделения властей, объединения интересов, системой контроля и баланса. «Таким образом, – сказал Вильсон, – банки могут стать действенным инструментом не для хозяев, а для бизнеса, индивидуальных предприятий и инициативы»⁴.

Такую организацию провозгласили новым смелым экспериментом в представительном управлении. На самом деле это был всего лишь возврат прежнего партнёрства между финансистами и политиками. Единственной новой

¹ Glass, pp. 124-125.

² Warburg, Vol. I, p. 409.

³ Первоначальный план предусматривал включение в правление также секретаря Казначейства и контролёра денежного обращения, но позже это было снято.

⁴ Цит. по: Greider, p. 277.

вещью было то, что власть теперь должна была разделяться *открыто*, у всех на виду. Но, конечно, мало, что бы увидели. Все обсуждения и принятие большинства решений производились за закрытыми дверями. Более того, раздел власти и ответственности между этими группами оставили намеренно неясным. Без детализированной командной линии или даже чёткой функциональной концепции реальная власть неизбежно, как и создание самого билля, окажется в руках тех, кто обладает техническими знаниями и связями на Уолл-стрит. Для финансовых специалистов, составлявших законопроект и моделировавших компромиссы, концентрация, в конце концов, эффективного контроля в их руках никогда не ставилась под сомнение. И, как мы увидим в главе 23, последующие события подтвердили основательность такой стратегии.

БРАЙАН ОДОБРЯЕТ БИЛЛЬ

Брайану было далеко до стратегов с острова Джекилл, и он принял «компромиссы» за чистую монету. Даже если и оставались какие-то мучительные сомнения в его голове, они стёрлись весомостью его назначения Государственным секретарём в администрации Вильсона. Теперь, когда он стал членом команды, он заявил:

Я настолько глубоко ценю услуги, оказанные президентом народу в отношении фундаментальных принципов, включённых в валютную реформу, что я на его стороне во всех деталях... Право правительства на эмиссию не передано банкам; контроль над выпущенными деньгами остался у правительства... Я рад, что могу искренне и безоговорочно одобрить валютный законопроект, как мероприятие, намного лучше того, что, как я полагал, возможно обеспечить в наше время... Противоречивые мнения согласованы с успехом, на который едва ли можно было надеяться¹.

С обращением Брайана больше не оставалось никаких сомнений относительно конечного исхода. Акт о Федеральной резервной системе был принят на совместной конференции комитетов Палаты представителей и Сената 22 декабря 1913 года, как раз в то время, когда Конгресс был занят отъездом на рождественские каникулы и не был расположен к дебатам. Его быстро приняли 282 голосами против 60 в Палате представителей и 43 против 23 в Сенате. Президент подписал акт, превратив его в закон, на следующий день.

Творение проглотило Конгресс.

¹ Glass, pp. 139-142.

РЕЗЮМЕ

Президент Тафт, хотя он и был республиканцем – представителем большого бизнеса, отказался поддерживать проект Олдрича по центральному банку. Это стоило ему политической карьеры. «Денежный траст» начал искать президента, который стал бы энергично продвигать билль, и выбрал Вудро Вильсона, который уже объявлял публично о своей лояльности. Номинацию Вильсона на национальном съезде Демократической партии обеспечивал полковник Хаус, тесно связанный с Морганом и Варбургом. Чтобы Тафт гарантированно не выиграл в борьбе за своё переизбрание, «Денежный траст» убедил бывшего республиканского президента Тедди Рузвельта вступить в борьбу с мандатом Прогрессивной партии.

В результате, как и планировалось, Рузвельт оттянул республиканскую поддержку от Тафта, и Вильсон выиграл выборы отнюдь не большинством голосов. Вильсон и Рокфеллер проводили свои избирательные кампании как решительные противники зловредного «Денежного Траста», тогда как полностью зависели именно от этого «Траста» для финансирования своих кампаний.

Когда Вильсон был избран, Полковник Хаус тоже в буквальном смысле въехал в Белый дом и стал неявным президентом Соединённых Штатов. Под его руководством провели косметическую операцию плану Олдрича, после чего он объявился как Билль Гласса-Оуэна. Хотя спонсорами были теперь демократы, во всех существенных чертах это был тот же проект с Джекилла. Олдрич, Вандерлип и другие примкнувшие к ним с Уолл-стрит создавали видимость противников Билля Гласса-Оуэна, чтобы убедить народ и Конгресс, что большие банкиры опасаются его. Окончательная редакция законопроекта включала много правильных положений, которые должны были сделать его привлекательным на время дебатов в Конгрессе, но которые предполагалось отбросить в последующие годы. Чтобы получить поддержку популистов во главе с Уильямом Дженнингсом Брайаном, команда «Джекилл-Айленда» смоделировала ещё и процедуру «компромиссов», когда можно было отказаться от того, что Вильсон назвал всего лишь «камуфляжными тенями», при сохранении «сути» проекта. Короче говоря, Конгресс перехитрили, обвели вокруг пальца и превзошли в мастерстве в этой психолого-политической кампании, не очень честной, но блестяще проведённой. В результате 23 декабря 1913 года Америка снова обрела центральный банк.

ГЛАВА 23

РОСКОШНЫЙ ОБЕД ИЗ УТОК

Как политика Федеральной резервной системы привела к краху в 1929 году; денежная экспансия как средство помощи экономике Англии; вызванная ею волна спекуляции акциями и недвижимостью; свидетельства того, что Совет управляющих ФРС знал о крахе и даже предпринял шаги, запустившие его.

Рассказывают одну историю про фермера из Новой Англии, у которого в полях был маленький пруд. Каждое лето стая диких уток прилетала на этот пруд, но, что бы фермер ни делал, он ни одну не мог поймать. Как бы рано утром ни подходил он к пруду, и как бы тщательно ни укрывался, и какой бы искусный манок ни выдумывал, хитрые птицы каким-то образом чувляли опасность и покидали зону доступа. Конечно, когда наступала осень, утки улетали на юг, а желание фермера поесть на обед утятини только усиливалось.

Тогда ему в голову пришла идея. Ранней весной он стал бросать вдоль берега пруда зерна кукурузы. Уткам нравилось зерно, и, раз оно не переводилось, они совсем бросили нырять и искать другую еду. Вскоре они привыкли к фермеру и полностью ему доверяли. Они видели в нем благодетеля и ходили возле него без всякого страха. Жизнь была так легка и приятна, что они забыли, как летают. Но это уже и не имело значения, потому что они стали такими жирными, что не смогли бы оторваться от воды, даже если бы попытались.

Пришла осень, а утки остались. Пришла зима, пруд замёрз. Фермер построил домик, чтобы им было тепло. Утки были счастливы, потому что им не надо было летать. А фермер был ещё больше счастлив, потому что каждую неделю всю долгую зиму у него был превосходный обед из уток.

Такова история американской Великой депрессии 1930-х годов.

КОНСОЛИДАЦИЯ ВЛАСТИ

Представленный в Конгресс законопроект о Федеральной резервной системе содержал много самых важных статей, которые были сформулированы весьма неопределённо. Детализация отсутствовала полностью. Это был тактический ход для того, чтобы избежать дебатов по деликатным пунктам и

придать тексту гибкость для будущих интерпретаций. Главной целью было – дать биллю *пройти*, а затем его совершенствовать. С тех пор поправки в закон вносились 195 раз, расширяя полномочия и поле деятельности Системы до такой степени, что сегодня его не узнали бы те конгрессмены и сенаторы, которые голосовали за него.

В 1913 году общественное неприятие концентрации финансовой власти в руках нескольких банкиров с Уолл-стрит способствовало борьбе за прохождение Закона о Резервной системе. Чтобы создалось впечатление, будто новая Система положит конец, как говорилось, нью-йоркскому «Денежному трасту», народу сказали, что ФРС не будет представлять какую-то одну группу или регион. Наоборот, Система позволит распределить полномочия на 12 региональных банков Федерального резерва, и ни один из них не будет доминирующим. Как, однако, заметил Гэлбрейт, «региональный проект был превосходен, чтобы потешить местную гордость и структурные амбиции и усыпить подозрения аграриев»¹. Но совсем не это проектировщики закона задумывали всерьёз и надолго.

Сначала региональные филиалы посчитали свою автономию в самом деле реальной, что привело к конфликту с членами федерального правления. Совет управляющих состоял из политических ставленников, представлявших разные сегменты экономики. Они не могли противостоять руководителям региональных филиалов Системы, которые были *банкирами* с опытом банковской деятельности.

ВОЗВРАТ НЬЮ-ЙОРКСКОГО «ДЕНЕЖНОГО ТРАСТА»

Грандиозная борьба за власть началась с Нью-Йоркского Резервного банка, который возглавил Бенджамин Стронг. У Стронга были контакты и опыт. Напомним, что он был одним из той шестёрки, которая разрабатывала структуру картеля на острове Джекилл. Он возглавлял *Bankers Trust Company* Дж.П. Моргана и был тесно связан с Эдвардом М. Хаусом. Он стал личным другом Монтегю Нормана, главы Банка Англии, и Шарля Риста, главы Банка Франции. Не меньшее значение имело и то, что он являлся главой *Нью-Йоркского* отделения Системы, которое представляло самые большие банки страны, собственно, сам «Денежный траст». С самого начала Нью-Йоркское отделение доминировало над федеральным правлением и региональными отделениями. Стронг руководил как автократ, определяя политику ФРС, часто даже не консультируясь с Советом управляющих ФРС в Вашингтоне.

¹ Galbraith, p. 130.

Вступление Соединённых Штатов в Первую мировую войну привело к расширению полномочий ФРС. Система стала единственным фискальным агентом Казначейства, выпускались банкноты Федерального резерва, фактически все золотые резервы коммерческих банков страны были собраны вместе в хранилищах Федеральной системы, и многие из законодательных ограничений, прописанных в первоначальном Законе о ФРС, были исключены. Избиратели не задают много вопросов, когда их страна участвует в войне.

Такую концентрацию власти именно в «Денежном трасте», что ФРС, как предполагалось, должен был исключить, описывает Фердинанд Ландберг в книге «Шестьдесят семей Америки»:

Фактически Федеральный резервный банк Нью-Йорка стал основой системы из 12 региональных банков, денежным рынком страны. Другие 11 банков были вроде дорогостоящих мавзолеев, возведённых, чтобы потешить местное самолюбие и подавить джексоновские страхи «глубинки». Бенджамин Стронг... президент *Bankers Trust Company* Дж.П. Моргана, был избран первым управляющим Нью-Йоркским Резервным банком. Мастер крупных финансовых операций, Стронг много лет манипулировал монетарной системой страны по усмотрению директоров, представлявших ведущие банки Нью-Йорка. При Стронге Резервная система вступила в интегрированные взаимоотношения с Банком Англии и Банком Франции, о чем страна не подозревала¹.

СПАСЕНИЕ ЕВРОПЫ

Мы знаем из Глав 12 и 20, что именно из-за такой интеграции банков во время Первой мировой войны произошла конфискация у американских налогоплательщиков *миллиардов* долларов, которые пересылались центральным банкам Англии и Франции. Большая часть этих денег оказалась у ассоциированных компаний Моргана в качестве процентных платежей по военным облигациям и комиссионных за поставки вооружения и других военных материалов.

На 70% стоимость Первой мировой войны была оплачена скорее инфляцией, чем налогами, и «дирижировала» этим процессом Федеральная резервная система. Сторонники ФРС рассматривали это как первое реальное испытание Системы, и она прошла его блестяще. Инфляция в Америке в этот период была всего лишь немного меньше, чем в Англии, которая гораздо больше и гораздо дольше была вовлечена в войну. Это неудивительно, поскольку значительную долю европейских военных расходов перенесли на американских налогоплательщиков.

¹ Lundberg, p. 122.

После окончания войны переливание американских долларов продолжилось в рамках плана по выводу Англии из депрессии. Методом, выбранным для такого перевода средств, являлись искусственно заниженные процентные ставки и преднамеренная денежная инфляция. Таким образом рассчитывали снизить стоимость доллара относительно английского фунта и вызвать перетекание золотых резервов из Америки в Англию.

Обеими операциями руководил Бенджамин Стронг, а исполнялись они Федеральным резервом. Совсем не было гиперболой, когда президент Герберт Гувер описал Стронга как «ментальное приложение Европы»¹.

Алан Гринспен, до назначения его в 1987 году президентом Рейганом председателем Правления Федерального резерва, служил в правлении *J.P. Morgan Company*. До этого, однако, он был известным поборником золотого стандарта и критиком зависимости Системы от банковского картеля. В 1966 году он писал:

Когда в 1927 году бизнес Соединённых Штатов претерпел умеренный спад, Федеральный резерв создал больше бумажных резервов в надежде предотвратить любой возможный дефицит банковских резервов. Более разрушительной, однако, стала попытка Федерального резерва помочь Великобритании, которая отдавала своё золото нам... ФРС преуспела: утрата золота прекратилась, но при этом почти развалились экономики мира. Чрезмерные кредиты, которые ФРС вливала в экономику, отразились на фондовой бирже, что запустило фантастический спекулятивный бум... В результате – коллапс американской экономики².

После своего назначения в ФРС Гринспен перестал говорить об этих эмиссиях и не делал ничего, что сердило бы то Порождение, которому он отныне служил.

АГЕНТЫ ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ

Когда анализируешь этот аспект истории ФРС, возникают вопросы о патристической лояльности людей, подобных Бенджамину Стронгу. Как может человек, который пользуется всем тем наилучшим, что его страна может предложить: безопасностью, богатством, престижем, тайно замышлять грабёж собственных граждан, чтобы помочь политикам других стран грабить своих граждан? Первая часть ответа освещена ранее в этой книге. Менеджеры международных финансов могут быть гражданами определённой страны, но для многих из них это всего лишь малозначащая случайность рождения. Они счи-

¹ Galbraith, p. 180.

² Greenspan, pp. 99-100.

тают себя гражданами мира. Они говорят о любви ко всему человечеству, но больше всего благоволят к самим себе и своему ремеслу.

Это только половина ответа. Следует помнить, что люди, в чьих руках финансовые рычаги этой машины Судного дня, — управляющие Банком Англии и ФРС — сами связаны нитями, за которые тянут те, кто над ними. Их разум не зациклен на концепции национализма или даже интернационализма. Их преданность была — *людям*. Профессор Куигли сообщает нам:

Не следует считать, что эти руководители ведущих центральных банков мира были влиятельными лицами в мире финансов. Они ими не были. Они, скорее, были техническими исполнителями и агентами доминирующих инвестиционных банкиров своих стран, которые их возвысили и были в полном праве их низвергнуть. Реальные финансовые рычаги мира были в руках тех инвестиционных банкиров (также называемых «международными» или «торговыми» банкирами), которые чаще всего оставались за кулисами в своих собственных неинкорпорированных частных банках. Они сформировали систему международной кооперации и национального доминирования, которая была более частной, более могущественной и более тайной, чем деятельность их агентов в центральных банках¹.

Итак, мы имеем дело не с людьми, которые воспринимаются как предатели своей страны, а с техническими исполнителями, лояльными тем финансистам и политикам, которые их возвысили. Из этих двух групп доминируют финансисты, потому что политики приходят и уходят, а тем, в чьих руках власть денег, только и нужно — выбрать себе преемника.

ФЕРМЕРЫ СТАНОВЯТСЯ ОБЕДЕННОЙ УТЯТИНОЙ

Во время войны цены на сельскохозяйственные продукты поднимаются до абсолютного максимума, и это приносит прибыль. Фермеры вкладывают часть этих средств в военные облигации, но большую их часть они помещают на сберегательные счета в банки своей фермерской общины, то есть главным образом на Среднем Западе и Юге. Это не устраивало нью-йоркских банкиров, которые видели, что их доля в депозитах страны уменьшается. Следовало придумать способ отозвать эти деньги. Федеральную резервную систему, которая к тому времени была под контролем нью-йоркских банков, обязали исполнить задуманное.

Немногие из региональных банков решили войти в состав ФРС, что обидело Систему, но и оправдало развёртывание экономической войны против них.

¹ Quigley, *Tragedy*, pp. 326-327.

План не был ни сложным, ни оригинальным; это использовалось центральными банками много раз прежде. План включал: (1) распространение дешёвых кредитов на фермеров, чтобы завлечь их в обременительные долги, и (2) организацию рецессии, которая уменьшала бы их доходы до уровня, когда они не смогли бы делать платежи. Региональные банки тогда обнаружат, что они владеют неработающими кредитами и заложенным имуществом, которое они не могли бы продать без огромных потерь. В итоге и фермеры, и банки уничтожаются. Целью были банки. Жалко фермеров.

Конгрессмен Чарльз Линдберг-старший, отец пилота, совершившего первый в мире одиночный трансатлантический перелёт, объяснил это следующим образом: «В соответствии с Законом о Федеральном резерве паника организуется на научной основе; данная паника впервые создана научным методом, она рассчитывалась так, как мы вычисляем математическую задачу»¹.

Подробности того, как эта паника была организована, разъяснил в 1939 году сенатор Роберт Оуэн, председатель Комитета по банковскому делу и валюте Сената. Оуэн, сам банкир, был соавтором Закона о Федеральной резервной системе, роль, о которой он позже сожалел. Оуэн сказал:

В мае 1920 года... фермеры весьма преуспевали... Они выплачивали ипотеки. Они купили много новой земли, по настоянию правительства взяли для этого ссуды, и затем они обанкротились при внезапном сокращении кредита и денежной массы, которое произошло в 1920 году.

Управляющие Федеральным резервом встретились на закрытом заседании, о котором публике не сообщалось, 18 мая 1920 года. Это была тайная встреча, и она продолжалась весь день; протокол составил 60 печатных страниц и появился в Документе № 310 Сената от 10 февраля 1923 года... В результате действий, предпринятых Правлением ФРС 18 мая 1920 года, произошло сильное сжатие кредита... Такое сокращение кредита и денежной массы привело в следующем году к сокращению национального продукта до 15 000 000 000 долларов, лишению работы миллионов людей, падению стоимости земли и фермерских хозяйств – 20 000 000 000 долларов².

Сокращение кредита имело катастрофические последствия по всей стране, не только среди фермеров. Но фермеры пострадали больше всех, потому что созданный незадолго до того Федеральный совет фермерского кредита соблазнил их дешёвыми кредитами – как уток на пруду – при предельном соотношении собственных и заёмных средств.

¹ Charles A. Lindbergh, Sr. *The Economic Pinch* (1923 rpt. Hawthorne, California : Omni Publications, 1968), p. 95.

² U.S. Cong., Senate, Special Committee on the Investigation of Silver, *Silver*, Part 5, 76th Cong., 1st sess. (Washington, DC: GPO, 1939), April 7, 1939, pp. 196-197.

Более того, банки крупных городов, которые были членами Системы, получили поддержку ФРС летом 1920 года в обеспечение предоставления ими кредитов производителям товаров и торговцам. Это позволило многим из них благополучно пережить кризис. Такой поддержки не получили ни фермеры, ни региональные банки, которые в 1921 году падали, как костяшки домино. Исторические книги называют это событие Сельскохозяйственной депрессией 1920-1921 годов. Лучше это надо бы назвать *обедом в Нью-Йорке из региональных уток*.

СОЗДАНИЕ МЕХАНИЗМА МАНДРАГОРЫ

В Главе 10 мы рассмотрели три способа, которыми ФРС может создавать или аннулировать деньги. Способ покупки и продажи долговых ценных бумаг на открытом рынке – самый эффективный по влиянию на денежную массу. Покупка ценных бумаг Федеральной резервной системой (чеками, не имеющими денежного покрытия) *создаёт* деньги; продажа таких ценных бумаг *уничтожает* деньги. Хотя ФРС уполномочена покупать и продавать почти любой тип ценных бумаг, существующих в мире, она обязана демонстрировать предпочтение облигациям и банкнотам федерального правительства. Таким образом финансисты выполняли обязательство создавать деньги для своих партнёров, политиков. Без такой деятельности партнёрство прекратилось бы, и Конгресс упразднил бы ФРС.

Когда в 1913 году создавали Систему, предполагалось, что основным способом манипулирования денежной массой станет контроль «нормы резервного покрытия» и «учётного окна». На языке банкиров это означает назначение уровня обязательных банковских резервов (как процент депозитов), а также процентной ставки по займам, которые ФРС предоставляет самим банкам. Норма резервного покрытия при действии старого Закона о Национальном банке составляла 25%. По закону о Федеральном резерве 1913 года она сократилась до 18% для больших нью-йоркских банков, падение составило 28%. В 1917 году, всего четыре года спустя, резервные требования для *Central Reserve-City Banks* ещё снизились с 18% до 13% (при несколько меньшем падении для малых банков). Это ещё 28%¹.

Очень скоро стало очевидно, что назначение нормы резервирования – инструмент неэффективный. Возможности контроля совершенно недостаточны, а общественное внимание слишком велико. Второй метод, влияющий на процентную ставку коммерческих займов, был более полезен. Вот как он работа-

¹ В 1980 году установленные законом пределы нормы резервирования были отменены. Совет управляющих ФРС имеет теперь привилегию понижать эту норму до *нуля*, что означает возможность создавать *неограниченное* количество денег – предел мечтаний для руководителей центральных банков.

ет: в системе банковского частичного резервирования банк может создавать новые деньги, всего лишь выпуская заёмные обязательства. Создаваемое количество ограничивается нормой резервного покрытия, или «долей», требуемой для обеспечения покрытия собственных нужд в наличности. Если норма резервного покрытия 10%, тогда каждые 10 долларов выдаваемой ссуды включают 9 долларов, никогда до этого не существовавших. Коммерческий банк, следовательно, может создавать значительную сумму денег, просто предоставляя займы. Но если банк «перекредитовал», то есть если он уже ссудил 9 долларов на каждый доллар своих резервов, он должен остановиться и подождать каких-то сумм по старым займам, прежде чем выдавать новые. Единственный способ расширить этот процесс – сделать резервы больше. Это можно выполнить одним из следующих четырёх способов: (1) привлечь больше депозитов, (2) использовать некоторую часть прибылей банка, (3) продать дополнительно ценные бумаги инвесторам или (4) занять деньги в ФРС.

КОГДА БАНКИ БЕРУТ ССУДУ В ФРС

Четвёртый вариант – самый популярный, и называется он обращением к «учётному окну». Когда банки обращаются к учётному окну ФРС за получением кредита, то там рассчитывают получить залоговое обеспечение. Это может быть почти любой долговой контракт, хранящийся в банке, в том числе государственные облигации, но обычно в качестве залога передаются коммерческие займы. ФРС тогда предоставляет банку кредит в сумме, равной этим контрактам. По сути, это позволяет банку конвертировать свои старые займы в новые «резервы». Каждый доллар этих новых резервов может затем использоваться как основание для предоставления ещё *девяти* долларов в банковский оборот!

Процесс на этом не останавливается. Как только новые займы получены, их также можно использовать как залог в ФРС, чтобы резервы стали ещё *больше*. Музыка играет снова и снова, с каждым новым уровнем долга создавая «резервы» для ещё более высокого уровня кредитования, пока, наконец, не выдыхается примерно на 28-м обороте¹. Этот процесс обычно называется «дисконтирование коммерческих бумаг». Это было одно из тех средств, с помощью которых ФРС затопила страну новыми деньгами, пока не случился Великий Прорыв Дамбы 1929 года.

Но при этом методе есть проблема, по крайней мере в том, что касается ФРС. Даже если процентные ставки при учётном окне установят так низко, что большинство банкиров сбегутся, как утки, увидевшие разбросанное зерно, некоторые из них, особенно «мужланы» из региональных банков, несомненно, устоят против соблазна.

¹ См. подробнее в Главе 10.

Нет способа принудить банки участвовать в этих планах. Кроме того, сами банки зависят от капризов своих клиентов, которые из соображений, известных только им, могут не захотеть занимать столько, сколько банки хотели бы ссудить. Если клиенты перестанут занимать, банки не будут иметь новые кредиты, чтобы конвертировать их в новые резервы. Это делает предпочтительным третий вариант, то есть покупку и продажу облигаций и других долговых обязательств на открытом рынке. При варианте с учётным окном банки надо соблазнить взять ссуду, которую затем надо погашать, и иногда они уклоняются от этого. Но в случае с открытым рынком все, что следует сделать ФРС, – это выписать фиатный чек для оплаты ценных бумаг. Когда этот чек оплачивается наличными, то новые деньги, полученные таким образом, идут прямо в экономику без какого-либо согласования, требуемого от непокорных банков.

Но и при этом методе есть проблема. Перед Первой мировой войной на открытом рынке было мало государственных облигаций. Даже после войны предложение было ограничено. А значит, огромная инфляция, предшествовавшая Краху 1929 года, не была результатом дефицитного финансирования. Каждый год, с 1920-го по 1930-й, имело место превышение государственных доходов над расходами. Как это ни удивительно, накануне депрессии Америка расплачивалась со всеми долгами¹. Как следствие, было мало государственных облигаций, которые ФРС могла бы покупать. Без государственных облигаций механизм открытого рынка постоянно оказывался бы без топлива. Решение всех этих проблем состояло в создании нового рынка, отвечавшего потребностям ФРС, который явился бы компромиссом между учётным окном и открытым рынком. Вариант назывался «акцептное окно», и именно посредством этого «окна» Система покупала уникальный тип долговых ценных бумаг, называемых *банковскими акцептами*.

БАНКОВСКИЕ АКЦЕПТЫ

Банковские акцепты – это договорные обязательства по оплате коммерческих товаров, планируемых к поставке. Они обычно относятся к международной торговле, где отсрочка, как правило, составляет от трёх до шести месяцев. Они являются средством, с помощью которого продавец в одной стране может отправить товары неизвестному покупателю в другой стране в полной уверенности, что поставка будет оплачена. Это выполняется по гарантиям, выдаваемым банками как покупателю, так и продавцу. Сначала банк покупателя выдаёт аккредитив, гарантирующий оплату товара, даже если покупатель станет неплатёжеспособным. Когда банк продавца получает его, один из его сотрудников делает надпись «акцептовано» на договоре и выпла-

¹ См.: Robert T. Patterson, *The Great Boom and Panic, 1921-1929* (Chicago: Henry Regnery Company, 1965), p. 223.

чивает продавцу сумму продажи. Акцептующий банк, следовательно, авансирует продавца в ожидании получения будущего платежа от банка покупателя. За эту услугу оба банка взыскивают комиссионные, выраженные в процентах от договора. Таким образом, покупатель платит несколько больше, чем сумма, указанная в договоре продажи, а продавец получает немного меньше.

С самого начала эти договоры были вне риска, потому что банки старались гарантировать платёж только финансово надежных фирм. Но во времена экономической паники даже надёжные фирмы могут стать неспособными выполнять свои контракты. Именно гарантирование такого типа бизнеса чуть не разорило Джорджа Пибоди и Дж.П. Моргана в Лондоне во время паники 1857 года, и случись это, их бы не смог выручить Банк Англии.

Акцепты, подобно договорам о коммерческих займах, являются свободно обращающимися финансовыми инструментами, которые могут продаваться на рынке ценных бумаг. Акцептующие банки имеют выбор – либо держать акцепты до полной выплаты, либо их продать. Если они их держат, то прибыль получают, когда сумма по базовому договору будет полностью выплачена, и она будет равна его «учёту», что на банковском языке означает плату за услуги. Акцепты называются «переучтёнными», если они проданы первоначальным дисконтёром, андеррайтером. Преимущество такой операции в том, что им не надо ждать от трёх до шести месяцев, чтобы получить свою прибыль. Они могут сразу же получить капитал, который можно инвестировать, а также процентный доход.

Продажная цена акцептов всегда ниже стоимости базового договора, иначе никто не станет их покупать. Разность составляет потенциальную прибыль покупателя. Она выражается в процентах и называется «ставкой» учёта, или, в данном случае, *переучётом*. Но ставка, предлагаемая продавцом, должна быть ниже той суммы, которую он рассчитывает заработать с деньгами, что он получит, иначе лучше не продавать.

Хотя банковские акцепты широко продавались в Европе, они не были популярны в Соединённых Штатах. До того как был принят Закон о Федеральном резерве, национальным банкам запрещалось покупать их. Рынок, следовательно, надо было создавать. ФРС решила проблему, установив учётную ставку на акцепты на таком низком уровне, что андеррайтерам было бы глупо не воспользоваться этим. При очень низком дисконте они могли приобрести краткосрочные капиталы, которые затем инвестировали при более высокой ставке прибыли. Таким образом, акцепты быстро оказались в изобилии на открытом рынке Соединённых Штатов. Но кто бы захотел *покупать* их при низкой доходности? Никто, конечно. Поэтому, чтобы создать этот рынок, Федеральный резерв не только искусственно занижил учётную ставку, но также взял на себя обязательство покупать все акцепты, которые предлагались. ФРС, следовательно, стала главным покупателем этих ценных бумаг. Банки также вошли на рынок как покупатели акцептов, но только потому, что знали:

если они когда-нибудь захотят их продать, ФРС будет обязана их купить. Поскольку деньги создавались из ничего, стоимость не имела значения, и низкая потенциальная прибыль тоже. Целью ФРС было не получение прибыли на вложенный капитал, а увеличение денежной массы в стране.

ВАРБУРГ И ДРУЗЬЯ ПОЛУЧАЮТ МАЛЕНЬКУЮ ПРИБЫЛЬ

Человеком, больше всех выигравшим от искусственно созданного рынка, был не кто иной, как Варбург, партнёр «Кун, Леб и К°». Варбург был среди приглашённых на острове Джекилл, где замышлялась Федеральная резервная система. Все считали его ведущим теоретиком, который главенствовал на совещании. Его голос был одним из самых влиятельных и в последовавших общественных дебатах. Он одним из первых был назначен членом Совета управляющих ФРС и затем являлся заместителем председателя Совета управляющих вплоть до начала войны, когда ушёл в отставку по причине публичной известности его связей с банковской сферой Германии. Он был директором *American LG. Chemical Corp.* и *Agfa Ansco, Inc.* – фирм, которые контролировались *LG. Farben*, знаменитым германским картелем, через несколько лет ставшим спонсором продвижения к власти Адольфа Гитлера¹. Он был также директором Совета по международным отношениям. Поэтому не должно вызывать удивления, что он смог оказаться в центре огромного потока наличных, возникшего в результате покупки ФРС акцептов.

Варбург был основателем и председателем правления Международного акцептного банка Нью-Йорка, самого большого в мире акцептного банка. Он также был директором нескольких более мелких «конкурентов», в том числе престижного Акцептного банка фирмы «Вестингауз». Он был основателем и председателем Американского акцептного совета.

Варбург сам являлся акцептным рынком в Америке. Но у него были и друзья, которые также купались в денежном потоке. Люди, контролировавшие самые большие финансовые учреждения Америки, стали директорами или управляющими разных акцептных банков. Вот, к примеру, компании с совместными директоратами: «Kuhn, Loeb and Co.», «New York Trust Co.», «Bank of Manhattan Trust Co.», «American Trust Co.», «Chase National Bank», «Metropolitan Life Insurance Co.», «American Express Co.», «Carnegie Corp.», «Guaranty Trust Co.», «Mutual Life Insurance Co.», «Equitable Life Assurance Society of New York» и «First National Bank» Бостона, Сент-Луиса и Лос-Анджелеса. Мир акцептных банков был частной сферой деятельности финансовой элиты Уолл-Стрита.

¹ Подробнее об этом эпизоде см. Часть 2 книги автора «Мир без рака: история витамина В₁₇» (Westlake Village, California: American Media, 1974).

За американской видимостью, однако, было полное товарищество с инвесторами из Европы. Общий капитал американских акционеров IAB составлял 276 миллионов долларов, что сопоставимо с 271 миллионом от иностранных инвесторов. Значительная доля принадлежала Варбургам в Германии и Ротшильдам в Англии¹.

Насколько большим и свободно текущим был этот поток акцептных денег? В 1929 году его величина была 1,7 триллиона долларов. На протяжении 1920-х годов это составило *более половины* всех новых денег, созданных Федеральным резервом, – больше, чем сумма всех других покупок на открытом рынке, плюс все займы всем банкам, стоявшим в очереди у уткнутого окна².

Монетарные специалисты, создавшие ФРС, и их ближайшие деловые партнёры были хорошо вознаграждены за свои усилия. Получение прибыли инсайдерами, однако, не самое главное. Намного важнее, что *следствием действия* этого своекорыстного механизма стало огромное увеличение денежной массы, что сделало неизбежной Великую депрессию. Именно эта проблема побудила нас рассмотреть акцепты прежде всего.

КОНГРЕСС ВСТРЕВОЖЕН, НО БОИТСЯ СДЕЛАТЬ ХУЖЕ

К 1920 году в кулуарах Конгресса возросли подозрения и недовольство. Политики не получали свою долю. Возможно, многие из них не представляли, что, как партнёры в схеме, они имели *право* на долю. К тому же их ослепили блеском банкирского языка и бухгалтерских трюков, и они боялись связываться с Системой, чтобы как-нибудь случайно не нажать не ту кнопку.

Из Лондона с удовольствием следил за этой историей фабианский социалист Джон Мейнард Кейнс. Говоря о манипуляциях ФРС с ценой доллара, он писал:

Это способ, с помощью которого богатая страна может комбинировать новый здравый смысл со старыми предрассудками. Можно обладать самыми последними научными разработками, полученными в экономических лабораториях Гарварда, и при этом заверять Конгресс, что не допустят опрометчивого отступления от стандартной практики... Но есть во всех таких измышлениях некоторая нестабильность... Конгресс-

¹ Larry Schweikart, ed. *The Encyclopedia of American History and Biography* (New York: Facts on File, 1990), p. 448.

² Там же, с. 448; также: Murray N. Rothbard, *America's Great Depression* (Kansas City: Sheed and Ward, 1963), p.117.

смены могут встревожиться. Нельзя быть совершенно уверенным, что какой-нибудь сенатор не сможет прочесть и понять этот текст¹.

Здесь было мало риска! В то время американские политики узнали хмельной вкус военного финансирования и перестали задавать вопросы. Первая мировая война вызвала огромный спрос на деньги, и ФРС предоставила их. К концу войны враждебное отношение Конгресса к ФРС стало историей.

ЦЕНА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

У населения, проявившего патриотические чувства и купившего военные облигации, скопилась значительная часть военных долгов. Казначейство развернуло массированную информационную кампанию в поддержку «займов свободы», чтобы усилить это чувство. Но облигации мелкого достоинства не увеличивали денежную массу и не вызывали инфляцию, потому что деньги шли из накоплений. Эти деньги уже были. Однако многие из тех, кто посчитал своим патриотическим долгом поддержать военные усилия, пошли в свои банки и *взяли займы* деньги, чтобы купить облигации. Банк создал большую часть этих денег из ничего, получив кредиты и бухгалтерские проводки от ФРС, поэтому, *разумеется*, эти покупки раздули денежную массу. Такой же результат можно было бы получить проще и с меньшими затратами, если брать деньги прямо в ФРС, но правительство поощряло именно тот способ действий из-за его психологической значимости для создания народной поддержки войны. Когда народ идёт на жертвы ради какого-то предприятия, он *должен* быть уверен, что для этого есть достойные причины.

Хотя война финансировалась частично из налоговых сборов и частично «облигациями свободы», которые покупались населением, значительная доля расходов покрывалась продажей на открытом рынке казначейских облигаций Федеральному резерву. Лестер Чандлер, биограф Бенджамина Стронга, разъясняет:

Федеральная резервная система стала составной частью военной финансовой машины. Главное назначение Системы, и как создателя денег, и как налогового агента, состояло в том, чтобы предоставлять Казначейству столько денег, сколько требовалось, и в сроки, устанавливаемые Конгрессом и Казначейством... Благодарная страна теперь считает, что именно Система внесла наибольший вклад в победу в войне, что она – эффективный налоговый агент Казначейства, огромный

¹ Keynes, *A Tract on Monetary Reform*, pp. 198-199.

источник валюты и резервных фондов и постоянная неотъемлемая часть банковской системы¹.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА

Военные годы были в значительной степени периодом тестирования новых стратегий и консолидации власти. По иронии судьбы, только в *послевоенное* время, когда уже не было оснований для дефицитного расходования, государственный долг стал огромным. Вплоть до Первой мировой войны ежегодные федеральные расходы составляли около 750 миллионов долларов. К концу войны они составили 18,5 миллиардов, увеличение на 2466%. Примерно 70% стоимости войны профинансировали путём долговых обязательств.

Мюррей Ротбард сообщает нам, что накануне депрессии 1928 года – через 10 лет после окончания войны – в банковской системе находилось больше государственных облигаций, чем во время самой войны². Это означает, что правительство не оплатило эти облигации, когда пришёл срок. Вместо этого оно их пролонгировало, предложив новые облигации взамен старых. Почему? Потому ли, что Конгрессу нужно было больше денег? Нет. Облигации стали базой объёма денег в обращении, и, если бы они их выкупили, денежная масса уменьшилась бы. Уменьшение денежной массы рассматривается политиками и руководителями центральных банков как угроза экономической стабильности. Поэтому правительство нашло невозможным избавиться от долга, даже когда имело деньги для этого. Дилемма, продолжающаяся до сегодняшнего дня.

Здесь есть явное противоречие. Роберт Паттерсон в своей книге «Великий бум и паника» говорит, что накануне депрессии Америка выплачивала долги³. Однако Ротбард говорит нам, что тогда банковская система имела больше государственных облигаций, чем во время войны! Оба утверждения могли бы быть истинными только в том случае, если бы во время войны и на самом деле было больше непогашенных облигаций, но они находились у населения, а не в банковской системе. Это могло бы объяснить, почему их было меньше, чем общее количество облигаций в 1928 году, однако и Система могла иметь облигаций больше, чем прежде. Этого следовало ожидать при растущей роли ФРС на открытом рынке. Когда наступал срок погашения облигаций, находящихся у населения, Казначейство их продлевало, и ФРС их приобретала. Облигации, покупаемые населением, не увеличивают денежную массу, тогда как облигации, купленные банками, увеличивают. Поэтому конъюнктура

¹ Chandler, pp. 101-102.

² *Depression*, p. 125.

³ С. 223.

в 1928 году была бы гораздо более инфляционной, чем во время войны, даже если бы правительство выплачивало долги.

До 1922 года Федеральный резерв выкупал казначейские облигации, главным образом, в следующих целях: (1) для получения дохода, чтобы система функционировала, (2) для оплаты банкнот ФРС, которые выпускались для замены серебряных сертификатов, и (3) чтобы снизить процентные ставки. Мотивом для манипулирования процентными ставками было поощрение заимствований в Соединённых Штатах из-за границы (где ставки были низкие)¹. Это также поощряло инвестирование из Соединённых Штатов в Европу (где ставки были выше). Создавая возможность занимать американские доллары по одной ставке и инвестировать их в других странах по более высокой ставке, ФРС сознательно выводила деньги из Соединённых Штатов, а также и золотые резервы, которые за ними следовали.

Как сказал президент Кеннеди в своём выступлении в 1963 году в Международном валютном фонде, утечка американского золота «не произошла случайно»².

«ОБНАРУЖЕНИЕ» ВОЗМОЖНОСТЕЙ ОТКРЫТОГО РЫНКА

Все пишущие на эту тему утверждают, что возможность механизма открытого рынка манипулировать денежной массой была «обнаружена» Федеральной резервной системой в начале 1920-х годов и что это явилось для неё полной неожиданностью. Мартин Майер, например, в своей книге «Банкиры» пишет:

Теперь, по удивительной случайности, подобно тем, что привели к открытию рентгеновских лучей или пенициллина, центральный банк обнаружил, что «операции на открытом рынке» могут оказывать значительное воздействие на деятельность банков³.

Это делает рассказ интереснее, но трудно поверить, что Бенджамин Стронг, Пол Варбург, Монтегю Норман и другие финансовые специалисты, стоявшие тогда у руля, были «застигнуты врасплох». Эти люди не могли не знать о последствиях создания денег из ничего и вливания их в экономику. Открытый рынок был просто иной *воронкой*. Если что и было удивительным, так только та лёгкость, с которой этот механизм можно было привести в действие. Неважно, что в этой истории реально, что выдуманно, важно, что это увекове-

¹ Chandler, p. 211; также: Rothbard, *Depression*, p. 127.

² См. Главу 6.

³ Mayer, p. 401.

чивает «случайный» взгляд на историю, миф, что никто не несёт ответственности за экономический или политический хаос. *Все просто так случается. Нет генерального плана. Никого не следует винить. Все под контролем. Расслабься, заплати налоги и спи спокойно!*

В любом случае, к концу войны Конгресс осознал тот факт, что он мог бы использовать Федеральную резервную систему для получения доходов помимо налоговых сборов. С этого момента дефицитный бюджет получил законный статус. Постепенно нарастающая эмиссия казначейских облигаций воодушевляла ФРС, потому что это давало ещё один источник долговых обязательств, конвертируемых в деньги, источник, который впоследствии стал бы намного более надёжным, чем банковские кредиты или банковские акцепты. А лучше всего то, что Конгресс теперь попадал в зависимость от бросаемого зерна, и было мало шансов, что он расправит свои крылья и улетит. Чем более зависимым он становился, тем более уверенной в себе становилась Система.

В 1921 году двенадцать региональных резервных банков были порознь выкуплены и проданы на открытом рынке. Но мотивы были разные. Некоторые просто нуждались в доходах, чтобы покрыть свои операционные расходы, другие, а именно Нью-Йоркский филиал под руководством Бенджамина Стронга, были больше заинтересованы в отправке американского золота в Англию. Стронг сразу же начал концентрировать в своём собственном банке контроль над всеми операциями открытого рынка. В июне 1922 года был сформирован Комитет открытого рынка для координации деятельности региональных руководителей. В апреле следующего года, однако, национальное правление в Вашингтоне заменило группу управляющих на одно из своих собственных созданий – Комитет инвестиций открытого рынка. Бенджамин Стронг стал его председателем. Полномочия этой группы были усилены десять лет спустя законом, который обязал региональные отделения следовать директивам Комитета открытого рынка, но это было чистой формальностью, их намного раньше обрекли на смерть. Начиная с 1923 года операции ФРС на открытом рынке выполнял Нью-Йоркский Федеральный резервный банк. Денежный траст всегда был у руля.

КРЕДИТЫ ЗАТОПИЛИ СТРАНУ

Действия имеют последствия, и одним из последствий покупки казначейских облигаций и других долговых ценных бумаг на открытом рынке было то, что деньги, созданные для их покупки, в конце концов закончились в тех коммерческих банках, где это использовалось для расширения банковского кредитования. «Кредит» – одно из тех двусмысленных слов, которые имеют разные значения у разных людей. На языке банкиров расширение кредито-

ния означает, что банки имеют «избыточные резервы» (бухгалтерские записи), которые можно умножить на девять и получить процентный доход на них, если только кто-то будет так любезен, что *возьмёт ссуду*. Это – деньги, *ожидющие*, когда их создадут. Месседж выглядит так: «Спешите в банк, люди. Не стесняйтесь. У нас полно денег для займов. У вас есть кредит, а вы даже не знаете, что он у вас есть».

В 1920-х годах большая доля банковского кредита предоставлялась коммерческим фирмам, состоятельным инвесторам и другим крупным игрокам, но не пренебрегали и маленьким человеком. В 1910 году потребительский кредит составлял всего 10% розничных продаж страны. В 1929 году кредитные транзакции составили половину от 60 миллиардов долларов розничного рынка. Эдджин Гроусклоуз в своей книге «Деньги и человек» пишет: «К 1929 году Соединённые Штаты затопил кредитный поток. Он накрыл страну. Он вливался во все поры национальной экономики»¹. Воздействие растущего кредитования усугублялось искусственно заниженными процентными ставками – другая сторона той же медали, что было организовано ради помощи правительствам Европы. Но они стимулировали также заимствования здесь, дома. Поскольку заимствование – это то, что требует создания денег в соответствии с банковской системой, основанной на частичных резервах, денежная масса в Америке стала увеличиваться.

С 1921 года до июня 1929 года количество долларов возросло на 61,8%, это существенно больше, чем рост национального продукта. В то же самое время объем *денежной* массы в обращении остался практически неизменным. Это означает, что расширение состояло целиком из денежных эквивалентов, таких как облигации и кредитные соглашения.

«БУМЫ И СПАДЫ» СТАЛИ СИЛЬНЕЕ

Силы свободного рынка поразительно пластичны. Как и на чёрном рынке, они могут проявиться с неожиданной стороны, независимо от политического решения. Это случалось на протяжении почти всей американской истории. До создания Федеральной резервной системы банковскую деятельность лелеяло и ставило ей палки в колёса правительство. Банки учреждались правительством, защищались правительством и управлялись правительством. Их вынуждали обслуживать политические задачи тех, кто был у власти. В результате весь пейзаж усыпали гробницы мёртвых банков, которые унесли с собой в могилу все сбережения своих несчастных вкладчиков. Но это были, главным образом, региональные трагедии, которым противостояли рост и процветание в других регионах. Даже в общинах, весьма сурово пострадавших, выздоровление было быстрым.

¹ Groseclose, *America's Money Machine*, p. 154.

Теперь, когда картель получил жёсткий контроль над денежной массой страны, картина начала меняться. Корректирующие силы свободного рынка были жёстко скованы – больше, чем когда-либо. Все банки по всей стране действовали синхронно друг с другом. Что происходило в одном регионе, то же происходило и во всех других. Банкам не давали умереть, потому что после краха невозможна регулировка. Их болезнь была затяжной и передавалась, как смертельный вирус, другим.

Экспансия денежной массы в 1920-х годах ясно показывает это воздействие. Это был не постоянный прогресс, а серия конвульсий. Каждый цикл был на более высоком уровне, чем предыдущий. Поэтому и «спадам», идущим за «бумами», не давали упасть до дна. Финансисты имели теперь так много механизмов в своём распоряжении, что могли начать новые экспансии, чтобы свести на нет понижающие факторы. Это было похоже на предписывание возрастающих доз наркотика, чтобы отдалить осознание прогрессирующей болезни. Это увеличивает престиж врача, но не сулит ничего хорошего пациенту.

«АМЕРИКАНСКИЕ ГОРКИ»

В период между 1920 и 1929 годами было три характерных цикла деловой активности и несколько малых циклов между ними. Среднего американца это сбивало с толку и оказывалось губительным. Для инвесторов это была езда по «американским горкам» до бесчувствия:

Вверх! ФРС раздула объем денежной массы, чтобы оплатить Первую мировую войну. Последовавший «бум» привёл к росту цен.

Вниз! В 1920 году ФРС увеличила процентные ставки, чтобы затормозить инфляцию. Это вызвало рецессию, и цены упали. Фермеры пострадали больше всех, и сотни региональных банков закрылись.

Вверх! В 1921 году ФРС понизила процентные ставки, чтобы остановить рецессию и помочь правительствам Европы. В результате – инфляция и растущий долг.

Вниз! В 1923 году ФРС ужесточила кредитование, чтобы затормозить инфляцию.

Вверх! Но это компенсировалось одновременной политикой снижения ставки при учётном окне, воодушевляя, таким образом, банки на новые заёмные резервы, чтобы увеличить денежную массу.

Вверх! В 1924 году ФРС внезапно создала 500 миллионов долларов в новых деньгах. В течение одного года коммерческие банки превратили их в сумму более 4 миллиардов, увеличение восемь к одному. Последовавший «бум» приобрёл скорее характер спекуляции, чем инвестирования. Цены на фондовом рынке резко подскочили.

Вниз! В 1926 году флоридский «бум» рухнул, и экономика снова начала сокращаться.

Вверх! В 1927 году Монтегю Норман из Банка Англии прибыл в Соединённые Штаты проконсультироваться с Бенджамином Стронгом. Вскоре после его визита ФРС закачала новые деньги в Систему, и «бум» вернулся.

Вниз! Весной 1928 года ФРС сократила кредитование, чтобы остановить «бум».

Вверх! Но банки перевели свои резервы на срочный депозит (когда клиенты согласны ждать, чтобы снять деньги со счета). Поскольку срочные депозиты требуют меньшей нормы резервного покрытия, чем депозиты до востребования, банки получили возможность выдавать займов больше, чем прежде. Это компенсировало сокращение кредитования ФРС.

Вверх! К этому времени британское правительство израсходовало ранее выданную субсидию, которая была использована на поддержание статуса государства всеобщего благосостояния. Весной 1928 года фунт стерлингов снова упал на международном рынке, и золото потекло назад, в Соединённые Штаты. Снова только оперившееся Порождение пришло на помощь Банку Англии, своему хворающему родственнику. ФРС закупила огромный объем банковских акцептов, чтобы уменьшить процентные ставки и остановить поток золота. Денежная масса резко возросла почти на 2 миллиарда долларов.

Вниз! В августе ФРС изменила свою экспансионистскую политику, продав казначейские облигации на открытом рынке и подняв процентные ставки. Денежная масса начала сокращаться.

Это был последний «пузырь».

ШЕСТАЯ ПРИЧИНА, ЧТОБЫ ЛИКВИДИРОВАТЬ ФРС

Один из мифов о Федеральной резервной системе говорит о том, что она нужна для стабилизации экономики. Однако получилось прямо противоположное. Дестабилизация была совершенно очевидна в годы, предшествовавшие Краху, но причинно-следственная схема событий продолжается и поныне. Как только люди получили полномочия манипулировать денежной массой, они стали стремиться обойти естественные законы спроса и предложения. Неважно, насколько благородны их намерения и чисты помыслы, но они вызывают нарушения в естественном течении. Если эти нарушения ощутимы, они попытаются компенсировать их, вызывая противоположно направленные нарушения. Но задолго до того, как они подействуют, там уже будут работать новые силы, которые они не смогут, при всей их учёности, осознать до того, как они проявятся. Со стороны «экспертов» это высшая степень самонадеянного

безрассудства – думать, что они могут перехитрить или сделать лучше, чем совместные интерактивные решения сотен миллионов людей, действующих в соответствии со своими собственными суждениями. Таким образом, ФРС обречена на неудачу уже своей природой и своей миссией. И это – шестая причина, по которой ФРС должна быть ликвидирована: *она дестабилизирует экономику.*

ТЮЛЬПАНОВОЕ БЕЗУМИЕ

Дешёвые кредиты – не единственный аспект проблемы того времени. В равной мере важен был также *эффект*, произведённый их дешевизной на характер поведения населения. Руководствуясь стадным чувством и верой в возможность «чуда задаром», люди устремлялись к самым причудливым формам инвестиционных спекуляций.

Совсем не впервые такая истерия охватывала народ. Одна из самых впечатляющих историй случилась в Голландии между 1634 и 1636 годами. Тогда новый редкий цветок, названный тюльпаном, был открыт в садах некоторых богатых жителей Константинополя, теперь известного как Стамбул. Когда корневицы луковицы этих экзотических цветов попали в Голландию, они вскоре превратились в статусный символ богачей – подобно скаковым лошадям или редким породам собак сегодня, в нашем собственном обществе. И те, у кого были свободные средства, решили, что инвестирование в тюльпаны позволит им добиться большого общественного признания.

Цена тюльпанных луковиц неизменно росла, пока они не стали не просто статусным символом, но ещё и объектом спекулятивных инвестиций. Было время, когда цены удваивались каждые несколько дней, и повсюду видели спекулянтов, скопивших огромные состояния, не прилагая ни труда, ни услуг. Многие люди, в других случаях весьма осторожные, заразились этой истерией. Они брали ссуды под свои дома и вкладывали сбережения всей жизни, чтобы подключиться к прибыльному делу, удаче, падавшей с неба. Это ещё больше взвинтило цены и вызывало чувство удовлетворённости от своей прозорливости. Контракты на будущие поставки тюльпанных луковиц – вид сегодняшнего товарного рынка – стали доминировать на Голландской фондовой бирже.

Луковицы тюльпанов какое-то время ценились дороже драгоценных камней. Из-за того что были получены новые сорта, рынок стал более сложным, требующим экспертной сертификации происхождения луковиц и их сортности. Цены взлетели, и началось массовое помешательство. Одна луковица сорта, называемого «Адмирал Лифкен», ценилась в 4400 флоринов; один «Вечный Август» стоил 5500 флоринов и был куплен за новую карету, пару

серых коней и полный комплект упряжи. Рекордом продаж стал единственный «Вице-король», за который отдали 2 лаsta (примерно 2 т) пшеницы, 4 лаsta ржи, 4 крупных вола, 8 жирных свиней, 12 жирных баранов, 2 бочки вина, 4 бочонка масла, тысячу фунтов сыра, кровать и матрас, мужской костюм и серебряный кубок.

Но однажды, после двухлетнего отсутствия, без всякого предупреждения объективная реальность вернулась. В то время каждый в глубине души понимал, что такой резкий подъем цен не отражает истинную стоимость тюльпанов, и что рано или поздно кто-нибудь пострадает. Но они продолжали спекулировать из опасения опередить время и упустить прибыль, которая уже рядом. Каждый был уверен, что он продаст точно в момент максимальных цен. В любой толпе, однако, всегда есть несколько таких, кто захватит лидерство, и в 1636 году потребовалось всего лишь, чтобы один-два крупных торговца продали свои резервы. За один день вдруг не стало покупателей, за любую цену. Рынок тюльпанов исчез, и тысячи спекулянтов увидели, как вместе с ним улетучились их мечты легко разбогатеть и во многих случаях накопления всей их жизни также. Тюльпанное помешательство, как его называли в то время, закончилось¹.

Или это сделали? Как мы видели, Федеральный резерв может создавать большое количество денег, просто приходя на открытый рынок и покупая долговые соглашения. Но раз это стало основным направлением экономики, коммерческие банки могут умножать такие деньги до девятой степени, что и составляет реальное инфляционное воздействие. Защита этой привилегии и есть одна из причин, почему банки сформировали картель. Тем не менее общественность ещё сохраняет за собой последнее слово. Если никто не захочет занимать эти деньги, игра будет проиграна.

Такая возможность скорее теоретическая, чем реальная. Хотя люди могут колебаться, стоит ли залезать в долги ради законных деловых начинаний во время экономической нестабильности, их может соблазнить дешёвый кредит в расчёте на дальнюю перспективу. Мечты о вдруг свалившемся – мощный мотивирующий фактор. Казино, покерные залы, ипподромы, лотерейные кассы и прочие формы тюльпанного помешательства убедительно доказывают, что тяга к азартным играм заложена в генетическом коде. Людей всегда привлекало дармовое зерно.

ТЮЛЬПАНЫ НА ФОНДОВОМ РЫНКЕ

Во время финальной фазы американской кредитной экспансии 1920-х годов подъем цен на фондовом рынке был целиком спекулятивным. Поку-

¹ См.: Charles Mackay, LL.D., *Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds* (1841 rpt. New York: L.C. Page & Company, 1932), pp. 89-97.

пателей не беспокоила слишком высокая цена ценных бумаг по сравнению с выплачиваемыми дивидендами. Зачастую обращаемые на рынке выпуски продавались по цене, превышавшей их прибыль в 20-50 раз, иногда и в 100 раз. Спекулянты приобретали бумаги всего лишь, чтобы поддержать их какое-то время и затем продать с прибылью. Это была стратегия «большого дурака». Неважно, как высока цена сегодня, завтра найдётся «большой дурень», который купит даже за более высокую цену. Какое-то время эта стратегия работала.

Чтобы сделать игру ещё более захватывающей, инвесторы обычно покупали бумаги на марже. Это значит, что покупатель вносит небольшую сумму денег в качестве депозита (маржу), а остальное *берёт взаймы* у своего биржевого брокера, берущего деньги в банке, который получает их в ФРС. В 1920-х годах маржа для мелких инвесторов была всего лишь 10%. Хотя средняя ценная бумага приносила скромные 3% годового дивиденда, спекулянты готовы были платить свыше 12% по своим займам, полагая, что стоимость их бумаг должна увеличиться примерно на 9% годовых, просто чтобы покрыть расходы.

Эти маржинальные счета иногда называются «онкольными» (до востребования), потому что брокер имеет право «востребовать их» в срочном порядке, часто в течение 24 часов. Если брокер требует оплаты кредита, инвестор должен найти деньги немедленно. Если он не имеет возможности сделать это, брокер получит деньги, продав ценную бумагу. Теоретически продажи бумаги будет достаточно, чтобы покрыть заем. Но на практике почти всегда брокеры требуют погашения своих кредитов тогда, когда рынок падает. В *этом* случае ценная бумага может продаваться с потерей: *полной* потерей маржи инвестора и *переменной* потерей брокера, в зависимости от степени падения цены. Чтобы увеличить леверидж, инвесторы иногда используют ценные бумаги, которые у них уже есть как обеспечение маржинального кредита, для *новых* ценных бумаг. Поэтому если они не могут удовлетворить требование по внесению маржи по их новым бумагам, то теряют также и старые бумаги.

Во всяком случае, такие неразумные действия не были популярны в 1920-х годах. С августа 1921 года по сентябрь 1929 года индекс Доу-Джонса для акций промышленных предприятий увеличился в среднем с 63,9 до 381,17, рост составил 597%. Кредит в избытке, ссуды дешёвы, прибыли большие.

БАНКИ СТАЛИ СПЕКУЛЯНТАМИ

Коммерческие банки были посредниками в этой головокружительной игре. В конце десятилетия они функционировали скорее как спекулянты, чем как банки. Вместо того чтобы служить надёжными клиринговыми центрами, они тоже стали игроками на рынке. От ссуд коммерческим предприятиям для про-

изводства товаров и услуг, что обыкновенно является базой разумной банковской практики, они перешли к займам для спекуляций на фондовом рынке и с городской недвижимостью. Между 1921 и 1929 годами при постоянном объёме коммерческих займов общий объем банковских займов вырос с 24 121 миллиона долларов до 35 711 миллиона. Займы под ценные бумаги и недвижимость достигли почти 8 миллиардов долларов. Таким образом, около 70% роста за этот период пришлось на спекулятивные инвестиции. И эти деньги были созданы банками.

Нью-Йоркские банки и трастовые компании располагали примерно 7 миллиардами долларов на займы брокерам Нью-Йоркской фондовой биржи для использования в маржинальных счетах. Перед войной было 250 дилеров по ценным бумагам. В 1929 году их число выросло до 6500. Банки не только создавали деньги для спекуляции, они и сами стали спекулянтами, покупая большие блоки высокодоходных облигаций, многие из которых были сомнительного качества. Это тот тип ценных бумаг, которые трудно ликвидировать на сужающемся рынке. Заимствуя деньги на короткий срок и инвестируя на длительный срок, банки двигались в рискованном направлении.

Вызвал ли спекуляцию на фондовом рынке Федеральный резерв? Конечно, нет. Это сделали *спекулянты*. ФРС, несомненно, имела другие цели, но это не отменяет её ответственности. Система определённо осознавала психологический эффект дешёвого кредита и неоднократно преднамеренно использовала это знание, чтобы манипулировать общественным поведением. Психология поведения – это необходимый инструмент торговли. Поэтому здесь не может быть и речи ни о неведении, ни о простодушии. В развёртывании этой трагедии было достаточно как простаков, так и пауков, чьи сети «случайно» ловили мух.

ФИНАЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Весной 1928 года Федеральный резерв выразил озабоченность относительно спекуляции на фондовом рынке и поднял процентную ставку, чтобы обуздать кредитную экспансию. Рост денежной массы пошёл на убыль, и это вызвало рост стоимости ценных бумаг. Можно предположить, что быстро растущую экономику могли бы развивать ради «мягкой посадки», если не считать, что существовали и другие проблемы. Профессор Куигли писал, что руководители центральных банков не имели реальной власти, они были марионетками, нити которых находились в руках других. Именно когда спекулятивный бум стал, кажется, контролироваться, за эти нити дёрнули, и Федеральный резерв снова резко изменил позицию.

Нити берут начало в Лондоне. Даже после семи лет субсидирования Федеральным резервом британская экономика все ещё падала под бременем сво-

ей социалистической системы, и золото возвращалось в Соединённые Штаты. На грани успеха и вопреки своему собственному публичному порицанию чрезмерной спекуляции ФРС развернулась в обратную сторону и во второй половине 1928 года приобрела свыше 300 миллионов долларов банковских акцептов, что привело к росту денежной массы почти на 2 миллиарда. Профессор Ротбард пишет:

Европа, как мы видели, выиграла от снижения инфляции в 1927 году, и теперь европейское общественное мнение шумно протестовало против каких-либо ограничений кредита в США. Смягчение ограничений в конце 1928 года предотвратило масштабный приток золота в США. Великобритания снова теряла золото, и стерлинг ослаб ещё больше. Соединённые Штаты опять поддались своему главному желанию – видеть, что Европа избежала неизбежных последствий своей собственной инфляционной политики¹.

Перед тем как ФРС повернула свою политику, стоимость ценных бумаг упала фактически на 5%. Теперь она подскочила, увеличившись на 20% за период с июля по декабрь. Бум вернулся сполна. Затем, в феврале 1929 года, произошло любопытное событие. Монтегю Норман отправился в Соединённые Штаты, чтобы ещё раз побеседовать в неофициальном порядке с работниками Федерального резерва. Он также имел встречу с Эндрю Меллоном, секретарём Казначейства. Публичного отчёта об этих закрытых встречах, конечно, не существует, но мы можем не сомневаться в трёх вещах: это было важно; это касалось экономик Америки и Великобритании; и было решено, что будет лучше не сообщать общественности, что происходит. Резонно будет предположить, что руководители центральных банков пришли к заключению, что искусственно раздутый «пузырь», не только в Америке, но и в Европе, вероятно, очень скоро лопнет. Чем с этим бороться, как они делали в прошлом, теперь настало время, когда лучше отступить, дать этому событию произойти, вычистить спекулянтов и восстановить реальные рынки.

Как сказал Гэлбрейт: «Намного лучше с точки зрения Федерального резерва дать природе идти своим курсом, и тогда – пусть она и отвечает»². Меллон был ещё категоричнее. Герберт Гувер описал точку зрения Меллона следующим образом:

У г-на Меллона была всего одна формула: «ликвидировать рабочих, ликвидировать ценные бумаги, ликвидировать фермеров, ликвидировать недвижимость». Как он утверждал, если народ охватило инфляционное безумие, то единственный способ вылечить его – довести ситу-

¹ Rothbard, *Depression*, p. 147.

² Galbraith, p. 181.

ацию до коллапса. Он полагал, что даже паника – не такая уж плохая вещь. Он говорил: «Это выведет прогнивший элемент из системы. Высокий прожиточный минимум и высокий уровень жизни упадут. Народ будет активнее работать, жить моральной жизнью. Цены будут скорректированы, а предприимчивые люди подберут обломки от крушения менее компетентных людей»¹.

Если такова была точка зрения Меллона, Нормана и правления ФРС, значит, на встрече их целью было убедиться, что, когда случится обвал, центральные банки смогут координировать свою политику. Прежде чем ситуация их погубит, они *распорядились бы* наилучшим образом и в итоге обернули бы её в свою пользу. Возможно, мы никогда не узнаем, верен ли этот сценарий, но последовавшие события определённо подтверждают такую точку зрения.

ЗАБЛАГОВРЕМЕННОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ ТОЛЬКО ЧЛЕНОВ

Сразу же после этих встреч финансисты стали отправлять предупреждения своим коллегам по финансовому братству, предлагая *уходить с рынка*. 6 февраля Федеральный резерв выпустил предписание своим банкам-членам ликвидировать собственные авуары на фондовом рынке. В следующем месяце Пол Варбург в ежегодном отчёте дал тот же совет акционерам своего Международного акцептного банка. Он обосновал этот совет так:

Если оргиям необузданной спекуляции позволить процветать, конечный коллапс не только подействует на самих спекулянтов, но и приведёт к общей депрессии по всей стране².

Пол Варбург был партнёром фирмы «Кун, Леб и К°», которая вела список приоритетных клиентов. Среди них – собратья-банкиры, состоятельные промышленники, видные политики и высокопоставленные чиновники иностранных правительств. Подобный список составляли и в компании «Дж.П. Морган и К°». Это была обычная практика – посылать людям из списка заблаговременное извещение о значительном выпуске ценных бумаг и возможности купить их за цену ниже от 2 до 15 пунктов, чем на общей продаже. Это был один из способов, посредством которого инвестиционные банкиры оказывали влияние на события во всём мире. Люди в этих списках уведомлялись о грядущих банкротствах.

¹ Цит. по: Burton Hersh, *The Melton Family: A Fortune in History* (New York: William Morrow and Co., 1978), p. 290.

² Этот совет был напечатан в *Commercial and Financial Chronicle* 9 марта 1929 г., с. 1444.

Джон Д. Рокфеллер, Дж.П. Морган, Джозеф П. Кеннеди, Бернард Барух, Генри Моргантау, Дуглас Диллон – в биографиях всех этих гигантов Уолл-стрит того времени прославлялась их «мудрость», позволившая им выйти с фондового рынка прямо перед Крахом. И это – правда. Фактически все из этого закрытого клуба спаслись. Нет упоминаний о каком-либо члене совместных директоратов Федерального резерва и главных банков Нью-Йорка, а также об их приоритетных клиентах, которые были бы застигнуты врасплох. Прозорливость, видимо, была особенно характерна для тех, кто состоял в этом списке.

ОБОДРЯЮЩИЕ ПОСЛАНИЯ ПУБЛИКЕ

Пока команда покидала корабль, пассажирам говорили, как прекрасен их круиз. Президент Кулидж и секретарь Казначейства Меллон громогласно заявляли в своих публичных выступлениях, что экономика находится в лучшем состоянии, чем когда-либо. Джон Мейнард Кейнс со своего социалистического насеста в Лондоне заявлял, что искусство Федерального резерва управлять долларом – это триумф человека над деньгами. И Бенджамин Стронг из своего плюшевого офиса в Нью-Йоркском банке ФРС похвалялся:

Само существование Федеральной резервной системы есть гарантия от какого бы то ни было бедствия, происходящего от ставки по денежным операциям... В прежние времена психология была иной, потому что иными были условия банковской деятельности. Возникновение массовой паники и, следовательно, массовые бедствия теперь маловероятны¹.

Народ обнадеживали, а «пузырь» продолжал раздуваться. Пришло время точить шпильку. 19 апреля ФРС провела срочное собрание в условиях чрезвычайной секретности. На следующий день «Нью-Йорк Таймс» сообщила следующее:

РЕЗЕРВНЫЙ СОВЕТ СОБРАЛСЯ В СПЕШКЕ

**Атмосфера таинственности окутывала собрание
Совета в Вашингтоне**

Атмосфера глубокой тайны окутывала действия как Совета управляющих, так и Резервного совета. Никакого предварительного объявления о чрезвычайной сессии Совета не было, и тот факт, что члены находятся в городе, стал известен только тогда, когда корреспондентам газеты посчастливилось увидеть некоторых из них входящими в здание Казначейства.

¹ Цит. по: Greider, p. 298.

Даже после этого давались уклончивые ответы... В то время, когда в Казначействе проходило объединённое заседание, было предпринято все, чтобы оградить происходящее от посторонних, и группу газетных корреспондентов попросили выйти из коридора¹.

Давайте коротко вернёмся к Монтегю Норману. Его биограф рассказывает нам, что, став главой Банка Англии, он завёл обычай приезжать по несколько раз в год в Соединённые Штаты, хотя его прибытие редко отмечалось в прессе. Он путешествовал инкогнито, одетый в длинный чёрный плащ и большую широкополую шляпу, и использовал псевдоним «профессор Скиннер»². Однажды во время одной из таких негласных поездок он случайно встретился с молодым австралийцем по имени У.К. Уэнтуорт. 60 лет спустя Уэнтуорт написал письмо в *The Australian*, сиднейскую газету, и рассказал о своей встрече:

В 1929 году я был членом спортивной команды Оксфорда и Кембриджа и направлялся в Америку на соревнования с американскими университетами. В конце июля, при возвращении, мы разделились, и я вместе с ещё несколькими членами команды сел на небольшое пассажирское судно в Нью-Йорке. (В то время самолётов, конечно, не было.)

Одного из пассажиров, «г-на Скиннера», один член нашей группы узнал. Это был Монтегю Норман, возвращавшийся инкогнито в Лондон после тайного посещения Центрального банка США.

Когда мы сказали ему, что знаем, кто он, он попросил нас не открывать его имени, потому что, если детали его поездки будут обнародованы, это может вызвать серьёзные финансовые последствия. Мы, разумеется, согласились, и в следующие дни, пока мы пересекали Атлантику, он беседовал с нами очень откровенно.

Он сказал: «В ближайшие месяцы случится большая встряска. Но не беспокойтесь – это долго не продлится»³.

9 августа, всего через несколько недель после этой встречи на борту судна, Совет директоров Федерального резерва поменял свою политику дешёвых кредитов и увеличил ставку дисконта до 6%. Через несколько дней Банк Англии также поднял свою ставку. Банковские резервы в обеих странах стали сокращаться, а вместе с ними и объем денежной массы. В то же время Система стала продавать ценные бумаги на открытом рынке, что тоже сокращало денежную массу. Онкольные ставки по маржинальным ссудам подскочили до 15, а затем до 20%. Булавку в «пузырь» вкололи.

¹ «Reserve Council Confers in Haste», *New York Times*, April 20, 1929, p. 89.

² Hargrave, p. 1.

³ «Letters to the editor», *The Australian* (GPO Box 4162, Sydney, NSW. 2001), February 7, 1989.

ОБЕД ИЗ УТОК НАЧИНАЕТСЯ

Рынок ценных бумаг достиг своего пика 19 сентября. Затем начался медленный спад. Народ ещё не осознавал, что конец приближается. Сначала упали «Американские горки». Конечно, снова бы взлетели. Ещё пять недель народ интенсивно покупает на спуске. Более миллиона акций было продано в этот период.

Затем в четверг, 24 октября, подобно гигантской стае рыб, которая внезапно, по невидимому сигналу, меняет направление движения, тысячи вкладчиков бросились продавать. Ленты телеграфных аппаратов были безнадежно перегружены. Цены рухнули. 13 миллионов акций поменяли владельцев. Все говорили, что у рынка «выбило дно». Они ошибались. Это случилось пять дней спустя.

Во вторник, 29 октября, обменные операции рухнули под лавиной продаж. Иногда не оказывалось ни одного покупателя. К концу торгов свыше 16 миллионов акций наводнили рынок; они продавались, по большей части, за любую предлагаемую цену. За один день разорились миллионы инвесторов. В течение продолжавшегося несколько недель спада испарилось 3 миллиарда долларов накоплений. В течение 12 месяцев 40 миллиардов обратились в ноль. Люди, которые рассчитывали на свою бумажную прибыль и считали себя богачами, внезапно превратились в бедняков.

С другой стороны, на каждого продавца имелся покупатель. Инсайдеры, помещавшие свои инвестиции в наличность и золото, стали покупателями. Следует иметь в виду, что падение цен на акции совсем не обязательно означает, что существуют какие-то проблемы с акциями. По акциям, представлявшим солидные компании, все ещё выплачивались дивиденды, и они были хорошими инвестициями – по реальной цене. При панике цены упали намного ниже их нормального уровня. Те, у кого была наличность, скупали их за малую долю их истинной стоимости. Гигантские холдинговые компании были организованы с этой целью, такие как «Marine Midland Corporation», «Lehman Corporation», «Equity Corporation». Дж.П. Морган учредил продовольственный траст под названием «Standard Brands». Подобно акуле, заглатывающей скумбрию, крупные спекулянты проглатывали мелких.

Нет свидетельств, что Крах был запланирован с целью получения прибыли. Существовала значительная мотивация, чтобы финансисты предотвратили его, и они могли бы сделать это, не будь поставлены на карту планы более высокого приоритета. К тому же, поняв неизбежность коллапса на рынке, они и не стеснялись использовать своё привилегированное положение, чтобы извлечь выгоду из него.

В этом смысле Кертис Далл, зять Ф.Д. Рузвельта, был прав, когда писал: «Это было рассчитанное “обдирание” народа денежными властителями мира»¹.

ЗАКОН ПРИРОДЫ № 5

Вот ещё один экономический «закон природы», который следует включить в список:

УРОК: Ставить личные приоритеты выше всех прочих – в природе людей. Даже лучшие из людей не могут долго сопротивляться соблазну извлечь из ситуации выгоду за счёт своего окружения, если представился случай. Это тем более верно, если способы получения такой выгоды непрозрачны и неочевидны. Может, и есть исключительные люди, которые в состоянии противостоять такому искушению, но их число незначительно. В конечном счёте, общее правило возобладает.

Регулируемая экономика способствует появлению людей именно с таким потенциалом. Право создавать и сокращать объем денежной массы в стране обеспечивает неограниченными возможностями личного обогащения. На протяжении всей истории предоставление таких полномочий обосновывалось необходимостью защиты народа, но результаты всегда оказывались прямо противоположными. Это право использовалось против народа и для личного обогащения тех, кто получал контроль. Поэтому,

ЗАКОН: Когда людей наделяют полномочиями контролировать денежную массу, они рано или поздно станут использовать эти полномочия для отъёма владений у своего окружения.

Нет лучшей иллюстрации этого принципа, чем Крах 1929 года и последовавшая за ним длительная депрессия.

ОТ КРАХА – К ДЕПРЕССИИ

Длительная депрессия – важная часть этой истории. Спекулянты разорились, но они потеряли легко приобретённые деньги. Было несколько несчастных душ, которые также потеряли и свои сбережения, но только потому, что вложили эти сбережения в онкольные ссуды. Те, кто купили акции на деньги, которыми они реально располагали, не для того, чтобы их продать, поступи-

¹ Curtis B. Dall, *FDR: My Exploited Father-In-Law* (Tulsa, Oklahoma: Christian Crusade Publications, 1967), p. 49.

ли, как в итоге оказалось, мудро. В конце концов, «нечто задаром» всего лишь превратилось снова в ничто. Стоимость акций рухнула, но компании, стоящие за ними, ещё производили продукцию, ещё давали людям работу и платили дивиденды. Никто не потерял работу только из-за того, что упали цены. Тюльпаны кончились, но зерна остались.

Тогда в чем проблема? По правде говоря, ни в чём, по крайней мере, пока. Крах, такой разорительный для спекулянтов, мало повлиял на среднего американца. Безработица не была угрожающей до времени депрессии, которая наступила позже и была вызвана политикой правительства, направленной на непрерывное ограничение свободы торговли. Падение цен на фондовом рынке стало, на самом деле, давно назревшей и *значительной* перестройкой экономики. Теперь создавались условия для оживления и устойчивого роста экономики, как всегда происходило в прошлом.

На этот раз не случилось. Финансисты и политики, которые создали проблему, теперь должны были её решать. Они увидели в крахе золотую возможность обосновать ещё больший контроль, чем прежде. Герберт Гувер запустил множество правительственных программ по увеличению зарплат, предотвращению падения цен, оказанию поддержки терпящим бедствие фирмам, стимулированию строительства, по выдаче гарантий на жилищные кредиты, защите депозиторов, спасению банков, субсидированию фермеров и организации общественных работ. Франклин Рузвельт пришёл к власти, обещая ещё больше всего этого под лозунгом «Нового курса». А Федеральный резерв запустил серию «банковских реформ», которые должны были ещё больше расширить его власть над денежной массой.

В 1931 году новые деньги были закачаны в экономику, чтобы запустить новый цикл, но на этот раз ракета не оторвалась от земли. Собственная масса новой бюрократии и государственного регулирования, субсидий и налогов, социальных выплат, дефицитного финансирования и экспериментов с ценами удержали её на стартовой площадке.

В конце концов, производственная база страны также начала рушиться под этой тяжестью. Налоги и контролирующие органы вытесняли компании из бизнеса. Те, что остались, вынуждены были сокращать производство. Начала расти безработица. С каждой экономической мерой экономика в 1939-м не становилась ни лучше и ни хуже, чем это было в 1930 году, когда начали её спасать. И только после того, как разразилась Вторая мировая война и последовала перестройка производства на военную продукцию, депрессия, наконец, подошла к концу.

Это было сомнительное спасение. Почти во всех отношениях это было повторением драмы, разыгранной во время Первой мировой войны, даже если смотреть по именам двух самых главных игроков. Рузвельт и Черчилль работали вместе за кулисами, чтобы втянуть Америку в конфликт: Черчилль хотел получить американскую помощь для Англии, которая стояла

на грани поражения и не могла себе этого позволить, Рузвельт хотел дать толчок экономике из политических соображений, а финансисты вместе с Дж.П. Морганом хотели военных прибылей. Но про это в другой главе, и книга достаточно длинная.

Что случилось *после* Второй мировой войны, рассматривалось в первых шести главах. Тут мы подходим к концу экскурса в историю. Настало время обнулить координаты в нашей машине времени и вернуться в настоящее время.

РЕЗЮМЕ

Конгресс заверяли, что закон о Федеральной резервной системе децентрализует финансовые полномочия, сосредоточенные на Уолл-стрит. Однако через несколько лет после начала его действия Система управлялась Резервным банком Нью-Йорка, которым руководил Бенджамин Стронг, чье имя было синонимом денежного траста Уолл-стрит.

Федеральный резерв несёт ответственность за огромную денежную экспансию в течение 9 лет, предшествовавших краху 1929 года. Первичным мотивом такой политики была помощь правительству Великобритании в финансировании его социалистических программ, которые к тому времени истощили его казну. При девальвации доллара и ограничении процентных ставок в Америке инвесторы стали бы переводить свои деньги в Англию, где ставки и цены были выше. Эта стратегия достигла цели, оказав помощь Великобритании на какое-то время, но это привело в движение силы, которые сделали крах фондового рынка неизбежным.

Денежная масса росла весь этот период, хотя эта тенденция чередовалась спазмами сжатия, которые были результатом попыток удержать экспансию. Любое намерение использовать сдерживание разбивалось о более высокие политические цели помощи правительствам Европы. В итоге результатом избыточных денег и дешёвых кредитов стала волна спекуляции на фондовом рынке и с городской недвижимостью, нараставшая с каждым месяцем.

По косвенным данным, Банк Англии и Федеральный резерв на тайной встрече в феврале 1929 года пришли к соглашению, что коллапс на рынке неизбежен и что самое благоразумное – не вмешиваться в ход событий. Сразу же после этой встречи финансисты направили лицам из списка привилегированных клиентов – крупным промышленникам, известным политикам и высокопоставленным чиновникам в иностранных правительствах – рекомендации уходить с фондового рынка. Американский народ, между тем, заверяли, что экономика находится в прекрасном состоянии.

9 августа Федеральный резерв воткнул булавку в «пузырь». Увеличилась ставка банковского кредита, и началась продажа ценных бумаг на открытом рынке. Обе акции привели к уменьшению денежной массы. Ставки по брокерским ссудам подскочили до 20%. 29 октября фондовый рынок рухнул. Тысячи вкладчиков разорились в один день. Инсайдеры, предупреждённые заранее, обратили свои акции в наличные, пока цены были ещё высокими. Теперь они стали покупателями. Некоторые огромные состояния в Америке были созданы таким образом.

РАЗДЕЛ VI

ПУТЕШЕСТВИЕ В БУДУЩЕЕ

В предыдущих разделах книги мы путешествовали во времени. Наша поездка началась с погружения в прошлое. Пересекая столетия, мы видели войны, предательство, спекуляции и политическое мошенничество. Так подошли мы к настоящему времени и теперь готовы направить нашу машину в будущее. Поездка будет ужасной, и многое из того, что ожидает нас в будущем, нам не понравится. Но этого пока ещё нет. Это всего лишь оценка нынешних сил. Если нам будет неприятно то, что предстанет нашему взору, то у нас пока ещё есть шанс изменить эти силы. Будущее будет зависеть от того, какой выбор мы сделаем.

ГЛАВА 24

МЕХАНИЗМЫ СУДНОГО ДНЯ

Спад американского процветания; расширение правительства; уменьшение свободы личности; рост налогов; свидетельства того, что все это происходит согласно планам элитной правящей группы, желающей подключить Соединённые Штаты к мировому правительству на основе «равенства» с менее развитыми странами; природоохранное движение представляется порождением этого же плана.

*Д*остаточно истории для этой книги. Настало время перенастроить координаты на нашей машине времени и ринуться в будущее. Прежде чем включить стартер, в последний раз оглядимся вокруг. Будущее формируется в настоящем. То, что мы имеем сейчас, повлияет на то, что мы получим в будущем.

ПОГРЯЗЛИ В ДОЛГАХ

Одна из самых заметных характеристик нашего времени – то, что мы погрязли в долгах. Дефицит федерального бюджета неуклонно возрастал с 1950 года, и темпы роста демонстрируют вертикальный подъем. На заем правительством первого триллиона долларов ушло 198 лет. Затем, всего за 12 лет, главным образом при администрации Рейгана, правительственные займы составили ещё *три* триллиона. В первый год правления администрации Джорджа У. Буша, ещё до атаки террористов 11 сентября, федеральный долг достиг величины, превысившей 5,8 триллионов долларов. В 2010 году он возрос до 202 триллионов, если включить все денежные обязательства¹.

Трудно представить такие числа. Если у вас есть стопка из стодолларовых банкнот высотой 40 дюймов, значит, вы – миллионер. Стопка в 202 триллиона долларов поднимется вверх на 127 тысяч миль. Ко времени, когда вы будете это читать, расходы последующих администраций Совета по международным отношениям (CFR) доведут размер такой стопки до Луны.

¹ «Бухгалтерия “Энрона” довела Америку до банкротства». – «Yahoo», 23 августа 2010 года. (Интернет.)

В 2006 году брутто-процентные платежи по национальному долгу достигли 406 миллиардов долларов в год. Это составило примерно 17% всего федерального дохода¹. Теперь это – самый большой отдельный расход правительства, он больше, чем на оборону, больше, чем все расходы департаментов сельского хозяйства, образования, энергетики, жилищного строительства и городского развития, внутренних дел, юстиции, труда, иностранных дел, транспорта и по делам ветеранов, вместе взятых.

Эти проценты выплачивает не правительство, их платите вы. Вы предоставляете деньги посредством налогов и инфляции. В настоящее время расход составляет примерно 5000 долларов для каждой четвертой семьи. Все семьи платят за счёт инфляции, но не все платят налоги. Поэтому расход для каждой семьи, *платящей налоги*, выше. В среднем более 5000 долларов изымаются ежегодно из доходов вашей семьи, и не на государственные услуги или даже не на выплату прежнего долга. Эти средства не идут ни на что – не строятся ни дороги, ни правительственные здания. Не идут они ни на пособия, ни на бесплатную медицину, ни на выплату зарплат. Не повышается уровень жизни в стране. Эти средства предназначены только на выплату процента.

Более того, этот процент – капитализируемый, то есть, если правительство должно было бы полностью прекратить своё дефицитное бюджетное финансирование, общая сумма долга продолжила бы расти на проценты на уже существующую сумму. В 2006 году процент по национальному долгу поглощал 39% всех поступлений от подоходного налога с физических лиц².

Удивительно, не так ли? Не будь процента по национальному долгу, мы бы достаточно сэкономили, чтобы урезать на треть наш подоходный налог с физических лиц и уменьшить также корпоративные налоги. К сожалению, при нынешней политике и существующих программах этого не случится, потому что Конгресс не живёт по своим средствам. Многие расходы покрываются не из собранных налогов, а из продажи государственных облигаций, и с каждым годом страна все глубже увязает в долгах. Поэтому, даже если мы смогли бы сэкономить и уменьшить подоходный налог с физических лиц, этого было бы недостаточно.

¹ Казначейство утверждает, что мы должны рассматривать только *нетто*-процент, который в 2001 году составлял «всего лишь» 206 миллиардов долларов. Это потому, что какие-то суммы процента выплачивались разным федеральным агентствам, державшим часть долговых обязательств, таким как *Social Security Fund*. Теоретически это пример того, как правительство просто платит самому себе. Однако так называемый начисляемый процент получается не в виде наличного платежа, а больше в виде IOUs («I owe you» – «Я вам должен»), что означает, что не получается вообще ничего. Забудьте мираж *нетто* валового процента. Это всего лишь учётный трюк, чтобы скрыть истинную величину национального долга.

² См.: «Historical Tables», *Budget of the United States; Fiscal Year 2000*. Также: «Затраты на выплату процентов по непогашенным долларам» – www.treasurydirect.gov/reports/ir/ir_expense.htm.

Правительство все равно пошло бы на дефицитное финансирование, чтобы сохранить существующий стиль жизни. Однако, если бы в то же время сократили объем и характер деятельности бюрократического аппарата, подоходный налог как с физических лиц, так и корпоративный *можно было бы* исключить, и правительство имело бы годовой профицит¹.

МАШИНА СУДНОГО ДНЯ

К сожалению, локомотив движется в противоположном направлении. Правительство расширяется, а не уменьшается. В 2008 году затраты на федеральное правительство составляли четверть экономики страны. Сейчас на правительство работает больше людей, чем во всех промышленных компаниях частного сектора. Больше банковских регуляторов, чем банкиров, в Федерации фермеров клерков больше, чем фермеров, распорядителей социальной помощи больше, чем её получателей. Граждан, получающих правительственные чеки, больше, чем тех, кто платит подоходный налог.

В 1996 году социальные пособия в 29 штатах были больше средней зарплаты секретаря, а в шести штатах они были больше зарплаты начинающего компьютерного программиста. Если народ может голосовать за передачу материальных благ самим себе, тогда избирательная урна становится орудием ограбления меньшинства большинством. Это — точка невозврата, точка, в которой машина Судного дня начинает стремительно разгоняться, пока не наступит саморазрушение. Ограбленное меньшинство устаёт нести нагрузку и присоединяется к грабителям. В конце концов, одно государство остаётся на месте.

Машина Судного дня работает и в самом правительстве. В 2010 году средний федеральный работник зарабатывал на 60% больше, чем средний работник в частном секторе². В 1992 году более половины всех федеральных расходов шло на субсидии. Эти расходы — на бесплатную медицинскую помощь, социальное обеспечение и пенсионные программы — основаны на обязательствах *будущих* платежей. Это не означает, что их нельзя отменить. Например, субсидии включают 24 миллиарда долларов в год на продовольственные талоны. Нет контрактного обязательства, чтобы их сохранять, — они существуют только из соображений политической конъюнктуры. И теперь, когда большинство американцев встали в продуктовые очереди, они могут видеть, как хоро-

¹ Федеральное правительство получает основной доход не от подоходного налогообложения, а из таких источников, как акцизные сборы и импортные пошлины. Эти сборы, плюс временное налогообложение штатов были единственными поступлениями, которые предполагались для федерального правительства отцами-основателями. Такая схема хорошо работала в течение 135 лет, пока в 1913 году не был введен подоходный налог.

² «Средний класс в Америке радикально сокращается». — «Yahoo», 15 июля 2010 года. (Интернет.)

шо одетые покупатели, стоящие перед ними, используют продовольственные талоны на мороженое и солёные крендельки, платят наличными за две бутылки вина и затем отъезжают в машинах последних моделей. Политическая цель программы продовольственных талонов – совсем не помощь голодным, а покупка голосов.

Те программы, которые действительно включают контрактные обязательства, например бесплатной медицинской помощи и социального обеспечения, можно было бы передать частным фирмам, которые не только более эффективно бы их использовали, но и выплачивали более высокие пособия. Конгресс, однако, не посмеет тронуть какую-либо из этих субсидий из опасения потерять голоса. Обычно в случае с контрактами на будущие обязательства такого рода закон требует от эмитента накапливать деньги в фонде для гарантии, что их будет достаточное количество, когда наступит срок будущих платежей. Федеральное правительство не следует этим законам. Фонды существуют только на бумаге. Деньги, предназначенные на будущие обязательства, тратятся незамедлительно и заменяются правительственными «IOU». Поэтому, когда наступает срок этих будущих платежей, все деньги должны поступить из доходов, собранных на тот момент.

Именно тут и есть машина Судного дня. Эти обязательства *будут* выплачены из будущих налогов или инфляции. Субсидии в данное время составляют 52% от всех федеральных расходов, и они увеличиваются ежегодно на 12%. Если к этому добавить 14%, которые сейчас тратятся на выплату процентов по национальному долгу, мы придём к поразительному заключению, что две трети всех федеральных расходов выполняются совершенно автоматически и что процентное соотношение растёт каждый месяц.

Даже если Конгресс должен был бы остановить все программы финансирования в обычном бюджете, то есть распустить вооружённые силы, ликвидировать все свои агентства и бюро, прекратить все субсидии, закрыть все здания, в том числе и Белый дом, – это могло бы сократить его текущие траты всего на треть. И даже такое малое количество сокращается от 10 до 12% в год. И это самый оптимистичный сценарий. Реальный сценарий показывает, что Конгресс ускоряет своё самоуправное расходование средств, не отменяя его. Не надо быть статистическим аналитиком, чтобы представить, куда направлена эта тенденция.

Самая большая машина Судного дня, однако, – это Федеральная резервная система. Надо напомнить, что каждый цент нашей денежной массы, включая монеты, бумажные деньги и деньги чековых книжек, появился на свет для того, чтобы быть кому-то выданным в ссуду. Все эти доллары исчезнут, когда займы будут выплачены. Они будут существовать только то время, пока будет существовать связанный с ними долг. Внизу денежной пирамиды, поддерживая всю структуру, находятся так называемые резервы, которые представляют собой монетизацию Федеральным резервом долга. Если бы мы попытались выплатить национальный долг, эти резервы также начали бы исчезать, и

наше денежное обращение оказалось бы подорванным. ФРС должна была бы пробраться на мировые финансовые рынки и заменить ценные бумаги США облигациями корпораций и других стран. Технически это сделать можно, но эффект был бы катастрофическим. Конгресс побоится ликвидировать национальный долг, даже если бы и захотел.

Так работают машины Судного дня. Если мы не поймём, как они функционируют, мы не будем готовы к путешествию в будущее. Сцены, которые там предстанут перед нами, покажутся просто невероятными, события – шокирующими. Мы подумаем, что что-то неладное, конечно же, с нашей машиной времени.

КТО ХОЗЯИН НАЦИОНАЛЬНОГО ДОЛГА?

Нам сказали, что не надо беспокоиться относительно процентов по национальному долгу, так как «мы должны сами себе». Давайте посмотрим, кто, что и кому должен. ФРС в течение многих лет владела всего лишь 9% национального долга. Органы федерального правительства имели 28%, иностранные инвесторы – примерно 43% (2002 лица), инвесторы частного сектора в США владели остальным. К 2010 году иностранные инвесторы утратили веру в способность США оплачивать свои «IOUs» и перестали принимать участие в аукционах Казначейства. ФРС была вынуждена монетизировать разницу (создать деньги из ничего) и в августе «выкупила» 80% долга¹.

В некотором роде это правда, что «мы должны сами себе», но точнее было бы сказать, что *все* мы должны *некоторым* из нас. *Некоторые* из нас – это частные инвесторы, заинтересованные в получении доходов, не облагаемых подоходными налогами штата, и такие большие учреждения, как банки, корпорации, страховые компании и инвестиционные фонды. В учреждениях деньги представляют собой объединённые в пулы капиталы тысяч мелких инвесторов. Следовательно, основная часть процента по национальному долгу действительно идёт на пособия большой доли американского народа.

Это – хорошие новости. Плохая новость – правительство получает каждый цент денег, выплачиваемых нам, сначала конфисковав их у нас. Если это правда, что мы должны сами себе, тогда правда также и то, что мы *платим* сами себе. Деньги выходят из одного кармана и идут в другой, минус комиссионный сбор за обслуживание. Правительство забирает у нас 1000 долларов через налоги и инфляцию и возвращает 350 долларов. Так называемое «пособие» народу – это иллюзия.

И совсем плохая новость – когда люди покупают государственные облигации, тогда меньше денег остаётся для инвестирования в частную индустрию.

¹ «В 2009 году Федеральный резерв приобрёл 80% долговых обязательств США». – Cryptogon.com, 9 января 2010. (Интернет.)

Хорошо известно, что государственный кредит «вытесняет» кредит частного сектора. В результате производственный сектор страны страдает из-за недобросовестной конкуренции за инвестиционный капитал. Чтобы получить новые деньги для роста, частные компании должны платить более высокие процентные ставки. Это оборачивается для потребителя более высокими ценами. Многие компании вынуждены урезать свои планы по расширению, не будут созданы новые рабочие места. Некоторые компании вообще вытесняются из бизнеса, а их сотрудники теряют работу. Государственный долг всегда замедляет экономику. Чем больше долг, тем больше вред.

43-процентная доля государственного долга, принадлежащая иностранным инвесторам, – это огромный кусок. Один триллион триста миллионов долларов не проигнорируешь. Эти облигации могли бы стать серьёзной проблемой, когда наступит срок погашения. До этого времени они являлись некоторым благодеянием, поскольку были куплены на деньги, которые уже существовали. Следовательно, они не были инфляционными. Но нетрудно представить будущие условия, когда держатели облигаций решили бы их не продлевать. Что произойдёт, если встанет вопрос стабильности государства или производственные мощности Соединённых Штатов будут подорваны масштабной террористической атакой? Чтобы погасить эти облигации в срок, Казначейству пришлось бы выпускать новые облигации. Федеральный резерв должен был бы покупать эти новые облигации, используя фиатные деньги. Следовательно, владение иностранцами федеральными долговыми бумагами – это бомба замедленного действия. Если бы ФРС когда-либо пришлось такое предпринять, инфляционный удар в нашей стране был бы ошеломляющим.

КАКАЯ РАЗНИЦА?

Существует тенденция читать эти размышления с видом отстранённого восхищения: «Как это *интересно!*». Но где тут актуальность? Зачем волноваться по поводу таких технических деталей и абстракций? Ну и что, что правительство погрязло в долгах? Кому интересно, что проценты никогда не будут выплачены? Что из того, если у нас появится мировая валюта или мировое правительство? Что изменится для *меня лично* из-за всего этого? Прежде чем ответить на эти вопросы, посмотрим сначала, какие отличия уже произошли. Наша предстоящая поездка в будущее просто расширит эти представления.

Основываясь на эсхатологическом предсказании природной катастрофы, правительство обременило частные компании такими тяжёлыми расходами на уничтожение отходов, что тяжёлая индустрия, в то время основа американского процветания, покинула нашу страну. Обеспокоенность средой обитания пятнистой совы и степной кенгуровой крысы вывела из производственного

оборота миллионы акров лесных и сельскохозяйственных угодий. Высокие налоги, нереальные требования по технике безопасности на рабочем месте, так называемый «приём на работу без дискриминации» и обязательное медицинское страхование быстро разрушили то, что ещё оставалось в Америке от частной индустрии. В результате получили безработицу и переселение миллионов американских рабочих.

Федеральные налоги, в том числе в фонд социального обеспечения, забирают более 40% наших частных доходов. Налоги штата, округа и муниципальные их дополняют. Инфляция съедает то, что осталось. Ежегодно половину своего рабочего времени мы работаем на правительство.

Исследования, проведённые в 1977 году организацией объединённых профсоюзов (АФТ-КПП), показали, что, несмотря на рост зарплат в долларах, реальная зарплата среднего американца – в пересчёте на то, что он может купить на эти доллары, – уменьшилась. Эту тенденцию подтвердили в 1980 году исследования Бюро переписи населения США. В 1992 году Союз потребителей проанализировал, сколько часов человек должен проработать, чтобы приобрести обычные товары потребления, по сравнению с тем, что было 30 лет назад. В отчёте пришли к заключению:

Среднее домохозяйство США сохранило свой жизненный уровень в основном за счёт того, что семьи стали работать больше часов. За последние 25 лет миллионы женщин пополнили численность рабочей силы. В 1970 году около 21 миллиона женщин работали полный рабочий день. Сейчас их число составляет 36 миллионов. Это помогло сохранить покупательную способность семьи почти на том же уровне. Но для многих семей это теперь означает работу скорее двух лиц, получающих зарплату, чем одного¹.

Отчёт, опубликованный Институтом экономической политики в 1999 году, показал, что среднестатистическая американская семья среднего класса работала ежегодно в среднем на шесть недель больше, чем в 1989 году, когда исследования были начаты. Однако это ещё не все. Чтобы сохранить свой прежний уровень жизни, эти семьи использовали остаток своих сбережений и влезли в долги.

В 1999 году средний размер личных сбережений в итоге стал равным *миллиону* одному проценту, то есть видимость процветания теперь оплачивалась заёмными деньгами. Главное здесь то, что в Америке уменьшаются реальные зарплаты. Молодые пары с одним заработком имеют теперь более низкий уровень жизни, чем был у их родителей. Но и при двух заработках чистый актив среднего домохозяйства уменьшается. Для многих он стал отрицательным. Процент американцев, имеющих свои дома, снижается. Возраст, когда семья

¹ «Has Our Living Standard Stalled»? *Consumer Reports*, June, 1992, p. 392.

приобретает первый дом, повышается. Отчуждение заложенного имущества возрастает. Число семей в среднем классе сокращается. Сберегательные счета стали меньше. Семейный долг возрос. Число людей, живущих ниже официально установленного уровня бедности, растёт. Процент людей, работающих в возрасте старше 65 лет, растёт. Личных банкротств столько же, сколько и разводов. Большинство американцев к 65 годам не имеют ни гроша.

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Все это происходит неслучайно. В Главах 5 и 6 подробно описан разрабатываемый в настоящее время план создания функционального мирового правительства на базе Организации Объединённых Наций. Предполагаемое мировое правительство, часто называемое его сторонниками как «Новый мировой порядок», создаётся на принципах коллективизма – воплощение мечты социалистов – теоретиков, практиков и тех политиков мира, которые видят в таком «порядке» последнюю лабораторию для своих социальных экспериментов над родом человеческим.

Есть два, уже готовых, механизма власти при ООН. Один – это военное командование для контроля всех национальных армий и супервооружений, которое функционирует под лозунгом мира и разоружения. Другой механизм – мировой центральный банк, именуемый сейчас МВФ/Всемирным банком, имеющий возможность выпускать общемировую валюту, которую все страны обязаны принимать. Этот механизм работает под лозунгом международной торговли и экономического роста.

Из этих двух механизмов важнее банковский кредитно-денежный контроль. Военные силы рассматриваются в арсенале мирового правительства как грубое боевое средство для использования только в качестве крайней меры. Воздействие монетарного контроля более мощное, чем мегатонны атомной энергии. Он проникает в каждый магазин и каждый дом – достижение, которого никогда бы не добились регулярные армии. Такой контроль может действовать прицельно, точно против страны, группы лиц или даже отдельного лица, в то же время щадя всех других или благоприятствуя им. Вооружённые силы могут стать неодолимыми, но их использование вызывает недовольство и политическую нестабильность, которые могут длиться десятилетиями. Поскольку о монетарных манипуляциях их жертвы редко догадываются, они не навлекают на себя их возмущение. Более того, манипуляторы пользуются высоким социальным статусом и материальными выгодами. В силу таких соображений монетарный контроль оказывается предпочитаемым орудием Нового мирового порядка.

Будущий мировой парламент, основанный на концепции минимального принуждения и максимальной свободы, знаменовал бы наступление прекрас-

ной эры для человечества. Без попыток затолкать все страны в центрально-управляемый муравейник расцвело бы культурное и религиозное разнообразие. Вместо того чтобы поместить мир в коллективистскую смиренную рубашку норм, правил, квот и субсидий, поощрялись бы разнообразие и свобода выбора. Вместо взимания всё растущих налогов на любую, какую только можно представить, экономическую деятельность и уничтожения, тем самым, всякой заинтересованности в ней, поощрялось бы сокращение уже существующих налогов в странах-членах, что стимулировало бы производство и инициативность.

Мировой парламент, приверженный концепции свободы, должен был бы отказывать в членстве любому правительству, которое нарушает базовые права своих граждан. Это был бы способ, с помощью которого тоталитарные правительства можно было бы побудить оставить их деспотичную политику, чтобы получить экономические и политические выгоды принятия в мировое сообщество. Это стало бы самым мощным движением за мир, процветание и свободу, какого мы никогда не знали.

Но Новый мировой порядок, который сейчас заботливо выращивается при Организации Объединённых Наций, — совсем другое творение. В его составе представлены чуть ли не все мировые диктаторы и милитаристы. Его философия строится на социалистической доктрине, согласно которой все блага — от государства. Несогласные или должны покориться воле государства, или будут уничтожены. Новый мировой порядок не сможет противостоять тоталитаризму по той простой причине, что он сам *и есть* тоталитаризм.

АМЕРИКА – МИШЕНЬ

Новый мировой порядок не сможет стать функционирующей реальностью, пока Соединённые Штаты остаются способными действовать самостоятельно. Америка смотрится как мощный слон в китайской лавке. Сейчас все надёжно под контролем, но мировые проектанты беспокоятся, как бы ситуация не стала неуправляемой в будущем. Если бы американский народ пробудился к реалиям мировой политики и восстановил бы контроль над своим правительством, он нашёл бы ещё военные и экономические силы, чтобы вырваться. Но мировые проектанты поставили *главной целью* ослабить Соединённые Штаты как в военном, так и в экономическом отношении. И эта установка идёт от *американских* лидеров, а не от других. Члены Совета по международным отношениям в Белом доме, Госдепартаменте, Министерстве обороны и Казначействе сейчас работают над окончанием этой части плана. Это ещё одна машина Судного дня, которая, набрав достаточно сил, пройдёт критическую точку невозврата.

В Корейской войне американские солдаты впервые воевали под эгидой ООН. Тенденцию форсировали, и теперь военные действия ведутся в Ираке,

Югославии, Боснии, Сомали и Гаити. Наряду с внедрением в ООН американской военной машины, предпринимаются также шаги по поставке американского атомного оружия. Когда это произойдёт, включится машина Судного дня. Спасаться будет слишком поздно.

Точно так же МВФ/Всемирный банк вместе с Федеральной резервной системой уже функционируют в качестве мирового центрального банка. Американская экономика преднамеренно истощается предоставлением помощи иностранным государствам, бесконечными войнами и собственной расточительностью. Цель – не помощь нуждающимся, или защита свободы, или охрана окружающей среды, а *обрушение системы*. Когда однажды гордые и независимые американцы встанут в очередь за супом, они будут готовы принять «спасение», заботливо подготовленное всемирным банком. Евро уже существует как региональная валюта. «Амеро» – следующий шаг. Это всего лишь переход к планируемой мировой валюте. От этого также не спастись.

«ДОКЛАД ИЗ “ЖЕЛЕЗНОЙ ГОРЫ”»

Создание этих стратегем можно проследить до одного научного исследования, отчёт по которому был выпущен в 1966 году под названием «Доклад из “Железной горы”». Хотя происхождение «Доклада» весьма остро дебатировалось, но содержание документа позволяло думать, что его заказало Министерство обороны при министре Макнамаре и что выполнил его Гудзонский институт, расположенный на базе «Железная гора» в городе Кротон-на-Гудзоне, штат Нью-Йорк. Гудзонский институт основал и был его директором Герман Кан, ранее работавший в Корпорации РЭНД. Оба, и Макнамара, и Кан, были членами Совета по международным отношениям.

Цель исследования, как заявлялось, состояла в разработке разных путей «стабилизации общества». Похвальная цель, казалось бы, однако при чтении «Доклада» вскоре выясняется, что слово «общество» здесь применяется в качестве синонима слова «правительство». Более того, слово «стабилизировать» используется в значении «сохранить» и «увековечить». С самого начала становится ясно, что исследования были направлены на анализ разных способов, с помощью которых правительство смогло бы навсегда сохранить себя во власти, контролировать своих граждан и предотвращать возмущения.

В начале «Доклада» утверждается, что речь не идёт об этике. Исследование не будет рассматривать вопросы того, что правильно или неправильно, что означают понятия «свобода» и «права человека». Не рассматриваются вопросы идеологии, как и патриотизма или религиозных заповедей. Единственное, что рассматривается, – как сделать существующее правительство бессменным. В «Докладе» говорится:

В прежних исследованиях необходимость мира, важность человеческой жизни, первенство демократических институтов, «достоинство» личности, желание «всех благ» наибольшему числу людей, стремление иметь крепкое здоровье, долголетие и желание, например, иметь собственность принимались за очевидные ценности, которые ставились в основу исследований мировых проблем. Мы так не считали. Мы попытались применить стандарты физики к нашим идеям, принципиальная природа которых не имеет количественного выражения, как принято считать, но, говоря словами Уайтхеда, «...они пренебрегают всеми суждениями о ценностях, например всеми эстетическими и этическими суждениями»¹.

Основное заключение «Доклада» состояло в том, что в прошлом война была единственным надёжным средством достижения этой цели. Заявляется, что только во время войны или угрозы войны народ достаточно покладист, чтобы нести правительственное ярмо без жалоб. Страх завоевания и вражеского грабежа может сделать почти любую нагрузку сравнительно приемлемой. Войну можно использовать для пробуждения у людей энтузиазма и патриотических чувств лояльности к лидерам страны. Никакое количество жертв во имя победы не будет отвергнуто. Противостояние рассматривается как предательство. Но в мирное время народ возмущается высокими налогами, дефицитом и чиновничьим вмешательством. Народ, проявляя непочтительность к своим лидерам, становится опасным. Правительство долго не проживёт в отсутствие врагов и вооружённого конфликта. Война, следовательно, неперемнное условие для «стабилизации» общества. Вот точные слова «Доклада»:

Система войн была не только основой существования стран как независимых политических организаций, но она была также незаменима для стабильности их политических структур. Без войн ни одно правительство не смогло бы получить признание своей «правомерности», или права управлять обществом. Возможность войны обеспечивает чувство крайней необходимости, без чего никакое правительство долго у власти не удержится. История демонстрирует много примеров, когда неспособность режима поддержать веру в военную угрозу приводила к его ликвидации либо силами отдельных заинтересованных групп, либо силами, реагирующими на социальную несправедливость, либо другими разрушительными силами. Мобилизация общества на случай возможной войны – главный политический стабилизатор общества... Это позволяло обществам поддерживать необходимые классовые различия и обеспе-

¹ Leonard Lewin, ed., *Report from Iron Mountain on the Possibility and Desirability of Peace* (New York: Dell Publishing, 1967), pp. 13-14.

чивало повиновение граждан государству посредством сохранявшихся военных полномочий, сопряжённых с концепцией статуса нации¹.

НОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ МИРА

«Доклад» также сообщает, что мы приближаемся к точке в истории, когда старые формулы могут больше не работать. Почему? Потому что теперь возможно создание мирового правительства, при котором все страны будут разоружены и подчинены мировой армии – такие условия будут называться миром. В «Докладе» говорится: «Слово “мир”, как мы использовали его на этих страницах... предполагает всеобщее и полное разоружение»². Согласно такому сценарию, независимые страны больше не будут существовать, и правительства больше не смогут развязывать войны. Будут возможны военные акции мировой армии против ренегатских политических субъектов, но это будет называться операциями по поддержанию мира. Неважно, сколько собственности будет разрушено или сколько прольётся крови, – патроны будут «мирными» патронами и бомбы, даже атомные, если потребуется, будут «мирными» бомбами.

«Доклад» также поднимает вопрос, возможна ли будет когда-либо приемлемая замена войны? Что ещё могло бы использовать региональное правительство и что могло бы использовать само мировое правительство, чтобы легитимировать и увековечить себя? Дать ответ на этот вопрос и было заявленной целью данного исследования. «Доклад из “Железной горы”» заключает, что не может быть никакой замены войны, если такая замена не будет характеризоваться следующими особенностями: (1) быть экономически точительной, (2) указывать на огромную и достоверную угрозу и (3) обеспечить разумное оправдание обязательной службы на правительство.

СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА РАБСТВА

Относительно обязательной службы «Доклад» разъясняет, что одним из преимуществ регулярной армии является то, что она обеспечивает место, куда правительство может направить антиобщественные и диссидентские элементы общества. При отсутствии войны этим батальонам принудительного труда можно заявить, что они борются с бедностью, или занимаются очисткой планеты, или способствуют развитию экономики, или в каком-то ином виде, но служат общему благу. Каждый молодой человек должен будет служить, особенно в том возрасте, когда они больше всего бунтуют против властей. Те,

¹ Там же, с. 39, 81.

² Там же, с. 9.

кто постарше, будут призываться для отработки своих налоговых платежей и штрафов. Диссиденты, столкнувшись с большими штрафами за «преступную нетерпимость» и политически некорректное поведение, вероятно, тоже все бы оказались в батальонах трудовой повинности. В «Докладе» говорится:

Мы рассмотрим... проверенное временем использование военных учреждений для предоставления антиобщественным элементам приемлемой роли в общественной структуре... Ходовые эвфемистические клише – «преступность несовершеннолетних» и «уход в хиппи» – имеют свои аналоги в любом возрасте. В былые времена эти обстоятельства разрешались напрямую армией, без усложняющих процедур, обычно путём принудительной вербовки или откровенным порабощением...

Большинство предложений, связанных явно или неявно с решением послевоенной проблемы контролирования социально отчуждённых, склонялось к необходимости какого-то варианта Корпуса мира, или так называемого Трудового корпуса. Нелояльные в социальном плане, недостаточно подготовленные экономически, некомфортные психологически, бескомпромиссные «правонарушители», неисправимые «подрывные элементы» и прочие неработающие рассматриваются как нечто такое, что можно дисциплиной службы, смоделированной по армейскому образцу, преобразовать в работников, более или менее преданных общественному служению...

Другой возможный заменитель для контроля потенциальных врагов общества – это рабство, восстановленное в какой-то форме в соответствии с современными технологиями и политическими процессами... Вполне возможно, что разработка современной формы рабства может стать абсолютной предпосылкой для общественного контроля в мирном мире. На практике превращение кодекса военной дисциплины в смягчённую форму рабства потребовало бы удивительно мало изменений – логичным первым шагом было бы использование некоторой формы «универсальной» военной службы¹.

КРОВАВЫЕ ИГРЫ

В «Докладе» рассмотрены возможности занять народ какой-нибудь незначительной деятельностью, чтобы у него не было времени на политические дебаты или противостояние. Увеселительный отдых, примитивные игровые шоу, порнография и легковесные комедии сыграли бы важную роль, но кровавые игры посчитали самыми многообещающими из всех вариантов. Кровавые игры – это соревнования между индивидами или командами, достаточно ожесточённые по своей природе, чтобы дать возможность зрителям опосредо-

¹ Там же, с. 41–42, 68, 70.

ванно выместить свои чувства досады и разочарования. Как минимум, такие соревнования должны пробуждать страстную командную приверженность со стороны фанатов и должны включать ожидание мучений и увечья со стороны игроков. Ещё лучше – пролитие крови и смертельный риск. Обычный человек почти всегда испытывает нездоровое влечение к виду насилия и крови. Толпы слетаются, чтобы скандировать «Прыгай! Прыгай!» при виде самоубийцы на крыше. На автостраде машины тормозят почти до полной остановки, чтобы поглазеть на разбитые тела после столкновения. Драка на школьном дворе сразу же создаёт круг зрителей.

Матчи боксёров, футбольные и хоккейные игры, автомобильные гонки транслируют ежедневно по телевидению, привлекая миллионы ликующих фанатов, которые с восторженным вниманием следят за каждым опасным моментом, будь то яростный удар в лицо, перелом кости, нокаут, потеря сознания или вид соперника, возможно, теряющего жизнь. Таким путём их раздражение по отношению к «обществу» рассеивается и фокусируется вместо этого на команде противника. Римские императоры создали цирки, гладиаторские бои и публичные казни с помощью диких зверей точно с той же целью.

Прежде чем мы придём к заключению, что такие понятия абсурдны в наше время, напомним, что во время чемпионата Европы по футболу в Бельгии в 1985 году зрители настолько эмоционально включились в происходящее, что на трибунах разразилось кровавое буйство, оставившее после себя 38 погибших и более 400 раненых. «U.S. News & World Report» сообщает:

Корень такой беды – в племенной приверженности родной команде, которая превосходит маниакальное наваждение и, как говорят некоторые эксперты, для многих стала заменой религии. Среди злостных нарушителей – члены таких шаяк, как APF «Челси» (Chelsea's Anti-Personnel Firm), состоящих из малообразованных юнцов, которые нашли в футбольном соперничестве спасение от скуки.

Однако у британцев нет патента на футбольное буйство. 26 мая восемь человек были убиты и более 50 ранены в Мехико, в 1964 году – в беспорядках на стадионе в Лиме, Перу, убито более 300 человек, хорошо известен матч 1969 года между Сальвадором и Гондурасом, приведший к настоящей войне между двумя странами, оставивший за неделю боев сотни убитых и раненых.

США критикуют за насилие на поле в их любимом спорте – американском футболе, но вспышки ярости на трибунах редки из-за того, что привязанность болельщиков распределяется на многие виды спорта, и потому, что ничто не угрожает чувству национальной гордости. Как сказал Томас Тутко, профессор психологии Университета Сан-Хосе, Калифорния: «В других странах раньше были армии. Теперь это их спортивные команды, которые возбуждают страсти»¹.

¹ «British Soccer's Day of Shame», *U.S. News & World Report*, June 10, 1985, p. 11.

Рассмотрев все последствия кровавых игр, авторы «Доклада из “Железной горы”» заключили, что они не являются адекватной заменой войны. Правда, жёсткие виды спорта – полезный возбудитель, который в самом деле избавляет от скуки и даёт выход страстям групповой поддержки, но их влияние на дух нации нельзя сравнить с интенсивностью военной истерии. Пока лучшая альтернатива не будет найдена, мировое правительство придётся отложить, чтобы страны могли продолжать развязывать войны.

ПОИСК ДОСТОВЕРНОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗЫ

Во время войны большинство граждан безропотно принимает низкое качество жизни и остаётся горячо преданным своим лидерам. Если надо найти подходящую замену войны, то результат также должен вызывать ту же самую реакцию. Следовательно, найти надо такого врага, который угрожал бы всему миру, а перспективы быть им захваченным должны быть так же ужасны, как сама война. «Доклад» подчёркивает этот пункт:

Повиновение требует обоснования; обоснование требует наличия врага. Совершенно очевидно, что самое главное здесь то, что этот враг должен казаться действительно неодолимым. Короче говоря, предполагаемая мощь «врага», достаточная, чтобы обеспечить личное чувство верности и повиновения обществу, должна соотноситься с величиной и степенью интеграции этого общества. Сегодня, конечно, такая вражеская мощь должна быть беспрецедентных параметров и ужаса¹.

Первым соображением при поиске подходящей угрозы в качестве глобального врага было то, что эта угроза не должна быть реальной. Реальная угроза, конечно, лучше, но и выдуманная будет работать с таким же успехом, если *убедить* массы, что она реальная. Люди скорее готовы поверить в какую-нибудь фикцию, чем в реальность. Правдоподобное более весомо, чем правда.

Рассматривалась бедность в качестве потенциальной глобальной угрозы, но эта идея была отброшена как недостаточно пугающая. Большинство людей в мире и так пребывает в *бедности*. Только те, кто никогда не знал бедности, могли рассматривать её как глобальную угрозу. Для остальных бедность всего лишь факт повседневной жизни.

Вторжение чужеземцев из межзвёздного пространства рассматривалось всерьёз. В «Докладе» говорится, что эксперименты в этом направлении уже, возможно, проводились. Общественная реакция, однако, недостаточно предсказуема, поскольку угроза не представляется «правдоподобной». Вот что об этом говорится в «Докладе»:

¹ Lewin, *Report*, p. 44.

Правдоподобие, в самом деле, главное в проблеме разработки политической замены войны. Именно здесь планы космической гонки, во многих случаях хорошо подходящие в качестве экономической замены войны, терпят неудачу. Самый амбициозный и нереалистичный космический проект не сможет сам по себе представить убедительную внешнюю угрозу. Горячо доказывалось, что такая угроза давала бы «последний благоприятный шанс миру» и т. п., объединяя человечество против опасности разрушения мира «пришельцами» с других планет или из космического пространства. Предполагалось проведение экспериментов для тестирования правдоподобия угрозы внедрения «иных миров»; возможно, какие-то инциденты с «летающими тарелками», наиболее труднообъяснимые в последние годы, являлись фактически первыми экспериментами такого рода. Если это так, то их вряд ли следует считать обнадеживающими¹.

Этот «Доклад» был выпущен в 1966 году, когда идея наличия инопланетян казалась надуманной среднему гражданину. В последующие годы, однако, такое представление изменилось. Растущая доля населения теперь верит, что формы интеллектуальной жизни могут существовать за пределами нашей планеты и что, возможно, наша собственная цивилизация находится под чьим-то контролем. Справедлива ли такая вера или нет – мы здесь не рассматриваем. Суть в том, что драматическое столкновение с инопланетянами, показанное по телевизору, даже если оно целиком сфабриковано с помощью высокотехнологичной компьютерной графики или лазерным шоу на небе, могло бы использоваться для того, чтобы загнать охваченные паникой страны в мировое правительство в предположении защитить таким образом Землю от вторжения. С другой стороны, если цели инопланетян будут восприняты как мирные, то возможен альтернативный сценарий, по которому создаётся мировое правительство, которое будет представлять объединённое человечество, выступающее одним голосом, в некотором роде галактическая федерация. Любой из этих сценариев выглядел бы гораздо более правдоподобным сегодня, чем в 1966 году.

МОДЕЛЬ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Последним кандидатом, приемлемым в качестве глобальной угрозы, рассматривалось загрязнение окружающей среды. Этот вариант посчитали самым обнадеживающим на успех, поскольку он связан с поддающимися наблюдению состояниями природы, такими как загрязнение воды и воздуха. Другими словами, угроза основывалась бы частично на фактах и,

¹ Там же, с. 6.

следовательно, была бы правдоподобной. Предсказания можно было бы делать, демонстрируя сценарии конца света, такие же ужасные, как атомная война. Точность таких прогнозов не существенна. Их цель – напугать, а не информировать. Возможно, даже появится необходимость *умышленно* отравить окружающую среду, чтобы сделать предсказания ещё более убедительными и сфокусировать общественное мнение на сражении с новым врагом, более опасным, чем любой захватчик из другой страны или даже из космоса. Массы готовы будут согласиться на падение качества жизни, увеличение налогов и чиновничье вмешательство в свою жизнь – как на «цену, которую мы должны заплатить за спасение Матери-Земли». Масштабная борьба против смерти и разрушения из-за глобального загрязнения, возможно, могла бы заменить войну в качестве обоснования общественного контроля.

Говорит ли «Доклад из “Железной горы”» это на самом деле? Конечно, говорит, и даже больше. Вот только некоторые из соответствующих фрагментов:

Когда дело касается постулирования правдоподобной замены войны... «альтернативный враг» должен представлять собой более близкую, значимую и непосредственно ощущаемую угрозу разрушения. Такая угроза обоснует необходимость взять на себя и оплатить «кровавую цену» в широком диапазоне человеческих интересов. В этом отношении возможные замещающие враги, описанные выше, были бы недостаточны. Кроме, возможно, модели загрязнения окружающей среды, если такая угроза обществу на самом деле неминуема. Фиктивные модели должны базироваться на чрезвычайной уверенности в отнюдь не нереальной жертве жизни... Например, что тяжёлое загрязнение окружающей среды может, в конечном счёте, заменить массированное разрушение ядерным оружием, главной несомненной угрозы выживанию человечества. Отравление воздуха и главных источников пищи и воды уже заметно продвинулось и на первый взгляд кажется многообещающим в этом отношении, то есть представляет угрозу, с которой может справиться только общественная организация и политическая власть...

Правда, для этой цели можно выборочно усилить степень загрязнения... Но проблема загрязнения так хорошо освещалась в последние годы, что кажется совершенно невероятным, чтобы программа умышленного отравления окружающей среды могла бы быть выполнена политически приемлемым способом.

Какими бы невероятными ни представлялись некоторые из возможных альтернативных врагов, упомянутых нами, мы должны подчеркнуть, что такой враг *должен* обладать правдоподобными качествами и параметрами, если переход к миру должен когда-либо произойти без

социальной дезинтеграции. Вероятнее всего, по нашему мнению, такую угрозу придётся изобрести¹.

АУТЕНТИЧНОСТЬ «ДОКЛАДА»

В «Докладе из “Железной горы”» указывается, что его выполняла специальная исследовательская группа из 15 человек, чьи имена должны оставаться в тайне, и что его публикация не предполагалась. Один член группы, однако, понимал, что «Доклад» слишком важен, чтобы держать его в тайне. Он был согласен с его заключениями. Он всего лишь полагал, что люди должны прочесть его, и предоставил свой личный экземпляр Леонарду Левину, хорошо известному писателю и журналисту, который, в свою очередь, договорился о его публикации в *Dial Press*. Затем он был перепечатан *Dell Publishing*.

Это было во время администрации Джонсона. Специальным помощником президента по вопросам национальной безопасности был Уолт Ростоу, член Совета по международным отношениям (CFR). Ростоу поспешил объявить, что этот «Доклад» – подделка. Герман Кан, директор Гудзоновского института, сказал, что работа не аутентичная. Газета «Вашингтон Пост», собственником и издателем которой была член CFR Катарина Грэхем, назвала его «восхитительной сатирой». Журнал «Тайм», основанный членом CFR Генри Люсом, назвал его искусной мистификацией. Затем 26 ноября 1967 года «Доклад» в книжном разделе «Вашингтон Пост» проанализировал Гершель Макландресс (McLandress – авторский псевдоним профессора Гарварда Джона Кеннета Гэлбрейта).

Гэлбрейт, также член CFR, сказал, что он знает не понаслышке о подлинности «Доклада», потому что его приглашали участвовать в нем. Хотя он не имел возможности участвовать в официальной группе, с ним время от времени советовались и просили хранить проект в тайне. Более того, хотя он сомневался в целесообразности ознакомления общественности с «Докладом», он полностью согласен с его заключениями. Он писал:

Поскольку я поручился бы своей репутацией за достоверность этого документа, я свидетельствую обоснованность его заключений. Мои сомнения относятся только к целесообразности публикации документа для, безусловно, неподготовленной публики².

¹ Там же, с. 66–67, 70–71. Когда «Доклад» был написан, терроризм ещё не рассматривался как замена войны. С того времени он стал самым используемым из них всех. Не ожидайте, что это будет разгромлено фабианцами. Это слишком хорошо служит их целям.

² «News of War and Peace You're Not Ready For», by Herschel McLandress, *Book World*, in *The Washington Post*, November 26, 1967, p. 5.

Через шесть недель в сообщении «Ассошиэйтед Пресс» из Лондона Гэлбрейт пошёл ещё дальше и в шутку признался, что он – «член тайного общества»¹. Что, однако, не решило вопрос. На следующий день Гэлбрейт отступил. Когда его спросили о его «конспирологическом» статусе, он ответил: «В первый раз со времени Карла II “Таймс” стала виновной в неправильном цитировании... Ничто не поколеблет моего убеждения, что “Доклад” написали либо Дин Раск, либо г-жа Клэр Бут Люс»².

Репортёр, напечатавший первоначальное интервью, был в замешательстве от этого заявления и провёл дальнейшее исследование. Вот что он сообщил через шесть дней:

Неправильное цитирование, по-видимому, одно из тех рискованных заявлений, к которым профессор Гэлбрейт склонен. Последний выпуск газеты «Varsity», Кембридж, приводит следующий диалог (запись на плёнке):

Репортёр: «Вы знаете имя автора “Доклада из “Железной горы”»?

Гэлбрейт: «Вообще, я был членом этого тайного общества, но я не был автором. Я всегда полагал, что автором был человек, написавший предисловие, – г-н Левин»³.

Таким образом, в последних трёх случаях Гэлбрейт публично подтверждал подлинность «Доклада», но отрицал, что это он его написал. Тогда кто же? Леонард Левин, наконец? В 1967 году он заявил, что не он. В 1972 году он сказал, что он. В книжном обзоре газеты «Нью-Йорк Таймс» Левин пояснил: «Я написал “Доклад”, весь целиком... Я просто намеревался поставить вопросы войны и мира в провокационном ключе»⁴.

Но подождите! За несколько лет до этого журналист Уильям Ф. Бакли заявил в «Нью-Йорк Таймс», что это он был автором. Это было сказано, несомненно, с иронией, но тогда кому и чему должны мы верить? Написал ли «Доклад» Герман Кан, Джон Кеннет Гэлбрейт, Дин Раск, Клэр Бут Люс, Леонард Левин или Уильям Ф. Бакли? В конечном счёте, разница не велика. Важно то, что «Доклад из “Железной горы”», написан ли он как научное исследование или как политическая сатира, показывает реальность, в которой мы живём. Независимо от его происхождения, концепции, представленные в нем, сейчас реализуются почти в каждой детали. Все, что каждому нужно сделать, – взять «Доклад» в одну руку и ежедневную газету в другую, и тогда станет ясно, что все главные тенденции американской жизни соответствует тому, что сообщает «Доклад».

¹ «The Times Diary», *London Times*, February 5, 1968, p. 8.

² «Galbraith Says He Was Misquoted», *London Times*, February 6, 1968, p. 3.

³ «Touche, Professor», *London Times*, February 12, 1968, p. 8.

⁴ «Report from Iron Mountain», *New York Times*, March 19, 1968, p. 8.

Столько существовало труднообъяснимых вещей, которые вдруг стали совершенно понятными: помощь иностранным государствам, расточительные расходы, разрушение американской промышленности, Трудовой корпус, контроль за оборотом оружия, государственные полицейские силы, наглядное крушение советской власти, вооружённые силы ООН, разоружение, мировой банк, мировые деньги, отказ от национальной независимости путём заключения международных договоров и экологическая истерия. «Доклад из “Железной горы”» – это точное изложение плана, в соответствии с которым уже создано наше настоящее. Теперь формируется наше будущее.

ПРИРОДООХРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЗАМЕНА ВОЙНЫ

Доказательство того, что признаваемые обществом прогнозы гибели окружающей среды базируются на преувеличениях и просто жульничестве «научных исследований», выходит за рамки данной работы. Однако такое доказательство легко найти, если захотеть взглянуть на исходную информацию и предпосылки, на которых основывается прогноз. Но ещё важнее найти ответ на вопрос, почему сценарии конца света, основанные на фальшивых научных исследованиях (или вообще без них), публикуются некритически в прессе, контролируемой Советом по международным отношениям (CFR); или почему радикальные природоохранные группы, сторонники социалистической доктрины и антикапиталистических программ, обильно финансируются фондами, банками и корпорациями, где доминирует CFR. «Доклад из “Железной горы”» отвечает на эти вопросы.

Как замечено в «Докладе», истина – не самое важное в этом деле. Людям следует просто *поверить* тому, что сообщается. Ключ здесь – в «правдоподобии», а не в реальности. Есть достаточно правды в факте загрязнения окружающей среды, чтобы вывод о планетарном Судном дне в год две тысячи такой-то представлялся правдоподобным. Все, что требуется, – это сотрудничество средств массовой информации и постоянное повторение. План был, конечно, разработан. Население индустриальных стран погрузили в поток документированной информации, драматических спектаклей, художественных фильмов, баллад, поэм, лозунгов, постеров, маршей, речей, семинаров, конференций и концертов. Результат оказался феноменальным. В офисы избрали политиков, выступавших на платформах исключительной заботы об окружающей среде и обещании «взяться» за эту ужасную индустрию. Никаких вопросов относительно ущерба, наносимого экономике или стране. Какое это имеет значение, если сама наша планета, на которой мы живём, больна и умирает? Ни один из тысячи не задастся вопросом о существовании скрытого

умысла. Как это может быть фальшивым? Взгляните на всех этих знаменитостей, кино- и рок-звёзд, которые присоединились к движению.

Пока все внимание *приверженцев* природоохранного движения поглощено видами планетарного Судного дня, давайте посмотрим, что думают *лидеры*. Первый День Земли был провозглашён 22 апреля 1970 года на «саммите» в Рио-де-Жанейро в присутствии защитников окружающей среды и политиков всего мира. Издание, широко распространяемое на этой встрече, называлось «Инструкция по охране окружающей среды». Главную тему сформулировали, цитируя принстонского профессора Ричарда Э. Фалька, члена CFR. Фальк писал, что существуют четыре взаимосвязанные угрозы планете: войны с массовыми разрушениями, перенаселённость, загрязнение среды и истощение ресурсов. Ещё он говорил: «В основе всех четырёх проблем – неадекватное ведение дел суверенными государствами в XX веке»¹.

«Инструкция» продолжила линию CFR, задавая такие риторические вопросы: «Целесообразно ли, на самом деле, существование национальных государств теперь, когда они могут разрушить друг друга в один день?.. Какую цену большинство людей готово заплатить за более надёжный тип организации человеческого сообщества – увеличение налогов, отказ от национальных флагов, может, жертву части наших свобод, завоёванных в тяжких боях?»².

В 1989 году принадлежащая CFR «Вашингтон Пост» опубликовала статью члена CFR Джорджа Кеннана, в которой он написал: «Мы должны подготовиться... ко времени, когда самый грозный враг – не Советский Союз, а быстрая деградация нашей планеты как несущей конструкции цивилизованной жизни»³.

27 марта 1990 года в контролируемой CFR «Нью-Йорк Таймс» член CFR Майкл Оппенгеймер написал: «Глобальное потепление, истощение озонового слоя, уничтожение лесов и перенаселённость – вот четыре всадника надвигающегося Апокалипсиса 21-го века.... Так как холодная война отступает, окружающая среда становится проблемой № 1 международной безопасности»⁴.

Член CFR Лестер Браун возглавляет другой «мозговой центр» – Институт всемирного наблюдения. В ежегодном отчёте института, озаглавленном «Состояние мира 1991», Браун говорит, что «борьба за спасение планеты

¹ Garrett de Bell, ed., *The Environmental Handbook* (New York: Ballantine/Friends of the Earth, 1970), p. 138.

² Там же, с. 145.

³ «A Europe Now Free from A Confining Cold War Vision», by George Kennan, *Washington Post syndication, Sacramento Bee*, November 14, 1989, p. B7.

⁴ «Нью-Йорк Таймс» была одним из основных средств, с помощью которых политика CFR внедрялась в «майнстрим» общественного мнения. Газету в 1896 году приобрёл Альфред Окс с финансовой поддержкой пионера CFR Дж.П. Моргана, агента Ротшильда Августа Бельмонта и Джекоба Шиффа, партнера в компании «Кун, Леб и С^о». Теперь газета принадлежит члену CFR Артуру Сульцбергеру, который является также и издателем, и в его штате – многочисленные редакторы и обозреватели CFR. См. также: Perloff, p. 181.

вытеснит борьбу идеологий, став организующей темой нового мирового порядка»¹.

В официальной публикации документов «Саммита Земли» 1992 года мы находим фразу: «Мировое сообщество теперь стоит перед риском нашей общей безопасности из-за нашего воздействия на окружающую среду, которое больше, чем от традиционных военных конфликтов друг с другом».

Сколько ещё нужно объяснять? Природоохранное движение было создано Советом по международным отношениям (CFR). Это – замена войны, которая, как они надеются, станет эмоциональной и психологической основой мирового правительства.

САМО ЧЕЛОВЕЧЕСТВО – МИШЕНЬ

Римский клуб – это группа проектантов, которая ежегодно выпускает сценарии конца света, основанные на предсказаниях перенаселённости и голода. Членство клуба – международное, но американский список включает таких хорошо известных членов CFR, как Джимми Картер, Харлан Кливленд, Клейборн Пелл и Сол Линовиц. Их решение проблемы перенаселённости? Мировое правительство, контролирующее рождаемость и, если надо, применяющее эвтаназию. Это вежливое слово для преднамеренного убийства стариков, слабых и, конечно, несговорчивых. Следуя соображениям, выдвинутым на «Железной горе», Римский клуб заключил, что страх перед экологической катастрофой можно использовать как замену врага в целях единения масс, главного условия их программы. В книге Римского клуба 1991 года, озаглавленной «Первая глобальная революция», мы читаем следующее:

В поисках нового врага, который бы нас объединил, мы пришли к идее, что загрязнение, угроза глобального потепления, дефицита воды, голода и тому подобное – это то, что нужно... Все эти опасности вызваны человеческим вмешательством... Реальный враг, следовательно, – само человечество².

Социалисты-теоретики всегда живо интересовались возможностью контроля роста народонаселения. Это волновало их воображение, поскольку да-

¹ Lester R. Brown, «The New World Order», in Lester R. Brown et al., *State of the World 1991: A Worldwatch Institute Report on Progress Toward a Sustainable Society* (New York: W.W. Norton, 1991), p. 3.

² Alexander King and Bertrand Schneider, *The First Global Revolution, A Report by the Council of the Club of Rome* (New York: Pantheon Books, 1991), p. 115.

вало чиновникам абсолютное решение проблемы. Если реальный враг – само человечество, как говорит Римский клуб, тогда само человечество и должно стать мишенью. Социалист-фабианец Бертран Рассел¹ выразил это таким образом:

Я не считаю, что контроль рождаемости – единственный способ, которым можно сдерживать рост населения... Война, как я только что заметил, до сих пор разочаровывала в этом смысле, но, возможно, бактериологическая война стала бы более эффективной. Если бы «чёрная смерть» могла распространяться по миру один раз в каждом поколении, тогда выжившие могли бы производить потомство без ограничений и без риска сделать мир перенаселённым...

Мировое научное сообщество не станет стабильным, если не будет мирового правительства... Необходимо найти пути предотвращения роста человеческой популяции. Если это надо делать иначе, чем войнами, эпидемиями и голодом, то потребуются мощная международная власть. Такая власть должна распределять мировое продовольствие разным странам пропорционально их населению ко времени учреждения этой власти. Если какая-то страна увеличит своё население, она не получит соответствующего увеличения продуктов. Поэтому стимул не увеличивать население был бы очень убедительным².

Действительно, очень убедительно. Эти спокойно рассуждающие коллективисты вовсе не шутят. Например, один из самых видных защитников окружающей среды и сторонник контроля рождаемости – Жак-Ив Кусто. В интервью «Курьеру ЮНЕСКО» в ноябре 1991 года Кусто обстоятельно разъяснил свою позицию. Он сказал:

Что нам следует сделать, чтобы ликвидировать страдания и болезни? Это прекрасная идея, но, возможно, не самая благотворительная в долгосрочной перспективе. Если мы попытаемся внедрить её, мы поставим под угрозу будущее нашего вида. Ужасно, что приходится об этом говорить. Население мира должно быть стабилизировано, и, чтобы добиться этого, мы должны ликвидировать 350 000 человек ежедневно. Это так страшно вообразить, что мы не должны бы даже говорить об этом, но и не говорить об этом также плохо³.

¹ См.: Martin, pp. 171, 325, 463–469.

² Bertrand Arthur William Russell, *The Impact of Science on Society* (New York: Simon and Schuster, 1953), pp. 103–104, 111.

³ Interviewed by Bahgat Eluadi and Adel Rifaat, *Coitrier de VUnesco*, November 1991, p. 13.

ГОРБАЧЕВ СТАНОВИТСЯ БОРЦОМ ЗА ЭКОЛОГИЮ

Теперь мы можем понять, как мог Михаил Горбачёв, бывший лидер одного из самых репрессивных правительств, когда-либо существовавших в мире, стать главой новой организации, называемой Международный Зелёный Крест, которая будто бы предназначена решать вопросы окружающей среды. Горбачёв никогда не осуждал коллективизм, только коллективизм особой *марки* – под названием «коммунизм». Его реальный – не экология, а мировое правительство, разумеется, с ним на лидирующей позиции. На публичных слушаниях в Фултоне, Миссури, он, являясь членом Римского клуба, восхвалял его за позицию по контролю за численностью населения. Он сказал:

Из новых опасностей одна из самых больших – экологическая... Сегодня глобальные климатические сдвиги, парниковый эффект, «озоновая дыра», кислотные дожди, загрязнение атмосферы, почвы и воды промышленными и бытовыми отходами, уничтожение лесов и т. д. – все угрожает стабильности планеты¹.

Горбачёв заявил, что глобальное правительство есть ответ на эти угрозы и что использование правительственных сил имеет существенное значение. Он сказал: «Я уверен, что новый мировой порядок не будет полностью реализован, если Организация Объединённых Наций и Совет Безопасности не создадут структуры... уполномоченные вводить санкции и использовать другие меры принуждения»².

Это говорит архизлодей, который пробился сквозь ряды советской Коммунистической партии, был протеже Юрия Андропова, был членом правящего Политбюро СССР во время советского вторжения в Афганистан, и кого Политбюро избрало в 1985 году высшим лидером коммунистического мира. Все это было во время одного из самых мрачных периодов нарушения прав человека и подрывной деятельности против свободного мира. Более того, он руководил страной с наихудшими, возможно, показателями разрушения окружающей среды. Никогда, пока он был у власти, он не говорил и не делал чего-либо, что показало бы его озабоченность проблемами планеты Земля.

¹ Michail Gorbachev, «The River of Time and the Necessity of Action», 46th John Findley Green Foundation Lecture, Westminster College, Fulton, Missouri, May 6, 1992, transcript from Westminster College Department of Press Relations, p. 6.

² Там же, с. 9.

Все это теперь забыто. Пресса, зависимая от CFR, превратила Горбачёва в защитника экологии. Он ратует за мировое правительство и говорит нам, что такое правительство будет использовать проблемы окружающей среды в качестве обоснования санкций и других «мер принуждения». Мы не сможем сказать, что нас не предупреждали.

США ЗАКЛЕЙМИЛИ КАК ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АГРЕССОРА

Использование мер принуждения – важный пункт в этих планах. От населения индустриальных стран не ожидают сотрудничества в отчуждении у них чего-либо. Их придётся принуждать. Им не понравится, если их еду отберут для глобального распределения. Они не одобряют новые налоги, которые мировая власть станет с них взимать, чтобы финансировать политические проекты за рубежом. Они не отдадут добровольно свои машины и не переселятся в меньший дом или коммунальные бараки, чтобы соответствовать квотам на ресурсы, установленным ООН. Член Римского клуба Морис Стронг ставит проблему:

В действительности США совершают экологическую агрессию против остального мира... На военном уровне США – это охрана. На экологическом уровне США, безусловно, величайший риск... Одна из самых серьёзных проблем в США – стоимость энергии: она слишком низкая...

Ясно, что существующее качество жизни и параметры потребления финансово благополучного среднего класса... включая высокое потребление мяса, большого количества замороженных продуктов и полуфабрикатов, владение автомобилями, многочисленными домашними электроприборами, кондиционерами на работе и дома, растущее загородное строительство... не являются экологически рациональными¹.

Замечания г-на Стронга с энтузиазмом встретили мировые лидеры природоохранного движения, но они также вызвали этот сердитый ответ в редакционной статье газеты «Arizona Republic»:

Если перевести с экологического языка на общепонятный, это означает две вещи: (1) снижение качества жизни в западных странах путём введения новых налогов и нормативов и (2) масштабный перевод материальных благ от индустриальных стран к слаборазвитым. Сомнитель-

¹ «Ecology Remedy Costly», (AP), *Sacramento Bee*, March 12, 1992, p. A8. Также: Maurice Strong, Introduction to Jim MacNeil, Pieter Winsemius, and Taizo Vakushiji, *Beyond Interdependence* (New York: Oxford University Press, 1991), p. IX.

ный замысел состоит в том, что, если экономику США сократить до размера, скажем, Малайзии, мир станет лучше... Большинство американцев, вероятно, отклонит идею ООН запретить автомобили в США¹.

Кто же этот Морис Стронг, который видит в США экологического агрессора против остального мира? Живёт ли он в бедности? Приехал ли он из отсталой страны и досаждает на американское процветание? Живёт ли сам на скромные средства, ограничивая потребление, чтобы сохранить наши природные ресурсы? Ничего подобного. Он – один из богатейших людей мира. Он живёт и путешествует с большим комфортом, устраивает роскошные приёмы. Вдобавок к огромному личному богатству, полученному от нефтяного бизнеса в Канаде, который он помог национализировать, Морис Стронг был ещё и Генеральным секретарём «Саммита Земли» в Рио-де-Жанейро в 1992 году, главой Конференции ООН 1972 года по проблемам окружающей среды, первым Генеральным секретарём Программы ООН по окружающей среде, президентом Всемирной федерации ассоциаций содействия ООН (WFUNA), сопредседателем Всемирного экономического форума, членом Римского клуба, попечителем Аспенского института и директором Всемирного общества будущего. Это, вероятно, больше, чем вы хотели знать об этом человеке, но знать нужно, чтобы оценить важность того, что следует ниже.

ПЛАН ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Морис Стронг верит – или говорит, что верит, – что мировые экосистемы могут быть сохранены только в том случае, если богатые страны мира откликнутся на призыв к снижению их качества жизни. Производство и потребление должны быть урезаны. Чтобы этого достичь, эти страны должны подчиниться условиям нормирования, налогообложения и политического доминирования мирового правительства. Скорее всего, они не подчинятся добровольно, говорит он, так что придётся действовать силой. С этой целью необходимо будет устроить глобальный монетарный кризис, который разрушил бы их экономические системы. Тогда они не будут иметь иного выбора, кроме как согласиться на помощь и контроль со стороны ООН.

Эта стратегия увидела свет в майском 1990 года выпуске «West magazine», Канада. В статье, озаглавленной «Чародей из Бака Гранде», журналист Дэниэл Вуд описал своё недельное пребывание на частном ранчо Стронга на юге Колорадо. Это ранчо посещали такие аристократы CFR, как Дэвид Рокфеллер, Госсекретарь Генри Киссинджер, основатель Всемирного банка Роберт Макнамара и президенты таких организаций, как IBM, Pan Am и Гарвард.

¹ «Road to Ruin», *Arizona Republic*, March 26, 1992.

Во время пребывания Вуда на ранчо босс откровенно говорил об экологии и политике. Чтобы представить своё видение мира, как он сказал, он собирается написать роман о группе мировых лидеров, которые решили спасти планету. По мере развития сюжета стало ясно, что он основывается на реальных людях и реальных событиях. Вуд продолжает свой рассказ:

Каждый год, даёт Стронг пояснение к рассказу о сюжете романа, в Давосе, Швейцария, собирается Мировой экономический форум. Свыше тысячи высших должностных лиц, премьер-министров, министров финансов и ведущих учёных собираются в феврале для проведения встреч и составления экономических программ на предстоящий год. Обрисовав место действия, он продолжает: «Что, если маленькая группа этих мировых лидеров пришла бы к заключению, что главная опасность для Земли исходит от деятельности богатых стран? И что если мир должен выжить, этим богатым странам надлежит подписать соглашение, сокращающее их воздействие на окружающую среду. Они это сделают?.. Группа заключает – «нет», богатые страны не сделают этого. Они не изменятся. Поэтому, чтобы спасти планету, группа приходит к выводу: не состоит ли *единственная* надежда планеты в том, чтобы потерпели крах индустриальные цивилизации? И не состоит ли наша ответственность в том, чтобы осуществить это?».

«Итак, группа мировых лидеров, – продолжает он, – формирует тайное общество, чтобы спровоцировать экономический коллапс. Это февраль. Они все в Давосе. Они не террористы. Они – *мировые лидеры*. Они позиционируют себя на товарных и фондовых рынках. Они, используя свой доступ к фондовым биржам, компьютерам и золотым запасам, провоцируют панику. Затем они предотвращают закрытие мировых фондовых рынков. Они заглушили моторы. Они нанимают охранников и держат всех остальных мировых лидеров в Давосе в заложниках. Рынки *не закрывают*. Богатые страны...» И Стронг делает лёгкое движение пальцами, как будто выбрасывает в окно сигаретный окуроч.

Я сидел потрясённый. Это говорил не *какой-нибудь* мастер выдумывать истории, это был Морис Стронг. Он знает этих мировых лидеров. Он действительно сопредседатель Совета Мирового экономического форума. Он находится в центре власти. Он в состоянии *сделать это*.

«Наверное, мне не следовало бы говорить подобные вещи», – сказал он¹.

Вероятно, не нужно принимать фантастический план Мориса Стронга слишком серьёзно, по крайней мере *буквально*. Маловероятно, что события произойдут точно таким образом, хотя это и не невозможно. Начать с того, что

¹ «The Wizard of Baca Grande», by Daniel Wood, *West* magazine, May, 1990, p. 35.

нет надобности держать лидеров индустриальных стран под дулом пистолета. Именно *они* задумывали этот план.

Лидеры стран третьего мира не имеют возможности устроить глобальный кризис. Он должен прийти из валютных центров в Нью-Йорке, Лондоне или Токио. Более того, все те, кто упорно ратует за глобальное правительство, живут в индустриальных странах. Они вышли из рядов CFR в Америке и из филиалов Международного Круглого стола в Англии, Франции, Бельгии, Канады, Японии и в других странах. Они – идеологические потомки Сесиля Родса и выполняют его мечту.

Неважно, принимать ли буквально или нет план Мориса Стронга по глобальному экономическому коллапсу. Важно то, что люди, подобные ему, *обдумывают* такой образ действий. Как подчеркнул Вуд, они в состоянии *сделать это*. Или что-то *подобное* этому. Если не этот сценарий, они рассмотрят другой с теми же последствиями. Если история что-либо доказывает, так то, что люди, обладающие финансовой и политической властью, вполне способны на самые гнусные планы против своих соотечественников. Они развязывают войны, вызывают кризисы и создают дефициты, следуя своим личным интересам. У нас мало причин верить, что нынешние мировые лидеры более праведны, чем их предшественники.

Более того, мы не должны обманываться так называемым беспокойством относительно Матери-Земли. «Призыв к оружию» для спасения планеты – это гигантская уловка. В загрязнении окружающей среды достаточно правды, чтобы демонстрировать «правдоподобие», как того требует «Доклад из “Железной горы”», но сценарии «конца света», которые разрабатывает движение экологов, надуманны. Действительная цель всего этого – мировое правительство, главная машина Судного дня, от которой нет избавления. Разрушение экономической мощи индустриальных стран – это лишь необходимая предпосылка, чтобы заманить их в глобальную сеть. Суть сегодняшнего экологического движения – подвести все к этому концу.

РЕЗЮМЕ

Правительство Соединённых Штатов увязло в долгах объёмом 5,8 триллиона долларов. В 2001 году выплаты процентов по этому долгу составили 360 миллиардов долларов в год. Это отнимает около 19% от всего федерального дохода и обходится средней семье в сумму более 5000 долларов ежегодно. Ничего не приобретается на эти деньги. Просто выплачиваются проценты. Это составляет самый большой обособленный расход. Процент по национальному долгу уже потребляет более 36% всех доходов, полученных от подоходного налога физических лиц. Если такая тенденция в долговременной перспективе сохранится, станет возможным и полное потребление этого налога.

В 1992 году в правительственных учреждениях работало больше людей, чем в промышленных компаниях в частном секторе. Было больше граждан, получающих государственные чеки, чем тех, кто платит подоходные налоги. Если люди имеют возможность голосовать по вопросу передачи им материальных благ от других, избирательная урна становится боевым оружием, с помощью которого большинство грабит меньшинство. Это – точка невозврата. Это – машина Судного дня.

В 1992 году более половины всех федеральных издержек составляли так называемые социальные выплаты. Тут – ещё одна машина Судного дня. Социальные выплаты – это расходы, такие как социальное обеспечение и бесплатная медицинская помощь, которые базируются на обязательствах *будущих* плательщиков. Социальные выплаты составляют 52% федеральных затрат. Если это добавить к 14% выплачиваемых процентных платежей по национальному долгу, мы придём к потрясающему заключению, что две трети всех федеральных расходов теперь совершенно автоматические и что процентное соотношение увеличивается каждый месяц.

Самая большая машина Судного дня среди всех других – это Федеральная резервная система. Каждый цент нашей денежной массы появляется на свет для того, чтобы быть отданным кому-то в кредит. Эти доллары исчезнут, когда кредиты будут выплачены. Если бы мы попытались выплатить национальный долг, наши денежные ресурсы были бы подорваны. Поэтому при Федеральной резервной системе Конгресс побоялся бы ликвидировать национальный долг, даже если бы и хотел.

Политическая борьба за экологию привела к тому, что миллионы акров лесов и сельскохозяйственных земель были изъяты из производства. Тяжёлую индустрию изгнало из страны наше собственное правительство. Высокие налоги, нерациональные нормы защиты на рабочем месте, отмена так называемой дискриминации при найме, обязательное медицинское страхование быстро разрушили то, что ещё оставалось от частного сектора. В результате – безработица и переезд миллионов американских рабочих. Правительство стремится заполнить опустевшие места, и бюрократия растёт с каждым часом.

Федеральные налоги отбирают теперь более 40% наших личных доходов. На первом месте – налоги штата, округа и муниципальные. Инфляция съедает то, что остаётся. Работа на правительство занимает у нас полгода. Реальные зарплаты в Америке снизились. Молодые пары с единственным доходом имеют качество жизни ниже, чем было у их родителей. Чистая стоимость среднего домохозяйства падает. Количество свободного времени сокращается. Процент американцев, имеющих собственные дома, уменьшается. Возраст, когда семья приобретает первый дом, повышается. Количество семей, считающих себя средним классом, падает. Число людей, живущих ниже официального

уровня бедности, растёт. Все больше и больше американцев к 65 годам оказываются без гроша.

Ничто здесь не случайно. Это исполнение плана членов CFR, которые составляют тайное правительство Соединённых Штатов. Цель плана – умышленное ослабление индустриальных стран как предпосылка их подчинения мировому правительству, построенному на принципах социализма и под собственным контролем.

Происхождение многих стратагем этого плана можно проследить до некоторого исследования «мозгового центра», профинансированного правительством и опубликованного в 1966 году под названием «Доклад из “Железной горы”». Целью исследования было проанализировать методы, с помощью которых правительство смогло бы закрепить себя во власти навсегда, то есть способы контроля своих граждан и предотвращения их возмущений. В «Докладе» сообщалось, что раньше война была единственным надёжным средством достичь этой цели. В случае мирового правительства, однако, война уже технически невозможна. Поэтому главной целью исследования стал поиск других методов контроля численности населения и обеспечение его лояльности своим лидерам. Делался вывод, что адекватная замена войны требует наличия нового врага, который представлял бы собой ужасную угрозу для выживания. Но ни враг, ни угроза не должны быть реальными. Они всего лишь должны быть правдоподобными.

Рассматривалось несколько заменителей войны, но единственной многообещающей заменой оказалась модель загрязнения окружающей среды. Эту модель посчитали наилучшей для достижения цели, потому что (1) её можно связать с обстановкой, поддающейся наблюдению, например с загрязнением воды и воздуха, другими словами, такая модель базировалась бы частично на фактах и, следовательно, была бы правдоподобной, и (2) предсказания могли бы сводиться к сценариям конца света, таким же ужасным, как атомная война. Точность таких предсказаний не важна. Их цель – напугать, а не информировать.

Пока все внимание *поклонников* природоохранного движения поглощено видами планетарной катастрофы, внимание *лидеров* сосредоточилось на совсем других задачах. Их цель – мировое правительство.

ГЛАВА 25

ПЕССИМИСТИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ

Данная глава оставлена точно в таком же виде, в каком была опубликована в 1994 году. Странное фантастическое видение будущего оказалось невероятно точным описанием многих реальных событий, произошедших с того времени. Банковский кризис и массовые операции спасения уже произошли. Но разворачивается сценарий, включающий гиперинфляцию, коллапс экономики, новую мировую валюту, домашнее насилие, «Силы по поддержанию мира» ООН в США и наступление феодализма эпохи «хай-тек».

*Т*еперь мы уже готовы к последнему путешествию в нашей машине времени. Перед нами на панели управления есть несколько переключателей. Один слева показывает «Направление во времени». Установим его на «Будущее». Переключатель справа показывает «Исходные предпосылки». Установим его на первую ступень, указывающую на «Существующие тенденции неизменны». Переключатель «Вторичное допущение» оставим так, как есть. Рычаг в центре служит для регулирования скорости езды. Толкнём его вперёд – и держитесь крепче!

КРИЗИС БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

Сейчас утро: 4 часа 5 минут. Нью-Йорк спит, но компьютеры на четвёртом этаже «Ситибанка» информируют, что разразился полномасштабный кризис. Он стартовал в Лондоне – на 5 часов раньше, чем на Восточном побережье – и за минуты, как электронный вирус, достиг Токио и Гонконга. Это было час назад. Сигнал тревоги подали все компьютерные терминалы во всех торговых центрах мира, и устройства автоматического включения телефонов вызвали финансовых деятелей в их кабинеты.

Паника началась со слухов, что один из самых больших банков США оказался в трудной ситуации из-за одновременного прекращения Мексикой платежей по кредиту и банкротства второго по величине корпоративного заём-

щика. Накануне вечером президент банка созвал пресс-конференцию, на которой отрицал наличие серьёзных проблем. Для подкрепления своего оптимизма он объявил, что в пятницу банк выплатит более высокие, чем обычно, квартальные дивиденды. Профессиональных финансовых менеджеров он не убедил. Они знали, что списание этих займов сведёт на нет весь собственный капитал банка.

В 5 часов утра в банках финансовых центров началось массовое изъятие средств иностранными депозиторами. Ко времени, когда солнце показалось между нью-йоркскими небоскрёбами, американцы тоже начали забирать свои деньги. Это не были маленькие транзакции. Присоединяются другие банки, страховые компании и инвестиционные фонды. Среднее изъятие составляет более 3 миллионов долларов. Резервуар быстро осушался.

И вот 7 часов 45 минут. Банки вскоре откроют свои двери, и уже прибывают газетные репортёры и ТВ-группы. Следует быстро составить план совместных действий.

Председатель Федеральной резервной системы созвал чрезвычайное селекторное совещание с директорами всех главных банков, включая и того директора, чьё местонахождение в рыбацком домике на севере Канады с трудом установили. Президент также подключился к сети на основе «молчащего монитора». Никто, кроме председателя, не знал, что он слушает.

СПАСТИ БАНКИ – ЗНАЧИТ СПАСТИ МИР

Директор «Ситибанка» быстро обрисовал проблему. Ни один из банков не сможет выдержать изъятие вкладов такого масштаба в течение более 48 часов. Может, и меньше. В их хранилищах нет денег. Их выдали в ссуды под проценты. Даже с выплачиваемыми кредитами денег бы не было. Теперь, когда по некоторым большим кредитам платежи прекратились, проблема усугубилась. Если ФРС не предоставит деньги, у банков не будет иного выбора, кроме как закрыть двери и уйти из бизнеса. Это вызвало бы коллапс в экономике и привело бы к неисчислимым страданиям. Американцы лишатся работы, семьи начнут голодать, безопасность страны ослабнет. И это, несомненно, распространится на весь мир. Кто знает, к каким печальным последствиям это приведёт – к хаосу, голоду и беспорядкам здесь, у нас? Революциям за границей? Возврату милитаристского режима в России? Атомной войне?

Председатель обрывает монолог. Он прекрасно знает, что банкам не дадут обанкротиться. В конце концов, такая ситуация и была одним из аргументов для создания Федерального резерва. Он хочет сообщить детали, как это сделать.

Да, FDIC (Федеральная корпорация страхования депозитов) уже «на мели», но пусть вас это не беспокоит. Конгресс санкционирует «кредит» или какой-нибудь другой механизм, чтобы ФРС могла создать столько новых денег, сколько понадобилось бы FDIC. Если Конгресс действует слишком медленно, то ФРС имеет другие технические средства для достижения того же результата. А пока неограниченное финансирование будет организовано в учётном окне ФРС к 8 часам утра восточного поясного времени. Печатные станки уже работают на полную мощность, создавая валюту. Парк самолётов и бронированных автомобилей готовится их доставлять. Кроме того, не будем ставить крест и на тех проблемных кредитах. Конгресс, вероятно, спасёт обанкротившиеся американские корпорации. И президент сказал, что он запросит дополнительное финансирование для МВФ/Всемирного банка. Эти деньги создаст ФРС с условием, что они будут использоваться Мексикой и другими неплатёжеспособными странами для возобновления выплаты процентов по их кредитам.

Банкирам сказали открыть двери публике и спокойно работать. Пресса уже знает, что что-то происходит, но не знает, насколько это серьёзно. Поэтому нужно сообщить ей только то, что она и так уже знает. Ничего больше. Если народ хочет забрать свои деньги, отдайте их им. Если очереди станут расти, позовите полицию для поддержания порядка, но продолжайте выплачивать. Прикажите банкам оставаться открытыми и после времени закрытия, если потребуется, чтобы обслужить всех. Самое главное – пусть кассиры тратят своё время. Проверяйте и перепроверяйте каждую транзакцию. Продвигайте очередь медленно.

Бронированные машины придут в рабочие часы, чтобы охрана несла мешки с деньгами мимо клиентской очереди, наглядно демонстрируя, что денег хватит всем. Служащий банка затем должен сказать толпе, что только что поступила новая партия денег из Федеральной резервной системы и что там их ещё полно. Как только люди поймут, что банк имеет возможность платить, многим из них станет скучно ждать, и они пойдут домой.

ПАНИКА ОТРАЖЕНА

Следующий день, 18 часов. План удался. Очереди обеспокоенных вкладчиков, образовавшиеся накануне утром, главным образом, в больших городах, сегодня утром снова собрались. Но денег было достаточно для всех. Новостные СМИ трактовали эту историю без должной серьёзности, приводя для убедительности громкие фразы разных экспертов о том, что теперь, благодаря FDIC и ФРС, банки обанкротиться не могут. Большая часть видеoinформации посвящалась бронированным машинам и охранникам, несущим мешки

с деньгами. В этот день банки закрылись по расписанию, никаких очередей больше не было.

Хотя на палубе пассажиры ни о чём не беспокоятся, в котельной огонь все же выходит из-под контроля. Более миллиарда долларов утекло, главным образом за границу, и обескровливание продолжается. ФРС накачивает систему новыми деньгами, чтобы возместить потерю. Два банка дали поручение своим компьютерным специалистам задействовать автоматическую двухчасовую приостановку всех входящих транзакций. Возникает слух о преднамеренной блокировке сети и сваливании вины на перегрузку, хотя идею и отвергли: слишком много людей в системе, кто-нибудь наверняка сольёт правду в прессу.

Ситуация «набега» на банки частных вкладчиков когда-то была ночным кошмаром Федерального резерва. Теперь это ничто по сравнению с электронным «набегом», в том числе корпоративных депозиторов по всему миру. Речь идёт о профессионалах, которых не впечатляют вооружённые охранники, таскающие мешки с деньгами. Они хотят свои деньги сейчас – и они их получают. Хотя деньги приходят в виде электронных кредитов, они их сразу же обменивают на что-то более надёжное, например на акции, другие валюты и драгоценные металлы.

Это – звёздный час ФРС. Она реализует свои огромные полномочия, осмыслительно накапливаемые на протяжении многих лет, чтобы создавать деньги из всего, что оказалось у неё в руках: облигации Казначейства США, облигации других стран, долговые обязательства корпораций, даже прямые кредиты частным лицам и компаниям. Вбрасываются миллиарды новых долларов. Они распространяются по земному шару, чтобы выполнить обязательство банков вернуть народу его деньги.

РЕАЛЬНЫЙ «НАБЕГ» НА БАНКИ

Прошло семь недель. Что-то случилось, но никто не знает, что. Как искра поджигает ветку, затем сук и, наконец, весь лес, так и люди начали паниковать. Повинуясь древнему стадному инстинкту, они бросились в банки и сберегательные учреждения. Они хотели свои деньги. Они хотели свои сбережения.

Возможно, подействовали вновь опубликованные статистические данные, показавшие возросшую безработицу, или продолжавшийся рост банкротств, или голосование в Конгрессе по увеличению национального долга, или скачок налога в фонд социального обеспечения, или уступка ещё 140 000 рабочих мест Мексике, или выступления в Чикаго и Детройте за увеличение количества продуктовых талонов и социального жилья, или присутствие войск ООН «по поддержанию мира», чтобы увеличить Национальную гвардию, или слухи, что Банк Америки технически неплатёжеспособен, или постановление Меж-

дународного суда ООН, что число американских автомобилей должно быть урезано на 30% к 31 декабря, или скептический тон в голосе ведущего службы новостей Си-би-эс, когда он сообщал о самом последнем прогнозе на новое процветание.

Как бы то ни было, теперь у каждого банка установились длинные очереди отрезвевших вкладчиков. В хранилищах нет достаточного количества наличности, чтобы удовлетворить спрос. Больше всего денег в чековых книжках, но эти деньги – всего лишь магнитные импульсы в компьютере. Только около 5% денежной массы существует в форме монет или бумажных денег. Бóльшая их часть уже вне банков – в кассовых аппаратах, бумажниках и под матрасами. Суммы внутри банков составляют лишь около половины процента. Чрезвычайные поставки Федеральным резервом валюты, которая при таком виде кризиса по большей части складывается, не адекватны. На этот раз печатные станки не могут угнаться за спросом.

Представители от Казначейства и ФРС появляются на ТВ и уверяют страну, что не надо паниковать. Все под контролем. Единственная проблема – иррациональное поведение паникёров, не доверяющих своей стране.

Никто им не верит. очереди становятся длиннее, а народ – злее. Банковских служащих осмистывают по пути на работу. Раздаются угрозы подбросить бомбу. Периодически вспыхивают беспорядки, в банках разбиваются окна. Вызывается *Интернациональная охрана*. Президент объявляет банковские каникулы.

Поскольку люди не могут закрыть свои банковские счета путём снятия денег, они в спешном порядке устремляются в магазины транжирить чековые деньги. Если они не могут забрать собственные деньги, они, по крайней мере, могут на чеки покупать вещи. Гаражи и подвалы забиваются консервированными продуктами, обувью, винами, шинами, боеприпасами. Количество товаров уменьшается, цены увеличиваются. Доу-Джонс уходит в небеса, так как инвесторы опустошают свои чековые счета, покупая что угодно для продажи. Комиссия по ценным бумагам и биржам, наконец, останавливает продажи.

Прошло девять месяцев. Кризис стал подарком судьбы для политиков. Они преуспели и выросли на нем. Кризис стал предлогом, чтобы носиться по всей стране, выясняя факты в ознакомительных поездках. Политики появлялись без пиджаков, без церемоний, на общих собраниях, произносили речи и выступали на ТВ, выражая постоянную серьёзную озабоченность и создавая впечатление, что возьмут на себя разрешение кризиса. Это легитимировало их роль и представляло их более необходимыми, чем прежде. В глазах публики они превращались из олухов и пентюхов в серьёзно мыслящих государственных мужей.

Партия власти заявляла, что унаследовала финансовый беспорядок. Предыдущая партия обвиняла настоящую в «потере мяча». Обе партии, однако, пришли к общему соглашению, вернее, к той же политике, которая и привела

к кризису: расширение полномочий ФРС, большой государственный контроль экономики, большее количество субсидий и льгот и больше международных обязательств. Это назвали «чрезвычайными реформами» и приняли в качестве закона. Те же люди, что создали проблемы, прописали и их решение. Народ был счастлив, что имеет таких прозорливых и мудрых лидеров.

СПАСЕНИЕ БАНКОВ И РОСТ ИНФЛЯЦИИ

Самое важное в этих чрезвычайных реформах – спасение банков с помощью долларов налогоплательщиков. Непогашенные иностранные займы взял на себя, выкупив, МВФ/Всемирный банк, терпящие бедствие корпоративные заёмщики получили правительственные гранты под видом займов, которые, и все это знали, никогда не будут выплачены.

Далее были национализированы банки, по крайней мере частично. В обмен на спасительные деньги они передали большие блоки акций правительству, которое теперь действует как официальный деловой партнёр. Это не было радикальной переменой. Банки уже жёстко регулировались правительством, вплоть до определения их доходов, дивидендов и зарплат персоналу. Такой ситуации захотел картель. Это был способ обойти конкуренцию и гарантировать прибыли. Монетарные специалисты и профессиональные политики всегда работали в тайном партнёрстве. Теперь их отношения стали всего лишь более явными.

В принципе, не допускалось банкротство ни одного банка. ФРС выполняла своё обещание на этот счёт. Когда проблемные банки поглощались, все вклады суммой 100 000 долларов и меньше оставались полностью защищёнными. Если вкладчики хотели забрать свои деньги, а у банка их не было, Федеральный резерв их просто печатал. Никого не беспокоила стоимость этих долларов. Они были просто счастливы, что получили их.

Прошло ещё десять месяцев. Те новые доллары заполнили всю систему. Объем денежной массы увеличился на сумму спасения, плюс сумма на расходы по социальному обеспечению и здравоохранению, плюс процент по национальному долгу и на помощь иностранным государствам, все это с вертикальным ростом. Инфляция стала институциональной.

Доллар развенчали как фактически мировую валюту. Иностранные инвесторы и центральные банки больше не нуждаются в долларах. Они отправляют их назад в США, откуда они пришли. Триллионы их вернулись к нашим берегам, как огромная стая домашних голубей, закрывшая небо от горизонта до горизонта. Они скупают наши холодильники, автомобили, компьютеры, самолёты, торговые суда, танки, офисные здания, заводы, земельные участки,

толкая цены на уровни, казавшиеся немыслимыми ещё год назад. Одна почтовая марка стоит столько же долларов, сколько некогда стоил новый телевизор.

Большинство магазинов перестало принимать чеки и кредитные карточки. Работникам платили ежедневно пакетами бумажных денег. Люди бросились в магазины покупать продукты, пока цены не поднялись ещё выше. Торговля парализована. Банковские кредиты и ипотека недоступны. Сберегательные счета опустошены, в том числе наличные суммы по страховым полисам. Заводы останавливаются. Фирмы закрывают двери. Бартер становится обычным делом. Старые серебряные монеты вышли из частных тайников, и стодолларовая банкнота обменивалась на одну серебряную монету в 10 центов.

Вследствие краха 1929 года объем бумажных денег был ограничен, так как они обеспечивались серебром, а количество серебра само было ограничено. Те, у кого были деньги, могли выкупать активы тех, у кого их не было. Из-за того что цены снижались, чем дольше они придерживали свои доллары, тем больше могли купить. Теперь все стало прямо наоборот. Теперь нечем обеспечивать денежную массу, кроме политики. Нет пределов для количества денег, которое можно создавать. Вопрос только в возможностях печатных станков и доставки. Денег – в избытке, и цены растут. Те, у кого есть деньги, стараются истратить их как можно скорее, пока они не потеряли своей покупательной способности. В 1930-е годы все хотели иметь доллары. Теперь все хотят избавиться от них.

Чрезвычайный банковский закон № 1, первоначально принятый в 1961 году, давал право секретарю Казначейства без согласования с Конгрессом наложить арест на любой банковский счёт, сберегательный счёт или сейфовую ячейку. Он также получал право фиксировать арендные платежи, цены, оклады и почасовую оплату и вводить нормирование. Все это должно было делаться «в случае нападения на Соединённые Штаты». Теперь это условие меняется на такое: «в случае чрезвычайной ситуации в стране». Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям (FEMA) было расширено, чтобы содействовать исполнению распоряжений Казначейства. FEMA получила также полномочия задерживать и принудительно переселять любых граждан «в случае чрезвычайной ситуации в стране».

НОВЫЕ ДЕНЬГИ

Прошло три месяца, и президент объявил о чрезвычайной ситуации в стране. Секретарь Казначейства заявил, что страны мира ратифицировали многосторонний договор, который разрешит инфляционные проблемы Соединённых Штатов. Это будет выполнено путём выпуска новой всемирной денежной единицы – банкора, такое название предложил Джон Мейнارد Кейнс

на Бреттон-Вудской конференции в 1944 году. Эти новые деньги восстановят нашу торговлю и остановят инфляцию. По крайней мере, как сказал секретарь Казначейства, человек теперь будет иметь полный контроль над своей экономической судьбой. Деньги станут его слугой, а не хозяином.

Соединённые Штаты, сказал он, согласны принимать банкноты в качестве законного платёжного средства для оплаты всех долгов, частных и государственных. Старые деньги ещё будут приниматься, но постепенно, в течение трёх месяцев, будут выводиться из обращения. В конце этого срока банкноты Федеральной резервной системы больше не будут действительны. Во время переходного периода старые деньги могут обмениваться в любом банке в соотношении 1 банкнот на 500 долларов. Все существующие контракты, оформленные в долларах, включая жилищные ипотеки, конвертируются в банкноты в таком же соотношении.

В том же заявлении секретарь также уведомлял, что МВФ/Всемирный банк в обеспечение этих новых денег использует нечто гораздо более ценное, чем золото. Вместо золота деньги будут обеспечиваться активами мира. Такие активы включают облигации стран-участников, плюс миллионы акров первобытных земель, депонированных в «Банке окружающей среды» ООН¹.

Национальные парки и леса Соединённых Штатов приобщили к этим резервам, и теперь они будут под контролем Агентства ООН по сохранению и развитию объектов дикой природы (WAPDA). С этого времени Федеральная резервная система будет функционировать как подразделение Международного валютного фонда, который становится теперь центральным банком мира.

Хотя секретарь не упомянул об этом в своём публичном обращении, но договор ООН обязал также правительство наложить ограничения на использование наличных денег. Каждый гражданин должен использовать международные идентификационные карты (ID card). Главная цель этих машиночитаемых карт – обеспечить достоверную идентификацию всех граждан в транспортных узлах и военных контрольных пунктах. Их могут также использовать банки и магазины для доступа к чековым счетам, которые теперь называются *дебетовыми*.

Каждый гражданин получает счёт в банке близ своего места жительства. Все платежи работодателей или государственных служб производятся электронным переводом. Транзакции наличных суммой более 5 банкнот станут незаконными через три месяца. Большинство статей расходов должны оплачиваться дебетовой карточкой. Это – единственный способ, которым Агентство ООН по отслеживанию валютных транзакций (МТТА) может бороться с подделками и предотвращать отмывание денег организованными преступными группами. И это, конечно, камуфляж. Правительство, выпускающее но-

¹ «Долг на природу» – свопы, предложенные на 4-й Всемирной конференции дикой природы в Денвере, Колорадо, 1987 год, которые только теперь приводятся в исполнение. Коста-Рика, Боливия и Эквадор уже согласились обменять свои долги на обязательство не разрабатывать районы дикой природы. Контроль ООН над этими территориями обязателен.

вые деньги, – самый большой фальшивомонетчик и участник организованной преступности, каких мир не видел¹. Настоящие мишени – политические диссиденты и налоговые уклонисты в подпольной экономике.

Никто не сможет получать зарплату, покупать или продавать без этой ID-карты, никто не сможет оставить страну или даже переехать в другой город. Если какое-нибудь государственное агентство найдёт причины отметить кого-то знаком риска, его карту сделают недействительной, и он будет лишён фактически любых экономических транзакций и географических перемещений. Это реальный контроль.

Новые деньги приносят группе заговорщиков ещё один выигрыш. Теперь уже не может быть никакого «набега» на банки, поскольку запрос наличных стал незаконным.

ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ

Гиперинфляция – плодородный грунт для семян революций. Экономическая безысходность вынуждает массы хвататься за соломинку обещаний Ленина в России, Гитлера в Германии, Муссолини в Италии и Мао в Китае. Три года прошло с того рокового «набега» на банки в Нью-Йорке, а инфляция не снизилась даже с введением банкнот. Теперь мы видим массовые народные демонстрации в каждом большом городе с требованием поднять зарплаты, создать больше рабочих мест, увеличить государственные субсидии и установить более жёсткий контроль цен. С того времени практически исчезли товары из магазинов за *любую* цену, и демонстранты также требовали выпускать больше продукции на государственных предприятиях. Демонстрации устраивались радикальными организациями, выступающими за ниспровержение «разлагающейся капиталистической системы» и за воцарение социализма вместо него. Демонстранты, поющие на улице, не понимают, что поют. Они не подозревают, что капитализм в Америке уже много лет как умер и что у них уже именно социализм.

Тем не менее есть десятки тысяч отчаявшихся людей, которых привлекает революционная риторика. Терроризм и массовые беспорядки стали общим явлением на территориях больших городов. Круг революционеров разбухает и за счёт тех, кто приходит единственно ради мародёрства, которое всегда сопровождает беспорядки.

¹ Это не гипербола. Все фиатные деньги – подделка. Более того, есть свидетельства, что ЦРУ и DEA (Управление по борьбе с наркотиками) глубоко встроены в контрабанду незаконных наркотиков. Деньги от продажи этих наркотиков явно отмывались через панамские филиалы банков США и использовались для финансирования тайных операций в Никарагуа и других местах. По сути, все правительства занимаются деятельностью, которую сочли бы преступной, если бы ею занимались обычные граждане.

Люди напуганы этими актами насилия и требуют восстановления законности и порядка. Они чувствуют облегчение, когда объявляется военное положение. Они счастливы, когда видят бойцов международных сил, патрулирующих их территорию. Они не возмущаются, оставаясь запертыми в своих домах или подвергаясь произвольным задержаниям военными. Они действительно благодарны за повсеместное присутствие полицейского государства.

Любопытно, что революционные группы, обусловленные этим насилием, не подавлялись правительством. Напротив, они получали гранты от организаций Совета по международным отношениям (CFR), а к их лидерам политики CFR относились с большим почтением. СМИ, связанные с CFR, обеспечивали им широкое освещение в новостях и с симпатией представляли их идеологию. Некоторые диссиденты начали задаваться вопросом, не являются ли революционеры всего лишь пешками, не создающими, что ими манипулируют те, кто во власти, и их главная функция – запугиванием заставить народ согласиться на ограничения полицейского государства.

Такие голоса, однако, быстро заставляли умолкнуть. Тех, кто задавал вопросы правительству или СМИ, объявляли экстремистами. Власти заявляли, что именно они – причина наших сегодняшних бед. Они – пережитки старой системы, основанной на жажде наживы и расовой ненависти. Они виновны в политически неправильных взглядах и преступной нетерпимости. Их приговаривали к психологической обработке и реабилитации в центрах коррекции взглядов. Тех, кто не отрекался сразу же, больше никто никогда не увидит.

ДОМА НАЦИОНАЛИЗИРУЮТ

Из производственных отраслей одна из первых почувствовала грубую силу «мер на случай чрезвычайной ситуации» жилищная индустрия. На ранних стадиях инфляции люди использовали свои все более обесценивающиеся доллары для оплаты ипотечных кредитов. Это разоряло кредиторов. Они получали в оплату доллары, которые стоили всего долю тех долларов, что они выдали в ссуду. Кризис банков привёл к исчезновению сбережений и инвестиционного капитала, поэтому они не имели возможности выдавать новые займы, чтобы возместить старые. Кроме того, люди опасались продавать свои дома в такое хаотичное время, а если намеревались это сделать, мало находилось желающих купить при высоких процентных ставках. Старые кредиты были погашены, а новых взамен не было. Ссудно-сберегательные ассоциации (S&Ls), которые в 1980-е годы испытывали трудности из-за падения цен на жилье, теперь прогорали из-за подъёма цен.

Конгресс применил ожидаемое политическое решение, спасая их и беря под контроль. Но это не прекратило потери. Их просто перевели на налогоплательщиков. Чтобы покончить с потерями, Конгресс принял Закон

о справедливости и реформе в жилищной сфере (HFRA). Все контракты, деноминированные в банкорах, были конвертированы в новую единицу стоимости, названную «справедливой стоимостью», которая определялась на пятницу предшествующей недели по среднему по стране показателю цены (NAPI). Это не имело ничего общего с процентными ставками. Это соотносилось со стоимостью банкора. Чтобы лучше себе это представить, давайте превратим банкеры снова в доллары. Некий заем в 50 000 долларов в пятницу стал займом в 920 000 долларов в понедельник. Мало кто может позволить себе такие платежи. Тысячи сердитых избирателей штурмовали Капитолий в знак протеста. Пока толпа снаружи выкрикивала ругательства, Конгресс поспешно проголосовал за объявление моратория на все ипотечные платежи. К концу дня никто ничего не должен был платить! Народ вернулся в свои дома, удовлетворённый и благодарный своим мудрым и великодушным лидерам.

Следовало лишь применить «чрезвычайные» меры позже, в более спокойной обстановке. Прошло много месяцев, но Конгресс не рискнул провести необходимые меры. Избиратели выбросили бы их из офисов, если бы они попытались. Миллионы людей жили в своих домах бесплатно, если не считать местные налоги, которые тоже были за пределами способности кого-либо платить. Следуя примеру Конгресса, окружные власти также объявили мораторий на свои налоги, но только когда правительство согласилось возместить убытки в соответствии с нормами недавно принятого Закона о помощи местным органам власти (ALGA).

Арендодатели теперь тоже были в таком же положении, потому что вся арендуемая площадь фактически была национализирована, даже та, что была полностью оплачена своими собственниками. Закон HFRA не был «справедлив» для тех, кто купил свои дома, желая иметь преимущество перед теми, кто дома снимает. Из-за регулирования арендной платы собственники не имели возможности оставаться на уровне растущих цен на содержание и, особенно, растущих налогов. По существу, все арендное жилье было конфисковано местными властями за налоговую задолженность. Но местные власти сами теперь зависели от федеральных властей, поскольку большую часть их доходов составляли дотации, поэтому недвижимость перешла к федеральным органам в обмен на федеральную помощь.

Все это нравилось тем избирателям, которые считали, что их лидеры «что-то делают» для решения их проблем. Однако постепенно стало ясно, что федеральное правительство оказалось собственником всех их домов и квартир. По сути, люди жили там только по милости правительства. Их могут переселить в другие кварталы, если этого захочет правительство.

КОНТРОЛЬ ЗАРПЛАТ/ЦЕН И ТРУДОВЫЕ АРМИИ

Тем временем Агентство ООН по стабилизации зарплат и цен (WPSA) учредило регулирование зарплат и цен с целью борьбы с инфляцией. Те немногие предприятия, которые смогли пережить разорительное воздействие инфляции, рухнули в результате этих мер. Жизненно важные отрасли WPSA реквизирировало и предотвратило закрытие. Если служащие отказываются работать за низкую фиксированную зарплату или исполнять порученную им работу, их арестовывают и обвиняют в антидемократической деятельности. При выборе между тюрьмой или поступлением «добровольцем» в Армию ООН «Полной занятости и экологического восстановления» (FEERA), большинство выберет армию. Там они делают назначенную им работу в обмен на еду и кров. Многие из них направлялись на новую работу, в новые города, даже новые страны, в зависимости от квот занятости, установленных Агентством ООН по международному распределению человеческих ресурсов (IHRAA). Их семьям давали жилые помещения, соответствующие их рабочему статусу и готовности сотрудничать.

Автомобили теперь используются только правящей элитой, которая занимает государственные руководящие должности. По мере возможности работники переводятся в бараки, построенные в пешеходной доступности от главных предприятий. Другие пользуются системой скоростных перевозок, значительно развитой FEERA. Для среднего звена управленцев и самых квалифицированных работников, которым позволялось проживать в пригородах, существуют PVPs («Объединения владельцев фургонов»), которые забирают их на предписанных остановках, чтобы отвезти на работу и обратно.

На прошлой неделе Морис Стронг, теперь директор IHRAA, объехал 15 региональных подразделений, которые покрыли Североамериканский континент, включая бывшие Соединённые Штаты и Канаду, и выразил удовлетворение, что Америка наконец-то перестала быть агрессором против всего мира.

Прошло ещё двадцать лет, и у нас теперь Новый мировой порядок. Никто из нас не знает точно, когда он наступил. Действительно, не было официальной даты начала, никаких объявлений в СМИ, никаких церемоний, никаких фанфар. Как-то в течение последних десяти или пятнадцати лет стало ясно, что он уже *есть*, и все приняли его как естественную эволюцию политических тенденций и потребностей. Теперь у целого поколения уже нет в памяти другого образа жизни. Люди старших поколений почти забы-

ли подробности своего предыдущего существования. И конечно, многие из них были ликвидированы. Школы и учебники говорят об ушедшей эпохе как о времени необузданной конкуренции, эгоизме и несправедливости. Обыкновенно в прошлом обладать собственностью, например автомобилями, частными домами и тремя парами обуви, вряд ли упоминалось, а если упоминалось, то высмеивалось как образец расточительности угасавшего общества, которое, к счастью, прекратило своё существование.

НЕТ НАЛОГОВ, ИНФЛЯЦИИ, ДЕПРЕССИИ

Народ больше не беспокоится о высоких налогах. По большей части их нет. Все работают на государство – прямо или косвенно – и получают зарплату электронным переводом в банк, регулируемый государством, который контролирует все расходные счета. Даже те большие корпорации, которым позволили поддерживать видимость частной собственности, – это всего лишь младшие партнёры государства. Они полностью контролируются, но и в то же время полностью защищены от банкротства. Сумма, которую получает каждый гражданин за свою работу, определяется его технической эффективностью и политической позицией. Его налоги приятно низкие или отсутствуют вовсе. Государственные издержки теперь почти целиком покрываются из роста денежной массы и экономической стоимости рабочих батальонов.

Каждое региональное правительство мира определяет свои потребности в расходах и затем выставляет на продажу на открытом рынке облигации, чтобы получить деньги. МВФ/Мировой банк, действующий как центральный банк ООН, – первоочередной покупатель. Банк определяет, сколько позволить каждому региональному правительству иметь денег, и затем «покупает» соответствующее количество облигаций. Это выполняется электронным переводом «кредитов» одному из его банков-корреспондентов, близкому к региону, получающему деньги. Получив перевод, местное правительство использует эти кредиты на оплату своих счетов. Для любой из этих операций не требуется ни одного налогового доллара. МВФ/Мировой банк просто создают деньги, а региональные правительства их тратят.

В былое время такое увеличение денежной массы почти немедленно привело бы к росту цен и зарплат. Больше этого нет. Цены и зарплаты контролируются. Происходит, однако, то, что государство попадает в свой собственный капкан. Необходимо поддерживать у работников ощущение

счастья, увеличивая их зарплаты, но нужно также поддерживать и функционирование их производств, позволяя увеличивать также цены. Спираль «зарплаты – цены», следовательно, никуда не делась. Это всего лишь отсрочка на несколько месяцев. В случае свободного рынка это происходит в результате взаимодействия спроса и предложения, здесь вместо этого все направляется бюрократическими формулами. Конечный результат тот же в любом случае. Народы мира также оплачивают расходы своих местных и международных правителей через скрытое налогообложение, называемое инфляцией.

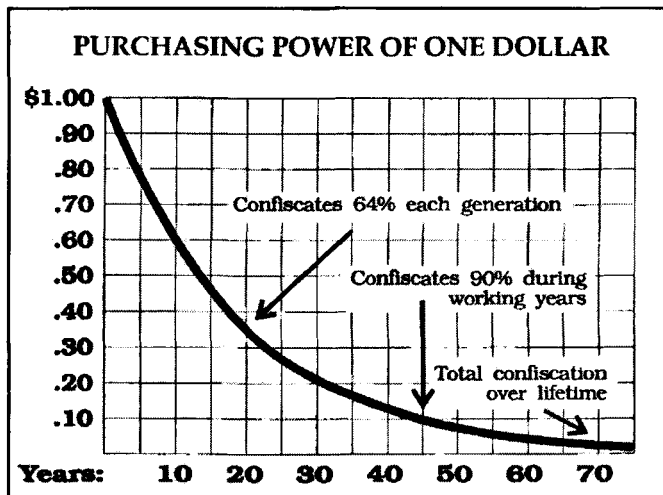
В хаотичном прошлом индустриальные страны мира прошли через фазы разрушительной инфляции, часто превышавшей 1000% в год. В результате была разрушена вера общества в действующие национальные правительства. Это сделало людей более податливыми и готовыми к коренным переменам в стиле жизни и политических институтах, что и вымостило дорогу к Новому мировому порядку. Но теперь он наступил, и чрезвычайный уровень инфляции, по крайней мере в отсутствие войны, привёл бы к неудовольствию в обществе и стал бы контрпродуктивным. Поэтому инфляция была установлена на уровне около 5% в год. Такой уровень признали оптимальным для получения максимального дохода без провоцирования напряжённости в обществе. Каждый согласится, пять процентов – уровень «умеренный». С ним можно жить, но мы склонны не обращать внимания, что эти 5% в год – *навсегда*.

Пятипроцентное обесценивание касается не только денег, заработанных в этом году, но и всех накоплений прошлых лет. К концу первого года исходный доллар стоит 95 центов. К концу второго года он ещё уменьшился на 5% и стал стоить 90 центов и т. д. Через 20 лет государство конфискует 64% с каждого доллара, отложенного нами с начала нашей карьеры. После 45 лет работы скрытый налог на деньги первого года составит 90%. Государство практически отберёт все заработанное за всю нашу жизнь. Текущий доход и получаемый процентный доход частично компенсируют этот эффект, но это не изменит основополагающей реальности государственной конфискации.

ЭФФЕКТ «УМЕРЕННОЙ» ПЯТИПРОЦЕНТНОЙ ИНФЛЯЦИИ

Все опубликованные в последние 50 лет графики, иллюстрирующие падение стоимости доллара с такой-то даты по «настоящее время», показывают следующий вид кривой:

ПОКУПАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ ДОЛЛАРА

- 1 – конфискация 64% в каждом поколении
- 2 – конфискация 90% за все годы работы
- 3 – общая конфискация за время жизни

Эти цифры, конечно, средние. Немногим людям из среднего класса удаётся вложить какие-то суммы в материальные активы или доходные ценные бумаги (которых осталось мало), что как-то защитило бы их от влияния инфляции. Для огромного большинства, однако, инфляционные хеджи составляют всего лишь малую долю того, что они заработали за всю жизнь.

И как мы видим, при Новом мировом порядке инфляция утверждена на «скромном» уровне в 5%. Один раз в каждые пять или шесть поколений, так как цены поднимаются все выше и выше, может быть введена новая монетарная единица на замену старой, чтобы избавиться от лишних нулей. Но никто не проживёт так долго, чтобы увидеть более одной девальвации. Каждое поколение не думает о потерях предыдущего. Молодые люди включаются в процесс, не осознавая, что он круговой, а не линейный. Они не могут представить все в целом, поскольку не жили в начале и не будут жить в конце этого цикла. Собственно, конца и не должно быть. Процесс может продолжаться вечно.

При таком механизме и имея продукцию рабочих батальонов, страна может жить и вовсе без налогов. Продукция, произведённая на протяжении жизни каждого человека, находится в распоряжении его страны. Работникам позволено иметь цветной телевизор, субсидированный государством алкоголь, лёгкие наркотики, силовой спорт для развлечения, но других вариантов выбора у них нет. Они не могут выйти из своего класса. Общество разделено

на правителей и управляемых, с административной бюрократией посередине. Привилегии теперь распределяются, главным образом, по праву рождения. Рабочий класс и даже большинство административного персонала служат господам, которых они не знают, как зовут. Но они служат. Их новые хозяева – это финансисты и политики, которые создали Новый мировой порядок и им управляют. Все человечество теперь пребывает в условиях феодализма эпохи высоких технологий.

ФЕОДАЛИЗМ В ЭПОХУ «ХАЙ-ТЕК»

Инфляция – не единственный компонент экономического хаоса, над которым теперь установили контроль. «Бумы и спады» экономического цикла также в прошлом. Как нет прямых налогов, так нет больше и экономических циклов. Теперь, когда правительство установило контроль над всеми узловыми точками экономики, бизнес-циклы просто не допускаются. Нет спекуляций на рынке, поскольку нет никого, у кого были бы средства для спекуляций. Нет роста товарных или производственных запасов для получения максимальной выгоды в будущем, поскольку материально-технические запасы теперь определяются по формулам. Кроме того, прибыли также определяются по формуле, и хотя они всего лишь достаточные, чтобы не отставать от инфляции, они гарантированы.

Хаос в экономике теперь невозможен, потому что его не допускают. Как и депрессию. Да, есть сотни миллионов человеческих существ, живущих в условиях крайней нужды, и тысячи ежедневно умирают от голода, но депрессия объявлена вне закона. Ни один политик, ни один писатель, ни одно СМИ не посмело бы намекнуть, что система терпит крах. Каждый месяц правительство публикует новые статистические данные, в весьма туманном виде демонстрирующие, что экономика неуклонно улучшается. Хотя народ повсюду умирает от голода, голод больше не существует. Хотя рабочие батальоны набиты в хлипкие бараки и палатки, хотя старые частные дома и многоквартирные дома рушатся из-за отсутствия ухода, вынуждая все больше и больше семей делиться с кем-то своими крошечными необогреваемыми жилищами, тем не менее нехватка жилья официально ликвидирована. Нет больше проблем в экономике, потому что они теперь незаконны.

ГОЛОСА ИЗ ПРОШЛОГО

Панель на нашей машине времени выдаёт сообщение. Читаем: «Идентичная последовательность в банке памяти. Проверьте годы 1816, 1831, 1904 и 1949». Это говорит нам, что бортовой компьютер нашёл подобие между тем

будущим, которое мы сейчас рассматриваем, и прошлым, записанным в памяти машины. Проверим это. Напечатайте на своей клавиатуре «Отправить данные на принтер» и нажмите клавишу «Execute» («Выполнить»).

На принтере печатается первая позиция. Это предостережение. В 1816 году Томас Джефферсон написал письмо Сэму Керчевалу, в котором сообщал:

Мы должны выбрать между «экономикой и свободой или богатством и рабством». Если мы залезем в такие долги, что вынуждены будем платить налоги с нашей еды и питья, с необходимых предметов и с комфорта, с нашей работы и развлечений... то нашему народу... придётся работать 16 часов в сутки, отдавать заработанное за 15 из них правительству... не иметь времени, чтобы думать, не иметь возможности призвать к ответу наших плохих руководителей; но мы рады получать средства существования, нанявшись заклёпывать цепи на шеях наших товарищей по несчастью... И это – тенденция всех правительств... пока основная часть общества не превратится во всего лишь жалкие автоматы... А ведёт за собой весь этот ужас государственный долг. За ним следует налогообложение и, наконец, нужда и тирания¹.

Пришла вторая распечатка. Это политический комментарий и прогноз. В 1831 году молодой француз Алексис де Токвиль прибыл в Соединённые Штаты, чтобы подготовить официальный доклад своему правительству об американской пенитенциарной системе. Однако по-настоящему его интересовала социальная и политическая ситуация в Новом Свете. Многие в Америке ему понравились, но он обнаружил и то, что, как он думал, было семенами её разрушения. Вернувшись во Францию на следующий год, он начал работу над четырёхтомным анализом увиденных им сильных и слабых сторон страны. Его восприимчивость была замечательной, и его работа под названием «Демократия в Америке» осталась одной из мировых классических работ по политической науке. Вот часть, которую отметил наш компьютер:

Американцы полагают, что в каждой стране высшая власть должна исходить от народа; но как только эта власть избрана, людям дают понять, что власть их избранников не имеет пределов, и люди сами готовы признать, что власть имеет право делать все, что ей хочется... Понятие о правах, присущее некоторым индивидам, быстро улетучивается из голов; возникает заменяющее его понятие о всемогуществе и исключительных полномочиях всего общества...

¹ *Basic Writings* (New York: Willey Book Co., 1944), pp. 749–750.

Первая вещь, поражающая воображение, – что бесчисленные множества людей, все равные и одинаковые, непрерывно стремятся к мелким, пустяковым удовольствиям, которыми они насыщают свои жизни. Каждый из них, живущий обособленно, безразличен к судьбам всех остальных людей; его дети и его личные друзья составляют для него все человечество...

Над этой расой людей располагается огромная опекающая власть, которая берет на себя исключительную заботу блюсти их судьбу и обеспечивать удовольствиями. Эта власть – абсолютная, скрупулёзная, постоянная, все предвидящая и снисходительная. Она могла бы напоминать власть родителя, если бы, подобно родительской воле, её целью была бы подготовка людей к зрелости; но эта власть, наоборот, видит цель в том, чтобы сохранить их в постоянном детстве: она вполне удовлетворена тем, что люди радуются, полагая, что они только и думают об удовольствиях...

Верховная власть, обработав последовательно каждого члена общества в своих мощных тисках и придав ему желаемую форму, простирает затем свои руки и на всю общину. Это накрыло общество сетью мелких, запутанных правил, указаний и стандартов, через которые большинство оригинальных умов и энергичных характеров не может пробиться, подняться над толпой. Воля людей не сломана, но смягчена, искривлена и управляема; она редко побуждает к действию, наоборот, постоянно удерживает от действий. Такая власть не разрушает, она стесняет существование; она не тиранствует, но давит, подрывает силы, заставляет молчать и одурманивает ум и чувства людей, пока они не превратятся в стадо запуганных и старательных животных. И правительство станет их пастырем...

Наши современники постоянно возбуждаются двумя конфликтующими страстями: они хотят, чтобы ими руководили, и они желают оставаться свободными. Так как они не могут подавить что-то из этих противоположных стремлений, они постарались удовлетворить их оба одновременно. Они разработали форму единоличного, опекающего и всемогущего, но избираемого народом правления. Они комбинируют принцип концентрации власти и принцип народовластия; это приносит им облегчение: находясь под опекой, они утешают себя тем, что сами выбрали своих попечителей. Каждый человек позволяет держать себя на цепи, видя, что другой конец цепи в руках не какого-то лица или класса, а всего народа. Благодаря такой системе народ, чтобы выбрать себе хозяина, выходит из состояния зависимости, достаточно длительного, а выбрав, снова в него возвращается¹.

¹ Alexis de Tocqueville, *Democracy in America*, Vol. II (New York: Alfred Knopf, 1945), pp. 290–291, 318–319.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ЧЕЛОВЕКА (ИНЖЕНЕРИЯ ЧЕЛОВЕКА)

Третья распечатка датирована 1904 годом и представляет собой отчёт, выпущенный Советом по общему образованию, одним из первых фондов, учреждённых Джоном Д. Рокфеллером-старшим. Целью фонда было использовать власть денег не для *подъёма* уровня образования в Америке, как многие думали в то время, а для влияния на *направление* образования. А именно – содействовать идеям коллективизма и интернационализма. Целью было использовать школьные классы, чтобы привить мировоззрение, побуждающее людей быть пассивными и покорными своим руководителям. Целью было – и есть – создать граждан, которые образованы достаточно, чтобы выполнять под контролем производственное задание, но не достаточно, чтобы задавать вопросы власти или стремиться возвыситься над своим классом. Действительное образование должно ограничиваться кругом сыновей и дочерей элиты. Что касается остальных, то лучше всего было бы выпускать квалифицированных работников, не имеющих иных стремлений, кроме радостей жизни. Как писал Токвиль, «чтобы народ радовался жизни, следует принять меры, чтобы они ни о чём не думали, кроме веселья».

В первой публикации Совета по общему образованию Фред Гейтс разъясняет этот план:

В наших мечтах мы имеем безграничные возможности, и люди с полной покорностью отдаются в наши формирующие руки. Существующие образовательные нормы забываются, и, несвязанные традицией, мы прививаем то, что нам надо, благодарным и отзывчивым сельским жителям. Мы не будем превращать этих людей или их детей в философов-интеллектуалов или учёных. Нам не надо выводить из их среды изобретателей, издателей, поэтов или писателей. Мы не будем вести поиск тех, кто обладает задатками великих артистов, художников, музыкантов, а также юристов, врачей, проповедников, политиков, государственных деятелей, которых у нас и так достаточно. Задача, которую мы себе поставили, очень простая и замечательная: готовить этих людей, таких, как есть, к совершенно идеальной жизни там, где они находятся... дома, в цехе и на ферме¹.

¹ «Occasional Paper № 1», General Education Board, 1904.

ВЕРНЕМСЯ В БУДУЩЕЕ

Вот и четвертая компьютерная распечатка материала из прошлого. Это сатира и предостережение. В 1949 году Джордж Оруэлл написал свой классический роман, озаглавленный «1984». В нем он изобразил те самые «футуристические» сцены, которые мы теперь видим перед собой из нашей машины времени. Его единственной ошибкой, кажется, была дата, поставленная в заглавие его книги. Если бы он писал сегодня, он, вероятно, назвал бы книгу «2054».

Оруэлл описал наш будущий мир разделённым на три региона, названных им Океанией, Евразией и Остазией. Океания включает обе Америки, Англию, Австралию и Тихоокеанские острова; Евразия — это Россия и континентальная Европа; Остазия включает Китай, Японию, Юго-Восточную Азию и Индию. Эти сверхдержавы постоянно ведут друг с другом войны. Но войны развязываются не для того, чтобы победить врага, они ведутся, главным образом, чтобы контролировать население. Народ на всех трёх территориях мирится с нищетой и притеснениями, поскольку во время войны жертвы неизбежны. Большинство стратегий, изложенных в «Докладе из “Железной горы”», можно найти в романе Оруэлла, но он описал их первый. «Мозговой центр» готов был даже признать Оруэлла источником некоторых из своих концепций. Например, по теме учреждения современной изощрённой формы рабства группа «Железной горы» писала:

До нынешнего времени об этом говорилось только в беллетристике, а именно в работах Уэллса, Хаксли, Оруэлла и других, затрагивавших тему тенденции социологии будущего. Но фантазии, представленные в книгах «О дивный новый мир» и «1984», становились все менее и менее невероятными за время, прошедшее с их публикации. Традиционная ассоциация рабства со старыми доиндустриальными культурами не должна закрывать от нас возможности её адаптации к продвинутым формам социальной организации¹.

Отсюда мы видим, что работа Оруэлла — намного больше, чем занимательное повествование. Она актуальна и для нашего путешествия во времени. Наши предполагаемые профессионалы изучили её основательно. Сделаем это и мы. Вот что пишет Оруэлл:

¹ Lewin, *Report*, p. 70.

Эти три супердержавы постоянно воюют и находятся в состоянии войны последние 25 лет. Их войны, однако, уже не те ужасные, истребляющие противостояния, которые были в первой половине XX века... Это не значит, что как ведение войны, так и преобладающее отношение к ней стали менее кровавыми или более рыцарственными. Напротив, военная истерия постоянна и универсальна во всех странах, и такие акты, как насилие, мародёрство, убийство детей, обращение целых народов в рабство, расправы с пленными, вплоть до сваривания и погребения заживо, рассматриваются как обычное дело...

Главная цель современной войны... израсходовать продукцию машины, не повышая общего уровня жизни. [«Машина» – это технические и производственные возможности общества создавать товары.] С момента, когда машина впервые заявила о себе, всем думающим людям стало ясно, что исчезла необходимость в общественном тяжёлом труде и, следовательно, в значительной мере – в общественном неравенстве. Если бы машина намеренно использовалась именно с этой целью, то голод, изнурительный труд, грязь, неграмотность и болезни могли бы исчезнуть за несколько поколений...

Но также ясно было и то, что общий рост благосостояния угрожал бы иерархическому обществу гибелью – и действительно, в некоторых случаях стало его гибелью. В мире, где короткий рабочий день, все имеют достаточно средств на питание, живут в доме с ванной и холодильником, имеют автомобиль или даже самолёт, самые очевидные и, возможно, самые важные формы неравенства уже как будто бы исчезли. Став всеобщим, богатство не порождало бы различий...

Такое общество не могло бы долго оставаться стабильным. Ибо, если досуг и обеспеченность будут доступны всем одинаково, то огромные массы людей, обычно отупленные нищетой, стали бы грамотными и научились бы думать своей головой; и однажды, рано или поздно, они поймут, что привилегированное меньшинство не имеет официальных обязанностей, и они сметут его. Долговременное существование иерархического общества возможно только на основе нищеты и невежества...

Сущность войны – уничтожение, и не только человеческих жизней, но и плодов человеческого труда. Война – это способ разбить вдребезги, распылить в атмосфере, утопить в глубинах моря те материалы, которые могли бы в ином случае использоваться, чтобы сделать жизнь людей более комфортной и, следовательно, в перспективе сделать их слишком разумными...

Практически нужды населения всегда недооцениваются, и в результате – хроническая нехватка половины жизненно необходимого; но это считается полезным. Это обдуманная политика – держать даже привилегированные группы у края нужды, поскольку общая ситуация

дефицита увеличивает важность маленьких привилегий и тем самым увеличивает различие между одной группой и другой... Такая социальная атмосфера – атмосфера осаждённого города, когда обладание куском конины составляет разницу между богатством и бедностью. И в то же время ощущение нахождения на войне и, значит, в опасности делает передачу всей власти маленькой касте естественным и неизбежным условием выживания...

Война, как мы видим, не только выполняет необходимые разрушения, но выполняет их психологически приемлемым способом. В принципе, было бы очень просто истратить избыточный труд мира, строя храмы и пирамиды, копая ямы и снова их засыпая или даже производя огромное количество товаров и затем сжигая их. Однако это создало бы только экономическую, но не эмоциональную базу иерархического общества...

Война теперь, как мы видим, – это чисто внутреннее дело... войну ведёт каждая правящая группа против своих собственных подданных, и цель этой войны – не завоевание территорий или предотвращение завоевания своей, а сохранение в неприкосновенности структуры общества¹.

ФУНКЦИЯ РАСТОЧИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ТОТАЛИТАРИЗМЕ

Ясно, что мрачный роман Оруэлла стал основной моделью для «Доклада из “Железной горы”». Относительно *нашего* будущего его авторы подробно рассмотрели стоимость плановой расточительности как средства предотвратить улучшение уровня жизни широких масс. Они писали:

Производство средств массового разрушения всегда ассоциировалось с экономической «расточительностью». Термин имеет негативное значение, поскольку предполагает прекращение функционирования. Но никакая человеческая деятельность не может, собственно, считаться расточительной, если она достигает своей ситуативной цели...

В военном «расточительстве», на самом деле, больше социальной пользы... В современных продвинутых демократических обществах военная система... выступила в качестве последней великой защиты необходимых социальных классов от уничтожения. Так как экономическая продуктивность возрастает до уровней, все более превышающих прожиточный минимум, обществу становится все труднее поддержи-

¹ George Orwell, 1984 (New York: New American Library/Signet, 1949), pp. 153–164.

вать схемы распределения, гарантирующие наличие людей «рубящих дрова и черпающих воду»...

Произвольный характер расходов на войну и другие военные мероприятия делает их идеально подходящими для контроля этих важных классовых отношений... Постоянно действующая военная система должна существовать, среди прочего, ещё и затем, чтобы сохранить в каком-то качестве и в какой-то степени бедность, необходимую обществу как стимул, а также чтобы поддерживать стабильность властной организации в обществе¹.

Эти документы из реального прошлого и воображаемого будущего могут помочь нам лучше понять наше настоящее. Зрелище расточительных государственных расходов вдруг становится логичным. Вовсе не из тупости фермеры уничтожают свой урожай, покупаются за триллионы долларов системы вооружений, которые никогда не будут использованы или, возможно, даже и смонтированы, финансируется исследование сексуальной жизни мухи цеце, предоставляются гранты порнографам, выдающим себя за художников. Главная цель всех этих бессмысленных дел – истощить ресурсы страны. Теперь очевидно, что снижение уровня жизни в Западном мире сопряжено с ростом разницы между имущими и неимущими. Однако не так очевидно то, что все это происходит по плану. Следовательно, огромное расточительство государственных расходов – вовсе не прискорбный побочный эффект, это – цель.

Это возвращает нас к вопросу нахождения приемлемой замены войны. Война – не только самое большое расточительство, это ещё и самая большая мотивация активности людей. Как писал Оруэлл, расточительство в отсутствие войны «создало бы только экономический, а не эмоциональный базис иерархического общества». Способна ли модель загрязнения окружающей среды в достаточной мере мотивировать активность людей, чтобы стать заменой войны?

Это небезопасное предположение. Возможность войны в нашем будущем не может быть исключена. Модель загрязнения окружающей среды ещё не полностью доказана. Это хорошо работает для ограниченных целей и ограниченного масштаба, но сомнительно, что она когда-либо сравнится с истерическим потенциалом физической войны. Мировые проектанты не оставят использование войны, пока новая модель не зарекомендует себя в течение многих лет. По этому поводу авторы «Доклада из “Железной горы”» выразили весьма эмоционально:

Если нас спросят, как лучше всего подготовиться к наступлению эры мира, мы должны, прежде всего, заявить как можно твёрже, что нельзя допустить, чтобы военная система прекратила существование

¹ Lewin, *Report*, pp. 34–35, 40–41.

до тех пор, пока 1) мы точно не узнаем, что планируется взамен, и 2) мы не будем уверены в отсутствии обоснованного сомнения, что эти замещающие институты будут служить целям выживания и стабильности общества... В настоящее время неясно, будет ли мир когда-либо возможен. И ещё более сомнительно... что он был бы желателен, даже если бы был определённо достижим¹.

РЕГИОНАЛИЗМ КАК ПЕРЕХОД К МИРОВОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Объединение стран мира в три региональные супердержавы было очевидно ещё до того, как мы включили нашу машину времени. Первые шаги были чисто экономическими, но вскоре последовала политическая и военная консолидация. Европейский Союз (EU), включая Россию, начал с выпуска общих денег, и, в конце концов, все слились в функциональное региональное государство. Это была Евразия Оруэлла, хотя она и не стала так называться. Соглашения связали Канаду, Соединённые Штаты, Мексику и Южную Америку, образовав базовый контур Океании, принявшей банкноты Федеральной резервной системы в качестве региональной валюты. Япония постепенно стала относиться к Западу враждебно, когда торговля больше уже не была выгодна для неё, и вместе с Китаем, который поднялся благодаря западной помощи и технологиям, и с Индией, получившей атомную технологию Запада, стала политическим центром Остзии. Ещё в 1980-х годах это объединение было известно как Великая восточноазиатская сфера взаимного процветания. Монерная система объединения должна была базироваться на иене.

Однако народы бывших стран ещё не были готовы к огромному скачку в мировое правительство. К этой цели их следовало вести через серию более коротких и менее пугающих шагов. Они скорее склонны были передать свой экономический и военный суверенитет региональным группировкам народов, близких в этическом и культурном отношении и имеющих с ними общие границы. Только после нескольких переходных десятилетий могло произойти финальное объединение. А пока мир погружался попеременно то в войну, то в мир. После каждой военной фазы население становилось все более запуганным, обедневшим и сплочённым. И наконец, мировое правительство неодолимо. К этому времени модели загрязнения окружающей среды и захвата иноземцами были усовершенствованы настолько, что могли обеспечить высокий уровень мотивации людей. Но и после этого региональные бунты временами организовывались, чтобы при необходимости оправдать масштабные операции «по поддержанию мира». Война никогда полностью не прекраща-

¹ Там же, с. 88–90.

лась. Продолжала существовать, как всегда это было, необходимость стабилизации общества.

КАК ГОТОВИТСЯ БУДУЩЕЕ?

Давайте теперь вернёмся в настоящее, из которого мы отправлялись в путь, и поразмышляем о нашей поездке. Первое, что приходит в голову, – нет никакой уверенности, что будущее развернётся точно так, как мы это увидели. Тут слишком много переменных. Когда мы первоначально установили наш переключатель Первичного допущения на «Неизменные существующие тенденции», мы оставили переключатель Вторичного допущения так, как он был. Он указывал на «Банковский кризис». Выбери мы следующую позицию – «Нет банковского кризиса», и наша поездка была бы иной. Мы не увидели бы длинные очереди вкладчиков, или панические скупки товаров в магазинах, или закрытие фондового рынка. Но мы все же стали бы свидетелями таких же сцен отчаяния в более отдалённом будущем. Мы просто следовали бы по другому пути событий, чтобы увидеть, в конце концов, то же самое.

Силы, толкающие наше общество в глобальный тоталитаризм, не изменились бы ни на йоту. Машина Судного дня работала бы по-прежнему. Совет по международным отношениям (CFR) контролировал бы властные центры страны и СМИ. И наш электорат, который ничего не знал бы, что делается, и, следовательно, не мог бы протестовать. Мы увидели бы, как путём заключения природоохранных и экономических договоров и военного разоружения в пользу ООН также появились бы мировой центральный банк, и мировое правительство, и мировая армия, чтобы обеспечить выполнение их предписаний. Инфляция и контроль зарплат/цен развивались бы более или менее аналогичным образом, опустошая рынки потребительских товаров, а людей толкая в рабство. Вместо движения к Новому мировому порядку в череде экономических спазмов мы просто прошли бы менее напряжённый путь, но пришли бы точно туда же.

Можно не сомневаться, что мастера-проектировщики предпочли бы двигаться более спокойным путём. Терпеливая постепенность менее рискованна. Но не все у них под контролем. События могут выйти из-под их влияния, и мощные экономические силы вдруг сорвутся с цепи, а банковский кризис, *возможно*, разразится совсем не потому, что его сознательно вызвали.

С другой стороны, клика также знает, что кризисы полезны, поскольку они скорее сгоняют массы в загон, чем иной, более спокойный путь. Следовательно, применение *некоторого* типа кризиса, созданного на научной основе, не может исключаться. Такой кризис может принять разные формы: этническое насилие, терроризм, эпидемия, даже сама война. Но все это безразлично. Это не изменит наше направление путешествия во времени, только определит

конкретный путь следования. Так можно отклонить путь текущей реки природными барьерами или рукотворными каналами, плотинами, дамбами, но она, в конце концов, выйдет к морю. Поэтому наше заключительное соображение состоит в том, что относительно неважно, будет ли банковский кризис или любой другой катаклизм. Все это *вторичные* допущения, которые не имеют значения. Наша единственная реальная надежда на предотвращение нового феодализма в будущем – изменить *Первичную* предпосылку. Мы должны изменить её и прочесть: «Существующие тенденции изменены».

РЕЗЮМЕ

Пессимистический сценарий будущих событий включает банковский кризис, за которым следует организованная государством операция спасения и, возможно, национализация всех банков. Окончательная стоимость колеблется и оплачивается деньгами, созданными Федеральным резервом, что будет переложено на народ в форме инфляции.

Кроме того, рост инфляции вызывают постоянное расширение социальных программ, государственная система здравоохранения, программы субсидий и проценты по национальному долгу. От доллара как фактически мировой валюты, в конце концов, отказались. Иностранные инвесторы вернули в США триллионы долларов, чтобы конвертировать их как можно скорее в материальные активы. Это ещё больше увеличивает инфляцию. Инфляционное давление такое мощное, что промышленность и торговля останавливаются. Бартер становится средством обмена. Америка встаёт в один ряд с депрессивными странами Южной Америки, Африки и Азии – всех их вместе свяжет экономическое равенство.

Политики схватились за удобный случай и предложили смелые реформы. Реформы предлагали именно то, что в первую очередь и создало проблемы: расширение государственной власти, новые контролирующие органы и большее ограничение свободы. Но в это время программы начали принимать международный характер. Американский доллар заменялся новыми деньгами ООН, а Федеральная резервная система становилась подразделением МВФ/Всемирного банка.

Электронные переводы постепенно вытесняют наличные и чековые расчёты. Это позволяет органам ООН контролировать финансовую деятельность каждого человека. Для этой цели вводится машиночитаемая ID-карта. Если какой-то индивид помечается красным флажком каким-либо государственным органом, его карта блокируется, он отрезается от всех экономических транзакций и поездок. Это реальный контроль.

Растущее насилие на улицах из-за революционных движений и этнических беспорядков оправдывает принятие закона о военном положении. Народ

счастлив, видя, как бойцы ООН проверяют ID-карты. Устанавливается полицейское государство – во имя общественной безопасности.

Постепенно все частное жилье переходит в руки государства в результате операции по спасению ипотечной индустрии. Сдаваемую в аренду собственность также отобрали, так как бывшие владельцы не могли платить налоги на собственность. Народу позволили жить в этих жилищах за невысокую плату или вовсе без оплаты. Постепенно выясняется, однако, что государство теперь стало собственником всех домов и квартир. Народ живёт в них только из милости правительства. Их могут переселить в любое время.

Зарплаты и цены контролируются. Диссиденты отправляются в трудовые армии. Больше ни у кого нет автомобилей, только у правящей элиты. Для масс предусмотрен общественный транспорт, а люди с ограниченной квалификацией живут в государственных домах пешеходной доступности от предназначенной им работы. Люди сведены на уровень рабов, обслуживающих своих хозяев. Их условия жизни можно описать только как феодализм эры высоких технологий.

Конечно, нет уверенности, что будущее будет разворачиваться именно таким образом, поскольку существует слишком много переменных. Например, если бы мы предположили, что не будет банковского кризиса, тогда наша поездка была бы иной. Мы не увидели бы длинные очереди вкладчиков, или панические скупки товаров, или закрытие фондового рынка. Но мы стали бы свидетелями таких же сцен отчаяния в более отдалённом будущем, мы просто следовали бы другим путём к тем же самым событиям. Это потому, что силы, движущие наше общество в глобальный тоталитаризм, не изменились бы ни на йоту. Так же работала бы машина Судного дня. Наш Совет по международным отношениям контролировал бы властные центры страны и СМИ. Мы имели бы электорат, не знающий, как с ним поступают, и, следовательно, неспособный противостоять. Мы увидели бы, как благодаря природоохранным и экономическим договорам и военному разоружению в пользу ООН возникли мировой центральный банк, мировое правительство и мировая армия, чтобы обеспечить выполнение их предписаний. Контроль за инфляцией и зарплатой/ценами будет прогрессировать более или менее таким же образом, вытесняя с рынка потребительские товары, а людей загоняя в рабство. Вместо движения к Новому мировому порядку через серию экономических спазмов мы просто следовали бы менее напряжённым путём, но оказались бы точно в том же самом месте.

ГЛАВА 26

РЕАЛИСТИЧНЫЙ СЦЕНАРИЙ

Что надо сделать, чтобы не допустить развития по пессимистическому сценарию; конкретные меры, которые должны остановить монетарный бум; оценка тяжести экономических последствий; что нужно для выживания человека.

*П*ессимистический сценарий, представленный в предыдущей главе, вызывает у людей отвращение. Никто не хочет слушать подобные вещи, даже если это — чистая правда, а может, именно потому, что это правда. Как сказал Эдлай Стивенсон, когда был кандидатом в президенты: «Конкуренция между приятной фантазией и неприятным фактом неравная. Американцы предпочитают хорошие новости».

А что же *оптимистичный* сценарий, когда все прекрасно устраивается, и, в конце концов, и процветание вернётся, и сохранится свобода? Собственно говоря, его нетрудно обнаружить. Вы каждый день найдёте его где-нибудь в вашей газете. Оптимизм — в заверениях почти всех политиков, экспертов и комментаторов. Если это то, что вы хотите слушать, тогда вы просто напрасно потратите время, читая эту книгу.

Не существует оптимистичного сценария: события зашли слишком далеко. Даже если мы начнём изменять ситуацию, заставив Конгресс урезать расходы, сократить долг, освободиться от договоров с ООН, нам не обойтись без жестокой борьбы с Кликой заговорщиков. Когда в 1834 году Николас Биддл, президент Второго банка Соединённых Штатов, начал борьбу за выживание банка, он создал чудовищный хаос в экономике, а затем обвинил в нем антибанковскую политику президента Джексона. Внезапно ужесточив кредит и забирая деньги из оборота, он запустил широкомасштабную национальную депрессию. На пике своей атаки он заявлял: «Все другие банки и все торговцы могут рухнуть, но Банк Соединённых Штатов никогда не разорится»¹. Объем опустошения, который мог бы причинить сегодняшний Федеральный резерв, бесконечно больше того, что Биддл был способен создать. Чистый самообман думать, что Клика спокойно уступит власть, не используя возможности хаоса. Должны заключить, что никто не выйдет из этого невредимым. Придётся дорого заплатить, и именно мы будем платить.

¹ См. Главу 17.

СЕДЬМАЯ ПРИЧИНА ЛИКВИДИРОВАТЬ ФРС

Как все это касается Федерального резерва? Дело в том, что ФРС – *отправная точка* пессимистического сценария. Цепь событий начинается с фиатных денег, создаваемых центральным банком, что ведёт к росту государственного долга, который вызывает инфляцию, разрушающую экономику, что приводит к обнищанию народа и оправдывает усиление государственной власти, что является поступательным процессом, кульминация которого – тоталитаризм. Исключить ФРС из этого уравнения – и пессимистический сценарий прекратит существование. *Именно в этом седьмая, и последняя, причина, чтобы ликвидировать Федеральную резервную систему: она – инструмент тоталитаризма.*

Если оптимистичный сценарий слишком оптимистичный, а пессимистичный слишком пессимистичный, тогда какой сценарий мы хотели бы увидеть?

Есть средний путь, который пролегает между оптимизмом и пессимизмом. Его название – реализм. Называя такой сценарий *реалистичным*, мы не предполагаем, что он предопределён сбыться и даже что он, может, сбудется. Он реалистичен только в том смысле, что он *может* сбыться, если сложатся некоторые условия. Основное содержание этой главы будет посвящено анализу этих условий.

Давайте начнём с того, что дадим возможность нашему оппоненту, Цинику, выразить своё мнение по проблеме, которую мы рассматриваем: «Насколько реально, что существующие тенденции можно действительно изменить? Не фантазия ли думать, что так запоздало можно что-то сделать, чтобы сломить власть CFR (Совета по международным отношениям) над правительством, СМИ и образованием? Вы действительно надеетесь, что жующий резинку народ пойдёт против идеологической обработки газет, журналов, телевидения и кинофильмов?».

К Цинику присоединяется Апатия: «Оставьте. Вы ничего не сможете сделать. Банкиры и политики владеют всеми деньгами и всей властью. Игра уже окончена. Воспользуйтесь случаем и радуйтесь жизни, пока можете».

Не слушайте ни Циника, ни Апатию. Это агенты вашего врага. Они хотят, чтобы вы тихо встали в ряд и подчинились без борьбы. Однако они обращают внимание на то, что не стоит игнорировать. Борьба зашла далеко, и наша позиция не очень выгодна. Если надо изменить существующие тенденции, тогда мы должны быть готовы на геркулесовы усилия. Это не означает: «Пишите вашему конгрессмену», или «Голосуйте во вторник», или «Подпишите петицию», или «Сделайте пожертвование». Это слишком легко. Такие меры все ещё играют важную роль в организации борьбы, но их совершенно недостаточно. Диванные кампании больше не работают.

Прежде чем вернуться к вопросу, какие конкретно действия могут *потребоваться*, сначала определимся, *что* именно хотим мы получить.

ЧТО НЕ СЛЕДУЕТ ДЕЛАТЬ

Давайте начнём с отрицания: что *не* следует делать. Самое очевидное здесь то, что мы не должны обращаться к правительству, чтобы получить ещё больше того «лечения», которое уже привело нас к болезни. Мы не хотим передачи ещё большей власти ФРС, или Казначейству, или президенту, не надо нам и ещё одного государственного органа. Мы, возможно, не нуждаемся и в каких-либо новых законах, за исключением разве что таких, которые аннулировали бы некоторые старые законы. Наша цель – ограничение государства, а не расширение.

Мы совсем *не* хотим просто ликвидировать ФРС и передать его функции Казначейству. Это популярное предложение среди тех, кто знает о существовании проблемы, но кто не изучал историю деятельности центрального банка. Это регулярно обсуждаемая тема популистского движения и сторонников партии так называемого Социального кредита. Они аргументируют свою позицию тем, что ФРС – частная собственность и независима от политического контроля. Только Конгресс уполномочен на эмиссию денег страны, а не группа частных банкиров. Пусть Казначейство выпускает бумажные деньги и выдаёт банковский кредит, говорят они, и мы будем иметь все нужные нам деньги, не платя ни пенни процентов банкирам.

Это привлекательный аргумент, но у него есть серьёзные изъяны. Прежде всего, представление, что ФРС – частная собственность, это юридическая фикция. Банки-члены владеют акциями, но они не голосующие. Неважно, насколько велик банк или велика доля оплаченного капитала, каждый банк имеет один голос. Акции не могут быть проданы или пущены в оборот. Держатели акций не имеют никаких обычных элементов контроля, которые существуют в случае частной собственности, и фактически они подчиняются центральному Совету. Семеро членов Совета управляющих предлагаются президентом и утверждаются Сенатом. Правда, что ФРС независима от *прямого* политического контроля, но не следует забывать, что она создана Конгрессом и Конгрессом может быть ликвидирована. На самом деле ФРС не является ни органом правительства, ни частным владением. Это – гибрид. Это – ассоциация больших коммерческих банков, которым Конгресс выдал особые привилегии. Проще всего определить ФРС как *картель*, защищённый федеральным законодательством.

Но самое важное тут то, что нет, собственно, никакой разницы, правительственная ли Федеральная резервная система или частная. Даже если бы она была полностью частной, простое превращение в государственную не изме-

нило бы её функции. Те же люди, несомненно, обеспечивали бы её функционирование, и они продолжили бы создавать деньги для политических целей. Банк Англии – патриарх центральных банков. Он с самого начала был частной собственностью, но стал официальным органом британского правительства в недавнее время. Он продолжает функционировать как центральный банк, и ничего существенного не изменилось. Центральные банки всех других индустриальных стран являются прямыми подразделениями своих правительств. По своим функциям они не отличаются от ФРС. Особенности структуры и собственности не так важны, как функция. Передача ФРС Казначейству без освобождения его в то же время от функции центрального банка – то есть возможности манипулировать денежной массой – стала бы просто колоссальной потерей времени.

Предложение, чтобы Казначейство выпускало деньги страны, – это другой вопрос, не имеющий ничего общего с вопросом, кому принадлежит ФРС. Нет ничего плохого в том, что федеральное правительство выпускает деньги, при условии, что это отвечает Конституции и принципам честности. Оба этих ограничения запрещают Конгрессу выпускать бумажные деньги, которые не обеспечены на 100% золотом или серебром. Если вы сомневаетесь относительно этих утверждений, неплохо было бы пересмотреть Главу 15, прежде чем продолжать.

Правда, если бы Конгресс имел полномочия создавать столько денег, сколько нужно, без ФРС, можно было бы не выплачивать проценты по национальному долгу. Но у ФРС только малая доля долга, большинство этих облигаций находится в руках частных лиц и учреждений частного сектора. Прекращение процентных платежей навредило бы не столько этим большим плохим банкирам, сколько миллионам людей, которые потеряли бы свои страховые полисы, инвестиции и пенсионные планы. Схема Социального кредита истощила бы экономику сразу же.

Но мы не решили ещё более глубокую проблему. Банкиры оказались бы отрезанными от мошенничества, но политики остались бы. Конгресс теперь стал бы функционировать как собственный центральный банк, денежная масса продолжила бы расти, инфляция продолжила бы бушевать, и страна продолжила бы умирать. Не говоря уже о том, что выпуск денег без обеспечения золотом или серебром нарушает Конституцию.

СЛУХ О КЕННЕДИ

В 1981 году ходили слухи, что президент Кеннеди был убит агентами тайной финансовой власти потому, что он подписал Указ президента № 11110, предписывавший Казначейству напечатать более 4 миллиардов долларов в банкнотах США. Это именно тот вид денег, который мы рассматриваем: бу-

мажная валюта без золотого или серебряного обеспечения, выпускаемая правительством, а не ФРС. Согласно слухам, банкиры были в ярости, так как они теряли процентные платежи по денежной массе. Однако, если исследовать Указ, то выяснится, что речь идёт о *Серебряных сертификатах*, а не о банкнотах США. Серебряные сертификаты обеспечивались серебром, то есть это были реальные деньги, и слух в этом случае был ложным. Существовал, однако, третий пункт, который все, кажется, проигнорировали. Указ президента не приказывал Казначейству выпустить Серебряные сертификаты. Указ просто *уполномочивал* делать это, если представится случай. Случай не представился никогда. Последний выпуск Серебряных сертификатов состоялся в 1957 году, то есть за шесть лет до Указа Кеннеди. В 1987 году Указ Кеннеди был аннулирован Указом президента № 12608, подписанным президентом Рейганом.

Правительство напечатало какое-то количество банкнот США в 1963 году, но напечатало их в соответствии с законом Конгресса 1868 года, который обязывал Казначейство поддерживать объем выпущенных банкнот США на установленном уровне. Этого требовала замена изношенных или повреждённых банкнот на новые. Какое-то количество новых банкнот, выпущенных в обращение, быстро оказалось у частных коллекционеров. Они, конечно, не составили значительную часть денежной массы и не претендовали на это. Приказа Кеннеди на выпуск этих банкнот не было, да, собственно, не было оснований даже информировать его об этом.

Упорные слухи относительно роли банкиров в смерти Кеннеди поддерживались некоторыми книгами, циркулировавшими в консервативных кругах. Они содержали зловещий пассаж из речи Кеннеди в Колумбийском университете, произнесённой всего за 10 дней до убийства. Цитировалось его высказывание: «Высокий пост президента использовался для того, чтобы провоцировать заговор на разрушение американской свободы, и до того, как я покину пост, я должен проинформировать граждан об их опасном положении»¹. Однако, когда обратились в Колумбийский университет с просьбой предоставить стенограмму этой речи, узнали, что Кеннеди там вовсе не выступал – и за 10 дней до убийства, *и никогда вообще!* Рональд Уилан, заведующий Библиотекой Джона Фитцджеральда Кеннеди в Бостоне, предоставил дополнительную информацию: «За 10 дней до убийства Кеннеди был в Белом доме, встречаясь, среди других, с послом Португалии в США»².

Возможно, президент действительно делал замечания, которые приписывались ему на разные даты в разных аудиториях. Тем не менее это загадочное сообщение могло бы иметь несколько значений. То, что он намеревался

¹ Цит. по: M.J. «Red» Beckman, *Born Again Republic* (Billings, Montana: Freedom Church, 1981), p. 23; Также: Lindsey Williams, *To Seduce A Nation* (Kasilof, Arkansas: Worth Publishing, 1984), p. 26.

² Letter to Hollee Haswell, Curator at the Low Memorial Library, Columbia University, October 13, 1987.

разоблачить ФРС, – *наименее* правдоподобное из всех. Кеннеди на протяжении всей своей жизни был социалистом и интернационалистом. Он посещал Лондонскую фабианскую школу экономики, участвовал в разрушении американских денежных ресурсов и разработал схему перевода американских капиталов в зарубежные страны. Мало причин верить, что он вдруг «прозрел» и полностью изменил убеждения и приверженности всей жизни¹.

МОНЕТАРИСТЫ ПРОТИВ СТОРОННИКОВ «ЭКОНОМИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ»

Но мы отклонились от темы. Давайте вернёмся к тем неработоспособным теориям, которые относятся к монетарной реформе. Самые известные в этой области – концепции монетаристов и сторонников «экономики предложения». Монетаристы, приверженцы концепции Мильтона Фридмана, уверены, что деньги по-прежнему должны создаваться механизмом Мандрагоры ФРС, но объем денежной массы должен определяться жёсткой формулой, установленной Конгрессом, а не ФРС. Сторонники «экономики предложения», в их числе Артур Лаффер и Чарльз Кадлец, также верят в формулы, но у них есть одно отличие. Они хотят, чтобы количество денег определялось текущим спросом на золото. Речь не идёт о реальном золотом стандарте, при котором бумажные деньги полностью обеспечены. В соответствии с правилом, которое они называют «правилом цены на золото», надо просто следить за ценой на золото на свободном рынке и затем «подправлять» доллар, увеличивая или сокращая денежную массу, чтобы поддерживать его относительную стоимость в сопоставлении с золотом примерно постоянной.

Эти группы разделяют одну и ту же базовую философию. У каждой своя формула, но у них общий метод – манипулирование денежной массой. И те и другие убеждены, что свободный рынок не будет работать без содействия; они одинаково верят в мудрость и основательность политически созданных формул, органов и комитетов. Но во всех их дебатах ФРС остаётся нетронутой, поскольку это последняя инстанция для вмешательства. Эти люди, на самом деле, совсем не хотят изменить Систему. Они просто хотят немного поучаствовать в её деятельности.

Иногда появлялись действительно оригинальные предложения, привлекавшие внимание. Обращаясь к авторитетному собранию консервативных монетарных теоретиков в 1989 году, Джерри Джордан предположил, что монетарную базу можно было бы расширить проведением национальной лотереи. Правительство могло бы выплачивать в виде призов больше долларов, чем получило их при продаже билетов. Избыток составил бы сумму, на кото-

¹ Для более всестороннего анализа «Мифа Джона Кеннеди» посетите веб-сайт www.realityzone.com и посмотрите обновлённый раздел «Порождение острова Джекилл».

рую увеличивается монетарная база. Соответственно, если они захотели бы сократить денежную массу, то выплатили бы меньше долларов, чем их собрали. Идея была заманчивой, но г-н Джордан должен был тут же добавить: «Проблема, конечно, состоит в том, что не было бы никакого эффективного институционального ограничения на рост монетарной базы»¹. Действительно, такая проблема существует при всех схемах, включающих контроль человека за денежным обращением.

ПОПРАВКА О СБАЛАНСИРОВАННОМ БЮДЖЕТЕ

Так называемая поправка к Конституции о сбалансированном бюджете – это тоже не ответ. Фактически это иллюзия и обман, поддерживаемый самыми большими расточителями в Конгрессе. Они знают, что это популярно у избирателей, но сами не стесняются в расходах ни в малейшей степени. Если бы им не позволялось тратить больше, чем получено налоговых сборов, у них было бы прекрасное оправдание, чтобы увеличить налоги, и это стало бы способом покарать избирателей за ограничения в тратах. Избиратели, с другой стороны, изнемогая под гнетом возросших налогов, просили бы своих конгрессменов обойти ту поправку, которую они раньше поддерживали. И это не составило бы труда. Большинство версий поправки о сбалансированном бюджете имеют удобную лазейку, созданную как раз для этой цели. Конгресс сбалансирует свой бюджет, «за исключением случаев чрезвычайных обстоятельств». Кто решает, что является чрезвычайным обстоятельством? Конгресс, конечно. Другими словами, Конгресс сбалансирует свой бюджет, за исключением случаев, когда он этого не хочет. Так что тут нового?

Серьезная поправка, которую следует принять, – не балансировка бюджета, а *ограничение расходов*. Если это сделать, бюджет позаботится о себе сам. Но и это стало бы пустой тратой времени при нынешнем составе Конгресса. Вместо того чтобы оказывать политическое давление для принятия конституционной поправки, нам лучше направить это самое давление на освобождение офисов от самых больших растратчиков. Пока эти растратчики там остаются, они всегда найдут способ обойти любой закон, в том числе и саму Конституцию.

Другое слабое место в большинстве версий конституционной поправки о сбалансированном бюджете – в том, что она не влияет на внебюджетные расходы, называемые субсидиями. Они теперь составляют 52% всех федеральных расходов и растут на 12% ежегодно. Стратегию, игнорирующую эту непосильную нагрузку, не стоит и рассматривать. Но даже если бы Конгресс вынудили прекратить дефицитное расходование, поправка о сбалансирован-

¹ «The Future of Price Stability in A Fiat Money World», by Jerry L. Jordan, Durrell Journal of Money and Banking, August, 1989, p. 24.

ном бюджете не решила бы проблему инфляции или выплаты государственного долга. ФРС может теперь раздуть объем денежной массы, используя буквально любой долг в мире. Не стоит рассчитывать на Конгресс. Если мы не сосредоточим внимание на самой Федеральной резервной системе, мы просто будем играть в политические игры без шансов на успех.

Каждый год несколько равнодушных конгрессменов вносят законопроекты о проведении расследования или аудита ФРС. Нам следовало бы поблагодарить их за усилия, но это тоже пустая трата времени. Их законопроекты не получали широкой огласки – или вообще никакой – и никогда не выходили из комитета и не ставились на голосование. Но даже если бы им и оказали должное внимание, они, на самом деле, могли бы привести к обратному результату.

На первый взгляд кажется, что нет ничего плохого в проведении Конгрессом анализа или аудита. Но что надо расследовать? Мы должны признать, что ФРС делает именно то, что говорит, и в полном соответствии с законодательством. Несколько незначительных нарушений, вероятно, раскрыли бы, например использование фондов в личных целях или корыстное применение инсайдерской информации, но это мелочи по сравнению с гигантским мошенничеством, которое уже для всех очевидно. ФРС – самый большой и самый успешный мошенник в мире. Любой, кто понимает природу денег, может это увидеть и без команды аналитиков и аудиторов.

Вред предложения провести аудит ФРС в том, что это отсрочит серьезную деятельность на годы, пока проводится аудит. Это создало бы ложное впечатление, что Конгресс *что-то делает*. Это также предоставило бы монетарным специалистам благоприятную возможность навести дымовую завесу на их риторическую и путаную статистику. Люди надеялись бы получить из расследования все ответы, хотя расследование проводили бы – или, по крайней мере, вмешивались бы в него – именно те группы и картели, которые следовало бы проверить. Ко времени, когда, наконец, появятся 14 томов свидетельств, схем, таблиц и документов, люди уже будут и утомлены, и запуганы. Нам не нужен законопроект об аудите ФРС. Нам нужен закон, *ликвидирующий её*.

ПЛАН ЛИКВИДАЦИИ ФРС

Но довольно о том, что *не надо* делать. Все, что требуется, чтобы ликвидировать ФРС, – это закон Конгресса, содержащий всего одну фразу: «*Закон о создании ФРС и все поправки к нему настоящим актом отменяются*». Но это сразу разрушило бы нашу монетарную систему и посеяло бы такую панику в экономике, что просто сыграло бы на руку глобалистам. Они использовали бы создавшийся хаос как свидетельство ошибочности такой акции, и американский народ наверняка с радостью согласился бы на спасение, предложен-

ное МВФ/Всемирным банком. И мы бы снова вернулись к пессимистическому сценарию, хотя и сделали все правильно.

Аннулирование ФРС следует предварить некоторыми шагами, если нам нужен безопасный переход. Первый шаг – конвертировать наши нынешние фиатные деньги в реальные. Это значит, что мы должны создать полностью обновлённую денежную массу, на 100% обеспеченную драгоценным металлом, причём должны сделать это за достаточно короткий период времени¹. В связи с этим мы также должны установить истинную стоимость наших существующих фиатных денег, чтобы их можно было обменивать на реальной основе на новые деньги и вывести из обращения. Вот как это может быть сделано:

1. **Отменить законы о платёжных средствах.** Федеральное правительство продолжит принимать банкноты ФРС в уплату налогов, но все остальные вольны по своему желанию принимать их, не принимать или дисконтировать. Нет надобности принуждать людей принимать честные деньги. Частные учреждения должны быть свободны для инноваций и конкуренции. Если люди в качестве средства обмена хотят использовать купоны «Грин Штамп», или проездные купоны Диснея, или банкноты Банка Америки, они вольны это делать. Единственным требованием должно быть добросовестное выполнение контракта. Если компания «Грин Штамп» заявила, что выдаст кварцевую лампу за семь книжечек почтовых марок, тогда так и следует поступать. От Диснея требуется принять купон точно так, как это указано на обороте. И если Банк Америки заверяет своих вкладчиков, что они могут получить свои доллары *в любое время, когда пожелают*, значит, он должен в своих кладовых держать все время 100% обеспечения (денежное или в сертификатах Казначейства). При переходе на новые деньги ожидается, что старые банкноты ФРС продолжат широко использоваться.
2. **Заморозить существующий объем банкнот ФРС**, за исключением объёма, необходимого для выполнения пункта 6.
3. **Установить содержание драгоценного металла в «реальном» долларе**, предпочтительнее так, как это было в прошлом: 371,25 грана серебра. Возможен другой вес серебра или даже другого металла, но старый серебряный доллар – безусловный лидер.
4. **Утвердить в качестве вспомогательного валютного резерва золото**, которое могло бы заменить серебро, но не по соотношению фиксированной цены, а при любом соотношении, установившемся на свободном рынке. Фиксированные отношения всегда становятся неправиль-

¹ Большинство валют выпускаются правительствами, но существовали и частные деньги, которые функционировали лучше, чем созданные политическими силами. Недавний пример – «Либерти доллар» в США: частная валюта, на 100% обеспеченная серебром и золотом. В ноябре 2007 года его активы были изъяты правительством по абсурдному обвинению в том, что люди могут принять его за бесполезные банкноты Федерального резерва.

ными с течением времени, так как цены золота и серебра смещаются относительно друг друга. Хотя серебро может быть заменено золотом в том же соотношении, но только серебро – основа для доллара.

5. **Восстановить свободную чеканку монет при Монетном дворе США** и выпуск серебряных «долларов», а также золотых «монет». И «доллары», и «монеты» будут характеризоваться содержанием металла, но только монеты с серебряным содержанием могут называться долларом, полдоллара, четверть доллара или десятой частью доллара (10 центов). Во-первых, эти монеты будут выпускаться только из металла, полученного на Монетном дворе от частных лиц. Они не должны выпускаться из казначейской поставки, которая предназначена для использования по пункту 6.
6. **Погасить национальный долг банкнотами ФРС**, созданными для этой цели. Создание денег без обеспечения запрещено Конституцией, и если закон никого не принуждает принимать банкноты ФРС в качестве законного платёжного средства, они не могут быть официальными деньгами США. Они будут всего лишь видом правительственной расписки, которую никто не обязан принимать. Их практическую ценность определит возможность выплаты ими налогов и обмена впоследствии на реальные деньги. Создание банкнот ФРС при условии, что они не будут официальными деньгами США, не являлось бы нарушением Конституции. В любом случае дело уже сделано. Решение погасить государственные облигации банкнотами ФРС – не наше. Конгресс решил это давно, и курс был установлен во время выпуска этих облигаций. Мы всего лишь участвуем в игре, не контролируя её. С таким намерением и *будут* созданы эти деньги. У нас один выбор – *когда*: сейчас или позже. Если мы решим удерживать облигации, государственный долг будет аннулирован инфляцией. Стоимость первоначальных долларов будет постепенно сводиться к нулю, пока не останутся одни проценты. Общая покупательная способность будет сведена на нет, и страна умрёт. Но если мы *не* намерены отказываться от государственного долга и решим выплачивать его *сейчас*, тогда мы освободимся от бремени процентных платежей и также подготовим путь для полноценной монетарной системы.
7. **Обязательство использовать государственные запасы золота и серебра** (за исключением военного резерва) в качестве обеспечения всех банкнот ФРС, находящихся в обращении. Денационализация этих активов давно назрела. В разные времена американцам запрещалось владеть золотом, и их частные запасы конфисковывались. В принципе, изъятые суммы должны были вернуться в частный сектор. Остальной объем золота также принадлежит людям, поскольку они оплачивают его посредством налогов и инфляции. Правительству золото или се-

ребро нужно только для поддержки денежной массы. Пришло время вернуть золото народу и использовать его для этой цели.

8. **Установить вес всего золота и серебра**, принадлежащего правительству США, и затем рассчитать общую стоимость этого объема в реальных (серебряных) долларах.
9. **Определить количество всех банкнот ФРС** в обращении и затем рассчитать стоимость в реальных долларах каждой банкноты, разделив стоимость драгоценных металлов на количество банкнот.
10. **Изъять все банкноты ФРС из обращения**, предложив обменять их на доллары в рассчитанном соотношении. Имеется достаточно золота или серебра, чтобы выкупить каждую банкноту ФРС, находящуюся в обращении¹.
11. **Перевести все контракты, составленные на базе банкнот ФРС, в доллары**, используя тот же коэффициент обмена. Это включает ипотечные договоры и государственные облигации. Таким образом, денежные стоимости, указанные в долговых обязательствах, конвертировались бы на той же самой базе и в то же самое время, что и наличные деньги.
12. **Выпустить серебряные сертификаты**. При обмене Казначейством банкнот ФРС на доллары у получателей будет опция – взять монеты или казначейские сертификаты, обеспеченные на 100%. Эти сертификаты станут новыми бумажными деньгами.
13. **Упразднить Федеральную резервную систему**. Можно было бы позволить Системе существовать и дальше в качестве Палаты чекового клиринга, но без функций центрального банка. Палата чекового клиринга нужна, и банки, принадлежащие в настоящее время ФРС, могли бы продолжать выполнять эту службу. Однако они не должны больше получать налоговые субсидии для функционирования, и должна быть допущена конкуренция. Однако ФРС, как учреждение, созданное Конгрессом, должна быть упразднена.
14. **Введение свободной банковской деятельности**. Банки должны быть освобождены от регулирования и в то же время должны отказаться от протекционизма за счёт налогоплательщиков. Никаких больше операций спасения. FDIC (Федеральная корпорация страхования депозитов) и другие государственные «страховые» агентства должны быть ликвидированы, а их функции – переданы реальным страховым компаниям в частном секторе. Банки должны сохранять 100% резервов для вкла-

¹ Пока стоимость банкноты Федерального резерва можно четко определить в реальных долларах, у людей не будет веских причин для её обмена, и, вполне возможно, они продолжат использовать её в повседневной коммерции. Поэтому, чтобы вывести банкноты Федерального резерва из оборота и осуществить переход как можно быстрее, необходимо заставить банки автоматически обменивать их на реальные доллары при каждом депонировании. Таким образом, они в скором времени станут трофеем коллекционеров и историческим раритетом.

дов до востребования, поскольку это контрактное обязательство. Все формы срочных вкладов должны предоставляться людям точно так же, как теперь депозитные сертификаты (CD). Другими словами, вкладчик нужно информировать о том, что его деньги были инвестированы, и ему следует подождать установленный срок, чтобы получить свои деньги. Конкуренция будет гарантировать, что те учреждения, которые наилучшим образом служат нуждам своих клиентов, будут процветать. Те учреждения, которые не будут справляться с этим, отойдут на обочину, и не потребуется армия банковских регуляторов.

15. **Сокращение размеров и сферы деятельности правительства.** Решение наших проблем невозможно при социализме. Автор убеждён, что деятельность правительства должна быть ограничена функцией защиты жизни, свободы и собственности – и ничего больше. Это означает исключение почти всех социально ориентированных программ, которыми теперь кишат федеральные департаменты. Если мы надеемся сохранить – или, может, вернуть – нашу свободу, тогда просто необходимо это сделать. Следовательно, федеральное правительство должно продать активы, прямо не связанные с его функцией защиты; оно должно негласно передать субподрядчикам как можно больше своих услуг, и это намного сократит и упростит налоги.
16. **Восстановить национальную независимость.** Подобные ограничения должны быть выполнены на международном уровне. Мы должны отменить все программы, ведущие к разоружению и экономической взаимозависимости. Самым значительным шагом в этом направлении будет *наш выход из ООН и уход ООН из США*, но это будет всего лишь начало. Нужно будет расторгнуть сотни договоров и административных соглашений. Несколько конструктивных и взаимно выгодных и нам, и другим странам можно оставить, но огромное большинство следует исключить. Это совсем не потому, что мы – изоляционисты, а просто потому, что мы не хотим, чтобы нас поглотила глобальная тирания.

Кто-то скажет, что выплата национального долга банкнотами ФРС равносильна отказу от его уплаты. Нет, не так. Приём старых банкнот для оплаты налогов не есть отказ. Обмен их на соответствующую долю национального золота или серебра не есть отказ. Конвертирование их прямо в качественные деньги с малой потерей покупательной способности – или вовсе без неё – не отказ. Единственная вещь, от которой отказываемся, – от старой монетарной системы, но от этого и *предполагался* отказ. Учёные-финансисты и политики, которые создали и поддерживали ФРС, вовсе не собирались выплачивать национальный долг. Он – залог их процветания и власти. Инфляция – это отказ от уплаты долга в рассрочку. Существующая система – это политический трюк, бухгалтерская уловка. Мы всего лишь констатируем, что это так. Мы

просто отказываемся делать вид, что не понимаем, как они нас обманывают. Мы отказываемся и дальше играть в эту игру.

ВО ЧТО ОБОЙДЕТСЯ ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ?

Таковы 16 этапов, но что в результате? Само собой разумеется, что возврат к монетарному здравомыслию имеет свою цену. Похмелья нельзя избежать, если только не продолжать «кутёж», а это — дорога к смерти. Давайте посмотрим, во что этот кутёж нам уже обошёлся. Мы определим его стоимость, рассчитав, сколько каждая банкнота ФРС будет стоить, когда появятся новые деньги.

Нижеследующие цифровые данные приводятся только для иллюстрации. Данные взяты из общественных источников и публикаций самой ФРС, правда, нет возможности установить, насколько они действительны. Кроме вопроса действительности данных, существуют ещё некоторые статистические пункты, настолько затуманенные, что даже эксперты ФРС не уверены, что понимают, о чём они. Когда придёт время применять эту программу, надо будет собрать целевую группу экспертов, которая сможет провести аудит документации и анализ металлов. И все же, основываясь на наилучшей доступной информации, вот что мы выяснили:

- Общее количество серебра, принадлежавшее правительству на 30 сентября 1993 года, составляло 30 200 000 тройских унций. Если мы примем, что новый доллар будет содержать 371,25 грана серебра (что равняется 0,77344 тройской унции), тогда этот объем можем оценить в 39 046 338 долларов¹.
- Цена золота на ту же дату составляла 384,95 банкноты ФРС за унцию. Серебро стоило 4,99 фиатных доллара за унцию. Соотношение между ними, следовательно, было 77 к 1.
- Золотой запас составлял 261 900 000 унций. Стоимость золотого запаса, следовательно, составляла (при 77-кратном превышении веса в унциях) 26 073 517 000 долларов.
- Общая стоимость серебра и золота была бы 26 112 563 338 долларов.
- Количество банкнот ФРС, необходимое для погашения этого объема, равнялось бы общей сумме денежной массы М1 (деньги плюс вклады до востребования) и дополнительного количества банкнот для выплаты национального долга. На 27 сентября 1993 года М1 было

¹ Хотя вес серебряного доллара составляет 412,5 гран (0,8594 тройские унции), его чистота — всего 90%. Содержание серебра в нем — ровно 371,25 грана (0,77434 тройские унции).

1 103 700 000 000 банкнот ФРС¹. Национальный долг составлял 4 395 700 000 000 банкнот ФРС. Общая сумма, которую нужно погасить, будет 5 499 400 000 000 банкнот ФРС.

- В результате этих подсчётов получаем, что стоимость каждой банкноты ФРС будет равняться 0,0047 серебряного доллара. Один серебряный доллар стоил бы 213 банкнот ФРС!

ПЛОХО, НО НЕ ТАК УЖ ПЛОХО

Это будет горькая пилюля, правда, звучит хуже, чем это будет на самом деле. Вспомним, что покупательная способность новых долларов больше, чем старых. Монеты будут играть бóльшую роль в повседневных торговых операциях. Вернутся телефонный звонок за 5 центов и сигара за 10 центов. По крайней мере, вначале цена этих вещей, вероятно, будет меньше. Как объяснялось в Главе 7, *любое* количество золота или серебра будет работать в качестве базы монетарной системы. При малом количестве, что, конечно, и будет в переходный период, стоимость каждой единицы будет высокой. В этом случае монеты решат проблему. Пенни будут использоваться для оплаты чашки кофе; один миль (одну десятую цента) будет стоить телефонный звонок и т. д. Новые мелкого достоинства жетоны будут использоваться для оплаты таких нужд. В относительно короткий период времени, однако, монетарный объем золота и серебра возрастет в ответ на запросы свободного рынка. Если объем увеличивается, то относительная стоимость будет уменьшаться, пока не наступит естественное равновесие, как всегда случалось в прошлом. Но в этом случае жетоны уже не понадобятся и будут выведены.

Это причинит неудобства? Да. Торговые автоматы должны будут модифицироваться для новых монет, но это будет не труднее, чем модифицировать их на приём бумажных денег или пластиковых дебетовых карточек, что требуется, если мы не предпримем эти меры. Это небольшая цена за организованный возврат к реальным деньгам.

Другим возможным решением может стать утверждение меньшего содержания серебра в новых долларах. Преимущество состояло бы в том, что можно было бы продолжать использовать существующие металлические деньги. Негативная сторона, однако, в том, что это создаст проблемы *после* перехода, так как монеты окажутся тогда слишком дешёвыми. Вместо замены *сейчас* мы всего лишь отложили бы эту задачу на *потом*. Именно сейчас настало время сделать замену — и провести её правильно.

¹ Для тех, кто считает, что М2 или М3 были бы более логичной фигурой, см. «Денежная масса М1 — субтрактивная или кумулятивная?» в Приложении, содержащем авторские заметки и переписку с Федеральным резервом.

но. Начальная стоимость серебряного доллара установилась после веков проб и ошибок. Не надо изобретать колесо. Мы знаем, что это будет работать в обозримом будущем.

В прошлом в банки шёл обильный поток наличных по процентам на деньги, созданные из ничего. Это изменится. Банкам придётся сделать чёткое разграничение между депозитами до востребования и срочными депозитами. Клиенты будут информированы, что, если они хотят иметь привилегию получать свои деньги *по требованию*, тогда их депозит в деньгах или казначейских сертификатах будет находиться в хранилище и не будет выдаваться в ссуду кому-то другому. Следовательно, такой депозит не принесёт процентов банку. Если банк не может делать деньги на депозите, он должен взыскать с вкладчика комиссию за хранение его денег и оказание услуг. Если клиент хочет заработать процент по депозиту, он должен быть информирован, что его вклад будет инвестирован или отдан в ссуду, и в этом случае он не может надеяться забрать свои деньги, когда захочет. Он осознанно положит свои деньги на *срочный* депозит с пониманием того, что определённый период времени должен пройти, пока инвестиции сработают.

Эффект от такой банковской практики будет огромным. Банки должны будут платить более высокие процентные ставки, чтобы привлечь инвестиционный капитал. Они должны будут сбалансировать свои накладные расходы и исключить некоторые излишества. Доля прибыли будет сжата. Эффективность улучшится. Они привыкнут предлагать «бесплатные» услуги, которые сейчас выплачивались из процента, заработанного на депозитах до востребования их клиентов. Теперь они будут назначать плату за такие услуги, как, например, приём и безопасное хранение депозитов. Клиенты, вероятно, поначалу будут роптать из-за необходимости оплачивать такие услуги, но не будет больше бесплатных хлебцев.

Электронные системы трансфертов станут, вероятно, популярными из-за их удобства, но они будут предоставляться как опция. Наличные и чековые транзакции продолжат играть важную роль. Правительственный мониторинг станет незаконным. Хотя в обращении будет меньше долларов, чем было банкнот ФРС, стоимость каждого доллара будет, соответственно, больше. Каждый человек в итоге придёт к такой же покупательной способности, какая была перед конверсией. Короткий период времени старые и новые деньги будут циркулировать вместе, и некоторым людям будет трудно делать необходимые расчёты, чтобы определить их относительную стоимость. Но это рутинная операция для живущих в Европе или тех, кто едет за границу. Нет причин думать, что американцы слишком тупы, чтобы управиться с этим.

НЕСКОЛЬКО ПЛОХИХ НОВОСТЕЙ И НЕСКОЛЬКО ХОРОШИХ

Мы не должны обманываться, полагая, что это будет лёгкий переход. Людей ждёт трудный период, им придётся привыкать совершенно по-новому думать и поступать. Замораживание существующей денежной массы может вызвать панику на фондовом рынке и в бизнес-сообществе. Цены на акции могут упасть, и это приведёт к исчезновению бумажных состояний в тех самых компьютерах, из которых они вышли. Какой-то бизнес может свернуться из-за отсутствия дешёвых кредитов. Слабым банкам скорее дадут закрыться, чем станут их спасать за счёт налогоплательщиков. Безработица может вырасти на какое-то время. Тот, кто привык ездить «зайцем», теперь должен будет либо ходить пешком, либо рисковать, либо оплачивать проезд. Люди, живущие на социальные пособия, не откажутся без протеста от своих чеков и продуктовых карточек. СМИ раздуют пламя недовольства. Клика будет при всех кнопках, чтобы пустить поезд под откос.

Это будет момент величайшей опасности, когда народ может устать от тяжёлого пребывания в пустыне и потерять интерес к земле обетованной. Когда он может пожелать вернуться в неволю и отправиться назад, в рабские копи фараонов.

Важно, однако, то, что большинство этих проблем – временные. Они будут существовать лишь в период перехода к новым деньгам. Как только станет возможной свободная чеканка монет на Монетном дворе и как только люди увидят, насколько велик спрос на серебряные и золотые монеты, возникнет устойчивый поток горнопромышленников и ювелиров, которые добавят новые резервы драгоценных металлов к денежной массе страны. Иностранцы, несомненно, присоединятся к этому потоку. Старые золотые и серебряные монеты также снова появятся на рынке. Очень скоро, как только запасы драгоценного металла будут соответствовать спросу и предложению, денежная масса увеличится, и стоимость денежной единицы упадёт до её естественного равновесия.

Будет ли инфляция? Да, будет, но она будет значительно отличаться от инфляции при фиатных деньгах по четырём пунктам: (1) раньше инфляция вызывалась политиками и банкирами, которые манипулировали экономикой в своих собственных интересах, теперь она будет вызываться естественными экономическими силами в поиске равновесия спроса и предложения; (2) раньше она была вредна для страны, так как вела к разрушению экономики, теперь она будет частью процесса исцеления, ведущего к процветанию; (3) сейчас она будет не так тяжела, как могла бы быть

в том случае, если бы мы не осуществили переход; и (4) теперь она не будет частью непрерывного процесса, который создавался, чтобы длиться вечно, она будет иметь включённую в процесс точку окончания – точку естественного равновесия, когда человеческие усилия по добыче золота и серебра уравниваются усилиями по созданию тех вещей, которые золото и серебро смогут купить. Когда мы достигнем этой точки, денежная масса перестанет увеличиваться и инфляция прекратится – однажды и навсегда. Начиная с этого момента, цены начнут постепенное снижение, так как прогресс в технологии позволит улучшить эффективность производства. С появлением низких цен, лучших возможностей трудоустройства и роста благополучия голоса недовольства будут постепенно исчезать. Шторм утихнет, и Америка будет иметь честные деньги, правительство избавится от государственного долга, а экономика – от инфляции.

Неважно, какой сценарий развернётся в будущем, но впереди – бурный поток. Нам нужно потуже затянуть наши ремни и подготовиться к стремлинам. Мы должны принять меры, которые увеличили бы наши шансы достичь другого берега. Если предстоит пессимистический сценарий, не будет большой разницы, что мы сделаем, поскольку другого берега не будет. Но при реалистичном сценарии следует принять некоторые предосторожности, отчего будет зависеть наше экономическое благополучие.

Чтобы полнее оценить разумность некоторых из этих мер, стоит рассмотреть возможность того, что переход к экономической безопасности и здравомыслию не пойдёт должным образом. Другой вариант реалистичного сценария – это возможность обрушения всей нашей системы, включая и международные структуры, связанные с ООН. В таком случае мы можем не беспокоиться относительно должного порядка перехода к здоровой монетарной системе, потому что его не будет. Нашей первой заботой станет элементарное выживание.

Экономический хаос и гражданские беспорядки совсем не обязательно должны быть прелюдией к мировому правительству. Если достаточное количество людей были в должной мере информированы и знали наперёд, что существует план враждебной игры, и особенно если они находились на нужных местах в системе, то они смогли бы обеспечить руководство в критический момент. Если на улицах убийства и анархия, теоретически возможно, что группы просвещённых личностей, заранее подготовленных, смогли бы использовать вакуум власти и взять на себя руководство. Кажется, похоже на ещё один пессимистический сценарий, но это не так. В конце концов, он, может, самый реалистичный сценарий из всех. Но мы не должны надеяться на это. Все, что мы можем сделать, – подготовиться, чтобы это сбылось.

КАК ПОДГОТОВИТЬСЯ

Что можем мы сделать, чтобы подготовиться в финансовом отношении? Не будем превращать статью в пространную диссертацию, представим задачу в общих чертах. Детальная разработка необязательна.

1. **Избавиться от долга.** Ипотечный кредит на дом – логичное исключение при условии правильной стоимости. Ссуда для ведения бизнеса – также исключение, если она основана на разумном бизнес-плане. Рискованные инвестиции – нехорошая идея в такие времена, если речь не идёт о деньгах, которые вы можете себе позволить потерять.
2. **Выбрать надёжный банк.** Держите счета в нескольких учреждениях. Не держите более 250 000 долларов в любом единственном банке. Помните, что не все типы счетов покрываются FDIC (Федеральной корпорацией страхования депозитов). Некоторые учреждения теперь предлагают частное страхование. Узнайте точно, до какой степени вы рискуете¹.
3. **Диверсифицируйте ваши инвестиции** между голубыми фишками, фондами внебиржевыми, роста и дохода, большими, малыми, совместными, инвестируйте в облигации, недвижимое имущество, слитки драгоценных металлов, акции горнодобывающих компаний, в реальные активы и даже в валюту, в отрасли, успешные в тяжёлые времена, – азартные игры, алкоголь и увеселительные мероприятия. Изучите сферы деятельности и те компании, в которые вы инвестируете. Личное знание совершенно необходимо.
4. **Избегайте современных «превосходных» деятелей.** Их грандиозные трудовые достижения – в прошлом. Они не имеют отношения к будущей деятельности. Наоборот, теперь им могут зависеть цену и подготовить для краха. Посмотрите, как обстояли дела с инвестированием в долгосрочной перспективе (по меньшей мере, в течение 15 лет), и особенно в период экономического спада.
5. **Инвестируя в монеты,** избегайте иметь дело с монетами высокой нумизматической ценности, если вы не готовились стать экспертом. Как и с другими типами инвестиций, пользуйтесь советами, но не будьте зависимым от них. То же в случае с алмазами, предметами искусства

¹ Это непросто. Так можно получить профессиональную помощь из независимого источника, который может проанализировать качество активов, коэффициенты ссуды, коэффициенты капитала, резервы на случай потери ссуды и тому подобное. Одним из лучших источников такого рода информации является *Veribanc*. За номинальную плату эта служба банковского рейтинга предоставит вам подробные отчёты о любом банке или сбережениях и кредитах в Америке. Если вы хотите получить их брошюру, напишите им по адресу: P.O. Box 461, Wakefield, MA 01880.

и другими предметами коллекционирования. Настаивайте на том, что знаете. Иначе вы окажетесь уязвимы в водах, кишящих акулами, где даже самые опытные торговцы могут потерять деньги.

6. **Создайте запас наличных**, включая старые серебряные монеты. Имейте достаточно денег, чтобы обеспечить необходимые расходы в течение двух месяцев, если банки не смогут обрабатывать кредитные карты и чеки. Монеты подходят для более суровых условий. Разумно также создать запас продуктов и воды на случай, если системы поставок прекратят функционировать. Надеемся на лучшее, готовьтесь к худшему.

ВЫИГРАТЬ НА БЕДСТВИИ

Все это направлено на то, чтобы пережить шторм и подготовиться к лидерству в предстоящие трудные времена. Это скорее негативная точка зрения. Есть и более положительная перспектива – для тех, кто ищет хороших новостей, как сказал Эдлай Стивенсон. Она состоит в заманчивой возможности обратить катаклизм в выигрыш. Мы действительно можем выиграть от наступающего коллапса. Это соображение породило сотни книг и рекламных проспектов, дающих советы, как стать богатым, когда другие разоряются. Есть даже такие, которые дают советы, как нажиться на буме экологичной индустрии. Есть даже бизнес-план, как сделать состояние на крахе Америки.

Нет сомнения, что существуют возможности извлечь прибыль из инвестиционных решений, основанных на реалистичной оценке текущих трендов. Большинство этих возможностей, однако, основываются на тактике слежения за рынком. Нужно точно знать, когда покупать, когда продавать и по какой цене. Чтобы знать все это, инвестор должен, по сути, быть экспертом в соответствующих отраслях индустрии и должен постоянно проследивать ежедневные сдвиги рыночных сил. Он должен выполнить свой анализ и прийти к заключению до того, как это сделает толпа других. И конечно, он не может ошибиться. Большинство инвесторов к этому не готовы, так что им приходится зависеть от услуг профессионалов, как правило, тех же экспертов, которые побуждают их инвестировать в определённые предприятия. Если инвестирование дало прибыль, аналитик имеет доход. Если инвестирование обернулось неудачей, аналитик все равно получает доход.

Такие взаимоотношения присущи не только группе «прибыль из краха». Это встречается на каждом уровне инвестиционного бизнеса, а также в юридических и медицинских профессиях. Клиент оплачивает рекомендацию независимо от её качества. В такой инвестиционной концепции вызывает тревогу то, что это может реально усугубить ситуацию. Фокусируясь на способах

избежать воздействия инфляции или получения выгоды от нее, мы ничего не делаем, чтобы остановить её, и тем самым поощряем её существование. Те, кто выигрывает от инфляции, вряд ли предложат способы борьбы с ней. Так как они заинтересованы в росте своих прибылей, они могут стать самыми горячими поборниками инфляции, даже если в глубине души сознают, что она, в конце концов, их разорит.

Нет ничего плохого в попытке сохранить свой капитал в трудные времена, но единственное реальное решение состоит в том, чтобы *использовать* свой капитал и *остановить* существующие тренды. В долгосрочной перспективе невозможно выиграть от разрушения Америки. Нельзя укрыться от краха. Нет способа защитить свои активы, дом, работу, семью, свою свободу. Как об этом сказал Генри Хэзлитт: «Нет надёжной страховки от инфляции, за исключением её остановки».

УПРЕЖДАЮЩАЯ КАМПАНИЯ

Изложенные здесь обстоятельства ясно показывают, что предстоит сделать намного больше, чем просто ликвидировать ФРС. Это стало бы величайшей победой для экономической и личной свободы, но, к несчастью, Чудище имеет родню, и они охотятся и кормятся сообща. Существуют: подходящий налог, созданный для того, чтобы ликвидировать средний класс; школьная система, больше озабоченная политически корректным поведением, чем образованием; подконтрольные СМИ, искажающие новости; контролируемые политические партии, которые создают иллюзию участия в нашей политической судьбе; и ООН, быстро поглощающая наш военный и экономический суверенитет. Мы не можем убить одно Порождение, оставив других. Мы должны искоренить всю породу.

Эта порода имеет название – *коллективизм*. Коллективизм – это такая концепция, когда группе придаётся большая значимость, чем индивиду, что государство и подтверждает в каждом своём акте, провозглашая преимущества этого акта для большинства. Это базис, на котором построена ФРС и которым обосновывается любая другая атака на нашу свободу. Коллективизм – враг свободы, и мы должны проявить инициативу в крестовом походе против него. Не сделать этого – значит, капитулировать без борьбы.

Первый шаг – информировать мир. Американцы позволили под собственным носом лишиться свою страну прав, потому что не понимали, что происходит. Это вовсе не только американский феномен. Такое же похищение, с малыми вариациями, произошло во всех развитых странах мира. Нет надежды на будущее, пока сохраняются такие условия. Следовательно, отправной точкой для любого реалистичного плана выживания – *и движения дальше* – должно стать пробуждение Америки и мира.

К сожалению, этого недостаточно. Образование важно, но ситуация не изменится, если мы знаем, но ничего не делаем с этим знанием. Считается, что знание – сила, но это один из самых больших мифов всех времён. Люди с большими знаниями легко превращаются в рабов, если они ничего не делают, чтобы защитить свою свободу. Знание само по себе не есть сила, но у него есть *потенциал* стать силой, если им руководствоваться как ориентиром в своей деятельности. Тирания всегда одолеет справедливость, если только народ не захочет двигаться вперёд и не будет готов отдать жизнь в борьбе. Будущее принадлежит не идеям, а народу, который действует во имя этих идей.

ЧТО ПОТРЕБУЕТСЯ ДЛЯ ПОБЕДЫ

Одолеть глобальные силы коллективизма – серьёзная цель, и нам должно быть совершенно ясно, что для этого потребуются. Ниже представлены реальные меры:

1. Кто-то один много не сделает. Нам понадобится помощь, и она должна быть международного масштаба. Национальные усилия будут по-прежнему важны, но коллективизм укоренился на глобальном уровне, и теперь весь мир – наше поле борьбы.
2. Нам нужны армии преданных мужчин и женщин, готовых посвятить большую часть своей жизни этой миссии. Потребуется намного больше, чем просто поддерживать политические партии, или подписываться на периодику, или отправлять письма политикам. Время диванного патриотизма кончилось.
3. Нам нужна всесторонняя обучающая программа, которая продемонстрировала бы тактические приёмы, используемые агентами коллективизма и показывающая, как мы можем этично противостоять им.
4. Нам нужны такие же механизмы поддержки, которые наши противники давно используют, это – координация, стратегия, тренинг, коммуникации. Любой план без этих элементов обречён на неудачу.
5. Нам нужна организационная структура, которую не смогут нарушить наши оппоненты. Она должна быть не в виде пирамиды с полным контролем сверху, а в виде голограммы, когда каждая самая малая единица может создать с нуля полноценное движение.
6. Нам нужно надёжное финансирование для обеспечения организационной деятельности.
7. Нам нужна чёткая формулировка позитивных принципов. Недостаточно знать, против чего мы выступаем. Мы должны также знать, за что мы боремся.

8. Нам нужна стратегия не для лидеров, составляющих петиции, а для становления лидеров в соответствующих странах.
9. Нам нужно проявить историческую дальновидность, понимая, что наша миссия может не завершиться при нашей жизни, что те силы, которые мы привели в движение, не должны ограничиваться нами, они должны набрать массовость в будущем¹.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы, наконец, подошли к концу этой книги. Это не учебник по банковской теории. Это – детектив «Кто это сделал?», и теперь вы знаете ответ. Мы осветили огромный период времени и далеко отходили от нашей главной темы. Это было необходимо – без широкого взгляда на проблему аргументы против ФРС были бы слабыми. Мы упустили бы факторы войны, революции, депрессии и мошенничества. Без этого долгого путешествия мы ограничились бы бесплодными прениями по вопросам ставок, дисконтной политики и процентов резервирования. Не там спрятан труп.

Ранее мы указали семь причин для ликвидации ФРС. Мы повторим их:

- Система не способна выполнить ею самой поставленные цели.
- Система является картелем, действующим против общественных интересов.
- Система – высококлассный инструмент ростовщичества.
- Система порождает наш самый несправедливый налог.
- Система стимулирует войны.
- Система дестабилизирует экономику.
- Система – орудие тоталитаризма.

Целью этой книги было продемонстрировать обоснованность этих утверждений.

План исправления ситуации представлен в конце книги и включает 16 этапов, каждый из которых основан на уроках истории. Эти уроки получили трактовки, связанные только со взглядами самого автора. Надо признать: гарантии, что план заработает, нет. Но это – *план*. Лучше провал в попытке что-то сделать, чем ничего не делать. Как люди на тонущем корабле, мы должны отважиться и прыгнуть в воду. Мы не можем стоять на месте.

¹ Все эти атрибуты оказались в организации под названием *Freedom Force International*. Дополнительная информация находится в конце этой главы.

Конечно, есть слабые места в этих предложениях, это всего лишь прототип требуемого механизма. Кто-то наверняка обнаружит в нем отсутствие какого-нибудь сцепления или неподключенный рычаг управления. Нужна дополнительная работа специалистов во многих самых разных областях. Но и после этого работа не будет завершена, так как её в итоге надо будет передать тем, кто владеет мастерством формулирования законов. У них будет двойственная задача. Во-первых, они должны сделать закон приемлемым в реальном мире политики. Во-вторых, они должны предотвратить лазейки и искажения, которые могут совершенно извратить план.

Но ничто из этих факторов не заставит нас отступить от запуска процесса. Мы можем не иметь ответы на все технические вопросы, но у нас, конечно, *есть* ответ на главный вопрос. Мы *знаем*, что ФРС должна быть ликвидирована. Поэтому давайте начинать.

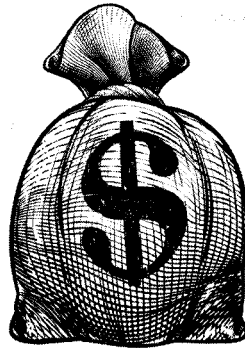
Чудище выросло огромным и могучим с того времени, как его задумывали на острове Джекилл. Оно теперь шагает по всем континентам и принуждает массы служить ему, кормить его, повиноваться ему, почитать его. Если его не убить, оно станет нашим вечным хозяином и повелителем.

Его можно убить? Да, можно.

Как его убить? Пронзив его стрелами правды.

Кто это сделает? Тысячи решительных и мужественных борцов.

Борьба уже началась.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОТ ДЖ. ЭДВАРДА ГРИФФИНА

С о времени первого издания этой книги становится все более очевидным, что предстоит сделать намного больше, чем только ликвидировать ФРС. Хотя это была бы величайшая победа в борьбе за экономическую и личную свободу, к несчастью, Чудище имеет родню. Существует много других фронтов и проблем, требующих также нашего внимания. Поэтому я запустил проект энергичных действий, основанный, главным образом, на идеалах, отстаиваемых в этой книге. Он называется Интернационал Свободных Сил, и его миссия — не меньше, чем изменение мира.

Если вы намерены сделать больше, чем просто принять к сведению эту информацию, я призываю вас посетить веб-сайт Свободных Сил и изучить его цели, стратегию и принципы. Тот факт, что вы проделали весь путь до конца этой большой книги, означает, что вы, вероятно, тот тип человека, который захочет стать частью этого движения. Если вы действительно хотите изменить мир и готовы отдать часть своей жизни этой цели, я буду счастлив принять вас в члены Интернационала Свободных Сил.

Дополнительная информация на веб-сайте:
www.freedom-force.org

Если вас интересуют подобные книги, аудио- и видеопрограммы по проблемам свободы, зайдите на веб-сайт издателя этой книги: www.realityzone.com

ПРИЛОЖЕНИЕ

(А) СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ РЕЗЕРВНОЙ СИСТЕМЫ

*Т*ри главных компонента составляют ФРС: (1) Национальный совет управляющих, (2) региональные резервные банки и (3) Комитет по операциям на открытом рынке. Менее значимые компоненты: (4) коммерческие банки, работающие с ценными бумагами, и (5) консультативные советы.

Функция Национального совета управляющих состоит в определении монетарной политики системы. В Совет входят семь членов, которых назначает президент и утверждает Сенат. Срок их полномочий – 14 лет и устанавливается так, чтобы он не совпадал с президентским сроком. Это делается для того, чтобы ни один президент не мог определять политику ФРС, формируя Совет своим назначением управляющих. Один член Совета назначается председателем на четыре года и так же на четыре года назначается заместитель председателя. Председатель управляет персоналом и является самым влиятельным лицом в Системе.

Контроль осуществляется Советом и группой высших служащих. Закон о ФРС требует, чтобы президент, выбирая управляющих, «оказывал бы надлежащее внимание тому, чтобы были достойно представлены финансовые, сельскохозяйственные, промышленные и коммерческие интересы и географическое разделение страны». Это требование теперь почти полностью игнорируется, и люди приходят, главным образом, из банковских и финансовых сфер.

В функции региональных резервных банков входят владение наличными резервами Системы, предоставление валюты банкам-членам, клиринг чеков и выполнение функции фискальных агентов для правительства. 12 региональных резервных банков расположены в Атланте, Бостоне, Чикаго, Кливленде, Далласе, Канзас-Сити, Миннеаполисе, Нью-Йорке, Филадельфии, Ричмонде, Сан-Франциско и Сент-Луисе. Они являются корпорациями, акции которых принадлежат коммерческим банкам, также членам Системы. Банки-члены выбирают директоров региональных резервных банков, в которые они входят. Более крупные банки владеют большим количеством акций, но они имеют только один голос при выборе директоров.

В каждой региональной банковской системе девять директоров. Банки-члены выбирают трёх директоров класса А, которые представляют банковскую

сферу, и трёх директоров класса В, представляющих население. Остальные три места директоров класса С назначаются Национальным советом. Председатель и заместитель председателя каждого регионального резервного банка должны быть директорами класса С. На выбор президента и других чиновников может наложить вето Национальный совет управляющих. Таким образом, Национальный совет может осуществлять контроль над региональными отделениями Системы.

Функция Комитета по операциям на открытом рынке состоит в выполнении монетарной политики, устанавливаемой Национальным советом, хотя он имеет значительную автономию в формировании своей собственной политики. Комитет манипулирует объёмом денежной массы и процентными ставками, главным образом, покупая или продавая государственные ценные бумаги, а также покупая или продавая иностранные валюты и ценные бумаги других государств. Деньги создаются, и процентные ставки снижаются при покупке. Деньги исчезают, и процентные ставки взлетают при продажах. Политика формулируется ежедневно. В действительности ситуация мониторится поминутно, и Комитет часто вмешивается в рынок, чтобы произвести немедленные изменения.

Комитет по операциям на открытом рынке составляют Национальный совет управляющих и пять из 12 региональных президентов, работающих на ротационной основе. Исключение сделано для президента регионального банка Нью-Йорка, который работает в Комитете постоянно. Таким образом, опять же Система находится под жёстким контролем Национального совета вместе с президентом Нью-Йоркского регионального банка, который оказывается более влиятельным, чем все другие.

24 дилера по облигациям осуществляют все операции по продажам государственных ценных бумаг. Государственные органы не могут совершать сделки между собой без этих дилеров, которые зарабатывают комиссионные с каждой транзакции. Решения принимаются на тайных встречах. Изменение процентной ставки объявляется сразу же после принятия решения, а протокол выпускается три недели спустя. Стенограммы дискуссий уничтожаются. Такая политика началась в 1970 году, когда был принят закон о свободе информации.

Функция членских банков состоит в проведении банковского бизнеса в стране и выполнении монетарной политики Системы путём ввода денег в Систему или вывода их при взаимодействии с индивидуальными или корпоративными заёмщиками.

Это приводит к сложной проблеме собственности. Федеральное правительство не владеет какими-либо акциями в Системе. В этом смысле ФРС — частная собственность. Это, однако, заблуждение, поскольку при типичных частнособственнических отношениях предполагается, что акционеры и владеют, и контролируют. Ничего нет дальше от правды. Здесь акции не име-

ют собственнического интереса, не могут быть проданы или предоставлены в виде залога и не имеют обычного голосующего права. У каждого банка есть только один голос, независимо от количества акционеров. Фактически акция не является свидетельством «собственности», это всего лишь сертификат, показывающий, сколько оперативного капитала каждый банк внёс в Систему. Система – и не государственный орган, и не частная корпорация в обычном смысле слова. Она является объектом политического контроля, тем не менее по причине её огромной власти над политиками и избирательным процессом она сумела остаться независимой от политического надзора. Проще говоря, ФРС – это картель, и её организационная структура сформирована именно таким образом, чтобы служить этой цели.

(Б) ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ

ЗАКОН ПРИРОДЫ № 1

УРОК: Если золото (или серебро) используется в качестве денег и если действие сил спроса и предложения не нарушается вмешательством правительства, количество нового металла, добавленного к денежной массе, всегда будет строго пропорционально увеличению услуг и товаров, которые могут быть куплены на них. Долговременная стабильность цен – это надёжный результат действия сил спроса и предложения. Этот процесс – автоматический и объективный. Любая попытка политиков вмешаться нарушит достоинства процесса навсегда. Поэтому,

ЗАКОН: Долговременная ценовая стабильность возможна, только если объем денежной массы базируется на объёме золота (или серебра), без вмешательства государства.

ЗАКОН ПРИРОДЫ № 2

УРОК: Всякий раз, когда правительство приступает к манипулированию денежной массой, несмотря на мудрость или добрые намерения тех, кто хочет управлять процессом, результатом будет инфляция, экономический хаос и политические потрясения. И наоборот, если правительство ограничивается в своей монетарной политике всего лишь контролем чистоты мер и веса драгоценных металлов, результатом будут ценовая стабильность, экономическое процветание и политическое спокойствие. Поэтому,

ЗАКОН: Чтобы страна наслаждалась экономическим процветанием и политическим спокойствием, монетарная власть её политиков должна ограничиваться контролем честных мер и весов драгоценных металлов.

ЗАКОН ПРИРОДЫ № 3

УРОК: Фиатные деньги – это бумажные деньги без обеспечения драгоценными металлами, которые народ по закону обязан принимать. Такие деньги

позволяют политикам увеличивать расходы без увеличения налогов. Фиатные деньги – причина инфляции, и сколько народ потерял в покупательной способности, именно столько у него отобрали и передали государству. Следовательно, инфляция – это скрытый налог. Этот налог – самый несправедливый из всех, потому что он обрушивается своей тяжестью на тех, кто меньше всего способен платить: работников с малой зарплатой и с фиксированным доходом. Он наносит удар и по преуспевающим гражданам, обесценивая их сбережения. Он вызывает возмущение народа, что всегда ведёт к политическим беспорядкам и национальной разобщённости. Поэтому,

ЗАКОН: Страна, прибегающая к использованию фиатных денег, обрекает себя на экономические проблемы и политический раскол.

ЗАКОН ПРИРОДЫ № 4

УРОК: Фракционные деньги – это бумажные деньги, которые обеспечены драгоценными металлами только частично от номинальной суммы. Это – гибрид, одна часть которого – из денежных поступлений, а другая – фиатные деньги. Вообще-то люди не подозревают об этом факте и верят, что фракционные деньги можно в любое время обменять в полном объёме. Когда правда раскрывается, что периодически случается, начинается «набег» на банк, и только первые несколько вкладчиков из общей очереди получают деньги. Поскольку фракционные деньги приносят банкирам такой же процентный доход, как и золото или серебро, у них появляется соблазн создавать как можно больше таких денег. В этом случае обеспеченная доля становится все меньше и меньше, пока в итоге не сократится до нуля. Поэтому,

ЗАКОН: Фракционные деньги всегда деградируют до фиатных. Это всего лишь фиатные деньги в переходный период.

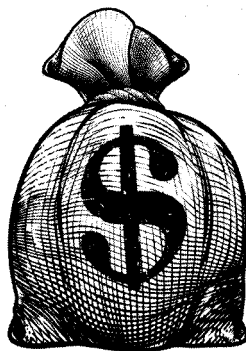
ЗАКОН ПРИРОДЫ № 5

УРОК: Это в природе людей – ставить личные интересы выше всех других. Даже лучшие из людей не могут долго противиться соблазну что-то выиграть за счёт своего соседа, раз представился такой случай. Это тем более верно, если способ, с помощью которого они выигрывают, не очевиден и не представляется обманом. Могут быть исключительные люди, которые будут противостоять такому соблазну, но их число незначительно. В долгосрочной перспективе возобладает общее правило.

Регулируемая экономика – как раз для таких людей, умеющих использовать удобный случай. Властные полномочия создавать и изымать деньги

страны дают неограниченную возможность для извлечения личной выгоды. На протяжении всей истории предоставление такой власти обосновывалось необходимостью защиты народа, но результат всегда оказывался обратным. Такое право использовалось против народа и для личного обогащения тех, кто контролировал процесс. Поэтому,

ЗАКОН: Когда людей наделяют полномочиями управлять денежной массой, они, в конце концов, используют эти полномочия, чтобы ограбить своих ближних.

(В) ДЕНЕЖНАЯ МАССА М1 – СУБТРАКТИВНАЯ ИЛИ КУМУЛЯТИВНАЯ?

Ниже приводится копия письма автора Майку Даброу в Департамент общественной информации ФРС. В телефонном разговоре 14 февраля 1994 года г-н Даброу сказал, что предположение, высказанное в письме, было бы правильно, если бы не было того факта, что Система находится под контролем центрального банка. Федеральный резерв, сказал он, не допустил бы, чтобы это случилось, поскольку это вызвало бы инфляцию. ФРС сокращает денежную массу, чтобы нивелировать эффект от увеличения денежной массы при смещении денег от М1 к М2 и назад к М1. Другими словами, предположение верно, но ФРС имеет полномочия корректировать денежную массу, если считает нужным. Суть в том, что масса М1 – *кумулятивная*. В таком качестве М1 – самая эффективная мера денежной массы.

Дж. Эдвард Гриффин
Ящик 4646, Вестлейк Вилладж СА 91359

19 января 1994

Майк Даброу
Факс № (202) 452-2707
Федеральная резервная система
Вашингтон, ДС

Дорогой мистер Даброу,

Как я уже говорил во время нашего телефонного разговора этим утром, я готовлю статью о Федеральной резервной системе, в которой рассматриваются интересные вопросы. Интересные и столь фундаментальные, что почти каждый, с кем я их обсуждал, *думал*, что знает ответы, но после проведенного анализа осознал, что уже не столь уверен в своих суждениях.

М1 ВЫЧИТАЕТ ИЛИ НАКАПЛИВАЕТ?

По моему мнению, существуют три опциональных вида денежной массы:

М1 = валюта + краткосрочные депозиты

М2 = М1 + краткосрочные срочные вклады

М3 = М2 + институциональные долгосрочные депозиты

Очевидно, что, когда деньги выплачиваются с текущего счета и зачисляются на сберегательный, это увеличивает M2, но вопрос в том, остаются ли они частью M1 или вычитаются из него? Герберт Майо в своей книге «Инвестиции» (Чикаго, «Dryden Press», 1983) утверждает: «Если люди переводят средства со сберегательных счетов на текущие, денежная масса увеличивается в соответствии с узким определением (M-1), но не затрагивается согласно более широкому определению (M-2)». Это означает, что, когда деньги переводятся с текущего счета на сберегательный, они вычитаются из M1. В противном случае M1 не увеличивался бы, когда средства снова переходят от сбережений к текущим счетам. Во время телефонного разговора Вы подтвердили, что его рассуждения верны.

Как так получилось? Деньги, переведённые с текущих на сберегательные счета или в другие виды вложений, не исчезают из банковского хранилища. Они тратятся на инвестиционные проекты. Они переходят продавцу, подрядчику или наёмному сотруднику и вновь появляются на их текущих счетах, где снова становятся частью M1, поэтому кажется, что они вообще не выходят из M1. Просто повышают M2.

У меня есть гипотеза насчёт возможного объяснения. Она заключается в том, что в действительности деньги *исчезают* в хранилище или по крайней мере в бухгалтерской книге *ненадолго*. Речь идёт о времени между их внесением на сберегательный счёт и последующим переводом на текущие счета заёмщиков. Период может быть коротким, скорее всего, в среднем около тридцати дней, но его все же стоит учитывать при подсчёте денежной массы. Поэтому M1 уменьшается, когда деньги переводятся с текущих счетов в сбережения, но это только временный эффект. M1 снова вырастет, как только деньги, оказавшиеся в M2, будут перенаправлены заёмщикам. Как Вам такое объяснение?

Благодарю за помощь в этом сложном вопросе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Adams, Charles. *Fight, flight, Fraud: The Story of Taxation*. Curacao, The Netherlands: Euro-Dutch Publishers, 1982.
- Aldrich, Nelson W. Letters to John A. Sleicher, July 16, 1913; to William Howard Taft, Oct. 3, 1913. Nelson Aldrich Papers. Library of Congress.
- Angell, Norman. *The Story of Money*. New York: Frederick A. Stokes Co., 1929.
- Attali, Jacques. Translated by Barbara Ellis. *A Man of Influence: Sir Sieghund Warburg, 1902-82*. London: Weidenfeld, & Nicolson, 1986.
- Atwood, Harry. *The Constitution Explained*. Merrimac, Massachusetts: Destiny Publishers, 1927; 2nd ed. 1962
- Ballard, Robert. "Riddle of the Lusitania." *National Geographic*. April, 1994, p. 68.
- Balsiger, David, and Charles E. Sellier. *The Lincoln Conspiracy*. Los Angeles: Schick Sunn Classic Books, 1977.
- Bancroft, George. *A Plea for the Constitution*. New York: Harpers, 1886; rpt. Sewanee, Tennessee: Spencer Judd Publishers, 1982.
- Barnes, Harry Elmer. *In Quest of Truth and Justice: De-Bunking the War Guilt Myth*. Chicago: National Historical Society, 1928. Rpt. New York: Arno Press, 1972.
- Barron, Clarence W. *They Told Barron; Notes of Clarence Walker Barron*. Edited by Arthur Pound and Samuel Taylor Moore. New York: Harper and Brothers, 1930.
- Basso, Louis. *A Treatise on Monetary Reform*. St. Louis, Missouri: Monetary Realist Society, 1982.
- Bentley, Elizabeth. *Out of Bondage*. New York: Devin-Adair, 1951.
- Beard, Charles. *The Rise of American Civilization*. New York: Macmillan, 1930. Vol. I.
- Bell, Garrett de, ed. *The Environmental Handbook*. New York: Ballantine/Friends of the Earth, 1970.
- Biddle, Nicholas. *Correspondence, 1807-1844*. Reginald C. McGrane, ed. New York: Houghton Mifflin, 1919.
- Birmingham, Stephen. *"Our Crowd": The Great Jewish Families of New York*. New York: Harper & Row, 1986.
- Bogart, Ernest Ludlow. *Economic History of the American People*. New York: Longmans, Green & Co., 1930.
- Bolles, Albert S. *The Financial History of the United States*, 4th ed. New York: D. Appleton, 1896. Vol. I.

- Bovard, James. *The World Bank vs. The World's Poor*. Cato Policy Analysis. Washington, D.C.: Cato Institute, 1987.
- Bowers, Claude G. *The Tragic Era: The Revolution after Lincoln*. New York: Houghton Mifflin, 1957.
- Bryan, William Jennings and Mary Baird. *The Memoirs of William Jennings Bryan*. New York: Kennikat Press, 1925.
- Brzezinski, Zbigniew. *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1970.
- Budenz, Louis F. *The Techniques of Communism*. Chicago: Henry Regnery, 1954.
- Burnham, James. *The Web of Subversion: Underground Networks in the US Government*. New York: The John Day Co., 1954.
- Cappon, Lester J., ed. *The Adams-Jefferson Letters*. New York: Simon and Schuster, 1971.
- Carnegie, Andrew. *Triumphant Democracy*. New York: Charles Scribner's Sons, 1893.
- Catterall, Ralph C.H. *The Second Bank of the United States*. Chicago: University of Chicago Press, 1902.
- Catton, Bruce, author. Richard M. Ketchum, ed. *The American Heritage Picture History of the Civil War*. New York: American Heritage Publishing Co., 1960.
- Chambers, Whittaker. *Witness*. New York: Random House, 1952.
- Chandler, Lester V. *Benjamin Strong, Central Banker*. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1958; rpt. New York: Arno Press, 1978.
- Chernow, Ron. *The House of Morgan: An American Banking Dynasty and the Rise of Modern Finance*. New York: Atlantic Monthly Press, 1990.
- Churchill, Winston. *The World Crisis*. New York: Scribner's Sons, 1949.
- Clark, Kenneth. *Ruskin Today*. New York: Holt, Reinhart & Winston, 1964.
- Commager, Henry S., ed. *Documents of American History*. New York: F.S. Cofts & Co., 1940.
- Cooper, Richard N. "A Monetary System for the Future." *Foreign Affairs*. Fall, 1984.
- Crane, Philip M. *Surrender in Panama*. Ottawa, Illinois: Caroline House Books, 1978.
- Crozier, Michael; Huntington, Samuael P.; and Watanuki, Joji. *The Crisis of Democracy*. New York: New York University Press, 1975.
- Davidson, James Dale, and Rees-Mogg, Lord William. *The Great Reckoning*. New York: Summit Books, 1991.
- Dall, Curtis B. *FDR: My Exploited Father-In-Law*. Tulsa, Oklahoma: Christian Crusade Publications, 1967.
- Diggins, John P. *Mussolini and Fascism: The View from America*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1972.

- Disraeli, Benjamin. *Coningsby*. New York & London: Alfred A. Knopf, 1844.
- Dobbs, Zygmund. *The Great Deceit: Social Pseudo-Sciences*. West Sayville, New York: Veritas Foundation, 1964.
- Donavan, Robert J. *The Assassins*. New York: Harper & Brothers, 1952.
- Eisenschiml, Otto. *The Hidden Face of the Civil War*. New York: Bobbs-Merril, 1961.
- . *Why Was Lincoln Murdered?* Boston: Little, Brown and Company, 1937.
- Ewert, Ken S. "The International Monetary Fund." *The Freeman*. April, 1989.
- Federal Reserve Bank of Chicago. *Modern Money Mechanics*. Revised October 1982.
- Federal Reserve Bank of St. Louis. "Money, Credit and Velocity." *Review*. May, 1982, Vol. 64, No. 5, p. 25.
- Federal Reserve Bulletin*. October, 1988.
- Fehrenbacher, Don E., ed. *Abraham Lincoln: Speeches and Writings, 1859-1865*. New York: Library of America, 1989.
- Ferrell, Robert H. *Woodrow Wilson and World War I*. New York: Harper & Row, 1985.
- Figgie, Jr., Harry. *Bankruptcy 1995: The Coming Collapse of America and How to Stop It*. Boston: Little, Brown and Company, 1992.
- Finder, Joseph. *Red Carpet*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1983.
- Fisher, Irving. *100% Money*. New York: Adelphi, 1936.
- Forbes, John Douglas. *J.P. Morgan, Jr.* Charlottesville: University Press of Virginia, 1981.
- Forrester, Izola. *This One Mad Act*. Boston: Hale, Cushman & Flint, 1937.
- Galbraith, John Kenneth. *Money: Whence It Came, Where It Went*. Boston: Houghton Mifflin, 1975.
- Gardner, Richard. "The Hard Road to World Order." *Foreign Affairs*, April, 1974.
- Glass, Carter. *Adventures in Constructive Finance*. New York: Doubleday, 1927; rpt. New York: Arno Press, 1975.
- Gouge, William M. *A Short History of Paper Money and Banking in the United States*. Philadelphia: T.W. Ustick, 1833; rpt. New York: Augustus M. Kelly, 1968.
- Gouleitch, Arsene de. *Czarism and Revolution*. Hawthorne, California: Omni Publications, n.d., rpt. from 1962 French edition.
- Gyohten, Toyoo, and Morrison, Charles E. *Regionalism in A Converging World*. New York: Trilateral Commission, 1992.
- Green, Timothy. *The New World of Cold*. New York: Walker & Co., 1981.
- Greenspan, Alan. "Gold and Economic Freedom." In *Capitalism: The Unknown Ideal*. Ed. Ayn Rand. New York: Signet Books, 1967.

- Greider, William. *Secrets of the Temple*. New York: Simon and Schuster, 1987.
- Groseclose, Elgin. *America's Money Machine: The Story of the Federal Reserve*. Westport, Connecticut: Arlington House, 1966.
- . *Money and Man: A survey of Monetary Experience*, 4th ed. Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1976.
- Hacker, Louis M. *American Capitalism*. New York: Anvil, 1957.
- Hagedorn, Hermann. *The Magnate: William Boyce Thompson and His Time*. New York: Reynal & Hitchcock, 1935.
- Hancock, Graham. *Lords of Poverty*. New York: Atlantic Monthly Press, 1989.
- Hargrave, John. *Montagu Norman*. New York: Greystone Press, 1942.
- Hersh, Burton. *The Mellon Family: A Fortune in History*. New York: William Morrow and Co., 1978.
- Hoffman, William. *David: A Report on a Rockefeller*. New York: Lyle Stewart, Inc., 1971.
- Horan, James D. *Confederate Agent: A Discovery in History*. New York: Crown, 1954.
- Jackson, Stanley. *J.P. Morgan*. New York: Stein and Day, 1983.
- Jasper, William F. *Global Tyranny*. Appleton, Wisconsin: Western Islands, 1992.
- Jastram, Roy W. *The Golden Constant*. New York: Wiley, 1977.
- Jefferson, Thomas. *The Basic Writings of Thomas Jefferson*. New York: Willey Book Company, 1944.
- . *The Writings of Thomas Jefferson*. New York: G.P. Putnam's Sons, 1894. Vols. 4,
- . *The Writings of Thomas Jefferson*. Library Edition. Washington: Jefferson Memorial Association, 1903. Vols. XIII, XIV.
- Jensen, Merrill. *The New Nation*. New York: Vintage Books, 1950.
- Josephson, Matthew. *The Robber Barons: The Great American Capitalists, 1861-1901*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1934.
- Jud, G. Donald and Woelfel, Charles J. *The Desktop Encyclopedia of Banking*. Chicago: Probus Publishing Co., 1988.
- Kellock, Harold. "Warburg, the Revolutionist." *The Century Magazine*. May 1915, p. 79.
- Kenan, H.S. *The Federal Reserve Bank*. Los Angeles: Noontide Press, 1966.
- Kennan, George F. *The Decision to Intervene: Soviet-American Relations, 1917-1920*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1958.
- . *Russia Leaves the War: Soviet-American Relations, 1917-1920*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1956.
- . *Russia and the West under Lenin and Stalin*. Boston: Little, Brown and Company, 1961.

- Kenworthy, Joseph M., and George Young. *The Freedom of the Seas*. New York: Ayer Company, 1929.
- Keynes, John Maynard. *The Collected Writings of*, Vol V. 1930 rpt. New York: Macmillan 1971.
- . *A Tract on Monetary Reform*. London: MacMillan and Co., 1923.
- Kitchel, Denison. *The Truth About the Panama Canal*. New Rochelle, New York: Arlington House, 1978.
- Kolko, Gabriel. *Main Currents in Modern American History*. New York: Harper & Row, 1976.
- . *The Triumph of Conservatism*. New York: The Free Press of Glencoe, a division of the MacMillan Co., 1963.
- Krooss, Herman E., ed. *Documentary History of Banking and Currency in the Unites States*. New York: Chelsea House, 1983. Vol. III. Also 1969 edition. Vol. III.
- Labaree, Leonard W., ed. *The Papers of Benjamin Franklin*. New Haven: Yale University Press, 1960. Vol. II. 7
- Larson, Martin A. *The Continuing Tax Rebellion*. Old Greenwich, Connecticut-Devin-Adair, 1979.
- Laughlin, J. Lawrence. *The Federal Reserve Act: Its Origin and Problems* New York Macmillan, 1933.
- Lewin, Leonard, ed. *Report from Iron Mountain on the Possibility and Desirability of Peace*. New York: Dell Publishing, 1967.
- Lewinsohn, Richard. *The Profits of War through the Ages*. New York: E.P. Dutton, 1937.
- Lindbergh, Charles A., Sr. *Banking and Currency and the Money Trust*. Washington, D.C.: National Capital Press, 1913.
- . *The Economic Pinch*. 1923 rpt. Hawthorne, California: Omni Publications, 1968.
- Lockhart, R.H. Bruce. *British Agent*. New York and London: G.P. Putnam's Sons, 1933.
- Lundberg, Ferdinand. *America's Sixty Families*. New York: Vanguard Press, 1937.
- Lyons, Eugene. *Workers' Paradise Lost*. New York: Funk & Wagnalls, 1967.
- Mackay, LL.D., Charles. *Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds*. 1841 rpt. New York: L.C. Page & Company, 1932.
- Makin, John H. *The Global Debt Crisis: America's Growing Involvement*. New York: Basic Books, 1984.
- Martin, Rose L. *Fabian Freeway: High Road to Socialism in the U.S.A*. Boston: Western Islands, 1966.
- Mayer, Martin. *The Bankers*. New York: Weybright & Talley, 1974.
- McAdoo, William G. *Crowded Years*. New York: Houghton Mifflin, 1931. Rpt. New York: Kennikat Press, 1971.

- McIlhany, William H. "No Civil War at All." *Journal of Individualist Studies*. Fall and Winter, 1992.
- McLaughlin, Andrew C. *The Confederation and the Constitution*. New York: Collier Books, 1962.
- Moody, John. *The Masters of Capital*. New Haven: Yale University Press, 1919.
- Morton, Frederic. *The Rothschilds: A Family Portrait*. New York: Atheneum, 1962.
- Mullins, Eustace. *Secrets of the Federal Reserve*. Staunton, Virginia, Bankers Research Institute, 1983.
- Myers, C.V. *Money and Energy: Weathering the Storm*. Darien, Connecticut: Soundview Books, 1980.
- Myers, Gustavus. *History of the Great American Fortunes*. New York: Random House, 1936.
- North, Douglass C. *The Economic Growth of the United States*. New York: W.W. Norton, 1966.
- Orwell, George. 1984. New York: New American Library/Signet, 1949.
- Owen, Robert L. *National Economy and the Banking System*. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1939.
- Paul, Ron, and Lewis Lehrman. *The Case for Gold*. Washington, D.C.: Cato Institute, 1982.
- Perloff, James. *Shadows of Power*. Appleton, Wisconsin: Western Islands, 1988.
- Pike, Henry R. *A History of Communism in South Africa*. Germiston, South Africa: Christian Mission International of South Africa, 1985.
- Polley, Robert L., ed. *Lincoln: His Words and His World*. Waukesha, Wisconsin: Country Beautiful Foundation, 1965.
- Poor, Henry V. *Money and Its Laws*. London: Henry S. King and Co., 1877.
- Pratt, Sereno S. *The Work of Wall Street*. New York: D. Appleton, 1916; rpt. New York: Arno Press, 1975.
- Quigley, Carroll. *The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden*. New York: Books in Focus, 1981.
- . *Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time*. New York: MacMillan, 1966.
- Ramsay, David. *History of the American Revolution*. London: Johnson and Stockdale, 1791. Vol. II.
- Rees, David. *Harry Dexter White: A Study in Paradox*. New York: Coward, McCann & Geoghegan, 1973.
- Remini, Robert V. *Andrew Jackson and the Course of American Democracy, 1833-1845*. New York: Harper & Row, 1984.
- . *Andrew Jackson and the Course of American Freedom, 1822-1832*. New York: Harper & Row, 1981.

-
- *The Life of Andrew Jackson*. New York: Harper & Row, 1988.
- Ricardo, David. *The Works and Correspondence of David Ricardo: Pamphlets 1815-1823*.
- Piero Sraffa, ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1951. Vol. IV.
- Richards, R.D. *The Early History of Banking in England*. New York: Augustus M. Kelley, 1929; rpt. 1965.
- Richardson, J.D. *A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789-1908*. Washington: Bureau of National Literature and Art, 1908. Vol. II.
- Ritter, Lawrence S., ed. *Money and Economic Activity*. Boston: Houghton Mifflin, 1967.
- Roscoe, Theodore. *The Web of Conspiracy: The Complete Story of the Men Who Murdered Abraham Lincoln*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1959.
- Rothbard, Murray N. *America's Great Depression*. Kansas City: Sheed and Ward, 1963.
- *Conceived in Liberty: The Revolutionary War, 1775-1784*. New Rochelle, New York: Arlington House, 1979. Vol. IV.
- "The Federal Reserve as A Cartelization Device." *Money in Crisis*. Barry N. Siegel, ed. New York: Ballinger, 1984, pp. 89 ff.
- *The Mystery of Banking*. New York: Richardson & Snyder, 1983.
- *What Has Government Done to Our Money?* Larkspur, Colorado: Pine Tree Press, 1964.
- Ruml, Beardsley. "Taxes for Revenue Are Obsolete." *American Affairs*. January, 1946, p. 35.
- Russell, Bertrand Arthur William. *The Impact of Science on Society*. New York: Simon and Schuster, 1953.
- Samuelson, Paul A. *Economics*, 8th ed. New York: McGraw-Hill, 1970.
- Saussy, F. Tupper. *The Miracle on Mainstreet*. Sewanee, Tennessee: Spencer Judd, 1980.
- Schrader, Del. *Jesse James Was One of His Names*. Arcadia, California: Santa Anita Press, 1975.
- Schlesinger, Jr., Arthur M. *The Age of Jackson*. New York: Mentor Books, 1945.
- Schweikart, Larry, ed. *The Encyclopedia of American History and Biography*. New York: Facts on File, 1990.
- Scott, Otto. *The Secret Six: The Fool as Martyr*. Vol. ID of *The Sacred Fool Quartet*. Columbus, South Carolina: Foundation for American Education, 1979.
- Selgin, George A. *The Theory of Free Banking: Money Supply under Competitive Note Issue*. Totowa, New Jersey: Rowman & Littlefield, 1988.

- Seligman, Edwin. *Proceedings of the Academy of Political Science*. Vol IV, No. 4. New York: 1914. pp. 3-6.
- Sennholz, Hans F. "The Great Banking Scandal." *The Freeman*. Nov., 1990, p. 404.
- . "The Great Depression." *The Freeman*. Irvington-on-Hudson. March, 1988, p. 90.
- . *Money and Freedom*. Spring Mills, Pennsylvania: Libertarian Press, 1985.
- . "Old Banking Myths." *The Freeman*. Irvington-on-Hudson, New York. May, 1989, pp. 175-76.
- Seymour, Charles. *The Intimate Papers of Colonel House*. 4 vols. New York: Houghton Mifflin Co., 1926.
- Shapiro, Leonard. *The Russian Revolutions of 1917*. New York: Basic Books, 1984.
- Shaw, Archer H., ed. *The Lincoln Encyclopedia: The Spoken and Written Words of A. Lincoln*. New York: Macmillan Co., 1950.
- Shaw, W.A. *Theory and Principles of Central Banking*. London & New York: Sir I. Pitman & Sons, Ltd., 1930.
- Siegel, Barry. *Money in Crisis: The Federal Reserve, the Economy, and Monetary Reform*. Cambridge, Massachusetts: Ballinger, 1984.
- Simpson, Colin. *The Lusitania*. Boston: Little, Brown & Co., 1972.
- Smith, Arthur. *The Real Colonel House*. New York: George H. Doran Company, 1918.
- Smith, Vera C. *The Rationale of Central Banking*. London: P.S. King & Son, 1936.
- Smyth, Albert Henry, ed. *The Writings of Benjamin Franklin*. New York: Macmillan, 1906. Vol. VII.
- Sprague, Irvine H. *Bailout: An Insider's Account of Bank Failures and Rescues*. New York: Basic Books, 1986.
- Steffens, Lincoln. *The Letters of Lincoln Steffens*. New York: Harcourt, Brace, 1941.
- Stephenson, Nathaniel Wright. *Nelson W. Aldrich in American Politics*. New York: Scribners, 1930; rpt. New York: Kermikat Press, 1971.
- Sumner, William Graham. *A History of American Currency*. New York: Holt, 1884.
- Sutton, Anthony C. *The Best Enemy Money Can Buy*. Billings, Montana: Liberty House Press, 1986.
- . *National Suicide: Military Aid to the Soviet Union*. New Rochelle. New York: Arlington House, 1973.
- . *Wall Street and the Bolshevik Revolution*. New Rochelle, New York: Arlington House, 1974.
- . *Wall Street and FDR*. New Rochelle, New York: Arlington House, 1975.
- . *Wall Street and the Rise of Hitler*. Seal Beach, California: '76 Press, 1976.
- . *The War on Gold*. Seal Beach, California: '76 Press, 1977.
- Tocqueville, Alexis de. *Democracy in America*, Vol. II. New York: Alfred Knopf, 1945.

- Trotsky, Leon. *My Life*. New York: Scribner's, 1930.
- Turner, Dennis. *When Your Bank Fails*. Princeton, New Jersey: Amwell Publishing, Inc., 1983.
- United Nations. *1985 Report on the World Social Situation*. New York; United Nations, 1985. Publication E/CN.5/1985/Rev. I, p. 14.
- Vanderlip, Frank A. "From Farm Boy to Financier: Stories of Railroad Moguls." *The Saturday Evening Post*. Feb. 9, 1935, p. 24.
- . *From Farm Boy to Financier*. New York: D. Appleton-Century Company, 1935.
- Vieira, Jr., Edwin. *Pieces of Eight: The Monetary Powers and Disabilities of the United States Constitution*. New Jersey: Sound Dollar Committee, 1983.
- Viereck, George Sylvester. *The Strangest Friendship in History: Woodrow Wilson and Colotiel House*. New York: Liveright Publishers, 1932.
- Viola, Herman J. *Andrew Jackson*. New York: Chelsea House, 1986.
- Warburg, James. *The Long Road Home*. New York: Doubleday, 1964.
- Warburg, Paul. *The Federal Reserve System: Its Origin and Growth*. New York: Macmillan, 1930. Vol. I.
- Watt, James G. *The Courage of A Conservative*. New York: Simon and Schuster, 1985.
- Weinstein, Allen. *Perjury: The Hiss-Chambers Case*. New York: Vintage Books, 1978.
- Weiss, Roger W. "The Colonial Monetary Standard of Massachusetts." *Economic History Review*, No. 27, November, 1974, p. 589.
- Welles, Chris. *The Last Days of the Club*. New York: E.P. Dutton, 1975.
- Wheeler, George. *Pierpont Morgan and Friends: The Anatomy of a Myth*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1973.
- "Why Did We Let Trotsky Go? How Canada Lost an Opportunity to Shorten the War." *MacLeans* magazine. Canada, June, 1919.
- Willis, H. Parker. "The Failure of the Federal Reserve." *The North American Review*. May, 1929, pp. 547-56.
- . Letters f r om Henry Parker Willis to J. Laurence Laughlin. July 14, 18, 1912. J. Laurence Laughlin Papers, Library of Congress, July 14 & 18, 1912.
- Wilson, Derek. *Rothschild: The Wealth and Power of A Dynasty*. New York: Charles Scribner's Sons, 1988.
- Wilson, R. McNair. *Monarchy or Money Power*. London: Eyre and Spottiswoode, Ltd.,
- Wrangell-Rokassowsky, Carl. *Before the Storm*. Ventimiglia, Italy: Tipo-Litografia Ligure, 1972.
- Yago, Glenn. *junk Bonds: How High Yield Securities Restructured Corporate America*. New York: Oxford University Press, 1991.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Отпечатано при участии издательства «PER ASPERA»
Корректор Клара Вениаминова, верстка Всеволод Иванов,
редактор Дмитрий Новиков, художник Виктор Рыбаков.

Объем 44,46 п.л. Формат 70 x 90 1/16. Сдано в набор 20.08.2018.
Подписано в печать 23.06.2019. Тираж 200 экз. Заказ № 3321.

